

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ
по
АРХЕОЛОГИИ СССР

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н.Я.МАРРА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПО

АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 11

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ**

ТОМ I

Под редакцией
Н. Н. ВОРОНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологическое исследование древнерусского города — одна из новых плодотворно развивающихся отраслей советской археологии. К этой теме подходили некоторые представители дореволюционной науки. Д. В. Милеев и П. П. Покрышкин обратились к раскопкам в Киеве, В. В. Хвойко вел раскопки Белгорода-Киевского, Н. И. Репников начал археологические исследования в Старой Ладоге. Этот почин показал, какое богатство новых фактов для истории русской культуры обещает принести продолжение подобных работ, ярко освещающих различные стороны жизни древнерусского города. Однако эта новая отрасль археологических изысканий не приобрела систематического планомерного характера и значительного развития.

После Великой Октябрьской социалистической революции, вместе с быстрым развитием археологической науки и ее коренной перестройкой на основах марксистско-ленинской методологии, интерес к археологии русского города необычайно возрос. Раскопки и разведки в важнейших городских центрах древней Руси стали постоянной составной частью экспедиционных планов многих археологических учреждений страны и крупных музеев. Раскопки велись в Киеве, Чернигове, Вщиже, Переяславле-Русском, Вышгороде, Новгороде, Старой Ладоге, Старой Руссе, Пскове, Суздале, Ростове, Владимире, Боголюбове, Переяславле-Залесском, Ярославле, Дмитрове, Старой Рязани, Муроме, Звенигороде, Верее, наконец в самой Москве. Важнейшие города — Киев, Новгород, Старая Ладога, Псков, Старая Рязань стали объектом ежегодных и планомерных стационарных раскопок большого масштаба.

Полученные обильные материалы позволили уже сейчас осуществить ряд обобщающих трудов, как, например, «История культуры древней Руси» т. I и монография Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси». Сам же разнообразный материал городских раскопок нашел лишь частичное отражение в нашей печати, часто в виде коротких информации или

статей обзорного характера. Огромная же масса полученного материала никак не была введена в широкое научное обращение. Настоящий I том серии «Древнерусские города» кладет начало систематической публикации как археологических отчетов, так и отдельных исследований по различным сторонам истории материальной культуры древнерусского города от его ремесел до монументальной архитектуры.

Нужно, однако, подчеркнуть своеобразие данной отрасли археологического знания. Объекты наших исследований — города чрезвычайно велики и никогда не раскапываются полностью. Даже самые крупные по вложениям средств и размаху исследования по отношению к городу в целом являются фактически его разведкой, дают картину жизни на каком-то крайне ограниченном участке, почти незаметном на общем плане города. Еще более это относится к рядовым раскопкам городов, проводимым с сравнительно незначительными средствами в один или два полевых сезона; эти работы хотя и носят имя раскопок, являются по существу разведками, давая самую общую и далеко неполную картину стратиграфии древнейших культурных отложений, иногда проливая первый луч света на вопрос о времени возникновения поселения или на частные темы городской культуры. Все это отличает исследования русского города от исследований памятников ранних стадий исторического развития. Раскопки этих последних уже сейчас дают картины целых поселений или их значительных участков, позволяя строить на этих достаточно полных материалах большие исторические и теоретические обобщения. При всем размахе археологических работ по русским городам, они еще не дают достаточного материала для подобных итоговых крупных построений о происхождении города, его строительстве и росте, топографии и т. п. Предстоит еще ряд лет упорной большой полевой работы, чтобы создать твердую базу не только для частных, но и общих новых исторических выводов.

Б. А. Рыбаков

ДРЕВНОСТИ ЧЕРНИГОВА

I. ВВЕДЕНИЕ

Чернигов — один из старейших русских городов, время основания которого теряется в глубокой древности. Древнейшие подлинные документы знают уже Чернигов как один из крупных городов Руси. Договор Олега с византийскими императорами Львом и Константином 907 г. ставит Чернигов тотчас после Киева в перечне городов, получающих контрибуцию с Византии. В середине X в. император Константин Багрянородный упоминает его в числе важнейших городов Руси.

После Ливенской битвы 1024 г. победитель Мстислав тмутараканский отдает побежденному брату Киев, а себе выбирает Чернигов, превращая его в столицу всего днепровского левобережья, всей лесостепной полосы, донских степей и стратегического ключа Причерноморья — Тмутараканской земли.

Черниговская земля всегда была открыта со стороны степи, и у стен ее столицы часто являлись воины далекого юго-востока, то ясы и касоги, то загадочные «были, могуты и татараны», служившие черниговскому князю. В конце XI в. в Чернигове княжит Владимир Мономах, а в XII в. город переходит в руки потомков Святослава — сначала Давыдовичей, а потом беспокойных Ольговичей, родовым гнездом которых он стал на целое столетие.

Наряду с Киевом Чернигов прочно вошел в русский былинный эпос. В Чернигове создавалась своя литература, известная нам, к сожалению, лишь отрывочно.

Чернигов был центром большого княжества, границы которого на севере проходили через вятичские леса, а на юге совпадали с общими границами расселения русских. Черниговская епархия простиралась вплоть до Рязани. Наличие вокруг древнего Чернигова обширного некрополя с княжескими и боярскими курганами, самыми богатыми на Руси, сохранность на территории города самых древних из русских архитектурных памятников — все это придает Чернигову особую ценность как важному объекту разностороннего изучения.

В последнее время в нашей исторической литературе явно обозначился живой творческий интерес к истории русских городов. Появились общие обзоры и популярные работы, дающие представление о внешнем виде городов, их архитектуре, хозяйственной и общественной жизни.¹

Многие русские города заслуживают специальных монографий, посвященных их истории, искусству, археологическим памятникам. Данная работа ставит своей задачей собрать и исторически обобщить весь обильный и разнородный материал по истории Чернигова с древнейших времен до XIII в.

Изучение древностей Чернигова началось еще в XVIII в.² К концу этого столетия относится составление интересного сборника разнообразных сведений о Чернигове (в том числе и исторических) местным чиновником А. Ф. Шафонским. Составленный в 1786 г. его труд был опубликован только через 65 лет.³

¹ Н. Н. Воронин. Древнерусские города М—Л., 1945; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. МГУ, М., 1946; М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947; С. А. Тараканова. Древний Псков. М., 1946; Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М., 1947; М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946. Интерес к истории городов выразился в ряде докладов, диссертаций и подготовленных к печати монографий. Проведены были значительные археологические работы. См. Краткие сообщения ИИМК за 1939—1947 гг.

² В XVII в. при епископе Лазаре Барановиче и черниговском полковнике В. К. Дунине-Борковском проводились реставрационные работы, но настоящего интереса к старине еще не было. Найденные во время работ у Борисоглебского собора два языческих идола были отданы гетманом Мазепой в переливку — из них отлили массивные царские врата для строившегося Троицкого собора, и наука навсегда потеряла возможность узнать, были ли это действительно языческие идолы или скульптурные изображения более позднего времени.

³ А. Ф. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малые России, из части коей оное наместничество составлено. Киев, 1851. Автор не ставил перед собой специальных исторических задач, но сообщаемые им сведения, почерпнутые из рассказов старожил и местных архивов, сохранили нам много ценных данных.

На рубеже XVIII и XIX столетий в Чернигове жил отставной генерал Михаил Егорович Марков, написавший ряд работ по истории города. Он, как и Шафонский, был свидетелем крупных перемен в городе и с большой любовью описывал исчезающие остатки черниговской старины. Перепланировка Чернигова по плану генерального межевания в 1803 г. уничтожила древние валы и ряд зданий; поэтому сведения М. Е. Маркова являются особенно важными для науки.⁴

К этой же эпохе относится интереснейший сборник различных языческих обрядов, хранящийся в Черниговской духовной семинарии, записанный неизвестным лицом в XVIII в.⁵

В 1821 г. в окрестностях Чернигова на р. Белоусе (по летописи Боловос) был найден великолепный золотой змеявик весом в 200 г с греческими и русскими надписями, названный тогда «черниговской гривной». находка этой дорогой древнерусской вещи XI—XII вв. сразу привлекла внимание ученых. Появилось много статей и заметок В. Г. Анастасевича, М. Берлинского, М. Т. Каченовского и других. Вплоть до наших дней продолжают выходить статьи, посвященные этой действительно замечательной вещи, возможно принадлежавшей Владимиру Мономаху.⁶

⁴ М. Е. Марков. О достопамятностях Чернигова. Изд. ОИДР. М., 1847. Изд. 2-ое. Чернигов, 1882; М. Н. Бережков. М. Е. Марков и его рукописный сборник о Черниговской старине. Нежин, 1902; М. Н. Бережков. Михаила Егоровича Маркова разные сочинения к пояснению истории Чернигова. ТАС XIV, т. III, М., 1911.

⁵ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II, М., 1913 (Записки Моск. арх. ин-та, т. XVIII, стр. 92—95). В рукописи Черниговской духовной семинарии приведено очень много различных суеверий и обрядов. Есть данные о культе мертвых, о культе березы, например: «Волсы и еретицы и богомерские бабы кудесницы и иная множайшая волшебствуют и березки подвязывают и ветви сплетают, да жив будет человек того лета...» Ничего специфически черниговского в этом сборнике нет, он отмечает лишь наличие интереса к языческой старине.

⁶ В. Анастасевич. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове. «Отечественные записки». СПб., 1821, ч. VIII, № 20, стр. 425—442; В. Г. Анастасевич. Известие о золотой гривне, найденной близ Чернигова в 1821 году. СПб., 1821; М. Берлинский. Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 году. «Соревнователь просвещения и благотворения». СПб., 1822, ч. XVII, стр. 116—119; М. Т. Каченовский. Разыскания по поводу старинной золотой медали, недавно открытой. «Вестник Европы». М., 1822. №№ 4, 5, 6, 10 и 15; Я. де-Санглен. О медали, найденной в Чернигове. Труды и записки Об-ва ист. и древн. Росс., ч. III, кн. I, М., 1826, стр. 110—125; Крузе. Объяснение Черниговской медали по двум надписям, вновь найденным в Готе. ЖМНП, т. IX, 1836; И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография. СПб., 1885, стр. 136—139; И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеявиками. Изв. РАО, нов. сер., т. III, СПб., 1888, стр. 376—377; В. А. Шугаевский. Мідяний змеявик. «Чернігів та Півн. Лівобер.». Київ, 1928, стр. 224—234.

Вновь интерес к старине пробуждается в Чернигове лишь в середине XIX в. В это время издаются труды М. Е. Маркова и А. Ф. Шафонского, выходит в свет новое «Историко-статистическое описание», составленное Н. А. Марковичем, появляются заметки о памятниках археологии.⁷

Научное историко-археологическое изучение Чернигова началось в 70—80-х годах XIX столетия.

Горячий энтузиаст археологии, не жалевший ни сил, ни средств на раскопки в Чернигове, профессор истории права Димитрий Яковлевич Самоквасов произвел свои знаменитые раскопки Черной Могилы и других курганов.⁸

Появились исторические работы, рассматривающие Чернигов как центр целой области, церковной (работа арх. Филарета Гумилевского) или политической. Таковы два студенческих дипломных сочинения студентов Киевского университета Д. И. Багалея и П. В. Голубовского, напечатанные одновременно, несмотря на полное совпадение темы.⁹

Тогда же пробудился интерес и к черниговскому зодчеству, поддержанный в дальнейшем рядом крупных исследователей.¹⁰

Большое значение для изучения прошлого Чернигова имело торжественное празднование тысячелетия города в 1908 г. К празднованию были приурочены заседания XIV Археологического съезда, созванного в Чернигове. К этому съезду задолго готовились: местные историки изучали архивы, составлялись планы города, подготавливались материалы для археологической и исторической карт.

Д. Я. Самоквасов через 35 лет после раскопок Черной Могилы вновь предпринимает накануне и во время съезда раскопки курганов в окрестностях Чернигова.¹¹

⁷ Н. А. Маркович. Историческое и статистическое описание Чернигова. 1852 («Черниг. губ. вед.», 1852, приб. к № 8). См. также № 44 за этот же год, где помещена заметка о срытии большого кургана.

⁸ Д. Я. Самоквасов. О раскопках кургана «Черная Могила» в Чернигове. Известия Русск. Геогр. об-ва, т. X, 1874; см. также Известия Моск. об-ва любит. естествознания, т. XX, кн. 2, вып. 1.

⁹ Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873, т. I—V; П. В. Голубовский. История Северной земли до половины XIV ст. (Сборник сочинений студентов Университета св. Владимира, вып. III, Киев, 1881); Д. И. Багалея, История Северной земли до половины XIV ст., там же, в. IV, Киев, 1882. И Багалея и Голубовский считают Чернигов центром Северянской земли. Подробнее см. об этом в моей статье «Поляне и северяне» (СЭ, VI—VII, 1947).

¹⁰ А. М. Павликов. Спасо-Преображенский соборный храм в городе Чернигове. «Зодчий», 1882 г., вып. VI; А. Авдиев. Черниговские шиферные плиты из Спасского собора. «Зодчий», 1882, лист. 56; П. А. Лашкарев. Церкви Чернигова и Новгорода Северского. ТАС. XI. Том II, М., 1902.

¹¹ А. К. Ярыгин. Изыскания о древнем расположении гор. Чернигова. ТАС XII, М., 1905, т. III, стр. 177; П. М. Добровольский. Где находились старинные несуществующие ныне храмы города Черни-

Работа научной мысли, возбужденная юбилеем и археологическим съездом, продолжалась и в последующие годы, дав ряд важных исследований.¹²

Планомерные и широко поставленные археологические работы в Чернигове начались только в советский период.

В 1923 г. Н. Е. Макаренко начал детальное археологическое обследование древнейшего русского здания — Спасского собора 1036 г., давшее очень много для истории зодчества и быта.¹³ П. Смолитчевым проводится исследование дружинных курганов под Черниговом в Шестовицах.¹⁴ В 1928 г. выходит в свет специальный сборник, посвященный истории Чернигова и Левобережной Украины, где в числе других работ помещен общий обзор черниговских древностей, написанный П. Смолитчевым.¹⁵ Очерк Смолитчева представляет собой первую попытку систематизации различных черниговских древностей X—XIII вв. Автор хорошо знал музейные коллекции Чернигова, работал в архивах, и его обзор представляет значительную ценность. Последней по времени выхода в свет работой, затрагивающей историю Чернигова, является книга В. В. Мавродина, рассматривающего историю Левобережья на очень широком историческом фоне.¹⁶

В двух музеях Чернигова (слившихся впоследствии в один исторический музей) хранилось много ценнейших исторических мате-

риалов из раскопок Д. Я. Самоквасова, Т. В. Кибальчича, Кармалея и Сахновского, П. Смолитчева и др. Часть драгоценных кладов, найденных в Чернигове, хранится в Государственном Эрмитаже, часть в Киеве (бывш. коллекция Ханенко). Богатыми коллекциями из Черной Могилы, Гульбища и других курганов располагает Государственный Исторический музей в Москве.

В 1945—1947 гг. автором этих строк были предприняты раскопки Черниговского детинца в той части, где Стрижень размыл территорию древнего города.¹⁷

Важная историческая роль Чернигова и обилие разнородных материалов делают необходимым и возможным создание подробного общего очерка «древностей Чернигова», в задачу которого входит раскрытие яркой и во многом своеобразной культуры этого старейшего русского города.

II. ТОПОГРАФИЯ ЧЕРНИГОВА

Город Чернигов расположен на высоком холмистом берегу реки Десны, в том месте, где она делает крутой поворот к юго-западу, к Киеву (рис. 1).

Чернигов, как и Киев, лежит на границе зоны сосновых лесов, растущих на подзолистых песчаных почвах, и зоны лесостепи с ее островками дубрав и черноземными луговыми просторами.

В предкифское время, когда господствовал ксеротермический теплый климат, Киев и Чернигов стояли как бы на берегу обширного степного моря. Позднее «море» отступило на юг, и оба города оказались отделенными от степей небольшой защитной полосой лиственного леса в 50—70 км. Широкая луговая пойма Десны вполне возмещала убыль степных площадей вокруг самого Чернигова.

На севере, западе и юго-западе Чернигов был отделен от соседних областей безлюдными болотистыми хвойными лесами междуречья Днепра и Десны и болотами Замглай и Перистое. Леса подступали с запада к самому городу.¹⁸

С востока к Чернигову подходили языки лесостепных дубрав, связывая его с более южным миром обширных степных пространств Левобережья. Сама природа поставила Чернигов лицом к югу, к степям, отгородив его от северных лесных областей незаселенной полосой суровых сосновых боров и песков.

Важную роль в истории города сыграла и река Десна. Весь обширный бассейн Десны и

гова. Чернигов, 1908; Д. Я. Самоквасов. Значение Чернигова для русской археологии. Речь при открытии XIV Археологического съезда. ТАС XIV. Д. В. Айналов. План занятий и изысканий в Чернигове летом 1906 г. Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда, вып. 1, М., 1906; Ф. Ф. Горностаев. Программа исследований в области религиозных и гражданских искусств в Чернигове (Там же); Д. Я. Самоквасов. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Арх. съезда (Там же); Очерк истории города Чернигова 907—1907 гг. (с планом). Чернигов, 1908; Труды XIV Археологического съезда были изданы в трех томах в 1911 г.

¹² Г. К. Лукомский. О происхождении форм древнерусского зодчества Чернигова. СПб., 1912; Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины (Посмертное издание). М., 1917. В 1909 г. Черниговская ученая архивная комиссия предприняла любительские раскопки древней церкви на берегу реки Стрижня. В. А. Шугаевским производились обследования окрестностей Чернигова, выявившие наличие скифского селища на Татарской Горке. Труды Московского предварительного комитета по организации XV Археологического съезда, т. I. М., 1911.

¹³ Микола Макаренко. Чернігівський Спас. (Записки Історично-Філологічного відділу ВУАН, кн. XX. Київ, 1928).

¹⁴ П. Смолічев. Розкопи сіверянських могіл в с. Шестовиці у летку 1925 р. «Україна», 1926, кн. I.

¹⁵ Петро Смолічев. Чернігів та його околиці за часів великокнязівських. («Чернігів та Північне Лівобережжя»). Київ, 1928, стр. 118—146).

¹⁶ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Чернигове в 1946 г. КС ИИМК, вып. XVII.

¹⁸ Наличие хвойных лесов у самого Чернигова отмечено урочищами «Елецкий монастырь» (с ударением на первом слове) и «Еловщина» на север от города.

Сейма стягивался, как в фокусе, в Чернигове. Это в дальнейшем обусловило продвижение черниговских князей в верхнее течение Сейма (Курск) и Десны (Вщиж, Дебрянск), а оттуда и в бассейн Оки (Воротынск, Лопасня).

Чернигов возник на коренном лёссовом берегу Десны между устьями двух небольших речек Стрижня и Белоуса (Боловос по летописи). Берег изрезан оврагами, разделяющими его на несколько отдельных вершин. Это обусловило членение города на ряд отдельных участков.

Древнейшее поселение, прослеженное археологическими раскопками, находилось, однако, не здесь, а на противоположном, левом степном берегу. Там, около деревни Анискиной в урочище Татарская Горка, было обнаружено селище скифского времени, жизнь которого не прерывалась до эпохи Киевской Руси.¹⁹ Существовало ли одновременное поселение и на правом берегу — нам неизвестно.

При раскопках 1946 г. на берегу реки Стрижня в пределах древнего черниговского детинца были обнаружены остатки углубленных в землю жилищ, чрезвычайно близких к землянкам роменских городищ, с керамикой VII—VIII вв. н. э., но без характерных роменских черт. Наличие подобной керамики прослежено на всем протяжении зачистки профиля берега (75 м) и свидетельствует о значительном поселении в северо-восточной части детинца, возникшем задолго до первых летописных упоминаний о Чернигове (об этом ниже).

Местные краеведы насчитывают на территории Чернигова до четырех древних городищ, образовавших характерное гнездо родовых крепостей, из совокупности которых и мог развиваться позднейший летописный Чернигов. Именно этим путем сращения воедино нескольких небольших родовых укрепленных поселков и образовались такие древние города, как Киев или Искоростень. Берега Десны, изрезанные глубокими оврагами, давали возможность создать одновременно несколько укреплений по соседству друг с другом.

За свою тысячелетнюю жизнь Чернигов мог подвергаться различным перестройкам и перепланировкам. Древнейшие топографические планы Чернигова относятся к XVIII в.²⁰ Но к этому времени Чернигов представлял собою

сложный комплекс разновременных частей.²¹ Черниговская крепость, отдельные части которой известны нам с XI в., много раз возобновлялась и достраивалась. После разорения Чернигова татарами в 1239 г. первое известие о возобновлении крепости мы находим под 1380 годом.²² Следующее известие относится уже ко времени возврата Чернигова в состав Русского государства в 1531 г., когда Московское правительство укрепляло ряд городов (Чернигов, Коломну, Каширу).²³

Серьезная перестройка города, сопровождавшаяся, как стало видно из раскопок, даже сносом старых зданий, началась в конце XVII в. В 1667 г. черниговский воевода Иван Загряжский, а в 1670—80-е годы В. К. Дунин-Борковский перестраивают черниговские укрепления, сохранившиеся до межевания 1803 г. и частично даже до наших дней. К сожалению, нам неизвестно, воздвигались ли эти укрепления на новом месте или на старой основе, т. е. в какой мере конфигурация черниговских валов, известных нам по планам XVIII в. отражает более древнюю планировку.

Учитывая то, что в плане черниговских укреплений могли отразиться различные строительные эпохи, рассмотрим сначала основные части города в общих чертах с тем, чтобы перейти в дальнейшем к более детальному рассмотрению каждого отдельного участка.

На устье р. Стрижня, впадающей в Десну справа, расположен детинец, имеющий форму прямоугольного треугольника, гипотенуза которого лежит вдоль Стрижня, образуя восточную границу. К северо-западному катету примыкает посад, по площади вдвое превосходящий детинец; восточная граница его также опирается на Стрижень. С запада к посаду и детинцу примыкает третья часть города, носившая название «Третьяк», по площади равновеликая детинцу, но вытянутая вдоль берега с востока на запад. Еще далее на запад, как бы продолжая Третьяк, идет территория Елецкого Успенского монастыря, основанного в XI в. Каждый из участков города занимает естественный отрог берега и отделен от соседних глубокими и широкими оврагами. Вполне

¹⁹ В. А. Шугаевский Тагарская Горка близ Чернигова. Труды Предв. к-та по устройству XV Археологического съезда, т. I. М. 1911.

²⁰ Известны планы 1739, 1751, 1776, 1788, 1803 гг. и ряд планов без точных дат. Часть этих планов опубликована в статье В. А. Шугаевского «Чернигов XVIII ст. Кілька подробиць його топографії» (Науковий Збірник за рік 1927. Київ). Ряд планов Чернигова, не известных ни Шугаевскому, ни другим исследователям, хранится в Военно-историческом архиве в Москве. К юбилею Чернигова А. К. Ярыгин составил сводный план древних укреплений, но этот план страдает рядом неточностей.

²¹ Генеральное межевание Чернигова, начатое в 1803 г. князем Куракиным, окончательно уничтожило следы древней планировки, и в настоящее время восстановить ее можно только лишь при наложении планов XVIII в. на более поздние. Мною при изучении топографии Чернигова использован также гипсометрический план города 1930-х годов масштаба 1:2000 с сечением горизонталей через 0,5 м. Тщательно нанесенный современный рельеф помогает уточнить древнюю топографию.

²² Витовт «начя созидати грады многие и зарубил Киев и Чернигов», ПСРЛ, т. XVII.

²³ «О Чернигове. Того же лета повелением великого государя Василья Ивановича божьею милостью государя самодержьце всея Руси срублен бысть град Чернигов древян». Никон. лет., 1531 г. ПСРЛ, т. XIII, стр. 58.

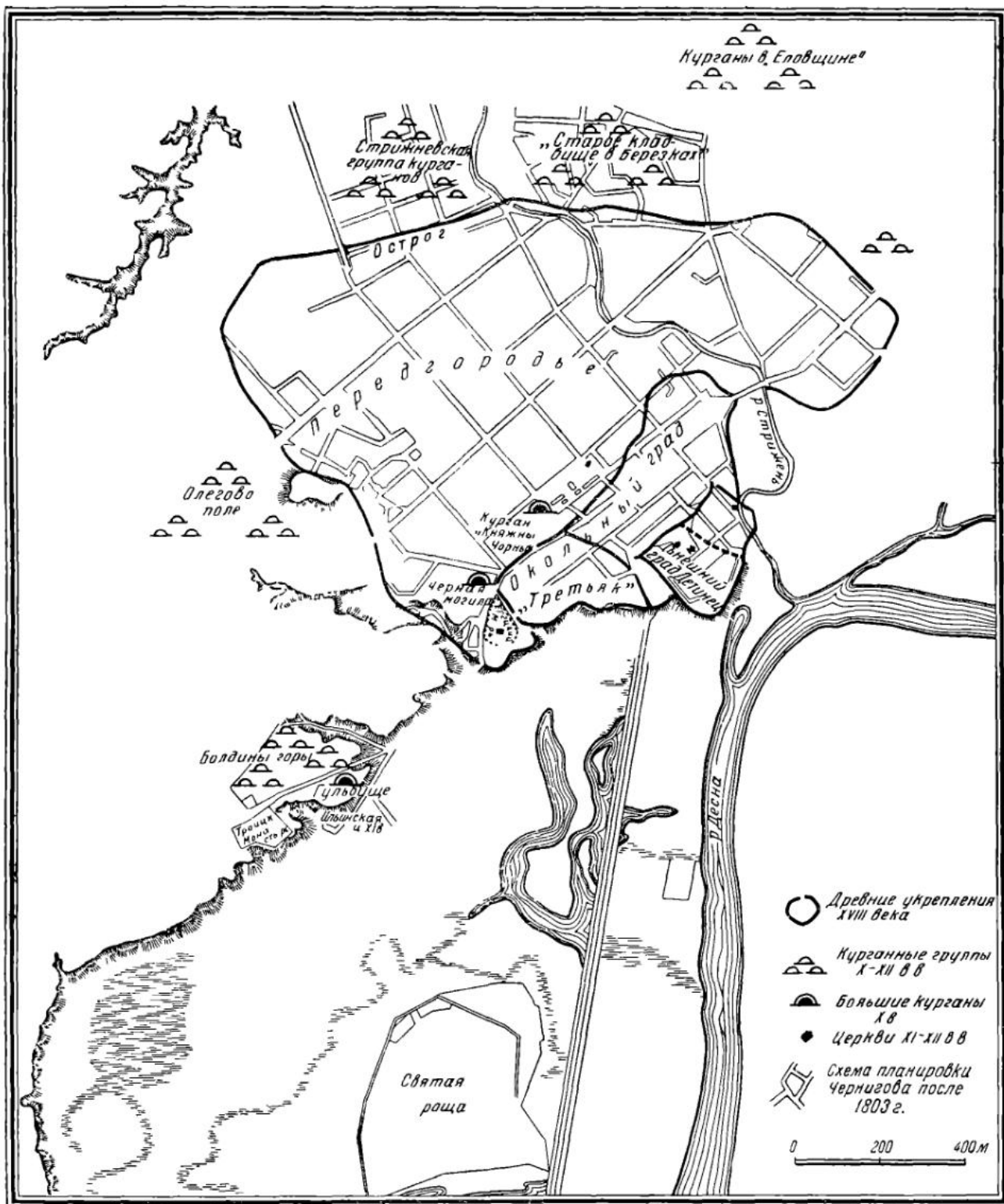

Рис. 1. План древнего Чернигова с показанием укреплений и курганных групп

возможно, что на каждом из этих отрогов в древности было городище. Высота холмов здесь достигает 20 м.

Далее на юго-запад, вниз по течению Десны, располагаются на следующих отрогах берега (уже за пределами города) обширная курганная группа «на Болдиных Горах» и у подножья холма церковь Ильи XI в. (рис. 2).

Рис. 2. Курганы на Болдиных Горах.

От Елецкого монастыря начинался последний концентр черниговских укреплений. Вал, следы которого кое-где сохранились до сих пор, идет от монастыря на север, перпендикулярно линии берегового обрыва, и затем поворачивает к востоку, охватывая значительную территорию на север от перечисленных прибрежных частей города (Третьяк, детинец и др.). Линия этих укреплений пересекает р. Стрижень и идет по Застриженью, поворачивая затем на юг и смыкаясь с посадом недалеко от северо-восточного угла детинца. Общее протяжение данного вала около 6,5 км. Внутри этого северного полукольца укреплений находятся церковь Параскевы Пятницы на Торгу, построенная в самом конце XII в., остатки двух больших курганов X в. — «княжны Черны» (разрытый в 1851 г.) и знаменитая Черная Могила.

За пределами северного полукольца (назову его условно вторым посадом) до XIX в. сохранялся ряд курганных групп, тянувшихся далеко в стороны от Чернигова и представлявших остатки огромного кладбища, окружавшего город со всех сторон.

На юг от города на пойме, где сохранилось много стариц капризной Десны, часто менявшей свое русло, раскинулись обширные луга. В XII в. на этих пригородных лугах князья

иногда отдыхали в шатрах в воскресные дни с княгинями и детьми.²⁴

На этом лугу, недалеко от церкви Ильи, на песчаной возвышенности, окруженной со всех сторон протоками и болотами, находилась «Святая роща» (сосновая).²⁵ Древний город был окружен пригородными селами, боярскими усадьбами, курганными кладбищами. Одна полоса древних поселений и курганов шла от Чернигова на юго-запад по правому берегу Десны (Гущино, Шестовицы), другая — по реке Белоусу на запад и северо-запад от города (Ольговка), третья — на северо-восток по р. Снови (Седнев, Листвен), четвертая — вверх по Десне на юго-восток. В дальнейшем изложении неоднократно придется привлекать материал этих окрестных поселений, так как они были очень тесно связаны с самим городом.

Познакомившись с основными частями города в том виде, в каком они сложились к XVIII в., попытаемся связать их с летописными известиями и определить стадии развития города.

Заранее следует оговориться, что без широких археологических исследований такое определение неизбежно останется лишь предположительным.

Прежде всего необходимо было бы определить, насыпаны ли валы, известные нам по планам XVIII в., на новом месте или на старой основе и к какому времени эта основа относится. Сравнительные размеры (периметры) всех черниговских укреплений приблизительно таковы (в м):

Детинец . . .	1600
Первый посад	2600
Третьяк	1600
Елецкий монастырь	800
Второй посад	8000

Впервые черниговские укрепления упоминаются в летописи в 1078 г. в связи с борьбой Ярославичей (Изяслава и Всеволода) со своим беспокойным племянником Олегом Святославичем, родоначальником Ольговичей, и Борисом Вячеславичем. Вскоре после смерти Святослава Ярославича, когда на Черниговском столе сел Всеволод, «приведе Ольг и Борис поганые на Русскую землю». Разбив

²⁴ «Святославу (Ольговичу)... стоящу перед городом в товарищех с княгинею и с детьми; бывшу же тогда дни неделному...» Ипат. лет. 1160 г. ПСРЛ, т. II, стр. 507.

²⁵ Подобные урочища, связанные с языческим культом «рощений», имеются почти около каждого древнего русского города. Близ Новгорода Великого при выходе из Волхова в Ильмень-озеро находилась «Перунья рель», а позднее Перынский скит. По преданиям это место связано с культом Перуна. С этим же культом связаны и киевские урочища «Зверинец» и «Выдубичи», расположенные при выезде из города в южном направлении. В Чернигове интересна близость к Святой роще церкви Ильи, преемника языческого Перуна. Как и в других городах, эти урочища связаны с путем на юг, в данном случае в Киев.

войска Всеволода, «Ольг же и Борис придо-ста Чернигову». Здесь они расположили го-рожан в свою пользу и покинули город, а тем временем обиженный Всеволод с союзниками двинулся к своей утраченной столице — Чернигову. «И поидоша к Чернигову и черниговь-ци затворишася в граде. Ольг же и Борис не бяшета Чернигове. Черниговцем же не отво-рившемся. Приступиша к граду: Володимер же [Мономах] приступи к вратом въсточным от Стрѣжене и отъя врата и взяша град окольные и пожьгоша и. Людем же въбегшем в дъньшый град».²⁶

Следующее известие о Чернигове относится к 1094 г. «Томь же — лете приде Ольг с по-ловцы ис Тьмутороканя и приде Чернигову. Володимер же затворися в граде. Ольг же приде к граду и пожьже около града и маи-стыре пожьже».²⁷

Очень много топографических данных о Чернигове и его окрестностях рассеяно в ле-тописном рассказе 1152 г., в одном из эпизо-дов борьбы Юрия Долгорукого за Киев. Киев-ские, Смоленские и Черниговские князья совместно старались отразить Юрия, который повоевал черниговских вятичей и шел с суз-дальскими, рязанскими, муромскими войсками на соединение с половцами. Вместе с полов-цами и Святославом Ольговичем Юрий осадил Чернигов осенью 1152 г. Защищавший город князь Изяслав Давыдович и его союзник Ро-стислав «повелеша людем всим бежати из острога в детинець». На утро половцы пошли к городу «и отъемше острог, зажгоша перед-городье все. И пришедше всею силою сташа около города. Черниговцем же бьющимся из города». Осажденные черниговцы предприни-мали пешие вылазки из города и сумели про-держаться 12 дней до подхода подкреплений из Киева.²⁸

С какими же известными нам частями древ-него Чернигова должны мы связывать пере-численные в летописи — дънешний град 1078 г.; детинец 1152 г.; окольный град 1078 г.; передгородье, огражденное острогом 1152 г.

Если отождествление детинца и дънешнего града не вызывает сомнений, то едва ли мы можем отождествлять окольный град и перед-городье. Во-первых, мы должны учитывать,

²⁶ Повесть временных лет. Издана А. А. Шахматовым. Пг., 1916, под 1078 г. В битве за Чернигов пал старший брат Всеволода Изяслав, и Всеволод стал Киевским князем, а в Чернигове сел его сын Владимир, руководивший штурмом Чернигова.

²⁷ Там же, под 1094 г. Владимир покинул Чернигов, уступив его Олегу Святославичу. В данном известии интересно то, что за пределами «города», городских укреплений, были постройки, сожженные Олегом. Интере-сно также и упоминание нескольких «манастырей» под городом.

²⁸ Ипат. лет. 1152 г. ПСРЛ, т. II, стр. 456—457. Описываемые события иллюстрированы Радзивилловской летописью, но, к сожалению, миниатюры настолько схематичны, что не помогают нам уяснить топографию города.

что между первым и вторым известием про-шло 74 года и за это время Чернигов неиз-бежно должен был сильно разрастись именно в своей периферийной части. Во-вторых, по са-мому смыслу слова передгородье и острог суть понятия более широкие, менее фунда-ментальные, чем понятие «города», хотя бы и окольного. Учитывая то, что в названном условно «втором посаде» в XII в. уже были и боярские дома (о чем свидетельствует клад на Александровской площади) и церковь Па-раскевы Пятницы на Торгу, можно к нему отнести и термин «передгородье». Термином «окольный град» мог покрываться не только так называемый «первый посад», но и Третьяк. Наиболее вероятным мне представляется сле-дующее приурочение:

1. «Детинец» или «дънешний град»; это — то, что в XVII—XVIII вв. называлось Старой крепостью, фортецией. Теоретически можно допустить, что в XI в. размеры «дънеш-него» града могли быть несколько меньше.

2. Окольный град — 1078 г. — второй концентр городских укреплений, примакивавший с севера к детинцу, а, возможно, простирав-шийся и далеко на запад (Третьяк) до Елец-кого монастыря, возникшего во второй поло-вине XI в. Следы укреплений окольного града были заметны еще в XVIII в. и зафиксирова-ны Марковым. Окольный град на востоке упи-рался в Стрижень, и здесь были ворота.

3. «Передгородье с острогом» — 1152 г. К середине XII в. объем столицы Черниговского княжества должен был сильно расширяться. Судя по тому, что передгородье было взято одними половцами (вообще пло-хими мастерами штурма городов) без участия основных войск Юрия, можно думать, что острог не был особенно прочной фортифика-ционной преградой. Передгородье должно было включать в себя и церковь Пятницы и территорию находки клада 1885 г., а в таком случае вполне возможно, что древний острог XII в. шел примерно там, где был насыпан внешний вал Чернигова в XVII в. Но, разумеется, доказать это трудно, и, может быть, передгородье XII в. занимало лишь часть того пространства, которое оказалось включенным в систему укреплений XVII в.

Как видим, бесспорное приурочение лето-писных терминов к известным нам частям черниговских укреплений вряд ли возможно. По своим абсолютным размерам черниговский детинец вместе с окольным градом (включая в его состав и Третьяк) равновелик Киев-скому Ярославову городу (вместе с Владими-ровым старым городом). Только соотношение внутренних частей иное — Владимиров город значительно меньше, чем черниговский дети-нец.

Не исключена возможность того, что даль-нейшие исследования откроют внутри детинца

его древнейшую первоначальную часть и вторичную прирезку, произведенную за счет территории окольного града. При сопоставлении с древнейшими частями Киева и Переяславля Русского черниговская старая крепость удивляет своими размерами. Возможно, что древнейший «днешний град» был меньше «фортеции» XVII в. Вторичной прирезкой к детинцу мне представляется северо-восточный угол его, отличающийся по рельефу.

Летописный рассказ о феодальных войнах вокруг Чернигова в 1149—1152 гг. называет нам несколько населенных пунктов в его окрестностях.²⁹ К ним относятся: Гюрчев, Свѣнковичи, Гостынич, Крыров, Семьнь. Комбинируя данные, извлеченные из летописи, с сохранившимися древними памятниками, о которых иногда летописи молчат (например, Ильинская церковь), и с археологическими данными, мы должны представить себе Чернигов окруженным рядом поселений и усадеб.

Пути, шедшие из Чернигова, вели прежде всего к Киеву, связывая эти два крупнейших русских города. Плавание по извилистой Десне, очевидно, практиковалось редко, и предпочитали конные пути.

Один из них вел по правому берегу Десны через Гушино, Шестовицы на Моровийск и Лутаву к Вышгороду, а другой, наиболее употребительный, — по кратчайшему расстоянию между Черниговом и Киевом по левому берегу Десны, где теперь пролегает шоссе. На этой дороге устраивались даже своеобразные конские состязания, вошедшие в былины. Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет: «А из Чернигова до Киева нестишь ездки ко отцу днем есми переездил до вечерни». Былинный герой Иван Гостиный сын бьется об заклад с киевскими боярами:

Из Киева бежать до Чернигова
Два девьяноста-то мерных верст
Промеж обедней и заутреней.³⁰

Путь этот начинался от Святой роши близ древнего храма Перуна и шел через пункты с древними названиями — Скоренец, Олбин, Козелец (или мимо Остерского Городца). Он выводит к Труханову острову, где в XII в. уже был мост через Днепр, ведущий прямо в Киев.

Важен был и путь в Любеч, ближайший город на Днепре, отстоящий от Чернигова на 50 км. В Чернигове были известны Любецкие ворота, где начинался путь в Любеч.

Еще один путь вел на северо-восток на Седнев, Ропеск, Стародуб и Вщиж. Ответвления

²⁹ Все эти данные критически разобраны П. В. Голубовским в его работе «Историческая карта Черниговской губернии с древнейших времен до 1300 г.». ТАС, XIII, т. II, М., 1908. Очень важными оказались сведения Маркова о народных названиях урочищ.

³⁰ Древние русские стихотворения, собранные Киршей Даниловым.

от этого пути шли в землю радимичей и вятичей. Из Чернигова он мог выходить и в направлении на Товстолес, и на Бобровицу (древний Гюрчев). Этот же путь вел и в Новгород-Северский. Иногда пользовались деснинским путем, но чаще для того, чтобы попадать в Чернигов, а не выезжать из него. Так, Святослав Всеволодич, почти ежегодно ездивший в Корачев «орудий своих деяя», возвращался иногда по Десне в насадах. Пристань в Чернигове должна была быть где-либо у подножья детинца, а может быть, даже на Стрижне.

От Чернигова должен был идти еще один важный путь на юго-восток в хазарские донские степи, к Саркелу, Тмутаракани, с которой так был связан Чернигов. Возможно, что этот путь и отмечен такими городами, как Белая Вежа на Остре или село Козары на Остре. Этот южный путь ответвлялся от киевского и шел через Татарскую Горку — древнее скифское поселение, где существовало село и в XI—XII вв.

Ко многим вопросам топографии Чернигова и его окрестностей нам еще придется вернуться в дальнейшем изложении после того, как ряд деталей будет уже выяснен.

III. ЧЕРНИГОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

1. Общие сведения

Знаменитые черниговские курганы когда-то широкой дугой окаймляли городские стены и расходились лучами в направлении важнейших дорог — на юго-запад, на северо-восток и на север (рис. 1). Размеры некрополя в настоящее время не поддаются никакому точному определению, так как тысячи курганных насыпей уничтожены и сравнены с землей. В этом отношении показательны наблюдения Д. Я. Самоквасова, основного исследователя черниговских курганов. Начав работу в 1872 г., он неоднократно возвращался к ней и в 1878 и в 1908 гг.³¹

В 1908 г. во время XIV Археологического съезда Д. Я. Самоквасов подвел итоги исчезнувшим за 40 лет курганам и установил, что из 550 курганов, насчитанных им в 1872 г., уцелела едва пятая часть.³² Д. Я. Самоквасов с большим сокрушением отмечает распахку курганов, кладонскательство и любительство и полунаучные раскопки без дневников, производившиеся местными крае-

³¹ К сожалению, обобщающее исследование о черниговских или «северянских» курганах (как он называл их) Самоквасов так и не написал. Его наброски и заметки с выписками из дневников изданы посмертно его женой Т. В. Самоквасовой в 1916 и 1917 гг.

³² Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916, стр. 6—7.

ведами. Пытаясь восстановить весь объем Черниговского некрополя, Самоквасов пишет: «Древние обитатели Чернигова оставили на пространстве около 5 верст в диаметре, ограниченном реками Десной, Стрижем и Белусом, многие тысячи языческих курганов, покрывавших пепелища от костров сожженных покойников и могильные ямы с костяками покойников погребенных».³³

Внутри древнейшей части города — «детинца» и «окольного града» никаких следов курганов не сохранилось. Нет здесь и таких уничтоженных курганов, которые известны нам в Киеве, где насыпи их были давно срыты, а погребения в земле сохранились. М. К. Каргеру удалось восстановить весь киевский некрополь и проследить, как город, раздвигая свои стены, занимал площадь бывшего кладбища. В Чернигове это проследить не удается; ни при одних земляных работах на территории древнего детинца или окольного града не были найдены дружинные древности IX—X вв. Если этот факт не случайность, то может свидетельствовать о значительной древности упомянутых частей города.

Но тотчас же за стенами «окольного града» (включая в него и Третьяк) располагаются уцелевшие до наших дней величественные насыпи кургана княжны Черны на Торгу, напротив Пятницкой церкви XII в., и Черной Могилы близ Елецкого монастыря.

Мы не можем определить, как близко подходил некрополь к стенам детинца, но можем утверждать, что район кургана Черны и Черной Могилы в X в. находился уже за городскими стенами.

На протяжении XI и XII вв. город расширился, истребил мелкие курганы вокруг княжеских погребальных холмов, а самые городские кладбища оказались перенесенными за пределы «передгородья». Если мы совместим на одном плане городские укрепления и курганные группы в том виде, как зафиксировал их Д. Я. Самоквасов в 1872 г., то увидим, что в максимальных пределах внешнего центра укреплений («острога») не сохранилось ни одной группы курганов, несмотря на то, что во второй половине XIX в. внутри «острога» было много незастроенных пустырей, огородов и садов. Но тотчас же за валами острога в разных направлениях начинаются курганные группы. Возможно, что в древности, в эпоху Святослава и Владимира, курганы находились и на территории передгородья, но здесь они оказались стертymi городом, а новые кладбища XII в. были, очевидно, вполне христианскими по обряду погребения, без курганных насыпей.

Некрополь, раскинувшийся вокруг города, мог заполняться, по всей вероятности, не только покойниками из самого Чернигова, но

и из пригородных сел вроде Семьяня, Гюричева и др., где в XI—XII вв. курганный обряд погребения должен был сохраняться дольше, чем в самом городе. Анализ черниговского некрополя может дать ответ на ряд важных исторических вопросов, как, например: племенной состав Черниговской земли, княжеский быт, топография пригородных сел и боярских усадеб и время их возникновения, этнический состав черниговских дружин в X—XI вв. и т. п. Ответ на все эти вопросы может быть получен только в результате определения датировки курганов и разностороннего изучения инвентарей и погребального обряда.

Рассмотрим основные курганные группы, сохранившиеся до XIX—XX вв. Часть их уцелела до наших дней и была осмотрена и изучена в 1944—1947 гг., другие же пришлось наносить на план только по данным 1872 г. Обзор их начнем с северо-восточной стороны, с Застриженья, с тем, чтобы закончить его на Болдиных Горах на юго-западе.

1. Одна из курганных групп расположена на северо-восток от детинца, по дороге в Бобровицу — древний Гюричев (на север от современной улицы Революции). Сведений о раскопках этих курганов нет; они даже не нанесены на план Самоквасова, хотя там есть очень значительные по величине курганы до 6 м высоты.³⁴ Судя по размерам, эти курганы принадлежат к числу древнейших насыпей IX—X вв.

2. Значительная курганная группа находилась на северной окраине города, на левом берегу Стрижня (в районе современных улиц — Ростиславской, Первомайской и Водогонной). Самоквасовым она названа «Старое кладбище в Березках» (на его плане помечена цифрой V). Непосредственно к этой группе примыкает урочище «Курганье», где много разрушенных песчаных курганных насыпей. В настоящее время часть курганов сохранилась близ Первомайской улицы.

3. В 1872 г. сохранялась курганная группа при выезде из Чернигова по направлению к Еловщине и Товстолесу (современная улица Интернациональная). Разрозненные курганы в этом направлении тянутся почти до Товстолеса. На плане Самоквасова южная часть этих курганов обозначена цифрой VI.

4. Большая курганная группа описана Самоквасовым под именем Стриженской (на плане — IV). Она расположена на левом берегу Стрижня на северной окраине Чернигова напротив урочища «Курганье» и представляет собой как бы продолжение предыдущей группы, тянущейся на запад. По современным улицам города эту группу можно ориентиро-

³⁴ Многие из курганов раскопаны (возможно в 1908—1909 гг. членами Черниговской ученой архивной комиссии), но следа этих раскопок в археологической литературе нет.

³³ Там же, стр. 7.

вать так: улицы Гоголевская, Котляревского, Чапаева, Великая, Шевченко. Находясь в 1872 г. далеко за пределами города, в настоящее время эта группа исчезла под городскими кварталами перечисленных улиц. В ней насчитывалось свыше сотни курганов.

5. Небольшая группа курганов (распаханных) находилась на западной окраине города. Самоквасов насчитал всего пять небольших курганов и один большой (на плане — III). Эта группа носит название «Олегова Поля». Большой курган имеет своеобразную овальную форму, напоминающая коллективные кладбища на окраине Саркела в овальных курганах XI в. На современном плане эта группа должна находиться между улицами Попудренко и Вокзальной. Вероятно, остатком этой же группы является одинокий курган, сохранившийся в огородах дома № 11 по ул. Попудренко. Высота его около 4 м.

6. На юг от Олегова Поля расположено одно из крупнейших курганных кладбищ — Троицкая группа на Болдиных Горах (по плану Самоквасова — II). Здесь на крутом берегу Десны возвышаются видимые издали огромные холмы Гульбища, Безымянного кургана и других древних погребальных насыпей. По соседству с ними в березовой роще до сих пор уцелело много небольших курганов. Из числа курганов Троицкой группы, изображенных на плане 1872 г., в настоящее время сохранилась только южная половина (на юг от дороги), а северная половина группы уничтожена и застроена.

7. Обособленно стоят в черте города два больших кургана. Один из них на сквере Попудренко превращен теперь в цветочную клумбу (он был раскопан в 1851 г.) Это — так называемый курган княжны Черны. Другой грандиозный курган расположен внутри окольного града, близ Елецкого монастыря. Это — знаменитая Черная Могила, раскопанная Д. Я. Самоквасовым в 1873—1874 гг.

8. Прямым продолжением Черниговского некрополя является курганная группа близ дер. Гущина, частично исследованная Д. Я. Самоквасовым, и курганы близ Шестовиц, раскопанные П. И. Смоличевым и Я. В. Станкевич.

9. Черниговский некрополь XI—XII вв. не ограничивается только одними курганами — при случайных земляных работах на территории города иногда находят христианские погребения в кирпичных гробницах (на площади близ кургана княжны Черны) или в деревянных гробах, но без признаков курганной насыпи. Иногда удается проследить связь с определенной церковью (например находка серебряных колтов близ Екатерининской церкви).

К этой же группе относятся и гробницы в древних соборах, вскрытые раскопками.

Изучение черниговских курганов поможет разрешению ряда вопросов, связанных с историей и топографией города, определением этнического состава населения Черниговщины, быта и хозяйства древних черниговцев.

Из одного только топографического размещения курганных групп (не касаясь их хронологии) мы уже можем сделать некоторые выводы:

1. Курганы существовали непосредственно за валами «окольного града»; остатками некрополя в этих местах являются курган княжны Черны и Черная Могила. Из этого нельзя делать вывода о том, что курганов в X в. не было внутри территории «окольного града» — просто мы ничего пока не знаем о таких погребениях, которые были бы ближе к детинцу, чем Черная Могила.

2. Курганы на территории «передгородья» были, кроме упомянутых крупных, очевидно уничтожены.

3. В 1872 г. курганные группы начинались сразу же за чертой городского вала, окаймляя город почти сплошной дугой. К топографии курганов в связи с топографией города мы вернемся после выяснения вопросов датировки.

Из 550 известных Д. Я. Самоквасову курганов, им было раскопано 150.³⁵

По курганным группам раскопки Д. Я. Самоквасова распределяются так:

Троицкая группа	118 курганов
Стриженская »	11 »
Гущинская »	11 »
Старое кладбище в Березках	7 »
Черная Могила	1
Гульбище	1 »
Безымянный	1

Всего — 150 курганов

³⁵ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908; Его же. Могилы древности Северянской Черниговщины. М., 1917. (В этих двух работах опубликованы раскопки 1872—1878 гг.); Его же. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916. (Здесь опубликованы раскопки 1908 г.). В этих работах опубликованы краткие обобщенные дневники, изредка чертежи, а также помещены фотографии многих вещей. Д. Я. Самоквасов упорно называет черниговские курганы «северянскими», хотя ни в летописях, ни в археологических данных мы не найдем подтверждения этому. См. Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, СЭ, вып. VI—VII, 1947 г. Кроме Д. Я. Самоквасова раскопки курганов в Чернигове производили П. М. Добровольский, А. Верзилов и А. П. Шелухин, но сведения об этих раскопках ограничиваются двумя строками. Аркадій Верзилов. Найдавнійшій побут Чернігівської околиці («Чернігів і Північчє Лівобережжя. К., 1928, стр. 69). Упомянуто погребенне с конем на Холявинської дорозі. О раскопках христианских могил см. Константинович. О находке скелета с металлическими украшениями в г. Чернигове. «Древности», т. X, стр. 28.

Из 150 раскопанных курганов только 38 содержали те или иные вещи, остальные же относятся к досадному разделу погребений без инвентаря.

Раскопки выявили три основных типа погребальных обрядов: 1) трупосожжение на месте, 2) погребение в срубе, 3) погребение в узкой могильной яме (рис. 3).

По обряду погребения курганы распределяются так:

Название курганной группы	Год раскопок	Общее число раскопанных курганов	Обряд погребения			
			ямы со срубом, гробом,	трупосожжен.	ямы погребальн.	
					с вещами	без вещей
Троицкая—на Болдиных Горах	1872	106	—		13	93
Там же	1908	12	2		7	3
Стриженская группа	1872	11			2	9
Старое кладбище в Березках	1908	7	—	5		2
Гущинская группа	1872	11			3	7
Княж. курганы (Черная Могилка и др.)	1851	4		4	—	—
		151	3	9		114

2. Курганы с погребениями в ямах без срубов

Невысокие курганы с более или менее глубокими ямами под ними являются самой многочисленной категорией черниговских курганов. Они окружают более древние огромные насыпи княжеских курганов, вроде Гульбища, и тянутся на тысячи квадратных метров на север от обрыва Болдиной Горы. Много их было и на северной окраине города. Подобные курганы легче всего подвергались уничтожению, и мы даже приблизительно не можем представить себе количество всех насыпей в древности.

Д. Я. Самоквасов производил раскопки не в одной определенной части, а выборочно в самых различных участках могильника. Это дает нам более полное представление о кладбище в целом. К сожалению, археологом не указано местоположение курганов без вещей, но, по всей вероятности, они не составляли топографически обособленной группы в могильнике, так как в таком случае Д. Я. Самоквасов отметил бы это в своем отчете. Когда в 1908 г. он выбирал курганы для демонстрации процесса раскопок делегатам XIV Археологического съезда, он, руководствуясь какими-то внешними признаками, подобрал по преимуществу курганы с вещами. Но эти кур-

ганы находились в различных участках. Вообще же погребения с вещами составляют лишь 18% всех погребений в ямах без срубов.

Для всех 139 курганов с ямами Самоквасовым приведен один типовой чертеж (без масштаба),³⁶ но при описании курганов с вещами каждый раз указаны размеры насыпи и ямы, значительно варьирующие.

Типовой чертеж дает приблизительно следующие размеры (в см):

Высота кургана	130—140
Диаметр »	800
Длина могильной ямы	200
Ширина »	80
Глубина »	140

Почти во всех курганах (с вещами и без вещей) встречены остатки деревянного гроба, крышка которого заколачивалась обычно двумя гвоздями — в головах и в ногах. Никаких данных о возрасте и поле погребенных без вещей в отчетах, к сожалению, нет. Поэтому, ввиду краткости отчетных данных, прибавить что-либо к сказанному о погребениях без вещей нельзя. Курганы с вещами, несмотря на их малочисленность, представляют известный интерес.

Как видно из сводной таблицы, в которую занесены все отчетные данные, мужские погребения с вещами очень малочисленны. Среди погребений с вещами преобладают женские. Особый интерес представляет возрастной состав погребенных с вещами.

Троицкая группа

Мужчины (без указания возраста)	2 погребения
Женщины (без указания возраста)	10 погребений
Молодые женщины	2 погребения
Девочки-подростки	5 погребений
Мальчики	1 погребение

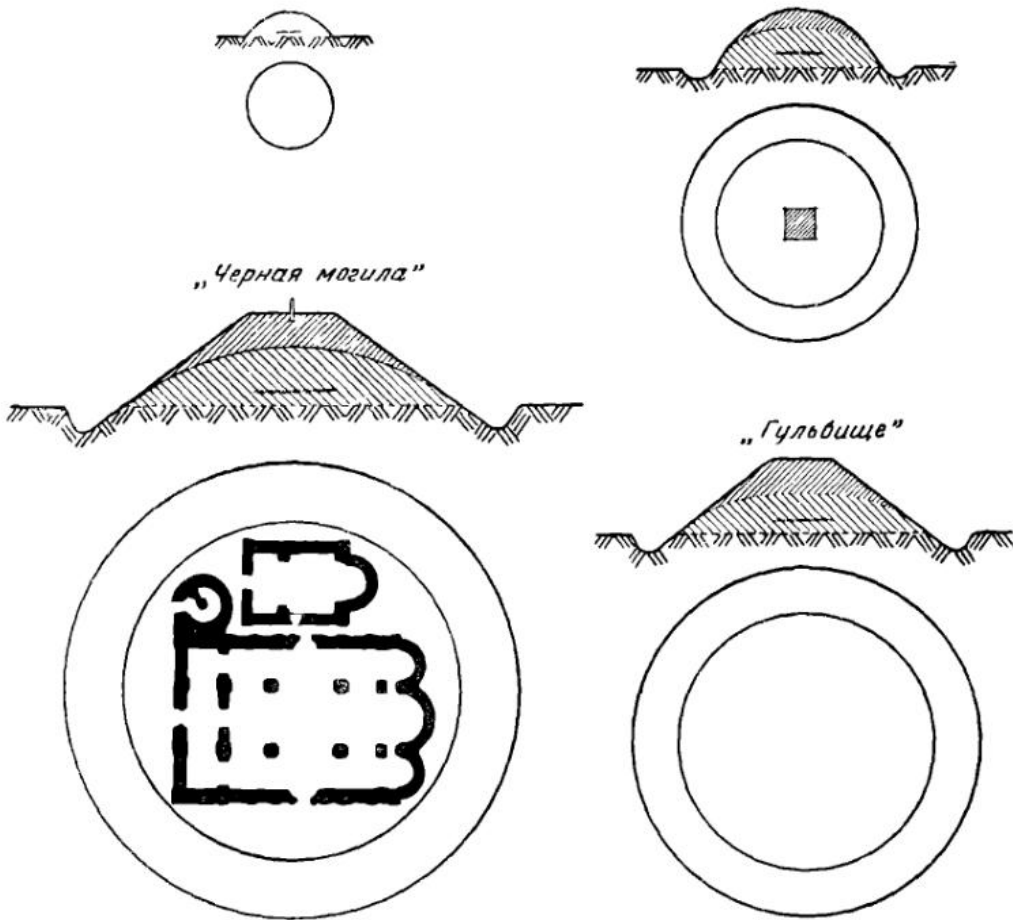
Размеры и глубина могильной ямы безусловно зависели от возраста погребенного. Курганы взрослых значительно крупнее, и ямы в них глубже. Можно вывести следующие средние размеры для детских и взрослых курганов (в см):

	Курганы взрослых	Курганы детские
Высота кургана	ок. 170	100
Диаметр »	800	500
Длина могильной ямы	180—200	?
Ширина »	70—90	?
Глубина »	180—200	70—100

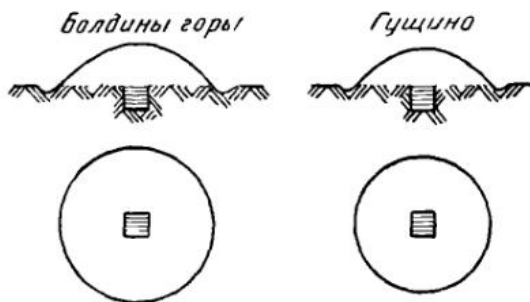
Незначительность детских курганов обусловила плохую сохранность могильных ям. Только в одном случае удалось проследить ее длину и ширину (курган № 2 1908 г.): длина 140, ширина 70. Поскольку для захоронения взрослых длина ямы приблизительно на 15—20 см превышала рост человека, мы и здесь

Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 191, рис. 58 и 59.

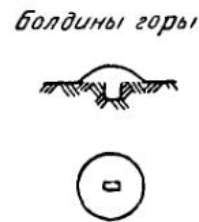
Курганы IX-X вв с сожжением
 „Старое кладбище в Березках”

Курганы X в
 со срубными гробницами

Курганы XI-XII в
 с могильными ямами

4 0 4 8 12 16 20 24

Рис. 3. Планы и разрезы черниговских курганов X—XII вв. На плане Черной Могилы помещены для сравнения планы Спасского собора 1036 г. и Ильинской церкви XI в.

можем допустить приближенный расчет: погребенная в кургане № 2 девочка была около 125—130 см ростом, что соответствует возрасту 9—11 лет. Ориентированы погребения на запад и лишь некоторые на юго-запад. Инвентарь погребений количественно невелик. В мужском погребении (курган № 3) найдена обычная лировидная пряжка и гладкое бронзовое поясное кольцо. В другом случае — неопределенный железный предмет.

В погребении мальчика тоже обнаружены лировидная пряжка и два небольших простых перстенька.

В женских и девичьих погребениях встречаются височные кольца разных типов, лунницы, небольшое количество бус, перстни, ножи и шитые золотом парчевые ленты на шее, всегда в сопровождении мелких пуговиц.

Для всех погребений характерно отсутствие керамики. Только один раз в кургане № 6 с парным погребением найдена необычной формы глиняная мисочка с широко отогнутым горизонтальным венчиком и с ручкой.

Дважды в курганах (в насыпи) найдены тесла, возможно применявшиеся в качестве мотыг (например, если захоронение производилось зимою).

Височные кольца здесь в основном трех типов:

1. Трехбусинные золотые или серебряные. Бусы с зернью и жемчугом.

2. Однобусинные, завязанные (с пастовыми бусинами). То обстоятельство, что эти украшения наглухо завязаны, в известной мере решает вопрос о назначении височных колец, часто называемых серьгами. Данный тип никак не мог служить серьгой, так как не продевался в ухо.

3. Гладкие перстнеобразные (серебряные и бронзовые). Лишь однажды встречены височные кольца из проволоки с нанизанными на нее круглыми сердоликовыми бусинами.

Лунницы всегда встречаются только по одному экземпляру на погребение и представляли, очевидно, средник небольшого ожерелья из 3—10 бус. Лунницы есть вызолоченные, а одна лунница сделана из необычного материала — из перламутра с золотым ушком.

Бусы поражают своей малочисленностью — есть погребения, содержащие всего лишь по одной бусине, положенной как бы символически. Несколько раз встречены круглые сердоликовые многогранные, бипирамидальные и призматические. Имеются стеклянные позолоченные и зернистые — «ягодные». Однажды встречена золотая сканная бусина.

Разнообразны перстни, носившиеся то на левой, то на правой руке. Есть и простые перстеньки из бронзовой или серебряной проволоки. Встречаются дорогие перстни из золота и даже с эмалью по золоту. Есть серебряные с чернью. Совершенно отсутствуют браслеты.

Во многих случаях на шее покойницы под нижней челюстью найдены узкие парчевые ленты с пуговками (с одной или двумя). Пуговицы часто вызолочены.

Железные ножи всегда находились у левого бока. Один из ножей украшен красивой серебряной обоймой с чернью.

Черниговские курганы резко отличаются от деревенских следующими признаками: 1) отсутствием керамики; 2) отсутствием браслетов; 3) наличием золотых вещей и 4) наличием серебра с чернью (особенно на рукояти ножа).

Весь характер инвентаря говорит о том, что перед нами городское кладбище с явными следами городского ремесла на вещах.

В меньшей степени городской характер улавливается в Гушинской загородной группе в 5 км от Чернигова.

Датировка погребений облегчается находкой в кургане № 5 1908 г. монеты Этельреда 994—1000 гг. Височные кольца, подобные кольцам этого погребения, встречены в курганах: № 1, 2/1908, 4, 7; бусы в курганах № 7/8, 1/1908, 4.

Вещи из кургана № 5 должны быть отнесены к первой половине XI в., к эпохе Мстислава Владимировича или Ярослава Мудрого.

Курганное кладбище на Болдиных Горах несомненно продолжало существовать и после крещения Руси. Курганы с погребениями в ямах без срубов почти не противостоят церковному погребальному обряду: насыпь невелика, трупосожжения нет, языческих стравниц нет; ориентировка не противоречит канону; парных погребений с насильственным умерщвлением женщин нет; вещей при покойниках почти нет (82% погребений без инвентаря).

Древние черниговцы могли хоронить здесь своих покойников и в то время, когда на Болдиных Горах уже возникла Ильинская церковь.

Анализируя инвентарь Троицкой группы, мы наблюдаем значительную пестроту и разнообразие вещей. Эту пестроту можно было бы объяснить хронологическими или социальными различиями, но мне кажется, что прежде всего мы должны учесть явно ошутимую возрастную группировку материала. Взрослые женщины и девочки-подростки резко отличаются друг от друга по подбору украшений, хотя среди второстепенных предметов встречаются совершенно аналогичные вещи, заставляющие сблизать их хронологически.

Особенно многообразны височные кольца. Мы, пожалуй, совершили бы ошибку, если бы пытались выстроить все эти кольца в эволюционный ряд (например, сначала перстнеобразные, затем однобусинные и далее трехбусинные) или объяснять различие бедностью и богатством.

Различия между детскими и женскими погребениями заключаются в следующем: ножи

встречаются только в женских погребениях; парча только один раз встречена в детском кургане, тогда как в женских она обычна; трехбусинные височные кольца не встречены в детских погребениях. Кроме того, следует обратить внимание на способ ношения перстня на правой руке, а у девочек на левой.³⁷

В этнографическом и археологическом материале мы часто встречаемся с возрастными различиями в костюме и головных уборах. Относительно хозяйственных ножей любопытные сведения были сообщены мне сотрудницей Загребского этнографического музея Б. Мохачек: у хорватов жених дарит невесте при обручении нож, как символ хозяйственности. Образцы ножей, богато орнаментированных, на узорных цепочках обильно представлены в Загребском музее. В Черниговском некрополе ножи являются обязательной принадлежностью захоронений взрослых женщин и отсутствуют в могилах подростков.

Головные уборы и относящиеся к ним украшения особенно четко отражают изменения в возрасте и семейном положении девушки и женщины. В Далмации в окрестностях Дубровника в селе Коновле мною зарисованы и сфотографированы серьги разных возрастных групп крестьянок. Серьги («вежилице», «орачины») делаются обычно из золота (рис. 4).

Девочка-подросток с 9—10 лет до замужества носит небольшие скромные сережки-орачины. Девушка-невеста, отправляясь к венцу, одевает пышно орнаментированные вежилицы со сканными подвесками. Вежилицы имеют временную булавку для прикрепления к головному убору (их даже не вдевают в уши). Замысловатое украшение невесты служит ей лишь один день, когда совершается свадебный обряд, после чего праздничные вежилицы убирают до новой свадьбы кого-либо из членов этой семьи. Замужняя женщина меняет свои прежние украшения на третий тип серег. Орачины замужней женщины очень похожи во всех основных частях на детские, но они вдвое больше размером и богаче украшены. Типологически они очень близки между собою и совершенно отличны от подвенечных украшений. Отличаются они и хронологически — виденные мною подвенечные вежилицы получены были их хозяйкой от прабабки. Самые условия их ношения позволяют им сохраняться чрезвычайно долго.³⁸

В археологическом материале возрастные различия хорошо прослеживаются, например,

³⁷ Во время православного обряда венчания священник надевает кольца брачующимся на правые руки. Таким образом, наличие перстня на правой руке может указывать на замужнюю женщину.

³⁸ У удмуртов молодая женщина имеет право носить подвенечный убор вплоть до рождения первого ребенка. В. Н. Беллицер. Национальный костюм удмуртов (Кратк. сообщ. Ин-та этнографии, т. II, 1947, стр. 88).

в инвентаре погребений Суук-Су: женские погребения содержат крупные височные кольца с кубическими золотыми бусинами, а детские — небольшие сережки с двумя или тремя зернами металла внизу.³⁹

Для черниговских курганов мы можем предположительно наметить следующие различия в инвентаре:

Девочка-подросток. Два проволочных перстнеобразных височных кольца. Перстень на левой руке (иногда золотой). Лунница в ожерелье (?). Могила неглубокая, насыпь кургана не выше 1 м.

Девушка невеста (или молодаяка до рождения первого ребенка). Два богато украшенных трехбусинных височных кольца. Перстень (или два) на правой руке (или на обеих). Нож у левого бока. Лунница. Могила значительно глубже. Насыпь высока.

Замужняя женщина. Два или три височных кольца. Одно из них с пастовой бусиной; остальные перстнеобразные, похожие на девичьи. Лунниц нет. Перстень на правой руке. Нож у левого бока. Устройство могилы и насыпи такое же, как в предыдущем случае.

Несомненно, что в предложенной мною возрастной разбивке может оказаться элемент случайности, но все же сопоставление с далматинскими украшениями как будто бы помогает разобраться в возрастных отличиях черниговских курганов. Детские костяки наиболее надежны, так как здесь мы опираемся на размер скелета. Менее достоверно разделение взрослых женщин на два разряда. Оба наряда объединены наличием ножей и ношением кольца на правой руке (т. е. так, как надевает священник при венчании). Отличия заключаются в пышности височных колец, в так называемом «подвенечном уборе», и в наличии в нем лунниц. Первое обстоятельство легко примиримо с данными этнографии. Лунница же в уборе невесты могла означать, что она еще не вполне порвала с той возрастной группой, из которой она переходила в связи с замужеством. Можно допустить и то, что большая пышность некоторых инвентарей отражает не возрастное, а социальное различие.

На черниговском материале, количественно ограниченном, нельзя притти к определенным выводам. Данная гипотеза должна быть проверена на материале более массовом.

3. Курганы со срубными гробницами

Курганы со срубными гробницами, представляющие важный и интересный раздел русских погребений X в. встречены в самом

³⁹ Например, детские погребения № 56, 72, 131, 169. В древностях Муромы А. Ф. Дубынин установил возрастные различия по материалам Малышевского могильника.

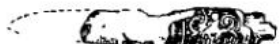
<i>возрастные различия украшений Суук-Су</i>			
			
	<i>Детские погребения</i>		<i>Взрослая женщина</i>
<i>Возрастные изменения украшений /Далмация, с. Конавле/</i>			
			
	<i>Серьга девочки-подростка</i>	<i>Временная серьга невесты только для свадьбы /передается по наследству от прабабки/</i>	<i>Серьга молодой и вообще замужней женщины</i>
<i>Возрастные различия в инвентаре женских погребений Черниговских курганов XI века</i>			
	<i>Девочка-подросток</i>	<i>Подвенечный убор</i>	<i>Замужняя женщина</i>
<i>Курган</i>			
<i>Височные кольца</i>			
<i>Лунницы</i>			
<i>Перстни</i>	 <i>На левой руке</i>	<i>На правой руке</i> 	<i>На правой руке</i>
<i>Ножи</i>			

Рис. 4. Возрастные различия женских украшений по этнографическим и археологическим данным

Чернигове только дзядды на Болдиных Горах, но зато они тянутся вниз по Десне (Гущино и Шестовицы). Есть они и на север от города, на Халявинской дороге, где П. М. Добровольский раскопал погребение с конем.⁴⁰

Встречены срубные гробницы и в Седневе близ Чернигова, и в окрестностях Стародуба (Левинка). Есть они и на Правобережье Днепра в Киеве и южнее его. В XII в. этот обряд погребения сохраняется в Поросье.

Исторический интерес срубных гробниц X в. заключается в том, что они одновременны курганам с сожжением и однотипны с ними по инвентарю. Ни хронологического, ни социального различия между дружинными курганами с сожжением и со срубными гробницами не заметно.

Д. Я. Самоквасовым наиболее четко исследован курган в Гущинской группе за пределами городского некрополя. Курган высотой 4,2 м, в диаметре 16 м, с ровиками, прикрывал собою кубическую яму; каждая сторона куба — 285 см. Стенки ямы выложены деревом, и сама яма была забрана сверху дубовым накатом, сгнившим, разумеется, ко времени раскопок. На дне ямы лежали костяки воина и коня, оба головами на запад. Конь занимал северную половину гробницы, а воин — южную. Около воина с левой стороны были положены боевой топорик с тяжелым обушком, копье (обращенное рожном на восток) и серп, предназначавшийся, очевидно, для накашивания травы коню на походе. Копье расположено таким образом, что его древко должно было упираться в западную стенку гробницы. Если бы оно лежало на земле, то длина древка не превышала бы 140 см, что для копья конного воина несоразмерно мало. Очевидно, копье было или поломано, или же опущено в могилу сверху. В последнем случае длина «ратовища» могла достигать (исходя из размеров ямы) 360 см. Такая длина вполне возможна для кавалерийского копья. У костяка находилось также кресало, кремь, нож и мусат — точильный брусок. От одежды сохранились 6 бронзовых пуговиц, обрывки шерстяной ткани и бронзовые бляшки. Из бляшек интересна одна в виде мордочки зверя с острыми торчащими ушами.

Конь был опущен в могилу взнузданным и оседланным. Удила — простой формы без псалий. Стремена с широкой подножкой и сплошным ушком. Пряжка от подпруги железная, вытянутая; ширина подпружного ремня могла быть не больше 2 см.

В восточной части гробницы между воином и конем стоит небольшой глиняный горшочек (высота 10 см) с отогнутым краем и одной линией волнистого узора. Рядом с горшком, ближе к стенке гробницы, было поставлено деревянное ведро, скрепленное железными

обручами и с железной дужкой. Диаметр дна ведра, если верить рисунку Самоквасова, — около 30 см.

Курганы на Болдиных Горах раскапывались Д. Я. Самоквасовым специально для XIV Археологического съезда 1908 г., и участники съезда принимали участие в раскопках. Однако, несмотря на то что Д. Я. Самоквасов старался придать своим раскопкам образцовый характер, как отчетность, так и самая система исследования остались попрежнему неудовлетворительными. При публикации отчета нет чертежей, нет рисунков костяков.

Самый большой из курганов со срубными гробницами, находившийся на западной окраине некрополя, остался недокопанным: обнаружив обширную яму и произнеся при этом пространную речь о методах археологических раскопок, Самоквасов забросил раскопки на глубине 4 м, не дойдя до содержимого гробницы.⁴¹

Второй курган оказался ограбленным. Высота его 5 м, диаметр 18 м, яма 280 × 250, глубиной 280 см. На дне гробницы лежало два потревоженных костяка без вещей. Костяк коня найден не в яме, а на восточном краю ее, на груде выброшенной из ямы земли. Конь был положен головою на север, на правом боку, ногами к западу. Конь был взнуздан и оседлан. Удила с небольшими кольцами и дополнительными приваренными к ним колечками, в которые были продеты железные же кольца для поводьев. Всего на каждой стороне удил было по три кольца — два (образующих восьмерку) неподвижных и одно подвижное, расположенное в другой плоскости. Стремена не изданы, так как раскрошились при раскопке; форма их неизвестна.

Дружинники, практиковавшие погребения с конем в срубных гробницах без признаков сожжения, были немногочисленны в самом Чернигове. Местом их жительства было, вероятно, Шестовицкое городище в 18 км на юго-восток от города, где в окрестных курганах найдены срубные гробницы, погребения воина с конем и с женщиной.

4. Курганы с трупосожжением

Курганы с сожжением воина или воина и женщины, так хорошо известные нам по красочному описанию Ибн-Фадлана, встречены вокруг Чернигова в разных местах.

Можно думать, что именно погребения этого типа более древние, чем ямные погребения без срубов, больше всего пострадали при расширении города. Один из участков древнего некрополя с сожжением начинался около Елецкого монастыря и тянулся далее на се-

⁴¹ Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов... «В яму углублен колодезь до 6 аршин, но ее дно не встречено, а наступивший вечер побудил прекратить раскопку» (стр. 33).

⁴⁰ А. Верзилів. Ук соч., стр. 69.

вер; от него уцелели до XIX в. только крупнейшие насыпи. Второй участок находился на левом берегу Стрижня, в урочище, называвшемся «Старое кладбище в Березках».

Я начну обзор именно с этих более простых окраинных курганов, раскопанных в 1908 г. Их здесь исследовано всего пять, и все пять оказались курганами с сожжением.

Размеры в м:

№ курган*	Высота	Диаметр	Размер кострища
1	3.5	14	Ок. 4
2	7	20	3.6
3	7	25	5.5
4	2.8	10	?
5	?	?	?

Как видим, эти курганы относятся к крупным и по объему насыпи в несколько раз превышают поздние курганы христианского Чернигова.

По степени сохранности насыпи и инвентаря наибольший интерес представляет курган № 2. Его насыпь на $\frac{2}{3}$ состоит из местного песка, взятого из ровиков, а верхняя треть, прикрывающая насыпь, состоит из привезенной откуда-то со стороны глины. Это явление не случайное — древние черниговцы обычно сооружали насыпь в два приема: первые две трети из ровиков, а сверху накрывали эту насыпь как бы глиняной шапкой, охранявшей курган от расползания. В средней части насыпи и на границе слоев глины и песка в кургане № 2, как и в других курганах этой группы, ничего не встречено.

На уровне материка встречено кострище около 360 см в поперечнике. Почва была прокалена и в стороны от кострища на 1.5 м.

Чертежей и зарисовок Д. Я. Самоквасов, по обыкновению, не публикует, но благодаря наблюдательности некоторых участников Археологического съезда, помогавших Самоквасову в его работе, удалось сделать очень ценное наблюдение относительно формы погребального костра. Д. Я. Самоквасов обычно описывает эти кострища как расплывчатые округлые пятна, здесь же были найдены угловатые бревна, положенные друг на друга крестообразно и перемешанные с хворостом.⁴² Погребальный костер был сложен из небольших бревен диаметром 7 см и длиной около 350 см, т. е. по своим размерам и квадратной форме был очень близок к срубным гробницам того же времени. Наряду с бревнами здесь был обнаружен и хворост. Обилие же тонкого пепла и золы в курганах подобного типа может свидетельствовать о применении соломы. Сведения, сообщаемые о кургане № 2,

значительно уясняют нам конструкцию «крады великой», но все же остается несколько нерешенных вопросов: 1) была ли «крада» сплошной кладкой из бревен (наподобие поленицы дров) или только обкладкой сжигаемых покойников? 2) возлагались ли трупы сжигаемых и сопровождающий их инвентарь поверх крады или прямо на землю и затем покрывались горючим материалом?

Данные о кургане № 2 в «Старом кладбище в Березках» позволяют нам лишь определить квадратную форму «крады» и материал, из которого она складывалась. Описание позволяет восстановить такую картину погребения: на кострище лежали головами на запад костяки мужчины и женщины (по правую руку от мужчины, южнее) на расстоянии 70 см друг от друга. Налево от мужчины — оседланный и взнузданный конь, а направо от женщины — «кости крупного животного», судя по описанию Ибн-Фадлана, — быка или коровы. В головах у воина найдены кости барана, а у женщины горшочек и птичьи кости. Направо от женщины находилось деревянное ведро с железными обручами и дужкой — непрременная принадлежность почти всех черниговских курганов этой эпохи. Еще один сосуд и какая-то ткань были в ногах. В центре кострища был поставлен горшок с пережженными костями животного, по всей вероятности барана, так как в русском погребальном ритуале X в. жертвоприношение барана занимало очень важное место и кости барана в сосуде ставились обычно в центре (рис. 5).

Мужчина воин был снабжен оружием (копья, стрелы), на узком поясе у него были бронзовые бляшки, отдаленно напоминающие стилизованную звериную морду. Женские украшения в большинстве своем расплавились. На месте женского костяка найдено свыше сотни серебряных и стеклянных слитков. Уцелели проволочные простые колечки, стеклянные бусы, одна сердоликовая призматическая бусина, пять серебряных квадратных бляшек, украшенных восемью лепестками. Курган следует датировать X в.⁴³

Другие курганы этой группы представляют меньший интерес. В кургане № 1 вещи не сохранились, в кургане № 3 найден гончарный горшок с двумя волнистыми линиями, наполненный костями, серебряное колечко и бляшки. Плохая сохранность кострища объясняется наличием христианских склепов XVIII в., разрушивших глиняную «крышу» кургана. В кургане № 4 найдено дно сосуда с костями и две бляшки, аналогичные бляшкам из большого кургана № 2. В кургане

⁴³ Д. Я. Самоквасов обратил особое внимание на баранье ребро со знаками, которые он назвал «резами» (Самоквасов. Раскопки северянских курганов, рис. 6). Мне кажется, что он был введен в заблуждение естественными трещинами кости, которые, действительно, напоминают известный знак рюриковичей.

⁴² Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов. М., 1916, стр. 8—9.

№ 5 уцелело также дно сосуда с костями, два наконечника сулиц и стрела.

Кладбище «в Березках» на северной окраине города возникло еще в X в. Продолжали ли здесь хоронить в XI и XII вв., — неизвестно, так как для раскопок 1908 г. выбирались крупные курганы, оказавшиеся ранними. Возможно, что продолжением этого кладбища, разраставшегося на северо-восток, была так называемая Стриженская группа с обычными захоронениями в ямах.

5. Курганы Гульбище, Черная Могила и Безымянный

Драгоценнейший для русской археологии материал по княжескому и боярскому быту времен Олега и Святослава получен в результате раскопок огромных курганов, расположенных на запад от древнего черниговского детинца, за стенами второго города.

Два древних кургана находились непосредственно за валами; это — курган княжны Черны, варварски уничтоженный в 1851 г., и знаменитая Черная Могила, раскопанная Д. Я. Самоквасовым в 1872 и 1873 гг.⁴⁴

Два других кургана увенчивают обрыв Болдиной Горы, господствующей и над родником Перуна — Ильи, и над «Святым лесом» на луговой террасе Десны. Материалы из этих курганов изданы Д. Я. Самоквасовым в виде краткого перечня важнейших предметов. Детали погребального обряда и особенно топография находок прослежены неудовлетворительно.⁴⁵ Поэтому мне придется подвергнуть краткие записки Самоквасова специальному источниковедческому анализу, разбив материал на две части: обряд погребения и размещение вещей, во-первых, и характер инвентаря — во-вторых.

Обряд погребения. В общих чертах обряд погребения больших черниговских курганов рисуется очень сходно с описанием Ибн-Фадлана.

На избранном для погребения месте складывался костер, на котором сжигался покойник и сопровождающая его женщина; вокруг трупов было положено много оружия, украшений, посуды и других бытовых предметов. В ногах покойников клали туши быков, оседланных и взнузданных коней. Когда костер догорал, часть оружия и доспехов изымали с кострища и временно относили куда-то в сторону. Затем приступали к насыпке курга-

на, и когда насыпь достигала примерно половины или двух третей высоты предполагаемого кургана, на вершину насыпи укладывали снятые с кострища доспехи, дополняли их ритуальными сосудами и через некоторое время по окончании тризны, совершавшейся вокруг воинских доспехов умершего воина, продолжали досыпку кургана, засыпая при этом и доспехи. Последним актом погребального обряда было водружение на вершине окончательно насыпанного кургана столба с именем покойного. Впоследствии около столба, на широкой горизонтальной площадке (около 80 кв. м) производились поминки, так как на вершине находят обломки глиняных горшков и стеклянные браслеты.

Такова схема погребального обряда. У Самоквасова чертежи сделаны только для Черной Могилы; в остальных случаях он ограничился ссылками на сходство с ней. Порядок раскопки был принят следующий:

1. Прорезана узкая траншея вдоль западной половины кургана.
2. От траншеи сделан коленчатый «поеобразный» вырез до середины кургана.
3. Срезана горизонтально верхняя треть всей насыпи.
4. На полученном срезе заложен раскопный колодец 21 × 21 м. Квадрат колодца разделен на три полосы с севера на юг.
5. Каждая треть раскопного колодца (21 × 7 м) раскапывалась до уровня кострища в последовательном порядке, начиная с западной полосы.
6. Западная треть кострища была разобрана отдельно, а средняя и восточная трети были разобраны после снятия земли с них обе одновременно (?).
7. В процессе раскопок допускались подбой под нераскопанную еще часть насыпи.
8. Полностью доследована только западная половина кургана. Остальные половины и восточная часть погребального костра остались недоследованными.

Окружность Черной Могилы равна 125 м. На площади основания этого грандиозного кургана могли бы уместиться: пятиглавый Спасский собор 1036 г. и две небольшие церквушки типа Ильинской. Понимание конструкции насыпи затруднено путаницей в сведениях Самоквасова. Известный разрез Черной Могилы, помещенный им на титульном листе «Могила русской земли», не сходится с цифровыми данными. Разрез кургана представляет трапецию, в которой измерены оба основания и высота. Если мы примем радиус верхней площадки кургана за единицу, то получим следующие соотношения:

	По цифровым данным	По чер- тежу
Верхнее основание	2	2
Высота . . .	2.2	1.75
Нижнее основание	8	6

⁴⁴ По окончании раскопок курган был вновь засыпан, его первоначальная форма была восстановлена, а на вершине холма, где в X в. должен был стоять столб с именем умершего, Д. Я. Самоквасов водрузил гранитный обелиск с записью о произведенных раскопках. Обелиск украшен изображениями найденных при раскопках вещей и орнаментом, взятым с турьих рогов.

⁴⁵ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли; Его же. Могильные древности Северянской Черниговщины.

На чертеже, с явным нарушением масштабности, изображены столб наверху и груда доспехов внутри насыпи. Все это заставляет очень осторожно относиться к самоквасовскому чертежу и проверять его перекрестным расчетом и сопоставлением с изданной фотографией (Мог. древн., рис. 3), где, кроме самого автора раскопок, четко видна толщина верхнего слоя насыпи и кострища. В печатном отчете есть путаница и в словесном описании, и в цифрах. Так, толщина кострища в одном случае определена в 2 аршина, а в двух других случаях в 2 четверти аршина. Перекрестная проверка и сопоставление с фотографией позволили признать правильным второй размер.

На основании перерасчетов мною сделана реконструкция насыпи Черной Могилы, несколько отличающаяся от самоквасовской, но основанная на его же материалах.

Кострище соорудилось, очевидно, не прямо на материке, а на небольшой песчаной подсыпке в 1—1,5 м и диаметром в 10—15 м. Это имело чисто практический смысл для усиления притока воздуха. Засыпано было кострище землей из обширного рва. Первоначальная насыпь должна была иметь не менее 7 м в высоту и имела, судя по фотографии, форму шарового сегмента. Груда доспехов помещалась, вероятнее всего, на вершине этой насыпи, увенчивая ее и оставаясь некоторое время видимой. Окружность ровика, из которого бралась земля для насыпи, — 170 м. Ширина рва — 7 м. Если мы сопоставим между собой объем первичной насыпи (той насыпи, на вершине которой были помещены доспехи), вычислив его по формуле объема шарового сегмента с объемом рва (по формуле полуцилиндра), то получим очень близкие величины — около 4000 м³ земли. Очевидно, вся потребность в земле для первоначальной насыпи удовлетворялась заранее отведенными рвами. Для вторичной досыпки кургана нужно было еще 2000 м³ глины, которую должны были привозить из близлежащих оврагов.

Насыпка кургана требовала огромного количества людей. Вероятно, с тех дальних времен ведет свое начало обычай, обязывающий всех присутствующих на похоронах бросить горсть земли на могилу (см. ниже рис. 7).

Деревянный столб на вершине кургана, обложенный кирпичом, определен Д. Я. Самоквасовым как сооружение XI в. «Кирпичи, связанные крепким известковым цементом, имели форму прямоугольников 10 вершков длины, 5 вершков ширины и около 2 вершков толщины с бороздами на одной стороне, совершенно сходны по форме и составу с длинными красными кирпичами, входящими в состав нижней части стен Черниговского Спасского соборного храма, основанного князем

Мстиславом Владимировичем в 1031 году».⁴⁶ Если мы переведем меру кирпичей на сантиметры, то получим 44 × 22 × 9. Подобные кирпичи относятся не к XI, а к XVII и XVIII вв. В Спасском соборе они имеются только в частях, отремонтированных в начале XVIII в. Бесспорным датирующим признаком являются каннелюры — бороздки, появляющиеся в XV в. и доживающие до XVIII в. К концу XVII в. относится ряд построек в Елецком монастыре (колокольная, ограда), сложенных из подобного кирпича с бороздками (40 × 20 × 9 см). Вероятно, именно тогда монахи и устроили какую-нибудь часовенку на столбе на вершине языческого кургана, возвышавшегося прямо против монастырских ворот. Поэтому самоквасовское сопоставление с архитектурой XI в. следует признать недоумением.⁴⁷

Столб на вершине Черной Могилы, вероятно, существовал и в X в., только в раскопках Самоквасова его остатки не удалось отделить от остатков столба, обложенного кирпичом XVII в.

Топография кострища Черной Могилы (рис. 5). Для восстановления порядка размещения трупов и вещей на погребальном костре мы располагаем, во-первых, графической схемой, во-вторых, словесным описанием, в-третьих, уникальным альбомом фотографий (хранящемся в Кабинете археологии МГУ), частично изданных вдовой Д. Я. Самоквасова. И тем не менее реконструкция погребального обряда остается делом нелегким, так как перечисленные выше материалы противоречат друг другу. В отчете иногда указано местоположение предмета в северной или южной части кострища (а на рисунке наоборот), но нигде не отмечено взаимное положение вещей по глубине. Мы даже не знаем такой существенной детали, как положение вещей по отношению к углям — были ли вещи под углями костра или над ними? А между тем от того или иного ответа на этот вопрос зависит реконструкция всего погребального сооружения. Определяя расположение вещей на кострище, мы должны помнить, что часть предметов была с него взята для водружения на вершине первичной насыпи. К ним относятся два шлема, кольчуги, два ножа-скрамасакса и бронзовый божок. Турьи рога не носят никаких следов огня, поэтому можно утверждать, что они не были взяты с кострища, а были положены уже позднее, когда существовала первичная насыпь. Это относится и к золотым монетам и к

⁴⁶ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, стр. 5—6.

⁴⁷ В «Могилах русской земли» Самоквасов привлекает в качестве аналогии кирпич из развалин на берегу Стрижня, но, как показали раскопки 1946 г., каннелированный кирпич встречен там только в склепе эпохи Петра Великого.

ритуальному сосуду с костями и шерстью барана.

При рассмотрении плана кострища, помещенного в «Могилах русской земли» (рис. 65), необходимо расшифровать услов-

этому приходится определять его приблизительно, исходя из размеров зарисованных мечей и копий и сличения их с натурой.

При знакомстве с составом и количеством вещей возникает вопрос о количестве погреб-

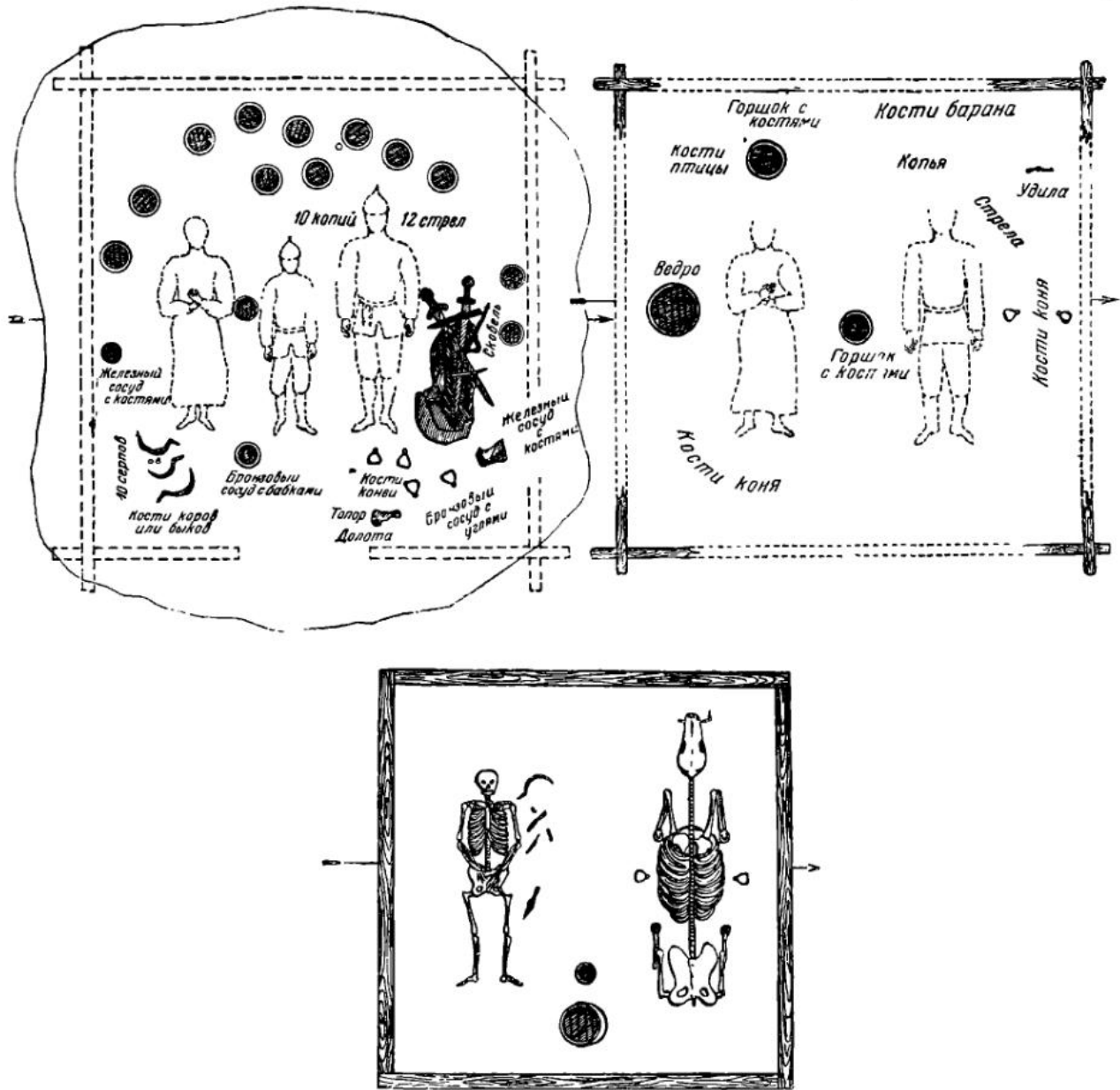

Рис. 5. Наверху слева — реконструкция кострища Черной Могилы, справа — реконструкция кострища кургана „в Березках“, внизу — план срубной гробницы (Гуцино).

ные сокращения чертежа: *ОР* — оружие, *С* — стрела, *ЖС* — железный сосуд, *БС* — бронзовый сосуд, *ЖП* — железный предмет, *О* — обручи от ведра, *СР* — серп, *Л* — лошадиные кости, *К* — коровьи кости, *М* — остатки мужского костяка (?), *Ж* — остатки женского костяка (?), *БР* — бронзовый предмет, *Т* — топор, *А* — ? (три предмета в восточной части кострища). Масштаб чертежа не указан, по-

бенных на костре покойников. Самоквасов пишет, что в центральной части кострища на пространстве 3,5 м в диаметре найдены разбросанные остатки двух костяков — мужчины (на севере) и женщины (на юге). Обломки черепов встречались в западной половине кострища.⁴⁸

⁴⁸ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности, стр 30—31 и 35.

Трупосожжение мужчины и положенной по правую руку от него женщины — явление обычное, но в данном случае нас удивляет дублетность всего основного мужского инвентаря: 2 шлема, 2 кольчуги, 2 меча, 2 оседланных коня, 2 копыя, 2 ножа. Это удвоение можно было бы объяснить богатством погребенного князя и стремлением родственников подчеркнуть его высокое положение необычным количеством имущества. Но против этого говорит то, что повторены дважды не только бытовые, но и ритуальные вещи: 2 турьих рога, 2 сосуда с костями барана, 2 ножа для жертвоприношений, 2 золотых монеты. Такая дублетность инвентаря, связанного с погребальным обрядом, не может вытекать из желания показать богатство умершего. Не может она быть отнесена и за счет женщины, так как женщина сама была только принадлежностью ритуала.

В чем различие между однородными вещами? Один из шлемов больше размером, окован позолоченным медным листом и внутри содержал остатки парчевой шапки. Другой шлем меньших размеров и скромнее по своему убранству. Возможно, что они принадлежали субъектам разного возраста и положения.⁴⁹ Турьи рога также разных размеров; больший рог богаче украшен. Остальные вещи не дают существенных отличий.

Из числа вещей, встреченных только в одном экземпляре, следует вспомнить бронзовый сосуд с комплектом детской игры — сотней бабок и одной бронзовой «биткой» — тоже в форме бараньего астрагала. Среди русских древностей мы знаем всего лишь два случая находки этой детской игры.

Второй раз бабки были найдены Д. В. Милеевым при раскопках Десятинной церкви в Киеве. Там под церковью, в срубной гробнице с бревенчатым накатом, в детском погребении были найдены ведра, ложка, детская глиняная свистулька и 157 бабок, частично залитых свинцом (как и в Черной Могиле) и украшенных гравированным орнаментом. Дата погребения — X век.⁵⁰

Наличие игральных бабок в Черной Могиле подтверждает предположение о двух мужских погребениях и может указывать на то, что один из знатных воинов был молод еще настолько, что носил неполномерный шлем и играл в бабки.

Таким образом, предположительно можно говорить о трех покойниках, сожженных на

кострище Черной Могилы: воин (князь?) в золоченом шлеме, одетом поверх парчевой шапки, юный воин в небольшом скромном шлеме с «коном» бабок в ногах и женщина с однобусинными височными кольцами, которые в следующем столетии носили замужние черниговки (см. выше предположительную возрастную классификацию украшений XI—XII вв.).

Юноша-воин не был рабом или слугой, так как во всем погребальном обряде мы явно ощущаем желание отметить двух равноправных покойников: доспехи обоих воинов украшали курган во время воинских игр — тризны, в честь обоих умерших «пили в розех» участники «стравы», положив рога рядом с доспехами. Мы можем предполагать, что молодой воин был близким родственником старшего воина, а может быть, что и все трое сожженных находились в родственных связях.⁵¹

Порядок размещения трех костяков был, по всей вероятности, таков: северную половину, как обычно, занимал старший воин, южную половину — женщина, а юноша (судя по расположению сосуда с бабками) был положен посередине между ними.

Если на самоквасовский чертеж кострища мы нанесем контуры трех трупов, то они займут среднюю часть его и лягут как раз в промежутки между вещами.

Топография погребального кострища предстает перед нами в таком виде: среднюю часть занимали покойники, положенные в полном воинском доспехе. По левую руку от старшего князя находилась грудка оружия. Один из мечей расположен таким образом, что если мы мысленно представим себе лежащего рядом воина, то меч, высовывающийся из общей груды, придется как раз рукоятью на левое бедро покойника. Вероятно, князь был опоясан мечом. Этот меч является самой нижней вещью в грудке; поверх его положено (или вонзено в землю) копые, меч, сабля, седло со стременами. Здесь же, в скипевшейся массе железных вещей, находились обрывки кольчуги, очевидно с левого бока князя. У ног князя был положен щит с медной оковкой. Среди оружия, поверх его, неожиданно оказался железный скобель — плотничный инструмент (Д. Я. Самоквасов ошибочно назвал его шпору — см. предмет № 3294).

Где-то в северной части (около груды оружия) находились два сосуда; один из них — железный, с пережженными костями барана, а другой — бронзовая жаровня с углем. На плане они не отмечены, но, судя по описанию,

⁴⁹ К сожалению, Д. Я. Самоквасов расчленил комплекс находок Черной Могилы и в 1874 г. передал значительную часть дублетных предметов в Киевский университет и в частные руки Антоновичу, Иवानовскому, Уварову и в другие коллекции «как образцы северянских древностей». Поэтому мы лишены возможности детального сопоставления многих вещей, в том числе и шлемов.

⁵⁰ ИАК, вып. 32 (прибавл.). СПб., 1910, стр. 129.

⁵¹ На кострище центральная часть была потревожена в то время, когда из угля вытаскивали доспехи — тогда некоторые кости оказались разбросанными (см. «Могилы русской земли», рис. 41). Естественно, что незначительные кальцинированные остатки костей Д. Я. Самоквасов не мог точно учесть и определить количество сожженных субъектов.

мы должны разместить их где-то в северо-восточном углу кострища. У ног князя были положены два оседланных и взнузданных коня.⁵²

Из вещей, связанных с женщиной, нам известно только положение десяти серпов в ногах (на чертеже их только три). Здесь же были кости быка или коровы и зерна. Несколько севернее серпов (т. е. ближе к предполагаемому юноше) стоял бронзовый сосуд с бабками. По правую руку от женщины находился какой-то железный сосуд (?). Всю западную часть кострища занимают обручи и дужки деревянных ведер. Они идут неправильным полукругом от северного края кострища до южного; всего стояло около 12 ведер. На каждом отроге полукруга, как бы замыкая его, стояло по железному сосуду. Деревянные ведра ставились, вероятно, с медом или вином, а не со смолой, как думал Д. Я. Самоквасов.

Во всем расположении вещей мы видим определенный порядок и систему. С мужчиной положены предметы вооружения и ратного быта, а с женщиной — орудия сельского хозяйства, злаки и домашняя скотина. Центральная часть кострища была приведена в беспорядок в то время, когда отсюда вытаскивали обугленные остовы мужчины и юноши в кольчугах и шлемах. Здесь найдены украшения, наконечники поясов, золотые, серебряные и стеклянные слитки.

В восточной части кострища найдены ключи, замки, топоры и долота. Кострище занимало площадь в 10 м в поперечнике, но вещи встречаются только очень компактно, на небольшом срединном участке кострища в 320—350 см в поперечнике.

Важным вопросом является точная датировка как всей Черной Могилы, так и ее отдельных частей. Датировка облегчена находками трех византийских монет. Как известно, одна монета найдена на кострище и две монеты около груды оружия и турьих рогов на вершине полунасыпанной насыпи. Д. Я. Самоквасов относил монету на кострище к середине X в., а монеты в насыпи к концу IX в., связывая их с византийским императором Василием I. При таком определении монет единственной датирующей монетой является та, что найдена на кострище, так как монета в насыпи — более ранняя. Ю. В. Готье, а вслед за ним и М. И. Артамонов, отнесли монеты с именем Василия к другому императору — Василию II

Болгаробойце, правившему в 975—1025 гг.⁵³ При таком распределении монет мы могли бы допустить следующие варианты датировки отдельных частей Черной Могилы:

1. Кострище и «тризнице» одновременны. Тогда они датируются временем 975—1025 или, точнее, 975—989 гг., считая за верхнюю дату введение христианства.

2. Кострище и «тризнице» не одновременны. Тогда кострище датируется монетой середины X в. (945—959 гг.) или временем несколько более поздним (учитывая обращение монеты). Тризна же и начало насыпания второй насыпи должны быть тогда отнесены ко времени после 975 г.

Итак, вопрос о дате Черной Могилы сводится к тому — относятся ли монеты к Василию I Македонянину (869—879) или же к Василию II Болгаробойце?

Приведу описание монет: 1—2. Монеты в насыпи около турьих рогов. Золотые византийские монеты с изображением императора и мальчика или юноши в плаще. Надпись: *Vasilius et Constant aug.* На реверсе — Христос на троне и надпись: *Iis Xrs rex regnantium...* 3. Монета на кострище. Золотая византийская монета, разрубленная пополам. На аверсе — изображение одного из двух императоров-соправителей и надпись: *Roman aug...* Судя по надписи, Роман — второе лицо, соправитель, помещенный на втором месте. На реверсе — погрудное изображение Христа и часть надписи: *... regnantium.* Надписи значительно мельче и эпиграфически сильно отличаются от надписей монеты Василия и Константина.

Каталог Британского Музея, располагающего значительным количеством византийских материалов, позволяет определить все монеты Черной Могилы. Монеты Василия и Константина — это монеты Василия I Македонянина (867—886) и его сына Константина, умершего в десятилетнем возрасте (869—879 гг.). К этим годам, когда император чеканил на монете свое имя и имя сына, и относятся обе монеты из насыпи 869—879 гг.⁵⁴ Монеты Василия II Болгаробойцы (975—1025 гг.) резко отличаются от монет Василия I как характером изображений, так и начерком букв, мелких и тонких⁵⁵ (рис. 6). Монета из кострища — это монета Константина VII Багрянородного и его сына Романа II (945—959 гг.). Таким образом,

⁵³ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М. 1930; М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 9—10.

⁵⁴ Приношу свою благодарность Ю. С. Крушкору и А. А. Сиверсу, определившим монеты из Черной Могилы.

⁵⁵ W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. V. II, London, 1908, табл. 12, стр. 436.

⁵⁶ Там же, табл. LVII, №№ 6—12.

⁵² Самоквасовский чертеж расходится здесь с описанием. В описании пара стремян отнесена к южной части, но на чертеже совершенно ясно все стремяна нарисованы в ногах князя и снабжены литерой С. В данном случае я отдаю предпочтение чертежу, изданному самим Самоквасовым, а не посмертной публикации описания.

датирует Черную Могилу не более ранняя монета в насыпи, а более поздняя на кострище 945—959 гг. Вопрос о одновременности первой и второй насыпи нумизматического подтверждения не получает.

Обращает на себя внимание большая потертость монет Василия и Константина (869—879 гг.) и четкость монеты Константина и Романа (945—959). Наиболее вероятной абсолют-

стра, так как руководителям погребального церемониала нужно было из центра описать окружность при помощи простейшего инструмента древних зодчих — веревки с двумя кольшками. Правильное геометрическое построение двух концентрических окружностей было известно задолго до X в., в эпоху сооружения болотных городищ-святилищ с двумя точными кругами валов. Идея круга, идея

Рис. 6. Византийские монеты IX—X вв. из Черной Могилы (верхний ряд) и их аналоги.

ной датой Черной Могилы являются 960-е годы, эпоха князя Святослава.⁵⁷

Попытаемся теперь представить себе процесс организации погребального костра, но заранее оговорившись, что здесь мы вступаем в область предположений и допущений, лишь частично подкрепленных отчетным или музейным материалом.

Поразительная правильность окружности всех древнерусских курганов свидетельствует о том, что окружность будущей насыпи определялась заранее, до сооружения самого ко-

кромлеха общая всем народам, в том числе и древним славянам, могла сказываться при сооружениях кургана в том, что место сожжения умершего ограждалось временной круговой оградой. В курганах южных вятичей близ Воронежа эта ограда была сделана в виде массивного тына, у словен новгородских ограждение-кромлех делали из валунов.

Можно допустить, что многие погребальные костры окружались круговыми ограждениями, хотя бы временными и неуловимыми для археологии, но обозначавшими границу будущего кургана. В пользу такого предположения говорит сопоставление русского термина «крада» с греческими текстами XI в. где этому слову соответствует иногда *κράδα*, а иногда *σφαίρα*.

⁵⁷ В. А. Пархоменко. Князь Чорний. Ювілейний Збірник на пошану акад. Д. Багалія. Київ, 1927 В. А. Пархоменко относил курган к более раннему времени, но все его построение основано на легендах XIX в.

Греческое *πυρά* переводилось на русский словами: «огнь», «жыгома», *крада* и вполне соответствовало огненной сущности погребения. Греческое *σφαίρα* переводилось словами: «круг», «образ», *крада* и как бы свидетельствует о круговой форме погребального костра или о его круговом ограждении.⁵⁸ Судя по остаткам прямоугольного костра, в кургане № 2 в «Старом кладбище в Березках», можно думать, что слова «сфера» или «круг» относились не к самому костру или срубам (столпу), куда ссыпались кости сожженных, а к ограде, к контурам будущего кургана или ко всему комплексу погребальных сооружений.

«Круг» — «крада» Черной Могилы определяется в 125 м. Внутри трассированной окружности будущего кургана существовала небольшая песчаная подсыпка, возможно тоже круглой формы. Диаметр ее — около 10 м, высота — 1—1,5 м. На ней-то и сооружался костер. Подсыпка нужна была как для усиления притока воздуха, так и для придания большей торжественности обряду, производившемуся при огромном стечении будущих участников насыпки земляного холма. Пока производились все приготовления к похоронам, покойник, по рассказу Ибн-Фадлана, находился во временной могиле, вырытой в земле и закрытой сверху деревом и землей. В этой временной могиле умершему клали «набид», какие-то плоды и музыкальный инструмент.⁵⁹ Приготовления к похоронам длились 10 дней. Мы не можем воспринимать описание Ибн-Фадлана как типичное во всех деталях, так как русс, похороны которого он описывает, умер в пути и был похоронен в своем временном, путевом жилище — в ладье, но и там, основным местом является какая-то «кабина» на ладье, помещение закрытое, с узким входом.⁶⁰ Если в Чернигове был похоронен местный черниговский князь, то он был у себя дома и мы напрасно стали бы искать здесь признаки ладьи. Погребение в ладье — это, по всей вероятности, погребение чужеземца, умершего в пути, в чужой стране. Самоквасовские материалы позволяют с большим трудом восстановить конструкцию погребального костра. По данным кургана № 2 в «Старом кладбище в Березках», костер имел прямоугольную форму, и в его состав входили тонкие бревна. На всех четырех углах сохранились перпендикулярно лежавшие бревна.⁶¹ Перед нами встает ряд вопросов. Что

представлял собой погребальный костер? На какой высоте клались покойники? Почему вещи расположены на кострище компактно, а не разбросанно? Почему все сосуды в курганах с сожжением стоят прямо, дном вниз?

Погребальный костер не мог состоять из нескольких сплошных рядов бревен, положенных поперечно ряд на ряд, так как подобное плотное расположение бревен должно было всегда сохранять большое количество бревен не обгорелыми. Если допустить, что покойники и сопровождающие их предметы укладывались поверх такого штабеля бревен, то совершенно непонятна строгая систематичность вещей — ведь на большом костре, жар которого испепелял трупы людей и туши коней, быков, баранов, — все вещи неизбежно должны были скатываться к периферии костра, проваливаясь вниз, одним словом, утрачивать свой первоначальный порядок. Штабельную конструкцию костра с водружением наверху покойников мы должны решительно отвергнуть.

Прежде всего поражает незначительная толщина кострищ — в Черной Могиле она не превышала 35 см. Обилие золы и пепла свидетельствует о массовом применении хвороста и, может быть, соломы. Следы хвороста, как уже сказано, были обнаружены в раскопках 1908 г. при более внимательном анализе кострища. Очевидно легкий горючий материал вроде хвороста и был основной частью костра.

Большой интерес представляет значительная оплавленность верхних частей предметов и то, что зола и пепел не подстилали, а прикрывали сверху многие предметы. Все это указывает нам на то, что не покойников клали на костер, а костер разводили над ними (рис. 7 и 8).

Многие недоумения разъяснятся, если мы допустим, что погребальное сооружение, в котором сжигали покойников Черной Могилы, Гульбища и кургана № 2 «в Березках», представляло собой подобие домовины, легкого бревенчатого сооружения, наполненного и окруженного со всех сторон хворостом и соломой. Идея дома мертвых, воспроизводящего схематически жилище живых, такая же общечеловеческая, как и идея кромлеха. Обе они нередко сочетаются и дополняют друг друга. Мне представляется, что в центре подсыпки строилась легкая прямоугольная домовина из жердей или досок. В Черной Могиле есть несколько крупных железных гвоздей, загнутых таким образом (в два колена), что это могло получиться только при скреплении двух тесин толщиной около 5—6 см. Вероятнее всего, что эта домовина не была настоящим домом, а

⁵⁸ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. Л., 1930, т. III. Словарь, стр. 164, 179.

⁵⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 81.

⁶⁰ Там же, стр. 49.

⁶¹ Эта интереснейшая деталь была упущена Д. Я. Самоквасовым в процессе раскопок, и только П. С. Уварова обратила внимание черниговского археолога на один из углов. После этого были произведены исследования, и угловые бревна обнаружены в других

местах. При раскапывании Черной Могилы в 1873 г. Д. Я. Самоквасов вообще не обратил внимания на расположенные угольные остатки, ограничившись определением кострища как круглого.

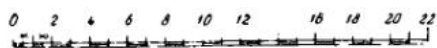
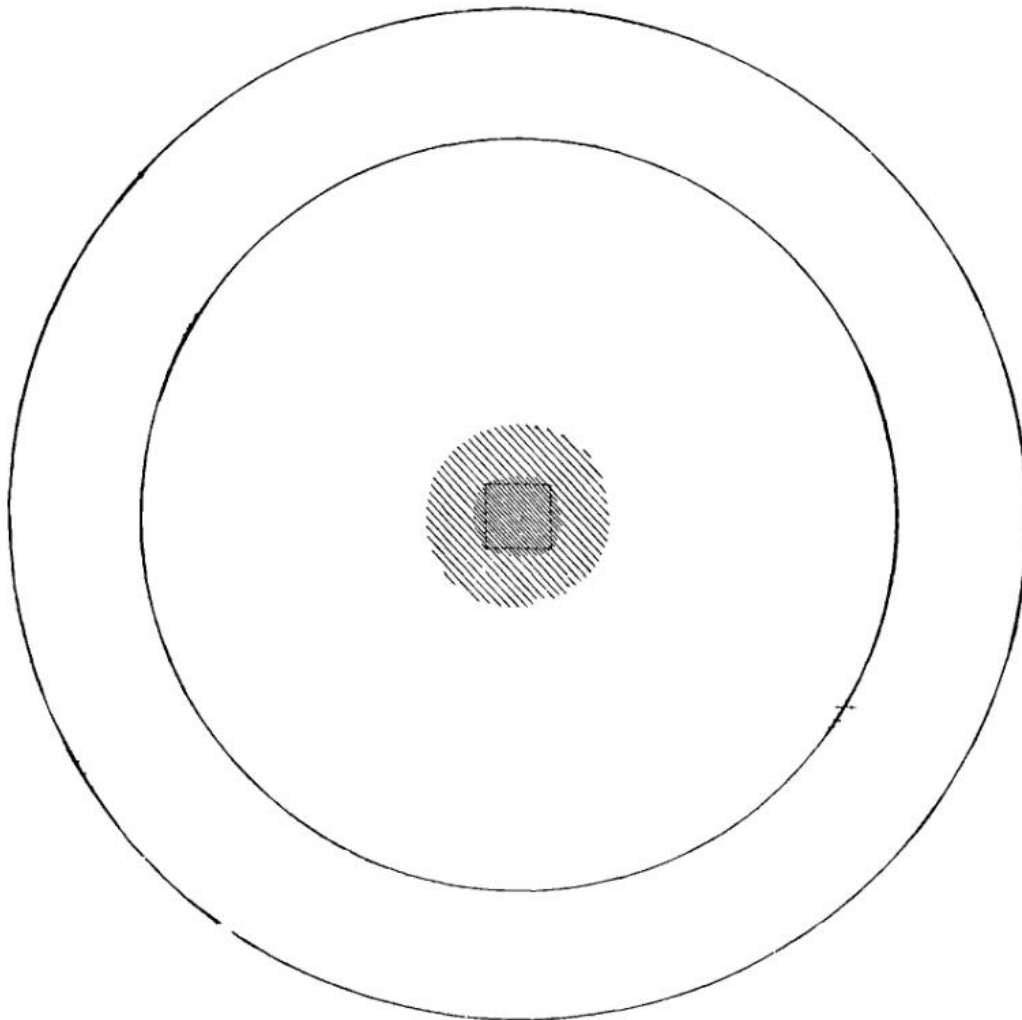
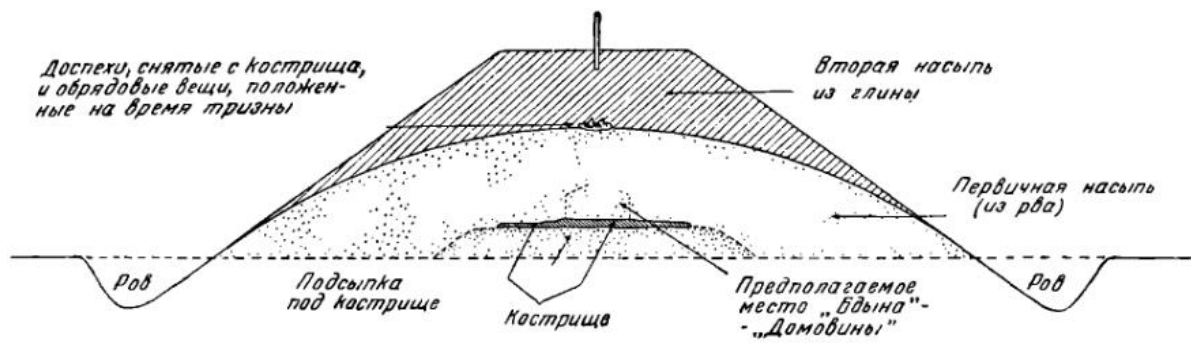

Рис. 7. План и разрез Черной Могилы.

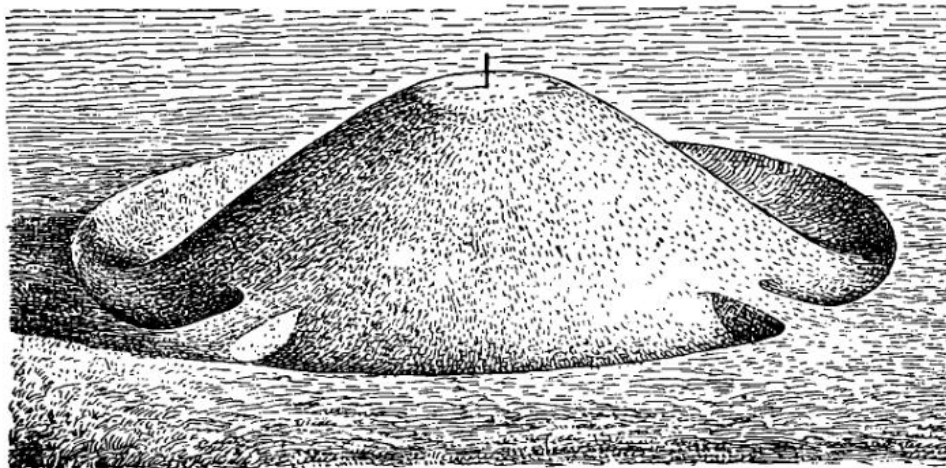
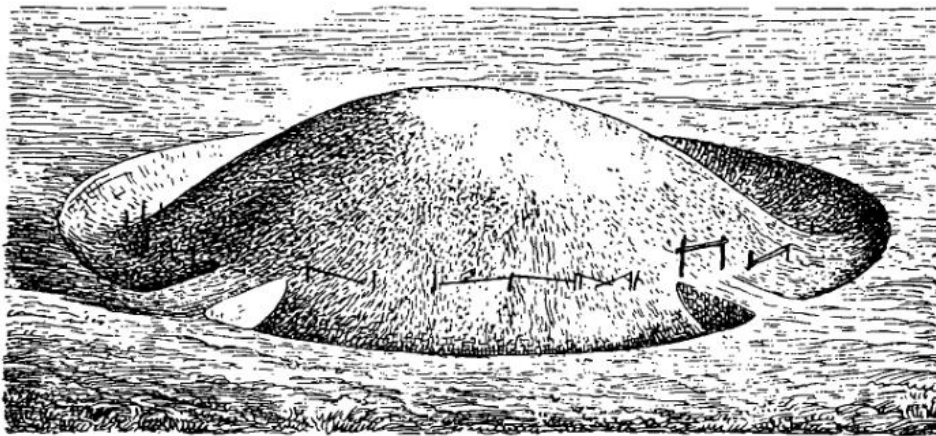
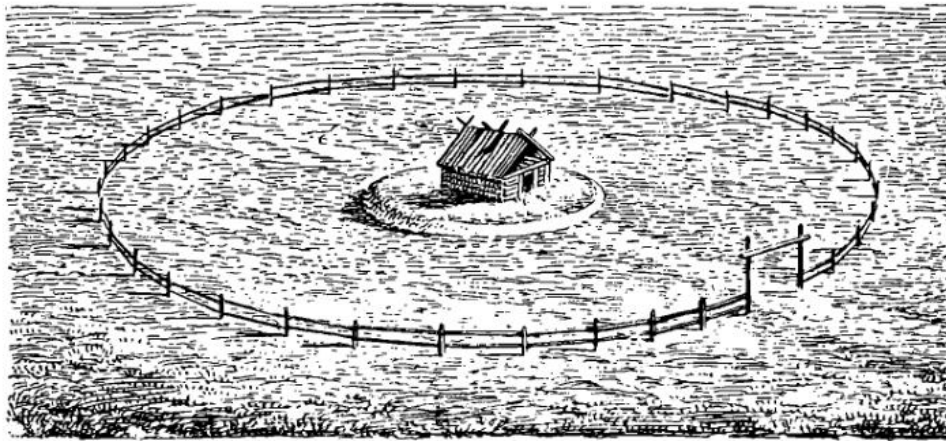

Рис. 8. Черная Могила; реконструкция стадий сооружения кургана.

лишь изображением, символическим подобием его; бревна или жерди могли быть положены неплотно, с просветами, образуя лишь прямоугольную ограду, может быть, покрытую соломенной крышей. Все в такой домовине должно было быть подчинено требованиям сгораемости, легкого доступа воздуха, что достигалось незначительной толщиной строительного материала, неплотностью кладки жердей, хорошей тягой и обилием хвороста и соломы. Длина такой домовины определяется расстоянием между крайними вещами на кострище Черной Могилы — 320—350 см, т. е. размерами срубных гробниц-домовин той же эпохи, известных нам по курганам со срубами в ямах. В сколоченную домовину («палатку», «кабину» по Ибн-Фадлану) укладывали покойника, одетого в специальную одежду, в состав которой входила, по рассказу Ибн-Фадлана, и парчевая шапка. Умершего снабжали питьем, пищей и всем необходимым.⁶² Если мы допустили существование домовины, то сразу станет понятен и бронзовый сосуд с углями, и древодельские инструменты, и гвозди, и компактное расположение всего сгоревшего инвентаря, и большая опаленность верхних частей, и ряд других деталей. Инструменты плотников (топоры и долота) положены в восточной части кострища, поблизости от замков и ключей, которые, может быть, отмечают место входа в домовину. Скобель был брошен на груды оружия. Этнографические данные говорят о том, что инструменты, которыми делали гроб, должны быть очищены, а остатки материала — сожжены. Тысячу лет назад, очевидно, все «орудия древодельские», при помощи которых сколачивали последнее жилище князя, подлежали сожжению.

Бронзовый сосуд с углями в свете этнографии становится устойчивым символом жилища, домашнего очага, переносимого на новое место.⁶³ В такой домовине, когда она была заполнена жертвенными животными, происходит и один из самых мрачных эпизодов погребения — умерщвление женщины, обречен-

ной на сожжение.⁶⁴ Когда дом мертвых был наполнен всем, его, очевидно, закладывали хворостом доверху, подкладывали хворост снаружи и зажигали все сооружение. Подсыпка, поднимавшая костер на 1.5 м над уровнем земли, создавала хороший доступ воздуха, и домовина должна была ярко гореть, создавая внутри высокую температуру, необходимую для сожжения трупов, лежащих на земле. Земля вокруг костра была прокалена на значительном расстоянии. Сожжение на подсыпке было обычным для Чернигова. Так, в Гульбище общая высота кургана — 8.5 м, а кострище обнаружено на глубине 7 м от вершины; значит, высота подсыпки и здесь, как в Черной Могиле, — 1.5 м. В «Безымянном» кургане — высота 7 м, а кострище — на глубине 5.7 м. Значит подсыпка равна 1.3 м. Курган Гульбище вообще во всем обряде подобен Черной Могиле, отличаясь от нее лишь размерами. Аналогичен им был и уничтоженный в 1851 г. курган княжны Черны, где кольчуга, турий рог и сосуд находились в середине насыпи. Курган «Безымянный» отличается и размерами и отсутствием доспехов в середине насыпи. Три крупнейших черниговских кургана объединены одним признаком: насыпь их сооружалась в два приема, и на вершине укладывались доспехи.

Первичная насыпь Черной Могилы достигала 7 м высоты и, судя по фотографии, представляла собой шаровой сегмент. Положенные на вершину доспехи должны были быть видны со всех сторон, а значительная отлогость насыпи позволяла, если это требовалось ритуалом, разместиться около доспехов значительному числу лиц. Возможно, что здесь и происходили поминки-страда.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят,
Дружина пирует у берега.

⁶² «Потом принесли все его оружие и положили его к его боку. Потом взяли двух лошадей и гоняли их обих, пока они обе не вспотели. Потом они разрезали их обих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров (быков) и разрезали их обих также и бросили. Потом доставили петуха и курицу и убили их и бросили их в нем...». Путешествие Ибн-Фадлана, стр. 81—82.

⁶³ При переходе в новый дом старшая в семье женщина топит печь и ровно в полдень выгребает жар в горшок и произносит приглашение домовому «милости просим, дедушка, к нам на новое жилье!» Горшок с угольями водворялся в новом доме, символизируя переход домового. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М. 1868, стр. 117. Водворению домового предшествует изгнание злых сил из дома, для чего пускают в дом петуха, коша или собаку. Ибн-Фадлан сообщает, что первым животным, которое было брошено на костер, была собака (стр. 81).

⁶⁴ «Предварительно обреченная женщина смотрела через какие-то ворота и должна была увидеть свою судьбу. Она будто бы видела умерших родственников, а потом, в третий раз она сказала: «Вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним муж и отроки; и вот он зовет меня; так ведите же к нему!» И они прошли с ней в направлении к кораблю». Ибн-Фадлан. Ук. соч., стр. 82. Комментарий см. на стр. 151—153. Запутанное толкование этого места значительно упрощается, если мы примем высказанную выше гипотезу о круговой ограде вокруг костра. На месте одной из перемычек рва и могли быть ворота, украшенные какими-то непонятными для араба обвязками. Отсюда обреченная заглядывала в царство мертвых, и отсюда же она отправилась прямо к дому мертвых. Составленная мною реконструкция погребальных сооружений до насыпки кургана в очень малой степени основана на точных данных; она извещена чтением арабских авторов, с одной стороны, и отчетов Д. Я. Самоквасова, с другой. Это — субъективная попытка осмыслить весь комплекс первоначальных погребальных сооружений, но автор не берет на себя смелость защищать ее.

Давно уже доказано, что тризна — не поминки, а военная игра, турнир, состязание в честь умершего.⁶⁵

Мне кажется, что именно ради тризны военные доспехи умершего клали на вершину высокой насыпи, чтобы они, как ратные символы, воодушевляли состязающихся воинов. Слова «тризна», «тризнице» соответствуют греческому *ἀγών* — борьба, состязание. Греческие олимпиады переводились словами «пятилетнее тризнице». Тризнице иногда приравнивалось к поприщу, к пространству для состязаний.⁶⁶

Наиболее интересны для уяснения сущности тризны сопоставления синонимов в переводах с греческого. Слово *ἀγών* переведено:

в Хронике Георгия Амвртола	в Хронике Иоанна Малалы
Подвиг	Тризна
Поприще	Урястание
Троуд	Подрумие, игра

Исходя из смысла слов, равнозначных тризне, можно думать, что в славянской тризне, как и в античном погребальном церемониале, главное место принадлежало конским состязаниям, скачкам, ристаниям на «поприще», «подвигу» (т. е. движению) на «подрумие» (ипподроме).

Состав военных символов, увенчивавших полунасыпанный курган, различен в Черной Могиле и в Гульбище:

Черная Могила	Гульбище
Два шлема	Шлем
Две кольчуги	Кольчуга
Сосуд с костями барана и петуха	Сосуд с костями барана и яичной скорлупой
Два турьих рога	_____
Две монеты	_____
Два ножа для жертвоприношений	_____
Идол	_____
_____	Меч в ножнах
_____	Копье
_____	Стремена (2 пары)
_____	Удила
_____	Стрелы
_____	Топор
_____	Щит

Как видим, состав имущества, вынесенного для обозрения на насыпь кургана, различен. В Гульбище перед нами воин с большим ассор-

⁶⁵ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 131—132. В словаре Памвы Берынды «тризнице — местце, где бывают поединки, або бойования». Церковь наказывала тех, кто «по мертвеци дрался».

⁶⁶ Г. Дьяченко. Польский церковно-славянский словарь. М., 1900, стр. 732.

timentом оружия, доспехов и конского снаряжения. Из ритуальных вещей здесь только один сосуд с остатками барана и куриных яиц (вещь обязательная почти при каждом погребении).

При насыпке Черной Могилы люди, руководившие погребальным обрядом, не заботились о том, чтобы вытащить наверх все оружие; много оружия они оставили на кострище. Но зато они очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога, обязательные атрибуты славянских божеств, два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных дали нам понять, что под насыпью Черной Могилы лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплеменникам.

Такое сочетание военного и жреческого могло быть только в лице князя. Во многих славянских языках «князь» и «жрец» звучат почти одинаково (чешский: князь — *kněz*, жрец — *kněz*; польский: князь — *książe*, жрец — *ksiadz*). Мы знаем, что у славян князь нередко выполняли функции верховных жрецов. Думаю, что мы вправе признать княжескими курганами Чернигова только два — курган княжны Черны, где был похоронен знатный воин, сопровождаемый турьим рогом, и Черную Могилу, где похоронили одного или двух знатных воинов с турьими рогами.⁶⁷

Гульбище следует считать могилой боярина, черниговского богатыря, но не князя, так как в инвентаре его отсутствуют ритуальные вещи.

Инвентарь. Рассмотрение погребального обряда подвело нас вплотную к анализу инвентаря, начать который удобнее в хронологическом порядке с Гульбища.

Гульбище. Топография кострища в Гульбище совершенно не прослежена; вещи найдены «в беспорядочном разбросе», что и понятно, так как с кострища перед насыпкой кургана было взято много разных предметов, находившихся в различных местах (шлем, меч, две пары стремян, щит и др.). Тогда и разворошили все кострище, разбросав те вещи, которые по их представлениям были недостойны помещения на вершине насыпи. Поэтому для описания примем типологический, а не топографический порядок.

Предметы вооружения представлены здесь менее обильно, чем в Черной Могиле. Два копыя, обломки топора, одна стрела. Форма всех этих вещей почти неизвестна.

⁶⁷ В пользу этого говорит и топография курганов: Гульбище, более ранний курган, расположен далеко от города на обособленном месте, а княжеские курганы возвышались непосредственно у самых городских стен.

Главным предметом вооружения был меч огромных размеров (рис. 9). Приведу описание Д. Я. Самоквасова: «Железный прямой обоюдоострый меч около семи четвертей длины с массивной крестообразной ручкой 3 вершков длины, украшенную серебряною насечкою и

Меч из кургана Гульбище является самым крупным из всех русских мечей. По устройству и размерам рукояти этот меч близок к мечу № 3 из находок на Днепрострое.⁶⁹ Но когда мы сравним между собой рисунки обоих мечей, изготовленные в одном масштабе, то увидим

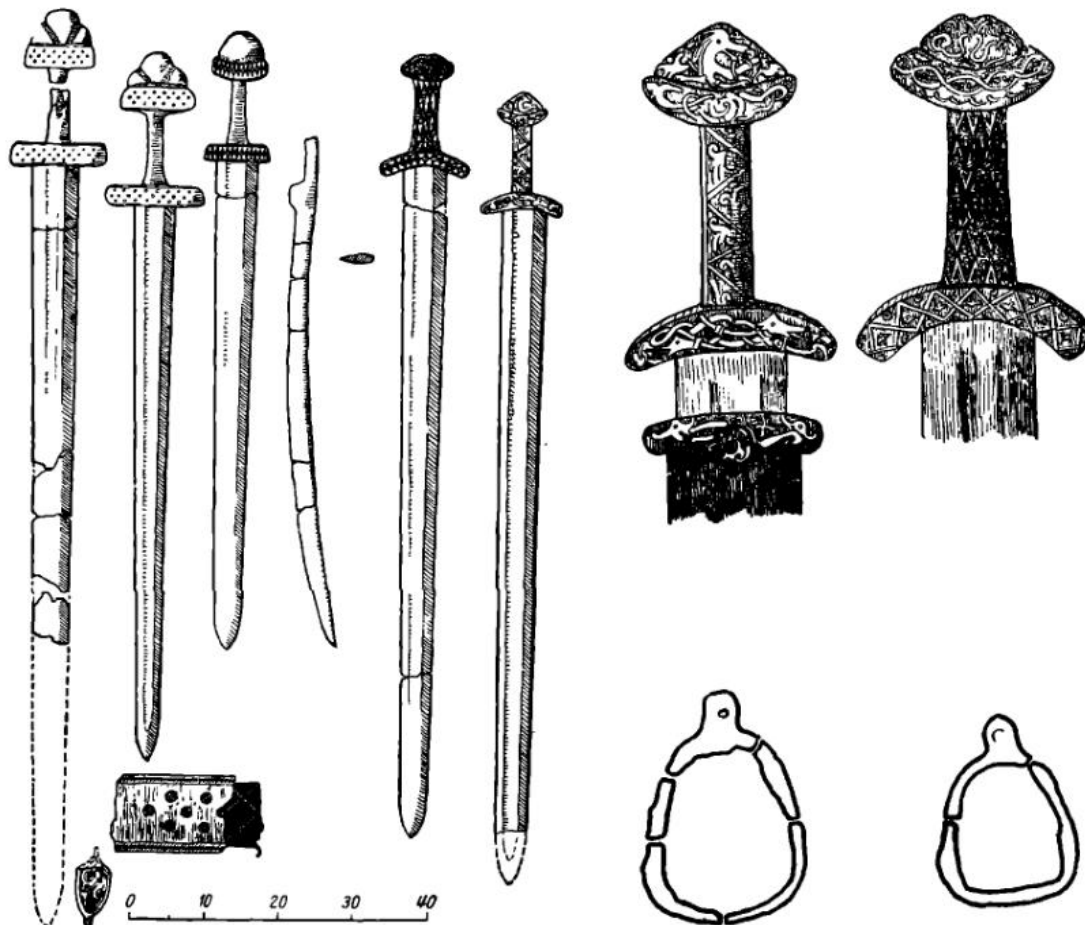

Рис. 9. Мечи и стремена X в. Слева направо: меч из Гульбища (внизу наконечник пожен и деталь рукояти); меч, найденный у Днепростроя; мечи и сабля из Черной Могилы; меч из Киева. Рукояти мечей из Киева и из Черной Могилы. Внизу — стремена из Гульбища (левое) и из Черной Могилы (правое).

тремя рядами камней и с массивным выемочным набалдашником. Меч лежал у основания шлема на окисшей массе кольчуги, и его форма и величина, по очистке от верхнего слоя ржавчины, ясно были видимы, но при снятии верхняя половина клинка разломилась на части, а нижняя оказалась настолько разложившейся, что дробилась на мелкие осколки.⁶⁸

Рукоять вместе с перекрестием меча действительно равна 13 см. Длина всего меча будет около 126 см. Рукоять с навершием и перекрестием — 21 см. Клинок около 105 см, ширина клинка 6,5 см, длина перекрестия 13 см. Собственно рукоять — 10 см. Вес рукояти — 950 г.

существенную разницу (рис. 9). Днепровский меч слишком короток (96 см) и легок (ширина клинка 3—5 см) для столь большой и тяжелой рукояти. Очевидно, его клинок был сильно сточен или даже обломан и заточен. Удар таким мечом будет непосильным, так как центр тяжести находится около самой рукояти. Иное дело — меч из Гульбища; он очень пропорционален, его тяжелая рукоять уравновешена длинным и широким клинком, центр тяжести перемещен ближе к точке удара. По соотношению частей он несравненно

⁶⁹ Изв. ГАИМК, вып. 100. М.—Л., 1933, стр. 602—603, табл. I, рис. 4. Мечи найдены в Днепре, выше о. Хортицы у древней Крайской переправы, где, возможно, погиб Святослав. Клеймо на мече Днепростроя представляет собой неразборчивое подражание.

⁶⁸ Могильные древности..., стр. 37.

пропорциональнее днепровского меча. По своим абсолютным размерам черниговский меч близок к большим двуручным мечам средневековья. Обычные размеры русских мечей X в.—85—90 см. Нужна была богатырская сила и огромный рост, чтобы одной рукой рубить этим мечом-великаном. Навершие и перекрестие меча орнаментированы очень своеобразным приемом, встреченным только на

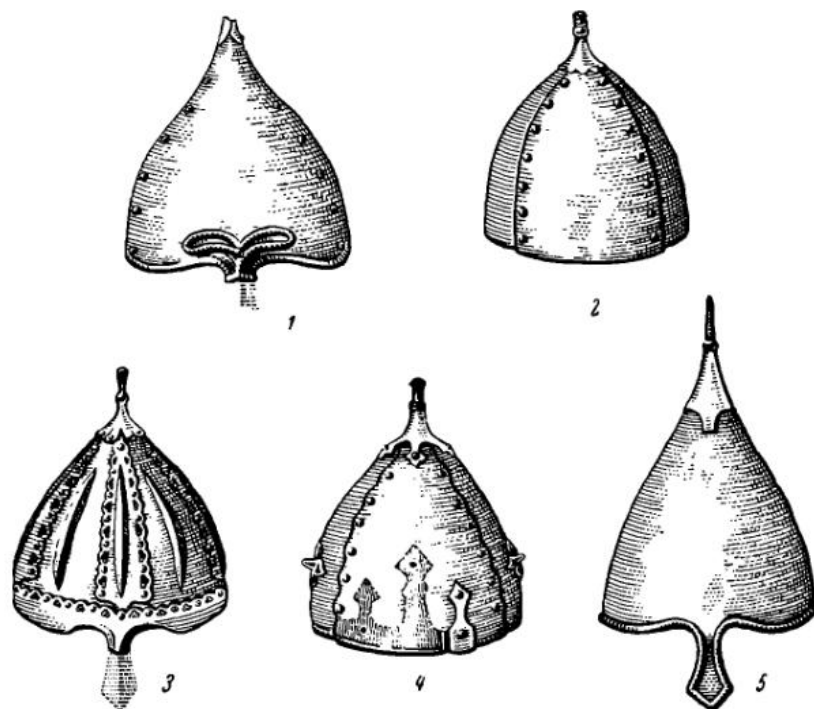

Рис. 10. Черниговские шлемы и их аналоги. 1. Воронежская область 2. Гульбище 3. Гнездово. 4. Черная Могила. 5. Поросье.

мечах из Руси.⁷⁰⁻⁷¹ Прием этот заключается в том, что перекрестие делалось из двух частей — основы и футляра. Основа оплеталась сеткой из толстых серебряных нитей, а в футляре просверливались отверстия, через которые видны были места перекрещивания двух нитей, когда футляр надевали на основу.

Меч находился в ножнах, завершавшихся бронзовым наконечником с изображением извивающегося дракона.

Доспехи богатыря из Гульбища состояли из щита, окованного медью, снабженного изнутри двумя ручками, а с наружной стороны украшенного серебряными бляхами, расплавившимися в огне. Щит был массивный, тол-

⁷⁰⁻⁷¹ Д. Н. Анучин. О некоторых формах древнейших русских мечей. ТАС VI, т. I, табл. XIII, рис. 1, меч из Гнездова; Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, МАР № 18, 1895. Большая Рыбежка, кург. XII. Меч по форме близок к мечу из Гульбища, но меньших размеров, и рукоять его не так массивна; Изв. ГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933. Меч № 3 с Днепростроя. Табл. I, рис. 4. Любопытно, что все эти мечи без иноземных клейм.

стый, и медная обшивка закрывала весь торцовый край толщиной в 5—6 см. Кроме щита, была кольчуга — обязательная принадлежность каждого русского воина IX—X вв. Здесь стоит вспомнить и русские кольчуги во Франции и проникновение русского термина в турецкий — болгарский язык и тот живой интерес, который проявляли восточные авторы к «панцирям» русского кагана.

Шлем был склепан из нескольких треугольных пластин и украшен спереди полукруглой медной набивкой. Наверху у шишака имелась втулка для плюмажа. К шлему прикреплялась кольчужная бармица (рис. 10).

Стремена по своим размерам были под стать мечу — в полтора раза больше обычных⁷² (см. рис. 9).

В разделе оружия надлежит рассмотреть резные костяные пластинки, относящиеся, по моему мнению, к убранству лука. От огня уцелело восемь пластинок, но пять из них слишком фрагментарны, чтобы можно было что-либо сказать о них. Ключом к разгадке назначения пластинок является наиболее сохранившаяся пластинка с конской головой (№ 3201). По своему виду она похожа как бы на нос миниатюрной ладьи с головой коня наверху и выпяченной вперед грудью; орнамент в средней части несколько стерт. Такая пластинка могла быть только украшением узкого, изогнутого предмета, каково-то отрога.

Форма черниговских луков нам хорошо известна по рисунку на турьем роге; это — сложный лук. Выгиб концов сложного лука в месте прикрепления тетивы соответствует профилю нашей пластинки. Если мы представим себе пластинку с конской головой, прикрепленной с тыльной стороны отрога лука, то узел тетивы придется как раз на ту часть пластинки, которая сильнее потерта (рис. 11). Обломки овальной пластинки (№ 3205) могли относиться к рукояти лука, а парные длинные пластины с орнаментом из завитков и стилизованных звериных морд были, по всей вероятности, накладками на наименее сгибаемых частях лука.⁷³

Одежда воина из кургана Гульбище должна быть угадана по сохранившимся металлическим вещам.

⁷² К таким же укрупненным предметам относятся и обручи от деревянного ведра. Диаметр ведра получается около 40 см, что значительно превышает обычные размеры таких ведер (17—25 см).

⁷³ Мало вероятно, чтобы эти костяные пластинки служили украшением седла, колчана или какого-либо иного предмета.

На войне поверх кольчуги был, очевидно, легкий тонкий плащ, застегивавшийся крупной подковообразной бронзовой фибулой, какие часто встречаются в мужских дружинных погребениях срубных гробниц X в.

Сохранилось пять пар массивных серебряных

напоминает нам былинную характеристику щеголя. Наряду с этими крупными пуговицами есть и обычные мелкие позолоченные пуговицы от рубахи.

К мужским вещам следует отнести кресала прямоугольной формы с щелевидной прорезью,

Рис. 11. Реконструкция лука из Гульбища. Слева направо: лук по изображению на турьем роге, схема русского сложного лука; три костяных накладки из Гульбища, реконструкция их размещения на луке.

позолоченных застежек с крючками и петлями (рис. 12). Подобные застежки известны в кочевнических древностях XIV в., но этот же самый мотив косо поставленных квадратных парных застежек мы встречаем, например, в гуцульской этнографии. Застежки другой формы, но такие же по идее, имеются и в Гнездове. Во всех случаях такие застежки применялись к плотно облегающей фигуру меховой одежде типа тулупа или теплого кафтана. Квадратные бляшки с петлей и крючком на одном из узлов являются застежками плотной меховой одежды, надевавшейся, может быть, под кольчугу. Бляшки украшены узорами из четырех крестообразно расположенных кринор. Кафтан был подпоясан узким наборным поясом с позолоченными бляшками, украшенными рельефными кринами (рис. 13). Сохранился один наконечник пояса с тамгообразными узорами в виде стилизованных голов рогатого животного. К плотной одежде относятся и костяные полусферические пуговицы с геометрическим узором. Лишь на одной пуговке выгравированы две птицы, что

которая на краях завершается круглыми отверстиями.

Женский инвентарь Гульбища особенно сильно пострадал от огня. На месте женского костяка было найдено около 200 слитков серебра, золота и стекла. Уцелело небольшое количество бус. Вероятно, у ног женщины лежали зерна ржи, пшеницы и ячменя.

Неизвестно, к мужскому или женскому погребению следует отнести несколько видов хорошо сохранившихся серебряных позолоченных бляшек с разнообразным рельефным узором восточного стиля IX—X вв. Часть из них очень напоминает головки радимических гривен, но здесь их назначение было иным.

На кострище был найден саманидский диргем, по определению, приведенному Д. Я. Савоквасовым, конца IX в. (без слова «аллах»). Судя по всему инвентарю, дата монеты должна быть близка ко времени погребения, которое следует относить к началу X в., во всяком случае, не позднее княжения Игоря. Богатырь, погребенный в кургане, владелец самого боль-

шого из русских мечей, невольно вызывает в памяти образы былинных богатырей.⁷⁴

Курган Безымянный. Рядом с Гульбищем, дальше от края горы, находится еще несколько таких же больших курганов,

Рис. 12. Слева — предполагаемое размещение застежек из Гульбища; справа — современный гуцульский полушубок.

лишь отчасти уступающих Гульбищу по размерам. Один из них в 20 м от Гульбища раскопан Самоквасовым в 1872 г. и описан под именем Безымянного. Высота кургана

⁷⁴ Среди многочисленных былин, место действия которых связано с Черниговом, особенно интересна своими историческими деталями и упоминанием старейшего эпического богатыря Святогора былина «О победе богатырей Черниговского князя Олега со Святогором во главе над князем Додоном». А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, том III. Мезень. СПб., 1910, стр. 249—255.

Во славном во городе во Чернигове,
Да у ласкова-ле у князя-ле у Олеговича
Собиралися все его богатыри
И славный богатырь Святогор его...

Князь Олег известил богатырей о рати, идущей на Чернигов из степей, и просил защитить его от князя Додона. Олег угостил богатырей вином, Святогор выпил четыре чарочки в полтора ведра. В поединке Святогор победил вражеского всадника, разбил все войско и с победой вернулся в Чернигов. Олег, желая наградить Святогора Романовича, предлагает ему «сесть с приселками», но богатырь просится во чисто поле, где встречает Илью, Добрыню и Алешу и уговаривает их ехать дальше к морю искупаться в водах прохладных. На обратном пути богатыри встретили огромный гроб, оказавшийся по росту только Святогору, который лег

7 м, диаметр 21 м. Кострище найдено на подсыпке. В середине насыпи никакого оружия не найдено. На кострище найдены топор, нож, удила, пряжки, оселок, обручи от деревянного ведра, серп, бронзовые пуговицы и узорчатые бронзовые бляшки. Хорошо сохранилась льняная ткань, сложенная в несколько рядов.

Среди обломков резной кости есть кусок гребенки с орнаментом из налегающих друг на друга углами квадратов, прочерченных двойным контуром. Совершенно такой же орнамент имеется на гребнях из Черной Могилы, из Седнева и из кургана в Приладожьи.

Судя по узору бляшек и гребенки, Безымянный курган следует датировать первой половиной X в. Хронологически он стоит между Гульбищем и Черной Могилей. Отсутствие оружия на вершине первоначальной насыпи сближает Безымянный курган с большими курганами «в Березках». Как те, так и этот принадлежали черниговским дружинникам, но не княжескому кругу.

Черная Могила. Признавая Черную Могилу по ее величине, местоположению и

в него и умер. Товарищи похоронили Святогора, навалили на него камень и написали:

Лежит под тем камнем
Сильный могучий богатырь Святогор Романович
Он родившись же был во городе в Чернигове
По судьбе же бога он помер во чистом поле...

наличие одновременно оружия и ритуальных предметов погребением одного из неизвестных нам черниговских князей эпохи Святослава, мы должны особенно внимательно рассмотреть инвентарь этого знаменитого кургана.

Обзор начнем с оружия.

Мечи в Черной Могиле относятся к двум различным типам (см. рис. 9).

сти, принадлежавший самому князю и надетый на него перед похоронами.

Размеры меча (в см)

Общая длина	около 105
Длина клинка	около 90
Рукоять с навершием и перекрестием	15
Рукоять	9
Толщина рукояти	3
Длина перекрестия	12
Ширина клинка	5 5

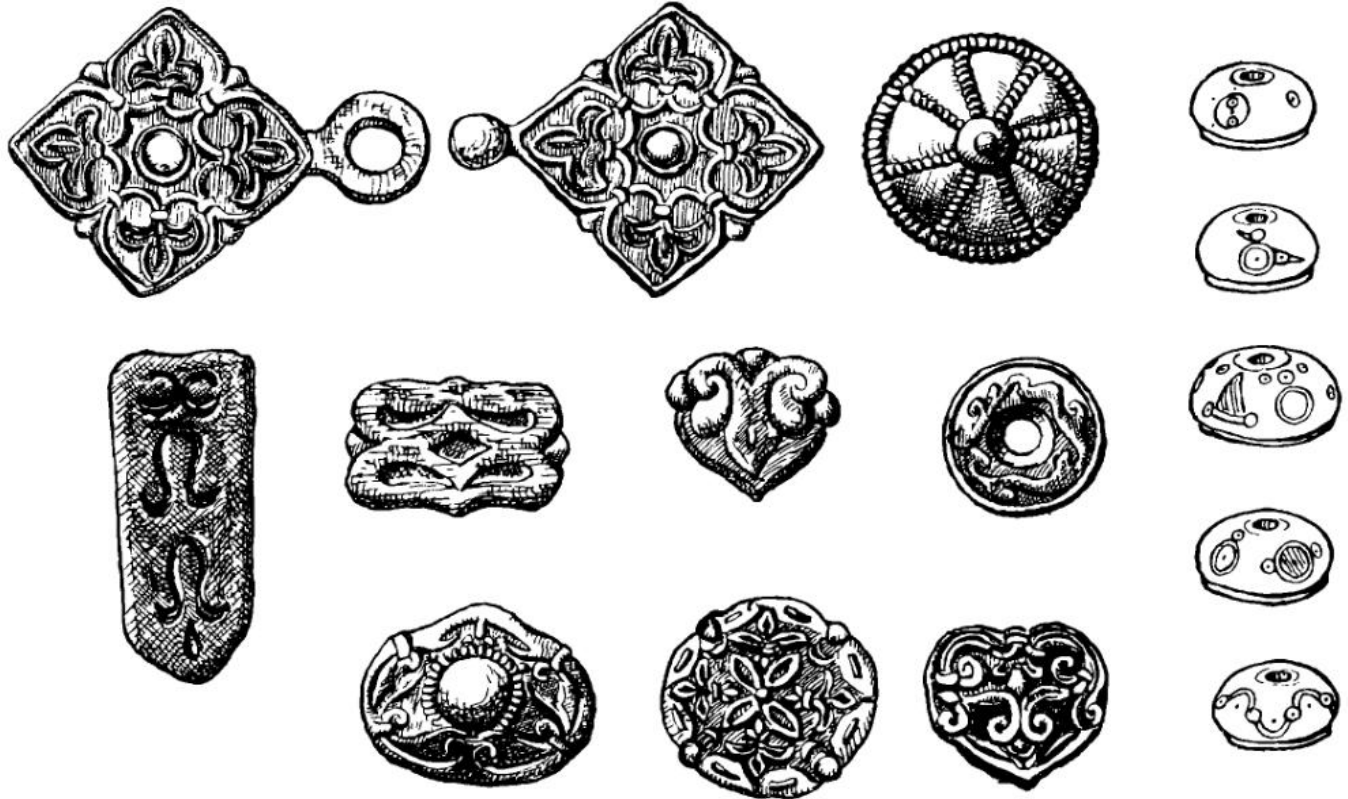

Рис. 13. Застежки, бляшки и пуговицы из Гульбища.

Один из них — обычного типа и ничем интересным не отличается. Размеры его невелики. Общая длина около 82 см, клинок — 65 см, шириной 5.5 см. Собственно рукоять всего только 8.5 см. При параллельности перекрестин и основы навершия в это незначительное пространство могла войти лишь небольшая узкая рука. Между прочим, это еще один аргумент в пользу того, что второй покойник Черной Могилы — юноша. Подобные мечи в Западной Европе относятся к первой половине X в. (тип V по Петерсену). Перекрестие и навершие меча украшены ромбической серебряной насечкой, часто встречающейся на мечах этой эпохи. Ближе всего по типу меч из Приладожья X в.⁷⁵ Значительно больший интерес представляет второй меч, лежавший в самом низу груды оружия, по всей вероятно-

Рукоять меча богато украшена позолоченным серебром с гравированным узором. Главная отличительная особенность этого меча заключается в изогнутом, опущенном перекрестии и приподнятом навершии. Почти все западноевропейские мечи этого времени отличаются одной особенностью: две параллельных плоскости навершия и перекрестия так плотно зажимают руку воина, что воин лишен возможности вытянуть меч в одну линию с рукой, как это принято при современном способе кавалерийской рубки. Клинок меча каролингского типа образует с локтевым суставом руки воина прямой угол, что сильно ограничивало размах, уменьшало силу удара и позволяло использовать лишь часть полезного коэффициента меча.⁷⁶ Русские оружей-

⁷⁵ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч. Курган в Вахрушеве близ Тихвина.

⁷⁶ Воин, который попытался бы рубить каролингским мечом приемами современной кавалерийской рубки, рисковал вывихнуть себе руку, так как угол навершия ули-

ники, приравливая мечи к рубке с коня, внесли серьезные изменения в конструкцию европейского меча. Они опустили мешавшее руке воина перекрестие вниз, врезавшиеся в руку острые углы навершия они срезали и получили в результате совершенно новый тип меча с повышенной эффективностью.

Меч из Черной Могилы — один из первых представителей этого усовершенствованного типа меча, приспособленного для конного боя. Появление самой потребности в таком оружии надо связывать с южнорусскими степями, где незадолго перед этим возникло оружие с большим будущим — сабля, оружие конных воинов, действующих на просторе. Под влиянием сабли и палаша, приучивших русских воинов к размашистой широкой рубке с коня, произошло видоизменение общеевропейского типа меча X в.

Подобные мечи известны из Новгородской земли, но наиболее близок меч из окрестностей Киева с богато орнаментированной рукоятью и верхней обоймой от ножен.⁷⁷ Киевский меч во всех своих конструктивных частях воспроизводит форму черниговского. Звериный и растительный орнамент, украшающий его рукоять и ножны, обычен для русского искусства X—XI вв. Вопрос о месте изобретения меча типа Черной Могилы не может быть решен окончательно, но здесь нелишним будет сослаться на мнение шведского археолога Т. Арне, стремившегося везде, где только можно, видеть скандинавские вещи. Приводя норвежские и шведские аналогии, он писал о мече из Черной Могилы: «Этот тип меча родился, по всей вероятности, в России под влиянием Востока».⁷⁸ Если уж Арне не решается говорить о западном происхождении черниговского типа меча, а указывает на Русь, как на его родину, то мы со своей стороны можем говорить об этом более решительно.

В Черной Могиле рядом с мечами была положена и сабля. Длина клинка около 70 см. Изгиб слабый. Рукоять коленчатая, отделенная от клинка массивным приливом. Наличие сабли в составе русского княжеского вооружения говорит о том, что этот новый вид оружия уже применялся на Руси в X в. Если сабли и однолезвийные мечи появились где-то в районе салтовской культуры, то именно Чернигов имел больше всего связей с районом Донца, и в Чернигове раньше, чем в других

местах, должно было бытовать оружие степных воинов.

Постоянные войны с печенегами, уграми, хазарами и «внутренними болгарами», которые вели руссы в IX—X вв., вызывали особое внимание к подвижному конному войску и его снаряжению. Черниговские и киевские оружейники дали в руки русским воинам оружие, которое сочетало все качества западноевропейского мечевого клинка с конструктивными выгодами восточной сабли — меч типа Черной Могилы.

Не этими ли мечами, столь удобными для конников, так интересовались в 943 г. арабы, что раскапывали могилы руссов, чтобы извлечь из них мечи?

Помимо мечей и сабли, в Черной Могиле найдены копьё в количестве 10 экземпляров. Часть их находилась в груди оружия, а часть около головы князя. Были ли среди них черешковые копьё — сулицы, неизвестно. На кострище уцелел единственный топор. Форма его ближе к рабочему топору, но по размерам его следует отнести к оружию.

В головах покойников и отчасти в груди оружия найдено пять ножей; некоторые из них в костяных рукоятках. Оселки для точки ножей встречены там же. Есть оселок, оправленный в позолоченное серебро.

Стрелы Черной Могилы очень близки к гнездовским. Здесь есть и обычные для русских древностей ромбовидные, и узкие трехгранные, предназначенные для проникания в скважины кольчуги, и двурогие стрелы с широкой площадью поражения.

Доспехи состояли из массивного щита, вероятно деревянного, к которому была приклепана железными заклепками массивная бронзовая обшивка. Возможно, что к конструкции щита относятся обломки слегка согнутых железных стержней толщиной около 2 см. Кольчуги Черной Могилы плотного хорошего плетения из колец, круглых в поперечном сечении. Часть колец сделана из медной проволоки. Судя по позднейшим кольчужным изделиям, медные кольца в 3—4 ряда применялись для оторочки бармицы шлема, ворота, рукавов и подола кольчуги.

Из шлемов можно описать только один, так как второй шлем (меньших размеров) был отдан Д. Я. Самоквасовым в Киевский университет. Шлем, хранящийся в Московском Историческом музее, склепан из нескольких железных пластин и обтянут медным позолоченным листом. Места склепки пластин вырезаны волнообразно, и на каждом выступе помещена заклепка. Спереди у него три вертикальных накладки, по низу идет обруч в 2 см шириной, к которому сзади прикреплена кольчужная бармица. Наверху все пластины корпуса шлема собраны под шишак, имеющий наверху (как и шлем из Гульбищ) втулку для перьев. По бокам

рается в запястье. Рубка могла производиться только согнутой рукой. Произведенные мною эксперименты по материалам ГИМ показали, что окружность, образуемая концом меча при рубке согнутой в локте рукой (этот способ часто изображался на миниатюрах), значительно меньше, чем при рубке вытянутым в руке клинком.

⁷⁷ Материалы Киевского Исторического музея.

⁷⁸ Т. Арне. *Le Suède et l'Orient*. Uppsala, 1914, стр. 31.

шлема прикреплены две квадратных бляшки с торчащими горизонтально небольшими остриями. Шлем из Черной Могилы, будучи новым, производил, вероятно, впечатление пышного и богатого убора: золотая поверхность шлема, украшенная боковыми бляшками, внизу переходила в серебристую волну бармицы, окаймленную бронзой, а наверху над шлемом развевался плюмаж. Даже заклепки здесь играли орнаментальную роль (см. рис. 10, 4).

Формально к разделу оружия мы должны были бы отнести и два широких обоюдоострых ножа, которые иногда сопоставляют с франкскими скрамасаксами. Но по существу эти ножи мы должны выделить из общей массы

были сожжены на кострище, а рядом с кострищем, на материке был поставлен большой железный котел, внутри которого лежали кости и голова козла. Нож был положен на котел сверху горизонтально. Такие котлы были обязательной принадлежностью русского дружинного погребального обряда. Обычно в них находят кости барана, бараньи черепа с рогами и даже шерсть. Последнее обстоятельство указывает на то, что жертвенный баран не сжигался обычным порядком на погребальном костре, так как тогда шерсть обязательно сгорела бы. Жертвоприношение барана (а иногда и кур) в качестве последнего этапа погребального обряда производилось очевидно особым образом, так,

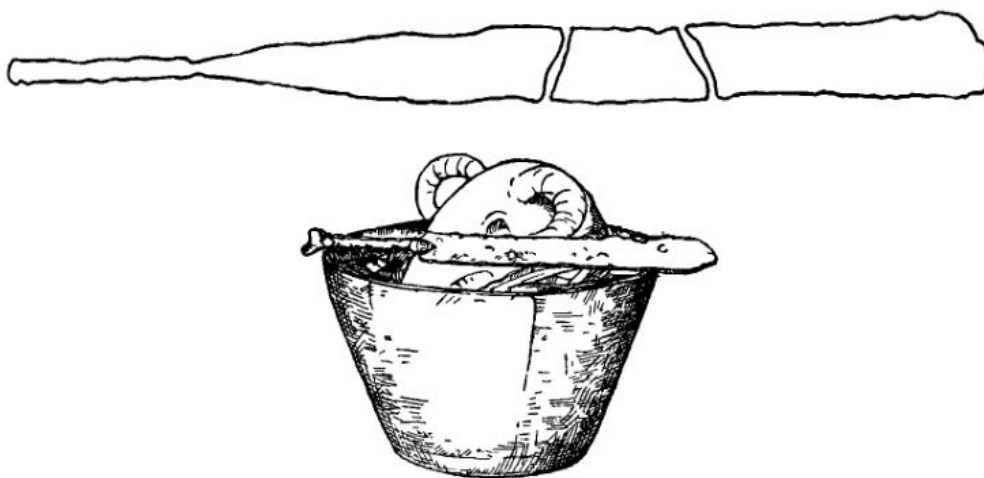

Рис. 14. Жертвенный нож из Черной Могилы. Внизу — жертвенный нож, котел и череп козла из Гнездова.

воинского снаряжения. Во-первых, их форма очень необычна для русского оружия. Ни для колющего, ни для рубящего удара они непригодны. Рукоять у них плавно переходит в лезвие без всякой видимой грани, что также необычно для оружия. Во-вторых, самое местоположение этих ножей рядом с турьими рогами и жертвенным сосудом заставляет предполагать совершенно особое предназначение этих ножей.

Большой интерес представляет находка подобного ножа в Гнездове. В раскопках С. И. Сергеева в кургане № 74 был найден обоюдоострый нож с тонкой железной рукоятью⁷⁹ (рис. 14). Рукоять ножа украшена небольшим гранчатым навершием, обтянутым серебром; далее, возможно, шло кольцо. Между рукоятью и клинком помещено на каждой стороне по серебряной мужской голове с бородой. Особенно примечательно место этого ножа в кургане. Покойники

чтобы все животное целиком досталось бо- жеству — поэтому мы встречаем и шерсть и рога. Для этого же нужен был и большой сосуд, чтобы слить, собрать в него кровь жертвы. Обоюдоострый нож с необычным для оружия изображением бородатого мужчины, положенный поверх сосуда с остатками жертвенного животного рядом с погребальным костром, является убедительным доказательством связи ножа с ритуалом жертвоприношения.

В Черной Могиле на вершине первичной насыпи, прежде чем уложить снятые с кострища доспехи, был поставлен большой железный котел, наполненный пережженными бараньими и птичьими костями, клочьями бараньей шерсти, поверх всего лежала голова барана с рогами.⁸⁰ Около этого котла и найдены два ножа-скрамасакса гнездовского

⁷⁹ А. Спицын, Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 46, 48, рис. 113—115 и 141.

⁸⁰ Обугленность бараньих костей и одновременно наличие шерсти как бы противоречат одно другому. Но вполне возможно, что жертвенный баран съедался в жареном виде, а его шкура (а может быть и кровь) и кости складывались в котел.

типа, имевшие, очевидно, прямое отношение к обряду заклания жертв.⁶¹

Конское снаряжение представлено в Черной Могиле стременами с округлой профилированной подножкой и ушком, отделенным более узкой перемычкой; прорезь для путалища прямоугольная. Эти стремена сходны со стременами из Гульбища (но уступают им по размерам) и резко отличны от стремян из срубной гробницы в Гущине, где стремя не имеет ушка, а только утолщение верхней части и прорезь в нем.

Одежда в Черной Могиле, естественно, представлена слабо. Есть простые бронзовые наконечники пояса (6 экз.) и гладкие поясные кольца, но наборные бляхи не сохранились. Имеется серебряная круглая фибула для легкого плаща, но неизвестно, кому из погребенных она принадлежала.

Из женских вещей сохранились однобусинные височные кольца и большое количество слитков золота, серебра и стекла. При разборе музейных материалов нередко среди слитков обнаруживались слитки стекла с отпечатками на них узорных металлических вещей, позднее расплавившихся в огне. Найдены обломки костяных гребней и ручок с гравированным узором. Интересна плетенка из квадратов, совершенно аналогичная плетенке, встреченной в кургане Безымянном и в кургане № 8 в Седневе, а также и в Приладожьи.

Важной в археологическом отношении является находка глиняного пряслица. Здесь, в богатом княжеском погребении пряслице еще глиняное. Значит, в середине X в. шиферные пряслица еще не появились. Случайно уцелело некоторое количество золотой канители и тонких золотых спиралек, по всей вероятности, от головного убора.

К женскому рукоделью относятся две проколки — одна бронзовая, а другая костяная, выточенная тончайшим образом. Прокочка предназначалась для очень тонких вышивальных работ (рис. 16).

Очень важна в археологическом отношении и керамика черниговских курганов. Горшки с волнистым орнаментом найдены в курганах «в Березках». В Гульбище найдены лишь фрагменты. В Черной Могиле найдены два горшка. Оба они сделаны на гончарном кругу. Венчик довольно круто отогнут и хорошо профилирован, тулово украшено линей-

ным орнаментом. Весь облик горшка, симметричного и тщательно сделанного, свидетельствует об устойчивых ремесленных навыках (рис. 15). В других курганах Чернигова и одновременных им курганах Седнева мы встречаем керамику сходного облика, гончарную, симметричную, далеко ушедшую от ранней «полугончарной» керамики. Орнамент встречается как линейный, так и вол-

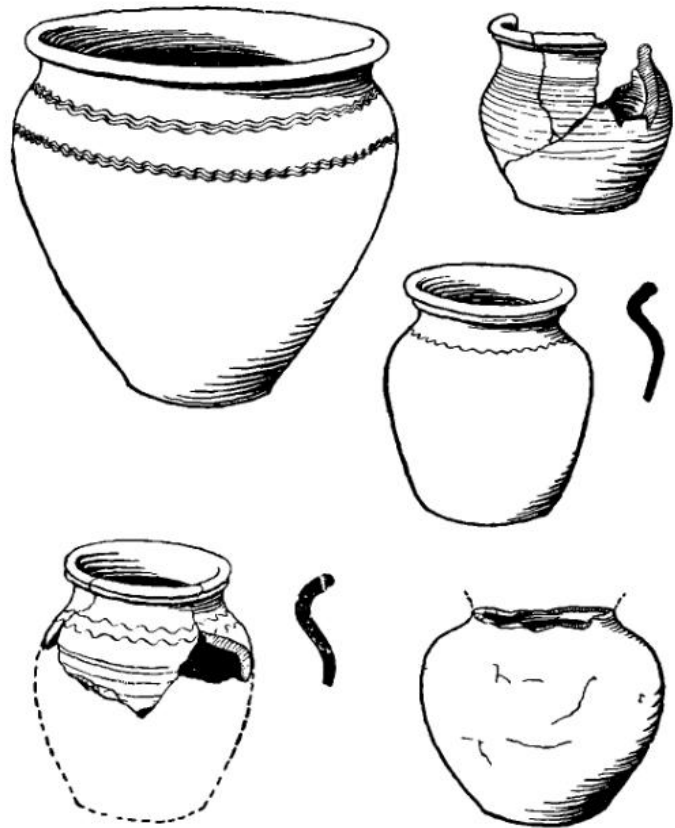

Рис. 15 Керамика черниговских курганов X в.

нистый. Возникновение гончарного круга здесь нужно отодвигать к IX в., а может быть, и еще раньше, так как в X в. керамика Чернигова носит явно ремесленный характер. В это время окончательно сформировался тот устойчивый тип «горнцов», который на несколько столетий стал основным видом кухонной посуды.

Сосудами для жидкостей (мед, вино, пиво) служили в Чернигове деревянные, окованные железными трехгранными обручами ведра с железными ушками и дужками. Размеры их были обычно не больше 25—30 см в диаметре, и только у боярина из Гульбища его ведро достигало почти 40 см в диаметре, напоминая былинную

Чару зелена вина
В полтора ведра.

В Черной Могиле у изголовья покойников было найдено около полутора десятков деревянных ведер.

⁶¹ Баран (овец, агнец) как жертвенное животное применялся повсюду. Определить, какому божеству славянского языческого пантеона был посвящен баран — трудно. У русских крестьян в XIX в. Ильин день называли «Бараний рог», в этом случае мы можем связывать барана с Перуном. Постепенно жертвенное животное замесилось испеченным из теста символом: корова — караваем, баран — баранкой, петух — поткой из теста. Заклание барана (или козла) было, судя по всем данным, последним актом погребального обряда. Котлы с остатками жертвенного животного ставились рядом с кострищем или на вершине кургана.

Орудия труда, к сожалению, немногочисленны. У ног женщины лежало 10 серпов, но установить точно их тип не представляется возможным. Большой интерес представляют плотничные инструменты — топор, долота и скобель, при помощи которых был сделан «бдын», смертная домовина князя. Долота не сохранились, а скобель хорошо виден на фотографии. Его назначение — сдирать кору и выстругивать бревна и доски. Топор, как уже говорилось, представляет собой среднее между оружием и орудием труда. Интересно местоположение топора среди замка, ключей и зерен ржи и пшеницы. А. Котляревский указывает, что у ряда славянских народов (в том числе у русских Воронежской области) во время похорон кладут топор у порога избы, а дорогу посыпают житом.

Все это является дополнительными аргументами в пользу того, что сожжение производилось в домовине или «бдыне». Дверь домовины могла быть заперта замком. Бдын-домовина был, очевидно, ориентирован по странам света; дверь должна быть на востоке, в ногах покойника. Топор расположен как раз у предполагаемого порога.⁸²

В Черной Могиле найдена бронзовая бочковидная гирька, но она настолько пострадала от огня, что взвешивать ее бесполезно.

Для истории древнерусского быта большой интерес представляют игры, найденные на кострище: бабки, зернь и фигуры какой-то игры вроде шашек или шахмат (рис. 16). Свыше сотни бабок и бронзовая битка к ним — это уникальная находка детской игры. Способы игры в бабки очень разнообразны, но сама игра распространена повсеместно.⁸³ Полусферические костяные фигуры с шариком наверху можно признать или пешками шахматной игры или шашками («леки») или же фишками какой-либо иной игры с доской (типа греческой мельницы или иной).⁸⁴

Обычной находкой для русских дружинных курганов являются костяные брусочки с очками от 1 до 6. Своеобразной является их форма — две грани параллелепипеда квадратные, а остальные четыре — прямоугольные, в 2—3

раза длиннее короткой стороны. При таком устройстве очень трудно, бросая «кубик», выбросить то очко, которое обозначено на квадратной грани. На длинных гранях обозначены очки: 3, 4, 5, 6. Такие кости могли служить для счета, когда играющий не выбрасывал кость для получения случайного результата, а ставил кость определенной цифрой вверх. Возможно, что кости имели не только игровое значение.⁸⁵

Большой интерес представляет небольшой бронзовый идольчик, вероятно не бывший в огне и положенный под доспехи на вершине кургана. К сожалению, до химической расчистки его, очень трудно что-либо сказать об этой сидящей человеческой фигурке с каким-то предметом в руках (рис. 17).

Для того чтобы закончить обзор инвентаря Черной Могилы, нам необходимо рассмотреть два наиболее замечательных предмета — туры рога, положенные вместе с жертвенным котлом и ножами для заклания жертвы на вершине насыпи во время (или после) тризны. Турый рог являлся сосудом для питья — ритонном. Такое назначение рогов прослеживается еще со времен позднего палеолита, когда рога предшествовали появлению глиняной посуды. Этот глубокий архаизм ритонов способствовал сохранению за ними функций не только бытовых, но и ритуальных сосудов.

О бытовом применении турьих рогов нам говорит целый ряд источников. Русская Правда предусматривает возможность удара рогом на пиру. Мартин Галл сообщает об употреблении рогов при дворе Болеслава Храброго. Герборт говорит о том, что бояре города Щетина, собираясь в своих контингах, пили из рогов, украшенных золотом и камнями. На миниатюрах жития Бориса и Глеба туры рога на особых подставках изображены на пиршественном столе. Иван III послал псковичам турый рог, окованный золотом.⁸⁶

Воспеты в былинах древнерусские пиры

⁸² При таком расположении домовины мужчина занимает правую от входа, а женщина левую стороны дома, т. е., так, как прослежено П. Н. Третьяковым в городище Березняки. (К истории племени Верхнего Поволжья. МИА СССР, вып. 5). Такое же расположение мужчин и женщин по отношению ко входу сохранялось у старообрядцев в церкви. Бдын — погребальная постройка считалась обязательной принадлежностью языческого обряда; княгиня Ольга, став христианкой, отвергла смертную домовину «призва сына своего Святослава и заповеда ему с землею равно погрестись, а могилы не сути, ни тризны творити, ни бдына деяти» (А. Котляревский. Ук. соч., стр. 118).

⁸³ Игры народов СССР. М.—Л., 1933. Бабки, козны, лодыжки, костычи, стр. 458—466.

⁸⁴ Учитывая стандартность всех костяных фишек, их трудно признать шахматными фигурами, так как должны были бы сохраниться не только одни пешки.

⁸⁵ В связи с этими костями, помеченными очками от 1 до 6, следует обратить внимание на одну миниатюру Радзивилловской летописи (лист 46 оборот). Она иллюстрирует текст известного сказания о принесении в жертву славянским богам в Киеве одного молодого варяга. Старцы сказали: «мечем жребьи на отроку и на девци...» Несчастный жребий достался отроку-варягу. На миниатюре изображен князь Владимир, руководящий жеребьевкой, и безбородый юноша, держащий в руке такую же кость, как в Черной Могиле с 6 очками. На столе лежат две других кости, на которых обозначено 4 и 5 очков. Очевидно число 6 считалось несчастливым. Замечу, что при игре в бабки четные цифры означают проигрыш, и чем больше четная цифра, тем крупнее проигрыш. При шести очках на кости цифра 6 должна считаться самым крупным проигрышем, а когда кость служила для ритуальной жеребьевки, то шесть очков означали проигрыш жизни.

⁸⁶ Одиноко стоит не подкрепляемое источниками мнение Н. Финдейзена о том, что туры рога из Черной Могилы являются музыкальными инструментами, а именно охотничьими рогами. См. Н. Финдейзен. История русской музыки, т. I, М., 1928, стр. 2.

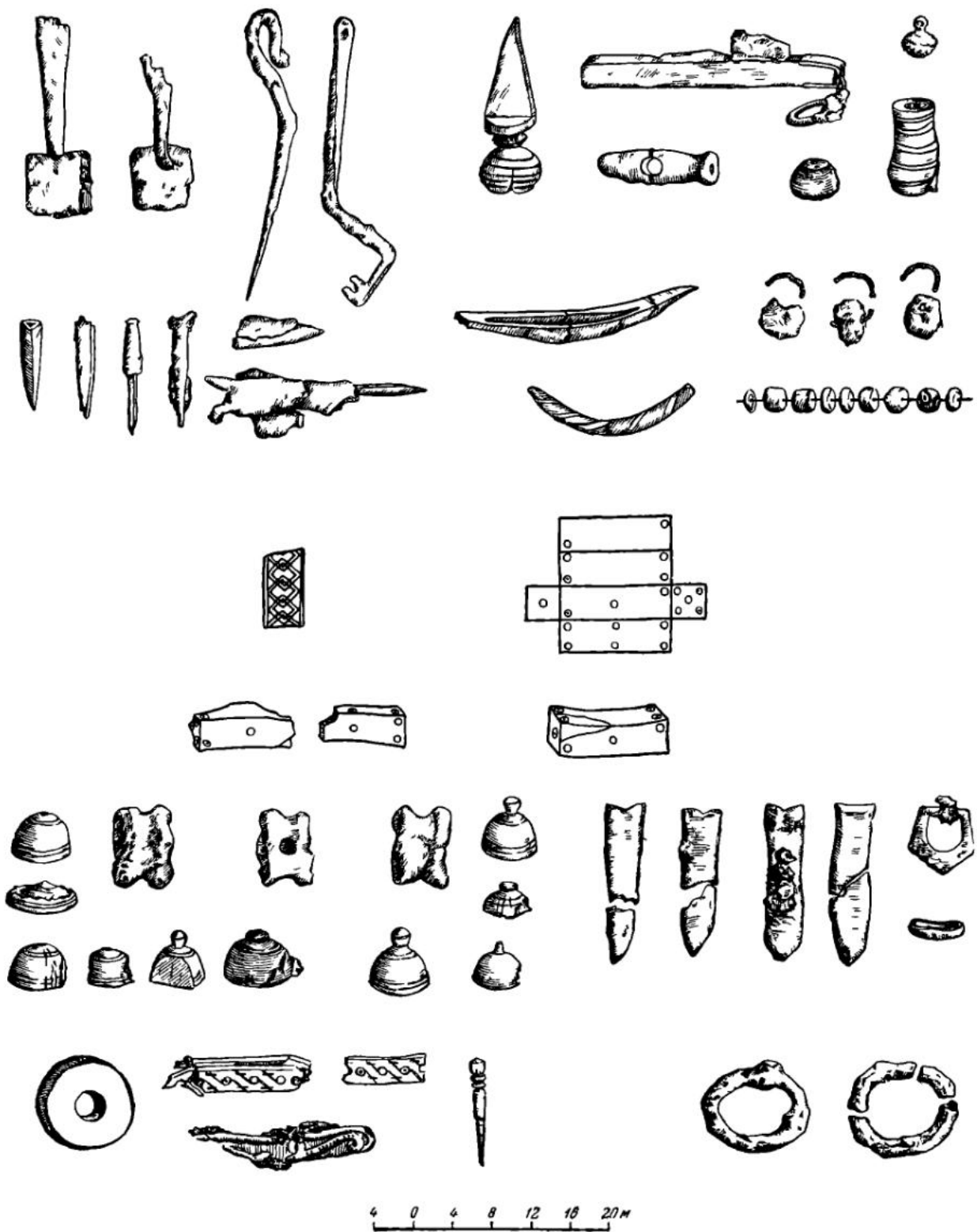

Рис. 16. Мелкие вещи из Черной Могилы ключи, оселок, стрелы, височные кольца, бусы, игральные кости бабки, шашки, поясной набор, глиняное пряслице, проколка для рукоделия.

сами по себе являются остатком языческого ритуала; возможно, что и питье из рогов, как наиболее архаичного типа посуды, было одним из элементов языческого праздника. Иногда источники определенно говорят о том, что культ некоторых славянских языческих богов требовал в качестве обязательного обряда питья из рогов во время священной пляски.⁸⁷

Ритуальное значение рогов-ритонов явственно выступает в скифском искусстве. Скифы-побратимы пьют кровь с вином из рога, скиф перед богиней стоит с рогом в руках (Чертомлык), всадник торжественно держит в руках рог-ритон, преподносимый богине (Керчь, Карагодеуашх). Каменная баба скифского времени с Нижнего Днепра в качестве атрибута божества имеет большой турий рог. В кургане Карагодеуашх в качестве погребальной обрядовой посуды положены на двух блюдах две пары ритонов. Это очень близко напоминает Черную Могилу.

Турий рог впоследствии становится обязательным атрибутом славянских богов. Арконский Святovit держал в руках огромный рог с вином; каменный рельеф из Альтенкирхена близ Арконы изображает бородатого мужчину с большим рогом в руках. Среди западнославянских древностей есть идолы, изображающие мужчину с рогом. Знаменитый збручский четырехликий идол «Святovита» на одной из граней имеет изображение женщины с турьим рогом в руках.⁸⁸ На новых фотографиях Краковского музея можно видеть и детали этого рога: устье его оковано широкой полосой, в средней части заметна ромбическая накладка, совершенно аналогичная ромбам черниговских рогов, а узкий конец имеет завершение, заставляющее вспомнить об орлиных головах из серебра, которыми заканчивались турьи рога из несохранившейся находки 1851 г. в кургане княжны Черны.

Приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы показать, что турьи рога широко бытовали в славянской среде и были очень тесно связаны с языческим культом, являясь атрибутом славянских богов и необходимой принадлежностью ритуального пира.⁸⁹

⁸⁷ «...кладут требу... упирем и берегням и Переплуту и вертячеся пьют ему в розгах», т. е., приплясывая, пьют из рогов в честь бога (Слово св. Григория). Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 384.

⁸⁸ А. А. Захаров, выискивавший ориентализмы в збручских изображениях, не обратил внимания на поразительное соответствие изображений русским бытовым вешам X столетия. Примером такого соответствия является турий рог в руках богини и турьи рога из курганов X в., См. ESA, т. IX.

⁸⁹ Для ритонов употребляли по преимуществу турьи рога как потому, что рога этого огромного животного давали сосуды значительного объема (что было необходимо для круговой общей чаши), так и потому, что тур почитался священным животным. Тур был божеством,

Наличие диких туров в окрестностях Чернигова подтверждено известной фразой Владимира Мономаха о его охотничьих успехах в бытность черниговским князем. Ряд былин имеет запев о «турице златорогой» возле города Чернигова. Любопытно отметить, что первая статья о древнерусских турьих рогах вышла из-под пера черниговского жителя, отставного генерала Маркова, еще в 1816 г.⁹⁰

В 1851 г. во время строительных работ в Чернигове был разрушен курган, который местное предание связывало с именем мифической княжны Черны, будто бы бросившейся

Рис. 17. Бронзовый идол из Черной Могилы.

с терема после взятия Чернигова древлянским князем. На самом деле курган покрывал собой богатое дружинное погребение воина в кольчуге. Среди прочих вещей была найдена «серебряная окова большого рога с резьбой и с черной — гладкой и тонкой работы, узкий конец ее был отделан в виде орлиной головки».

С тех пор неоднократно в русских дружинных курганах IX—X вв. были находимы оковки турьих рогов. Серебряная оковка с городчатым орнаментом найдена в срубной гробнице в Шестовицах близ Чернигова, аналогичная оковка встречена Н. Е. Бранденбургом в кургане на р. Паше в Приладожьи, такой же городчатый орнамент имеет оковка

ством, близким к Яриле. Сохранилось множество урочищ по всей России, связанных с эротическим культом тура. «Турова божница» упоминается в летописи в XII в. Среди славянских амулетов находим подвески с изображением турьей головы (у радимичей). «Турница» — праздничный языческий маскарад широко известен у различных славянских народов. Возможно, что почитание туров способствовало выбору для ритуальных сосудов-ритонов именно турьих рогов.

⁹⁰ Черниговские губернские ведомости 1851, № 26, стр. 237. Эти замечательные вещи были во владении Сердобина или князя Куракина и бесследно исчезли.

рога из Гнездова. В Гнездове встречен и другой тип оковки, составленной из отдельных бляшек, набивавшихся по устью рога.⁹¹

Наиболее яркими и интересными по художественности исполнения бесспорно являются два турьих рога из Черной Могилы. Эти турьи рога впервые были изданы Д. Я. Самоквасовым в 1874 г.⁹² С тех пор они часто привлекали внимание историков искусства.

Рога разной величины. Один из них 54 см в длину, а другой, со знаменитым тератологическим фризом,—67 см длины. Никаких

как были закончены все погребальные обряды. Возможно, что, прощаясь с умершим, перед тем как окончательно засыпать землей его останки, родичи, помяная его, «пили в розех» и положили эти рога рядом с оружием.

Оба рога одинаково окованы серебром вокруг устья и украшены квадратными накладками в средней части (рис. 18). Ф. Я. Мишуков при реставрации рога с тератологическим фризом в 1935 г. обнаружил гравированный орнамент из завитков на самой роговой поверхности в промежутках между серебря-

Рис. 18. Турьи рога из Черной Могилы.

следов огня на тонкой серебряной оправе рогов нет. Страшный жар грандиозного погребального костра, сплавивший в стекловидные слитки все украшения покойников, не коснулся хрупкого серебра турьих рогов. По всей вероятности, они были положены после того,

⁹¹ Шестовицы — материалы Черниговского областного музея. Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, табл. IX, рис. 4, стр. 70. В. И. Сизов Смоленские курганы, табл. 4, рис. 5. А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках И. С. Абрамова. ЗОРСА, т. VIII, рис. 37.

⁹² «Древняя и Новая Россия». Значительно лучший рисунок опубликован в посмертном издании Д. Я. Самоквасова «Могильные древности Северанской Черниговщины» М., 1917, рис. 14. В. Борн в специальной статье, посвященной русскому тератологическому орнаменту, пытается доказать северогерманское происхождение рисунка на оправе рога. Порочность концепции Борна вскрыта А. С. Гуциным (Памятники художественного ремесла древней Руси, 1936). Но Гуцин, опубликовав попутно фотографию рога, не дал ни описания, ни анализа изображений.

ными накладками. Квадратные накладки на боковых сторонах рогов украшены орнаментом, образованным из тех же элементов, что и узор на оковке устья рога.

Композиция этого узора очень проста и широко распространена в X—XI вв. на Руси. В основе — четыре «крина», обращенные корнями к центру квадрата, а остриями цветов направленные к углам. Мы видим этот узор на поясных бляхах Гнездова и Приладожья, на застежках кафтана из Гульбища, мы находим его на плаще Ярослава, на фреске из Нередицы и на ряде других вещей и изображений. В народной вышивке XIX в. этот узор с его четырехсторонней композицией является очень широко распространенным.

Зная, что единичные изображения крина рассматривались в древней Руси как символ жизни, плодородия (крин на колтах, на плащах святых, на головных уборах), мы должны и четырехкратному повторению этого симво-

ла, направленному в разные стороны, придавать также символическое значение. Это тем более вероятно, что на ритуальном сосуде все, каждый узор, каждая деталь, могло иметь особый магический смысл. Магический узор, обращенный «на все четыре стороны», следует сопоставлять и с четырехликими статуями богов (збручский идол и кельтские божества), и с многочисленными заговорами, где упоминаются четыре ветра, поклон на четыре стороны, т. е. со стремлением славянина-язычника обезопасить себя со всех сторон. К этому

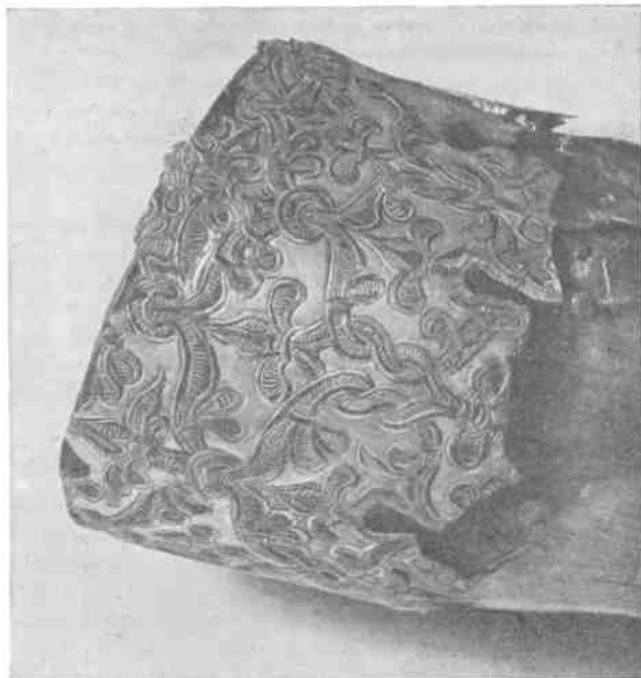

Рис. 13. Серебряная оковка малого турьего рога.

кругу понятий относится и культ перекрестков дорог («столп на путях»). Графическим выражением этого желания обезопасить себя круговой обороной от злых духов и являются четыре крива, излюбленная орнаментальная композиция X в. Косо поставленный квадрат, включающий в себя растительный узор, был необходимой частью этой композиции.

Один из рогов (меньший) орнаментирован сочным растительным узором, переплетенным в гирлянды.⁹³ Этот узор, близкий к иранскому, был очень распространен в древней Руси и встречается на вещах безусловно не восточного, а местного происхождения. Такова, например, рукоять меча, найденного в Киеве близ Золотых Ворот.⁹⁴ Сходство орнамента

серебряной оправы рукояти и оковки турьего рога полное (рис. 19).

Аналогичный узор через Киев проник и к западным славянам. Известны украшения переметных сум (?) из Моравии, повторяющие киевские и черниговские мотивы.⁹⁵

Другой турий рог больших размеров орнаментирован значительно сложнее. Его оправка чеканена мельчайшими пуансонами, фон позолочен, а накладные бляшки и фестоны по нижнему краю украшены чернью.

Мастер-чеканщик дал здесь замечательный фриз из различных чудовищ, птиц и людей.⁹⁶ Тератологическая композиция построена мастером таким образом, что на тыльной стороне рога расположен сложный, но симметричный узел из двух крылатых чудовищ, связанных собой стеблем широкого листа — пальметки, вырастающего из их крыльев. Эта пальметка является своеобразным деклинационным знаком всей композиции, от которого фигуры идут влево и вправо. На крыле правого чудовища имеется сложный знак, возможно являющийся княжеской тамгой. Влево расположен еще один орнаментальный узел из двух вертикально стоящих драконов, кусающих друг друга. Хвосты их срослись и образуют пальметку такого же стиля, как и пальметки первых двух чудовищ.⁹⁷

По сторонам драконов симметрично расположены два орла, а под ногами у правого орла затерялись в завитках орнамента две маленькие собаки, стоящие особняком и не вплетенные в общее тератологическое кружево. Вправо от разделительной пальметки двух первых чудовищ помещены волк и петух. Последнее изображение не имеет аналогий ни в иранских, ни в других восточных древностях, оно отражает какие-то местные русские орнаментальные мотивы: известно, какое важное место занимает петух в русском народном

⁹⁵ О влиянии Киевской Руси на Чехию и Моравию в X в. писал чешский историк Схранил. См. I. Schřanil. Několik příspěvků k poznání kulturních proudů v zemích českých X—XI st. Niederlův Sborník, Praha, 1925.

⁹⁶ Между прочим, среди западнославянских вещей X в. мы можем указать серебряные рельефы, изображающие оленей и птиц, которые по технике исполнения очень близки к этому турьему рогу: невысокий рельеф и фон, наколотый маленькими пуансонами (Курганы со срубными гробницами X в. из Желениц в Чехии). См. I. Schřanil. Ук. соч., табл. VI, рис. 1 и 1а.

⁹⁷ Мотив двух стоящих зверей, кусающих друг друга, хорошо известен русским курганным древностям X—XI вв. В кургане у с. Белогорья близ Суджи (на южной окраине Северской земли) найдена подвеска к ожерелью с изображением двух переплетенных драконов (Коллекция ГИМ, Собрание Г. Д. Филимонова), чрезвычайно близких к группе на турьем роге. Аналогичная подвеска есть и в Гнездове (В. И. Сизов. Смоленские курганы. СПб., 1902, табл. IV, рис. 1). Наиболее поздней вещью с изображением таких драконов и пальметки является браслет тверского клада XII—XIII вв. Характер пальметки не имеет ничего общего со скандинавским орнаментом и указывает на юго-восток.

⁹³ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности, рис. 13.

⁹⁴ В. Е. Гезе. Заметки о некоторых киевских древностях. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VII, вып. I.

творчестве, фольклоре и мифологии. То же самое можно сказать и о волке.

Центральное место в орнаментике оправы отведено композиции из двух человеческих фигур и орла.⁹⁸ Эта композиция приходится как раз на противоположном конце оправы

ли две маленькие фигурки людей, затерявшиеся среди огромных чудовищ, цветов и трав, покрывающих поле серебряной оправы. Их считали то охотниками, то детьми, заблудившимися в лесу. Самоквасов называет левую фигуру мальчиком, а правую девочкой.

Рис. 20. Серебряная оковка большого турьего рога из Черной Могилы. Наверху — общий развернутый вид оковки; внизу — деталь.

от разделительной пальметки; она обращена к лицу пьющего из кубка и, таким образом, является центральной и основной (рис. 20).

Внимание исследователей давно привлека-

⁹⁸ Во всех многочисленных изданиях турьего рога совершенно не обращалось внимания на закономерность расположения и симметричность фигур. Поэтому некоторые композиционно единые группы оказывались разрезанными «по живому» при разворачивании рисунка на плоскость.

Обе фигуры обращены вправо, в сторону орла, склонившего голову.

Левая фигура изображает бородатого мужчину в какой-то малопонятной одежде, вроде длинной рубахи (кольчуга), без шапки. Правая рука протянута вперед и как бы ловит что-то. В левой руке — большой лук сложной системы с ясно обозначенным способом прикрепления тетивы; около охотника, за его спиной в воздухе две целых стрелы и одна разло-

манная пополам. Одна стрела ромбовидная, другая — двурогий «срезень», предназначенный для стрельбы по птицам; оба типа стрел хорошо известны по русским древностям X в. и найдены в той же Черной Могиле. Одна стрела как бы направлена в затылок мужчины.

Правая фигура — женская, с колчаном у пояса, держит лук в левой руке, а правая рука согнута таким образом, как будто бы охотник только что спустил тетиву.

Отличием этой фигуры является разделка волос и длинные косы, спускающиеся от правого виска к бедру. Можно даже разглядеть нечто вроде двух височных колец в том месте, где прическа переходит в косу. Судя по косам, это — девушка.

Орел изображен непропорционально большим; голова его склонена вправо, крылья распростерты. Держит ли он что-либо в когтях — сказать трудно, так как нижняя часть изображения отломана. При общем взгляде на всю композиционную группу из двух охотников и орла создается следующее впечатление: охотники стреляют в хищную птицу, но ни в птице, ни около нее стрел нет; они как бы возвращаются обратно к охотникам и изображены за их спинами летящими в обратном направлении в беспорядке, оперением вперед и частично поломанные. Протянутая рука левого охотника, может быть, ловит эти возвращающиеся стрелы. Все это напоминает сказочные сюжеты о заколдованной птице и о возвращающихся стрелах⁹⁹ (рис. 20). В русских сказках и былинах мы найдем много эпизодов, героями которых являются птица (вещая), мужчина и девушка. Часто мужчина освобождает девушку (или лебедь) от когтей хищного коршуна-колдуна.

Но мне кажется, что наиболее полную аналогию черниговскому рогу представляет черниговская же былина об Иване Годиновиче. Место действия во всех вариантах былины — Чернигов. Сюжет былины таков: молодой киевский дружинник (иногда племянник князя Владимира) задумался на пиру о понравившейся ему дочери черниговского гостя —

⁹⁹ Среди изделий так называемого восточного серебра есть несколько вещей с близкой композицией. В Приуралье в 1937 г. было найдено блюдо с изображением орла, держащего в лапах женщину; два охотника стоят по сторонам птицы, один из них стреляет в нее из лука. См. К. Тревер, Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Л. 1937, табл. III. Сходный, но упрощенный сюжет есть и на двух кувшинах из Надь Сент-Миклошского клада в Венгрии. Здесь есть орел и женщина, но отсутствуют охотники. Приуральское блюдо IX в. имеет много точек соприкосновения с турским рогом из Чернигова: орел, два охотника и даже две собачки, затерянные в листве, — все это имеется на обеих вещах, но несомненно, что смысл изображений там и здесь был совершенно различен. Можно допустить, что черниговский мастер конца IX или X в. видел какую-то вещь восточного изготовления, вроде упомянутого выше блюда, и она натолкнула его на создание своей композиции с аналогичными персонажами, но иным, чисто русским содержанием.

Настасье (вариант — Марье). Князь Владимир снаряжает Ивана Годиновича в путь за невестой, снабжая его казной и дружиной. В пути иногда дружина увлекается охотой. Иван прибывает в Чернигов, но там оказывается, что красавица Настасья уже просватана за Кашея Бессмертного (вариант — Кашей Трипетович). Иван Годинович силой и угрозами увозит с собой Настасью Дмитриевну из Чернигова в Киев. По дороге на них нападает Кашей и вызывает Ивана на поединок; Иван одолевает Кашея, но ему нечем «пластать Кашею белы груди», и он просит Настасью принести нож. Кашей взмолился и начал убеждать Настасью помочь ему, Кашею, против Ивана Годиновича. Одним из аргументов было то, что у Ивана жена будет потомойницей, а у Кашея — царицей. Доводы подействовали, и Настасья приняла участие в борьбе, схватила Ивана за желтые кудри и освободила Кашея; Ивана Годиновича они совместно привязали к дубу. С этого момента в былине появляются те мотивы, которые позволяют сблизить ее повествование с персонажами турьего рога.

Героями былины остаются Кашей и Настасья (Марья), освободившиеся от Ивана Годиновича и предающиеся «забавам». Здесь в былинку вводится новый элемент:

На ту пору на то времячко
Налетала птица, черный вран,
Садился он, вран, на сырой дуб,
Проязычил языком человеческим:
«А не владеть-то Марьей Дмитриевной
Царю Кашею Трипетову,
А владеть Ивану Годиновичу».¹⁰⁰

В других вариантах вместо ворона выступают голубь с голубкой или лебеди. Далее, в былине следует диалог между Кашеем и Настасьей. В большинстве случаев Настасья советует Кашею застрелить птиц, чтобы они не рассказали в Киеве о виденном. В редких вариантах она удерживает своего друга от стрельбы по птицам. Так или иначе, но в процессе борьбы Кашея с вещей птицей он всегда выступает совместно с Настасьей.

Скочил Кашей на резвы ноги,
Хватил Кашей тугий лук,
Натягал тетивочку шелковую,
Кладывал стрелочку каленую,
Стрелил-то в черна ворона.
Стрелил, не попал в него,
Так эта стрела взад обратилася,
Пала ему в буйну голову,
Облился он кровью горячею,
Пришла тут Кашею горькая смерть.¹⁰¹

Приведу другой вариант, в котором Настасье отведена активная роль.

¹⁰⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, М., 1910, стр. 119. Записано в Пудогге от Никифора Прохорова.

¹⁰¹ Там же.

... И говорит Кашей Бессмертный:
«Ай-же ты, Настасья Митриевна,
Подай ко ты мой лук, калеу стрелу,
Застрелю я голубя с голубушкою...»
Подает Настасья Митриевна
Тугой лук и калены стрелы.
А не попал-то Кашей в Ивана во белы груди,
А пролетела калеи стрела в толстый
сырой дуб.

От сыра дуба стрелочка отскочила,
Становилася Кашею во белы груди,
От своих рук Кашею и смерть пришла.¹⁰²

Сказочный мотив возврата стрел к стреляющему, так хорошо изображенный чеканщиком черниговского турьего рога, здесь в былине является одним из центральных моментов. Он наличествует решительно во всех вариантах этой былины, которых исследователи насчитывают до 30.¹⁰³

Возврат стрел от птиц к Кашею объясняется то «божьем велением», то силой заговора Ивана.

Иванушко Годинювич у сыра дуба приговаривает:
«Уж ты батюшка мой тугой лук,
Уж ты матушка калеи стрела,
Не падн-ко стрела ты ни на воду,
Не пади-ко стрела ты ни на гору,
Не падн-ко стрела ты ни в сырой дуб,
Не стрели сизых малых голубов.
Обвернись стрела в груди тагарский
В татарский груди во царский
А й старым старухам на роптанье,
Черным воронам все на грянье,
А й серым волкам все на военье».¹⁰⁴

Перед нами типичный языческий заговор оружия, который в данном случае оказался действенным. Дальнейшее течение событий таково: Настасья собирается убить Ивана Годинювича, но потом освобождает его. Освобожденный Иван обручает Настасье уста, целовавшие Кашею, руки и ноги. В Киев он возвращается один без жены.

В итоге мы получаем следующее: кульминационным пунктом былинного повествования является эпизод с птицей (птицами). Здесь действует Кашей, стреляющий из лука, черниговская красавица, подающая ему лук, вещая птица, в которую стреляют, и возвращающиеся назад заговоренные, заколдованные стрелы, убивающие Кашею. Все это полностью изображено на черниговском турьем роге. Бородатый мужчина в длинной рубахе или кольчуге, только что спустивший тетиву своего лука, это — Кашей Бессмертный, стреляющий в вещую птицу. Девушка с длинными косами и с колчаном через плечо — это черниговская красавица Настасья (Марья), предмет спора двух мужчин. Здесь она изображена также с луком в левой руке. Вещий вран (или орел)

как бы собирается взлететь; его крылья распростерты и одно из них приподнято.

В вещую птицу на изображении было пущено три стрелы, как и полагается в настоящей былине или сказке, и все они оказались за спиной Кашею. Две из них — специально птицебойные двурогие «срезни», которые по широте площади поражения можно сопоставить со стрельбой дробью — меньшая сила удара, больший захват площади.

Одна из стрел переломилась «наполю» за спиной Кашею. Другая полетела прямо в небо. Третья стрела, уже боевая, с ромбическим наконечником, предназначенная не для охоты, а для войны, летит прямо в затылок Кашею, выбежавшему стрелять птицу без шлема, без шапки, с непокрытой головой. Сердце убитого Кашею должно достаться волкам, и на турьем роге волк с разинутой пастью как бы ожидает добычи.

Совпадения исключительно полные. Нет только второго героя, Ивана Годинювича. Черниговский мастер все свое внимание сосредоточил на моменте наказания Кашею Бессмертного высшими силами за посягательство на птицу.

Кто такой Кашей? Какая птица пользуется таким покровительством колдовских сил? Почему именно смерть Кашею изображена на священном ритоне черниговского князя X в.?

В былине, а тем более такой, древность которой насчитывает тысячу лет, мы вправе искать не жанровую сценку, а какой-то скрытый, более глубокий смысл. Быть может, чеканная иллюстрация к былине позволит нам установить ее литературную историю.

Начну с того персонажа, который не удостоился изображения на турьем роге — с киевского дружинника Ивана Годинювича. Мне он представляется вторичным, дополнительным персонажем, который облегчал привязывание этой былины к Киеву и окрашивал ее романтикой борьбы за красавицу. Для черниговского художника X в. он еще не существовал.

Важнейшим персонажем рисунка турьего рога является вещая птица, враждебная Кашею. Именно она олицетворяет высшие силы, побеждающие Кашею Бессмертного. На роге она больше всего походит на орла, тогда как в былине, под влиянием любовной темы Ивана и Настасьи, она превращается иногда в голубя с голубкой. Орел известен как герб города Чернигова.¹⁰⁵

¹⁰⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. Ученые записки МГУ, вып. 93. М., 1946. Автор указывает на то, что орел был не единственным, но наиболее стойким символом Чернигова, удержавшимся до XX в. Об орле на турьем роге А. В. Арциховский пишет: «Вспоминать по данному поводу об изображении орла в черниговских курганах X в. (Черная Могила, Шестовицы) я бы не стал. Подобные изображения имеются в разных местах, да и гербы с орлами слишком распространены», стр. 48.

¹⁰² Там же, стр. 330—331. Записано в Пудогге от Трофима Романова.

¹⁰³ А. М. Астахова. Былины Севера. М.—Л. 1938, стр. 585—587. Здесь приведены исчерпывающие библиографические данные.

¹⁰⁴ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Т. II, Изд. 3-е, М.—Л., 1938, стр. 629.

Доказанная А. В. Арциховским глубокая древность многих русских городских гербов заставляет внимательнее отнестись к этому совпадению. Орел, из-за которого на турьем роге находит свою смерть бессмертный Кашей,—вещая птица черниговской былины, и орел — герб Чернигова (сведения о котором доходят до XVIII в.); все это позволяет предполагать, что орел в древности особо почитался черниговцами, может быть как покровитель города или племени.

Царь Кашей Бессмертный, Кашей Трипетович — это, возможно, один из синтетических образов степных кочевников, образ хана, возглавляющего набег, ускользающего от смерти и укрывающего у себя плененную русскую красавицу. В XII в. «кощеями» называли иногда и ханов; так, например, Кончак назван в «Слове о полку Игореве» «поганым кощеєм».

Наименее ясна уроженка Чернигова — Настасья, девушка с длинными косами. Она и в былине и на рисунке рога пассивна. Она позволяет увести себя Ивану, позволяет уговорить себя Кашею, но остается благожелательной к птице. Художник оправы рога не покарал девушку за вероломство — в ее голову не направлен стрел, да и в былине ее карает не высшая сила, а Иван. Быть может, Настасья-черниговка — это образ простой черниговской полонянки, оказавшейся в руках «поганого кощея».

Может быть, и вся сцена, вычеканенная на священном ритоне, это изображение простой, исторически оправданной мысли: поганый кощей-печенежин поднял руку на черниговского орла, но сила вещей птицы направила стрелы обратно в обидчика.

Мастер-чеканщик, считавшийся с ритуальным характером рога, хотел показать не столько реальную смерть Кашея, сколько именно действие невидимой, но властной силы заклинания.

Время зарождения былины и перенесения ее на рисунок ритона мы должны несколько отодвинуть от времени похорон черниговского князя. Если основой для былины послужило какое-либо реальное событие, вроде неожиданной смерти нападавшего на Чернигов врага, то мы должны относить его к первой половине X в., когда «придоша печенеги първое на Руськую землю» (915 г.) или «Игорь воеваше на печенеги» (920 г.), или к более позднему времени, когда рать с этой первой волной тюркских кочевников «была бес престани» и печенеги осаждали уже Киев. Независимо от правильности высказанных выше соображений, турий рог из Черной Могилы останется одним из самых интересных предметов древней Руси, который долго еще будет привлекать внимание историков искусства, знатоков быта и исследователей славянского языка.

6. Выводы

Мы рассмотрели отдельные категории вещей курганов черниговского некрополя. Подведем некоторые итоги.

В IX—X вв. население Чернигова хоронило своих покойников не у самых стен детища или окольного града, а несколько дальше, на выездных путях из города. Кладбище распадается на несколько отдельных групп, которые раскинуты на очень большом пространстве, а вниз по Десне тянутся на 18 км до Шестовиц. Такая рассредоточенность черниговских дружинных погребений может быть объяснена, как мне кажется, появлением у дружинников земельных владений вокруг города, часть которых известна нам по именам (Гюрничев, Семынь и др.). Обращает на себя внимание, что в каждой курганной группе есть много обычных могил небольшого размера и несколько крупных курганов с богатым инвентарем.

Произведем примерное сопоставление черниговских курганных групп (с обычными и большими курганами), окружающих город, с древними летописными названиями сел.

1. Курганы на восток от Чернигова, среди которых есть несколько огромных IX—X вв., — это некрополь летописного Гюричева, пригородного села.

2. Дружинные курганы IX—X вв. «в старом кладбище в Березках» — это кладбище древнего села Семынь, упоминаемого в летописи. В этой группе господствовало несколько больших курганов (например № 2).

3. Соседняя группа курганов X в. около «Пяти Углов» — это, возможно, некрополь того древнего села, которое в XII в. стало называться селом Святого Спаса.¹⁰⁶

4. Курганы на Олеговом Поле, группировавшиеся вокруг огромной овальной могилы, может быть, следует связывать с каким-либо княжеским селом, принявшим впоследствии имя Олега (современное село Ольгово). Здесь на земле села Ольгова был найден клад княжеских серебряных вещей XII в.

5. В древнем урочище Болдине господствовал курган богатого и знатного боярина конца IX — начала X в. Гульбище, окруженный менее значительными насыпями.

6. Соседняя Троицкая группа тоже имела свой боярский курган (недокопанный Самоквасовым). Ее можно сблизить с древним пригородным селом Гостыничами.

7. Некрополь села Гущина (близ которого находится село с многозначительным наименованием Киенки) возглавляется большим курганом со срубной гробницей. Здесь же, в этом селе был найден около 1934 г. клад

¹⁰⁶ Впрочем, возможно, что обе эти группы следует поменять названиями, так как оба села — и Семынь и с. Св. Спаса — были близко друг от друга.

серебряных украшений X в. гнездовского типа.

Расширяя радиус наших наблюдений, двигаясь по древним дорогам из Чернигова на Киев, на Любеч, на Стародуб, мы увидим, что пригородные села и их некрополи незаметно переходят в городки с большими и малыми курганами: Оргощ на северо-западе, Седнев на северо-востоке, Шестовицы на юго-западе.

Вся эта картина никак не укладывается в представление о черниговском князе, как о единственном центре притяжения дружинников. Наоборот, мы видим вокруг Чернигова своего рода «солнечную систему»: город, резиденция князя, окружен несколькими вторичными центрами, границы которых подступают почти к самому городу; у этих вторичных боярских центров есть свои «спутники», окружающие их, входящие в их орбиту.

Только владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами могли создать такую яркую картину феодального рассредоточения черниговского некрополя. Никакого единого аристократического кладбища здесь нет. Огромные боярские курганы типа Гульбища, Безымянного, кургана № 2 «в Березках» и больших курганов Гюричева рассредоточены в отдельных группах, как бы возглавляя их. Если правомочно на таком археологическом материале делать выводы о социальной структуре, то хочется сказать, что черниговские бояре-воины IX—X вв., — это не толпа безземельных княжих мужей, окружающих князя, это — землевладельцы, сюзерены своих дружинников, господа сел, известных нам по летописи у самых стен Чернигова. «Вассалитет без земельных пожалований» был, очевидно, уже пройденным этапом к началу X в. для феодалов второго города в древней Руси — Чернигова, уступавшего первенство только Киеву.

Княжеские курганы — курган княжны Черны и Черная Могила, которые местная легенда всегда хотела связать с основателем города Чернигова князем Черным, не связаны ни с одним из пригородных сел. Они, как и подобает княжеским курганам, связаны с самим городом, у стен (а может быть у ворот) которого они и выросли.

Состав черниговского боярства был пестр. Нельзя пройти мимо двойственности погребального обряда в одновременных курганах IX—X вв. Под одинаковыми по виду насыпями находились и кострища с обугленными костями и глубокие срубные гробницы, куда опускали воина, его жену и коня, заставляя вспомнить былинку о Михайле Потоке.

А и тут стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую.
Глубиною, шириною по двадцати сажень.
И тут Поток Михайло Иванович
С конем и срукою ратию
Опустился в тое жь могилу глубокую
И заворочали потолком дубовым
И засыпали песками желтыми.

Одновременность курганов с сожжением и со срубными гробницами хорошо доказываются киевскими материалами.

Предполагать социальное различие мы не в праве, так как оба обряда применялись к представителям дружины и боярства. Быть может, мы должны здесь учесть возможность племенных скрещений, особенно легких на границе двух природных зон, где расположен Чернигов. Мы должны вспомнить, что, характеризуя черниговское войско в XII в. князь Святослав Всеволодич, сам выросший и долго княживший в Чернигове, говорит:

А уже не вижду власти сильного и богатого
И многова брата моего Ярослава
С черниговскими былями,
С могуты и с татраны и с шельбиры
И с топчакы и с ревугы и с ольберы.
Тии бо бес щитовъ с засапожники
Кликком пылки побеждають
Звонячи в прадеднюю славу...

Загадочный список черниговского воинства породил целую литературу.¹⁰⁷

Обычно эти термины рассматриваются как обозначения племен торков-ковуев, поселившихся на Черниговщине в XI в., а в XII в. использованных как пограничная стража. Мне кажется, что многие из этих терминов восходят к значительно большей древности, чем эпоха Мономаха и Ольговичей, и не обязательно связаны с торками.

Слово *быль* в значении *вельможа* дважды встречено в переводе хроники Георгия Амартола 1040-х годов и трижды в Супрасльской рукописи XI в. С ним связано *былание* — скитание, кочевье, *быланит* — бродяга, беглец.¹⁰⁸ Возможно, что корень *был* является параллельным словом с корнем *пол* — *полник* — богатырь, *исполин*; *поляница* — дружина, *полевать* — охотиться, кочевать, воевать. Слова с корнем *пол* имеют и другой, сопряженный с первым смысл — *поле* — степь, *поляна* — трава в лесу.

Точно так же раздваивается и корень *был*: если одно его значение — воин, богатырь, вельможа, то такие слова *былие* — трава, *былинка* связывают его со степью.

Близкая смысловая связь этих двух корней *был* и *пол*, а также одинаковое расщепление их на понятие «воина» и «степи» заставляет нас признать, что эти слова родились на юге, в степи или в лесостепи задолго до появления торков-ковуев и относятся, вероятно, к тому периоду, когда в лесостепи происходило скрещивание различных племен, например славян,

¹⁰⁷ Последней по времени выхода является статья С. Е. Малова Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». Изв. Акад. Наук СССР. 1946, том V, вып. 2. Слово «Ольбер» С. Е. Малова считает русской транскрипцией тюркского *alp āg* — витязь; «Шельбир» — *šel'ib-ig* — господин, принц крови; «Быль» — *boila, buila* — боярин, вельможа.

¹⁰⁸ Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900.

руссов, болгар, и кому из них принадлежало первичное слово — сказать трудно.¹⁰⁹ Во всяком случае, приписывать внедрение слова *быль* в русский язык пограничным торкам XII в. у нас нет никаких оснований. Это слово в форме *пол* (но с тем же значением) могло возникнуть в Приднепровье в первые века нашей эры, а затем воздействовать на сходную терминологию кочевников VI—VIII вв. нашей эры (например, аваров или «внутренних болгар»).

Слово *могуты* мне кажется значительно ближе к русскому *могучий, могутный, мощь*, чем к приводимому С. Е. Маловым «böğü». Смешанный состав черниговских дружин не подлежит сомнению. Но эту смешанность мы должны рассматривать не как явление XII в., а как значительно более ранний этногенетический процесс.

Двойственность погребального обряда Чернигова и Киева засвидетельствована восточными авторами (Ибн Русте) и курганами с сожжениями и срубными гробницами. Далеким прототипом срубных гробниц на этой территории являются скифские курганы. Не лишено интереса, что срубные гробницы в XI—XII вв. были восприняты оседлыми торками и берендеями по Руси и Россаве. Пока еще трудно уловить, где глубокие этнические корни, а где случайные внешние совпадения. Возможно, что курганы с сожжением, близкие к северным смоленским (Гнездово), это — погребения славянских, русских *былей* и *могутов*, а курганы со срубными гробницами, известные только в южной части Руси, это — могилы славянизованных *шельбиров* и *ольберов*, жителей черниговских степей, потомков древних кочевых племен, ассимилированных земледельцами славянской лесостепи и в IX—X вв. по своей культуре не отличавшихся от остального населения Чернигова, но сохранивших особый обряд погребения и некоторые социальные термины.¹¹⁰ Ни о каком варяжском происхождении владельцев срубных гробниц не может быть и речи.

Княжеские курганы Чернигова, выделяемые на основании наличия ритуальных предметов, близки к северным, славянским курганам Гнездова и Приладожья по всем деталям погребения. К этой же группе относятся и наи-

¹⁰⁹ В связи со словом *быль* иногда ставят русское *боярин-болярин*. Мне кажется, что сюда же нужно присоединить и древнерусское слово *былина* — воспевание подвигов *былей* и *могутов*, то, что ранее называлось *выштвоу витезовою* (прославлением витязей).

¹¹⁰ Важный исторический вопрос о племенной принадлежности срубных гробниц IX—X вв. и об их отношении к срубным гробницам Поросья XI—XII вв. не может быть решен на одном черниговском материале. Здесь он затронут попутно, а для его решения необходимо тщательное изучение всех срубных гробниц русского юга.

более богатые курганы вроде Гульбища. Немногочисленная примесь «племени срубных гробниц» (в основном селившегося вне Чернигова) не нарушала славянского характера черниговского некрополя, а лишь свидетельствовала о многообразии дружины «сильного и богатого и многовоя» черниговского князя, верховного сюзерена окружавших его бояр-землевладельцев IX—X вв.

IV КЛАДЫ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ

Черниговский курганный некрополь XI—XII вв. дал нам очень мало вещевого мате-

Рис. 21. Серебряные поясные бляшки X—XI вв., найденные в Елецком монастыре.

риала, по которому можно было бы судить о быте горожан. Единственно, что удалось установить, это отличие городских вещей от деревенских и предположительно наметить возрастные изменения женских украшений.

Но на территории древнего Чернигова много раз, как обычно, при случайных земляных работах встречались различные вещи, дополняющие картину городского быта яркими мазками.¹¹¹

В начале 1930-х годов в пригородном селе Гушине, где был один курган со срубной гробницей, был найден клад серебряных бус, лунниц и других украшений, типичных для IX—X вв.¹¹²

В ограде Елецкого монастыря, расположенного рядом с Черной Могилой, находим и амфоры для вина и ряд других вещей. Из них наиболее интересен серебряный поясной набор X—XI вв.¹¹³ (рис. 21). Поясные бляшки разного рисунка и техники. Одни из них массивные, литые, покрытые позолотой, а дру-

¹¹¹ В этом разделе для полноты картины средневекового Чернигова приведены различные городские вещи, частью не известные в литературе, но в большинстве своем опубликованные в разных изданиях. Поэтому здесь дается лишь краткий обзор важнейших находок.

¹¹² Клад хранится в Черниговском Историческом музее. Не опубликован.

¹¹³ Поясной набор хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Он нигде не опубликован.

гие украшены зернью. Все литые бляшки, несмотря на различие размеров и форм, настолько едины по своему стилю, что должны быть признаны частью одного пояса. Попыт-

вероятной является дата — начало XI в. (рис. 22).

На территории детинца и посада встречались христианские погребения XI—XII вв.

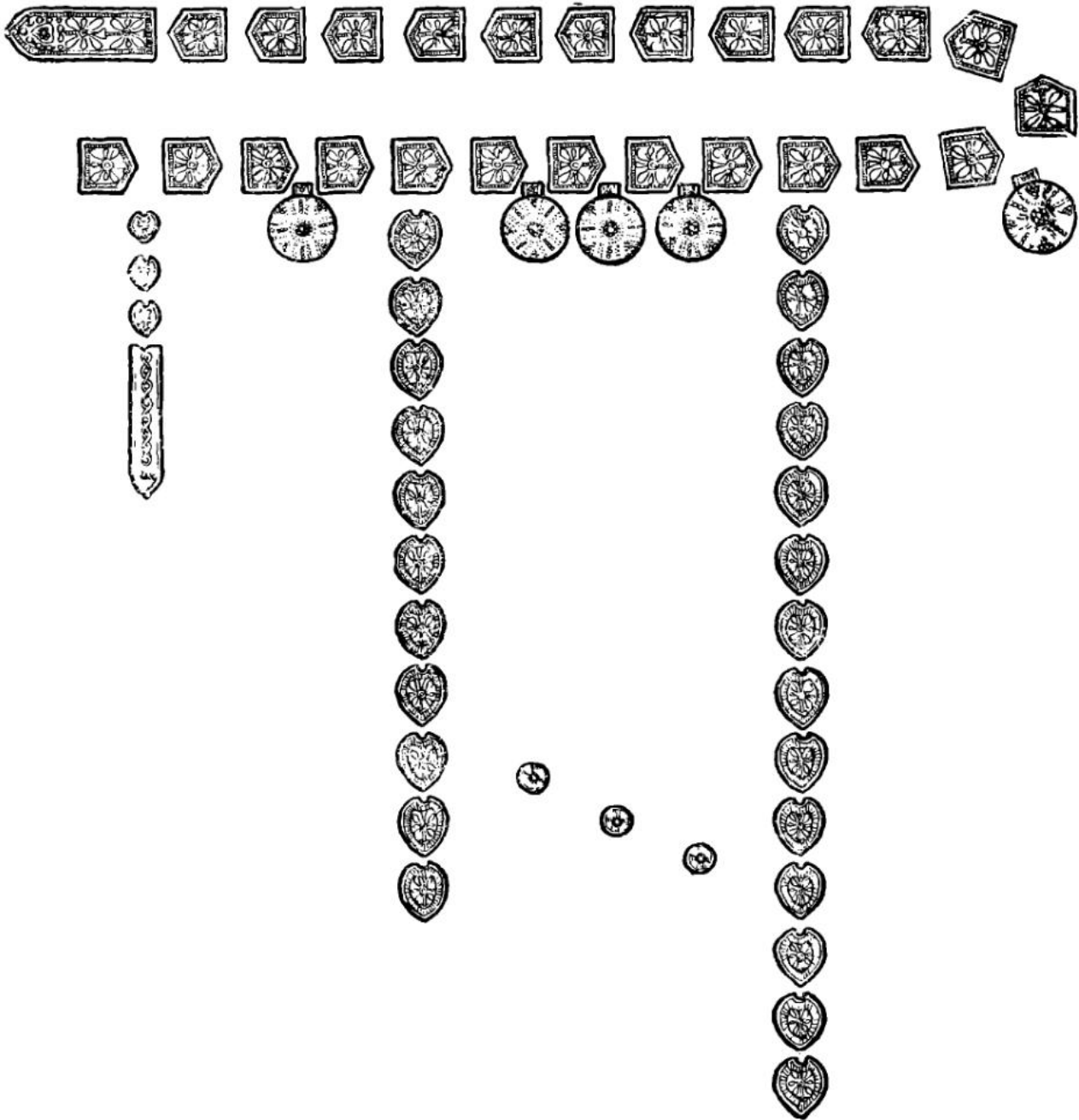

Рис. 22. Реконструкция пояса.

ки реконструировать пояс привели к мысли, что этот пояс, возможно, предназначался для ношения оружия, так как только при таком допущении становится понятным многообразие форм бляшек. Круглые подвески с зернью могут быть датированы X в., а весь остальной набор не имеет прямых аналогий в хорошо известных нам поясных наборах X в., хотя и близок к ним по стилю. Думаю, что более

около церквей, существующих и поныне. Так, около Екатерининской церкви в Третьяке (сохранившееся здание конца XVII в.) в 1878 г. в могильной яме глубиной в 150 см был найден женский скелет, а при нем два плетеных серебряных браслета с литыми наглавниками и два серебряных колта.¹¹⁴

¹¹⁴ Д. Я. Самоквасов. Могилы... стр. 254—255. Материал хранится в ГИМ.

Рис. 23. Черныговские котлы и способ их ношения

Колты представляют большой интерес, как один из наиболее ранних вариантов этого типа городских женских украшений. Колты вытиснены на медной матрице, очень близкой к той, которая помечена знаком князя Всеволода Ярославича (1080—1093).¹¹⁵ И там и здесь изображен зверь, идущий влево, с цветком во рту. Манера рисунка грубоватая, еще не достигшая той четкости и законченности, которая характеризует XII век. Полного тождества между матрицей и колтом нет, но сходство рельефного рисунка и последующей гравировки на колте с рельефом матрицы очень значительно, что и позволяет датировать колт второй половиной XI в. (рис. 23).

Рис. 24 Браслет из клада в Спасском соборе.

Большой интерес представляет находка серебряных украшений в пристройке Спасского собора.

При тщательных исследованиях южной части Спасского собора Н. Е. Макаренко обнаружил к югу и северу от апсид небольшие кирпичные пристройки, служившие усыпальницами. В южной пристройке, в стене алтарной части под древним полом был найден завернутый в полотно клад драгоценностей. В состав клада входили: 1) два серебряных колта с чернью, 2) серебряные ясны для подвешивания колтов; 3) два серебряных браслета с чернью и позолотой.

Браслеты состоят из двух створок, соединенных шарнирами. Конец каждой створки украшен львиной мордой. Браслеты подобного типа встречаются в русских древностях XII—XIII вв.

Черниговские парные браслеты интересны своими магическими изображениями, почти одинаковыми на обоих браслетах. Каждая створка состоит из трех дисков, соединенных овалами. В овалах — схематично прочерченные деревья. Морды на концах створок очень различны по размерам: на одной, очевидно, морды львов, а на другой — львиц (рис. 24). В среднем диске всех створок помещен треугольник с загнутыми углами, триквестр — древний магический знак.

Рисунки в остальных кругах на створках со львицами и со львами различны. На створках со львицами — символы растительности: древо жизни с традиционными двумя корнями и крестообразно расположенные трилистники. Створки со львами украшены символами солн-

ца: колесо с восемью спицами и ромб. Магические символы, связанные с солнцем, выполнены чернью по золотому полю; во всех остальных случаях фон оставлен серебряным. Четкое символическое различие женской и мужской половины браслета (Мать — Земля и Дажьбог — Солнце) и в то же время слияние обоих элементов в единой вещи — все это говорит о специфическом назначении браслетов.

Не были ли они специально свадебным украшением?

Колты из Спасского собора абсолютно тождественны колтам из Святоозерского клада, но самым интересным является то, что и те и

другие сделаны на одной матрице. Матрица эта, хранящаяся в ГИМ, происходит из одного комплекса с матрицей, имеющей знак князя Всеволода. Детальное сличение всех четырех колтов с матрицей убеждает нас в том, что все восемь щитков изготовлены именно на этой матрице.¹¹⁶

К сожалению, место находки матрицы нам не известно, но и без этого все вещи связаны с Черниговом. Спасский собор, урочище Святое Озеро в окрестностях города и, наконец, знак черниговского князя на беспаспортной вещи, найденной в одном комплексе с этой матрицей.

В данном случае мы можем вполне определенно говорить о местном черниговском мастерстве. Вообще большинство русских серебряных колтов с чернью связаны с Черниговом или с Черниговским княжеством, хотя встречаются и в Киеве, и в Райковецком городище, и в Старой Рязани.

Колты, близкие по стилю к спасским, найдены в окрестностях Чернигова, в селе Ольгове (Ольгове)¹¹⁷ (рис. 25).

¹¹⁶ Вещи из Спасского собора хранятся в настоящее время в Черниговском Историческом музее. М. Макаренко. Чернігівський Спас. Записки Историко-філологічного відділу, кн. XX, табл. XIX—XXI, Киев, 1929. Святоозерський клад знаходиться в ГИМ. Оpubліковані Д. Я. Самоквасовим — «Раскопки север. курганов», рис. 1 и 14. Вторая, более крупная пара святоозерских колтов интересна своим чернивым рисунком. Два грифона около вертикальной плетенки являются нижней частью композиции вознесения Александра на небо на грифонах. Урочище Святое Озеро близ Нискован было в XII в., очевидно, местом одного из загородных княжеских дворов, так как там был найден перстень с княжеским знаком.

¹¹⁷ А. С. Гуцун. Памятники художественного ремесла древней Руси. Л., 1936, табл. XII, стр. 66. Клад найден в глиняном горшке, как и Гуцинский. Кроме колтов, в Ольгове найдены так называемые «аграфы» — украшения, представляющие собою как бы развернутое

Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, вып. VI. Л., 1940, рис. 83.

Вместе с колтами здесь, как обычно, найдены две низки из серебряных полуцилиндриков с тонкой цепочкой и кольцом.

Во всех русскихкладах такие ленты полуцилиндриков («колодочек») сопровождают колты. Одна из находок в Киеве, где кольца цепочек были вдеты в дужки колтов, убеждают нас в том, что эти низки из серебряных звеньев мы можем назвать «ряснами», декоративными цепями, на которых носились подвески к головному убору и в XVI—XVII вв. По изображениям XI—XII вв. мы знаем о том, что богатые городские женщины носили высокие головные уборы со спускающимися вниз узорчатыми ряснами, к нижнему концу которых привешивались на тонких цепочках колты (рис. 23).

В Елецком монастыре в XIX в. был найден ларец, окованный железом, наполненный золотыми украшениями, состоявшими из «ожерелий, поясов, браслетов, серег и колец». ¹¹⁸

В 1850 г. в черниговском детинце был найден клад, из которого нам известны два золотых колта с эмалевыми изображениями птиц. Один из колтов покрыт сканным узором. ¹¹⁹

В 1883 г. около Борисоглебского собора XII в., близ склепа встречен клад золотых и серебряных вещей, в числе которых были и колты того же типа, что и в кладе 1850 г. В Киеве колты подобного типа встречены только один раз. Очевидно, это местная черниговская особенность (золотые колты с малезькими грибовидными шипами). ¹²⁰ В кладе найдены длинные плетеные серебряные цепи с конскими головами (одна из них около метра длиной). Возможно, что эти цепи, столь обычные для русских кладов, служили для прикрепления к ним плаща (рис. 26).

Еще один клад был найден далеко от детинца, близ Стрижневской курганной группы на быв. Александровской площади. В XII—XIII в. это была уже окраина города или же усадьба, расположенная непосредственно за городскими стенами. В составе клада интересны два золотых колта с перегородчатой эмалью с изображением святых на одной

трехбусинное кольцо. Они, вероятно, украшали головной убор, но быть застежками не могли просто по своей конструктивной непригодности.

¹¹⁸ Д. Я. Самоков. Могилы... стр. 266. Клад был направлен в Эрмитаж, но дальнейшая судьба его неизвестна.

¹¹⁹ Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, рис. 74 и 75, стр. 108. В кладе были: браслет в виде змеи, перстень, медальон от мониста.

¹²⁰ Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 121, табл. XIII. Киевский колт из усадьбы Августиновича на Львовской улице. Клад 1827 г., там же, табл. X. Возможно, именно в этом направлении находились усадьбы князей Святославичей, связанных с Черниговом. У Львовской улицы была церковь Симеона в Копыреве конце — монастырь черниговских Ольговичей. Если колты действительно относятся к кладу 1827 г. (а в этом есть сомнения, см. Кондаков, стр. 208), то возможно, что клад принадлежал кому-либо из черниговских князей, проживающих в Киеве.

стороне и стилизованного «древа жизни» на другой. ¹²¹ Эти колты по своему типу близки к киевским. Колты носились на золотых ряснах.

В Чернигове, но неизвестно где точнее, найдены в разное время два бронзовых водолея. Один из них в виде животного (скорее всего льва) с криновидным хвостом, а другой — полузверь-получеловек, с небольшими ручками, в которых он держит кубок. Верхняя часть головы, представлявшая крышку, отломана ¹²² (рис. 25).

Говоря о средневековом Чернигове, следует напомнить о знаменитом золотом змеевике, найденном на берегах «Боловаса», где Владимир Мономах охотился на туров и вепрей. Надпись на змеевике: «Господи помози рабу своему Василию», массивность золотой вещи, качество художественной обработки и двуязычный греко-русский текст — все это как будто бы позволяет сблизить эту роскошную вещь с князем Василием — Владимиром Всеволодичем Мономахом ¹²³ (рис. 25).

Бессспорно княжеской вещью является известная чара черниговского князя Владимира Давыдовича, найденная в Сарае Берке на Волге, куда она, очевидно, вывезена татарами. Чара представляет собою большую кованую из одного куска мису, ёмкостью около восьми литров, предназначенную для торжественного, заздравного питья вкруговую. На тулове чары вычеканена надпись:

А се чара кня володимиро
ва давыдовича кто из нее
птьому на здоровье а хваля
бога своего осподаря великого кня.

В этой надписи мы ощущаем и живой окаяющий язык древних черниговцев и своеобразие древнерусского пира, где дружинники поднимают чару, хваля своего господаря. Мы узнаем из нее, что в середине XII в. черниговский князь именовал себя «великим князем» (рис. 25).

Владелец чары, князь Владимир Давыдович известен по летописи с 1139 г. по 1151 г., когда погиб в бою, защищая Юрия Долгорукого. В эти годы он большей частью княжил в городе своего отца и брата — в Чернигове. К сороковым годам XII в. и должна быть отнесена чара «великого князя».

Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 122—124, табл. XI. Орнамент по сторонам центральной фигуры напоминает турьи рога.

¹²² Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI.

¹²³ Литература приведена выше. В. А. Шугаевский нашел в музейных коллекциях несколько древних медных копий с этого змеевика. Следует заметить, что многие музеи располагают подделками и копиями змеевика Василия.

¹²⁴ Чара хранится в Оружейной Палате. А. Ф. Бычков. О серебряной чаре XII в., принадлежавшей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу. Записки Арх. Об-ва, т. III, СПб., 1851, табл. VII.

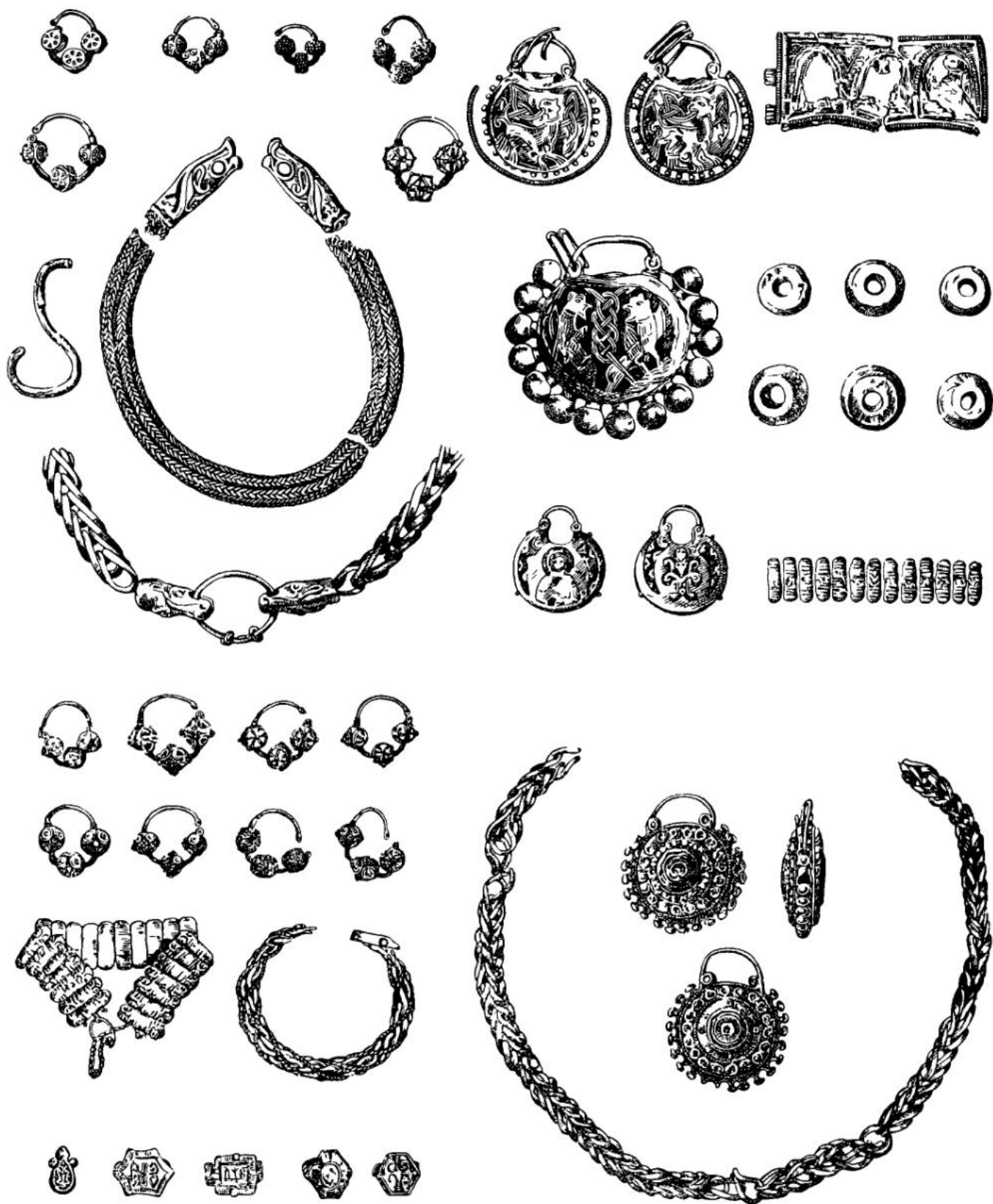

Рис. 26. Золотые и серебряные вещи XII в. и пряслица из черниговских кладов.

Средневековый Чернигов был крупным центром, столицей богатого и обширного княжества; случайные находки в древней части города свидетельствуют о богатстве черниговского боярства и о значительной территории, занятой в XII в. феодальными дворами.

Дополнением к этому разделу может служить обильный нумизматический и сфрагистический материал. Особенно интересны печати князей, княживших в Чернигове, и княжеские знаки.

Однако случайных находок, как бы ни были они ярки, недостаточно для того, чтобы осветить полностью жизнь древнего города. Только широкие археологические раскопки могут раскрыть перед нами облик «стольного града» Чернигова, воспетого, как и Киев, в цикле былин.¹²⁵

У РАСКОПКИ В ЧЕРНИГОВСКОМ ДЕТИНЦЕ в 1946—1947 гг.

1. Общие данные

Детинец древнего Чернигова был четко обозначен на планах XVIII в. В той части, где валы крепости совпадали с конфигурацией местности, мы можем предполагать, что валы XVII в. насыпаны на валах значительно более ранних, может быть XI—XII вв. Труднее определить его северную границу, не имеющую естественных рубежей (западная и восточная стороны — берега реки и оврага, сходящиеся к югу углом) (рис. 27 и 28).

Если мы взглянем на рельефный план Чернигова, то увидим, что поперек «фортеции» XVII в. проходит материковая ступенька, разделяющая детинец на две террасы различной высоты. Возможно, что это отражает разные этапы исторической жизни города. Более высокая южная терраса соответствует древнейшему детинцу XI в.; ее организующим элементом является Спасский собор. По гребню ступеньки мог проходить вал.

Вторая, северная, терраса, могла быть прирезана (судя по данным раскопок) несколько позднее, в XII в.

Планомерные раскопки в Черниговском детинце решено было начать с его северо-восточного угла, на берегу реки Стрижня. Размытый рекой берег здесь давно уже начал разрушаться; около 200 м берега с валами и жилыми кварталами постепенно рухнуло в Стрижень, и поэтому современный берег пред-

ставляет собою как бы разрез древнего Чернигова, чрезвычайно интересный в археологическом отношении.¹²⁶

Во время одного из крупных обвалов берега в 1878 г. в обресе обнаружилась кирпичная кладка XII в., привлекавшая внимание археологов (Т. В. Кибальчича и Д. Я. Самоквасова). В дальнейшем, в 1909 г. на месте обнаруженной кладки производились работы членами Черниговской ученой архивной комиссии Кармалеем и Сахновским.¹²⁷

В 1944 г. автором этих строк, командированным в Чернигов в качестве эксперта Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний, были осмотрены развалины Благовещенской церкви 1186 г. и намечены места будущих раскопок.

В 1946—1947 гг. в Чернигове производились раскопки в северо-восточном углу детинца и в предполагаемом районе княжого двора на восток от Спасского собора.¹²⁸

Розыски двора черниговских князей велись на основании следующих данных: киевская летопись под 1174 г. говорит о постройке Михайловской церкви «на княже дворе»: «Святослав Всеволодич заложил церковь камени в Чернигове на княже дворе святого Михаила». Прежние исследователи ошибочно считали Михайловской церковью ту, развалины которой раскапывались в 1878 и 1909 гг. но

¹²⁶ Сопоставление различных планов Чернигова, начиная с 1739 г. и кончая планом 1935 г., показало, что берег был довольно устойчив до тех пор, пока сохранились древние валы. Когда же они в 1803 г. были уничтожены при новой планировке города, то северо-восточная часть, подверженная ударам полых вод Десны, стала разрушаться.

¹²⁷ Т. В. Кибальчич. Археологическая находка (Черниговские епархиальные ведомости, 1878 г. Прибавление к № 25); Д. Я. Самоквасов. Новые археологические исследования и находки в Чернигове и его окрестностях (Черниговские губ. ведомости, 1878 г., № 35); П. М. Добровольский. Где находились старинные несуществующие ныне храмы города Чернигова. Чернигов, 1908; Отчет о деятельности Чернигов. губ. учен. архив. комиссии за 1909 г. Чернигов, 1910; П. Смолічев. Чернігів та його околиці за часів великокнязівських («Чернігів та Північне Лівобережжя». Киев, 1928).

¹²⁸ В раскопках принимали участие: сотрудники ИИМК Акад. Наук СССР В. А. Рыбаков (начальник экспедиции); А. В. Никитин, Н. К. Лисицына, Г. Ф. Соловьева, Т. В. Николаева; сотрудник Ин-та археологии Акад. Наук УССР А. А. Попко, сотрудники ГИМ: В. А. Мальм, А. В. Успенская; студенты-археологи МГУ: Л. В. Алексеев, В. В. Кропоткин, Р. Л. Розенфельдт, Г. П. Смирнова, Н. Н. Стоскова и др.; студенты МОПИ и ряд других лиц; художники и топографы: И. Н. Савелов, Ю. Р. Берковский, С. Д. Николаев; фотограф П. А. Максимов и др.

В 1947 г., кроме того, на территории детинца и Третьяка производились самостоятельные работы Институтом археологии Акад. Наук УССР. Считаю своим приятным долгом выразить благодарность партийным и советским руководителям Чернигова, в частности гг. Ф. И. Короткову и Г. И. Куликову, за большую организационную помощь экспедиции.

¹²⁵ Былины черниговского цикла еще недостаточно изучены, но они содержат много важных исторических деталей. К этому циклу можно отнести следующие: «Иван Годинович», «Иван Гостинный сын», «Василий Окулевич и Соломан», «Святогор и Олег, князь черниговский» и ряд других. Возможно, что с черниговским юго-востоком связаны и былины о Дунае.

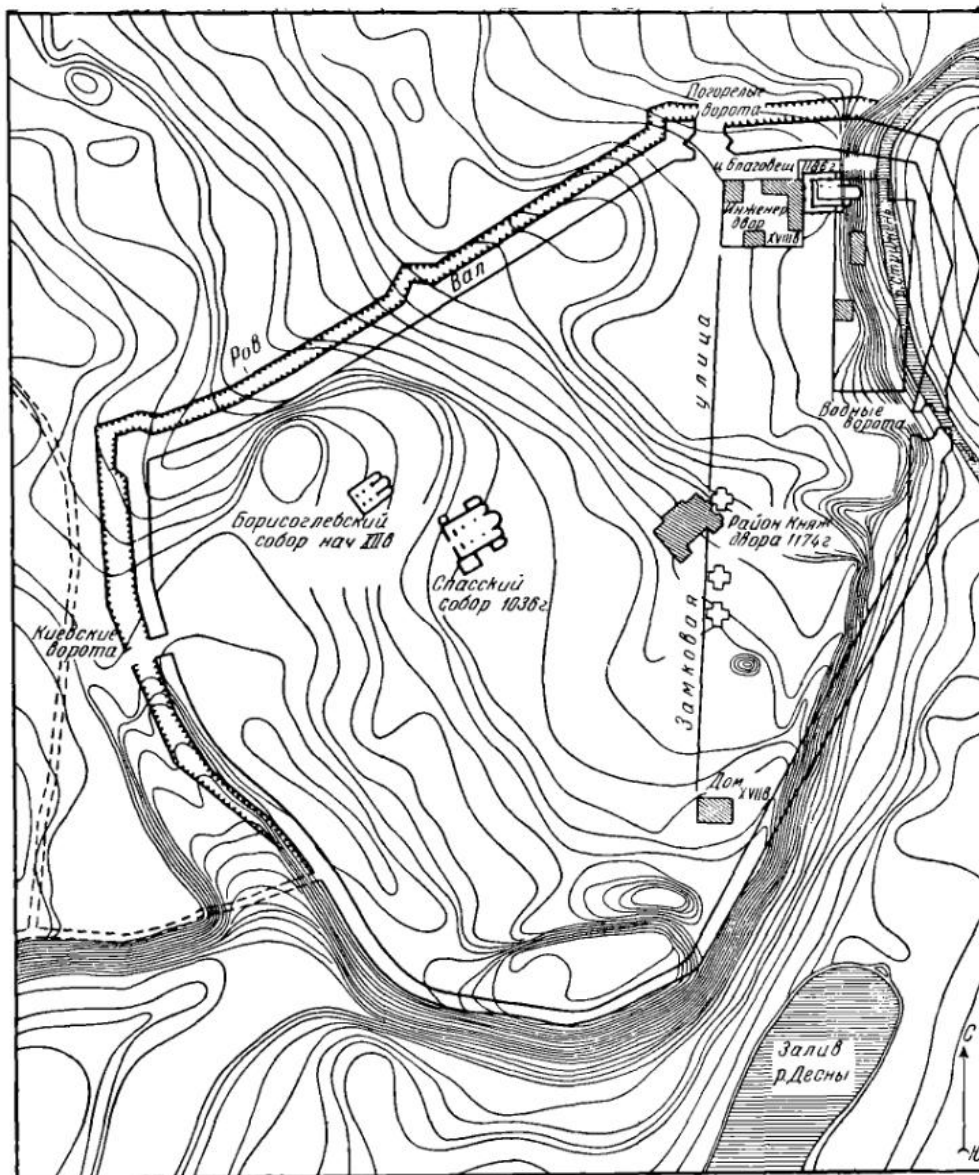

Рис. 27. План Черниговского детинца.

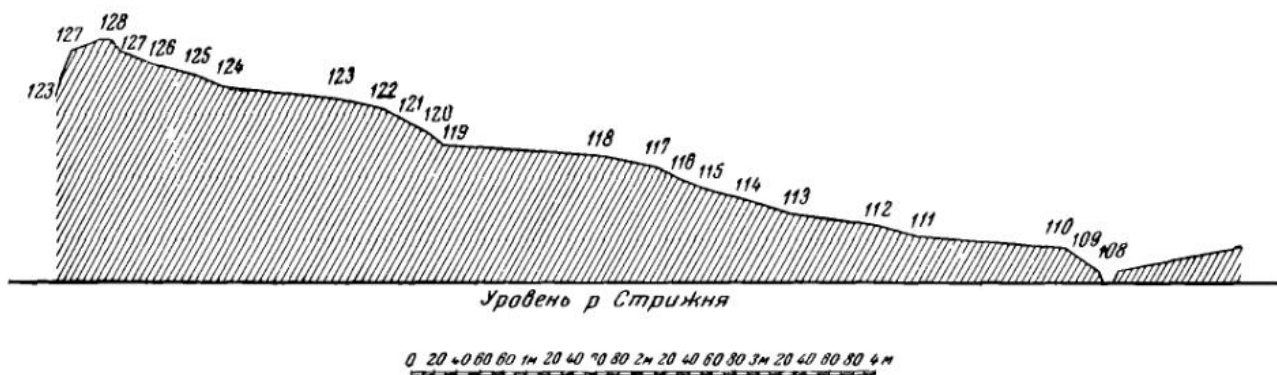

Рис. 28. Профиль детинца по линии СВ—ЮЗ.

П. И. Смоличев доказал несостоятельность этого мнения.¹²⁹

Произведенная проверка того и другого взгляда по старинным планам Чернигова убедила меня в правоте Смоличева. На берегу Стрижня находилась не Михайловская, а Бла-

Работы были начаты с зачистки обрыва берега для получения профиля. Профиль был зачищен и зафиксирован на протяжении 71 м. Это дало возможность вести последующие работы, руководствуясь точными данными стратиграфии.

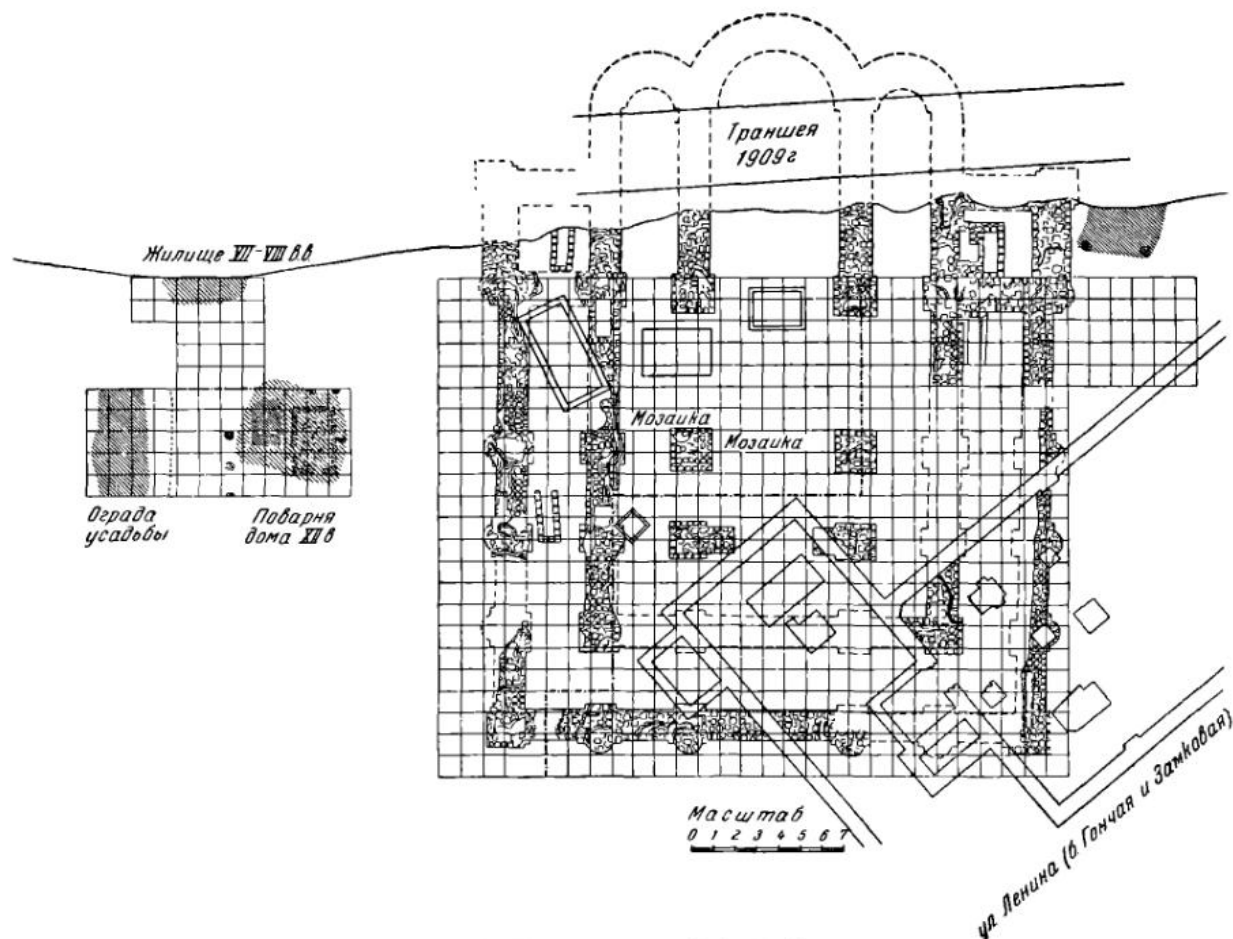

Рис. 29. План раскопок 1946—1947 гг.

говещенская церковь, законченная постройкой, согласно той же летописи, в 1186 г. Дворцовая же церковь 1174 г. должна находиться значительно южнее, в районе построенного в 1803 г. дома «малороссийского» наместника, около которого на плане и показана церковь св. Михаила.

К сожалению, рекогносцировочные раскопки, проведенные на основе указаний планов XVIII в., не дали ожидаемого результата, и отыскание княжого двора — дело будущего.

Основные раскопочные работы 1946—1947 гг. были сосредоточены в северо-восточном углу детинца. Высота берега — 12 м. Берег реки здесь идет с севера на юг (рис. 29).

Вся площадь, намеченная для раскопок, была разбита на ориентированные по странам света квадраты (по 100 м²) и пронумерована

В северной части профиль пересекает вал XVII в. и землянки с лепной керамикой VII—VIII в. Двигаясь далее с севера на юг, мы встретим помойки XX в., погреб конца XIX в., шесть кирпичных кладок XII в., остатки дома XVIII в. Толщина культурного слоя колеблется от 2 до 6 м.

В профиле достаточно ясно обозначились основные слои:

1. На всем протяжении профиля встречены небольшие участки слоя VII—VIII вв. с лепной керамикой. В северной части в обрыве профиля — угол землянки.
2. Слой IX—XII вв. с невыразительными в профиле сооружениями.
3. Слой 1180-х годов, связанный с постройкой церкви.
4. Слой XVII—XVIII вв. с черной лощеной керамикой и белоглиняной толстостенной. Этот слой отмечен развалом церкви XII в. К этому же слою относятся дом и многочис-

¹²⁹ П. Смоличев. Чернигов та його оклиці..., стр. 133—139.

Рис. 30. Лепная и гончарная керамика из раскопок в детинце.

ленные погребения с датирующими вещами, обозначенные на планах XVIII в.

5. Слой XIX — XX вв., сооружения которого врезаются в более ранние слои, уничтожая их местами до материка.

6. Слой эпохи Великой Отечественной войны, когда во время немецких бомбардировок 1941 г. были разрушены все дома на улице Ленина. Развалины этих домов покрывают всю поверхность места раскопок.

орнаментом. На одной глубине встречены и шиферные пряслица и штоф зеленого стекла.

На глубине 120 см в северо-восточной части раскопа обнаружилось пятно землянки, видимое ранее лишь в профиле (зачистка берега). От землянки остался лишь один угол длиной в 3 м и в 1 м в основании. Здесь найдены глиняные пряслица, костяные проколки, обломки грубой толстостенной лепной керамики с примесью дресвы. Орнамента на по-

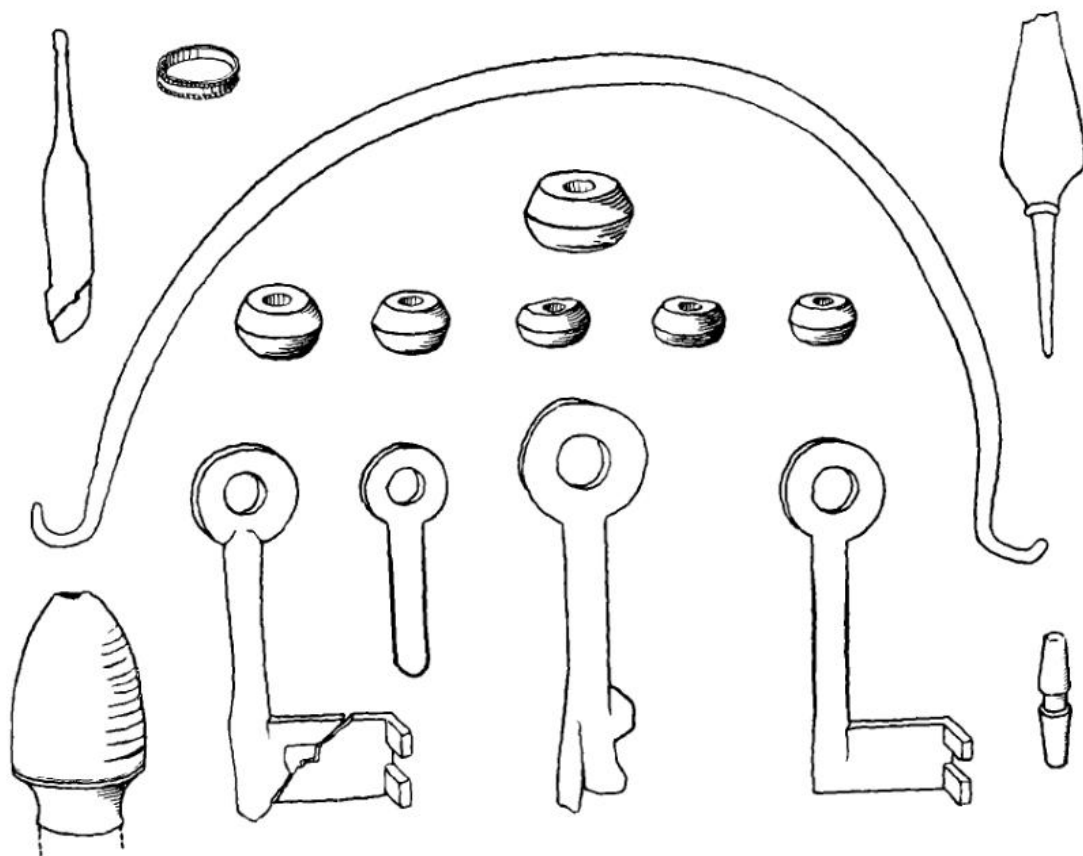

Рис. 31. Вещи из жилища, разрушенного при постройке собора 1186 г.

Никаких явных следов взятия Чернигова Батыем в 1239 г. в профиле не замечено.

Дальнейшие работы велись как по вскрытию кирпичных кладок, так и по изучению жилых сооружений в северной части участка работ.

На всем протяжении 70-метрового профиля берега в нижних горизонтах культурного слоя встречались фрагменты лепной керамики. Но так как почти повсеместно культурный слой сильно перерыт, то уловить сооружения, связанные с лепной керамикой, удалось только в одном месте — под бывшим валом XII в. Здесь в верхних слоях встречаются перемешанные вещи XII в. (обломки корчаг-амфор) и XVII в. (мисочки, горшки из серой глины с томлением). Интересен целый горшок XVII в. с ручкой и линейно-волнистым

суде нет, край гладкий. Судя по нескольким черепкам, форма сосудов баночная, размеры очень небольшие (рис. 30).

Эта керамика очень близка к керамике нижних слоев городищ роменского типа, и точно так же еще не имеет характерного ложногребенчатого орнамента. В то же время она сильно отличается от скифской керамики. Сближать поселок на берегу Стрижня со скифским поселением на Татарской Горке на другом берегу Десны нет никаких оснований, так как он относится к более позднему времени.

Дата землянки — VII—VIII вв., вполне согласуется и с типом керамики и с характером жилища. Является ли эта культура роменской в полном смысле слова, сказать трудно. При дальнейших работах было чрезвычайно важно

выяснить этот вопрос, так как от того или иного ответа на него зависит определение племенной принадлежности древних черниговцев.

Интересно местоположение этого древнего славянского поселка в его отношении к будущему городу Чернигову. Размеры поселка нам не известны, так как зачистка далее на юг не производилась, а восточная часть берега обвалилась в XIX в. Раскопанная землянка отстояла от южного мыса Черниговского городища на 300 м и от прежнего восточного края берега на 150—200 м. Судя по этим данным, древнеславянский поселок, давший начало Чернигову, был очень значительных размеров.

От X—XII вв. здесь остался мощный культурный слой с характерным городским инвентарем: корчаги, стрелы, шиферные пряслища, стеклянные браслеты. К сожалению, никаких остатков древних укреплений X—XII вв. здесь не найдено. Больше того, судя по находкам жилищ XII в. под валом XVII в., можно утверждать, что укрепления детища или острога проходили где-то в ином месте (вероятно севернее).

Поверхность слоя очень хорошо различима в профиле — жирная плотная прослойка, насыщенная находками, но без следов пожара.

К сожалению, и этот слой сильно искажен как постройкой церкви 1186 г., так и позднейшими погребениями и хозяйственными постройками. Участки со слоем X—XII вв. сохранились между кладками церковных стен в центральном нефе и частично в южном нефе. Керамика этого слоя вся гончарная. Наибольшая часть ее относится к XII в. Для горшков характерен крутой, по большей дуге отгиб венчика, тонкость стенок, звонкость и хороший горновой обжиг. Орнамент состоит из небольших защипов, линий и реже волны. Есть днища с клеймами (крест в круге). Общий облик «скудельных сосудов», т. е. кухонной глиняной посуды, довольно изящный и резко отличается от одновременной курганной высоким качеством выделки. Из редких форм следует отметить небольшой горшочек с оттянутой горизонтально глиняной ручкой (рис. 30).

В одном из жилищ, находившемся под кладками южного нефа и поэтому исследованном лишь в незначительной степени, найдено в яме, помимо керамики, много железных ключей с бородками и железная ручка от шкатулки. По всей вероятности, ключи лежали в этой шкатулке, опущенной в подполье. Здесь же встречена тонко выточенная костяная «курка» — застежка от меховой одежды (рис. 31).

Около северного столба из средней пары найдены также остатки жилища с интересной поливной плиткой вишневого цвета с рельефным эмалевым узором.

Около южного портала под забутовкой паперти обнаружено жилище, частично осыпав-

шееся в реку. Сохранилась лишь его западная часть. Жилище было построено на массивных столбах-«стульях» (диам. 30 см), глубоко врытых в землю. Никаких следов сруба здесь не прослежено. Очевидно, он начинался над дневной поверхностью почвы XII в. и поэтому не сохранился. Ориентировано это жилище на ССЗ. Следов печи нет.

Еще одно, и наиболее интересное, жилище обнаружено против северного портала церкви 1186 г. Судя по близости к portalу, оно должно было предшествовать церкви или было снесено при ее постройке. Это жилище было обнаружено при розыске древних землянок VII—VIII вв. на запад от обрушившейся землянки 1946 г. Древних землянок здесь не было найдено, а вместо них раскопано жилище XII в., по всей вероятности близкое к 1180-м годам. Общие контуры жилища в небольшом раскопе не были прослежены, но сруб и здесь покоился на «стульях», врытых в материк. Две линии столбов-стульев идут под прямым углом, вершина угла обращена на северо-восток, одна линия столбов идет на запад, а другая — на юг.¹³⁰ В углу, образуемом этими линиями столбов, обнаружена неправильной формы большая яма, врезанная на 80 см в материк и названная первоначально землянкой. Длина «землянки» — 5 м, ширина — 4 м. Внутри «землянки», в ее южной части, на материке обозначился печной сруб больших размеров (240 на 180 см), вытянутый с запада на восток. Внутренность сруба была заполнена печиной и углями. Толщина бревен сруба 18—20 см. Огромная печь занимала ровно половину «землянки». В северной половине ее прослежена околупечная яма, вытянутая так же, как и печь.

«Землянка» хорошо датирована посудой XII в. (горшки, корчаги).

Рядом с «землянкой», на север от нее, прослежен небольшой вал и ровик, идущие в одном направлении с осью печи. Эти сооружения настолько малы, что могли служить только оградой усадьбы, но никак не крепостным валом. В заполнении рва — керамика XII в.

Раскопанная «землянка» может быть понята только при сопоставлении с другими жилищами той эпохи. За аналогиями нам придется обращаться не в соседний Киев, где есть миниатюрные землянки с глинобитными печами, а в сторону лесного северо-востока, в области Дебрянска, Вщижа и Карачева, куда чуть не ежегодно ездили черниговские князья, начиная с 1142 г. Наиболее часто ездил вверх по Десне «орудий своих дея» черниговский князь Святослав Всеволодич. В моих раскопках 1940 года во Вщиже, удельном городе

¹³⁰ Продолжать раскопки на юг не имеет смысла, так как там все перекопано в начале XX в. Раскопки на запад должны дать продолжение этого жилища.

Черниговского княжества, были обнаружены жилища на столбах-стульях с обширными подпольями. Печи там ставились на больших бревенчатых срубах, опущенных в подполье.¹³¹ Все эти детали встречены и в черниговском жилище.

Нам надлежит теперь определить назначение вскрытой «землянки».

Соотношение размеров печи и остающейся свободной площади в «землянке» таково, что

разводов (рис. 32) Рельефный узор хрупок, но не носит никаких следов стертости. Из этого заключаю, что подобные плитки, встреченные и в других домах XII в., предназначались не для вымостки пола. Все известные нам плитки из древних полов — гладкие, без рельефного узора. Как только мы встречаемся с рельефным узором, мы вправе предполагать иное назначение. Такие плитки могли быть облицовкой или печей или стен. На юге Руси де-

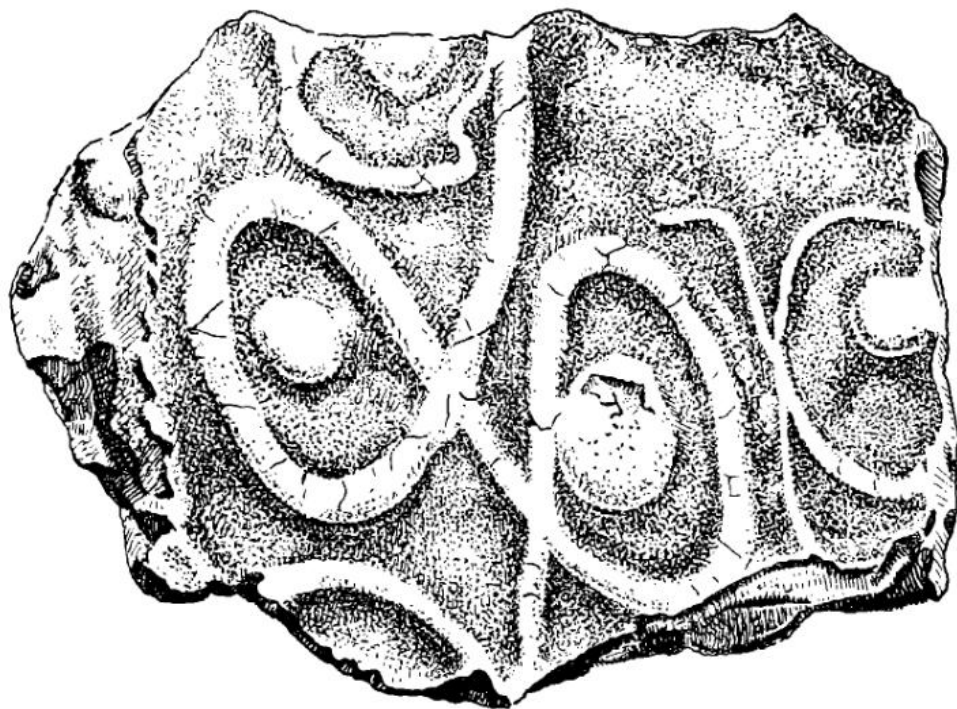

Рис 32. Настенная полихромная поливная плитка из жилища XII в.

исключает мысль о том, что все жилище ограничивалось этим прямоугольным углублением 5×4 м, три четверти которого заняты печью и околонечной ямой для золы. Мы не знаем ни одного самостоятельного жилища, где было бы так мало свободного места для живущих в нем. Уходящие на запад и на юг столбы подсказывают нам, что «землянка» представляет собой часть какого-то большого наземного строения, притом угловую его часть. Господствующее положение печи может говорить о том, что перед нами — кухня, поварня большого дома.

Большой интерес представляют многоцветные поливные плитки, обнаруженные на территории поварни, но не на полу ее, а на предполагаемом уровне дневной поверхности XII в. Плитки покрыты зеленой яркой поливой, поверх которой техникой пастилажа нанесен рельефный узор из желтых пуговок и белых

ревянные здания могли иметь глиняную обмазку и побелку. В тех редких случаях, когда летописец описывает деревянные здания, он восхищается тем, что они «убелены, яко сыр» (т. е. творог). В таких условиях вкрапление цветных пятен в белую гладь стены было вполне художественно оправдано.

Щедрое украшение внешних стен здания поливными плитками мы видим в Коложской церкви в Гродне второй половины XII в. По всей вероятности, настенного происхождения и знаменитые рельефно-узорные плитки из дворцового комплекса в Белгороде. Черниговские поливные плитки с рельефным пастилажным узором можно считать украшением стен (печей?) большого и богатого дома, из которого нам известен только его северо-восточный угол с поварней и часть ограды усадьбы.

Дома, снесенные при постройке собора 1186 г., принадлежали, вероятно, дружинникам князя Святослава Всеволодича, строителя собора. По своему происхождению мастера, строившие дома этих дружинников, могли быть связаны с областью княжеского домена

¹³¹ Эта системастройки сохранилась в селе Вщиже и до сих пор. Сруб в 10—15 венцов выводится из подполья на поверхность до уровня стола в избе, и тогда сруб покрывают накатом и выкладывают на нем печь.

в Корачеве и Дебрянске, так как сходство жилищ этой части черниговского детинца с брянским типом очень велико.

Возможно, что прирезка к детинцу северо-восточного угла произошла во второй половине XII в. Новый участок мог принадлежать именно тому князю, который был связан и с Верхней Десной и в данном участке детинца чувствовал себя хозяином настолько, что не постеснялся разрушить жилые хоромы ради постройки церкви.

На основании двухлетних раскопок и изучения письменных источников и старых планов можно так обрисовать историю северо-восточного угла черниговского детинца.

1. На высоком берегу реки Стрижня в VII—VIII вв. находился довольно большой славянский поселок, предшественник города Чернигова.

2. В XI—XII вв. здесь селились княжеские дружинники, жившие в просторных, богато украшенных срубных домах деснинского, а не киевского типа. Дома были снесены в конце XII в.

3. В 1180-е годы, по всей вероятности около 1183 г., киевским князем Святославом Всеволодичем, покинувшим Чернигов в 1177 г., но приехавшим сюда гостить, была предпринята постройка в северо-восточном углу детинца Благовещенской церкви. Строительство вели княжеские мастера (судя по обилию княжеских знаков на кирпичках; о них ниже). Все части церкви строились одновременно.

4. В марте 1186 г. Благовещенская церковь была освящена, по всей вероятности, 25 марта на праздник Благовещения, что было в обычае того времени. «В лето 6694 (1186) месяца марта Святослав Всеволодичь святы церковь в Чернигове святого Благовещения, ю же бе сам создал» (Ипат. лет. 1186 г.).¹³²

5. В 1196 г. здесь был похоронен «Буй-Тур» Всеволод Святославич, брат Игоря.

6. Когда-то, возможно в 1239 г., когда татары метали на город огромные камни, рухнула небольшая часть церковных сводов.

а) обвалилась часть западной подпружной арки, державшей центральный купол;

б) обвалилось покрытие над южным столбом притвора;

в) упал блок около южного портала.

Несмотря на произведенные разрушения, церковь тогда не рухнула.

Площадь вокруг церкви, очевидно, не была застроена после 1186 г., и поэтому следов батыева погрома, слоя угля и золы здесь нет.

7 Стены Благовещенской церкви аккуратно разобраны под один уровень; этот уровень лишь на 5—6 рядов кирпича выше мозаичного

пола 1186 г. и приблизительно соответствует уровню дневной поверхности XVII в. Следов развала церкви нет; весь излишний кирпич и щебень убраны с этого места и были куда-то увезены в сторону. Кирпич со знаками из этой постройки встречен в разных местах города.

8. В 1676 г. полковник В. К. Душин-Борковский строит на месте разобранной каменистой новую деревянную Благовещенскую церковь, вокруг которой создается обширное кладбище XVII—XVIII вв.

При постройке деревянной церкви (ютившейся в алтаре старого собора XII в.) долбили старую кладку для гнезд деревянных стояков. Подкупольное пространство церкви XII в. оказалось в XVII в. уже за пределами новой церковки, но новый алтарь приходился точно на старом алтаре, как это явствует из анализа раскопок 1909 г. (см. ниже).

9. Деревянная церковь 1676 г. просуществовала менее столетия и в один из пожаров Чернигова сгорела. Ни на одном из дошедших до нас планов Чернигова XVIII столетия Благовещенской церкви уже нет. Самый старый план — 1739 г.

10. В XVII в. был насыпан вал, основание которого видно в профиле берега. Неподдалеку от берега были так называемые Погорелые ворота. Никаких признаков древнего вала XII в. здесь нет, да и не могло быть, так как если бы вал XII в. проходил там, где вал XVII в., то он закрывал бы собою северный портал собора, что мало вероятно. Очевидно, вал времен Святослава Всеволодича проходил несколько севернее.

11. В XVIII в. в этом углу крепости были дом полковника Троицкого и Инженерный двор. И то и другое сооружения раскопаны. Дом полковника находился в южной части раскопа, а Инженерный двор — в западной. На Инженерном дворе применяли восточную комнату древним кирпичом XII в. Встречена даже одна печь с изразцами XVIII в., сложенная из кирпича с княжескими знаками XII в.

12. В 1803 г. вал был срыт и местность перепланирована заново. Проложена Гончая улица (ныне ул. Ленина).

13. На протяжении XIX в. в северной части детинца было построено много каменных и деревянных зданий.

14. В 1876 г. засвидетельствован первый обвал берега, обнаруживший древние кладки. Обвалы продолжались.

Последнее сильное наводнение было в 1942 г., когда унесло в реку еще кусок берега.

15. В 1941 г. немецко-фашистские варвары бомбардировали мирный город, разрушив при этом ряд исторических памятников (Пятницкая церковь, Борисоглебский собор и др.) и жилые дома.

Дома по улице Ленина в районе раскопок были в большинстве своем разрушены.

¹³² Это известие — единственная запись в летописи за 1186 г.

2. Раскопки Благовещенского собора XII в. в 1878—1909 гг.

В 1876 г. «обвалилась часть горы над речкою Стрижнем... и внизу под горою оказались части толстых каменных фундаментов церкви и масса мусора, в котором были находимы золотые и серебряные браслеты, сережки и другие предметы».¹³³

«Из обрыва вала торчали четыре каменные стены толщиной от 2 до 2½ аршин (150—180 см). Сверху присыпаны были они землею на поларшина и на аршин (35—70 см). Кладка стен самая древняя: внизу дикие камни, потом белые и красные с желтым большие тонкие квадратные кирпичи, между которыми вершка на 2 слой цемента. Года два пред тем из обрыва вала торчали еще два больших толстых каменных свода, но два большие разлива р. Десны 1877 и 1878 гг. значительно подмыли вал, отчего он осел, торчавшие из него своды отвалились, разбились при падении на несколько кусков... полукруг одного свода лежал целый».¹³⁴

Усадьбы, на задах которых произошли обвалы, выходили фасадом на Гончую улицу и принадлежали: одна Решко, а другая — Долгову. Позднее здесь помещалось Черниговское уездное земство. Дома эти были разрушены в 1941 г.

В 1878 г. 15 июня В. И. Величковская нашла под обрывом 9 серебряных гривен-слитков и остатки глиняного горшка, очевидно содержавшего гривны.¹³⁵ По свидетельству Д. Я. Самоквасова, две гривны были киевского типа, а остальные семь — черниговского. Длина слитков — от 6,6 до 8 см, толщина — 1 см. Вес — около 200 г.¹³⁶

«Впоследствии около того же места был найден ящичек с несколькими золотыми и серебряными браслетами, серьгами и украшениями».¹³⁷

Вслед за находкой клада гривен на месте обвала произвел раскопки местный любитель старины Турвон Венедиктович Кибальчич.¹³⁸

Раскопками Т. В. Кибальчича обнаружена мозаика, энколпион, костяной наконечник стрелы, кровельный свинец, удила, два больших железных ключа, половина серебряного паникадила и 20 погребений без гробов. Одно погребение было найдено в гробу и с остатками серебряной парчи.

«Открыты также с северной стороны стены бывшего храма, на 3 аршина (2 м) ниже поверхности земли, два разделенные стенами склепа. Один из них квадратный, в 4 аршина длины и ширины (284,5 × 284,5 см). Верхняя часть обоих склепов покрыта фресками, внизу карниз. Ниже карниза в одном из них около стены найден гроб из кирпичей более 3 аршин длины, а ширины в головной части 14, а в ножной 12 вершков. И в этом гробе открыт целый скелет покойника без всяких признаков деревянного гроба». В результате раскопок у Кибальчича сложилось представление о двупрестольном храме с боковым приделом.

Добавим от себя, что Кибальчич раскопал не только три средних нефа, но и восточный конец северной галлерии, принятый им за «склепы». За точные промеры «квадратного склепа» наука должна быть благодарна Кибальчичу, так как они позволяют воссоздать ту часть здания, которая сейчас уже совершенно разрушена. Сохранилась лишь гробница, исследованная Кибальчичем. Она действительно расположена ниже «карниза»; на месте второго «склепа», размеры которого не указаны (так как он на самом деле являлся галлереей), после раскопок был устроен погреб, обнаруженный нашими раскопками. Указание на фрески и карниз в «склепах» совпадает полностью с данными 1946 г.

В том же 1878 г после Кибальчича производил раскопки развалин Д. Я. Самоквасов, который расчистил места раскопок Кибальчича. «В части церкви непосредственно перед алтарем встретил нераскопанную часть подполья храма».¹³⁹ В «подполье» были найдены два костяка — женщины и девочки с интересными головными уборами из серебряного кружева конца XVII в.¹⁴⁰ В культурном слое найдены обломки стеклянного браслета и куски фресок. «Развалины представляют собою основание древней трехпрестольной церкви, по способу кладки и по форме вполне сходные с основанием Черниговского Преображенского собора, заложенного князем Мстиславом Владимировичем в 1031 г., но меньших размеров: центральная часть его между фундаментами заключала пространство 14 аршин ширины, а боковые приделы в два раза меньше... С восточной стороны, в алтарной части, храм оканчивался тремя боковыми сводами (?), из которых два весною нынешнего года обру-

¹³³ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли М., 1908, стр. 255.

¹³⁴ П. М. Добровольский. Ук. соч., стр. 4. Описание четырех стен апсид очень точно.

¹³⁵ Эти гривны без подробной характеристики упомянуты А. А. Ильиным в «Топографии кладов...» Пг., 1921, стр. 53, но с ошибочным адресом.

¹³⁶ Д. Я. Самоквасов. План археологических работ... стр. 17. Гривны «черниговского» типа с расплюснутыми концами были встречены только в пределах Северского княжества (в Горбове, Чубарове и Мамекине), из них многие имеют греческие надписи. (См. также о находке в Лубнах. ОАК за 1903 г., стр. 143). Прошедшая мимо нумизматической литературы находка на Стрижне является единственной сделанной в Чернигове и оправдывающей утвердившееся за гривнами название черниговских.

¹³⁷ П. М. Добровольский. Ук. соч., стр. 5.

¹³⁸ Т. В. Кибальчич. Археологическая находка. Черниговские епархиальные ведомости, 1878, прибавл. к № 25.

¹³⁹ Д. Я. Самоквасов Могилы русской земли. М., 1908, стр. 256.

¹⁴⁰ Коллекции Д. Я. Самоквасова в ГИМ № (по описи Самоквасова) 5322—5388.

шились к р. Стрижню, а третий, южного придела, еще сохраняется в целости.»¹⁴¹

Нельзя сказать, чтобы отчет Самоквасова отличался точностью. Во-первых, система кладки Благовещенской церкви и Спасского собора совершенно различны: здесь нет камней между рядами кирпича, нет утопленных внутрь рядов, сами кирпичи иных размеров. Во-вторых, цифровые расчеты Самоквасова не сразу удалось сопоставить с данными раскопок: у него получалась ширина среднего нефа 10 м, а боковых — по 5 м. Раскопки 1946 г. выяснили, что ширина среднего нефа 6,2 м, а боковых нефов по 2,6 м. Ошибка Д. Я. Самоквасова могла произойти лишь в том случае, если он за средний неф принимал пространство между кладками В и Д, равное точно 10 м, а за «приделы» были приняты: на юге пространство между кладками Б и В, а на севере — Д — Е. Ширина в 5 м может получиться лишь тогда, когда измеряется не только пространство между кладками, но и толщина самих кладок.

В итоге двукратных раскопок 1878 г. выяснилось наличие на берегу Стрижня церкви домонгольского времени. Характер раскопанного здания остался неясен как Т. В. Кибальчичу, так и Д. Я. Самоквасову. Раскопки первого описаны более обстоятельно и очень важны для восстановления восточных концов галерей. Встреченные при раскопках погребения за немногими исключениями относятся, судя по вещам, к последнему периоду существования церкви — к XVII—XVIII вв. В 1909 г., после юбилейных празднеств, посвященных тысячелетию Чернигова, двое членов Черниговской ученой архивной комиссии, Петр Семенович Кармалей и Михаил Акимович Сахновский, предприняли с 8 по 17 июня новые раскопки на месте развалин, заявив при этом не без горделивости, что «эта раскопка интересна тем, что показывает полное несовершенство предыдущих».¹⁴²

К сожалению, методы раскопок и фиксации и в 1909 г. были крайне несовершенны. Члены Архивной комиссии впервые занялись раскопками. В описании раскопок они не соблюдали элементарных правил точности: не указывали направления траншей (№ 2 и № 5), не указали длины и ширины траншеи № 5, не определили их взаимное положение. Упомянув кирпичные кладки, авторы раскопок не описали фундаменты, не указали высоту кладок, характер кирпича и даже не упомянули ориентировку кладок ни по странам света, ни по отношению к траншее. Не отмечено даже взаимное положение кладок и не всегда указаны интервалы между ними. Добавим к этому, что при отчете нет ни одного чертежа или

плана и ни одного рисунка. Предпринятая мною до начала раскопок 1946 г. попытка перенести словесные данные отчета на чертеж окончилась безуспешно. Неизвестно было расстояние между кладками А и Б, между В и Г, неизвестна ширина кладки В и кладки Д, неизвестны размеры открытых склепов. Археологическая сторона раскопок 1909 г. вызывает недоумение и досаду. Для характеристики уровня архитектурных знаний Кармалея и Сахновского достаточно сказать, что они раскопали алтарь Благовещенской церкви и остатки белокаменного кивория XII в. (об этом ниже), но не поняли ни того, ни другого, не обозначив даже размеры и местоположение алтаря (кладка В).

Раскопки 1909 г. обнаружили четыре кладки стен церкви, интереснейшие обломки резного белокаменного сооружения, мозаику в средней апсиде и 8 кирпичных гробниц в боковых апсидах. Особенностью погребального обряда является наличие глиняного горшка и углей справа от головы. Несколько гробниц расположены одна над другой. Есть погребения без гробов и без склепов. Из них интересно самое северное погребение (но как будто бы внутри церкви, в северной апсиде) с костяным наконечником стрелы и гончарным горшком, наполненным ячменем. Из инвентаря интересны нашивные бляшки со «стеклышками» в склепе № 1 (южная апсида).

Погребения в алтарных апсидах относятся частью к XIII—XIV вв. (с керамикой), а частью — к XVII—XVIII вв., когда здесь существовала деревянная церковь.

3. Раскопки Благовещенского собора в 1946—1947 гг.

Работы были начаты с обрушившейся части и велись далее в западном направлении.

Кладки обозначались русскими буквами, начиная с юга: А, Б, В, Г, Д, Е. Предполагалось до раскопок, что эти обозначения совпадут с литерами 1909 г., но, как выяснилось позднее, соотношение обозначений 1946 г. и 1909 г. иное:

1946 г.	А	Б	В	Г	Д	Е
1909 г.		А	Б	Г	Д	

Кирпич всех шести кладок однороден, т. е. одни и те же варианты встречены везде. В кладках применялось два основных формата: 28 × 25 × 5 и 25 × 18 × 3 или 4.

Кирпич хорошо обожжен, тесто в изломе пестрое с прожилками. Формовали кирпич в разъемных формах (рис. 33).

На плоских сторонах и реже на торцах есть знаки (рис. 51). Знаки встречены примерно на одном проценте кирпичей, что может говорить о том, что метились сотни готовых к просушке экземпляров.

¹⁴¹ Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 257.

¹⁴² Отчет о деятельности Черниговской губернской ученой архивной комиссии за 1909 г. Чернигов, 1910, стр. 5—6.

Кирпич Благовещенской церкви особенно интересен своей двуцветностью. Наряду с обычным красным кирпичом здесь широко применялся желтый кирпич, по своему цвету приближающийся к белому камню. Формат желтого кирпича тот же, что и красного. Жел-

чи заподлицо с кирпичами. Забутовка фундаментов залита сероатой известью без примеси кирпича. В то же время раствор во время укладки кирпичей был очень пластичным, так как проникал во все впадины как нижнего, так и верхнего слоя кирпичей

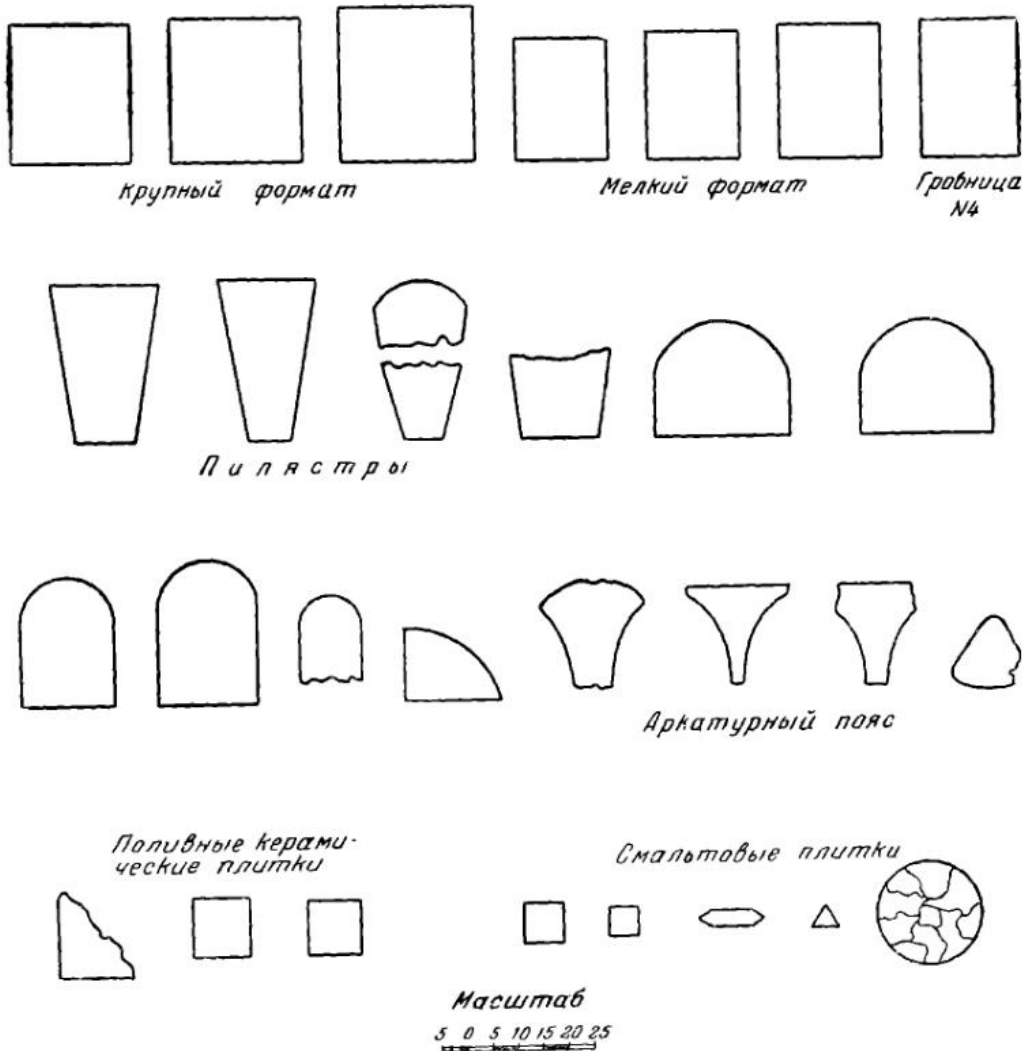

Рис. 33. Кирпичи, политные и смальтовые плитки Благовещенского собора 1186 г.

тый кирпич во всех кладках как внешних, так и внутренних был выведен на уровне древнего пола. Какое это могло иметь значение при наличии штукатурки — неясно.

Кроме обычного прямоугольного кирпича, встречено много лекальных косоугольных кирпичей для пиллястр, для вертикальных тяг на куполах и для аркатурного пояса.

Во всех частях здания кирпичная кладка сложена на извести с примесью толченого кирпича (цемянке). Раствор применялся, вероятно, в густом виде, так как толщина слоя очень значительна и обычно равна толщине кирпича. В подземных частях кладки раствор не заглаживался, а в надземных заглажен по-

В тех случаях, когда ряд кирпичей был потревожен позднейшими сооружениями, на оставшемся слое цемянки можно видеть рельефные отпечатки клейм уничтоженных ныне кирпичей.

Обнаруженные раскопками стены Благовещенской церкви тянутся от обрыва берега с востока на запад. Ориентированы они по странам света с редкой для древнерусских зданий точностью. Азимут поперечной оси церкви равен всего-навсего 2°. Погрешность настолько незначительна, что ею можно пренебречь.

Другие древние здания Чернигова ориентированы очень неточно:

Борисоглебский собор	азимут	330°
Спасский собор	»	317°
Пятницкая церковь	»	300°
Киевский Софийский собор	»	330°

Интересно то, что все отклонения выражаются в крупных долях прямого угла: 30°, 45°, 60°. Отклонение в 2° к востоку, может быть, объясняется тем, что в 1186 г. черниговцы ориентировали здание по Полярной звезде.

мером 10—30 см, залитые серой грубоватой известью с небольшой примесью песка. Слой валунов колеблется от 30 (кладки Б и Г) до 60 см (под столбами).

2. Над камнями положен битый кирпич, густо залитый такой же известью. В самой середине забутовки местами остались сухие кирпичи, не залитые известью. Слой щебня с известью достигает 35—40 см.

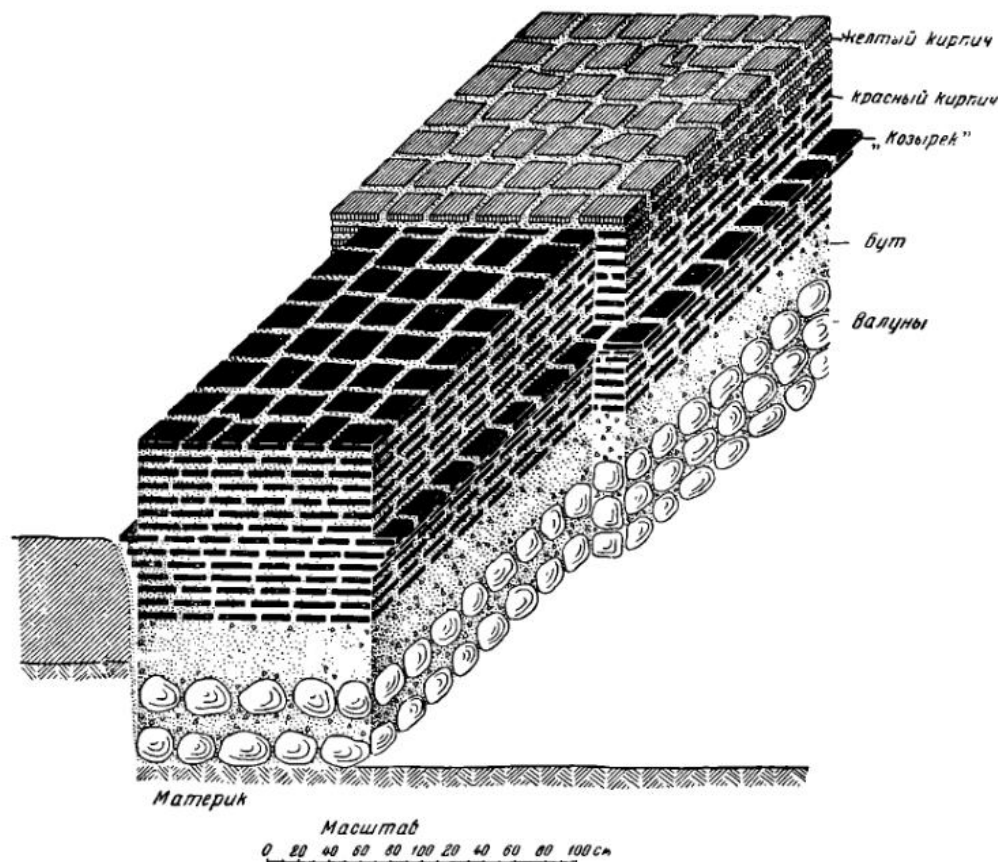

Рис. 34. Схема кладки стены и фундамента (кладка Г, вид с востока). Аксонометрия.

Кладка стен отличается строгой прямизной и параллельностью линий (рис. 29).

Раскопки установили отсутствие ленточных фундаментов под пролетами арок. Обследованные фундаменты всех кладок обнаружили единство строительных приемов во всех частях здания и однородность материалов. Рвы под фундаментами рылись с таким расчетом, что почти вплотную заполнялись материалом. Зазор между стенками рва и кирпичами очень мал — 5—8 см; он заливался серой известью. Рвы прорезали культурный слой, но не всегда на всю глубину. Так, например, под кладками А, В и Е прослежены остатки культурного слоя с керамикой XI—XII вв.

Наиболее глубоко залегают кладки Б, Г и Д, лежащие в материке, прорезанном на глубину до 80 см. Структура всех шести продольных фундаментов, начиная снизу, такова (рис. 34):

1. Внизу положены округлые валуны раз-

3. Забутовка залита сверху известью, и над щебнем чистая известь составляет подушку в 15—20 см, поверх которой положены кирпичи.

4. Кирпичная кладка на цемянке.

Наименее основательно положен фундамент простенка между кладками Д и Е. Здесь нет слоя валунов и щебневая забутовка положена прямо на дно рва. Уровень дна на 55 см выше, чем у соседних кладок. По всей вероятности, эта перемычка являлась стеной, не несшей никакой тяжести и лишь отделявшей угловое помещение (может быть, ризницу?).

Кирпичная кладка над забутовкой делится на три горизонтальных яруса:

1. Нижний ярус составляют 6—7 рядов кирпичей, положенных на ином растворе, чем известь забутовки, — на цемянке. Боковые стороны кладки не вполне вертикальны, а слегка расширяются кверху путем выпуска,

нависания верхних рядов над нижними. Раствор на боковых сторонах не заглажен.

2. Верхний ярус резко отличается от нижнего ровностью кладки, тщательной заглаженностью раствора на боковых сторонах и отделен от него горизонтальным козырьком в один кирпич, окаймляющим все кладки.

3. Часть верхнего яруса (примерно на 10 рядов кирпича выше забутовки) составляет кладка над уровнем пола. В этой части клад-

«козырьком», вероятно для того, чтобы предотвратить проникновение воды сверху (рис. 35).

Выше «козырька» стены выведены строго вертикально, без утопления кирпичей в глубину кладки. Камней в кладке нет. Слои цемьянки равен толщине кирпича. В кладке *В* прослежено чередование толстого и тонкого кирпича: 1, 2, 3, 4-й ряды снизу — тонкий маломерный кирпич, 5-й ряд — толстый кирпич, а

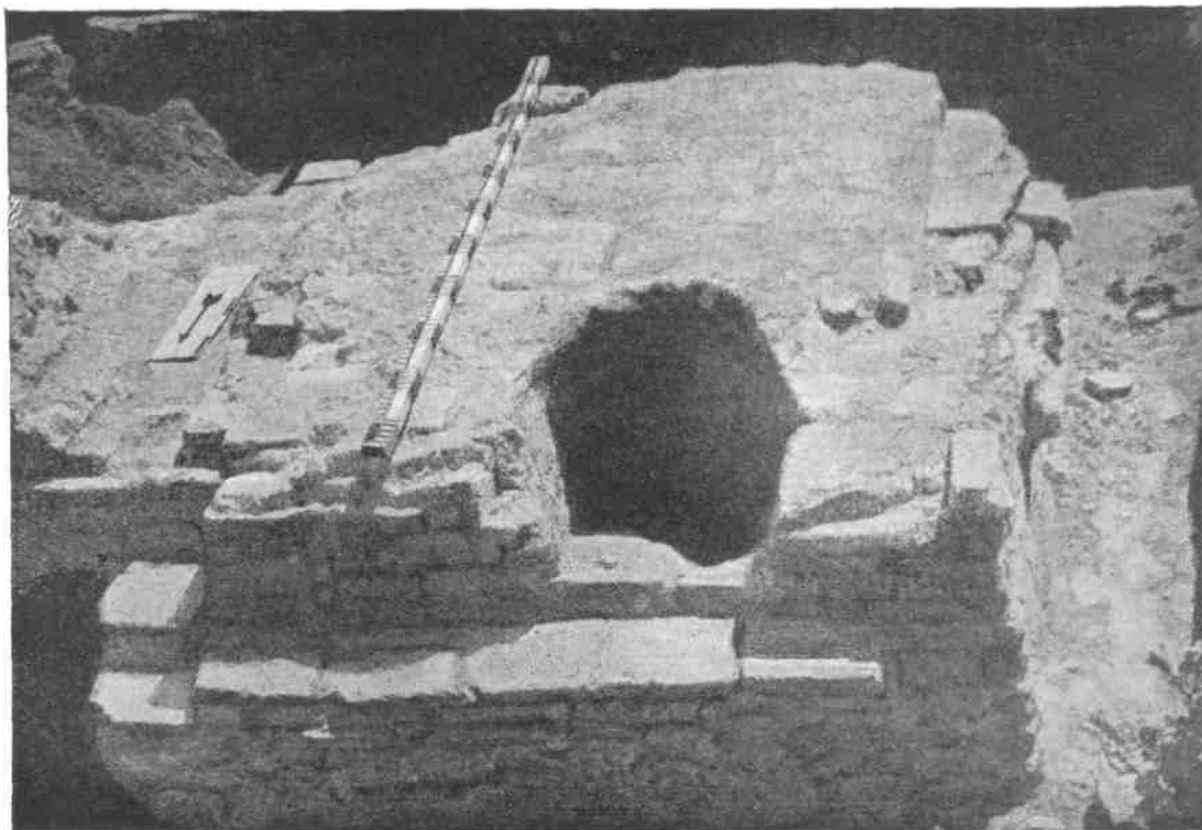

Рис. 35. Юго-восточный столб (кладка *В*, вид с севера). На переднем плане — «козырек».

ки в среднем и северном нефах встречены сплошные полосы желтого кирпича в 3—4 ряда. От «козырька» фундамента до уровня пола 3—4 ряда красных кирпичей.

Своеобразной особенностью кладки Благовещенской церкви является упомянутый выше «козырек», отделяющий фундамент от собственно стены. Первоначально в процессе раскопок он был принят за уровень пола XII в., а лежавшая над ним подсыпка — за позднейший ремонт пола в XVII в.; но вскоре выяснилось, что «козырек» отделен от пола расстоянием в 30—55 см. Назначение «козырька», очевидно, связано с желанием наглухо закрыть зазоры между рвом фундамента и его заполнением. Зазор между кирпичной кладкой фундамента и стенками рва залит цемьянкой, прочно связавшей все ряды в один монолит. Снаружи эта заливка прикрыта

далее до 12-го ряда толстые и тонкие кирпичи чередуются. Начиная с 12-го ряда (считая от забутовки), примерно на уровне наземных стен преобладают ряды толстого крупномерного кирпича. Иногда мастера пользовались различной толщиной кирпича для выравнивания кладки в горизонтальном отношении. На 1 м кирпичной кладки приходилось 13 рядов кирпича и 12 рядов цемьянки, т. е. в среднем ряд кирпича и раствора был толщиной в 8 см.

Вертикальные швы, как правило, перекрыты кирпичами верхнего ряда. Поперек кладки укладывались $4\frac{1}{2}$ и 5 кирпичей (кладка *Е* — $4\frac{1}{2}$, кладка *Д* — 5). Опорные столбы имеют по 7 кирпичей в каждой стороне. Различие в ширине кладок достигалось продольной и поперечной укладкой кирпичей и применением разных форматов. В кладке *Е* (более узкой, чем *Д*) наблюдается иногда заполнение се-

редины кирпичом, расколотым пополам. Все мелкие куски встречены как исключение.

Кирпичи одной горизонтальной плоскости располагались так, что один ряд закрывал швы другого ряда. В выкладке полуколонн применялся лекальный кирпич. Система кладки обнаруживает большое умение мастеров, выработанность ряда приемов, сознательное комбинирование различных форматов кирпича. Высокие качества кирпичей и раствора в сочетании с аккуратностью кладки обеспечивали прочность здания, простоявшего пять столетий.

Полы. Первоначально при зачистке профиля за уровень пола был принят «kozyрек», делящий кладку на две части — нижнюю неровную, явно подземную, и верхнюю, заглаженную и правильную. Затем выяснилось, что уровень пола лежит выше на 30—60 см. На уровне «kozyрька» обнаружено много крошек цемьянки, втопанной в жирную поверхность культурного слоя 1180-х годов. Тщательная зачистка слоя на уровне «kozyрька» не обнаружила никаких следов вымостки пола.

Пол в средней части церкви (средний и северный нефы) наслан на массивную земляную подсыпку из рыхловатой земли с тонкими горизонтальными прослойками песка. Чем дальше от кладок, тем больше прогнута прослойка подсыпки вниз.

Толщина земляной подушки 50—55 см, на ней лежит слой цемьянки со щебнем в 5—6 см, а поверх него — вымостка пола из поливных плиток или мозаики (рис. 36).

Уровень пола вдавлен между западкой парой столбов упавшим блоком подпружной арки; в остальных частях он горизонтален. Сохранились лишь отдельные фрагменты площади пола, так как он сильно поврежден могилами и ямами XVII—XX вв.

Уровень пола в северной галерее улавливается хуже, так как там отсутствует прослойка цемьянки.

По косвенным данным (уровень залегания поливных плиток) создается впечатление, что уровень пола в галерее-усыпальнице (за исключением секции 4-й) несколько ниже пола средней части церкви (на 20 см), но это подлежит проверке на более сохранных участках.

Плитки залегали на 30 см выше «kozyрька» кладки Е, местами под поливными плитками найдены обычные кирпичи. В качестве вымостки применялись поливные плитки обычного для XII в. типа и пластины стеклянной смальты. Поливные плитки стандартного размера 12 × 11 см, тесто из тонко отмученной светлорозовой глины. Обжиг хороший.

Полива встречена четырех видов: желтая, зеленая, вишневая и темная с белыми серпами, встреченная и в Белгороде.¹⁴³

Нигде вымостка из плиток не найдена в ненарушенном состоянии, но все же можно уловить постоянное чередование находок желтых и зеленых плиток; ближе к стенам здания встречаются темновишневые плитки. Возможно, что вымостка имела такой вид: по краям шла кайма из вишневых плиток, а в центре чередовались в шахматном порядке зеленые и желтые плитки, уложенные косыми рядами (как в Белгороде). В этой реконструкции наи-

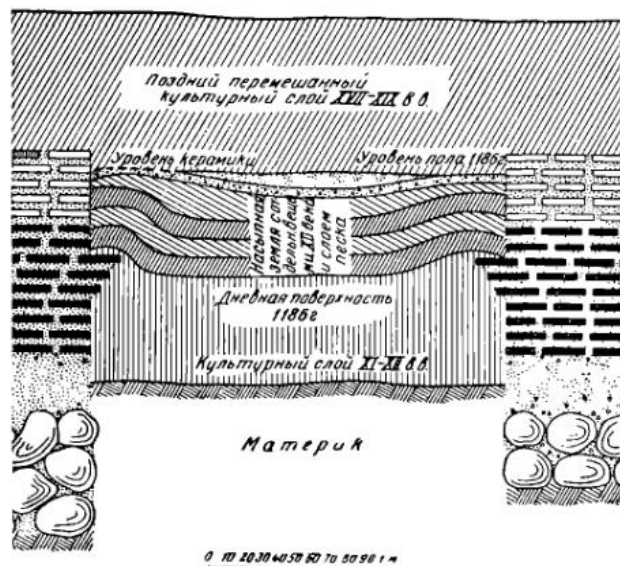

Рис. 36. Стратиграфия северного нефа (слева — кладка Г; справа — кладка Д).

более проблематично окаймление из вишневых плиток. Одна вишневая плитка найдена под гробом у южной стены церкви при зачистке профиля.

Мозаика. Наряду с поливными плитками в Благовещенской церкви применялась и мозаика, составленная не из малых кубических кусочков смальты, а из больших плоских пластин, размеры которых доходят до 8 см. Толщина пластин 0.5—0.6 см. Смальта очень тяжелая, с сильной примесью свинца. Соли свинца выступили на поверхность пластин и придали мозаике одноцветную белую окраску. Определение подлинного цвета в полевых условиях было сопряжено с большими трудностями. В Москве в лабораторных условиях удаление солей свинца производилось горячей азотной кислотой и механическим путем.

Все обнаруженные участки пола с мозаичной вымосткой зарисовывались на месте в крупном масштабе. Каждый кусок смальты нумеровался, и этот номер ставился на кальке с рисунком. Благодаря этому имеется полная возможность восстановить мозаику. Формы кусков смальты различны: квадрат, треуголь-

¹⁴³ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородка.

Труды Предвар. комитета XV Арх. Съезда, т. I, 1911, Табл. III. (Рисунки первый и второй слева наверху.)

ник, шестиугольник вытянутый, куски разной формы для фигурного набора и круги.

Одним из принципов построения узора было применение вписанных квадратов, проме-

нилось лишь два небольших куска: один близ кладки *Д*, а другой около юго-западного столба. В первом случае уровень мозаики был на 57 см выше «kozyрька» фундамента. Там со-

Рис. 37. Мозаичный пол в центре Благовещенского собора с изображением павлина.

жутки между которыми заполнялись треугольниками. Соотношение таких квадратов по площади будет: 1, 2, 4. Цвет смальты самый разнообразный — от светложелтого до черного. Много желтых и зеленых оттенков, которые гармонируют с гаммой поливных плиток. Есть красновато-коричневые, темносиние, серые. Смальта была вправлена в плотную известковую основу, положенную в свою очередь на слой цемьянки.

Мозаичный пол сильно поврежден. Сохра-

хранился геометрический узор из желтых перекрещивающихся полос и синих квадратов, в которые вписаны светложелтые меньшие квадраты. Этот узор окаймлен широкой синей полосой из крупных квадратных пластин, идущей вдоль кладки *Д* с юга. В том месте, где должен быть проход из северного нефа в северную галерею, в трансепте, синяя кайма резко поворачивает в сторону галлерей, начиная какой-то круговой узор. Диаметр круга должен быть примерно около 2 м. В таком

случае мозаичный узор должен был занимать центр прохода под аркой в кладке Д (рис. 38).

Второй уцелевший фрагмент пола оказался вдавленным в землю упавшей аркой. На север от столба на наклонной плоскости сохранился сложный мозаичный рисунок: в нескольких concentрических кругах из крупных зеленых и более мелких красных и желтых пластин помещено мозаичное изображение павлина. Сохранились лишь голова, шея, часть туловища и одна лапа. Крыльев и хвоста нет. Павлин идет влево от зрителя. Клюв у него красноватый, глаз серый, голова и шея зеленые. На голове характерный хохолок из трех перьев с красными точками на концах. На шее две перевязочки серого цвета, на ноге — шпора. Все изображение окаймлено контуром из узких черных полосок смальты. Вокруг павлина фон из желтых и серовато-черных квадратиков смальты, уложенных в шахматном порядке. Поле окружено бордюром из красной смальты. Диаметр круга около 60 см (рис. 37 и 39).

Второй круг был образован крупными зелеными пластинами. Следующий широкий круг был заполнен мелким узором из квадратиков и треугольников, а затем шел еще один круг из зеленых пластин.

Далее уцелела часть прямоугольного окаймления с мелким узором. По всей вероятности, круги с павлином посредине были вписаны в квадрат, сторона которого равнялась приблизительно 160—180 см. Мозаичный квадрат был расположен рядом со столбом таким образом, что человек, стоящий лицом к алтарю, видел птицу прямо. Павлин расположен хвостом к столбу, головой к середине здания (на север), ногами на запад. Хвост павлина должен был подчиняться круговой композиции, подобно тому, как мы видим на миниатюре Изборника Святослава 1073 г.

На север от павлина, по другую сторону развала арки, встречено много мозаики в пространстве между обоими западными подкупольными столбами. Мозаичный узор настолько нарушен, что удалось зафиксировать лишь отдельные фрагменты, не позволяющие определить общую композицию. В средней части арочного пролета найдены большие круглые пластины серого и зеленого цветов, не встреченные более нигде.

Мозаика найдена в западной части подкупольного пространства и в трансепте, а также в юго-западном углу. Судя по отчетам о старых раскопках 1878—1909 гг., очень много мозаики было в алтарной части.

В середине подкупольного пространства встречено несколько квадратов обработанного белого камня. Хорошо обработанной является только одна сторона со следами руста и слегка скошенная; остальные плоскости не заглажены начисто. Белый камень найден в том месте, где должна была проходить

солея. Возможно, что он и происходит из ступеней солеи.

Стены. Ввиду того, что пол повсеместно осел вниз и нигде не прослежен вплотную к кирпичной кладке, определить точно линию начала стены, т. е. надземной части кладки, не удалось. Приблизительно можно считать, что стены начинались на высоте 60—70 см от «козырька», прикрывавшего фундамент.

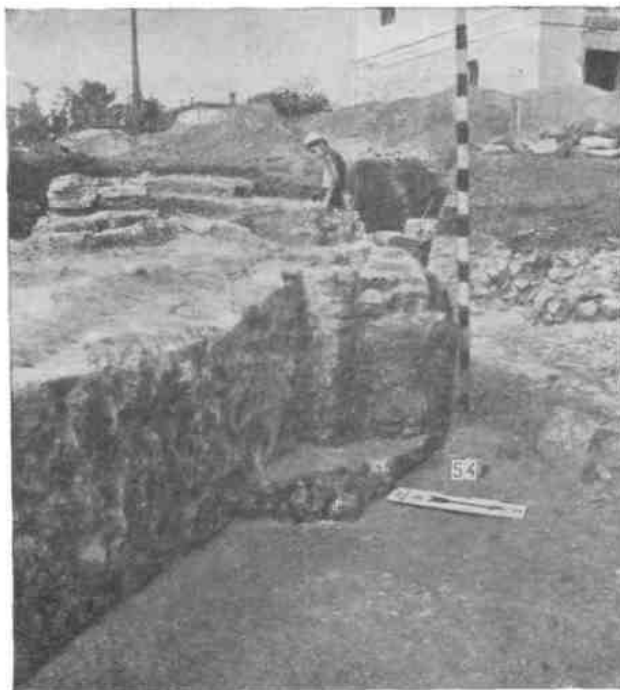

Рис. 40. Пилястра с полуколонной (северный фасад) Раскопки 1946 г.

На самой кладке никаких резких граней нет, и вся кладка выше «козырька» совершенно однородна. К сожалению, горизонт 1180-х годов, так хорошо прослеживаемый внутри здания, с внешней стороны здания начисто уничтожен глубокой канавой вдоль северной стены. Можно допустить, что снаружи видимая часть стен начиналась на уровне тогдашней дневной поверхности, а внутри церкви, благодаря подсыпке, уровень был повышен на 60—70 см.

На внешней стене с наружной стороны не замечено следов ни побелки, ни штукатурки. На всех внутренних стенах были, очевидно, фрески, так как обломки их встречены повсеместно. На самой стене фреска уцелела лишь в одном месте (Е, секция 3-я) около самого верхнего среза кладки. Здесь сохранился на кирпичках кусок штукатурки в 15 см длиной с фресковой покраской красным цветом. На разных обломках встречены цвета: желтый, коричневый, синий и красный. Все обломки настолько незначительны, что не дают представления об изображенном на фресках. Северная стена шириною 130 см на-

Рис. 38. Мозаичный узор пола в трансепте Благовещенского собора 1186 г.

10 0 10 20 30 см

Рис. 39. Мозаика 1186 г. с изображением павлина (под главным куполом)

чинается от того прясла, где должен быть северный портал.

С фасадной стороны она украшена широкими пилястрами с массивными полуколоннами, ширина которых исключает всякое предположение о галереях неполной высоты — такие пилястры рассчитаны на всю высоту большого здания. Около северо-запад-

ют более массивные стены, выступающие наружу за общую линию фасада. Таким образом, южный и северный порталы были фланкированы с восточной стороны выступом стены с неполной полуколонной.¹⁴⁴

Эти угловые помещения позволяют установить факт большой важности — все стены сложены вперевязку, т. е. и основа здания и его

Рис. 41. Пилястра с полуколонной (западный фасад). Раскопки 1947 г. Справа — кладка XVIII в. из кирпичей XII в.

ного угла кладка стены выбрана до материка очевидно в конце XIX в., когда здесь рыли канаву. Северо-западный угол сильно разрушен, но пилястры здесь не имели полуколонн, а были плоски, как в Елецкой церкви. Западная стена, исследованная в 1947 г., также имела пилястры с полуколоннами (рис. 40 и 41).

В районе западного портала не найдено ни резного камня, ни профилированного кирпича.

Южная стена, как и обе предыдущих, имела полуколонны. Все полуколонны выложены из фигурного кирпича, что облегчало выкружку. Внутренние пилястры почти везде строго соответствуют внешним. Пилястры галерей и внутренней части здания также строго соответствуют. Угловые помещения восточной части, которыми завершались галереи, име-

галереи построены одновременно по заранее намеченному плану.

Массивность стен угловых помещений может говорить о том, что здесь был ход на хоры и верхний ярус галерей. Второй, внутренний концентр стен (кладки Б, Д и западная внутренняя стена), еще более массивных, чем внешние (140 см), является на первый взгляд загадочным. Если признать сохранившиеся кладки за стены в полном смысле слова, то мы получим резкую изоляцию галерей.

Между тем, мозаичный рисунок, расположенный около кладки Д, должен иметь продолжение на север, а это было возможно лишь в том случае, если в кладке Д против север-

¹⁴⁴ Возможно, что это делалось для того, чтобы зрительно сдвинуть порталы несколько ближе к центру здания.

ного портала была широкая арка. Наличие мозаичной вымостки свидетельствует о наличии трансепта, пересекавшего все пространство собора. Арки меньших размеров могли быть и в других местах кладок *Б* и *Д*.

Опорные столбы Благовещенского собора (190 × 190 см) не сохранили своей крещатости, но, очевидно, угловые выемки равнялись одному кирпичу, так как тогда оставшиеся выступы будут вполне соответствовать внутренним лопаткам (135 см). На уровне пола столбы выложены из желтого кирпича.

Крайняя западная пара столбов свидетельствует о наличии в замысле зодчего идеи нартекса: столбы имеют длинные выступы, направленные к середине. Пролет арки между ними был сравнительно невелик — 360 см. Вероятно, здесь был расчет на то, что входящий в собор должен был пройти через анфиладу из трех нешироких арок и, пройдя их, очутиться на широком просторе залитого светом подкупольного пространства.

Из верхних частей здания мы знаем только упавшие блоки, отличающиеся отсутствием в них желтого кирпича, листы кровельного свинца, части аркатурного пояса и кирпич из рельефных выступов на барабанах куполов.

Возможно, что некоторые обломки амфор-корчаг являются частями голосников. В черниговской архитектуре корчаги с двумя ручками применялись в качестве угловых голосников на протяжении всего XII в. Из развалин Пятницкой церкви, разрушенной немецкими варварами, удалось извлечь амфору-голосник, находившуюся в парусе свода (рис. 42).

Гр об н и ц ы. На территории галлерей-усыпальницы при раскопках обнаружено пять гробниц. Гробницы находились и под полом трансепта (№ 2 и 5), и в собственно галлерее (№ 3), и в угловых квадратных помещениях. Все они потревожены, и большая часть костей из них выкинута. По материалу (формат кирпичей и раствор без толченого щебня) все они, кроме гробницы № 4, относятся ко времени, значительно отстоявшему от постройки церкви, и могут быть датированы XIII—XIV вв. Особенно интересны гробницы в угловых камерах.¹⁴⁵

В северной камере гробница № 1 сложена из узкого кирпича на белом растворе и относится ко времени около XIV в. В южной камере, отделенной от остальной галлерей массивной стеной, была найдена гробница, являющаяся наиболее древней из всех гробниц Благовещенского собора. Формат кирпичей

27 × 19 см точно совпадает с кирпичом Пятницкой церкви, датируемой последними годами XII в.

Гробница № 4 — единственная, где раствор имеет примесь толченого кирпича и тем сближается с раствором стен собора. Длина гроб-

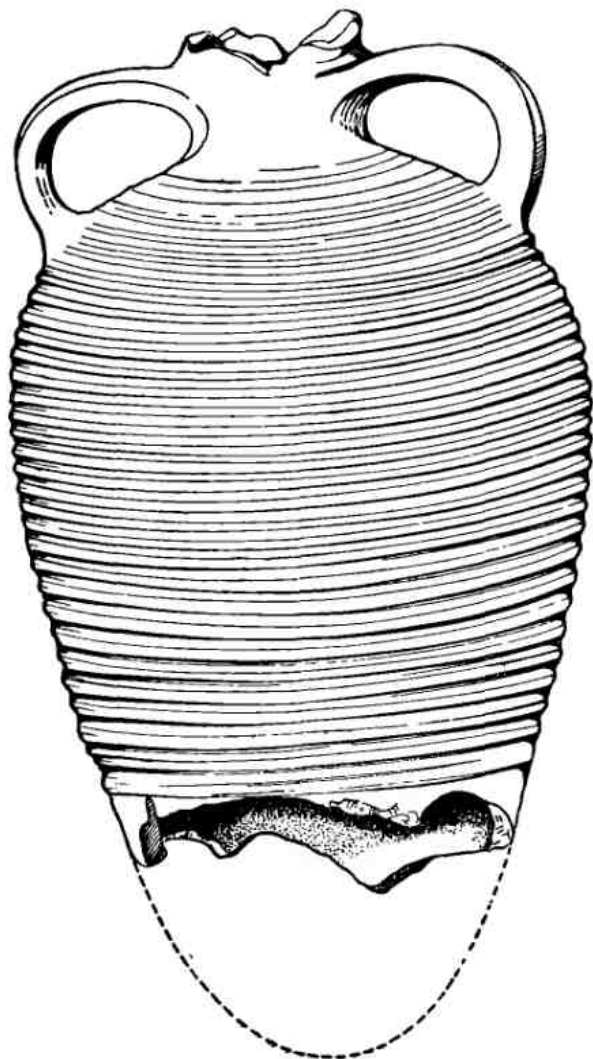

Рис. 42. Амфора-голосник XII в. из Пятницкой церкви

ницы 190 см, ширина — 70 см. Гробница была ранее заложена кирпичом и залита мощным слоем розовой цемянки (рис. 43).

Гробница занимала центральное положение в южной камере и была здесь единственной. Внутри гробницы был найден череп без нижней челюсти и плохо сохранившиеся кости крестца и ребер. Большая часть костей была выброшена, очевидно, в XVII в. при разборке здания. Никаких иных костей от другого костяка здесь не найдено.

Почетное положение гробницы, ее хронологическая близость ко времени постройки собора заставляют нас вспомнить, что в Благовещенской церкви был похоронен Всеволод Святославич. В 1196 г. «во Ольговичех представи-

¹⁴⁵ Все погребения, найденные Д. Я. Самоквасовым и в 1909 г., следует относить ко времени разрушения церкви, когда начали хоронить в алтарных апсидах. Инвентарь многих погребений датируется XVII—XVIII вв. (серебряное кружево, блестки, стекло).

ся князь Всеволод Святославич, брат Игорев, месяца мая. И тако спрятавше тело его вся братья во Ольговичех племени с великою честью и с плачем великим и рыданием — понеже бо во Ольговичех всих удалее рожаем и воспитанием и возрастом и всею добротою мужественною доблестью и любовь имеяше ко всем. Епискуп же черниговской и вси игумени и попове проводиша его до гроба со обычными песнями и положиша его во церкви святое

ятой датой рождения Всеволода мы должны признать 1152—1157 гг.

Матерью его была вторая жена Святослава Ольговича — дочь новгородского посадника — Мария. Бабка его по отцу — гречанка Феофания Музалон, жена Олега «Гориславича»,

Рис. 43. Гробницы южной галереи. Слева — гробница № 4 в юго-восточном приделе; справа — гробница № 5 в южной галерее.

богородици в Чернигове. И приложися ко отцем своим и дедом, дав общий долг, его же несть убежати всякому роженному» (Ипат. лет. 1196 г.).

Буй-Тур Всеволод, сын Святослава Ольговича, младший брат Игоря Святославича, родился после 10 апреля 1151 г. (дата рождения Игоря), но задолго до 1160 г., когда он уже находился заложником у Ростислава Смоленского.¹⁴⁶ К этому времени у Святослава Ольговича были уже другие дети. Наиболее веро-

скрывавшегося одно время на острове Родосе. М. М. Герасимовым был произведен тщательный осмотр черепа и сделана реконструкция мягких частей (см. ниже рис. 53). Череп был передан ему без указания на возможную принадлежность его какому-либо историческому лицу.

В приложении дано заключение М. М. Герасимова, укрепляющее гипотезу новыми фактами и соображениями.

Приурочение черепа из гробницы № 4 князю Всеволоду Святославичу очень соблазнительно, но гипотетично, несмотря на совпадение с данными антропологии (пол, возраст, происхождение, физическая сила).

¹⁴⁶ «Ростислав бяше поял у Святослава Всеволода, сын его...» Ипат. лет., 1160 г.

4. Реконструкция восточной части Благовещенского собора

Центральная и северная апсиды обвалились в 1876 г., южная — в 1882 г. Ни Кибальчич, ни Самоквасов не дают нам описания закругляющихся кладок, хотя у них была возможность измерить южную апсиду.

Раскопки 1909 г. производились уже тогда, когда все апсиды рухнули в Стрижень (рис. 29 и 44).

Попытаемся восстановить алтарную часть теоретически, исходя из общего характера здания.

Раскопками 1946 г. выяснен важнейший модуль здания — подкупольный квадрат. Фактические промеры между углами сохранившейся цокольной части столбов дали такие результаты (в см):

С-в столб	— ю-в столб	— 540
с-в	— ю-з	» — 533
с-в	» — с-з	» — 550
ю-в	» — ю-з	» — 560

Подкупольное пространство по этим данным слегка вытянуто с запада на восток. Соотношение сторон близко к отношению 21/20. Если мы примем поправку на крещатость столбов, то каждая сторона увеличится на 56 см:

596, 589, 606, 616

Среднее арифметическое — 602 см. Поскольку сторона квадрата — это диаметр барабана купола, радиус его равен 301 см.

Дальнейший путь реконструкции должен исходить из принятых в древнерусском зодчестве пропорций. Архитектор К. Н. Афанасьев, с которым я советовался относительно построения восточной части Благовещенской церкви, предложил следующий вариант плана: центр дуги средней апсиды отстоит от восточной стороны подкупольного квадрата на расстояние, равное этой стороне, или, иначе, равное двум радиусам.

При этом варианте линии основания апсид лежит на одной прямой с восточными стенами галлерей, т. е. здание представляет в плане прямоугольник, за пределы которого выступают только полукружия апсид. Важными аргументами в пользу варианта Афанасьева являются, во-первых, аналогичные приемы построения во многих шестистолпных храмах XI—XII вв. (в том числе и в Елецком), а, во-вторых, четкие пропорциональные отношения, получающиеся в восстановленном им плане Благовещенской церкви. Так, например, длина интерьера (без притвора) равна ширине всего здания (с галлерейми), а кроме того, длина интерьера относится к его ширине, как 1:0,62, т. е. дает «золотое сечение», принятое

во многих шестистолпных храмах XI—XII вв., как это доказывает К. Н. Афанасьев.¹⁴⁷

Однако наблюдения над архитектурными ровесниками Благовещенской церкви направляют нашу мысль и по другому пути.¹⁴⁸

Ярким примером отказа от принципа золотого сечения является Успенский собор во Владимире на Клязьме. Старая постройка Андрея Боголюбского была создана с учетом пропорций золотого сечения, а новое грандиозное сооружение Всеволода нарушило эти пропорции за счет далеко отодвинутых на восток апсид. Если мы захотим определить центр средней апсиды Успенского собора, исходя из модульной величины подкупольного квадрата, то должны будем провести линию, соединяющую восточные грани опорных столбов, и на этом основании построить треугольник, стороны которого должны быть равны не стороне квадрата (как в Каневской церкви), а диагонали подкупольного квадрата.

То же самое дает нам и другой ровесник — Успенский собор в Галиче (до 1187 г.). Центр апсиды находится там точно в вершине треугольника, основанием которого является линия, соединяющая восточные грани столбов, а стороны равны диагонали подкупольного квадрата (920 см).¹⁴⁹

Вариант К. Н. Афанасьева грешит тем, что центральный купол становится тогда слишком эксцентричным, неуравновешенным. Применительно к Благовещенской церкви он выглядел бы так, как выглядел бы Успенский собор во Владимире, если бы Всеволод обстроил старое здание галлерей с юга, запада и севера, а апсиды оставили прежние, андреевские. Собор сохранил бы золотое сечение интерьера, но неизбежно утратил бы композиционную стройность, его главный купол оказался бы почти на краю здания. Чтобы устранить такую асимметрию, зодчие Всеволода одновременно с пристройкой на западе расширили здание и на восток, выдвинув апсиды далеко за пределы основного прямоугольника (на 9 м). Тот же принцип равновесия здания (имеющего притвор на западе) за счет вынесения апсид на восток виден и в Свирской церкви Давида Ростиславича (1191—1194 гг.). Центр средней апсиды определяется диагональю.

Все сказанное выше заставляет меня построить второй вариант плана, основанный на анализе однотипных храмов с галлерейми, построенных почти одновременно с Благовещенской церковью 1186 г. (Владимир, 1185 —

¹⁴⁷ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить К. Н. Афанасьева за проделанную им работу.

¹⁴⁸ Не во всех шестистолпных храмах центр апсид отстоит от подкупольного квадрата на два радиуса: так, в Каневской церкви 1144 г. он поставлен ближе, чем на два радиуса, а именно на высоту равностороннего треугольника, основание которого — сторона подкупольного квадрата.

¹⁴⁹ Я. Пастернак. Старый Галич. Краков, 1944, рис. 24.

1189, Галич — до 1187 г.). Мой вариант отличается от варианта К. Н. Афанасьева методом отыскания центра апсид: соединив прямой линией внутренние вырезы восточной стороны подкупольных столбов, мы получаем основание треугольника (равное стороне подкупольного квадрата). Диагональ подкупольного квадрата определяет длину сторон равнобедренного треугольника. Вершина этого треугольника и есть искомый центр дуги средней апсиды. На одной прямой с ним должны лежать центры северной и южной апсид.

Восстановив предположительно общий план Благовещенской церкви, попытаемся нанести на этот план скудные цифровые данные раскопок 1909 г.

Даю сопоставление промеров ширины кладок и интервалов между ними по данным 1909 и 1946 гг.

Кибальчич открыл «склеп» только у северной стены. Самоквасов, судя по его промерам, также совершенно не знал южной галереи, очевидно, не выступавшей еще тогда в обрыве берега. На плане 1930-х годов конфигурация берега была такой же, как и сейчас. Сад усадьбы бывшего земства был огражден забором, шедшим вдоль берега наискось. Мы должны допустить, что траншея № 2 1909 г., шедшая «вдоль берега», пересекала церковь наискось с ССЗ на ЮЮВ.

Если мы вычертим в масштабе промеры 1909 г. и попытаемся наложить их на реконструированный план церкви, то увидим, что линия промеров 1909 г. может занять на плане 1946 г. только одно определенное положение, при котором совпадают все данные 1909 г. Утолщение кладки В, измерявшейся в 1909 г. у «восточного края», т. е. у

Соотношение обозначений и размеров кладок в 1909 и в 1946 г. (ширина дана в см.)

1909 год	Не раскапывалось в 1909 г.		Кладка Д ?	264	Кладка Г 169	533	Кладка Б 258	?	Кладка А 151	Не раскапывалось в 1909 г.			
1946 год	Кладка Е 135	Северная стена	Северная галерея 335	Кладка Д 150	Северный неф 240	Кладка Г 160	Средний неф 540	Кладка В 170	Южный неф 200	Кладка Б 210	Южная галерея	Кладка А 170	Южная стена

Из этого сопоставления мы видим, как точное совпадение промеров (например, средний неф), так и большие различия. Серьезные расхождения между данными об одной и той же кладке не могут быть объяснены только различной точностью измерений. Так, например, кладка В (Б 1909 г.) показана в 1909 г. почти на целый метр толще, чем она оказалась в 1946 г. при промерах со стороны обрыва.

При анализе этих цифр мы должны прежде всего обратить внимание на то, что край обрыва берега пересекает древнее здание наискось под углом в 8°, захватывая больше на севере, чем на юге. Это прежде всего объясняет различие в промерах 1946 г. до раскопок (по выступам в обрыве) и после раскопок. Ширина выступа кладки Б (А 1909), превышающая промеры 1909 г., объясняется тем, что линия берега пересекает угол кладки и Б и торцовой стены южной галереи.

Траншея № 2 1909 г. была проложена, как говорится в отчете, вдоль берега, а берет, вероятно, всегда с самого начала обвалов обрушивался под углом к Благовещенской церкви. В 1876 г. обвалились только две северные апсиды, а южная еще держалась.

Обрыва, может быть объяснено только тем, что линия берега пересекала здесь кладку в месте слияния двух апсид — средней и южной. Эта деталь определяет восточную границу № 2. Траншея пересекала южную стену южной апсиды (кладка Б) в начале закругления (толщина 150 см), затем место слияния южной и средней апсид (кладка В). Кладку Г она пересекала западнее слияния апсид, так как ширина ее показана в отчете 1909 г. нормальная, близкая к той, которая получена при наших раскопках. В северной своей части траншея 1909 г. пересекала кладку Д, ширина которой не указана. Ни одна из крайних кладок, ни А, ни Е, не попали в траншею; принимая во внимание значительную длину траншеи, это кажется странным. Ведь траншея № 2 простиралась на 13 сажень, т. е. на 27.74 м, и кладка Б (А 1909) встретилась уже в 2½ аршинах, т. е. в 178 см, от южного края траншеи № 2.

Очевидно, траншея № 2 пересекала церковь таким образом, что встретила на своем пути только апсиды, не затронув боковых галерей (А и Е) (рис. 29).

При ширине траншеи № 2 в 5 аршин (355.6 см) это является дополнительным аргументом в пользу длинноапсидного варианта

реконструкции плана. Северный конец траншеи проходил через «склеп» Кибальчича, но «склеп» в своей восточной части к этому времени был, очевидно, уже настолько разрушен, что Кармалей и Сахновский не различили там кладки *E*, которая и в наших раскопках была обнаружена не сразу. Кладку *D* они приняли за северную стену всей церкви и внутренние пилястры на ней приняли за внешние.

Итак, траншея № 2 1909 г. нашла свое место на общем плане церкви и помогла даже уточнить его.

Если бы мы приняли короткоапсидный вариант плана, то траншея 1909 г., во-первых, должна была бы пересечь обе галлерей с гробницами, а во-вторых, пройти по той части берега, которая была затронута и нашими раскопками. Между тем, в раскопках 1946 г., как указывалось выше, никаких следов траншеи 1909 г. не обнаружено. Культурный слой на краю берега, т. е. там, где должна была бы проходить траншея по короткоапсидному варианту, оказался совершенно нетронутым (раскоп I—B). Все это еще раз склоняет нас в пользу длинноапсидного варианта, подтвержденного как данными о траншее 1909 г., так и соображениями о принципах построения апсид в больших храмах XII в. с притвором на западе.

5. Архитектурные формы и убранство

Благовещенский собор 1186 г. представлял собой, как позволяет судить план, составленный по данным раскопок 1946—1947 гг., большое, единовременно построенное здание, где все части заранее согласованы и подчинены общей идее. Нельзя сказать, что здесь — шестистолпный храм, обстроенный галлерейми; такое определение слишком расчленило бы слитые воедино элементы здания. В отличие от всех своих ровесников, строившихся в два приема, в две разные эпохи, Благовещенский собор построен весь сразу. Западный фасад здания был расчленен пилястрами на пять частей. На западе церковь имела обширный нартекс, переходивший на севере и на юге в галлерей-усыпальницы, оканчивающиеся замкнутыми квадратными помещениями (может быть, ризницы) с толстыми стенами. Восточные завершения галлерей были прямоугольными. Галлерей были отделены от центральной части стеной с широкими арочными проемами. Боковые нефы были нешироки. По сравнению со многими четырех- и шестистолпными храмами XII в., здесь боковые нефы сильно сжаты: ширина северного нефа относится к ширине среднего, как 7 15, а в Успенском Владимирском, например, около 7 13, т. е. в Благовещенской церкви средний неф шире обоих вместе взятых боковых нефов. Зодчий как бы раздвинул в обе стороны опор-

ные столбы, идущие вдоль здания, для того чтобы сделать заметнее, просторнее центральное пространство от западного входа до алтаря (рис. 45).

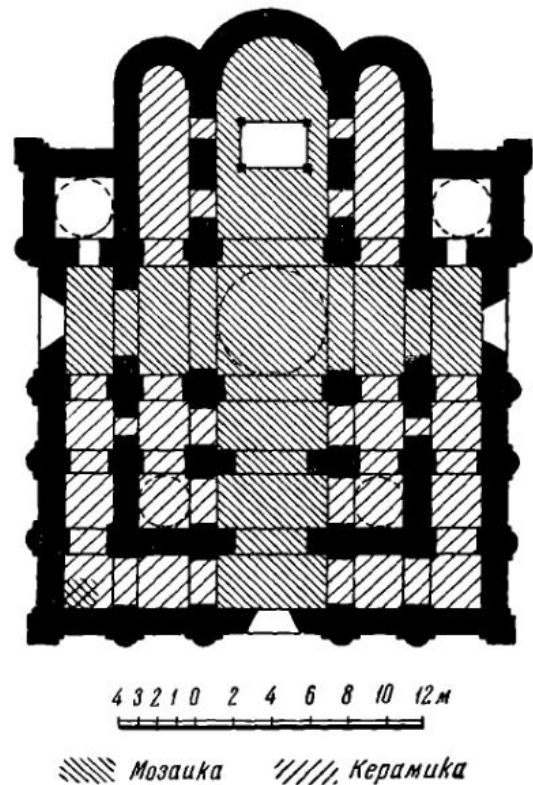

Рис. 45. Схема реконструкции плана Благовещенского собора 1186 г.

Такой же «взгляд в будущее» открывает нам трансепт Благовещенской церкви, превосходящий даже по ширине средний неф. Поперечные стенки, отсекающие те части галлерей, что находятся на восток от боковых порталов, еще больше подчеркивают поперечное членение через центр здания. Мы получаем здесь зарождение той архитектурной идеи, которая находит свое завершение в храмах с притворами, где главное внимание зодчего уделено перекрестию двух широких полос — среднего нефа и трансепта.

Во всех частях здания мы наблюдаем известную пропорциональность. Так, ширина бокового нефа равна половине расстояния между столбами среднего нефа, ширина галлерей равна половине трансепта, каждая секция галлерей между лопатками представляет собою квадрат, ширина внутренних лопаток равна стороне квадрата, вписанного в основание столба, ширина внешних пилястр равна одной трети пролета среднего нефа.

Интересно отметить, что общая внутренняя ширина здания относится к ширине трех средних нефов, как 1 0.62, т. е. находится в отношении «золотого сечения». В построении всех элементов здания мы чувствуем строгую за-

кономерность, восходящую к основному модулю — стороне подкупольного квадрата.

Из церквей XII в., сходных с Благовещенской по плану, сохранился до нашего времени лишь Успенский собор во Владимире на Клязьме, который и нужно привлечь для воссоздания внешнего облика Черниговской церкви. Не подлежит сомнению, что боковые галереи были рассчитаны на значительную высоту и не могли являться подобием одноэтажных невысоких галлерей Киевского Софийского собора. Здесь, в Благовещенской церк-

ским, следует оговориться, что речь идет только об общности архитектурных масс и не касается деталей.

Для того, чтобы представить себе северный фасад нашего здания, нам лучше всего обратиться к Елецкой церкви, где существуют точно такие же пилястры с полуколоннами (рис. 46). Елецкая церковь имела позакомарное покрытие и аркатурный пояс, отделявший закомары. Большие и светлые окна, отличные от узких щелевидных окон северной архитектуры, располагались в три яруса.¹⁵⁰

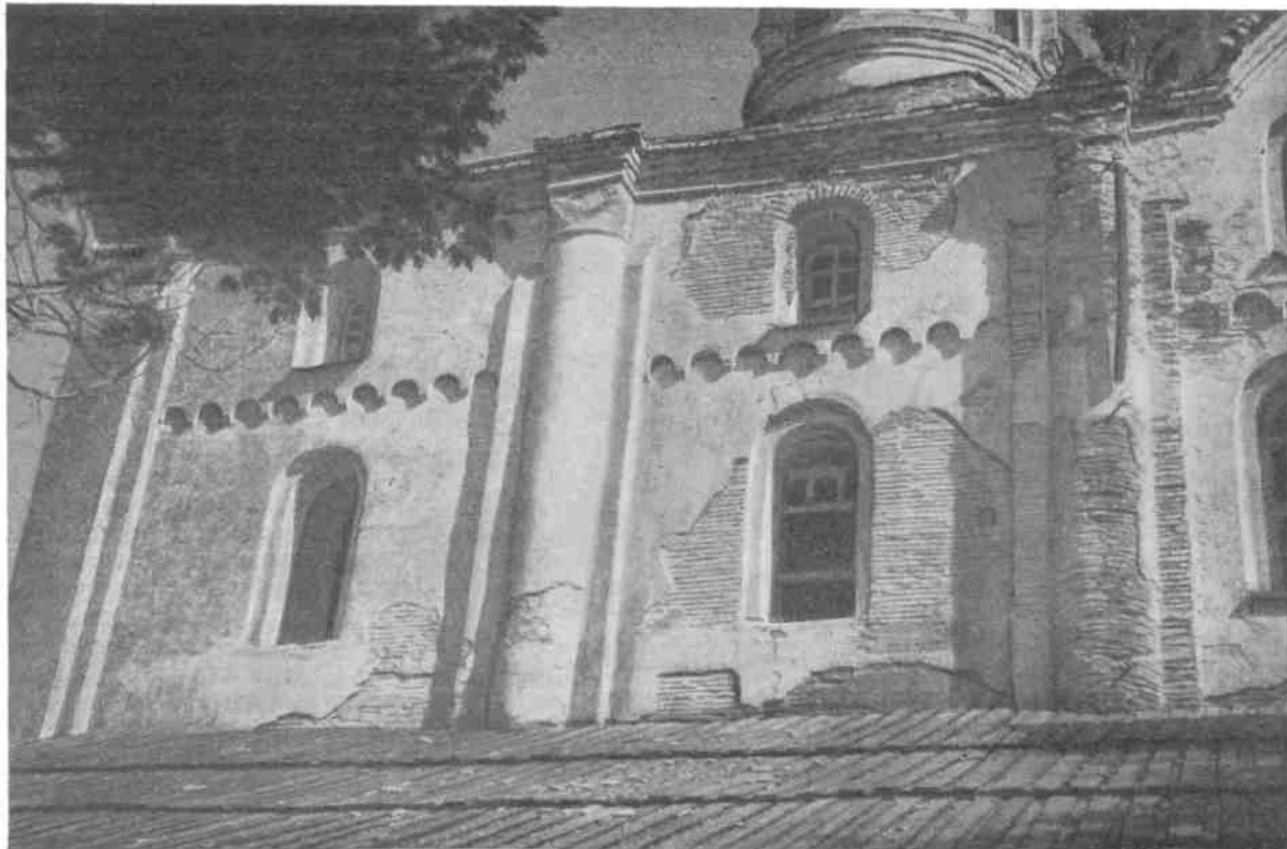

Рис. 46. Южный фасад Успенской церкви Елецкого монастыря.

ви, внешние пилястры настолько мощны и массивны (около 183 см), что могли быть построены только в расчете на большую высоту. По всей вероятности, хоры располагались и в галереях, а может быть и над западной парой столбов. Значительные размеры здания не позволяли зодчему завершить его только одним центральным куполом. Как и в Успенском соборе, здесь должно было быть пять куполов. Отчасти на это указывает создание конструктивно усиленного квадрата в углу галлерей, т. е. как раз там, где помещены восточные малые купола Владимирского Успенского собора.

Сопоставляя Благовещенский собор с Успен-

Уступчатый портал Елецкой церкви очень прост. Купол в ней, как и во всех церквях Чернигова, имеет 12 сравнительно широких окон, разделенных вертикальными тягами в один кирпич. По общей площади световых проемов черниговские церкви во много раз превосходят памятники северного, например Новгородского, зодчества. Гадать о количестве и форме окон Благовещенской церкви, разумеется, бесполезно, но можно думать, что они не уклонялись в меньшую сторону от остальных черниговских зданий этой эпохи.

¹⁵⁰ В Каневской церкви 1144 г., построенной отцом Святослава Всеволодича, окна шли в 4 яруса.

В развалинах Благовещенской церкви были найдены треугольные кирпичи, которые, судя по аналогии с Елецкой церковью, происходят из аркатурного пояса (рис. 47). Находки этих кирпичей в центре здания и около его внешней стены могут говорить о том, что аркатурный пояс шел как по фасадам здания, так и по карнизу глав.

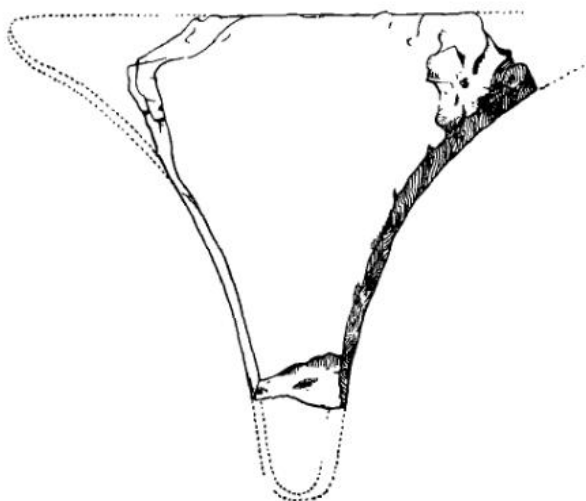
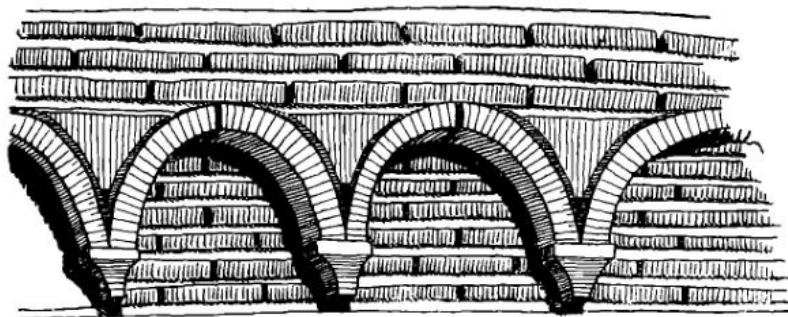

Рис. 47. Наверху — схема аркатуры Елецкой церкви. Внизу — кирпич из аркатурного пояса Благовещенского собора.

Большой интерес представляет рассмотрение типов лекального кирпича в связи с архитектурной орнаментикой здания. Чаще всего встречались полуциркульные кирпичи двух форматов: 26×22 и 28×19 см. Их место в здании легко определить в связи с указанными выше ребрами между окнами куполов. Для центрального двенадцатиоконного купола черниговских церквей мы имеем такое соотношение: простенок между окнами равен ширине двух окон, тяга занимает $\frac{1}{5}$ простенка. Применительно к размерам Благовещенской церкви простенок должен быть около 130 см. $\frac{130}{5} = 26$ см. Кирпичи шириной в 26 см можно предположительно считать происходящими из ребер центрального купола. Для малых куполов с восемью окнами соотношения будут иные: простенок около 95—100 см и пятая

часть простенка вполне соответствует ширине кирпичей в 19 см.

Определить назначение секторальных кирпичей и единственного экземпляра секирооб разного кирпича трудно.

Совершенно исключительным с точки зрения декоративности представляется установленное при раскопках сочетание кирпичей двух цветов — красного и светложелтого. Желтый кирпич, близкий по тону к белому камню, часто применялся в черниговской архитектуре, — из него сложены Борисоглебский собор и Елецкая монастырская церковь, но нигде он не встречен в сочетании с красными кирпичами. За пределами Чернигова желтый кирпич имеется в кладке старорязанской церкви, раскопанной в 1836 и 1926 гг. В дневнике раскопок В. А. Городцова указан «желтый», палевый кирпич. Уловить какую-либо систему в расположении кирпичей того и другого цвета В. А. Городцову не удалось.

Если наружный вид здания отличался своеобразием и новизной двухцветной кладки, то внутренняя отделка была особенно богата и изящна: опорные столбы стояли на светлом цоколе из желтого кирпича, а по стенам нефов тянулся внизу желтый же плинтус. Была ли эта кладка закрыта фреской — неизвестно. Далее кладка шла из обычного красного кирпича, но он был скрыт под фресковой росписью. Замысел зодчего, разделившего все здание на второстепенные и главные участки, был подчеркнут различием в вымостке пола. Второстепенные части (галлерея и боковые нефы) были вымощены желтыми и зелеными керамическими плитками в обрамлении из вишневых плиток вдоль стен.

Важнейшие части здания, для которых зодчий потеснил остальные, — средний неф и трансепт, были вымощены великолепной мозаикой из стеклянной смальты разнообразнейших оттенков. Именно здесь, в срединной части здания, в наилучше освещенном месте под главным куполом и разместил архитектор мозаику с павлином (рис. 39), единственную сюжетную мозаику среди всех древнерусских полов. Мозаика, по технике аналогичная благовещенской, встречена в Софийском соборе в Новгороде в качестве стеного украшения в главной апсиде.¹⁵¹ Есть она и в Софийском

¹⁵¹ ТАС XV, т. I, табл. X, рис. 2.

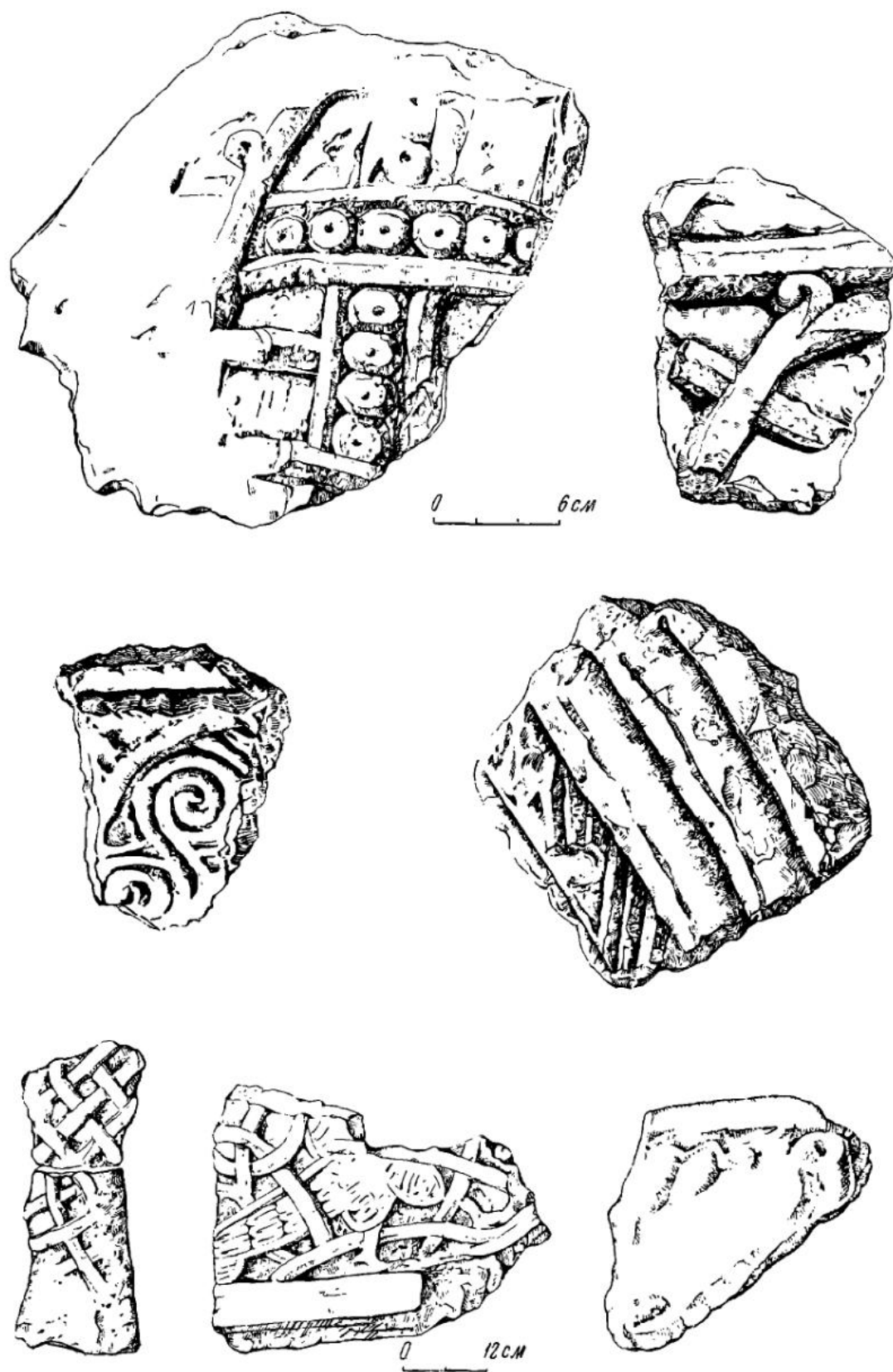

Рис. 48. Фрагменты резного белого камня из Благовещенского собора.

соборе Киева как в «горном месте», так и в вымостке пола, где встречен только геометрический рисунок.¹⁵² Эту мозаику исследователь относит к 1037 г., считая ее первичной вымосткой собора.

Черниговские раскопки позволяют передавать мозаику из крупных плиток, существенно отличающуюся от мозаики XI в. из мелких кубиков, и отнести ее к XII в. В Киеве появление мозаичного пола, близкого к Черниговскому, может быть связано с ремонтом Софии после большого пожара 1180 г., когда «удеяся велико зло в Киеве: погореша дворове по Горе и церкви зажъжеса великая митрополя святая Софья» (Ипат. лет.). После пожара киевский князь Святослав Всеволодич (он же строитель и Благовещенской церкви) мог возобновить Софию и заново помостить ее мозаикой, аналогичной Благовещенской.¹⁵³

В пользу того, что мозаика была не первичным, а более поздним полом Софии, говорит то, что она сохранилась вплоть до XVII в., когда ее видел Павел Алеппский: «Когдаходишь в храм через западные двери, то твоим глазам открывается пол хороса, сделанный из удивительной многоцветной мозаики с разнообразными тонкостями искусства. Такой же пол внутри алтарей и перед ними».¹⁵⁴

С еще большим правом можем мы отнести этот восторженный отзыв к мозаикам Благовещенского собора в Чернигове.

Ко всему сказанному о внутреннем убранстве Благовещенского собора следует добавить еще наличие в нем резного белого камня.

Профилированные белокаменные плиты найдены в самом центре подкупольного пространства. Возможно, что они связаны с солею и алтарной преградой, но можно также допустить, что они представляли карнизы столбов под пятами арок. В черниговском Борисоглебском соборе наблюдается такое завершение столбов: наверху под пятами арки положена большая шиферная плита, играющая роль распределителя тяжести. Эта плита меньше поперечного сечения столба, и оставшееся пространство могло быть заполнено белокаменным карнизом.

¹⁵² Д. В. Милеев. Древние полы в Киевском соборе Святой Софии. Сборник в честь Бобринского СПб., 1911, стр. 212—221.

¹⁵³ Возможно, что к этому времени относится и одна из обстроек Софии дополнительными галереями

¹⁵⁴ ЧОИДР, 1897, кн. 4, стр. 169. Если признать, что крупнопластинная мозаика, точно датированная в Чернигове 1186 г., и в других местах относится к этому же времени, то мы получим любопытные данные о киевском производстве 1180-х годов в эпоху Святослава Всеволодича. Новгородская мозаика могла быть связана с деятельностью неутомимого, энергичного строителя — архиепископа Мартирия, который был в 1192 г. в Киеве и здесь принял «честь велику» от Святослава.

Кусок белокаменной волюты от небольшой капительки найден в 1946 г. в строительном мусоре под южной папертью.

В 1947 г. был найден ряд фрагментов резного белого камня (рис. 48).

Один из кусков белого камня с тонкой резьбой найден в северо-западном углу собора. Определить его назначение трудно, но его принадлежность к архитектуре вызывает сомнения: слишком мелка и тонка его резьба.

Характерный фрагмент плетенки (очень близкой к той, что была найдена в 1909 г.) встретился в районе юго-восточного пилона. Камень плоский; он происходит не из колонны, а из фриза.

Около юго-западного угла галереи найден кусок белого камня с выпуклой поверхностью, по которой идут, пересекаясь, ленты простой плетенки и двойной плетенки с рельефным кружевным узором между двумя лентами. Подобный узор очень част в пластике Георгиевского собора в Юрьеве Польском XIII в. Там обычно такие ленты с пуговичным заполнением окаймляли одежды.¹⁵⁵

В восточной части южного нефа найден фрагмент профилированного камня, представляющий часть большой дуги (арки), обработанной по краю рельефными ребрами.

Но самой замечательной находкой были фрагменты «фриза», обнаруженные в 1909 г. в алтарной части.¹⁵⁶ Три белокаменных обломка представляют, по видимому, остатки тонких колонн, покрытых плетеным орнаментом наподобие колонок Дмитриевского собора во Владимире, только более грубых. Кусок «фриза» содержит изображение птицы, оплетенной ремненным плетением. Д. В. Айналов отказался указать какие-либо аналоги этому изображению.¹⁵⁷ Но если мы обратимся к пластике славянских областей на Балканах, то найдем там очень близкие по сюжету и композиции рельефы. Так, например, в церкви в Студенице, построенной всего через четыре года после Благовещенской (1190 г.), мы видим резной фриз с птицами, оплетенными круговой плетенкой.¹⁵⁸ Можем ли мы определить принадлежность и место описанных белокаменных резных обломков? Думаю, что, сопоставляя данные 1909 г. с данными 1946 и 1947 гг., мы можем это сделать. Обломки фриза найдены в северной части центральной

¹⁵⁵ А. А. Бобринский. Резной камень в России. Вып. 1, М., 1916, табл. 24, 32, 36, 38, 40.

¹⁵⁶ Отчет о деятельности Черниговской губернской ученой архивной комиссии за 1909 г. Чернигов, 1910, стр. 6—7; Микола Макаренко. Скульптура и різьбярство Київської Русі перед монгольськими часів. Київські збірник історії й археології. Київ, 1931, стр. 85 рис. 36.

¹⁵⁷ Отчет Черниговской губ. уч. арх. ком. за 1909 г., стр. 7.

¹⁵⁸ П. Покрышкин. Православная церковная архитектура XII—XVIII столетий в Сербском королевстве. СПб., 1906, стр. 16, табл. III.

апсиды в том месте, где должен был быть алтарь.

В отчете 1909 г. фигурирует загадочная кладка В, находящаяся в полутора аршинах к северу от нашего участка В. Она прямоугольна и многоярусна, нижние ярусы из кирпича XII в., а верхние надложены в XVII в. Совмещение данных 1909 г. с нашей рекон-

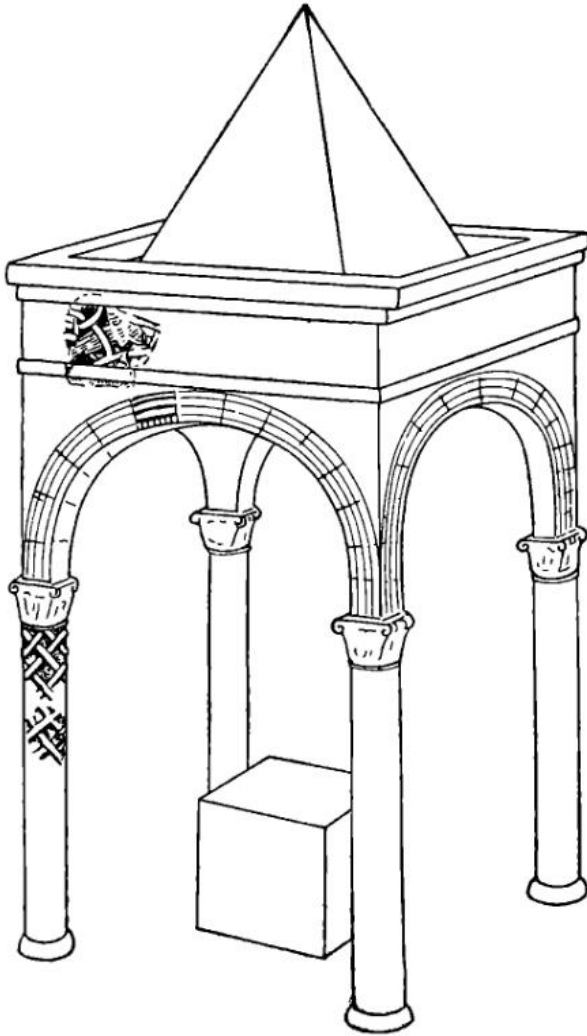

Рис. 49. Схема реконструкции белокаменного кивория Благовещенского собора.

струкцией плана убеждает в том, что эта промежуточная кладка не что иное, как алтарь церкви или, точнее, широкая вымостка под алтарем (она занимает значительную долю апсиды). Если бы здесь был только алтарь, то он занимал бы меньшее пространство. Ширина его кладки В — 1909 г. (около 4 м) свидетельствует о каком-то каменном помосте. По всей вероятности, это подножие кивория.¹⁵⁹

¹⁵⁹ П. Лашкарев. Киворий, как отличительная архитектурная принадлежность в древних церквях (Церковно-археологические очерки. Киев, 1898), Н. Н. Воронин. Боголюбовский киворий КС ИИМК, 1946, вып. XIII; киворий на четырех столбах был найден и в Успенском соборе в Галиче.

Киворий нередко изображался в русских храмах XII в. в центре алтарной апсиды; это делали в небольших зданиях, где настоящему киворию не было места.¹⁶⁰ Хорошее изображение кивория есть на чеканном окладе Владимирской иконы. Кивории внутри зданий могли существенно отличаться от кивория на замковом дворе, реконструированного Н. Н. Ворониным.

Мною взят в качестве схемы для реконструкции киворий с оклада и киворий Старогородской божницы. Камень с птицей — по всей вероятности часть плоского фриза над аркой. Камень, представляющий собой часть профилированной арки, очевидно, и происходит из арки кивория. Покрытые плетенкой колонки были увенчаны небольшим капителью с угловыми волютами (рис. 49). Камень с «пуговичным» узором в эту схему не укладывается.

Расположенный в самой глубине среднего нефа, отделенный от зрителя завесой световых лучей трансепта, окруженный цветистой мозаикой, белокаменный резной киворий должен был быть эффектным завершением всего декоративного «узорочья» святославовой постройки 1186 г.¹⁶¹

6. Историко-культурные сопоставления

Весь приведенный выше материал из раскопок развалин Благовещенского собора 1186 г. убеждает в том, что перед нами не обычный рядовой храм, увеличивающий еще на одну единицу список древнерусских зданий, а высокохудожественное произведение, созданное зодчим-новатором, вписавшим новую страницу в историю русской архитектуры, внесшим ряд новшеств в свою черниговскую постройку.

Точная дата окончания постройки и имя ее заказчика придают особую научную ценность сохранившимся остаткам, так как далеко не все уцелевшие до наших дней здания имеют столь точный паспорт и датировка их нередко производится по различным субъективным догадкам. Среди памятников Черниговской архитектуры Благовещенский собор является одним из последних зданий, созданных в домонгольский период. В древнем Чернигове были построены следующие церкви (рис. 50)

1. Спасо-Преображенский собор 1036 г.
2. Ильинская церковь у пещер XI в. (около 1072 г.).
3. Борисоглебский собор XII в.
4. Успенская церковь Елецкого монастыря XII в.

¹⁶⁰ М. Макаренко. Старогородська «божниця» та її малювання Чернигів і Північне Левобережжя Київ, 1928, табл. на стр. 216—217.

¹⁶¹ Знаменитая белокаменная резная «Черниговская капитель», найденная в 1860 г. под порогом Борисоглебского собора, не может иметь отношения к Благовещенской церкви, так как слишком мала по своим размерам.

5. Михайловская церковь на князем дворе 1174 г.

6. Благовещенская церковь 1186 г.

7. Пятницкая церковь на Торгу XII—XIII вв.

В этом списке из зданий, сохранившихся до наших дней, датирован только один Спасский собор, древнейшее здание не только Чернигова, но и всех вообще русских городов. Вто-

Ильинская церковка второй половины XI в., затерянная в пригородных лесах, по своему типу приближалась к небольшим придворным капеллам вроде Успенской церкви 1098 г. на князем дворе в Переяславле, Остерской божницы в Городце, или малого храма в Белгороде. Бесстолпная, одноапсидная, одноглавая — она отражала не основную дорогу рус-

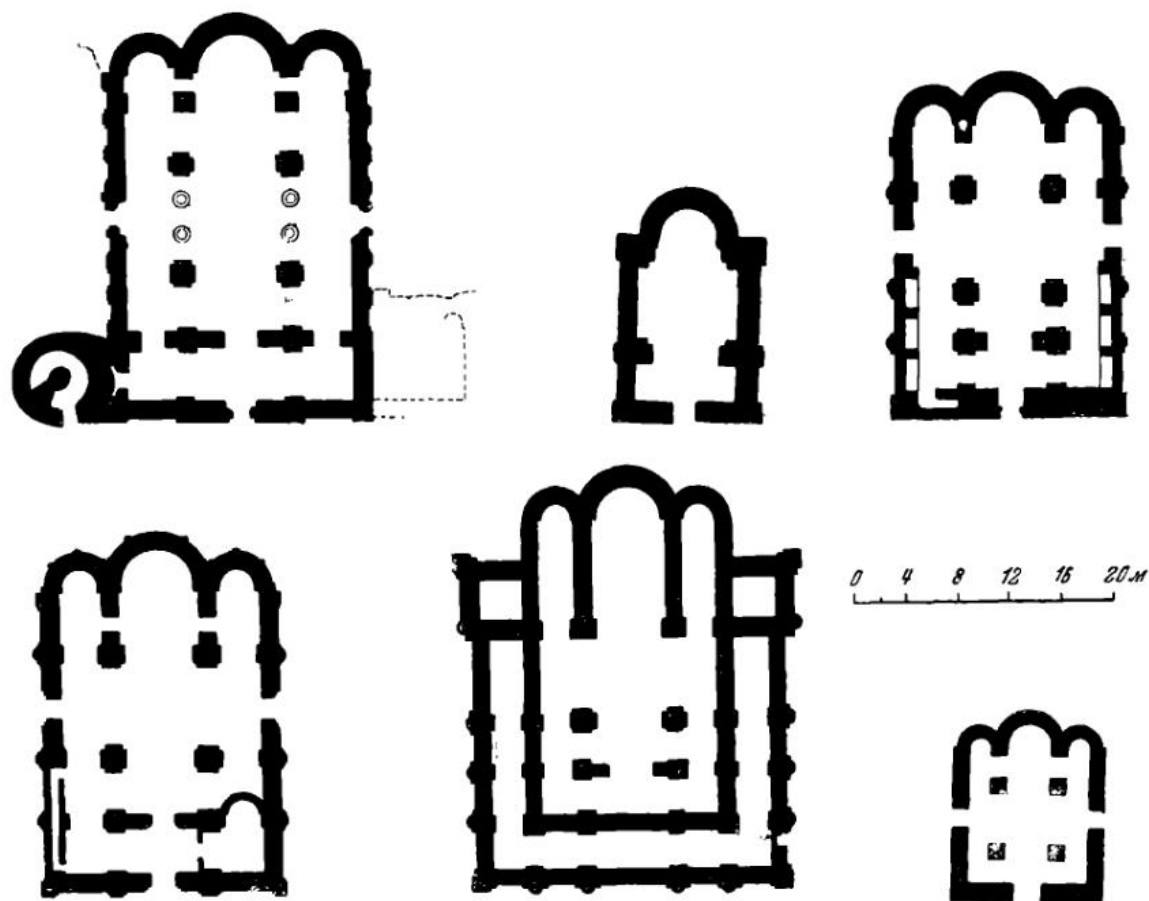

Рис. 50. Схемы планов древних зданий Чернигова: Спасский собор 1036 г.; Ильинская церковь XI в.; Борисоглебский собор XII в. (верхний ряд слева направо); Успенская церковь Елецкого монастыря XII в.; Благовещенский собор 1186 г.; Пятницкая церковь на Торгу XII—XIII вв. (нижний ряд слева направо).

рая датированная церковь (Михайловская) еще не найдена в земле, а четыре сохранившиеся датируются лишь на основании косвенных данных. Понятен поэтому тот интерес, который приобретает вновь раскопанный памятник с точной датой.

Спасский собор хронологически далеко отстоит от других черниговских зданий. Его пышное пятиглавие, осложненное четырьмя угловыми пристройками (два «терема», миниатюрная крещальня и массивная «вежа»), его характерная для ранних зданий пестрота стен, базиликальность внутреннего пространства — все это делало его слишком своеобразным и связывало с кругом торжественных древнейших памятников Руси эпохи Ярослава.

ской архитектуры, а боковую линию частного, интимного строительства. Вполне возможно, что дворцовая Михайловская церковь 1174 г. окажется именно такой же небольшой, имевшей подчиненное значение по отношению ко всему дворцовому комплексу.

Самым ранним из сохранившихся зданий XII в. является Борисоглебский собор, патрональный храм Давида (Глеба) Святославича, княжение которого вспоминалось потомками как тихое, безмятежное время. Искаженный позднейшими перестройками собор (особенно в алтарной части) сильно пострадал от варварских немецких бомбардировок 1941 г. и в современном своем состоянии обнажен от барочных покрытий и доступен изучению.

В 1947 г. архитектор Холостенко нашел

под порогом собора великолепную резную белокаменную базу портала с изображением барса и орла.

Борисоглебский собор 1120-х годов представляет собой шестистолпный храм, покрытый в свое время по законам; он увенчан одной массивной главой с полусферическим куполом и двенадцатью широкими окнами, между которыми выпущены вертикальные ребра в один кирпич. Несмотря на позднейшие переделки, восстановить первоначальный вид фасада очень легко. Между Борисоглебским и Благовещенским соборами существует

Елецкой церкви и ее двойника — Рязанской церкви, схожей с ней по плану и по абсолютным размерам всех частей.

На кирпичах Елецкой церкви есть клейма вроде римских цифр, есть нечто вроде букв, есть изображение птицы, но главную массу составляют две группы клейм, как бы указывающие на двух участников строительства — князя и епископа. Очень много клейм в виде княжеского трезубца (можно насчитать пять вариантов). Имеются клейма, совершенно совпадающие с благовещенскими по рисунку и отличающиеся лишь размерами (двузубец с

Церковь	Простые метки	Знаки княжеские			Знаки церковные	Знаки разные
Церковь Бориса и Глеба	N III IV VI IV	Ш				
Успенская церковь Елецкого монастыря	IV I III IV II VIII	Ш Ш Ш	К К К	С С С	+	~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ Птица Ж Ж Ж К К К И Е Ц С F А
Благовещенский собор 1186 г.	II / 4	Ш Ш Ш Ш		С С		С
Пятница на Торгу	N II III V N IV I P P	Ш Ш Ш Ш		С С		~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ К К К К К К V M A M E

Рис. 51. Знаки на кирпичах черниговских зданий XII в.

промежуточное звено, связывающее оба упомянутых здания. Это — Успенская церковь пригородного Елецкого монастыря. Относительно ее датировки существуют два далеко расходящихся мнения. Одни исследователи связывают ее со Святославом Ярославичем и относят к 1069 г. И. В. Моргилевский в 1928 г. убедительно доказал, что она относится к XII в.¹⁶² Однако в 1936 г. А. И. Некрасов в своем общем труде¹⁶³ вновь говорит о легендарной дате 1069 г. и делает в связи с этим ряд выводов об эволюции стиля.

Раскопки точно датированной Благовещенской церкви 1186 г. позволяют уточнить дату

чертой наверху). Наряду с ними встречаются четкие клейма в виде небольшого четырехконечного креста, которые можно относить к епископским или монастырским «плинфотворителям».

Последним по времени памятником домонгольской архитектуры Чернигова является церковь Параскевы Пятницы на Торгу. Вынесенная за пределы Кремля, она находилась все же в районе, насыщенном археологическими памятниками XII—XIII вв. Сильно перестроенная в позднейшее время, Пятницкая церковь была сильно повреждена немецкой бомбардировкой 1941 г. и только благодаря настойчивым усилиям П. Д. Барановского была укреплена и изучена.

Пятницкая церковь сложена из красного кирпича на цемянке; в системе кладки применялись в качестве голосников амфоры-корчаги киевского типа. Кирпич довольно стан-

¹⁶² Іполіт Моргилевський. Успенська церква Елецького монастиря в Чернігові, стр. 200 Сб. «Чернігів і Північне Левобережжя, Київ, 1928.

¹⁶³ А. И. Некрасов Древнерусское зодчество XI—XVII вв., 1936, стр. 47. План, опубликованный здесь, неточен.

дартного типа, $27 \times 19 \times 5$ см; одного, а не двух форматов, как в Благовещенской церкви.

На торцовых сторонах кирпичей много клейм: змейка (есть в Елецкой), стрела и колесо (новый сюжет), длинные полосы, «римские цифры» (есть в Борисоглебской и Елецкой), «вензели» и княжеские трезубцы. Среди княжеских знаков особенно интересен двузубец с чертой наверху, совершенно аналогичный знакам на кирпичях Благовещенской церкви. Разница лишь в том, что здесь они нанесены на торце, а там — на плоской стороне. Крестовидных знаков нет совершенно. В постройке Пятницкой церкви, очевидно, принимали участие не столько княжеские, сколько городские мастера, внесшие сюда ряд новых систем знаков, например разнообразные стрелы.

Сопоставление всех княжеских, епископских и городских клейм Чернигова (рис. 51) приводит к следующим заключениям.

1. Во всех зданиях, кроме Благовещенского собора, есть знаки в виде римских цифр. Их принадлежность неясна.

2. Крестообразные знаки имеются только в монастырской Успенской церкви и в аналогичной церкви в Старой Рязани, входившей тогда в Черниговскую епархию. Они связаны с епископскими кирпичными мастерами.

3. Так называемые городские клейма (знаки посадских мастеров) изобилуют в церкви Пятницы на Торгу, имеются в Елецкой и отсутствуют в княжеском соборе 1186 г.

4. В трех позднейших соборах есть обобщенный княжеский трезубец (в Борисоглебском только в достройке на хорах).

5. В постройке Елецкой церкви принимал участие князь, знак которого больше нигде не встречен — трезубец с раструбом среднего зубца. Таким князем мог быть или один из Давыдовичей или, что более вероятно, — Святослав Ольгович. Если бы этот знак принадлежал кому-либо из его племянников, последовательно княживших в Чернигове после него (Святослав и Ярослав Всеволодичи), то он должен был бы встретиться на более поздних постройках — Благовещенском соборе 1186 г. и Пятницкой церкви конца XII в.

6. Некоторые знаки Елецкой церкви тождественны знакам Михайловского монастыря в Киеве (птица, трезубец, знак в виде буквы Ж и др.).

7. В постройке Благовещенского собора принимали участие только княжеские мастера. Ни епископских, ни городских клейм здесь нет. Основной знак здесь, наделенный индивидуальными чертами, это — двузубец с отогнутыми в сторону отрогами и точкой или черточкой наверху. Он встречен также и в Пятницкой церкви. Вообще Благовещенская и Пятницкая церкви сходны по княжеским знакам. Мы должны, исходя из этого, или

приписать церковь Пятницы на Торгу тоже Святославу Всеволодичу (ум. в 1194 г.), или допустить, что оба здания построены мастерами его родного брата Ярослава, княжившего в Чернигове с 1176 г. до своей смерти в 1198 г. Разница в датах настолько незначительна, что решить вопрос невозможно. Подобный знак — двузубец с чертой наверху встречен на некоторых печатях XII в. с именем Георгия довольно грубой работы.¹⁶⁴

Упрощенность работы исключает киевское изготовление и говорит против Святослава. Привычная замена Ярослава — Георгий может косвенно свидетельствовать в пользу принадлежности и знака, и печатей черниговскому Ярославу Всеволодичу, названному в «Слове о полку Игореве» «сильным, богатым и многовоим».

В любом случае дату постройки Пятницкой церкви мы не имеем права отодвигать ближе к нам за пределы 1194 или 1198 г. Раскопки Благовещенского собора облегчают датировку здания, не упомянутого в летописи.

8. Если простому трезубцу (очевидно обобщенной схеме княжеского знака вообще) придавать более определенный смысл и связывать с определенным князем (что едва ли имеет смысл), то мы можем связать его только с одним старейшим князем — Святославом Всеволодичем, который мог принимать участие во всех трех постройках, где этот знак встречен.

Среди памятников черниговской архитектуры Благовещенский собор занимает очень почетное место. Будучи построен тогда, когда Чернигов уже был украшен пятью каменными храмами, он сооружался в расчете на то, чтобы затмить все остальные менее значительные постройки и соперничать с древнейшим зданием — Спасским собором Мстислава Тмутараканского. К этому обязывало положение строителя, — Святослава Всеволодича, князя Киева и старейшего «Ольговича». Став киевским князем, он гостил у брата Ярослава в Чернигове, собирав здесь сеймы всех Ольговичей и в 1186 г. выстроил Благовещенскую церковь в той части Чернигова, откуда открывался великолепный вид на Десну, на дорогу в Карачев, по которой часто плавали «Святослави насады». При любых политических невзгодах в Киеве, Чернигов был надежным прибежищем для Святослава.¹⁶⁵

В XII в. соперничество князей сказывалось не только в военных столкновениях, хитроумной дипломатической игре, но и в области

¹⁶⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930, табл. X, 4, XXX, 8.

¹⁶⁵ Возможно, что именно в это время осуществилась прирезка детинца и тогда образовался особый «святославов» угол, центром которого был Благовещенский собор.

культуры и искусства. В каждой феодальной столице создавалась своя летопись, прославляющая своего князя и хулящая всех других. К сожалению, Черниговская летопись до нас не дошла, и облик Святослава Всеволодича нарисован пером враждебного историографа Ростиславичей. Впрочем, Святослав имел такого литературного защитника, как автор «Слова о полку Игореве», вышедший из среды его, Святославовых, дружинников. Недаром он сам называет себя «песнотворцем Святославим». Двор князя, воспитавший такого поэта, заслуживает внимания.¹⁶⁶

Соперничество велось и в области архитектуры. Каждый князь располагал своими зодчими, воспитывая свою архитектурную школу, и рассмотрение памятников архитектуры второй половины XII в. может явиться хорошей иллюстрацией политических группировок средневековой Руси.

В своем «Златом слове» Святослав Всеволодич поочередно обращается к крупнейшим князьям 1185 г.: «Великий княже, Всеволоде... Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». В эти годы Всеволод Юрьевич перестраивает созданный его братом Успенский собор, окружает его галереями и, в соответствии с новыми пропорциями здания, отодвигает еще далее на восток апсиды.¹⁶⁷ Перестройка Успенского собора тянулась 4 года (1185—1189 гг.) и происходила тогда, когда строительство Благовещенской церкви в Чернигове подходило к концу.

Продолжаю сопоставление текста «Слова» с архитектурой: «Галички Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы Угорские своими железными полки... Грозы твои по землям текут... В 1936 г. в столице Ярослава Осмомысла были открыты фундаменты построенного им до 1187 г. огромного белокаменного собора, по размерам не уступавшего своему владимирскому ровеснику.¹⁶⁸ Основные черты плана те же, что в Благовещенской церкви и Успенском соборе — три нефа и галереи с трех сторон. Крайние угловые помещения галлерей точно так же отделены особой стенкой. В глубине церкви был обнаружен киворий. Возможно, что от построек Святослава и Всеволода этот собор отличался одноэтажной галлереей с ходовой площадкой наверху («комары»), игравшей в опасные моменты оборонительную роль (в 1219 г.).

«Ты, буй-Рюриче и Давыде... Не ваю ли храбрая дружина рыкают аки туры, ранены саблями калеными на поле незнаеме...» Так же с каждым из этих князей (характеристика которых в «Слове» очень сдержанна

ввиду их враждебности Святославу) связаны различные архитектурные сооружения.

С именем Давида Ростиславича Смоленского вероятнее всего связывать обстройку просторными галереями Великой Смядынской церкви, построенной его отцом Ростиславом Мстиславичем в 1146 г. как шестистолпный храм и дополненной галереями в конце XII в. Здесь повторилось то, что было во Владимире с Андреевым собором при Всеволоде.

С Давидом Ростиславичем связан еще один памятник, но уже совершенно иного стиля, по идее более близкий к стремящейся ввысь черниговской Пятнице. Это — Михайловская Свирская церковь 1191—1194 гг. Князь Давид «по вся дни ходя ко церкви святаго архистратига божия Михаила, уже бе сам создал в княжении своем. *Такоже же несть в полунощной стране и сим приходящим к ней дивитися изрядней красоте ее: иконы златом и серебром и жемчугом и камением драгим украшены и всею благодатью исполнены*» (Ипат. лет., 1197). Летописец семьи Ростиславичей, выдубицкий монах, был не лишен, очевидно, любви к архитектуре. Будучи современником знаменитого зодчего Петра Милонига, зная его лично по постройкам в Выдубицах, летописец охотно заносил на свои харатейные страницы восторженные описания новых, на его глазах воздвигаемых зданий.

К постройкам Рюрика Ростиславича мы должны отнести Овручскую церковь св. Василия, патрона Рюрика, восстановленную А. В. Шусевым. Овруч для Рюрика был тем же, чем был Карачев для его соперника Святослава — он часто ездил сюда «орудей своих делая», жилал здесь, укрывал попавших в беду союзников и, наконец, сам бежал в Овруч из Киева, «видя свое непогодье». Наиболее вероятной датой постройки Овручской Васильевской церкви я считаю 1180—1194 гг.

Столицей Рюрика в то время, когда он был соправителем Святослава киевского, являлся Белгород. Здесь при раскопках В. В. Хвойко найден небольшой храм-капелла дворцового типа и большой шестистолпный храм, выложенный майоликой, в котором легко видеть епископскую церковь Апостолов, «создана ей бывши благоверным и христоробивым князем Рюриком Ростиславичем. *Высокою же и величеством и прочим украшением всем вдиве удобрене, по «Приточнику» глаголющему: «Вся добра возлюбленная моя и порока несть в тебе»* (Ипат. лет., 1197).

Одновременно Рюрик-Василий строит в Киеве на Новом дворе Васильевскую церковь. Много ранее, вступив на киевский стол, Святослав Всеволодич построил в Киеве Васильевскую церковь, которая была торжественно освящена на Васильев день 1 ян-

¹⁶⁶ См. ниже приложение I

¹⁶⁷ Н. Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945, стр. 61.

¹⁶⁸ Я. Пастернак. Старый Галич. 1944.

варя 1184 г. На пиру по случаю окончания постройки все «быша весели» (Ипат. лет., 1183). В Киеве существует в настоящее время только одна Васильевская («Трехсвятительская») церковь, и нам предстоит решить, кому из двух князей-соперников принадлежит честь ее постройки.

можаху стояти, овии падаху ниц, инии же грепетаху». Быть может «Новый» двор и «Великий» двор — это разные названия одного нового большого двора? Быть может Рюрик в 1197 г. не строил заново, а лишь ремонтировал после землетрясения Васильевскую церковь 1183 г., поставленную Святославом?

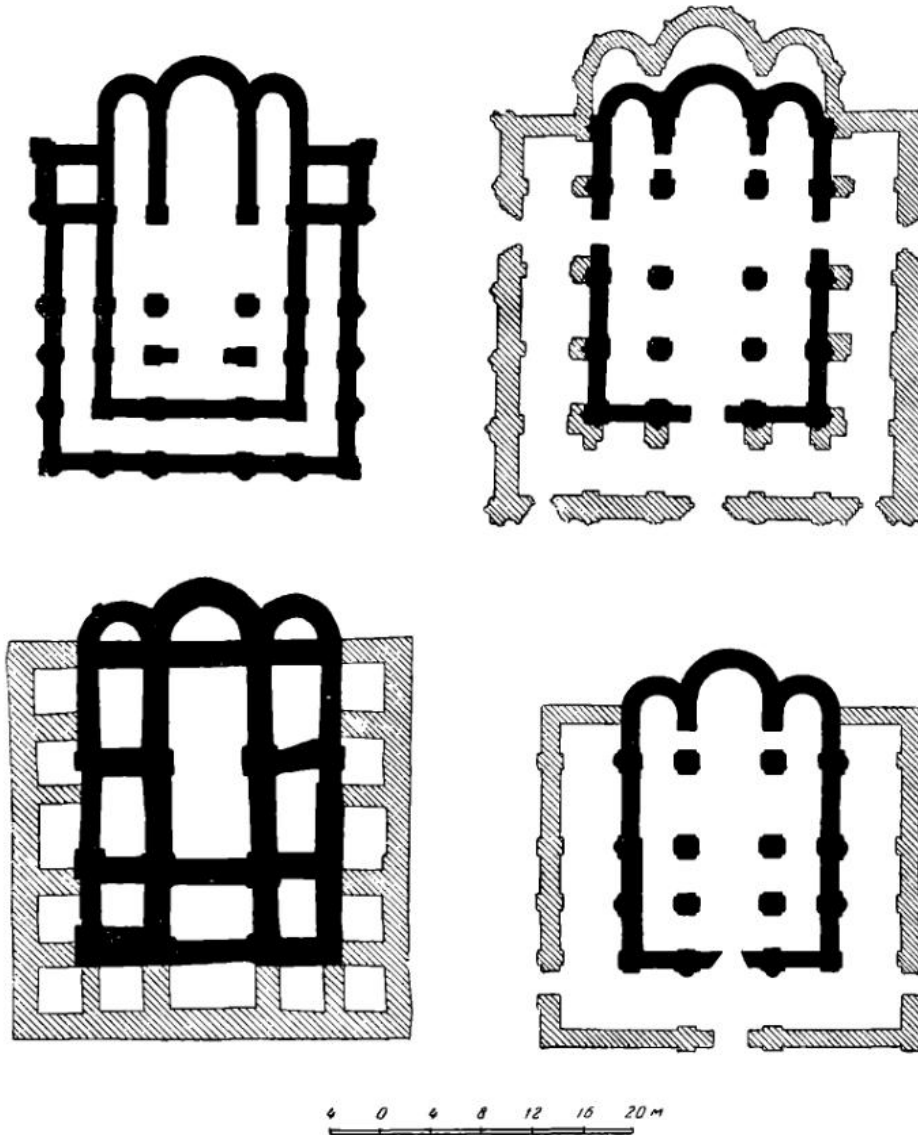

Рис. 52. Благовещенский собор 1186 г. в Чернигове и его аналоги: Успенский собор во Владимире; Успенский собор в Галиче; «Великая церковь» на Смядыни в Смоленске.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что лживый и сладкоречивый придворный историограф Рюрика Ростиславича очень скромно описывает постройку церкви на Новом дворе в 1197 г., тогда как все предшествующие и последующие постройки воспеты им самым «высоким штилем». Отметим, что за год-полтора до этого, зимой 1195 г., «потрясая земля по всей области Киевской и по Киеву церквы каменные и деревянные колебахуся и вси людие видяще от страха не

Руководствуясь «Златым словом» Святослава, мы бегло ознакомились с важнейшими архитектурными памятниками наиболее значительных русских князей середины 1180-х годов. Выяснилось, что совершенно одинаковые по типу здания — большие храмы с наружными галереями (рис. 52) — создают:

Святослав Киевский в родовом гнезде — в Чернигове (в 1186 г.);

Всеволод III «Большое Гнездо» — во Владимире (в 1189 г.);

Ярослав Осмомысл — в Галиче (до 1187 г.);
Давид Ростиславич — в Смоленске (около 1191 г.).

Но из этих четырех примеров только черниговская церковь построена сразу как большое здание с галереями, а все остальные современники Святослава достраивали, расширяли старое, как бы подражая замыслу старейшего князя — Святослава. Грандиозные постройки, о которых мы можем судить по Успенскому собору во Владимире, несколько неожиданно возникают в 1180-е годы, воскрешая идею старых огромных соборов Ярославовой эпохи с их пышностью и широтой.

Черниговский собор был первым зданием, окруженным галереями усыпальницами после очень долгого перерыва.

Благовещенский собор 1183(?)—1186 г. в Чернигове является интереснейшим архитектурным памятником с богатой и разнообразной орнаментацией. По своему плану пышная постройка «великого и грозного» Святослава

воскрешала архитектурные традиции единой Руси XI столетия и вызвала подражание ряда князей-соперников в ближайшие годы после ее постройки (1185—1194).¹⁶⁹ Дальнейшие пути русского зодчества были уже иными и представителями их являются здания типа Свирской церкви, Троицкого собора во Пскове, Пятницы в Чернигове и др. Блестящая культура древней Руси в эпоху «Слова о полку Игореве» нашла свое отражение и в архитектуре.

Знакомясь со своеобразной школой зодчества князя Святослава Всеволодича, мы можем понять, почему автор «Слова», говоря о грднице Святослава, добавляет: «Ту немци и венеци, ту греци и морава поют славу Святъславлю»..

¹⁶⁹ Возможно, что появление в Византии в XIII в таких же церквей с галереями было подражанием обесцененной в борьбе с крестоносцами Империи русским образцам, сложившимся в эпоху могущества Руси.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДИЧ (ок. 1125—1194 гг.)

(Опыт исторической характеристики)

Раскопки в кремле древнего Чернигова в 1946—1947 гг. производились в таком участке города, который постоянно заставлял вспоминать своего властного хозяина — князя Святослава Всеволодича. Им в 1174 г. построена на княжьем дворе Михайловская церковь; с его княжеским доменом на верхней Десне связаны дружинники, строившие свои дома по деснинскому образцу в новом участке города у Стриженских ворот. С его именем связана постройка своеобразного и пышного собора 1186 г., вызвавшего подражание других русских князей. Ему посвящены вдохновенные строфы «Слова о полку Игореве», автор которого называл себя «песнотворцем святославим».

Исторический интерес личности этого князя, вызвавшего порой противоречивые оценки современников, весьма значителен. В 1170—1180 гг. он был «старейшим в Ольговичах» и успешно соперничал со Всеволодом Большое Гнездо. Но тем не менее в нашей литературе (даже в работах, разбирающих героев «Слова») Святослав Всеволодич рассмотрен лишь попутно. Монографий, посвященных ему, нет.

Данная заметка, не претендуя на полноту, пытается дать общую характеристику Святослава, основанную на разборе противоречивых и тенденциозных источников.

Следя за действиями этого князя, прочно связанного со своим родовым гнездом — Чер-

ниговом, мы постоянно выходим за рубежи одного Черниговского княжества и явно ощущаем напряженный пульс общерусской политической жизни второй половины XII века.¹

Летопись, враждебная Ольговичам, не сохранила нам годы рождения кн. Святослава Всеволодича. Судя по времени выступления на политической арене (1140) и году женитьбы (1143), князь Святослав родился, вероятно, около 1125 г.

Его отцом был Всеволод, сын Олега «Гориславича», а мать — неизвестная по имени внучка Мономаха (дочь Мстислава Владимировича).

Детство его проходило в Чернигове, где Всеволод находился с 1127 г. до 1139 г., когда он стал великим князем киевским. Находясь при отце, юноша Святослав получает в княжение сначала город Туров, а затем и центр богатой Волыни — Владимир. Предполагалось даже послать его князем в Новгород-Великий. Все Ольговичи роптали на Всеволода за такое предпочтение сына всей родне.

В 1143 г. Всеволод женил сына на полоц-

¹ Ввиду того что вся биографическая заметка построена преимущественно на тексте Ипатьевской летописи, я опускаю указания на нее, ограничиваясь лишь годами. Стремясь к краткости, опускаю и многочисленную литературу «Слова о полку Игореве», касающуюся частных вопросов.

кой княжне, дочери князя Василька Рогволодовича (внука Всеслава-волхва).² Когда в 1146 г. умер в Киеве Всеволод Ольгович, молодой Святослав остался в окружении враждебных родичей, недовольных его быстрым возвышением при отце.

Он еще не окреп, не обзавелся дружиной, не освоил еще прочной и богатой вотчины, и для него началось многолетнее существование на положении младшего вассала черниговских или киевских князей. В списках князей его упоминали на последнем месте, в битвах его отправляли в передовых частях легкой кавалерии. Лавируя между враждующими князьями, он много раз менял сюзерена и в порядке коммандации «закладывался» то за киевского, то за черниговского, то за смоленского князя. Он на себе вполне почувствовал всю тяжесть усобиц и смены князей. Его уделом одно время (в 1146 г.) были 5 городков на Волыни (Котельница, Бужск, Межибожье); затем он утратил этот удел и получил Сновск и Стародуб на Черниговщине и Корачев и Воротыньск в лесной земле Вятичей, но и из этих городов часть была отнята у него дядей «зане же бе его отступил».

По воле своих сюзеренов он осаждал города, грозил горожанам предать их половцам. Даже тогда, когда он не хотел выступать в поход из родственных соображений, он «неволею еха» по приказу старшего князя. Нередко ему приходилось воевать против своих недавних союзников или сюзеренов. Иной раз, просчитавшись в своих расчетах, Святослав Всеволодич должен был бить челом и просить пощады. «Избезумился есть!» восклицал он, приехав с повинной к Юрию Долгорукому (1155 г.).

В 1158 г. князь Святослав перестал быть арьер-вассалом и получил второй после Чернигова город Левобережья — Новгород Северский. Этим он уже более прочно связал себя со всем «Ольговым гнездом» — Ольговичами и Давыдовичами. В 1164 г., когда умер старший из Ольговичей — Святослав, то в союзе с черниговским епископом Святослав Всеволодич овладевает Черниговом, опережая своего двоюродного брата Олега. С Олегом начинается десятилетняя вражда. В этом соперничестве были использованы все средства — от открытой войны и сожжения городов до воздействия проповедью. После одного из внезапных нападений Олега, по заданию Святослава Всеволодича было прочитано 2 мая 1175 г. в Спасском соборе в Чернигове

² Не отсюда ли и в «Слове о полку Игореве» такая осведомленность о всех полоцких делах? «Песнотворец Святославль» называет таких полоцких князей, которых мы не знали по летописям: Изяслав сын Васильков (может быть брат Святославовой княгини?) и Ярослав. Князя Васильковичи (шурья Святослава Всеволодича) были его союзниками в 1181 г. в борьбе против Ростиславичей.

«Слово о князьях», призывавшее вассалов к повиновению. Как черниговский князь, как старейший в Ольговичах, Святослав принимает участие во многих крупных делах, в походах на Киев.

Дальнейшие события из жизни Святослава освещены двумя группами источников, на характеристике которых мы и остановимся.

Одна группа — это «Слово о князьях» и «Слово о полку Игореве». Другая группа — летописи, вошедшие в Ипатьевский свод.

Летопись крайне враждебно настроена к Святославу Всеволодичу и постоянно подчеркивает то его вероломство, то жестокость по отношению к вассалам, упрекает в ограблении Киева (в 1174 г.). Песнотворец Святослав, как называет себя сам автор «Слова о полку Игореве» в конце поэмы, постоянно подчеркивал положительные черты своего патрона, всеми средствами старался обрисовать его как патриота и защитника всей Русской земли. После его окончательного утверждения в Киеве с 1180 г. и побед над многими половецкими ханами это легко было сделать. «Песнотворец» был в лучшем положении, чем автор «Слова о князьях», выбравший в качестве идеала двоюродного деда Святослава Всеволодича князя Давида Святославича.

Для «песнотворца» «Слова о полку Игореве» Святослав — великий и грозный. Это ему, Святославу, «немци и венецици, греци и морави» поют славу, это он «усыпил котору грозою», утишил междоусобия. Он — сюзерен, «отец» всех Ольговичей, всего «Ольгова хороброго гнезда» (хотя Игорь и Всеволод — его двоюродные братья). Он — победитель «железных великих полков половецких», в его грядницу «падеся Кобяк». Именно в его уста вкладывает «песнотворец» золотое слово, горячее обращение ко всем русским князьям стать за землю Русскую.

Совершенно иную оценку Святослава Всеволодича находим мы в летописи. Лаврентьевская и Новгородская летописи сравнительно мало сообщают о князе Святославе, зато в Ипатьевской летописи его имя мы встречаем на каждой странице, но подбор фактов и оценка их летописцем почти всегда враждебны, в лучшем случае — сдержанны. Явные сторонники Ростиславичей, летописцы в 1170-х — 1180-х годах очень неодобрительны к «Ольгову гнезду» и его старейшему представителю Святославу Всеволодичу.

В 1174 г. летописец явно насмехается над неудачей Святослава Всеволодича, выполнявшего волю Андрея Боголюбского и потерпевшего поражение под Вышгородом, несмотря на превосходство сил. В этом же году описывается, как Святослав ограбил Киев, сотворив много зла своему двоюродному брату Олегу. Далее в 1177 г. летописец возмущен

тем, что нападение половцев на Русь вызвало злорадство Ольговичей. Особенно ярко проявились политические симпатии летописца в оценке событий 1180 г. Всеволод Юрьевич в далеком Владимире оковал сына Святослава Всеволодича, а Святослав Всеволодич «располося гневом и разжеся яростью» против Ростиславичей и решил сорвать зло на них. Далее рассказывается, как князь Давид Ростиславич, полагаясь на существовавшие договоры со Святославом Всеволодичем, мирно охотился на Днепре в ладьях. В охоте принимала участие и его княгиня. Разъяренный Святослав «помысли во уме своем, яко Давыда иму, а Рюрика выжену из земли и прииму един власть Русскую...» Монах-летописец добавляет: «бог бо не любит высокие мысли нашия; возносящегося смиряет». Святослав без совещания со своими боярами внезапно напал на Давида и тот едва успел с княгиней вскочить в ладью и уплыть под стрелами прискакавших на берег неожиданных врагов. С этого года летопись Ростиславичей начинается как бы противопоставлять старейшему, наиболее опасному Ольговичу — Святославу Всеволодичу — Игоря и Буй-Тура Всеволода.

Даже тогда, когда Святослав стал киевским князем, летописец не изменил своего отношения к нему. Обычное описание торжественного въезда в Киев у летописца опущено.

Победа над Кобяком в 1183 г. и Кончаком в 1184 г. поделена автором летописи между Святославом и его постоянным соперником — Рюриком Ростиславичем. Инициатором борьбы с половцами, активным сторонником далеких походов в летописи выступает Рюрик Ростиславич. Отказ от похода в 1187 г. князя Ярослава черниговского «Слово о полку Игореве» отразило только сдержанным упреком Святослава, который сожалел, что не видит «сильного и богатого и многоволя брата». В летописи же Рюрик понуживает Ярослава: «А брате, кланяю ти ся: ты мене деля пойдидо полудня [половцы были за пол-перехода], а яз тебе деля еду десять дней».

Под 1189 г. описывается, как Рюрик упрекал Святослава Всеволодича в вероломстве: («соступился еси ряду!») и как оправдывался Святослав. На следующий год Святослав вновь был уличен в нарушении крестных грамот, в поминании «давних тяжей».

Летописец-монах (Выдубицкого монастыря), возможно присутствовавший при смерти князя Святослава, записал даже его последние слова, его предсмертный разговор с женой, но, верный своим симпатиям к Рюрику, он отметил очень сухим некрологом смерть Святослава, тогда как по поводу смерти Ростиславичей он бывал чрезвычайно красноречив и щедр на гиперболы.

Смерть Святослава окончательно развязала язык летописца и он постоянно хулит «Ольговичей». После смерти Святослава Всеволоди-

ча этот собирательный термин не сходит со страниц летописи Рюрика Ростиславича.

Если мы вернемся к «Слову о полку Игореве» и посмотрим, как относился «песнотворец Святославов» к Ростиславичам, воспетым монастырским летописанием, то увидим, что он нигде не перешел границ простой несколько суховатой вежливости.

В «Златом слове» Святослава, где такие князья, как Всеволод Суздальский или Ярослав Галицкий, воспеты в самых поэтических образах, на долю Ростиславичей достались весьма скромные строки. Если Всеволод может «Дон шелома выльяти», если Ярослав «суды рядит до Дуная и отворяет врата Киеву», если Роман и Мстислав сравнены с соколами, то о Рюрике Ростиславиче, князе Русской земли, соправителе Святослава Всеволодича и о его брате Давиде Ростиславиче сказано лишь то, что их шлемы плавают по крови, и израненная дружина ревет как туры. Немного! Ни одного лестного эпитета, ни одного слова восхваления! «Песнотворец» не мог обойти в своем обращении князя Киевщины — Рюрика и Смоленского князя Давида, но он дал почувствовать, что относится к ним сдержанно. Если летописец даже во время княжения Святослава в Киеве называл его значинником крамол, то «песнотворец Святославль», говоря об усобицах, о взаимной вражде князей, прежде всего вспоминает Ростиславичей: «О стонати Русской земле, помянувшу первую годину и первых князей... Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы... Но разное ся им хоботы пащут, копыа поют». Итак, перед нами две группы источников с прямо противоположной окраской: «Слово о князях» 1175 (автор, может быть, черниговский епископ Антоний?) и «Слово о полку Игореве» 1187 г. дают нам положительную, а в некоторых случаях панегирическую оценку дел и личности Святослава Всеволодича. Летопись, составленная из разновременных записей в Михайловском Выдубицком монастыре, вотчинном монастыре потомков Мономаха, всячески прославляла правнуков Владимира — Ростиславичей (Романа, Рюрика, Давида). Если «песнотворец Святославов» сохранял объективность и, воспевая своих Ольговичей, стремился всех князей сплотить вокруг идеи защиты Русской земли, то выдубицкие монахи зачастую утрачивали это чувство объективности и подбирали те факты, которые были выгодны только Ростиславичам.³

Учитывая недоброжелательную предубежденность летописцев к Святославу Всеволо-

³ Вполне возможно, что в руках летописца был княжеский архив. Целый ряд княжеских речений послан, союзникам, и врагам носит характер не устной речи, записанной летописцем, а пересказа подлинных грамот. В ряде случаев близость текста летописи к формулам грамот очень велика.

дичу, продолжим обзор основных фактов его долголетней жизни.

С 1175 г. основными врагами Святослава становятся четыре брата Ростиславичи: Мстислав, Роман, Рюрик и Давид. Ростиславичи, владевшие Смоленском, постепенно усиливались в Среднем Приднепровьи, овладев Белгородом, Вышгородом, Овручем и Торческом, а затем и Киевом. В эти годы Святослав Всеволодич выходит на путь широкой политики.

В 1177 г., когда половцы по вине одного из Ростиславичей (Давида) напали на Русь, Святослав Всеволодич приехал в Киев к Роману Ростиславичу и требовал сурового наказания виновника набега, не устерегшего половцев: «Оже ся князь извинить — то в волость, а муж — в голову. Ряд наш есть таков». Хотя летопись и говорит о том, что Ольговичи обрадовались половецкому набегу, мы не видим этой радости в действиях Святослава Всеволодича. Наоборот, он требует лишить волости Давида, ссылаясь на обычное право и напоминая, что боярин за такую вину заплатил бы головой, а свою речь он начал словами: «Брате! Я не ищу под тобою ничего же, но ряд наш так есть...» Даже недоброжелательный летописец не скрыл от нас этих слов Святослава.

В начавшейся все же усобице на стороне Святослава Всеволодича были Черные Клобуки и горожане самого Киева. На Ильин день Святослав въехал в Киев, но скоро ему пришлось бежать. Лишь угроза нового половецкого набега заставила Ростиславичей уступить ему Киев. Летописец, разумеется, изображает это как результат миролюбия Ростиславичей («не хотяче губити Русской земли и крестьянской крови проливати!»).

На этот раз Святослав, очевидно, добился всей полноты власти в «Русской земли», но продолжал часто бывать в Чернигове и даже жил здесь подолгу. Возможно к этому времени и относится выделение в Чернигове особого участка в детинце для Святослава. Положение киевского князя позволило Святославу вступить за рязанских князей и пойти против самого Всеволода Большое Гнездо. Симпатии к рязанским князьям вытекали, во-первых, из того, что Рязань входила в Черниговскую епархию, а, во-вторых, из соседства черниговских владений в вятичах на Оке с рязанскими владениями в земле тех же окских вятичей.

В 1179 г. умер Олег Святославич, и Святослав Всеволодич окончательно стал старейшим в Ольговичах без соперников. Оставшиеся в живых его двоюродные братья — Игорь и Всеволод (герон «Слова») и его родной брат Ярослав были полностью в его воле. Он ездил в Чернигов или в Любеч, куда призывал «братью свою» и «деял ряды». Кроме то-

го, он часто ездил в далекий вятический Корачев «орудей своих деяя», т. е. по своим личным владельческим делам.

Князь Святослав женил одного сына на племяннице Всеволода Суздальского, а другого на дочери Казимира Польского, один из его сыновей (Владимир) вскоре стал князем в Великом Новгороде.

Положение Святослава казалось вполне прочным и благополучным, но внутри его владений, под самым Киевом — в Белгороде и Вышгороде были замки его соперников — Ростиславичей. В 1180 г. Святослав начал решительные и широко задуманные действия против своих врагов. Хотя летопись и хочет изобразить события как неожиданный каприз Святослава, который «располося гневом и разжеся яростью», но на самом деле действия Святослава Всеволодича выглядят иначе. Эпизод на охоте, когда Святослав без совещания с боярами внезапно напал на мирно охотившегося в ладьях со своей княгиней Давида — это лишь одно из звеньев стратегической цепи.

Незадолго перед этим Святослав совещался в Любече со всеми своими вассалами, а далее последовали такие широкие стратегические операции, в которых были приведены в движение и родичи жены — полоцкие князья, и Новгород Великий, и далекие ливонцы, и литовцы, а также «поганые толковины» (союзники) — половецкие ханы Кобяк и Кончак. Злополучный Давид Ростиславич не нашел себе покоя ни в Киевщине, ни в болотах Западной Двины и под натиском войск союзников Святослава бежал в Смоленск.

Пока Святослав ездил по северным землям, Киевом овладел Рюрик Ростиславич, у которого оставалась лишь конница черных клобуков Поросья.

Происшедший у Долобска бой принес поражение «поганым толковинам» Святослава, но Рюрик был достаточно осторожен и понемногу, что у Святослава еще много сил, и решил отказаться от Киева, оставив за собою Белгород и всю Киевщину — «Русскую землю». Летописец снова в пышных выражениях хвалит Рюрика за то, что он «возлюбил мира паче рати и пожити хотя в братолюбьи» предложил Святославу Киев «бе бо Святослав старей леты».

Мечты Святослава «яко Давида иму, а Рюрика выжену из земле и прииму един власть Русскую и с братьею...» не исполнились. Наоборот, Рюрик узаконил договором своеобразный дуумвират: себе взял всю «Русскую землю» (т. е. Среднее Приднепровье), а Святославу Всеволодичу уступал старшинство в русских князьях и Киев.

По соседству с Киевом начала цвести новая столица — Белгород, резиденция Рюрика. Здесь он строит церкви, дворцы, здесь празд-

нует пышную свадьбу своего четырнадцатилетнего сына Ростислава и восьмилетней дочери Всеволода III Верхуслavy. Личной, неотъемлемой вотчиной Рюрика (такой как у Святослава вятический Корачев) был древлянский город Овруч-Въручий, куда он ездил почти каждый год «орудей своих делая», где укрывал беглецов, пострадавших от усобиц, и где ему самому пришлось скрываться в монашеской одежде «видя свое непогодье» (1202—1207 гг.).

В 1180 г. Святослав Всеволодич уже окончательно стал князем Киева (он был, кажется, люб киянам). У него восстановились хорошие отношения со Всеволодом Большое Гнездо и наладились отношения с Рюриком. Сына Глеба он женил на Рюриковне, а сыну Мстиславу привел жену ясыню-аланку, родственницу Всеволода. Начиная с этого времени, летопись Ростиславичей не допускает никаких выпадов против Святослава, но всегда стремится поделить его славу с его соправителем Рюриком («бог дасть победу князю рускыма Святославу Всеволодичю и великому князю Рюрикови Ростиславичю», 1183 г.).

В противовес старейшему «Ольговичу», летописец упорно выдвигает третьего по старшинству из них Новгород Северского князя Игоря Святославича; он хвалит Игоря, вкладывает в его уста рыцарски-добродетельные сентенции.⁴

Дуумвират Святослава и Рюрика сказывался не только в разделе владений в «Русской земле», но и в сфере внешних сношений: в 1189 г. Святослав тайком от своего соправителя пересылался к венгерскому королю. Король прислал грамоту, полную неясных намеков, понятных лишь самому адресату («чим ти ся есть обещал, то ти исполню»). Рюрик обиделся и выговаривал Святославу: «како еси послал сына своего ко королеви, а со мною не спрошався? Соступился еси ряду!» Из дальнейшего выяснилось, что король обещал Святославу Галич. Поход под Галич был совместным и там Святослав снова пытался осуществить свою старую мечту — он отдавал Рюрику Галич, а «собе хотяшетъ всей Руской земли около Киева»; Рюрик не согласился.

⁴ Летописец Ростиславичей хвалит Игоря за предоставление приюта изгоя Владимиру Галицкому. Игорю приписывается фраза «добро бьет тишина» или патристическая фраза: «поганые есть всем нам обчий ворог». Князь Игорь так хотел соединиться с войсками Святослава, что, несмотря на туман, он стремился «потьскы» — по-птичь перелететь через степь. Такая же восторженная характеристика встречается и при описании похода 1185 г. Летописец Всеволода Суздальского (Лаврентьевская летопись) дает совершенно иную оценку Игорю Святославичю, выставляя его недалеким, заискивающим и хвастливым. Возможно, что Ростиславичи стремились привлечь Игоря на свою сторону и тем самым расколоть Ольговичей.

Ростиславичи не раз припоминали Святославу злополучный договор о дуумвирате. Так было в 1190 г., когда Святослав созвал съезд всех Ольговичей (вероятно, в Чернигове) и отказался от совместного с Рюриком похода на половцев. Рюрик писал ему: «Ты, брате, нам крест целовал на *романове ряду*, тако же наш брат Роман седел в Кыеве дажь стояшь в том ряду — то ты нам брат, паки ли поминаешь давняя тяжа, которые были при Ростиславе, *то ступил еси ряду* мы ся в то не дамы. *А се ти крестные грамоты*».

Святослав долго отказывался подписать грамоты. Причиной размолвки была вражда Святослава с одним из торческих военачальников — Кунтувдеем. Торки и берендеи в руках Рюрика представляли собой нечто вроде дворянской конницы, подчиненной лично князю. На таком же положении были половцы у грузинских царей.

Так до конца своих дней киевский князь Святослав Всеволодич и не добился всей полноты власти, до самой своей смерти он чувствовал себя в Киевской земле неполноправным. Настоящим хозяином он был только в Левобережьи. Чернигов, где тихо княжил его брат Ярослав, был надежным оплотом и для него, старейшего в Ольговичах. Еще в ранней молодости Святослав говорил о Чернигове своему сюзерену: «Отче! Пусти мя Чернигову наперед — *тамо ми жизнь вся*». Именно поэтому, став киевским князем, он строит свой собор не в Кыеве, а в Чернигове. Часто ездил он и в свой далекий Корачев, возвращаясь оттуда по Десне в насадах через Чернигов в Киев. Этим путем ехал он и в 1194 г. уже безнадежно больной. Благовещенская церковь в Чернигове поставлена в той части города, откуда хорошо виден восточный Корачевский путь. Он умер на своем новом дворе под Киевом. В последние минуты он, по словам летописца, видел какие-то «видения», постригся в монахи и умер.

Летописец, подробно описавший все стадии угасания семидесятилетнего князя, и, очевидно, стоявший у постели умирающего, записал в летописи очень сухую характеристику ушедшего князя и тотчас же цветисто описал радость киевлян и всей земли по поводу вступления в Киев Рюрика Ростиславича и пированье братьев Рюрика и Давида.

Великий грозный Святослав «Слова о полку Игореве» и соправитель великого князя Рюрика, то отступающий от «ряда», то оправдывающийся киевский князь летописи — это как бы два разных человека, настолько различные точки зрения обоих авторов. И ни одного из них нельзя упрекнуть в полной фальсификации — каждый из них выбирал по своему вкусу факты из жизни Святослава, каждый из них писал портрет теми красками, которые

нравилась ему. Выдубицкий монах, автор летописи Ростиславичей, нашедший столько ярких и теплых слов для всех поколений этой семьи (от старого Ростислава до восьмилетней Верхуславы или новорожденной Евфросиньи-Измарагд), воспевавший мужество в бою, государственную мудрость и любовь к архитектуре своих покровителей Ростиславичей, он по отношению к «Ольговичам» в большинстве случаев враждебен и во всех случаях сдержан.

Но, отбросив тенденциозность летописи, мы можем поверить, что Святослав был и своекорыстен и властолюбив, что он, как и все его современники, нередко нарушал договоры, заключал тайные союзы, тяготясь опекой соправителя. Как ни старался монах затушевать воинские способности Святослава, ему это не удалось вполне: даже в кривом зеркале летописи мы ощущаем, например, грандиозность операции 1180 г., развернувшейся от Балтики до половецких степей. Летописец не мог скрыть от нас любовь горожан Киева к Святославу. Благодаря летописи мы знаем живого Святослава с его повседневными заботами, живыми человеческими чертами. Летописная характеристика — не карикатура, а натуралистический портрет, нарисованный, правда, кистью недруга, тогда как характеристика автора «Слова» — это цветистая торжественная мозаика, набранная из лучших сторон его биографии. Ни одним словом не обмолвился «песнотворец Святославов» о соправительстве с Рюриком, о постоянном соперничестве между ними. С величайшим тактом обошел он все скользкие вопросы, которые могли помешать его основной цели — объединению Руси.

Верна ли характеристика Святослава, данная в 1187 г. «Словом»? «Котору» между Ольговичами, обособление вассалов от главного князя он действительно «усыпил грозою» и «притрепал своими сильными полки». Он сделал даже больше — к харалужным мечам он присоединил оружие словесное — «Слово о князьях», направленное против Олега Святославича. Он действительно «наступи на землю Половецкую» и исторгнул «поганого Кобяка» с дунайского лукоморья.

Походы 1183—1187 гг. были блестящими страницами в истории русского оружия, когда половцам не помогли ни впервые примененные катапульты, ни мобилизация больших сил вплоть до дунайских лукоморских орд. Поведение Святослава во время «полка Игорева» в 1185 г., как оно описано в летописи, мало разнится от того, что в такой поэтической форме дано в «Слове». Святослав собирал воев, чтобы пойти на Дон на все лето. Узнав о «братьях своей еже шли суть на половци утаившися его и не любо бысть ему». Поражение Игоря огорчило его. «Святослав же то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече: «О, любя моя братья и сынове и

муже земле Русское! Дал ми бы бог притомити поганая, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю». Именно с этого и начинается в поэме «Златое слово» Святослава: «О моя сыновца Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати...»

В последнее время появились сомнения в том, что обращение ко всем князьям с призывом встать за землю Русскую за раны Игоревы вложено автором в уста Святослава.⁵ Но не следует в этом сомневаться. Узнав о поражении русских войск и нападении половцев, когда «бысть скорбь и туга люта», он послал к Давиду в Смоленск: «а поеди, брате, постережи земле Руское!» У Триполья собрались все «помочи» — войска всех созванных Святославом князей. На примере похода 1182 г. мы знаем, что приходили помочи из Переяславля, Луцка, Галича, Смоленска, Гродна, Пинска, Чернигова и Новгорода-Северского и других городов. Ко всем участникам этого похода и обращался Святослав в 1185 г. Летописец в силу своего положения придворного историографа Ростиславичей упомянул о посылке только к одному Давиду, но наличие в сборном пункте «иных помочей» свидетельствует о том, что горячий патриотический призыв Святослава не был тщетен. Лаврентьевская летопись не оставляет никаких сомнений в том, что «Златое слово» не было только словом: «А князь Святослав посла по сыны свое и по все князи. И собравшася к нему к Киеву и выступиша к Каневу. Половци же услышавше всю землю Русскую идущу, бежаще за Дон» (Лавр. лет., 1186 г.).

«Златое слово» Святослава рисует нам его важнейших современников, крупнейших князей Руси: Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Осмомысла Галицкого, Рюрика и Давида Ростиславичей. Каждый из них представляет большой исторический интерес; каждый из них был деятелем объединения мелких, дробных уделов в более крупные княжества, все они в меру сил старались приостановить процесс распада Руси на вотчинные молекулы.

Умудренный опытом феодальных усобиц, прошедший тяжелую школу в качестве князя-вассала, Святослав Всеволодич в последний период своей жизни в 1180—1194 гг. был искренним сторонником единства Руси; он перестал считать Кобяка и Кончака своими союзниками «погаными толковинами» и мужественно защищал всю Русскую землю, понуждая к этому и свою братью и «окольных князей».

Связанный родственными узами со славянским Западом и Византией, он действительно

⁵ Алексей Югов. Слово о полку Игореве. М., 1945. О «Златом слове», стр. 151.

мог слушать в своем тереме златоверхом, как «ту немци и венецици, греци и морава поют славу» ему.

К чести Святослава Всеволодича следует отнести и то, что именно при его дворе вос-

питался такой горячий поклонник его самого и страстный патриот всей Руси, как автор «Слова о полку Игореве», который с гордостью называет себя в конце поэмы «песнотворцем Святославим».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

М. М. Герасимов

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ ИЗ ГРОБНИЦЫ № 4

Осенью 1947 г. Б. А. Рыбаков, передавая мне для работы череп, просил сразу же дать хотя бы самые предварительные сведения о возрасте, поле и антропологическом типе. Эти вопросы были вполне законны, так как археологические данные позволяли гипотетически связывать найденный череп с определенным историческим лицом и в случае совпадения основных данных — пола, возраста, антропологического типа — эта гипотеза могла стать фактом. В этом случае дальнейшая обработка черепа, уточнение предварительного анализа могли найти некоторое подтверждение в летописных свидетельствах или генеалогических данных. Естественно, что такая работа должна быть проведена в полном неведении о возможной принадлежности черепа тому или иному историческому деятелю. При соблюдении этого основного условия каждый, даже мелкий, факт может быть принят как определенное доказательство, а совпадение многих данных будет свидетельствовать о правильности диагностики и подлинности проведенного отождествления черепа с определенным лицом.

Трудно, конечно, на основании беглого осмотра черепа дать даже очень суммарную характеристику внешнего облика некогда жившего человека и эта характеристика не может и не должна претендовать на точность. При определении пола и возраста можно бывает иногда дать почти безоговорочное заключение, но это только при наличии очень характерного черепа. Чаще же пол определяется с оговоркой, а возраст — с колебанием 5—7 лет в ту или иную сторону. Значительно труднее на основании одного черепа дать отчетливую характеристику антропологической категории. Еще менее вероятны всякие заключения о внешности, они должны быть весьма условны. Отчетливое представление о внешности возможно дать только методом реконструкции, т. е. в результате кропотливого изучения деталей данного черепа и тщательного воспроизведения отдельных морфологических черт и индивидуальных особенностей мягких покровов в соответствии с конкретным черепом. В данном случае диагностика затруднялась дефектностью черепа, так

как отсутствовала нижняя челюсть и многие зубы.

Тем не менее вопрос выяснения данной личности был столь интересен, что понятна и заинтересованность Б. А. Рыбакова и мое желание возможно точнее и определеннее решить этот вопрос.

Обычно идентификация исторического лица осуществляется посредством совмещения прижизненных изображений (фотографий, живописных или скульптурных портретов) с черепом, ему приписываемым. Задача решается простым совпадением или несовпадением иконографии с черепом. Наш случай значительно сложнее. Иконографии нет. Только на основании некоторого совпадения летописных данных с археологической картиной находки исследователь гипотетически мог предположить, что данные останки связаны с определенным историческим лицом. В распоряжении исследователя археолога-историка, таким образом, были летописные сведения биографического и генеалогического порядка, а в моем распоряжении только череп и то неполноценный (без нижней челюсти). Я совершенно не знал условий находки — ни данных археологического порядка, ни места, откуда происходит данный череп, ни тем более предварительных соображений автора раскопок Б. А. Рыбакова.

Итак, определение пола, возраста и антропологическая характеристика и даже приближенное решение данных вопросов укрепляло бы гипотезу о возможности отнесения черепа к тому или иному лицу.

Первоначальное заключение. При первом же взгляде на данный череп было отмечено, что он очень невелик и тем не менее по ряду признаков мог быть только мужским. Одновременно было констатировано, что это череп очень сильного человека, о чем свидетельствует внутренний рельеф височной впадины с четким рисунком гребней прикрепления височного мускула, сильная перекрученность и ребристость дуги скуловой кости, резкий рельеф сосцевидного отростка и четкие гребни затылочной кости в местах прикрепления вышних мышц. Характер гребней прикрепления

мышечных тяжей также свидетельствует о значительной мускульной силе субъекта. Перед глазами невольно возникает образ высокого мужчины с широкими плечами, мощной грудью, сильной шеей и маленькой головой.

Определение возраста оказалось труднее. По ряду основных возрастных признаков череп вероятно принадлежал человеку в возрасте 40 лет. Однако налицо были и такие признаки, которые характерны для более старшего возраста — где-то на рубеже 50 лет.

По своему антропологическому типу череп близок черепам из северославянских курганов, с некоторой тенденцией к брахицефалии, с рядом смешанных признаков: с одной стороны, как бы северных элементов, с другой — более отчетливыми признаками средиземноморского типа. Эти признаки отчетливо выступают сквозь основной северославянский тип и выражаются в резкой форме грацилизации тонкокостного широкого низкого лица, с резко профилированным, резко выступающим носом, малым альвеолярным отростком верхней челюсти, округлыми тонкими орбитами и слабым надбровьем. Я сообщил Б. А. Рыбакову, что сумма этих несомненно средиземноморских признаков указывает на наличие вероятной греческой крови во втором или третьем поколении.

Как ни суммарна была эта характеристика, явившаяся результатом предварительного беглого осмотра черепа, она в ряде основных данных вполне подтвердила первоначальное гипотетическое предположение Б. А. Рыбакова относительно принадлежности данного черепа. Все отмеченные качественные признаки черепа как будто бы не только не опровергали, но подтверждали и дополняли выдвинутую им гипотезу. Это обстоятельство дало право продолжить изучение черепа и создать вероятный облик предполагаемого исторического лица.

Так как для решения вопросов, связанных с антропологической характеристикой типа, чрезвычайно важно знать примерное время существования данного человека и место, где был обнаружен череп, Б. А. Рыбаков сообщил мне, что время вероятно XI—XIII вв., а череп найден в одном из черниговских храмов в гробнице № 4. Для простоты текстуального изложения я буду этот череп именовать № 4 в отличие от других, с которыми придется его сравнивать.

Сохранность черепа: Череп без нижней челюсти. Общая сохранность свода хорошая. Лицевой скелет имеет незначительный частично дефект: отсутствуют носовые косточки, сильно потерта правая скуловая кость, утрачены почти все зубы. Зубы выпали спустя много лет после смерти, вероятно в момент первоначального вскрытия гробницы (момент ограбления). Сохранились зубы: с

правой стороны — первый, второй и третий коренной, с левой стороны — только первый коренной.

Пол: мужской.

В о з р а с т: Определение возраста затруднено отсутствием зубов. Однако состояние альвеол и сохранившихся зубов свидетельствует о том, что это был человек зрелого возраста, так как коренные только начали стираться. Оба первых коренных в передней и во внутренней своей части имеют стершиеся бугорки, второй и третий коренной почти не имеют следов стертости. Такое состояние стертости зубов можно наблюдать у современных людей в возрасте от 40 до 45 лет. Все швы свода черепа сильно уплотнены, но рисунок почти на всем протяжении швов сохраняется. Такое состояние швов обычно наблюдается не ранее 45 лет. Основание черепа уплотнено, процесс окостенения завершен, что также указывает на возраст от 45 до 48 лет. Никаких явлений одряхления не наблюдается. Четкость гребней лицевого скелета, особенно в областях прикрепления височной мышцы и жевательной, а также в области прикрепления шейных и выйных мышц, свидетельствует о большой физической силе субъекта.

О п и с а н и е ч е р е п а. Горизонтальная проекция черепа сфеноидная; форма свода уплощенно крышевидная; надбровные дуги слабо развиты — I; форма лица овоидная (?); орбиты округлые, слабо профилированные, с замкнутой камерой, тонкими краями. Носовое отверстие сердцевидно, удлинено, с приостренным подносовым краем. Носовая ось отчетливо моделирована, тонкая, в основании острорыберная, вероятно значительно более трех баллов (? — кончик обломан). Глабелла по степени выступания близка к 3 баллам. Спинка носа слегка волниста. Собачья ямка отчетлива, но не глубока. Скуловые уплощенные, с усиленным резким рельефом. Лицо невысокое, ортогнатное. Места прикрепления жевательных и шейных мышц обладают сильным рельефом.

Антропологические измерения черепа дают следующие основные показатели: череп субдолихоцефален, указатель 80.62; лицо низкое, особенно за счет укорочения альвеолярного отростка. Свод низкий, с покатым лбом, слабо выраженными лобными буграми, с уплощенной глабеллой, слабо развитым надбровьем. Любопытно наличие медиального гребня на протяжении всей лобной кости и передней части теменных.

Необходимо было выяснить, принадлежал ли данный череп (№ 4) одному из представителей коренного местного населения.

В 1947 г. на территории Черниговского Кремля В. Богусевичем был вскрыт дохристианский могильник. Одно из погребений этого могильника, расположенное в 50 м к востоку от Спасского собора XI в., было обна-

ружено на глубине 2 м. Костяк лежал на спине, ориентирован головой на запад, с вытянутыми ногами и руками, сложенными на лобковых костях. При костяке найдена керамика типа киевских амфор, горшки и стеклянные браслеты. Богусевич на основании стратиграфических данных склонен утверждать, что этот могильник существовал до постройки церкви, т. е. до XI—XII вв., следовательно это один из древнейших некрополей старого Чернигова (череп 1).

При сравнении черепа из данного захоронения с черепом № 4, стало совершенно очевидно, что это различные антропологические категории и что нет никаких оснований говорить о том, что череп из гробницы № 4 принадлежит коренному черниговцу (индивидуальные измерения см. в приведенной таблице).

Индивидуальные измерения черепов из Чернигова № 4 п 1

1. Наибольший продольный диаметр	176	198
2. Инионный продольный диаметр	162	186
3. Поперечный диаметр	142	128
4. Черепной указатель I 3:1	80.68	64.64
5. Черепной указатель II 3:2	87.65	68.82
6. Высота	118	120
7. Высота ушная	101	109
8. Выотно-продольный указатель 6:1	67.04	60.60
9. Выотно-поперечный указатель 6:3	83.09	93.75
10. Смешанный выотный указатель 8+9:2	75.06	77.17
11. Ушной диаметр	125	108
12. Скуловой диаметр	134	124
13. Наибольшая ширина лба	115	124
14. Указатель 13:3	80.98	98.44
15. Наименьшая ширина лба	92	94
16. Лобный указатель 15:3	64.79	73.59
17. Высота лба nasion bregma	102	109
18. Носоосновной диаметр	94	97
19. Носоальвеолярный диаметр	64	69
20. Высота альвеолярного отростка	12	—
21. Лицевой указатель 19:12	48.13	55.62
22. Альвеолярно-основной диаметр	92	97
23. Показатель прогнатизма 22:18	97	—
24. Высота носа	52	48
25. Ширина носа	24	26.5
26. Носовой указатель 25:24	46.15	53.01
27. Верхняя ширина носовых костей	0.9	12.0
28. Наименьшая ширина носовых костей	0.9	8.0
29. Нижняя ширина носовых костей	17	21.0
30. Высота носовых костей	26	25
31. Ширина межорбитная	26	21
32. Ширина орбиты	39	38
33. Высота орбиты	36	33
34. Указатель орбитный 33:32	92.30	86.84
35. Высота орбитноальвеолярная	37.5	41
36. Ширина верхнего края альвеол	60.2	60.0
37. Высота альвеолярной дуги	51.2	56.1

В связи с этим необходимо было выяснить, к какой племенной группе славян ближе всего интересующий нас череп. С этой целью я обратился к измерениям различных славянских групп, изученных Т. А. Трофимовой, Г. Ф. Дебецом, Н. Н. Чебоксаровым (см. Г. Ф. Дебеч «Палеоантропология СССР»). Они дают средние измерения по большим группам вятичей, кривичей, новгородцев, радимичей, дреговичей, северян, древлян.

Из всех этих племенных категорий наиболее

близкими по цифровым показателям оказались новгородские черепа из могильника у д. Ново-Сиверская (раскопки Л. К. Ивановского, измерения Н. Н. Чебоксарова). Точно так же, как и черепа из Ново-Сиверской, интересующий нас череп № 4 из Чернигова имеет малые размеры и высокий головной указатель (Ново-Сиверская серия — 78.6; череп № 4 — 80.68). Если первые характеризуются отчетливо выраженной мезокефалией, то череп № 4 должен быть отнесен к крайней группе суббрахикефалов, причем это относится главным образом за счет увеличения поперечного диаметра (Ново-Сиверская серия — 138.2, череп № 4 — 142), однако лоб черниговского черепа № 4 значительно уже (Ново-Сиверская серия — 95.8, череп № 4 — 92), а лицо шире и ниже (скуловой диаметр Ново-Сиверской серии — 129.9, череп № 4 — 134; высота лица Ново-Сиверской серии — 65.5, череп № 4 — 64; лицевой диаметр Ново-Сиверской серии — 51.4, череп № 4 — 46.13). Малая величина лица должна быть отнесена в первую очередь за счет сильного укорочения альвеолярного отростка верхней челюсти.

Основным отличием черепа № 4 от черепов Ново-Сиверской серии безусловно следует считать сильное выступание тонкого носа. Боковой край грушевидного отверстия резко профилирован, с приостренным подносовым краем, с резко выступающей тонкой носовой остью.

Увеличение головного указателя, малая высота лица, резкое выступание носа вероятно следует объяснять наличием средиземноморского элемента. Это нашло свое отражение и в общей грацилизации лица, в форме глабеллы и надбровья, а равно и в форме глазниц.

В процессе реконструкции был выявлен ряд черт, напоминавших ранее мною реконструированную голову Ярослава. Невысокий лоб с его своеобразной покатостью, отчетливо выраженный медиальным гребнем, сильно выступающий нос — все это как бы в ослабленной, облегченной форме напоминает черты Ярослава Мудрого и может явиться намеком на очень отдаленное родство. Отмеченные выше средиземноморские элементы как-то отчетливее и может быть являются свидетельством близкого родства с греками во втором или третьем поколении. Следует отметить, что ряд антропологических черт свидетельствует о крайне смешанном антропологическом типе, но в комплексе этих признаков совершенно отсутствует монголоидный элемент.

Итак в своей основе это суббрахикефальный европеоидный тип, с широким низким лицом, сильно выступающим тонким горбатым носом, низким лбом, крупными, слегка выпуклыми глазами.

Выполнение реконструкции было затруднено отсутствием челюсти, поэтому овал лица в нижней его части, а равно и степень высту-

пания подбородка решены условно. Однако должен оговориться, что эта условность не так уж, вероятно, далека от истины. Форма прикуса, степень и характер стирания зубов,

При восстановлении внешнего облика головы по черепу из гробницы № 4 (рис. 53) мною был использован весь опыт прошлых лет и нет оснований думать, что предлагаемая ре-

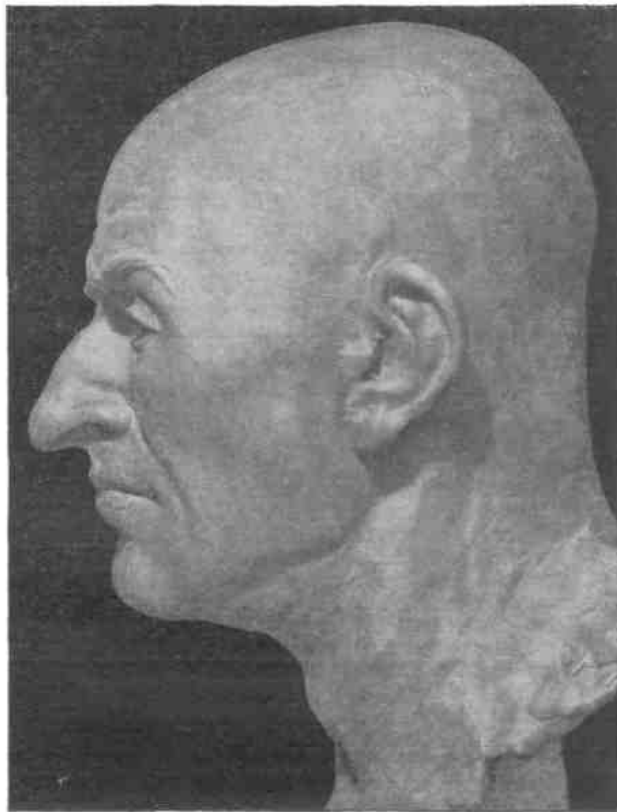
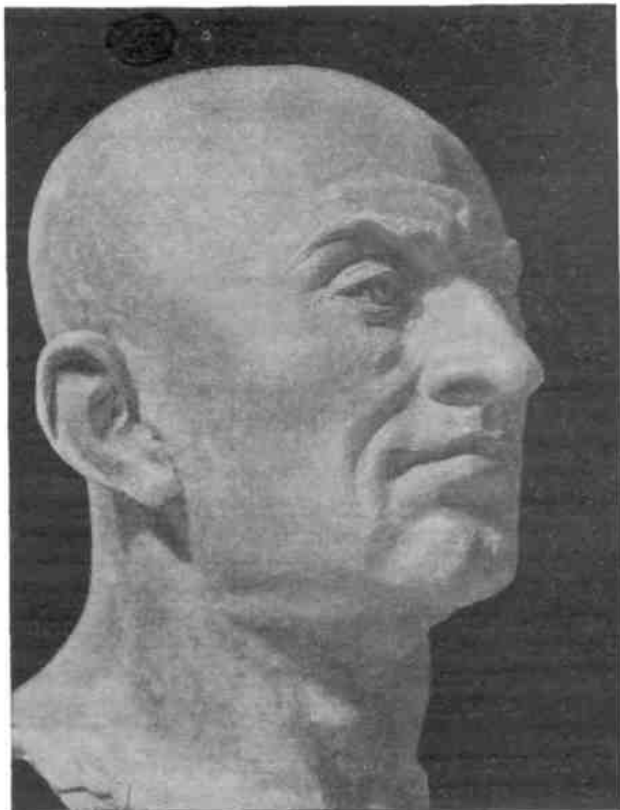

Рис. 53. Реконструкция лица по черепу из гробницы № 4 (работа М. М. Герасимова):

величина дуги зубного ряда верхней челюсти дают возможность воспроизвести недостающую нижнюю челюсть с достаточной степенью приближенности, о чем неоднократно свидетельствовали контрольные опыты и криминалистическая практика.

конструкция является исключением из ранее сделанных работ, т. е. что она менее портретна. Быть может наоборот: чрезвычайная индивидуализация черт самого черепа в большей степени, чем обычно, дала возможность разрешить портретное сходство.

Л. А. Голубева

КИЕВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

1. Вводные замечания

Киевский лёсс хранит в себе погребальные памятники многих сменявших друг друга культур. Следя за эволюцией погребальных обрядов, В. В. Хвойко отметил одновременное сосуществование обычаев трупосожжения и трупоположения на территории Киева, наблюдаемое еще в памятниках эпохи полей погребений; эта двойственность в погребальных обрядах перешла и к славянам. Обычай трупосожжения В. В. Хвойко считал свойственным ранним славянам.¹ Позднейшие исследования показали, что в Киеве погребения с сожжением представляют лишь незначительную часть среди преобладающего количества курганных погребений с трупоположением, наиболее ранние из которых датируются IX и X вв., а не XI в. Среди этих погребений в Киеве встречены погребения в срубных гробницах, отличающиеся обилием вооружения и богатством инвентаря; чаще всего это погребения воина с конем и рабыней.

Работы М. К. Каргера,² П. Н. Третьякова,³ и Б. А. Рыбакова⁴ впервые выделили для киевских славянских некрополей этот местный южный тип, связав его с погребальными обычаями предшественников славян — населения эпохи полей погребений и еще более ранней — скифской поры.

Славянские погребения с трупосожжением в Киеве П. Н. Третьяков считает возможным отнести к представителям северных славянских племен. Наиболее ранней датой славянских курганов Киева является IX в.

Киевские некрополи (рис. 1) охватывают огромную территорию от возвышенностей над Кирилловской церковью на севере, до Печер-

ска — на юге; на западе они уходят за черту древнего города, доходя до Батыевых гор над Лыбедью, на востоке их естественной границей является обрыв киевских возвышенностей над Днепром. По своим размерам Киевский некрополь превосходил когда-то все наиболее крупные из дошедших до нас курганных кладбищ. Киевский старожил В. Волошинский⁵ еще в 70-х годах XIX в. сообщал о сотнях сохранившихся курганов в Киеве; некоторые из них он наблюдал даже в центральной части города. Массовое уничтожение курганов в Киеве началось сравнительно поздно — с 30-х годов XIX в., когда при новой планировке города многие курганные группы и отдельные насыпи были снесены и исчезли бесследно. Но даже в 1907—1908 гг. В. В. Хвойко насчитывал несколько сот курганных насыпей, еще уцелевших на северо-западной окраине Киева в усадьбах над Кирилловской улицей.⁶

Однако Киевскому некрополю не повезло в смысле научного изучения. Знаменитые киевские клады наряду с архитектурными сокровищами Киева на протяжении многих десятилетий, целиком занимали внимание исследователей киевских древностей. До сих пор нет специальных исследований, которые ставили бы своей прямой целью изучение Киевского некрополя.

М. К. Каргер впервые использовал данные о киевских некрополях в связи с вопросом о киевских городищах. Он указал на два больших некрополя, расположенных на противоположных концах древнего Киева: на Кирилловских высотах и в районе Десятинной церкви, и связал их с древнейшими киевскими городищами.⁷ Однако следы древних курганных кладбищ имеются также и на Софийском плато, в Михайловском отделении древнего города и за его валами, в посадской

¹ В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 97.

² М. К. Каргер. Статьи в КС ИИМК, вып. I, V, VI.

³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. VI, М.—Л., 1941.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 73.

⁵ В. Волошинский. Киевские курганы. Изв. Об-ва любителей антропологии и этнографии, т. XX. Труды Антропологического отдела, кн. 2, вып. 1, М., 1876.

⁶ В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 54.

⁷ М. К. Каргер. КС ИИМК, вып. I, стр. 9—10.

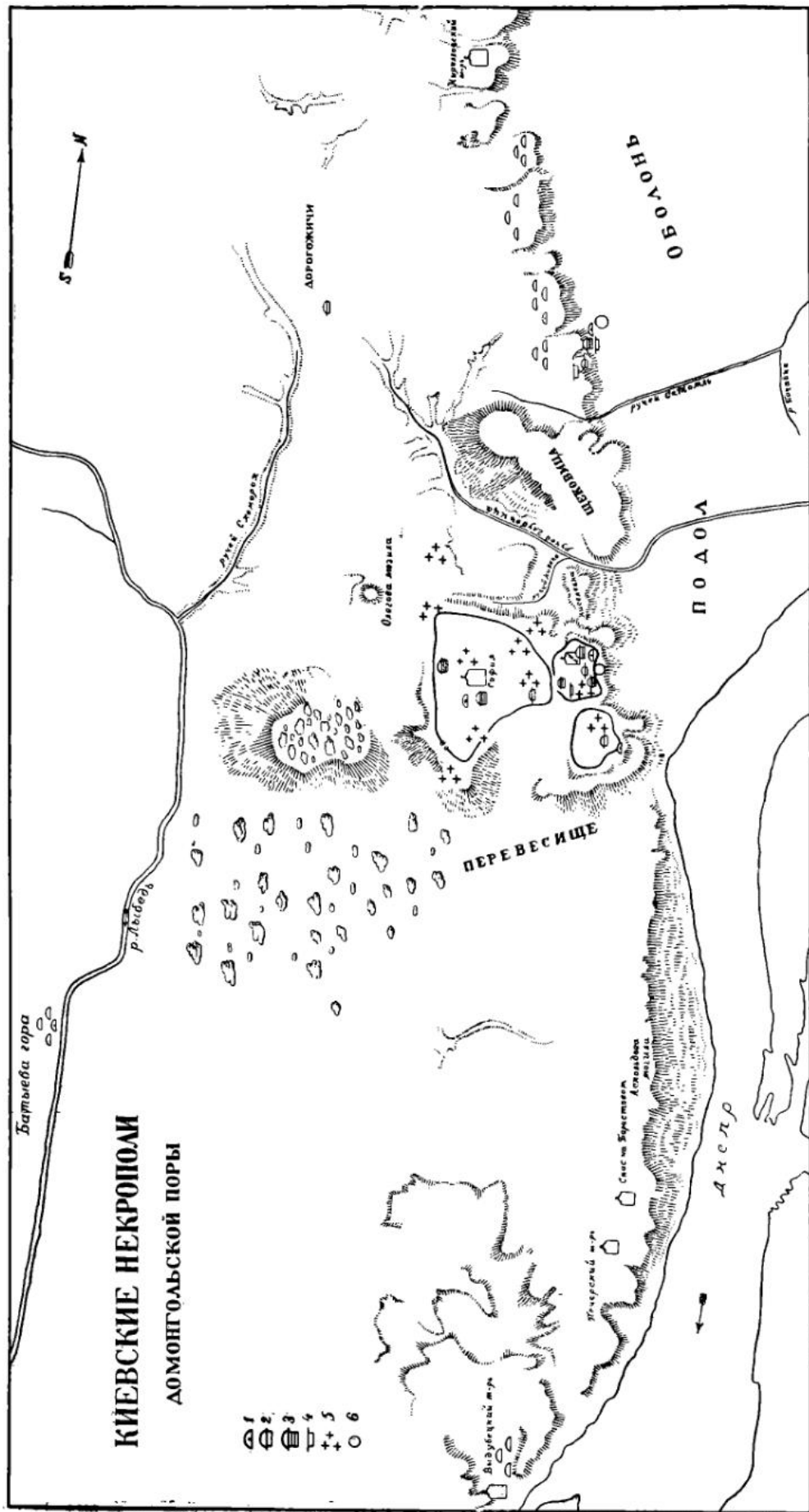

Рис. 1. Киевский некрополь.

1 — курганные погребения с трупосожжением IX—X вв. (полуокружиями без точек обозначены курганные группы с неясненным образом погребения), 2 — курганные погребения с трупосожжением в грунтовой могиле IX—X вв., 3 — погребения в срубных гробницах IX—X вв., 4 — погребения в грунтовых могилах конца X — начала XI вв., 5 — церковные кладбища XI—XII вв., 6 — братские могилы XIII в.

части Киева: в районе Львовской площади,⁸ на Прорезной ул.,⁹ на горе Детинке¹⁰ и т. д.

Разбросанность древних кладбищ заставляет поставить вопрос об их связи с различными частями города, об их исторических судьбах. Данные по отдельным погребениям, открытым в разное время в различных районах Киева, позволяют решить вопрос о датировке отдельных киевских некрополей, а характер инвентаря дает материал для суждения о социальной структуре городского населения того времени.

В настоящей работе собраны сведения более чем о 180 отдельных славянских погребениях IX—XII вв. в Киеве. Часть этих сведений — из рукописных источников.¹¹

2. Погребения с трупосожжением

Погребения с трупосожжением встречаются почти во всех киевских некрополях; как правило, они представлены несколькими, иногда единичными захоронениями в общем комплексе погребений с труположениями. В одном из обширнейших киевских некрополей — некрополе на высотах над Кирилловской улицей в разное время было раскопано несколько погребений с трупосожжениями. Отдельные описания шести таких погребений, происходящих из усадеб № 59 и 61 на Кирилловской улице, имеются у В. В. Хвойко,¹² и одного, раскопанного на б. усадьбе Марра по той же улице, у В. Б. Антоновича.¹³

В погребениях, раскопанных В. В. Хвойко, не сохранилось курганных насыпей. Обряд трупосожжения представлен в трех случаях находками кострищ с кальцинированными костями и погребальными урнами с сожженным прахом — в остальных. На одном из обнаруженных кострищ диаметром около 2 м лежал полуобгоревший костяк, принадлежавший, судя по находке рядом копья, мужчине. На другом кострище кальцинированные кости были собраны в два сосуда, стоявшие там же. Из находок отмечены нож, ажурное серебряное украшение, оселок. В найденном на третьем кострище сосуде с костями вещей не оказалось.

В остальных трех случаях сосуды с кальцинированными костями были найдены без кострищ, причем в одном из них оказались

⁸ В. Захарченко. Киев прежде и теперь. Киев, 1880.

⁹ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. Киев, 1895.

¹⁰ Розкопі 1930 у Києві на горі Дітинці. (Хроніка археології та містечтва, т. III, Киев, 1931).

¹¹ Автор использовал свои рукописные дневники раскопок в Киеве в 1936 и 1940 гг., а также отчеты о раскопках Института археологии Украинской АН за 1926—27 и 1936—37 гг.

¹² Хвойко. Ук. соч., стр. 57.

¹³ В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киевск. губ. в 1876. Чтения в Об-ве Нестора Летописца 1888, кн. 2, стр. 251.

нож и бронзовая ажурная застежка; два других — вещей не содержали. Погребение, раскопанное В. Б. Антоновичем, содержало сосуд с обгорелыми костями, поставленный в грунтовую могилу.

Следующий некрополь, содержащий погребения с трупосожжением, располагался в б. усадьбе Десятинной церкви и соседящей с ней с востока и северо-востока б. усадьбе Петровского. При раскопках последней усадьбы В. В. Хвойко обнаружил несколько кострищ с сожженными костями и кострищ с урнами, наполненными кальцинированным прахом. Сведений об отдельных погребениях и их количестве он не приводит. В усадьбе Десятинной церкви при раскопках в мае 1909 г. на восток от церкви было найдено кострище со следами сожжения, перегоревшими бронзовыми украшениями и фрагментами лепленной посуды.¹⁴ В июле того же года, также на восток от церкви было раскопано кострище с горшком, содержащим сожженные кости.¹⁵ Южнее б. усадьбы Десятинной церкви, на усадьбе б. Трубецкого И. А. Хойновским в 1892 г. на глубине 2.84 м было обнаружено кострище с обгоревшими костями человека и животных.¹⁶

Рассмотренные выше погребения найдены в составе некрополей, содержащих труположения. Особняком стоит единичная находка погребения с трупосожжением в б. усадьбе Михайловского монастыря, на склоне горы, обращенном к Днепру. В 1838 г. там был раскопан курган, содержащий урну с обожженными костями.¹⁷

Отдельное погребение с трупосожжением обнаружено также в черте Ярославова города — на усадьбе Софийского собора. При земляных работах, на глубине в 2 м было встречено обширное кострище со следами сожжения. Металлические украшения были найдены расплавленными. Уцелел бронзовый округлый сосуд на трех ножках с ручкой — уникальная находка, не имеющая аналогий в русских курганных древностях.¹⁸

В той же части города, но значительно западнее (между Прорезной и б. Фундуклеевской ул. и на б. Елизаветинской ул.) были найдены в 70-х годах XIX в. на территории «обширного и весьма древнего кладбища» с труположениями горшки с сожженными костями, поставленными в грунтовые могилы.¹⁹

Очень большой интерес представляет располагавшаяся на западной окраине Киева по правому берегу р. Лыбеди в урочище «Ба-

¹⁴ ИАК, Прибавл. к вып. 32, стр. 125.

¹⁵ Там же, стр. 126.

¹⁶ И. А. Хойновский. Раскопки велко княжеского двора древнего града Киева. Киев, 1892, стр. 30.

¹⁷ ЖМНП, 1838, апрель.

¹⁸ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. вып. VI, Киев, 1907.

¹⁹ В. Захарченко. Ук. соч., стр. 42.

тыева Могила» — большая курганная группа, в составе которой в 60-х годах XIX в. еще насчитывалось более 200 курганов. Самый большой из них, раскопанный в 1862 г., содержал погребение с сожжением;²⁰ кости были положены в урну высотой в 8 вершков. Среди погребального инвентаря отмечены ножи, копье, топор, железные дужки от ведра, кресало и кремь. Из украшений сохранились серьга из серебряной проволоки с продетой через нее серебряной зерненой бусиной, серебряный пластинчатый перстень, обломки бронзовой фибулы и бронзовых ажурных украшений, бусы из горного хрусталя и сердолика.

Подведем некоторые итоги.

Из 13 отдельно описанных в свое время киевских погребений с сожжением в 5 случаях кальцинированные кости находились прямо на кострище; в трех случаях они были собраны в урну, поставленную на кострище, и в 5 случаях — урны с пережженными костями были поставлены в кургане вне кострища. Курганные насыпи сохранились только в двух случаях. Инвентарь этих погребений очень скуден и это обстоятельство создает большие трудности при датировке. Известным руководящим признаком в этом отношении является состав погребальных урн: это или амфоры киевского типа с двумя ушками, или горшки с волнистым и линейным орнаментом; те и другие были изготовлены на гончарном круге. Только в одном случае на кострище были найдены фрагменты лепной посуды красного цвета. Общий характер инвентаря говорит о сходстве с вещами из киевских погребений с труположением.

Наиболее богатым по инвентарю оказался курган из урочища Батыева Могила, в котором было найдено наибольшее количество сохранившихся украшений и оружия. Очевидно, здесь было произведено сожжение знатного воина вместе с девушкой-рабыней при обстоятельствах, аналогичных рассказу Ибн-Фадлана о похоронах русса в Болгаре. Большой курган урочища Батыева Могила, возвышавшийся среди группы (более двухсот курганов), значительно менее высоких курганных насыпей, напоминает нам Гнездовское курганное кладбище с его двумя большими курганами, черниговский курган Гульбище и ряд других славянских некрополей. К сожалению, обряд погребений в рядовых курганах этого урочища остался нам неизвестен.

Курганное кладбище Батыева Могила, не входящее собственно в городскую черту Киева, будет правильнее рассматривать как самостоятельную курганную группу, связанную не столько с городом, сколько с каким-то пригородным селением (может быть усадьбой — всего вероятнее с летописным

сельцом Предславиным на Лыбеди). Общий состав погребального инвентаря говорит о сходстве с вещами из киевских погребений с труположениями и не дает оснований для даты более ранней, чем IX—X вв.

3. Погребения IX—X вв. в грунтовых могилах

Погребения с труположением представляют собой наиболее богатую по инвентарю и наиболее многочисленную группу киевских погребений. В большей своей части они поддаются точной датировке. Хронологически эти погребения распадаются на следующие группы: 1) погребения IX—X вв. (курганное кладбище), 2) погребения XI—XIII вв. (церковные кладбища).

Основной вид погребений — в деревянном гробу, забитом гвоздями и поставленном в грунтовую могилу, — остается неизменным на протяжении IX—XIII вв. Наряду с ним в древнейших погребениях встречаются захоронения в срубных гробницах; в XI в. известны погребения в каменных гробницах.

Курганные некрополи IX—X вв. расположены в основном в трех районах Киева: в районе высот, господствующих над Кирилловской улицей, на Старом (Владимировом) городе, в Софийской части.

Первый некрополь занимает ряд изолированных возвышенностей, отделенных друг от друга оврагами, и тянется на огромное расстояние от Щекавицкой гряды на юге до Кирилловского монастыря на севере; отдельные погребения его доходят на западе до Большой Дорогожицкой улицы. Для изучения этого некрополя больше всего сделал В. В. Хвойко: отдельные погребения раскапывали В. Б. Антонович, Н. В. Беляшевский, Т. Д. Кибальчич.

Второй некрополь на Старом городе раскинулся на возвышенностях, господствующих над Андреевским спуском на Подол на севере и тянущихся далее по левой стороне б. Трехсвятительской улицы вплоть до ее пересечения с Михайловской площадью, где в усадьбе б. реального училища в 70-х годах XIX в. были найдены погребения с шейными гривнами.²¹ На западе границей этого некрополя был овраг, отделявший эту часть города от Софийской части. Этот район в наибольшей степени подвергался раскопкам как любителей, так и специалистов. За более чем столетний период здесь было обнаружено значительное количество древних погребений, подавляющая часть которых осталась неопубликованной, а инвентарь исчез бесследно. Мы использовали материалы раскопок И. В. Хойновского (1893 г.), В. В. Хвойко (1907—1908 гг.), Д. В. Милеева (1907—

²⁰ Каталог выставки к XI Археологическому съезду. Киев, 1895 (инв. № 75—85).

²¹ М. Макаренко. Малоазіська миска в Києві. Київські збірники, т. I, Київ, 1930, стр. 30.

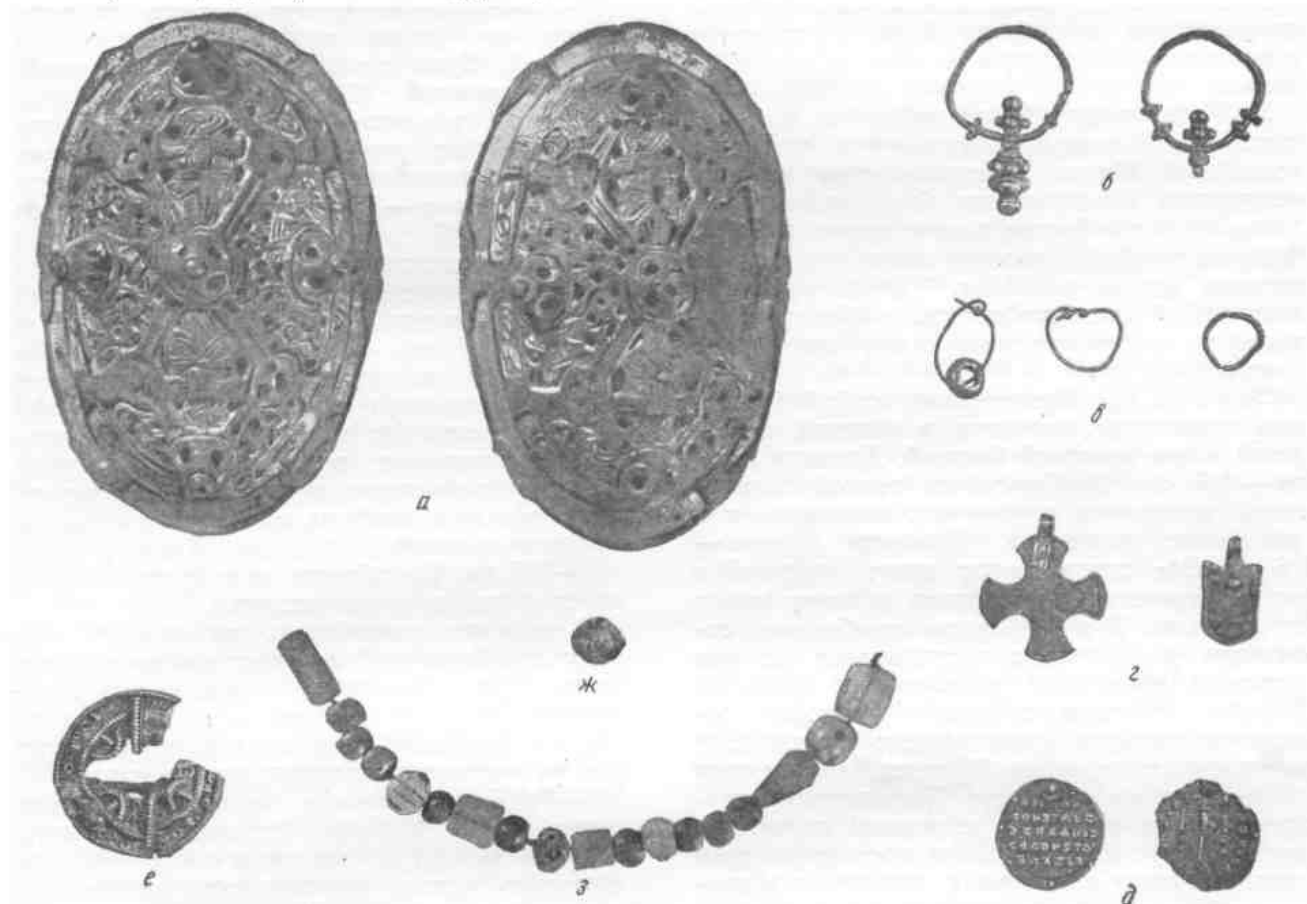
1911 гг.) и Института археологии Украинской Академии наук в 1926—1927, 1936—1939 гг., а также совместные раскопки Института археологии УАН с Государственным Историческим музеем в 1936 и 1940 гг. Отсутствие публикаций отчетов сделали часть материалов недоступной нам.

Отдельные, случайно открытые погребения в Софийской части города заставляют на этом участке древнего Киева помещать третий некрополь, одновременный двум упомина-

емые следы гроба не всегда отмечены; В. В. Хвойко, например, часто опускает это обстоятельство, указывая одновременно на присутствие гвоздей почти в каждой могиле. Определение пола костяка в отчетах почти не встречается.

Рассмотрим состав погребений по отдельным некрополям.

Некрополь на Кирилловской улице. Сохранилось сравнительно мало данных по отдельным, открытым здесь погребениям.

2. Комплекс вещей из женского погребения IX—X вв. (собрание ГИМ).

а — фибулы скорлупообразные; б — серьги волянского типа; в — серьги; г — привеска-крестик и привеска сердцевидная; д — монеты византийские Романа и Константина; е — фибула разломанная; ж — бусина зерновая; з — ожерелье.

нутым ранее, но менее обследованный археологически.

Наиболее сохранившийся из киевских курганных кладбищ — некрополь над Кирилловской улицей характеризуется круглыми курганными насыпями высотой 1—2,5 м; в остальных частях города насыпи над погребениями, как правило, скрыты. Все погребения этого времени расположены в грунтовых могилах, вырытых в материке на глубине 2—3,8 м от современной поверхности. Прямоугольные могильные ямы длиной в 1,5—2 м. Костяки лежат в вытянутом положении головой на запад с небольшими отклонениями на юг и север. Положение рук различно.

1. Женское погребение, найденное в 1876 г. под фундаментами здания XVII в. в усадьбе б. Марра близ Иорданской церкви.²² У головы скелета находились три проволочных серебряных и одна золотая серьга с завязанными концами и насаженными бусинами (по 3 и по 1) из горного хрусталя, пасты, стекла и три проволочных бронзовых серьги с разомкнутыми концами. Там же найдено семь бусин из стекла и пасты с инкрустацией.²³

²² В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киеве в 1876 г. Чтения в Об-ве Нестора летописца, 1888, кн. 1, стр. 256.

²³ Каталог выставки к XI Археол. съезду. Киев, 1895 (Инв. № 144—158).

Затем — две бронзовые позолоченные скорлупообразные фибулы с ажурными литыми чехлами, украшенными пятью коническими выступами. У таза — брусок точильный с железной петлей и два серебряных равноконечных крестика с расширенными концами, размером 4×4 см. Крестики — тисненные из листового серебра, с точечным орнаментом. Погребение датирует серебряный диргем 764 г. с прикрапанным ушком, обращенный в привеску (найден у головы скелета).

Найденное под фундаментом того же здания мужское погребение будет рассмотрено в разделе «Погребения в срубных гробницах».

II. Женское погребение, найденное по предположению киевских археологов также в усадьбе б. Марра. Обстоятельства находки неизвестны. Комплекс вещей из этого погребения был приобретен в свое время в Киеве бароном де Бай и передан им в дар Историческому музею в 1894 г.^{23а} Вещи представляют собой чрезвычайно много общего с инвентарем рассмотренного выше погребения (рис. 2).

Серьги. 1) Представляет собой бронзовую проволочку, согнутую в колечко, с продетой в нее глиняной бусиной. Диаметр кольца — 1.6 см. 2) Серьга из тонкой золотой витой проволоки с концами, завязанными в два узла; разломана. Диаметр кольца — 1.6 см. Обе серьги имеют много аналогий в ранних киевских погребениях и погребениях из Гнездова. 3 и 4) Серьги серебряные, состоящие из дужки с насаженными на нее четырьмя зернами розетками и привески. Головка привески, продетой в дужку, состоит из четырех крестообразно спаянных и скрепленных проволокой зерен, увенчанных более крупным шариком. Посредством стержня головка соединена с нижней разъемной частью привески. Последняя состоит из трех спаянных друг с другом и скрепленных проволокой поясков из зерни; в нижнем ряду — один крупный шарик, во втором — три поменьше, в третьем — семь еще более мелких шариков, увенчанных двумя нанизанными друг на друга колечками. Диаметр дужки — 2.5 см, длина привески 2.8 см. У второй серьги нижняя часть привески утрачена.

Кроме серег найдены:

1) Серебряная пластинчатая привеска, близкая к сердцевидной форме, с прикрапанным ушком. Размер (без ушка) 1×1.7 см, вместе с ушком 2.3 см.

2) Серебряная пластинчатая привеска в форме креста с расширенными и закругленными концами. На лицевой стороне узор, нанесенный зубчатым колесиком: прямо-

угольник, разбитый на четыре квадрата, и вдавленная линия, проведенная по краю креста. Ушко привески приклепано. Размер без ушка 2.8 см, с ушком 3.3 см.

3) Серебряная биконическая бусина, украшенная двумя рядами треугольников из мелкой зерни, по 5 в каждом ряду с 5 ромбами между ними. Размер 1×1.9 см. Бусы такого типа часто встречаются в киевских погребениях в небольшом количестве; нередко также в Гнездовских курганах.

4) Ожерелье из 18 бусин. Бусы пастовые синие, по форме зонных — 9, призматических — 1. Бусы сердоликовые, из них ромбических сечений 12-гранных — 2, бипирамидальных 8-гранных — 1. Бусы из горного хрусталя, из них ромбических сечений 12-гранных — 1, бипирамидальных — 2. Бусина стеклянная зонная — 1. Бусина янтарная, разломанная — 1. Бусы такого рода встречены много раз в киевских погребениях IX—X вв.

5) Серебряная круглая фибула разломанная; узор, выполненный сканью, состоит из двойного ободка, в поле которого напаяны в один ряд мелкие колечки. К внутреннему ободку примыкают обращенные к центру фибулы сегменты (их три, — должно быть четыре), пересеченные вертикальными линиями. Диаметрально проведенные нити (2) пересекают все поле фибулы, свободные места заполнены колечками из скани. Диаметр фибулы — 3.5 см. На обороте ее сохранилась игла на шарнире и петля-застежка.

В киевских погребениях мы находим еще одну подобную фибулу утратившую впоследствии свое назначение, превращенную в медальон. Значительно более сложный узор последней выполнен теми же приемами и говорит за местное происхождение предмета.

6—7) Две бронзовые, позолоченные, скорлупообразные, фибулы, состоящие из выпуклого овального основания и одетого сверху ажурного чехла, укрепленного на четырех железных заклепках. Чехол украшен пятью крестообразно расположенными на фоне ажурного плетения коническими выступами. Узор плетения углублен резцом по отливке. Вторая фибула во всем подобна первой. Часть ее ажурного чехла изломана. Размер фибулы 11.1×7.3 см. На обратной стороне сохранилась сломанная железная игла и петля. Подобные же фибулы с пятью коническими выступами найдены в Киеве в женском погребении близ Иорданской церкви (см. выше). Они близки к некоторым гнездовским фибулам и соответствуют общему характеру погребального инвентаря того времени.

8) Две византийские монеты Романа и Константина (928—944 г.) достаточно точно датируют весь погребальный комплекс.

В районе рассмотренных выше погребений, к югу от Иорданской церкви было обнаружено в 1899 г. курганное погребение, описа-

^{23а} Вещи описаны в статье «Sépulture de X siècle à Kiev pour baron de Baye». «Mémoires de la Société des antiquaires de France», t. LV.

ние которого будет в разделе «Погребения, в срубных гробницах».²⁴

III. Несколько особняком, юго-западнее погребений, расположенных вдоль Кирилловской улицы, находится погребение, раскопанное в 1882 г. в усадьбе Т. Б. Кнбальчича (по Б. Дорогожицкой ул., 40).²⁵ Под сохранившейся курганной насыпью, в грунтовой могиле, вырытой в материке, на глубине 2.54 м, было обнаружено погребение, в инвентаре которого находились две бронзовых чашки, коромысло от весов и шесть «железных обтянутых медью» (?) гирек. Погребение датируется византийской монетой Константина Порфирородного (913—959 гг.).

Следующий обширный некрополь с группой погребений находился в усадьбе Десятинной церкви и соседней усадьбе Петровского.

В разное время раскопками здесь было открыто значительное количество погребений; но отдельно описанных погребений известно не более 27. Не останавливаясь сейчас на описании четырех из них, принадлежащих погребениям в срубных гробницах, и трех более поздних, обратим внимание на двадцать погребений, найденных при раскопках 1908—1912 гг. и в 1937 г. под фундаментами древней Десятинной церкви и здания X в. к югу от этой церкви.

В 1907 г. при раскопках восточной части фундамента древней церкви, было найдено девять погребений, лежащих в материке ниже оснований фундаментов. Пять из них оказались без вещей и рассматриваться здесь не будут.

1) Женское (?) погребение, обнаруженное под центральной апсидой древней церкви на глубине 3.75 м от современной поверхности.²⁶ Сохранились остатки гроба размером 2.15 м × 0.62 м, сколоченного 10 гвоздями. Положение костяка обычное, головой на юго-запад; пол не определен. У шеи скелета несколько стеклянных, сердоликовых и серебряных бус, в числе последних — 1 цилиндрическая, украшенная мелкой зернью, напаянной в виде ромбиков и 1 ягодovidная сплошь зерненная. У затылка — плоская белая раковина.

На груди справа — круглый медальон из электры диаметром 2.8 см, воспроизводящий в скани и зерни излюбленный славянский мотив плетения. Обратная сторона гладкая, с прилепанным ушком, в которое продето колечко с завязанными концами. У таза — ма-

ленькие железные ножницы; у правого колена две пуговицы. У ног справа — остатки деревянного ведерца, стянутого тремя железными обручами, на дне которого лежал деревянный же ковшичек; сохранился серебряный ободок с ручкой (диаметр ок. 10 см) и серебряная крестообразная розетка, украшавшая дно. Погребение датировано золотой византийской монетой Василия I и Константина (869—870 гг.), служившей в качестве привески в составе ожерелья.

2) Женское погребение, найденное в том же году в восточной части фундаментов Десятинной церкви, на глубине 3.35 м; положение костяка обычное, голова на северо-запад. У шеи две большие бусины.²⁷

3) Мужское (?) погребение, найденное там же на глубине 3.8 м. Размеры гроба: 1.9 × 0.47 м. Толщина досок 0.02 м. Положение костяка обычное, головой на запад. На тазе справа железный нож с костяной ручкой и кольцо.²⁸

4) Мужское (?) погребение, найденное там же на глубине 2.20 м ниже фундаментов. Размеры гроба 2 × 0.40 м. Положение костяка обычное, головой на запад. У шеи скелета две маленьких бронзовых пуговицы, такие же у таза, на остатках кожаного пояса. Слева у таза железный ножичек с костяной ручкой, железное кресало и кремь. У ног — железный наконечник копья с остатками древа.²⁹

5) Женское (?) погребение, найденное в 1909 г. в траншее вдоль восточной стены храма, ниже уровня фундаментов, на глубине 3.5 м.³⁰ Следы гроба не отмечены. У шеи костяка — ожерелье из 40 сердоликовых и стеклянных бусин, три серебряных привески — крестика. Погребение датируется диргемом IX в., служившим в качестве привески к ожерелью.

При раскопках 1911 г. было обнаружено шесть погребений, раскрытых южнее юго-восточных фундаментов Десятинной церкви под фундаментами здания X в., соседящего с церковью с юго-востока. Все погребения обнаружены в материке и ниже фундаментов этих зданий.

6) Женское (?) погребение, найденное под северо-восточным фундаментом здания X в. У шеи костяка 14 стеклянных бус, 1 сердоликовая, 1 горного хрусталя, 1 пастовая.³¹

7) Женское (?) погребение, найденное там же. Сохранились следы гроба. Положение костяка обычное, головой на северо-запад. У шеи — 4 бусы из стекловидной массы.³²

²⁴ Н. Ф. Беляшевский. Курган-Могилка на территории Киева. Арх. летопись южи. России, 1903, № 6, стр. 358—360.

²⁵ Н. Болсуновский. Древние гири, найденные в Киеве, и их отношение к различным весовым системам Киев, 1898.

²⁶ ОАК за 1908 г., стр. 149 (погребение № 1). СПб., 1912.

²⁷ ОАК за 1908 г. погребение № 4. СПб., 1912.

²⁸ Там же, погребение № 2.

²⁹ Там же, погребение № 9.

³⁰ ИАК, прибавл. к вып. 32. СПб., 1909, стр. 131.

³¹ ОАК за 1911 г., стр. 59, СПб., 1911, погребение № 4.

³² Там же, погребение № 5.

8) Женское (?) погребение, найденное там же на глубине 2.55 м. Следы гроба сохранились. Положение костяка обычное, головой на запад. У шеи 4 бусины стеклянных, 2 сердоликовых и 1 бронзовая, маленькая пуговка.³³

9) Женское (?) погребение найдено там же на глубине 2.55 м.³⁴ Размеры гроба 1.80 × 0.55 м; положение костяка обычное, головой на юго-запад. У шеи костяка 49 бус из стекловидной массы разного цвета, несколько сердоликовых бус, 1 — горного хрусталя, 2 — янтарных и 3 — серебряных, украшенных зернью. У правого уха — серебряная трехбусинная серьга, покрытая зернью. У левого уха — две малых серебряных проволочных серьги, на пальце правой руки — пластинчатый серебряный перстень с заходящими концами.

10) Мужское (?) погребение, найденное там же, на глубине 2.70 м. Следы гроба сохранились. Положение костяка обычное, головой на запад. У шеи скелета — костяная поделка вроде кочедыка и костяной гребешок.³⁵

11) Мужское (?) погребение, найденное там же и частично врезанное в погребение № 10. Глубина захоронения — 3 м. Положение костяка обычное, головой на запад. Слева у таза найдено железное овальное кресало и кремь, железный нож с костяной рукоятью. Там же — остатки кожаного пояса, отделанного прямоугольными с выступами бляшками размером 1.4 × 1 см и большая ромбовидная бляшка с прямоугольной прорезью диаметром 3.8 см.³⁶

12) Раскопками 1937 г. близ юго-западного угла Десятинной церкви ниже ее фундаментов, на глубине 2.60 м было обнаружено погребение женщины с ребенком. Следы гроба частично сохранились. На груди костяка — ожерелье из стеклянных сердоликовых и нескольких серебряных бус и привеска — лунница из низкопробного серебра.

13) В 1912 г. близ Десятинной церкви (точнее местоположение не указано) было найдено погребение, одновременное с предыдущим. Погребение находилось в полуистлевшем гробу и принадлежало, по видимому, женщине. С обеих сторон головы находилось по 4 серебряных серьги, у шеи — нитка из 50 бус и два диргема — привески. У груди справа — маленькие железные ножницы плохой сохранности в костяном футляре с медными накладками-украшениями.³⁷

14) В 1909 г. в юго-восточном углу усадьбы Десятинной церкви, в материке, было обнаружено погребение с 14 бусами из горного

хрусталя, возможно одновременное предыдущим.³⁸

15) Тогда же у северной стены Десятинной церкви на глубине 4 м было обнаружено мужское погребение, в инвентаре которого оказалось 15 маленьких бронзовых пуговиц.³⁹

Упомяну еще о двух погребениях, как можно думать, одновременных рассмотренным выше, но не связанных с ними территориально.

16) Погребение, найденное в 1911 г. на глубине 3.5 м при земляных работах в усадьбе Земельного банка (Владимирская, 10). При костяке (мужском?) находились железные нож, кресало, пряжка и кремь.⁴⁰

17) По сведениям В. Б. Антоновича, в усадьбе Софийского собора в 1878 г. при земляных работах было случайно обнаружено погребение, в инвентаре которого перечислены: шпора, пряжка, удила и стремяна.⁴¹

Подведем некоторые итоги по инвентарям женских и мужских погребений.

Инвентарь женских погребений IX и X вв. чаще всего встречаются колечки из серебряной или бронзовой, реже золотой, проволоки с завязанными концами. Таким же распространенным видом был тип серьги в форме дужки с нанизанной одной или несколькими бусинами из пасты или горного хрусталя.

Серьги двух названных типов относятся к наиболее простым и широко распространенным видам женских украшений, характерным для славянских погребений IX—X вв. на огромной территории — от Венгрии до Приладожья.

В одном случае была встречена серебряная серьга с надетыми на дужку тремя шариками, покрытыми грубой зернью. По своей форме эта серьга являлась как бы прототипом серег так называемого киевского типа, окончательно сложившегося в нескольких вариантах позднее (XI в.).

Особое место занимает находка серебряных серег, близких к серьгам так называемого волынского типа. Найдены еще два таких же экземпляра серег в срубной гробнице, открытой в 1936 г. близ Десятинной церкви. Они принадлежали погребенной с воином и конем женщине. Г. Ф. Корзухина указала⁴² ряд аналогичных серьгам этого типа в составе кладов X в., найденных преимущественно на Правобережье Днепра, и убедительно доказала их местное происхождение.

Бусы уже в это время являются одним из

³³ ИАК, прибавл. к вып. 32, стр. 126.

³⁴ Там же, стр. 130.

⁴⁰ ИАК, прибавл. к вып. 44, СПб., 1912.

⁴¹ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. Киев, 1895, стр. 36.

⁴² Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и пергородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. КС ИИМК, вып. XIII, стр. 45—52.

³³ ОАК за 1911 г., стр. 59, СПб., 1911, погребение № 5.

³⁴ Там же, погребение № 3.

³⁵ Там же, погребение № 1.

³⁶ Там же, погребение № 2.

³⁷ ИАК, прибавление к вып. 44. СПб., 1912.

излюбленных женских украшений. Не редкость наличие в погребении ожерелье из 40—50 бусин. В основном это сердоликовые многогранные (на 12 граней), реже из янтаря и горного хрусталя. Стекланных бус немного, это или зонные, или цилиндрические — белые, синие. Серебряные бусы, покрытые мелкой зернью, выполненной в форме ромбиков и треугольников, попадаются редко и не более 1—3 экз. на погребение. Еще реже серебряные бусы так называемого ягодовидного типа с крупной зернью.

В качестве привесок к ожерелью встречаются крестики серебряные равноконечные с расширенными концами. Привески-крестики такого рода являются характерной особенностью киевских погребений IX—X вв. Они найдены в двух женских погребениях на б. усадьбе Марра, и в женском погребении с диргемами IX в., открытом под фундаментами Десятинной церкви; форма креста в этих привесках архаичная, восходит к древнейшим изображениям креста на престолах Херсонесских храмов VIII—IX вв. В позднейших, литых крестах, находимых в культурных слоях Киева XI—XII вв., эта форма уже не встречается.

Раковины *Cypraea moneta* встречаются также в системе ожерелья.

Нередки и монеты (диргемы, византийские монеты) с приклепанным ушком.

В качестве исключения найдена золотая привеска, превращенная в медальон из фибулы. Она отделана зернью и сканью сложного рисунка, но довольно грубой работы.

Фибула серебряная круглая с иглоу встречена один раз.

Перстни найдены всего в двух случаях: пластинчатый с заходящими концами и проволочный с завязанными концами — оба серебряные.

На общем фоне украшений, несомненно местной работы, выделяются фибулы скорлупообразные, бронзовые, позолоченные, найденные в двух самых богатых женских погребениях. Из деталей костюма встречаются маленькие бронзовые литые круглые пуговицы с ушком, иногда орнаментированные. У пояса в двух случаях были найдены ножницы железные маленькие: они лежали у таза справа и в одном случае были вложены в костяной футляр с медными накладками.

В качестве предметов домашнего обихода встречаются деревянные ведерки с железными обручами и дужкой. На дне одного такого ведерка лежал деревянный ковшечек с серебряной оковкой краев, переходившей в небольшую ручку. Днище ковшика украшала серебряная розетка в виде креста.

Инвентарь мужских погребений IX—X вв. В составе инвентаря мужских погребений постоянно встречаются ножи железные с костяными рукоятками, кресала

овальные, оселки, кремни. В рядовых погребениях оружие не встречено. В погребениях воинов-дружинников встречаются наконечники копий, стрел, шпоры.

Из украшений одежды найдены пуговицы маленькие, бронзовые, пряжки прямоугольные железные. В двух случаях обнаружены остатки узких кожаных ремешков с насаженными на них вплотную прямоугольными бляшками. В погребении, найденном под фундаментом Десятинной церкви (погребение № 2—1911 г.), форма и рисунок бляшки поясного набора аналогичны бляшке из Шестовиц.⁴³ Большая ромбовидная бляшка с прямоугольной прорезью и следами орнамента, составлявшая часть поясного набора из этого же погребения, также имеет полную аналогию с бляшкой, украшенной рисунком пальметт из Шестовиц.⁴⁴ Такие же бляшки встречались неоднократно в Гнездовских и Черниговских курганах IX—X вв.

В числе изделий из кости в киевских погребениях были найдены костяные гребешки и косточки, иногда украшенные резьбой.

Особняком от остальных стоит инвентарь из погребения купца, найденного на Дорогожицкой улице, в кургане. Вместе с покойником лежали две бронзовые чашечки от весов, коромысло, шесть бронзовых весовых гирек. Погребение датировано византийской монетой Константина Порфирородного. Подобные погребения были известны лишь по материалам Владимирских, Волынских и Гнездовских курганов. Для Киева это первое погребение купца. Б. Дорогожицкая улица — одна из древнейших дорог, ведущих от Львовских ворот к окраинам города и далее на Вышгород, Василев. Урочище Дорогожичи — известно по летописи уже в X в.

Рассмотренные выше инвентари женских и мужских погребений, найденных в различных частях Киева, обнаруживают сходство между собой и тем самым свидетельствуют о своей одновременности. Дата их IX—X вв. убедительно доказывается не только случаями находок единично датированных погребений.

Как мы имели возможность убедиться, некрополь, расположенный в усадьбе Десятинной церкви, представляется особо ценным для датировки всего комплекса рассмотренных погребений. Диргемы IX в. в составе его инвентаря дают нам нижнюю хронологическую дату. Верхней является 989 г. — дата постройки Десятинной церкви, фундаменты которой перекрыли эти погребения. Общий состав инвентаря хорошо увязывается с известным по другим курганным комплексам древнерусским погребальным инвентарем IX—X вв. и в то же

⁴³ T. Arne. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in die Ukraine. Acta archaeologica, v. VII, 1931, стр. 288, рис. 21.

⁴⁴ Там же, стр. 288, рис. 13.

время указывает на местные, киевские особенности.

Однако рассмотрение киевского некрополя IX—X вв. не может быть полным без учета погребений в срубных гробницах, входящих как органическая составная часть в ранние киевские некрополи.

4. Погребения в срубных гробницах IX—X вв.

Погребения в срубах представляют собой одну из интереснейших особенностей киевских некрополей. Из шести известных для Киева погребений в срубах четыре приходятся на усадьбу Десятинной церкви, два на расположенную южнее б. усадьбу Трубецкого и район Батыевых ворот. Это погребения ребенка, женщины, воина, воина с конем, воина с женщиной и воина с женщиной и конем. К этим погребениям следует также отнести погребение воина (с женщиной?) в усадьбе на Кирилловской улице и три погребения воинов с конями, найденные на Кирилловской улице, в усадьбе Софийского собора и на углу улиц б. Рейтарской и Мало-Владимирской (также в Софийской части города). Они чрезвычайно схожи с первыми шестью по обстоятельствам захоронения и инвентарю, но в описании их нет указания на наличие срубной гробницы; полагаю, что это следствие недостатка наблюдения, так как почти все погребения были открыты случайно при земляных работах.

Срубные гробницы расположены всегда в материке на глубине от 2,5 до 5 м. Срубы всегда прямоугольной формы, рублены из дубовых бревен в обло. Размеры срубов колеблются в пределах от $1 \times 2,5$ до $2,8 \times 2,6$ м. Обычно стенки срубов отвесны, в одном случае были сужены книзу. Высота сохранившихся срубов доходила до 1,4 м. Сверху срубы покрывались накатом из дубовых бревен, расположенных обычно в два ряда. Дно сруба выстилалось также бревнами; в одном случае оно оказалось обмазанным глиной. Покойники лежали на дне сруба без гробов. В тех случаях, когда расположение костяков не было нарушено, ориентировка их была обычной.

Погребения в срубных гробницах выделяются обилием и богатством погребального инвентаря, характеризующим социальное положение покойников — представителей военноподружной знати Киева.

1. В усадьбе Десятинной церкви впервые погребение в срубной гробнице было обнаружено при раскопках 1909 г. у восточной стены Десятинной церкви.⁴⁵ Детального описания устройства гробницы не сохранилось. Сруб, вырытый в материке и покрытый сверху накатником из бревен, содержал богатое погребение мальчика. У шеи костяка крестик-привеска уже знакомой нам формы и две

серебряных пуговицы. Тут же бронзовая фибула (подробное описание отсутствует). Слева от костяка стояли глиняные сосуды, у ног — деревянные ведерца, окованные железными обручами. При погребении положены были также ножик с железной рукояткой и ложкой. Тут же бережно положены были любимые детские игрушки — свистулька и 157 игральных бабок; некоторые из них залиты свинцом и орнаментированы.

2. Особый интерес представляет открытая раскопками в 1936 г. к северо-востоку от Десятинной церкви срубная гробница с погребениями воина и женщины в сопровождении коня. Сруб почти квадратной формы был перекрыт накатом из бревен. Стенки книзу слегка скошены. Дно сруба было вымазано розовой глиной и находилось на глубине около 5 м от современной поверхности. Конь лежал к югу от скелетов, предположительно у ног покойных. Погребение было потревожено еще в древности и большая часть богатого инвентаря расхищена. Так, было взято все оружие, из предметов вооружения сохранились только остатки щита. Уцелевшие предметы женского туалета принадлежат к числу наиболее богатых и выдающихся по изяществу драгоценных украшений. В их числе фибула серебряная, массивная, с длинной иглой (13 см) и сложной отделкой кольца. По типу фибула близка к изданной у Ханенко прекрасной фибуле с длинной иглой, найденной на углу Мало-Владимирской и Рейтарской улиц (в погребении или кладе — неизвестно).⁴⁶ Интересен медный ключик с прямоугольной бороздкой, в головку которого продето кольцо в форме соединенных оленьих рогов. Диаметр кольца — 2,1 см. Помимо фибулы в погребении было найдено три серебряных гроздевидных серьги, сходных с описанными нами выше, перстень серебряный со щитком, орнаментированным черточками, и ожерелье из сердоликовых бус и семь диргемов X в. (привески).

Ближайшие аналогии этого погребения — погребения в срубных гробницах, открытых в 1926 г. в курганном некрополе близ с. Шестовицы Черниговского района. В могилах II, X и XXV были погребения воинов с женщинами, у ног которых лежали кони.⁴⁷ Погребальный инвентарь разнообразен и хорошо датируется диргемами X в.

Женские погребения в срубах дают особенное обилие вещей из серебра и золота; предметы иноземного происхождения здесь также многочисленнее.

3. Женское погребение, открытое раскопками 1937 г. под южным фундаментом Десятинной церкви (близ юго-западного ее угла), выделяется богатством одежды, от которой со-

⁴⁵ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, стр. 21.

⁴⁷ А г п е. Ук. соч., стр. 289.

⁴⁶ ИАК, прибавл. к вып. 32, стр. 128—129.

хранились фрагменты шелковой ткани и золотой парчи. По обе стороны головы лежали по два золотых колечка с незамкнутыми концами; на шее было ожерелье из бус: 1 пастовой, 7 сердоликовых, 2 серебряных и золотая подвеска из витой проволоки с надетой на нее граненой сердоликовой бусиной. У пояса лежала серебряная круглая подковообразная фибула диаметром 3 см; четыре золотых проволочных перстня с завязанными концами и массивный серебряный браслет с незамкнутыми концами украшали руки покойницы. Около ног стояло деревянное ведро. Диргем IX в., найденный около костяка, вполне отвечает древности слоев, в которых погребение было открыто.

4. Следующую по времени находку представляет открытая в 1939 г. под фундаментами Десятинной церкви, в западной части центрального нефа срубная гробница, содержащая погребение воина с конем. Размер сруба 2.80×2.60 м, высота в сохранившейся части около 140 м. Сруб перекрыт сверху накатом из бревен. В погребении было найдено копье, 15 наконечников стрел с остатками колчана, топор, удила и стремя. Сохранились остатки кожаной сбруи с металлическими бляшками. Еда и питье в гробнице были поставлены в ведро и глиняном горшочке.⁴⁸

5. Аналогичную картину дает нам погребение воина в срубной гробнице, открытое в 1892 г. раскопками И. Хойновского на б. усадьбе Трубецкого, на юг от Десятинной церкви. Сруб из дубовых бревен был опущен на глубину до 2.84 м. Размеры его по дну — 2.82×2.10 м. Дно было выстлано досками (?), а перекрытие состояло из дубовых бревен, положенных накатом. Костяк лежал головой к северо-западу. При нем найдены: меч, распавшийся на куски, копье втульчатое, остатки колчана из луба, украшенного кожей и костяными прямоугольными бляшками, прикрепленными к колчану медными гвоздиками. Сохранились остатки пряжки и ремня, на котором подвешивался колчан. Последний был наполнен стрелами; судя по сохранившимся наконечникам, их было не менее 50.⁴⁹

6. К числу открытий последних лет относится раскопанная М. К. Каргером в 1946 г. срубная гробница с погребением воина и женщины, найденная у западной границы старого города, в районе Батыевых ворот.⁵⁰ При раскопках были отмечены следы курганной насыпи. «В обширной подземной камере с деревянными стенами и потолком» был погребен воин в сопровождении женщины-рабыни. Вместе с воином был положен меч и колчан со стрелами.

⁴⁸ М. К. Каргер. Погребение киевского дружинника IX в. КС ИИМК, вып. V, 1940.

⁴⁹ И. А. Хойновский. Ук соч., стр. 40.

⁵⁰ М. К. Каргер. Киевская экспедиция. КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 39.

Перечисленные шесть погребений в срубных гробницах, изученные путем археологических раскопок, несомненно не исчерпывают действительного количества погребений этого рода в Киеве, раскапывавшихся случайно, при земляных работах; описание их, как правило, страдает неполнотой. Поэтому мы рассмотрим в данном разделе еще четыре погребения, вполне аналогичных вышеописанным по обстоятельству захоронения и инвентарю.

7. Погребение воина с конем, найденное в 1900 г. вблизи Золотых ворот, на углу ул. б. Рейтарской и Мало-Владимирской, в саду Фурмана,⁵¹ при земляных работах на глубине свыше 2 м. Исключительно интересный инвентарь погребения частично издан Ханенко.⁵² При костяке был найден меч с полусферическим навершием и прямым перекрестием. Длина меча 82 см, ширина 5.5 м; длина захвата 10.4 см. Рукоять по захвату обложена серебряной пластиной, орнаментированной чеканным рисунком переплетения из пальметт, чрезвычайно близким к рисунку обкладки одного из турских рогов Черной Могилы в Чернигове. Помимо меча, представляющего собой уникальную находку, был найден топорик с широким лезвием и клиновидным противоположным концом (длина — 18 см) и кинжал с костяной рукоятью. Сохранились разнообразные бляшки — накладки пояса (?) с рисунком, весьма близким бляшкам из черниговского кургана Гульбище. Найдено также несколько игральных шашек. Погребение датируют диргемами X в.

8. Погребение воина с конем, найденное в 1878 г. на территории двора Софийского собора, у башенных ворот. Погребение раскрыто в материке на глубине около 2.80 м. При костяке найдены железные стремяна и кинжал.⁵³

9. Погребение воина с конем, открытое при земляных работах под фундаментом здания XVII в. в б. усадьбе Марра на Кирилловской улице в 1876 г. При костяке были найдены обоюдоострый меч с рукоятью, типичной для IX—X вв., верхняя часть железного шишака (умбон?), наконечник копья, топор, 8 наконечников стрел. Кроме того — два стремяна и бронзовая с серебряной насечкой пряжка от пояса.⁵⁴

10. Погребение воина с женщиной (?), раскопанное Н. В. Беляшевским в 1903 г. на высотах близ Иорданской церкви на Кирилловской улице. Сохранившаяся курганная насыпь достигала высоты 2 м. Судя по размерам могильной ямы 4.5×3.15 м, мы имеем дело со срубной гробницей. В могиле, испорченной

⁵¹ В. Е. Гезе. Заметка о некоторых киевских древностях, ЗОРСА, т. VII, вып. I.

⁵² Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., V, табл. XX.

⁵³ П. Г. Либединцев. О раскопках на Софийском дворе в 1878 г. (Чтения в Об-ве Нестора Летописца, 1888 г., кн. 2, стр. 64).

⁵⁴ В. Б. Антонович. Археологические раскопки в Киевской губ. в 1876 г. (Там же, стр. 252—253).

грабительским подкопом, найдены разбросанные в беспорядке кости трех человек.⁵⁵ В инвентаре перечислены: шпора железная, кресало бронзовое оригинальной формы, изображающее двух птиц, клюющих голову стоящего посредине человека. Аналогия этому кресалу имеется в кресалах из б. Глазовского уезда (одно из них хранится в ГИМ). Кроме того, упоминаются три стеклянные бусы, пуговка бронзовая круглая и распиленный орнаментированный лосиный рог. Между голенищами костяка была деревянная чаша, окованная серебряной пластинкой, переходящей в ручку. Диаметр чаши — 14 см. Чаша аналогична находке из женского погребения № 1 в усадьбе Десятинной церкви.

Перейдем к выводам.

Массовый инвентарь погребений в срубных гробницах (бусы, серьги, привески-крестики, утварь из женского и детских погребений; топоры, наконечники стрел и копий, бляшки-накладки пояса — из мужских) совершенно однотипен аналогичным находкам из киевских погребений в грунтовых могилах. Однако обилие и особое богатство украшений, изящество ювелирных изделий из золота и серебра, роскошные одежды, наличие большого количества диргемов в составе инвентарей, резко подчеркивают принадлежность их владельцев к высшим кругам киевского общества. «Богатое вооружение, богатая одежда и драгоценные украшения, скелет коня и пышная конская упряжь»⁵⁶ в мужских погребениях из срубных гробниц не оставляют сомнения в том, что это действительно погребения знатных киевских дружинников.

Некоторые типы оружия — мечи, кинжалы найдены только в погребениях в срубных гробницах и в отдельных случаях представляют собой редкие по красоте отделки экземпляры. Однако общий характер инвентаря из погребений в срубных гробницах носит несомненно местный славянский характер и не допускает никаких сомнений относительно национальной принадлежности их владельца. Дата погребений из срубных гробниц устанавливается диргемами IX—X вв. и стратиграфически — большая часть гробниц найдена под фундаментами Десятинной церкви. По обилию бытовых предметов этот некрополь может быть признан языческим. Однако наличие в некоторых погребениях крестиков-привесок говорит уже о влиянии христианского культа. Смещение черт старого и нового культа в ту эпоху, когда христианская религия еще не была официально узаконена, но уже имела достаточное количество своих адептов в городе, было вполне естественным для Киева X в.

Не случайно сосредоточие большинства сруб-

ных гробниц в черте некрополя в усадьбе Десятинной церкви. Этот район уже во второй половине X в. начинает приобретать выдающееся значение и «город Кия», древнее городище, расположенное к северо-востоку от некрополя, становится историческим центром Киева.

Конское погребение в некрополе IX—X вв. В составе киевского некрополя имеется интересное погребение уникального значения. Я имею в виду погребение коня в сопровождении исключительно пышного инвентаря и оружия, обнаруженное при раскопках 1926 г.⁵⁷ Это единственное известное до сих пор в Киеве захоронение коня⁵⁸ было произведено на городском кладбище, рядом с гробницами знатных представителей военнотрудовой верхушки (б. усадьба Трубецкого на юг от Десятинной церкви). Тщательность раскопок, произведенных С. С. Гамченко в 1926 г., не оставляет сомнения в том, что конь был положен в могилу один. Обнаруженные рядом копье, боевой топор и стрела должны были подчеркнуть, очевидно, его боевые качества и военные заслуги. С. С. Гамченко в своем отчете отказался от датировки этого погребения. Однако все обстоятельства захоронения: в материке, на глубине 2.35 м, под древним рвом и самый тип украшений конской сбруи, которая представляла собой необычайно богатый набор из 231 серебряных бляшек, не оставляют сомнений в решении этого вопроса. Некоторые из бляшек, например круглые с рисунком звезды в центре, имеют полную аналогию с бляшкой из Шестовиц,⁵⁹ а также с бляшкой из Гнездовского могильника.⁶⁰ Другие бляшки близки к украшениям из Черной Могилы и Гульбища. Все эти обстоятельства позволяют с уверенностью датировать это погребение X в. Отвечая духу своего времени, оно является как бы иллюстрацией к поэтическому рассказу летописи о позднейшем почетном погребении коня князя Андрея Боголюбского, спасшего жизнь своему господину в бою. В битве под Луцком в 1149 г. князь Андрей попал «в велику беду... зане обступлен бысть ратными и гнаста по нем; ят бо бе двема копиема под ним конь, а третьим в передний лук седельный... конь же его язвен велми, унес господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комонства его, повеле и погresti над Стырем».⁶¹

Курганные некрополи, погребения которых мы только что рассматривали, представляют по существу один огромный киевский

⁵⁷ С. Гамченко. Раскопкі 1926 р. на садибі Трубецкого. Всеукраїнський Археологіч. комітет. Кратке Звідомлення за 1926 р., стр. 29—30.

⁵⁸ В Гнездове также было найдено погребение коня, но почти без инвентаря. См. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 111.

⁵⁹ Бляшка № 1462 по инвентарной книге Черниговского музея.

⁶⁰ В. И. Сизов. Ук. соч., табл. III, рис. 39.

⁶¹ Ипат. лет. под 1149 г.

⁵⁵ Н. В. Беляшевский. Ук. соч., стр. 358—360.

⁵⁶ М. К. Каргер. Погребение киевского дружинника X в. КС ИИМК, вып. V, стр. 80.

некрополь IX—X вв. раскинувшийся по киевским нагорьям на огромном пространстве. Киевские курганные кладбища представляют собой погребение горожан, близко связанные с той или иной населенной частью города. Судьба этих некрополей отражает историю отдельных частей Киева. Огромный некрополь на Кирилловских высотах, связанный с жизнью древнего городища близ Иорданской церкви, прекратил свой рост после X в. В XI—XII вв. город растет на северо-запад и восток (Подол), а этот район стал окраиной. Поэтому здесь и сохранился огромный курганный некрополь, почти не содержащий погребений XI—XII вв.

Иначе сложилась судьба второго некрополя — в районе Десятинной церкви. Рост городского поселения на северо-восточной окраине Старого (Владимириова) города вызвал в конце X в. необходимость расширения площади под городские постройки; с этой целью были уничтожены вал и ров, отделявшие город от древнего кладбища, были снесены курганные насыпи и заново распланирована вся площадь, предназначенная для постройки Десятинной церкви и княжеских дворцов. Курганные насыпи сохранились лишь по скатам высот в районе Михайловского монастыря.

Курганное кладбище в Софийской части города было уничтожено, очевидно, несколько позднее.

5. Погребения конца X—XI вв.

Киевские погребения конца X—XI вв. составляют довольно многочисленную группу погребений, известных главным образом по раскопкам в б. усадьбе Трубецкого. В 1892 г. там было найдено свыше 50 погребений: 38 из них — безинвентарные, расположенные на глубине до 2 м. В 5 погребениях возле скелетов были найдены обломки горшков гончарной работы, в 4 также обломки стеклянных браслетов. Эти погребения залегали глубже от 2 до 2.80 м. Рассмотрим пять погребений, сохранивших описание обстоятельств захоронения и инвентаря. Глубина залегания для этих погребений указана суммарно — свыше 4 аршин. Однако, судя по инвентарю, эти погребения не одновременны.

1. Погребение мужчины и женщины обнаружено в левой половине раскопа, в материке сохранились остатки гроба. У костяка мужчины найден костяной наконечник стрелы. У женского костяка — медный печатный перстень с резным изображением цветка. В могиле найдена также амфора высотой около 71 см и остатки стеклянного сосуда.⁶²

2. Мужское погребение найдено в той же половине раскопа. На шее костяка — серебряная гривна, витая из трех проволок. В перечне

инвентаря упоминается амфора, поливная глиняная миска и наконечник стрелы.⁶³

3. Женское (?) погребение. Найдено там же. Костяк на глубине 2.80 м (?). Положение обычное. Под головой скелета квадратная поливная плитка. На левой руке бронзовый перстень и два стеклянных браслета фиолетового цвета. Возле костяка — амфоры с двумя большими ручками высотой свыше 70 см.⁶⁴

4. Женское (?) погребение. Найдено там же. Сохранились остатки гроба, сколоченного гвоздями. Положение скелета — обычное. В инвентаре перечислены: обломки янтарных бус, пять фрагментов стеклянных браслетов, костяной гребень. В числе посуды — сосуд киевского типа с двумя ушками (амфорка), амфора, горшочек серой глины, покрытый светлозеленой поливой и маленький терракотовый горшочек (тигель?).⁶⁵

5. Женское (?) погребение. Найдено там же. Сохранились остатки гроба. Положение костяка обычное. В числе инвентаря костяной гребешок, несколько бус, шиферных белых и красных и одно пряслице. Упоминаются также две амфоры и несколько горшочков, раздавленных землей.⁶⁶

Раскопки в северной половине усадьбы Трубецкого, предпринятые в 1926 г., обнаружили десять погребений, о которых будет сказано дальше. Раскопки 1927 г. там же открыли на глубине от 2 до 2.9 м одиннадцать погребений, девять из них были без вещей. Рассмотрим инвентарь двух погребений раскопок 1927 г.⁶⁷

6. Погребение мужчины и женщины. Обнаружено на глубине до 2.9 м. Следы гроба в отчете не отмечены. Мужчина лежал на правом боку с согнутыми ногами, женщина на левом. У головы женщины найдены трехбусинная золотая серьга и круглая серебряная, ажурная привеска. У рук пять обломков стеклянных браслетов и бронзовое кольцо. У мужского костяка найдены: нож, наконечник копья, обрывок кольчуги, две стрелы и оселок. Отмечены также обломки горшков.⁶⁸

7. Пол погребенного неизвестен. Скелет найден в деревянном гробу, на глубине 2.11 м. Положение костяка обычное. Из инвентаря упомянут один перстень.

Погребения первое и шестое настоящего перечня, представляющие собой захоронения воинов с женщинами (рабынями?), являются несомненно наиболее архаичными и близкими к языческим погребениям IX—X вв. Однако наличие стеклянных браслетов заставляет от-

⁶³ Там же, стр. 40.

⁶⁴ Там же, стр. 24.

⁶⁵ Там же, стр. 34.

⁶⁶ Там же, стр. 34.

⁶⁷ Отчет о раскопках 1927 г. в усадьбе Трубецкого. Архив Института археологии УАН.

⁶⁸ Там же.

⁶² И. Хойновский, Ук. соч., стр. 24.

нести дату этих погребений на самый конец X в.

При раскопках 1940 г. на усадьбе Михайловского монастыря на восток от северной апсиды храма, в раскопе № 1 было найдено 22 погребения на глубине от 1.5 до 2.9 м. Двадцать из них оказались без вещей.

8. Женское (?) погребение (№ 21) обнаружено в материке на глубине 2.6—2.9 м. Гроб и сам костяк почти совершенно истлели. Ориентация и положение скелета обычное. У головы справа — два овальных бирюзовых камня без оправы диаметром около 1 см. Под левым ухом — колечко серебряное с разомкнутыми концами; у шеи три круглых медных маленьких пуговиц.⁶⁹

9. Мужское (?) погребение (№ 22) найдено там же на глубине 2.5—2.7 м. Гроб и скелет почти не сохранились. В ногах справа горшок гончарной работы с волнистым орнаментом высотой 14 см.⁷⁰

Перейдем к выводам.

Киевские погребения эпохи, близко следующей за «крещением Руси», сохраняют еще много языческих черт и далеко не отвечают установленному христианскому погребальному обряду, когда покойников хоронят без вещей, но с эмблемой христианского культа — крестом.

В составе инвентаря погребений этого времени появляются новые виды украшений и предметов быта. Таковы, например, стеклянные браслеты, встречающиеся здесь впервые. И. Хойновский упоминает о гладких и витых браслетах преимущественно синих и лиловых тонов. Судя по тому обстоятельству, что в киевских погребениях древнее 989 г. стеклянные браслеты не были встречены ни разу, они появляются на Руси после этого времени. Известно их широкое распространение в городах Киевской Руси XI—XIII вв.

Впервые в киевских погребениях, начиная с конца X в., появляются пряслица из оврачского шифера, в XI—XIII вв. широко распространяющиеся по всей восточной Европе. В киевских погребениях XI—XII вв. они присутствуют постоянно. «После XIII в. пряслица снова стали глиняные, оврачские мастерские были, повидимому, уничтожены татарами».⁷¹ Встречаются в киевских погребениях конца X—XI вв. костяные гребешки таких же форм, как и ранее. Из бытовых предметов следует отметить наличие почти в каждом погребении сосудов, чаще горшочков, реже «амфорок» киевского типа с двумя ручками. Встречаются также большие амфоры высотой около 70 см с двумя ручками. Наиболее ранняя дата появления амфор в восточной Европе, установленная М. И. Артамоновым,—

⁶⁹ Наш дневник раскопок 1940 г. на усадьбе Михайловского монастыря.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ А. В. Арциховский Введение в археологию. М., 1940, стр. 131.

IX век, а дата местного производства их — X век.⁷²

Судя по описаниям, киевские амфоры из погребений принадлежат в основном к тому местному типу низкогорлых массивных, с широким туловищем и округлым или коническим дном и бороздчатыми стенками амфор (русское название — корчага), которые производились на Киевщине и бытовали здесь в домонгольский период. В эпоху, следующую за татарским завоеванием, их производство прекращается. В киевских погребениях ранее 989 г. они также не встречены.

В мужских погребениях X—XI вв. находят ножи, наконечники стрел, копыя, пряжки от ремня, небольшие пуговицы, оселки, части кольчуг. Инвентарь этот очень скуден.

Сосуды различных типов в мужских погребениях так же часты, как и в женских.

Погребения за небольшими исключениями все единичные. Глубина их залегания — от 2 до 3 м в материке. Монеты не встречены.

Погребения в каменных саркофагах явились на смену погребениям знатных дружинников в срубных гробницах. Инвентарь этих погребений даже в конце XI в. поражает нас чисто языческой пышностью. Княжеские погребения в каменных гробницах, открытых под полами древнейших киевских храмов, могут составить предмет специального исследования. В одной Десятинной церкви известны по летописи семь княжеских захоронений, открыто же археологическими раскопками в разное время восемь.⁷³ Помимо Десятинной церкви и Софийского собора каменные гробницы были в свое время найдены в храмах Кирилловского, Михайловского, Выдубицкого монастырей, в развалинах «Ирининской» церкви и предполагаемого Янчина монастыря, на урочище Аскольдова Могила. Большая часть этих погребений оставалась невскрытой; некоторые же гробницы были взломаны очень давно, а их содержимое расхищено. Княжеское погребение в деревянном саркофаге, открытое М. К. Каргером в 1938 г. под полом Десятинной церкви и принадлежащее, очевидно, князю Ростиславу Мстиславичу (умер в 1093 г.), является единственным полностью изученным погребением в саркофаге из открытых до сих пор в Киеве.

6. Погребения XI—начала XIII вв.

Погребения XI—начала XIII вв. представлены главным образом безинвентарными захоронениями или погребениями с весьма скудным инвентарем. Однако В. В. Хвойко находил в отдельных захоронениях этого времени трехбусинные височные кольца, бубенчики, голов-

⁷² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 73—75.

⁷³ М. К. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. ИИМК, вып. IV, 1940.

ные повязки из парчевой ткани. В одном из погребений XII—XIII вв., открытых Д. В. Милеевым у фундаментов церкви XI века на усадьбе Софийского собора (раскопки 1909 г.), был найден венчик из серебряных пирамидальных пластинок, соединенных шелковыми нитями; на обрывках одежды сохранились бронзовые пуговицы.⁷⁴ В другом погребении, найденном под полом в юго-западной части той же церкви, на лбу скелета сохранилась лента, тканая золотом, на груди — золоченые бляшки, нашитые на шелковую ткань. Бляшки аналогичны встречающимся в киевских кладах XI—XII вв. Сведения об отдельных погребениях этого времени очень немногочисленны; общие же описания содержат указания на наличие шиферных пряслиц, стеклянных браслетов и перстней, крестиков и иконок. Последние представлены как каменными образками и крестиками, так и литыми (главным образом из бронзы) иконками, крестиками и крестами-складнями.

Одной из характерных особенностей киевских погребений XI—начала XIII вв. является их значительно меньшая глубина, чем у погребений предшествующей эпохи, и не в материке, а в культурном слое. Эта особенность отчетливо прослеживается на территории усадьбы Трубецкого, где еще И. Хойновским было отмечено наличие двух ярусов погребений — древнейшего языческой поры (IX—X вв.) на глубине от 2 до 3 м и более позднего, представленного погребениями с крестами и иконками (XI—XII вв.) на глубине от 1,5 до 2 м.

Еще одна черта заслуживает внимания в погребениях этого времени — наличие битого кирпичного щебня, рассыпанного вдоль костяка или у ног покойника. Эти черты похоронного ритуала отмечены И. Хойновским и С. С. Гамченко при раскопках усадьбы Трубецкого⁷⁵ и В. В. Хвойко при раскопках в усадьбе Петровского. Под головой или в ногах покойного иногда находили поливные половые плитки (погребения в б. усадьбе Трубецкого и в усадьбе Софийского собора).

7. Выводы

С укреплением христианства в судьбе древних кладбищ Киева происходят крупные перемены. В XI—XII вв. некоторые старые кладбища были заброшены. Другие продолжают функционировать несмотря на то, что оказа-

лись в самом центре города, в непосредственной близости от жилых домов; так, сохранилось древнее кладбище на б. усадьбе Трубецкого. Этой сохранности оно, несомненно, было обязано тем, что в его границах была выстроена церковь (предположительно Янчина монастыря, развалины которого были открыты в 1882 г. во дворе усадьбы Трубецкого) и кладбище стало церковным.

Обычай погребать князей в храмах установился в Киеве с конца X в. В XI в. отдельные представители киевского княжеского дома (князья Ярославичи) строят в своих усадьбах, расположенных в центре города, «отчие» храмы, превращая их в свои родовые усыпальницы. Естественно, что ближайшее к церкви пространство также занимается погребениями родичей и приближенных к данной княжеской фамилии лиц; впоследствии здесь же могли хоронить и других горожан из числа прихожан данной церкви. Этим обстоятельством можно объяснить существование в Киеве в XI—XII вв. множества новых кладбищ, возникающих часто в самых оживленных и густо населенных частях города. Таким, несомненно, является кладбище вокруг церкви XI в., открытой в усадьбе Софийского собора Д. В. Милеевым. Обследованное ближайшее к церкви пространство содержало несколько сот погребений XI—XIII вв., располагавшихся нередко друг над другом. Укажу также на кладбище вокруг «церкви Ирины», открытое раскопками 1838 и 1910 гг., с его многочисленными погребениями в каменных саркофагах и грунтовых могилах, и на кладбище, обнаруженное в усадьбе дома № 8 по Б. Житомирской улице, датированное стеклянными браслетами, каменными иконками и т. д.⁷⁶

Появление кладбищ за городским валом происходит, очевидно, за счет роста городского населения и увеличения посадской части города.

К числу таких кладбищ также, возможно, раскинувшихся возле каких-либо до нас не дошедших храмов, принадлежат 1) кладбище близ Золотых ворот по б. Елизаветинской улице и на пространстве между Прорезной и б. Фундуклеевской ул., открытое в 1874 г. и содержащее погребения с шиферными пряслицами;⁷⁷ 2) кладбище близ Львовских ворот, открытое в 1879 г., с характерным погребальным инвентарем XI—XII вв. — стеклянными браслетами и перстнями, шиферными пряслицами;⁷⁸ 3) кладбище на углу Обсерваторского и Кудрявского пер., открытое в 1895 г., где в погребениях были найдены «амфорки»

⁷⁴ Д. В. Милеев. Вновь открытая церковь XI в. в Киеве. Труды IV съезда зодчих, 1911, стр. 117—118.

⁷⁵ При раскопках 1926 г. в б. усадьбе Трубецкого С. С. Гамченко было найдено 10 погребений из глубины от 1 до 2,5 м. При шести из них вещей не оказалось. В остальных четырех были найдены горшки гонимой работы, амфоры и в нескольких случаях — обломки кирпичей.

⁷⁶ ИАК, вып. 52 (прибазл.), 1914.

⁷⁷ В. Захарченко. Киев прежде и теперь. Киев, 1888.

⁷⁸ Каталог выставки XI Археол. съезда. Киев, 1895, инвент. № 10—19.

киевского типа и шиферные пряслица,⁷⁹
4) кладбище на горе Дитинка XII—XIII вв.,⁸⁰
расположившееся на месте более ранних го-
родских построек XII в

Сведения о городских кладбищах Киева
XI—XII вв. неполны, и очевидно многие райо-
ны города, в том числе Подол, имели не-
сколько таких кладбищ, о которых мы пока
ничего не знаем

Особую группу погребений составляют ино-
ческие погребения в пещерах, они принадле-

⁷⁹ Т Д Кибальчич Об уничтожении Яросла-
вова вала Газета «Жизнь и искусство», Киев, 1895
№№ 215, 229, 236

⁸⁰ Роскопи 1930 р у Києві на горі Дітинці (хро-
ніка Археології та Мистецтва, Київ, 1931, т III)

жали монахам киевских монастырей — Выду-
бицкого и Печерского, возникших в свое вре-
мя как пещерные монастыри

Тяжелая пора татарского нашествия оста-
вила по себе память в Киеве в виде коллек-
тивных могил мужественных защитников го-
рода, завершающих собой историю древнего
киевского некрополя Коллективные могилы
жертв татарского нашествия были обнаружены
в разных частях Киева — на восток от Деся-
тинной церкви,⁸¹ в усадьбе Трубецкого,⁸² на
Кирилловской улице в б усадьбе Марра⁸³

⁸¹ В В Хвойко Ук соч, стр 75

⁸² И Хойновский Ук соч, стр 23

⁸³ В Б Антонович Археологическая карта Ки-
евской губ, Киев, 1895

А. В. Арциховский

РАСКОПКИ НА СЛАВНЕ В НОВГОРОДЕ

1

Археологическое изучение Новгорода Великого начато в 1932 г. на Славне. Раскопкам этого района посвящены были четыре полевых кампании: 1932, 1934, 1936 и 1937 гг. О каждой из них напечатаны предварительные сообщения,¹ итоги работ 1932 и 1934 гг. были подведены в особой статье,² но в целом раскопки из-за войны долго оставались неизданными; настоящая статья ставит себе задачи их публикации.

Термин «Славно» и термин «Холм» довольно часто упоминаются в летописи. Это почти синонимы, но нельзя считать их совсем таковыми, к чему некоторые авторы склоняются. Холм составлял, по видимому, часть Славна, но часть основную. В некоторых летописных упоминаниях Славно представляется довольно значительным районом.³ Но такие сведения сравнительно редки; в большинстве летописных известий со Славном связаны две церкви, позволяющие топографически уточнить эту территорию. Они стоят донныне рядом; это Илья на Славне и Петр и Павел на Славне, расстояние между ними всего 12 м. Илья связан летописцами со Славном двенадцать раз,⁴ Петр и Павел — семь раз.⁵ Другие церкви относятся к Славну лишь в виде исключения, а именно: Михаил (сравнительно близкий) два раза,⁶ Святые отцы (точное место их неизвестно) один раз,⁷ Иван один раз.⁸ Последнее

упоминание свидетельствует о том, что один из летописцев просто отождествлял понятия «Славно» и «Славенский конец», так как названа церковь Ивана в Торгу, т. е. Ивана на Опоках, лежащая на противоположном краю названного конца; такое отождествление видно здесь и из всего контекста, но оно отнюдь не типично. Славно было лишь основным ядром конца, оно дало ему свое имя, однако топография этого обширного конца хорошо известна, в частности церковей там было много, и некоторые из них прямо связывает с ним летопись. У Славна летопись упоминает лесную пристань,⁹ это не противоречит намечаемой топографии, поскольку от обеих основных славенских церковей до Волхова близко, здесь и поныне пристают плоты. Одна из улиц в этом районе до сих пор носит имя «Славная улица», но направление ее, как и других улиц Торговой стороны, сильно изменено в XVIII в. Во всяком случае вблизи двух названных церковей всегда проходила, как и теперь, Ильинская улица, древняя Ильина, получившая свое имя по одной из них.

Местоположение Холма может быть по летописям определено еще точнее: церковь Ильи связана с ним восемь раз,¹⁰ церковь Петра и Павла — семь раз,¹¹ никаких других топографических указаний для него нет. Вторая церковь в двух из этих упоминаний именуется сокращенно: «цркъы святых апостол»¹² и «церковь святую апостолу».¹³ Однако в другой редакции первого известия Петр и Павел названы,¹⁴ а во втором известии двойственное число тоже устраняет все сомнения.

Слово «холм» надо понимать в буквальном смысле. Новгород расположен в ровной и низкой местности, среди нее небольшое возвышение, на котором стоят две церкви, до сих пор представляется заметным холмом. Надо учесть и то, что культурный слой при раскоп-

¹ О 1932 г. заметка А. В. Арциховского и М. К. Каргера, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1933, № 1—2; о 1934 г. заметка А. В. Арциховского, «Историк-марксист», 1935, № 1, о 1936 г. заметка А. В. Арциховского, сборник «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.»; о 1937 г. заметка П. И. Засурцева, «Историк-марксист», 1938, № 3.

² А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. СА, III, 1937.

³ ПСРЛ, III, 18, 43, 63.

⁴ ПСРЛ, III, 3, 26, 55, 127, 161, 172, 217; IV, 2-е изд., 445, 584, 592, 596, 618.

⁵ ПСРЛ, III, 133 (дважды), 217, 222, 229; IV, 2-е изд., 291, 294.

⁶ ПСРЛ, III, 18, IV, 2-е изд. 618.

⁷ ПСРЛ, III, 18.

⁸ ПСРЛ, IV, 2-е изд., 342.

⁹ ПСРЛ, III, 157; VI, 290.

¹⁰ ПСРЛ, III, 9, 24, 26, 47, 127, 217; IV, 2-е изд., 178, 592.

¹¹ ПСРЛ, III, 10, 21, 22, 214, 217, 229, IV, 2-е изд., 151.

¹² ПСРЛ, III, 21.

¹³ ПСРЛ, III, 22.

¹⁴ ПСРЛ, III, 217.

ках на Холме оказался тоньше, чем в других районах города, из чего следует, что на заре новгородской истории разница в рельефе была больше. Предполагать здесь, как это делали норманисты, скандинавское слово «holm», остров, бессмысленно: назвать данную местность островом нельзя ни в каком смысле.

Писцовые и лавочные книги XVI в. неоднократно называют живущих на Славне садов-

ность древних срубов. Последующие раскопки, впрочем, доказали, что срубы в Новгороде хорошо сохраняются почти повсеместно. Во всяком случае избранный для первых раскопок участок более чем оправдал возлагавшиеся на него надежды — экспедиция возвращалась на Славно из года в год, работы там были прекращены только тогда, когда расширять раскопы стало некуда (рис. 1).

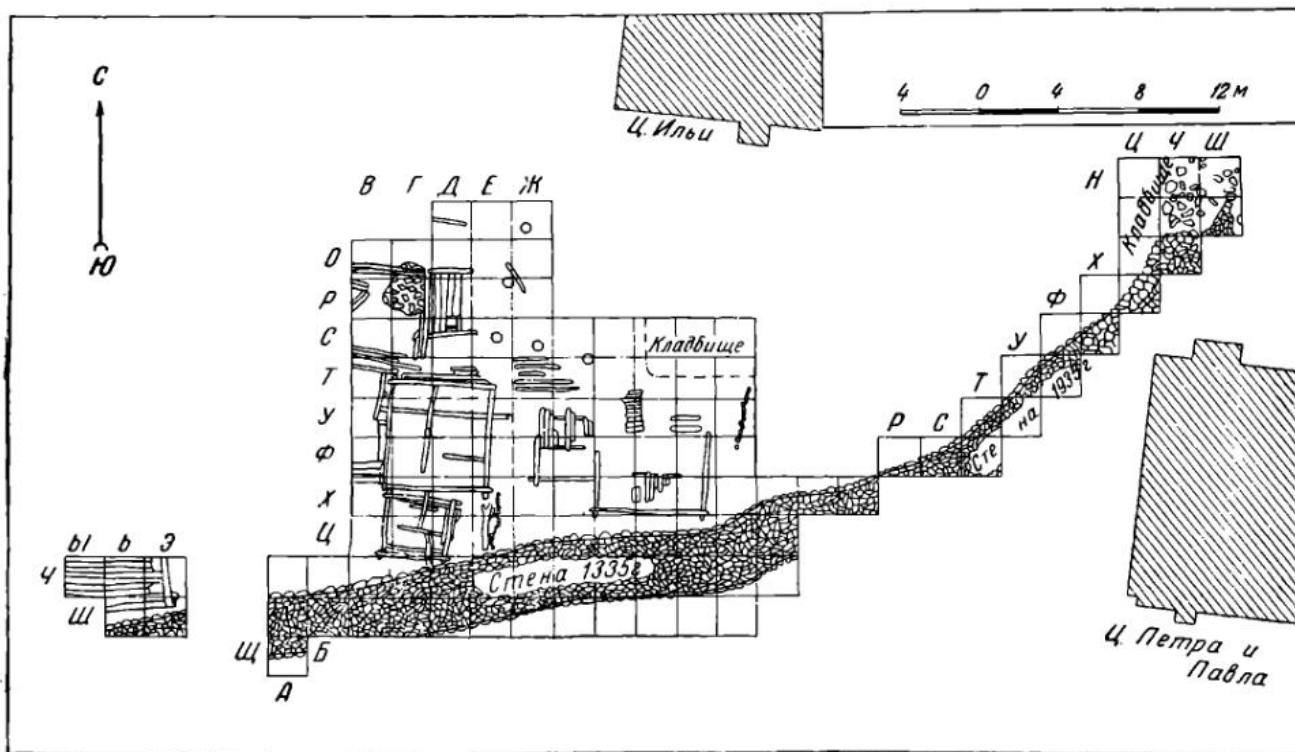

Рис. 1. План основного раскопа на Славне.

ников. Большинство упоминаний термина «Славно» связано в этих книгах с садовниками.¹⁵ Очевидно, там были большие сады, возникшие, надо полагать, раньше; от предыдущих веков подобные источники не дошли.

2

В 1932 г. экспедиция, осмотрев все новгородские пустыри, избрала для раскопок пустырь на Славне, в самом центре Холма, непосредственно прилегающий к обеим названным церквям. От церкви Ильи он находится на юг, от церкви Петра и Павла на запад. При выборе этого места имело значение еще одно обстоятельство. Рядом с этим участком, во время производившейся постройки, земляные работы установили хорошую сохран-

¹⁵ В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому. СПб., 1911, стр. 23, 122, 128, 132; Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому. СПб., 1912, стр. 51; С. В. Бахрушин. Лавочные книги Новгородского Великого. М., 1930, стр. 110, 187.

Раскопки были организованы Государственной Академией Истории материальной культуры и Государственным Историческим музеем (Москва). Начальником экспедиции все эти годы был А. В. Арциховский, научными сотрудниками в 1932 г. М. К. Каргер и Б. А. Рыбаков, в 1934 г. Б. А. Рыбаков и Л. А. Голубева, в 1936 г. А. Е. Алихова, А. А. Крайнов, А. Д. Маневский и С. В. Романовская, в 1937 г. А. Е. Алихова, С. В. Романовская и С. А. Тараканова. В 1932 г. в раскопках участвовали студенты Ленинградского Гос. университета, в 1937 г. Московского Гос. университета и Московского Гос. Педагогического института. Из студентов ЛГУ активными участниками экспедиции были А. Н. Рогачев и И. В. Щербakov, из студентов МГУ — М. А. Гинзбург, И. Г. Еремин, И. В. Лазарев, А. Б. Осповат и М. Г. Рабинович, из студентов МГПИ — К. В. Виноградов, П. И. Засурцев, А. Р. Корсунский, Х. А. Рубштейн и Г. Б. Трошков. Фотографом экспедиции был в 1932 г. С. Н. Аносов, в 1934 г. А. Ф. Яковлев, в 1936 и 1937 гг.

А. И. Смирнов. Большое содействие раскопкам оказал в 1932 г. главный механик новгородского водопровода А. Г. Бельдюгин, а в 1934, 1936 и 1937 гг. его преемник по должности Е. Н. Вантурин.

Намеченная для раскопок площадь для удобства дальнейшей работы была еще в 1932 г. разбита на двухметровые полосы, направленные с севера на юг, и на такие же полосы, направленные с запада на восток. Те и другие полосы были пронумерованы буквами русской азбуки от А до Я. Таким образом, единицей учета являлся раскопный квадрат в 4 м², определяемый пересечением полос. Шифровка квадратов применялась, следовательно, двубуквенная: на первом месте при этом ставилась буква горизонтальной (на плане) полосы, а на втором месте вертикальной (например, *ТВ*). Двубуквенная шифровка четче и закономернее определяет квадрат, чем цифровая, всегда несколько случайная. Однако букв в алфавите слишком мало, а точные границы раскопа никогда нельзя предвидеть заранее. Поэтому данная система встретилась в конце концов с затруднением, которое надо здесь оговорить. В 1932 г. крайним западным пределом раскопок представлялась меридиональная линия А, поскольку к западу от нее лежит дорога городского водопровода, которую перерывать нельзя, и небольшой сад, который надо беречь (ни одно из его деревьев не срублено экспедицией, впоследствии они пережили войну). Однако открытая раскопками крепостная стена заслуживала быть прослеженной на запад от этой линии, что и было сделано в 1936 г.: мы пропустили 4 м дороги, а деревья остались в стороне. Раскопы, лежащие к западу от линии А, трудно было шифровать: пришлось снова начать азбуку с конца, а во избежание смещений добавлять в каждом шифре букву А; таким образом получились трехбуквенные шифры (например, *ШЭА*). При последующих новгородских раскопках (с 1938 г. на Ярославом Двориче) экспедиция вернулась поэтому к традиционным цифровым обозначениям квадратов.

Подавляющее большинство квадратов на Славне носили двубуквенные обозначения (упомянутых трехбуквенных очень мало). Все находки обозначались однородно: за наименованием квадрата следовала цифра, означавшая глубину: от 0 до 0.2 м — 1, от 0.2 до 0.4 — 2, от 1.8 до 2 — 10, от 2 до 2.2 — 11 и т. д. (например — *СЕ-4*, *ЦВ-6*, *ФМ-10* и т. п.).

Эти срезы, по 0.2 м каждый, назывались при раскопках пластами: соответственно 1-й пласт, 2-й пласт, 10-й пласт, 11-й пласт и т. д.

Все квадраты перед раскопками нивелировались. Отметки нивелировки делались для каждого метра. За нулевую точку был при этом принят правый верхний угол южной двери церкви Ильи на Славне. Все цифры получались отрицательные, от 164 (*ОЖ*) до 282

(*ЧА*). Большинство цифр было между 200 и 250. Данные эти в сантиметрах.

В 1932 г. вскрыты были прежде всего квадраты *ХВ*, *ХГ*, *ХД*, *ХЕ*, *ЦВ*, *ЦГ*, *ЦД*, *ЦЕ*, *ЧВ*, *ЧГ*, *ЧД*, *ЧЕ*, *ШВ*, *ШГ*, *ШД*, *ШЕ*. Все они вместе составляли один квадрат, площадью в 8 × 8 м; он, к счастью, сразу попал на каменную стену, давшую впоследствии основу для стратиграфических и иных выводов; рядом с ней оказались срубы. Для дальнейшего исследования стены затронуты были поверхностно квадраты *ЦЖ*, *ЧЖ*, *ШЖ*, *ЦЗ*, *ЦИ*, *ЦК*, *ЦЛ*, *ЦМ*, *ХН*, *ХО*, *ХП*. На этих квадратах работы тогда ограничивались снятием позднего верхнего слоя и определением северной грани кладки. Так уже тогда удалось определить значительную протяженность этого сооружения и кривизну его в плане.

В 1934 г. первой задачей было исследование срубов, прежде всего избы, затронутой перед этим частично. Для этого раскоп был расширен на север и вскрыты квадраты *СВ*, *СГ*, *СД*, *СЕ*, *ТВ*, *ТГ*, *ТД*, *ТЕ*, *УВ*, *УГ*, *УД*, *УЕ*, *ФВ*, *ФГ*, *ФД*, *ФЕ*. Они вместе опять составили квадрат площадью в 8 × 8 м. Избу удалось исследовать при этом целиком. Для исследования стены на западе взяты были квадраты *ЧВ* и *ШВ*, а на востоке опять поверхностно затронуты квадраты *ФР*, *ФС*, *ФТ*, *УТ*, *УУ*, *ТУ*, *ТФ*, *СФ*, *СХ*, *РХ*, *РЦ*, *ПЦ*, *ПЧ*. Общее направление стены, идущей здесь резко на северо-восток, было тем самым определено окончательно.

В 1936 г. для выяснения стены на юго-западе были вскрыты сначала квадраты *ЧА*, *ША*, *ЩА*, а затем вышеупомянутые квадраты с трехбуквенной шифровкой, *ЧЭА*, *ШЭА*, *ЧБА*, *ШБА* и *ЧЫА*. Но основное расширение раскопок было и в 1936 г. на север, где взяты были квадраты *ПВ*, *РВ*, *ПГ*, *РГ*, *ОД*, *ПД*, *РД*, *ОЕ*, *ПЕ*, *РЕ*, *ОЖ*, *ПЖ*, *РЖ*. Здесь продолжено было изучение деревянных сооружений. Наконец, на востоке раскопки шли попрежнему вслед за стеной. Там вскрыты были квадраты *НЦ*, *ОЦ*, *НЧ*, *ОЧ*, *НШ*, *ОШ*, давшие, кроме стены, ряд интересных погребений. В 1936 г. все квадраты вскрывались целиком; поверхностное затрагивание некоторых квадратов (применявшееся в прежние годы для прослеживания стены) было признано ошибкой. Из затронутых таким образом в 1932 г. квадратов был в 1936 г. полностью вскрыт *ХН*, а рядом с ним, для изучения во всю ширину стены, *ЦН* и *ЧН*.

В 1937 г. раскопки на Славне происходили в двух местах: а) на том же пустыре, где и все предыдущие годы, б) на Посольской улице и Воскресенском переулке. На пустыре вскрыты были квадраты *СЖ*, *СЗ*, *СИ*, *СК*, *СЛ*, *СМ*, *ТЖ*, *ТЗ*, *ТИ*, *ТК*, *ТЛ*, *ТМ*, *УЖ*, *УЗ*, *УИ*, *УК*, *УЛ*, *УМ*, *ФЖ*, *ФЗ*, *ФИ*, *ФК*, *ФЛ*, *ФМ*, *ХЖ*, *ХЗ*, *ХИ*, *ХК*, *ХЛ*, *ХМ*, *ЦЖ*, *ЦЗ*, *ЦИ*, *ЦК*, *ЦЛ*, *ЦМ*, *ЧЖ*, *ЧЗ*, *ЧИ*, *ЧК*, *ЧЛ*,

ЧМ, ШЖ, ШЗ, ШИ, ШК, ШЛ, ШМ. Все они составили один прямоугольный четырехугольник длиной (с севера на юг) 16 м, шириной (с запада на восток) 12 м. Исследованы были новые срубы; на северо-востоке встретились погребения, а в южной части раскопа было продолжено изучение стены во всю ширину.

Рис. 2а. Северный профиль квадрата ЧЭА от поверхности до материка.

Восемь квадратов, частично затронутых в 1932 г. (ЦЖ, ЧЖ, ШЖ, ЦЗ, ЦИ, ЦК, ЦЛ, ЦМ), были теперь вскрыты полностью. На Посольской улице (вдоль улицы) была заложена разведочная траншея 20×2 м (квадраты 1—10), пересекая стену. Затем на Воскресенском переулке, там где он делает излом и образует площадку, была заложена тоже разведочная траншея в 24×2 м (квадраты 1—12), стены не пересекая; потом на том же переулке, ближе к Посольской улице, — траншея в 10×2 м (квадраты 13—17), тоже не нашедшая стены, и, наконец, там где названный переулок подходит к Посольской улице, был заложен раскоп ломаных очертаний (квадраты 18—40), нашедший стену. Тогда раскопки в этом месте, имевшие разведочные задачи, были прекращены.

Прекращены они были и на пустыре,вшем в 1932—1937 гг. столь ценные материалы. На западе расширению раскопа мешает сад, на юге — здания, на севере и востоке — при-

легающие к церквам Ильи и Петра и Павла кладбища. Кладбища эти дали, правда, ценные материалы, но дальше копать их было нецелесообразно, тем более, что вещей при погребениях не оказалось.

3

Стратиграфия, обнаруженная на Славне, заслуживает подробного изложения.

Раскопками вскрыты три слоя, настолько четко разграниченных, что они хорошо различимы на всех фотографиях; слои идут горизонтально (рис. 2а). Установление этой стратиграфии является первым важным итогом раскопок на Славне, здесь удалось заложить основы хронологии новгородских слоев, и счастливая находка стены дала для этой хронологии абсолютную дату.

Ряд стратиграфических выводов основан на этой дате, поэтому здесь приходится забежать несколько вперед и сказать, что каменная крепостная стена построена посадником Федором в 1335 г. Доказательство этого будет дано в своем месте при описании стены.

Первый верхний слой, серый и сыпучий, идет в среднем от 0 до 0.6 м, иногда он доходит до 1 м и даже немного больше; в поздних перекопах (на Славне, к счастью, очень редких) проникает и глубже. Слой этот содержит много щебня и следы истлевших деревянных сооружений (сохранность дерева здесь несравненно хуже, чем в третьем слое). Керамика первого слоя близка к современной, преимущественно поливная и лощеная. Много стекла, преимущественно бутылочного. Встречаются кирпичи XVIII—XIX вв. Довольно часто попадаются монеты. Дата их от 1707 до 1859 г. (одна монета Михаила Федоровича на Воскресенском раскопе попала в этот слой, вероятно, из перекопа. Можно отметить в виде курьеза находки португальской и моденской монет XVIII в.). Под следами сооружений, отделяя первый слой от второго, во многих квадратах прослеживается песчаная прослойка мощностью до 0.2 м со следами угля в основании. Дата первого слоя XVIII—XIX вв.

Второй слой, черный и сравнительно рыхлый, идет в среднем на глубине от 0.6 до 1.2 м, иногда он кончается уже около 1 м, иногда доходит до 1.5 м и даже немного больше. В ряде мест он заметно тоньше, чем первый слой, и почти всюду значительно тоньше, чем третий. Он содержит вблизи стены посадника Федора 1335 г. (о ней см. ниже) много обломков тесаных известняковых плит, являющихся ее развалом. Поздней керамики в слое нет. Преобладает серая посуда, близкая уже к древнерусской, но отличающаяся от нее: а) плоским обрезом большинства отогнутых венчиков; б) преобладанием высоких шеек; в) наличием низких плечиков; г) наличием днищ, срезанных nitкой, наряду с днищами, присыпанными песком; д) относитель-

ной редкостью орнаментов (среди которых, впрочем, преобладают древнерусские, линейный и волнистый). Монеты этого слоя, если не считать находок при погребениях, почти все датируются XVII в.; четыре из них русские, все Михаила Федоровича (СГ-5, ПГ-4, СМ-4, СЛ-5) и две шведские, обе Карла XI (ПГ-7, РГ-6). Затем имеется одна монета XV в., серебряная новгородка с неизменным изображением Софии и денежника (ШЭА-6,

Рис. 26. Северный профиль квадратов XV и XVI от поверхности до сруба сапожника, над срубом — прослойка 1335 г.

сохранность ее плохая).¹⁶ Особняком стоят многочисленные монеты, найденные в погребениях, связанных с тем же слоем (дата их XV в.), и возле погребений (дата их тоже XV и изредка XVI в.); подробнее о них см. ниже. Бревна срубов, многочисленные в третьем слое, во втором не встречены вовсе. Отчасти это можно объяснить тем, что вообще в Новгороде дерево, чем оно моложе, тем хуже сохраняется (что объясняется относительной удаленностью от сохраняющих дерево, подпочвенных вод). Но для столь полного отсутствия во втором слое бревен такое объяснение недостаточно. Приходится вспомнить обилие на Славне в XVI в. садов. Если принять это объяснение, надо признать, что сады на данном участке пришли на смену постройкам не в XVI в., а в XIV, когда (см. ниже) второй слой стал наслаиваться. Только в непосредственной близости к стене сад предполагать трудно, там слишком много камня. В основании слоя завал разрушенной каменной стены сгущается. Под завалом стены, отделяя второй слой от третьего, лежит глинистая прослойка с примесью щебня и угля, мощностью до 0.25 м. Дата второго слоя XIV—XVII в. Нижняя его грань датируется точно, о чем стоит сказать подробнее.

¹⁶ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. Известия Академии Наук, серия истории и философии, 1948, № 1.

Переход от второго слоя к третьему заслуживает особого внимания. Удалось доказать, что граница между этими слоями соответствует дневной поверхности XIV в. или, точнее говоря, строительной планировке, произведенной посадником Федором при сооружении стены 1335 г. Вышеупомянутая прослойка из глины, щебня и угля между вторым и третьим слоями именно и образовалась при этой планировке (рис. 2б и 2в). Ее можно назвать

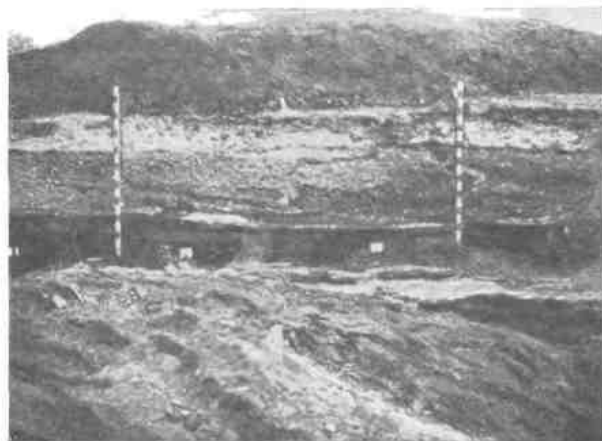

Рис. 2в. Северный профиль квадратов SV—SE от поверхности до верхней части жома (справа), над жомом — прослойка 1335 г.

строительным слоем 1335 г. Это особенно хорошо доказывается на перпендикулярных к стене меридиональных профилях (рис. 3б и 4а). Там видно, как эта прослойка упирается в стену в среднем на 0.2 м выше валунов, составляющих основание стены. В профилях, которые перпендикулярны меридиональным, прослойка лежит непосредственно под осыпью стены (рис. 3а). Стена начала осыпаться и разрушаться вскоре после постройки. Осыпь сгущается обычно в нижней части второго слоя. Там, где профиль проходит через стену, второго слоя вообще нет (если каменная кладка сохранилась на достаточную высоту). Первый слой лежит там над стеной, он отлагался после того, как древнее укрепление исчезло под землей. Третий слой там вскрыт под стеной, он отлагался до строительной деятельности посадника Федора; фундамент стены не был доведен до материка (рис. 4б).

Эти наблюдения сделаны, конечно, прежде всего на квадратах, ближайших к стене посадника Федора. Но и до наиболее удаленных квадратов Славенского раскопа (кроме кладбищенских) все три слоя доходят непоколебленными и неизменными, хотя никаких следов осыпи стены там уже нет. Следовательно, дата слоев и там та же, т. е. грань между вторым и третьим приходится на XIV в. Очень редко она нарушается перекопами.

Третий слой, коричневый и жирный, идет в

среднем на глубине от 1.2 до 2.2 м. Наибольшая его глубина доходит до 3 м. Этот слой особенно замечателен прекрасной сохранностью деревянных сооружений и вообще органических остатков. Здесь залегали все вскрытые раскопками срубы. Керамика

найдено 1332). Таким образом, стеклянные браслеты и в Новгороде оказались типичнейшей находкой для слоев XI—XIII вв. Их расположение заслуживает вообще особого внимания, поскольку они являются массовым материалом, дающим надежное статистическое

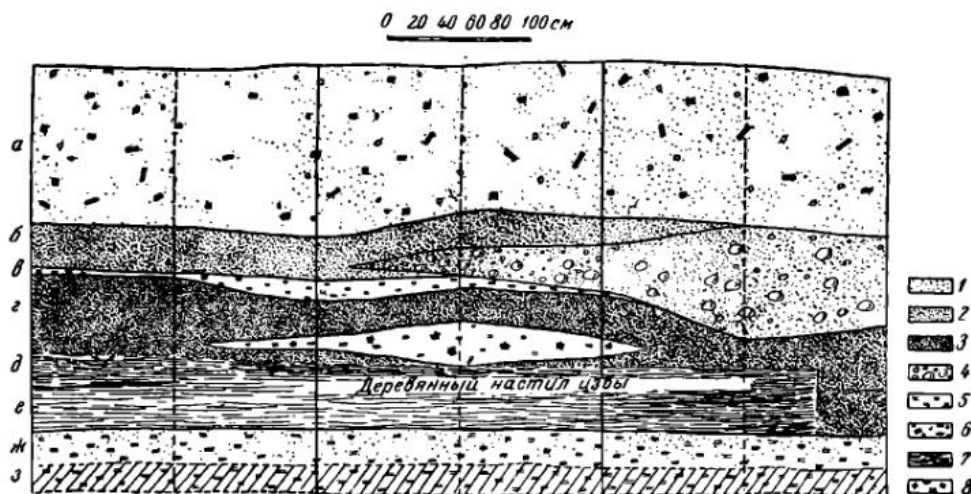

Рис. 3а Северный профиль квадратов ЧЫА, ЧБА и ЧЭА.

1 — слой I; 2 — слой II; 3 — слой III; 4 — осыпь стены; 5 — глина; 6 — строительный мусор; 7 — остатки дерева; 8 — шлаки. а — серый слой с остатками мусора; б — черный культурный слой (II); в — слой II с осыпью от стены 1335 г.; г — коричневый (III) слой; д — прослойка из пережженной глины с остатками шлаков; ж — серая гумированная глина; з — желтая материковая глина; и — прослойка желтой глины.

третьего слоя принадлежит к основному древнерусскому типу, обычно называемому у нас курганным. Это посуда, как известно, общеславянская. Венчики большинства сосудов третьего слоя резко отогнуты и припухлы, шейки низки, плечики выпуклы и круты, нижние части имеют усеченно-коническую форму, днища присыпаны песком, линейный и волнистый орнаменты встречаются очень часто. Все сосуды сделаны на гончарном кругу, лепленных от руки нет вовсе, в этом отношении самые нижние горизонты культурного слоя не отличаются в Новгороде от самых верхних. Гончарный круг является надежным признаком гончарного ремесла,¹⁷ вся посуда здесь, даже в древнейших слоях, сделана гончарами. Типичной находкой для третьего слоя являются обломки стеклянных браслетов. Чем ближе к деревянным сооружениям, тем они обильнее. Над этим слоем их нет почти вовсе: в первом слое и во втором слое встречены по два обломка, они попали туда, очевидно, из перекопов. Зато в третьем слое их 1 105, т. е. свыше 99.6% от общего количества браслетов с Посольского и Воскресенского раскопов, где много ям, нарушивших стратиграфию, а всего этих предметов на Славне

основание для хронологических выводов. Дата третьего слоя X—XIV вв. Верхним его пределом является, как выше говорилось, 1335 г., нижний предел отодвигать глубже X в. нельзя из-за полного отсутствия раннеславянских вещей и архаичной керамики.

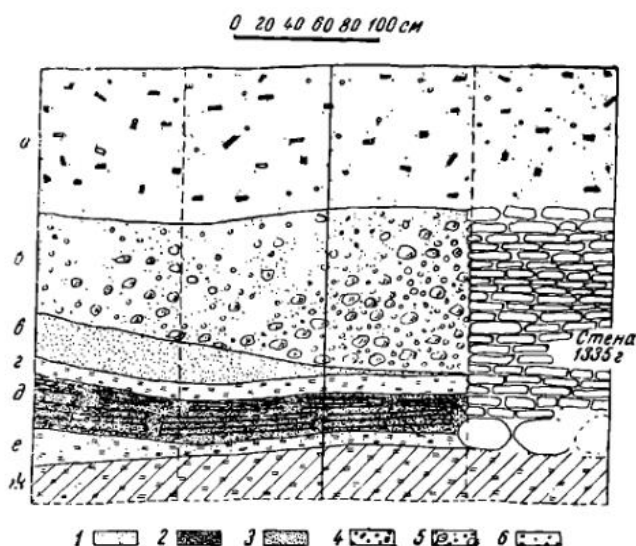

Рис. 3б Восточный профиль квадратов ЧЭА и ШЭА.

1 — слой I; 2 — слой III; 3 — слой II; 4 — строительный мусор; 5 — осыпь стены; 6 — глина. а — серый сыпучий слой со строительным мусором; б — осыпь стены 1335 г.; в — черный (II культ.) слой; г — строительная прослойка из серой глины; д — коричневый (III культ.) слой со срубками; е — серая гумированная глина; ж — желтая материковая глина.

¹⁷ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11—12, стр. 44—45.

О X в. говорить можно (см. ниже), но и то без особой уверенности.

В связи с этим надо отметить еще один из результатов раскопок. Мнение многих

ком всюду являлась желтая ледниковая глина. В одном месте она была взята на значительную глубину, так что вскрылись подстилающие глину песчаные слои.

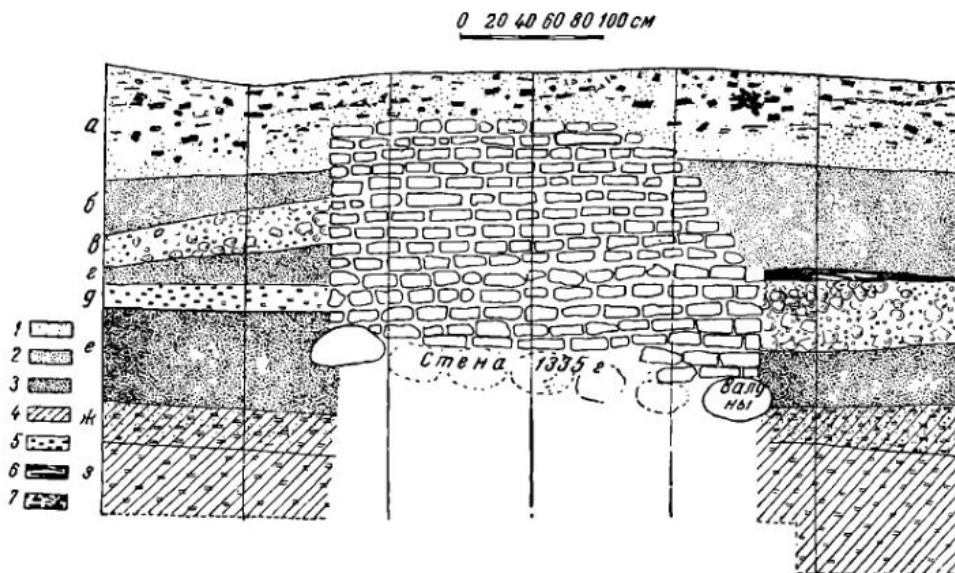

Рис. 4а. Восточный профиль квадратов 4А, 3А и 2А.

1 — слой I; 2 — слой II; 3 — слой III; 4 — материк; 5 — глина; 6 — уголь; 7 — строительный мусор и кирпич. а — светлосерый сыпучий, с большим количеством мелкого битого кирпича и другого строительного мусора; б — черный, рыхлый культурный слой; в — осыпь от стены; г — черный слой; д — серая глина; е — темнокоричневый слой со щепой; ж — серая гумированная глина; з — желтая глина.

историков, помещавших древнейшее поселение Новгорода на Славенском холме и выводивших из этого названия скандинавское имя Новгорода — Хольмгард — раскопками не подтверждено.

Вышеописанная стратиграфия одинаково типична для всех квадратов, за исключением квадратов НЦ, ОЦ, НЧ, ОЧ, НШ, ОШ, где находилось кладбище и культурного слоя не оказалось по существу вовсе, хотя кладбищенская земля была несколько гумирована из-за близости жилых наслоений. Кладбище, как ниже доказывается, возникло после разрушения стены XIV в., но и раньше это место не было обитаемо (если не предположить полного уничтожения древнего культурного слоя при сооружении стены, что, судя по характеру смежных наслоений, мало вероятно). Кроме того, погребения того же времени были еще в квадратах СК, ТК, СЛ, ТЛ, СМ, ТМ. Там они находились в культурном слое, и их ямы пересекали напластования, заходя из второго слоя, с которым все погребения связаны, в третий.

Между культурным слоем и материковой глиной залегала, как обычно, серая гумированная глина.

Материк на Славне был на глубине от 2 до 3 м, что для Новгорода мелко (по сравнению с районами последующих раскопок). Матери-

4

В самом начале раскопок было сделано наблюдение, что деревянные сооружения третьего слоя распадаются на три яруса, лежащие

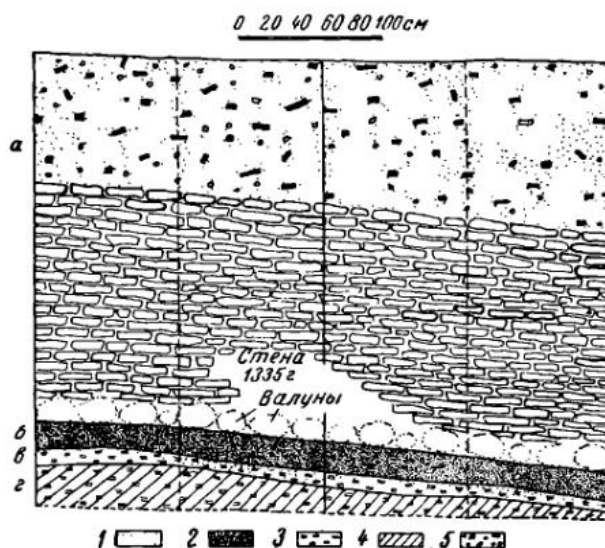

Рис. 4б. Южный профиль квадратов 33А и 32А.

1 — слой I; 2 — слой III; 3 — глина; 4 — материк; 5 — строительный мусор. а — серый сыпучий слой со строительным мусором; б — коричневый культурный слой; в — серая гумированная глина; г — желтая материковая глина.

почти непосредственно друг на друге. В каждом ярусе прослеживалась взаимная связь бревен; так наметились три сменявшие друг друга застройки. Впрочем первый (сверху)

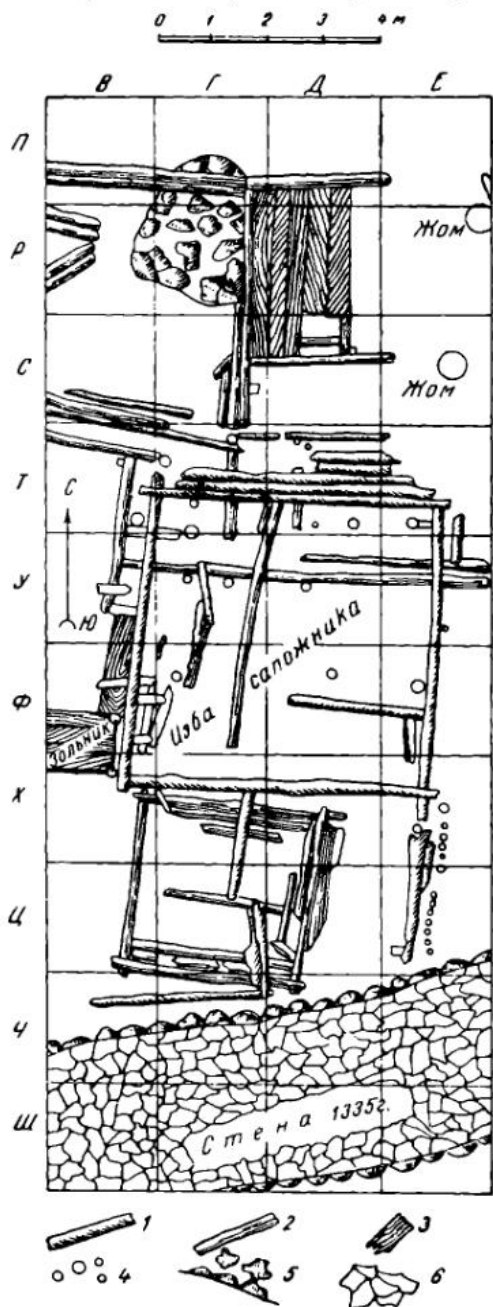

Рис. 5. Изба сапожника и смежные сооружения.

1 — бревна, верхний ярус; 2 — бревна, нижний ярус; 3 — тесины; 4 — столбы; 5 — камни; 6 — каменная кладка.

ярус состоял всего из двух бревен и при расширении раскопа не продолжился. Следующие два яруса в дальнейшем изложении называются верхним и нижним, они продолжались на север на значительно большей площади.

Высказанное мною еще в начале раскопок предположение, что в верхнем (тогда

среднем) ярусе будет открыта изба,¹⁸ подтвердилось. Изба в плане сохранилась полностью. Она рублена в обло, на месте сохранился только нижний венец, а у северной стенки лежат бревна следующих пяти венцов. Материал — сосна (определения древесины сделаны лесоводом А. П. Осиповым). Длина избы — с севера на юг — 5.6 м, ширина — с запада на восток — 5.3 м. Северо-западный угол сруба находится в квадрате ТВ, северо-восточный — в ТЕ, юго-западный — в ХВ, юго-восточный — в ХЕ (рис. 5).

Внутри сруба находилось 11 сосновых столбов, от которых сохранились только нижние части, заостренные топорами. Диаметр столбов от 0.15 до 0.35 м. Столбы расположены в три линии, идущие параллельно южной и северной стенам. Часть столбов могла предназначаться для скамей, часть же для печи, которая, очевидно, целиком изъята из избы. В средней части избы открыто большое количество обожженной глины, связанной с печью. Впрочем, надо оговориться, что система отопления новгородских домов доньше не выяснена. После описываемых раскопок разными экспедициями в разных частях города вскрыт ряд срубов, но ни печей, ни очагов не обнаружено пока нигде. Возможно, что небольшие глиняные или кирпичные печи стояли на высоких столбах, тогда при разрушении жилища они могли исчезнуть бесследно или почти бесследно. В юго-восточном углу описываемой избы на бревнах сруба найдены массивная железная дверная накладка (ФЕ-6) и железный дверной крючок (ФЕ-8), что может говорить о наличии здесь двери. В этом же углу в 1.3 м от южной стены прослежено бревно, идущее перпендикулярно к восточной стене. Возможно, что оно ограничивало сени. У подошвы сруба, внутри и вне его (главным образом в северо-западной части), найдено большое количество щепок, очевидно от обтесывания бревен при постройке избы. У западной стенки избы найдены два еловых колышка.

В избе и вокруг нее встречены, в количестве нескольких тысяч, обрывки кожи и кожаной обуви; в том числе имеются целые вырезки, заготовки, подошвы, ремни и т. д. В избе, очевидно, жил сапожник.

Стратиграфически изба ниже и на один-два века древнее стены 1335 г., так как при постройке стены были засыпаны уже развалины избы, успевшие к тому времени сплошь покрыться спокойно отложившимся культурным слоем. Особая насыщенность соответственного пласта стеклянными браслетами подтверждает дату избы — XII в. (век наибольшего применения этих украшений на Руси), дату наиболее вероятную и стратиграфически.

Интересно отметить, что в XVI в. в этом

¹⁸ Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1—2, стр. 63—64.

районе жили сапожники. Писцовая книга Новгорода Великого 1582—1584 гг. Леонтия Аксакова размещает больше половины упомянутых в ней новгородских сапожников имен-

копана только одна сапожная мастерская XII в., преждевременно.

К южной части западной стены избы примыкает извне вплотную ящик. Он состоит из

a

b

в

г

Рис. 6. *a* — зольник; *b* — жомы на квадратах *СЖ* и *ТЗ*; *в* — жом на квадрате *СЕ*; *г* — жом на квадрате *РЕ*.

но в районе Славна, в том числе на Ильиной улице.¹⁹ Остальные профессии здесь в это время встречаются гораздо реже. Впрочем, возводить эту локализацию к XII в., пока рас-

колотых плах, вставленных в пазы четырех врытых в землю столбов. Форма его прямоугольная. Плахи находят одна на другую, для чего нижняя часть налегающей плахи имеет продольный жолоб. Всех плах в каждой стенке ящика по четыре. Пол устлан подобными

¹⁹ В. В. Майков. Ук. соч., стр. XXXV.

плахами, плотно пригнанными. Глубина ящика 0.6 м, длина 1.35 м, ширина 1 м. Дно ящика покрыто толстым слоем шерсти и извести. Тем самым определяется его назначение. В технологической литературе мне удалось найти точные аналогии этому сооружению, подробно описанные Г. Г. Поварниным.²⁰ Такой ящик называется зольником. Он применяется до сих пор кожевниками-кустарями для удаления волоса со шкур. Удаление это производится при помощи извести и золы. Обычно зольники круглые, но, как говорит Г. Г. Поварнин, у великоруссов встречаются и прямоугольные. Вероятно, связаны со стрижкой шкур найденные над зольником железные ножницы, с кольцами и на гвоздике (ФВ-6), длина их 0.14 м. Сохранились они в обломках. Зольник находится на квадратах ФВ и ХВ (рис. 6а).

Судя по зольнику, наш сапожник XII в. был в то же время и кожевником. В XVI в. в Новгороде эти две специальности уже, как правило, не совмещались в одном лице. Сапожники тогда сосредоточивались преимущественно в Славенском конце, а кожевники в Неревском конце.

К северу от зольника, у западной стены избы, расположена куча округлых камней, перемешанных с углем и золой. От юго-восточного угла избы шел на юг частокол, от которого хорошо сохранились основания столбов, стоявших почти вплотную. Их 13, диаметр их от 0.15 до 0.2 м. Частокол ограждал двор сапожника. От середины южной стены избы идет на юг ломаная линия из бревен, ограничивающая с востока пространство, покрытое толстым слоем навоза. Здесь была конюшня. Задворки между конюшней и частоколом узки (всего 2.8 м). Размеры двора сапожника установить нельзя, поскольку он продолжался на юг, где позднее в XIV в. была построена каменная стена.

До сапожника на этом месте строились какие-то люди; следами их построек являются сооружения нижнего яруса. Бревна сохранились еще лучше. На север от каменной стены, почти примыкая к ней, расположен небольшой квадратный сруб, 3.4 × 3.4 м. На месте полностью сохранились два венца, рубленные в обло; два следующих венца сохранились частично, в развале. Восточный конец северного бревна имеет две поперечных полукруглых выемки. Одна из них для налегающего бревна восточной стенки. Назначение второй (внешней по отношению к срубам) выемки неизвестно. Северо-западный угол сруба находится в квадрате ХВ, северо-восточный — в ХД, юго-западный — в ЦВ, юго-восточный — в ЧД.

Бревна этого сруба имеют продольные желоба для скрепления, притом в отличие от

современного способа, не по низу, а по верху. Столбов внутри постройки нет. Судя по размерам, сруб имел какое-то хозяйственное назначение, вероятно, служил сараем. Он расположен под постройками сапожника и был разрушен до их сооружения.

Срубы и в верхнем и в нижнем ярусах ориентированы примерно по странам света с небольшим отклонением к востоку. Это интересно, поскольку обе соседние церкви, Ильи и Петра и Павла, имеют отклонение в ту же сторону. Вероятно, направление улицы определялось направлением церквей.

Под самой избой сапожника с нижним ярусом построек были связаны лишь некоторые бревна, вероятно от совершенно разрушенного сруба. Но к северу от избы сапожника с тем же нижним ярусом был связан небольшой помост. Длина этого помоста с севера на юг 3.3 м, с севера, запада и юга он ограничен бревнами, на востоке он разрушен, и протяженность его в этом направлении измерить нельзя; ширина сохранившейся части 1.5 м, она состояла из шести широких тесин. Помост был разобран для изучения находившегося под ним очага. Очаг этот впрочем скрыт был помостом только частично (западной частью помоста) и связи с ним не имел, будучи ниже него в среднем на 0.4 м. Он занимал квадрат РГ, частично РД и немного заходил на смежные квадраты.

Очертания очага довольно бесформенные, длина его 2.5 м, ширина тоже 2.5 м, толщина 0.3 м, он сложен из обгорелых камней, диаметр камней в большинстве от 0.1 до 0.2 м. Это были булыжники. Очаг лежал в самом основании культурного слоя и не был врыт в землю; его сооружение относится, вероятно, ко времени первого поселения на этом месте. Довольно вероятно, что он принадлежал бане, так как имеется сходство с этнографически известными банными каменками. Но точно решить этот вопрос было невозможно — сохранность сооружения плохая, многие камни из него еще в древности вынуты. Земля под ним была сильно прожжена, особенно в центре.

Это стратиграфически древнейшее из открытых на Холме сооружений, и находки это подтверждают. На очаге лежал арабский дирхем (РД-13). Вследствие плохой сохранности прочесть его нельзя, но, по видимому, он относится к X в. (определение А. И. Тереножкина). О том же времени позволяет говорить и общий облик керамики, принадлежащей к вышеописанному курганному типу, но к раннему его времени. Впрочем, точной уверенности в этой дате нет, в частности на очаге встречались стеклянные браслеты, а их распространение у нас относится скорее к XI в. Однако они могли попасть туда после разрушения очага.

Но вообще эти браслеты, столь типичные для третьего слоя, типичны скорее для верх-

²⁰ Г. Г. Поварнин. Очерки мелкого кожевенного производства в России, ч. 1. История и техника производства. СПб., 1912, стр. 19, 113, 114.

ней его части. В нижней части на всем протяжении раскопа они попадались очень редко, и это тоже позволяет, пожалуй, предполагать заселение Холма уже в X в.

Описанные сооружения определяют хронологические горизонты третьего слоя. Позднее вскрывавшиеся постройки относились к верхнему его горизонту и были в большинстве своем несколько моложе, чем изба сапожника (не говоря уже о нижнем срубе и тем более об очаге).

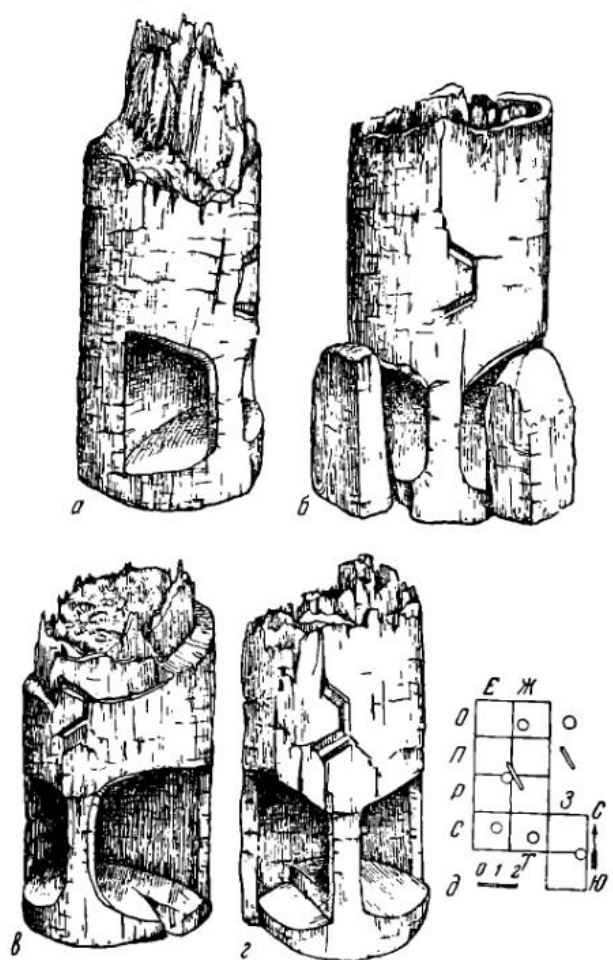

Рис. 7. а, б, в, г — жомы; д — расположение жомов, рядом со вторым жомом на плане брус лестницы.

К северо-востоку от этой избы простиралась довольно обширная (не менее 8×6 м) территория, где срубов не было, зато там найдены пять маслябойных жомов.

Это толстые, вертикально стоявшие, сосновые столбы; верхушки их частично сгнили (впрочем, современная высота каждого жома мало отличается от первоначальной, судя по сохранившимся сердцевинам верхушек). Зато нижние части всех жомов (кроме одного) сохранились прекрасно, несмотря на вырезы и перемычки, которые могли уменьшить прочность (напоминаю, что чем ниже, тем дерево в Новгороде сохраняется лучше). Первый жом

стоял на двух сосновых плахах, лежавших почти параллельно друг другу, остальные без особых подставок (рис. 6 б, в, г).

В нижней части каждого из этих столбов имеется сквозная горизонтальная прорезь, по одну сторону которой остается половина столба, а по другую тонкая горизонтальная перемычка.

Первый жом найден в квадрате *СЕ*. Высота его 1.1, диаметр 0.5, окружность 1.57, высота прорези с края 0.38, в центре 0.24, ширина перемычки 0.07, ширина задней стенки 0.5 м (рис. 7б).

Второй жом найден в квадрате *РЕ*, он самый большой и сохранился он лучше всех. Высота его 1.29, диаметр 0.51, окружность 1.57, высота прорези с края 0.32, в центре 0.2, ширина перемычки 0.1, ширина задней стенки 0.48 м (рис. 7а).

Третий жом найден в квадрате *ОЖ*, он был плохой сохранности и развалился на много кусков в процессе раскопок. Высота его была 1.2, диаметр 0.5, окружность 1.55 м, промерить прорезь и перемычку было нельзя, эти части рассыпались прежде всего.

Четвертый жом найден в квадрате *СЖ*. Высота его 1.09, диаметр 0.48, окружность 1.46, высота прорези с края 0.34, в центре 0.19, ширина перемычки 0.08, ширина задней стенки 0.44 м; дно прорези имеет уступ, высота которого 0.05 м (рис. 7г).

Пятый жом найден в квадрате *ТЗ*, он меньше других. Высота его 0.83, диаметр 0.49, окружность 1.54, высота прорези с края 0.37, в центре 0.23, ширина перемычки 0.06, ширина задней стенки 0.049 м (рис. 7в).

По извлечению из раскопов все жомы взвешивались. Вес первого жома был тогда 179, второго — 225, четвертого — 176, пятого — 135 кг. Теперь, после просушки, все они, конечно, легче.

Извлечение из раскопов этих тяжелых предметов, при постоянной опасности повредить вырезы и перемычки, было трудным делом. Тем не менее все четыре жома удалось благополучно перевезти в Москву. Их просушка и консервация произведены Историческим музеем под руководством инженера-химика А. Д. Чиварзина.

Назначение этих предметов не вызывает сомнений. В этнографической литературе мне удалось найти точное их описание, составленное по живым наблюдениям в конце XIX в. в бывшей Вятской губернии Ф. Г. Кучиным.²¹ Там употреблено и название «жом», применяемое к подобным маслябойным в России повсеместно. Описание составлено по поручению Вятского губернского земства.

Из десяти описанных автором систем наибольшее сходство с новгородской имеет си-

²¹ Ф. Г. Кучин. Маслябойный промысел. Материалы по описанию промыслов Вятской губернии, вып. 2, Вятка, 1890.

стема третья. Таких вертикальных столбов с горизонтальными выемками должно быть два. Строго говоря, слово «жом» правильнее применять не к столбу, а ко всему сооружению в целом. В выемки двух столбов вставлялся горизонтальный брус — пресс, давивший средней частью на расположенную под ним колоду с конопляным или льняным семенем. В одном из столбов брус закреплялся малым клином, вбиваемым при помощи ручного молота, а для производства давления на колоду в прорезь другого столба вставлялся большой клин, вбиваемый далее тяжелым камнем (до 250 кг) или подвешенным на цепи чурбаном (этнографические названия «барс», «сокол», «старуха», «баба»).

«С каждым ударом,— говорит Ф. Г. Кучин,— клин входит все дальше и дальше в отверстие столба и постепенно нажимает книзу брус, так что последний выжимает масло, которое и сбегает по отверстиям и желобкам на дно колоды». ²² Обслуживают такую маслобойку два человека. ²³

Подобные маслобойки известны и из других мест (ярославские, вологодские, смоленские, кубанские; рабочие на раскопках говорили о том, что такие есть и под Новгородом).

Любопытно отметить, что у наших жомов потолок прорези имеет наклон внутрь столба, предназначенный, очевидно, для вбивания клина.

Возле первого и второго жомов найдено семя конопли: масло, очевидно, изготовлялось конопляное.

Территорию маслобойни составляли, повидимому, квадраты *ОЕ*, *ПЕ*, *РЕ*, *СЕ*, *ОЖ*, *ПЖ*, *РЖ*, *СЖ*, *СЗ*, *ТЗ*; там никаких других сооружений не было. На северо-восток она могла продолжаться, но там ее следы, вероятно, стерты кладбищем.

Вершины всех пяти жомов находились непосредственно под прослойкой, возникшей в XIV в. при строительной планировке и отделяющей второй слой от третьего; таким образом, все они всецело относятся к третьему слою. Можно предполагать, что они были засыпаны при этой строительной планировке, произведенной посадником Федором. Труднее объяснить, почему их нижние и рабочие части находились так низко, доходя почти до материка (в двух случаях даже до материка). По видимому, сооружения эти в свое время стояли в некоторой ложбине или канаве, чтобы облегчить вбивание клина. Стратиграфически это доказать не всюду удалось, в профилях здесь не было прослоек, по разрывам которых легче всего устанавливается перерывность. Но канава, где стояли 4-й и 5-й жомы, прослежена, ее дно было заметно ниже, чем

материк на соседних участках, что видно и на фото (рис. 6б). Жомы, очевидно, засыпаны смежным культурным слоем при выравнивании строительной площадки для постройки стены.

Столбы, составляющие пару, должны, по Ф. Г. Кучину, стоять на расстоянии около 0.7 м друг от друга. ²⁴ При раскопках все промежутки между столбами оказались гораздо больше: наименьшее расстояние было 2 м (рис. 7д). Такая длина горизонтального бруса — пресса совершенно невозможна. По видимому, пар здесь нет. Возможно, что часть столбов была при планировке местности не засыпана, а выброшена.

Дата маслобойни не вызывает сомнений. Все жомы в момент засыпки, в 1335 г., были еще свежи и целы. Мастерская работала в XIII в. или в начале XIV. Обращают на себя внимание ее размеры. Деревенские маслобойни XIX—XX вв. имели по одной паре столбов, здесь было сразу не меньше трех пар (столбы явно одновременны), а, вероятно, много больше. Здесь мы имеем дело не с подсобным деревенским промыслом, а с городским производством довольно большого размаха.

Рядом с жомами лежал на квадратах *ПЕ*, *ПЖ* и *РЖ* большой сосновый брус от лестницы. Он тоже привезен в Москву. Это боковая лестничная стенка с пазами для вставления ступенек, сделана она из горбыля. Длина 1.68, ширина 0.21, толщина 0.11 м. Ступенечных пазов сохранилось пять, они расположены под углом к оси бруса, что для ступенек закономерно. Угол от 24 до 27°. Глубина пазов по 0.025, ширина по 0.05 м. Чрезвычайно существенно для стратиграфии, что брус был найден в наклонном положении, верхняя его часть была на 0.6 м выше нижней. Попасть в этом положении в землю он мог только при засыпке какого-то углубления. Тем самым подтверждается предположение о засыпке жомов (стоявших рядом) при строительной планировке.

Неизвестно, каким образом попало в землю дно бочки, найденное вместе с двумя ободьями и кусками клепки на квадрате *РГ*. Диаметр его 1.2 м (рис. 8а).

К востоку от сапожной и маслобойной мастерских найдена третья ремесленная мастерская. Это сруб, лежащий тоже в третьем слое, в самой верхней его части, непосредственно под прослойкой 1335 г., отделяющей его от второго слоя. От сруба местами сохранился один венец, местами два и три. Бревна сосновые. На севере сруб разрушен перекопами. Ширина его — с запада на восток — 5.5 м. Длина — с севера на юг — не известна, но больше 4 м. Во всяком случае он целиком захватывает квадраты *ФИ*, *ХИ*, *ФК*, *ХК*, боль-

²² Ф. Г. Кучин Ук соч., стр. 264.

²³ Там же, стр. 269.

²⁴ Там же, стр. 247.

шую часть *ФЛ* и большую часть *ХЛ* (рис. 9а).

Юго-западный угол сруба почти совпадает с юго-западным углом квадрата *ХИ*. Юго-восточный угол находится на южной границе квадрата *ХЛ*. К северо-востоку от сруба, на квадратах *ТМ*, *УМ*, *ФМ*, обнаружены следы частокола, параллельного стенам сруба

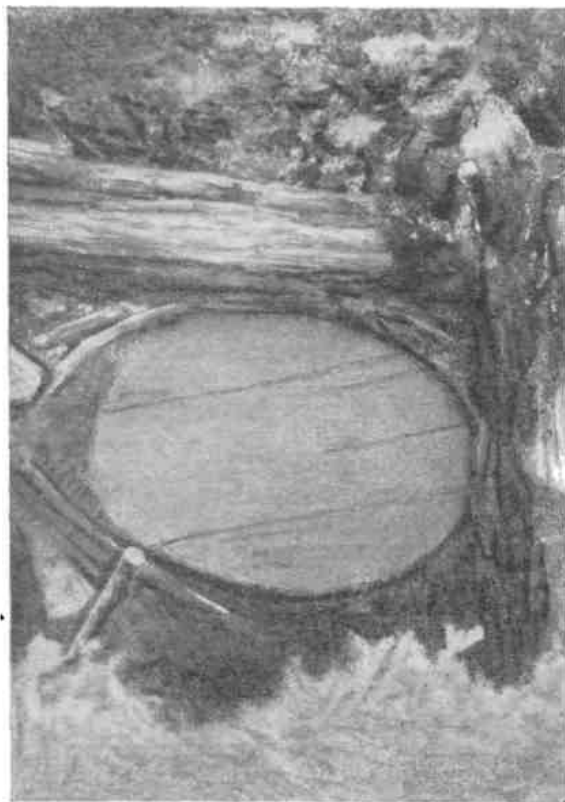

Рис. 8а. Дно бочки на квадрате *РГ*

те сруба. Вне его найдена только одна подобная игрушка, но в перекопе и среди позднейших вещей, да и то, повидимому, над разрушенной перекопом частью сруба (*УЛ-2*). Эта птичка оббитая, цвет ее поливы коричневый. Полива найденных в срубке птичек ярко-желтая, довольно чистого оттенка (только одна

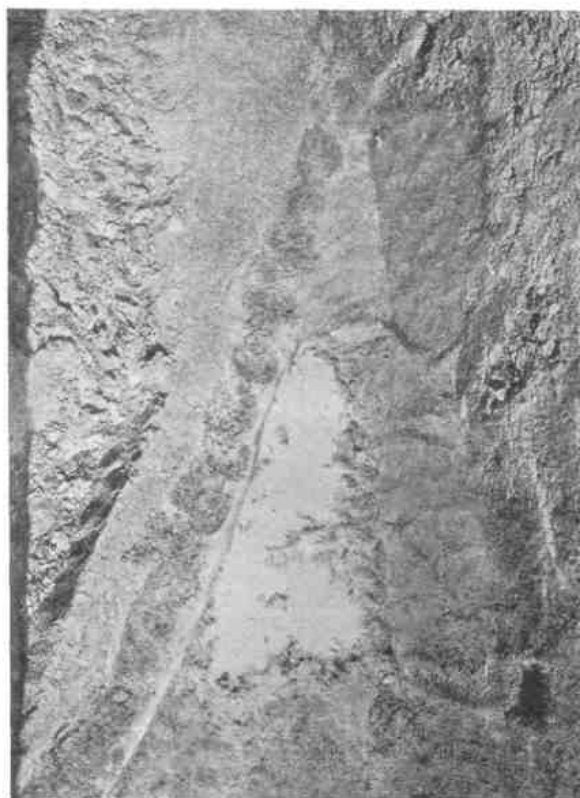

Рис. 8б. Частокол на квадратах *ТМ*—*ФМ*.

(рис. 8б). Столбы частокола почти не сохранились, но ямы их измерены. Их диаметр от 0.15 до 0.2, число их 14. Столбов внутри сруба не было, не было и следов печи. Кое-где сохранились некоторые следы пола. Он состоял из тесин, средняя их ширина 0.2 м; в одном месте прослежена лага, на которой тесины лежали, это жердь толщиной 0.1 м. Изба была явно сломана при строительной планировке 1335 г., некоторые ее части были тогда разрушены целиком, зато под засыпкой уцелели куски многих половниц.

Профессия владельца избы и здесь определяется точно. Внутри нее найден ряд глиняных игрушек-птичек. Три из них целые, покрытые желтой поливой (*ХИ-7*, *ФЛ-7*, *ХЛ-6*), три покрыты такой же поливой, но от них отбиты куски (*ФК-7*, *ХК-7*, *ХЛ-6*), одна целая, но поливой еще не покрытая (*ХИ-7*), пять представляют собой глиняные заготовки той же фигурки (*ХК-6* — две, *ХК-7*, *ХК-8*, *ХЛ-7*), наконец, есть два обломка таких заготовок (*ХИ-7*, *ХЛ-6*). Все эти находки сделаны в чер-

из них — *ХИ-7* — желто-зеленая). Очертания плавные, туловища полные, головы круглые, клювы короткие, внутри каждой фигурки пустота, в нижней части круглое отверстие, детали не обозначены (рис. 9б), длина от 0.04 до 0.05 м. Разбитые игрушки брошены, как брак. Заготовки в большинстве своем тоже представляют собой производственный брак, они кособоки, мяты и т. д. (рис. 9б — справа), это явный признак производства на месте, что доказывается и общей топографией находок. В избе жил игрушечник, и продукция его была очень стандартна, что позволяет заключить о далеко зашедшей дифференциации ремесла.

Положение сруба непосредственно под уровнем планировки 1335 г. дает для его постройки дату, XIII—XIV вв. При планировке изба игрушечника была засыпана вместе с производственным браком и тремя случайно оказавшимися там же образцами готовой продукции. От этой избы до стены посадника Федора расстояние всего 0.8 м.

Надо особо отметить исключительное богатство данного сруба археологическими находками (см. ниже).

Игрушечник строился на месте другой избы, которая к моменту постройки не была еще покрыта культурным слоем. Назовем избу игрушечника срубом I, а предшествующую избу срубом II. Они имеют одинаковую ориентиров-

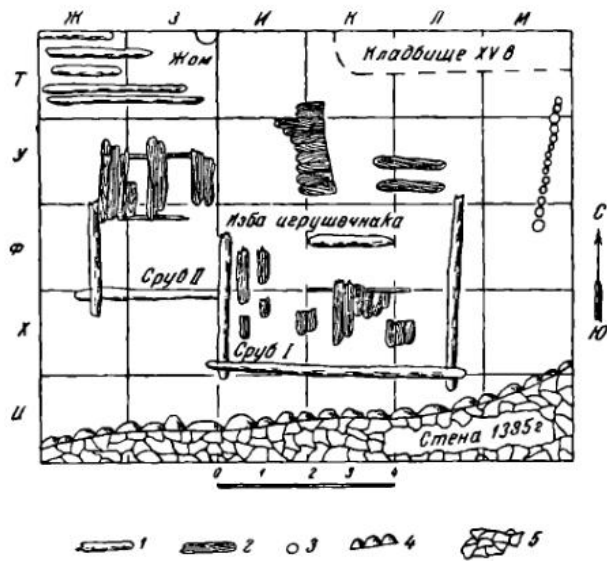

Рис. 9а Изба игрушечника и прилегающие сооружения

1 — бревна, 2 — теснины, 3 — столбы, 4 — камни, 5 — каменная кладка.

ку (примерно по странам света), но по площади совпадают лишь частично. Под срубом I бревна сруба II полностью разрушены, но снаружи к нему прилегают вплотную, будучи лишь на 0.1 м ниже. Южная стена сруба II

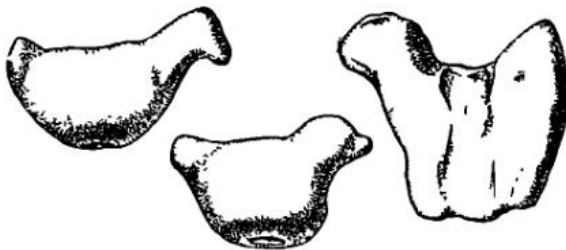

Рис. 9б Глиняные птички, покрытые желтой поливой и глиняная заготовка птички

перпендикулярна западной стене сруба I и пересекается с ней на расстоянии 1.7 м от юго-западного угла сруба I. Юго-западный угол сруба II находится на расстоянии 3 м от этого пересечения. Другие углы не сохранились. Таким образом, на востоке этот более ранний сруб разрушен срубом игрушечника. В срубе II тоже сохранились кое-где некоторые остатки пола, состоявшего из тесин той же ширины.

Маслобой и игрушечник были по территории соседями сапожника, но соседями в жизни они

едва ли были: сапожник работал лет на сто раньше (впрочем изба его могла стоять долго). Но между собой маслобой и игрушечник были несомненно соседями. Территория, где стояли жомы, вплотную примыкает с северо-запада к срубам с птичками.

Таким образом, все сооружения, открытые на первом раскопанном в Новгороде большом участке, между церковью Ильи и стеной посадника Федора, оказались связаны с городским ремеслом. Археология ежегодно приносит новые и новые доказательства того, что Новгород, вопреки долго господствовавшим в науке мнениям, был крупным ремесленным центром.

Найдены некоторые материалы и по кузнечному ремеслу, хотя соответственная мастерская не обнаружена. Находки эти, строго говоря, залежали уже не в третьем слое, но во втором, однако в самой нижней его части, непосредственно на упомянутой глинистой прослойке строительной планировки 1335 г. Это была сплошная груда железа, камней и углей (РГ-7), длиной до 1 м, шириной до 0.5 м, толщиной менее 0.2 м. Куски железа представляли собой кузнечные крицы и их обломки. Форма целых криц была круглая, уплощенная (в виде лепешки), поверхность ноздреватая. Хорошо сохранилась лишь одна крица, диаметр ее 0.15 м (рис. 19в). Там же найден железный молоток (о нем см. в описании вещей). Вся груда по своему положению может быть датирована точно 1335 г. Вероятно, это остатки работы кузнеца, чинившего и делавшего инструменты строителей при сооружении каменной стены, которая отстоит от этой находки на 14 м.

б

Перейду теперь к описанию самой стены, выше упоминавшейся много раз, поскольку с ней связаны многие хронологические выводы. Она и сама по себе представляет большой интерес для истории русской фортификации.

Хотя она упомянута в летописи, находка ее была полной неожиданностью. На летописное известие особого внимания никто не обращал, и оно приурочивалось историками к укреплениям городского вала. Впрочем, и на валу историки и археологи, как известно, реконструировали многократно лишь деревянные укрепления. Раскопки случайно натолкнулись в самом начале на каменную стену. Возникла мысль о церкви, хотя для нее кладка слишком толста. Но вскоре открылось, что стена гораздо длиннее всех церквей, и в плане она кривая, тогда мысль о церкви отпала, равно как и мысль о дворце. Тогда я для объяснения открытия указал на летописное известие 1335 г. Эта гипотеза встретила возражения М. К. Кар-

гера,²⁵ но последующие раскопки полностью ее подтвердили.

Под 1335 г. Первая Новгородская летопись говорит: «Того же лета заложи владыка Василий, с своими детьми, с посадником Феодором Даниловичем и с тысяцким Остафием и с всеми Новгородци, острог камен по оной стороне, от Ильи святого к Павлу святому, при великом князе Иване Даниловиче».²⁶

а

правляется к этому монастырю. Она здесь приблизительно параллельна городскому валу, проходящему неподалеку, и является внутренним поясом укреплений. Несмотря на общезвестность летописи, до раскопок не было ни предположений о месте каменного острога, ни попыток его отыскать.

Стена сохранилась хорошо, местами до 2 м высоты от основания; тем не менее она нигде уже не выходит на поверхность земли и, таким образом, до раскопок не была известна. По покрывающему ее культурному слою можно установить, что последние остатки ее скрылись под землей в XVIII в.

Нивелировка современной поверхности земли обнаружила легкое возвышение над тем местом, где при раскопках оказалась каменная кладка. Никаких башен стена на прослеженных участках не имела.

Основание фундамента стены состоит из валунов, что для новгородского зодчества характерно. Стена облицована квадратными

б

Рис. 10. Стена 1335 г.

а — внутренняя сторона на квадрате ЦА; б — внутренняя сторона на квадратах ЦЖ и ЦЗ.

Выясненное раскопками направление совпало с летописным, это намечалось в 1932 г. подтвердилось в 1934 г., окончательно установилось в 1936 и 1937 гг. Церковь Ильи стоит рядом и была защищена стеной, которая идет здесь сначала с юго-запада на северо-восток, затем все круче и круче направляясь на север. К северу от церкви Ильи, в северо-восточной части Славенского конца лежал монастырь Павла Исповедника, патрональный для этого конца.²⁷ Летопись подразумевает его под «святым Павлом» (церковь Петра и Павла не могла быть так названа). Стена прямо на-

известняковыми плитами. Середина забутована необработанным известняком. Цементирована стена известью с примесью песка. Кладка похожа на кладку новгородских церквей XIV в. (рис. 10а, б и 11а).

Цвет облицовочных плит розовый, это красноватый ильменский известняк. Средняя их высота 0,1, средняя длина в некоторых местах 0,3, в других местах 0,4 м. Взять плиту для образца долго не удавалось, поскольку отделившихся целых плит не было, а отломать от стены хотя бы один камень экспедиция не считала возможным, и засыпанная стена и теперь сохраняется под землей. Наконец, в последний год раскопок, к их концу, была обнаружена на квадрате ЦЛ целая плита, отломанная от стены. Она перевезена в Москву, в Исторический музей. Длина ее 0,45, ширина 0,25, высота 0,12 м.

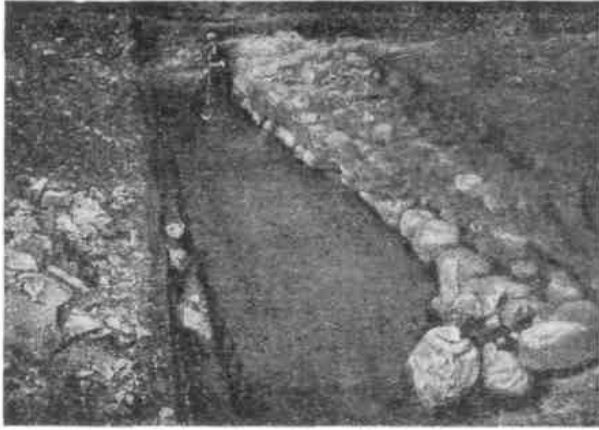
²⁵ Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1—2, стр. 64. Впоследствии он от этих возражений отказался, см. СА, IX, стр. 139.

²⁶ ПСРЛ, III, 77.

²⁷ А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. «Исторические записки», 16, М., 1945, стр. 8.

Ширина стены почти равна 3 м (кое-где немного больше или меньше). В начале раскопок, когда стена с наружной стороны не раскапывалась, она казалась несколько уже, поскольку с внутренней стороны она сохранилась на большую высоту. Фундаментом стены

укреплениях в науке господствовали до последнего времени превратные представления. Так, В. А. Богусевич совсем недавно считал для русских крепостей XIV в. типичной толщину в 1 м. Он объяснял это тем, что, якобы, «каменные крепостные стены, сделанные до

а

б

в

г

Рис. 11. Стена 1335 г.

а — внешняя сторона, вид с востока, человек стоит на квадрате ШЖ; б — остатки стены на квадратах НШ и ОШ; в — остатки стены на Воскресенском раскопе и заготовленные для нее валуны; г — сруб, открытый на Воскресенском раскопе под стенами 1335 г.

надо признать нижнюю часть кладки, высотой примерно 0,2 м (на этой высоте в стену упирается прослойка строительной планировки), равно как и валунное основание.

Валуны выступают в обе стороны из стены вперед, ширина основания в среднем 3,3 м. Фундамент лежал неглубоко, и под стеной, как правило, находится не материк, а культурный слой. Как известно, у многих новгородских церквей XIV в. фундамент тоже лежал неглубоко.

Открытие стены 1335 г. важно для истории русской фортификации, поскольку все сохранившиеся на поверхности древнерусские стены были или построены или перестроены с учетом огнестрельного оружия. О более древних

конца XIV в., были больше рассчитаны на пассивное сопротивление, чем на активную оборону, значительное развитие которой, несомненно, связано с огнестрельным оружием». ²⁸ Трехметровая толщина стены посадника Федора доказывает, что новгородцы умели проводить активную оборону, т. е. поражать противника с заборол стрелами, камнями и т. д. Впрочем, летопись не раз говорит о такой обороне древнерусских городов. В новгородском войске она неоднократно упоминает порочных мастеров и пороки; ²⁹ новгородцы, сами владевшие метательными машинами,

²⁸ В. А. Богусевич. Порховская крепость. Новгородский исторический сборник, вып. 1, 1936, стр. 12.

²⁹ ПСРЛ, III, 59, 72, 99.

должны были строить свои стены с расчетом на стенобитные орудия.

На основном раскопе, у церкви Ильи, стена была раскопана на протяжении 62 м, а дальше ее исследовать здесь нельзя, раскопы нельзя расширить, о чем было уже сказано.

На северо-востоке кладка стены разрушена погребениями XV в. (см. о них ниже). Здесь уцелели валуны основания, а на них среди погребений лишь кое-где целы остатки кладки, до высоты 1 м (рис. 11б).

Но направление стены было уже ясно, она должна была пересечь Посольскую улицу, поэтому в соответственном месте на этой улице была заложена вышеупомянутая разведочная траншея. Она действительно пересекла на квадратах 10, 11 и 12 искомую стену, но здесь от нее тоже сохранились лишь валуны основания и небольшие куски кладки. Здесь стену раз-

рушили не погребения, а какие-то позднейшие деревянные постройки, залегавшие непосредственно на валунах. Эти постройки не выясня-

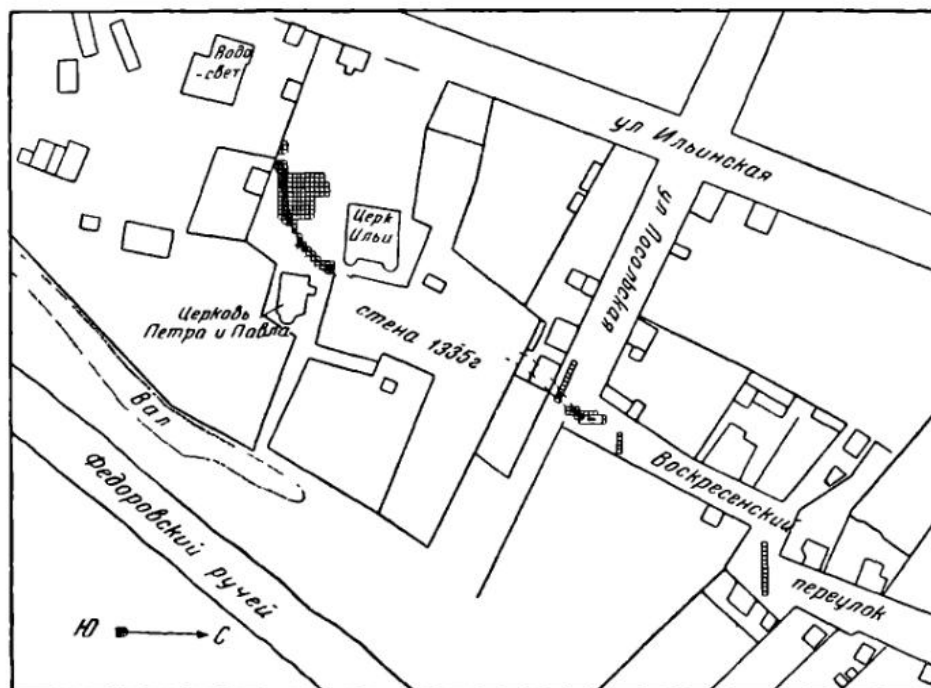

Рис 12а Генеральный план раскопок на Славне и направление стены 1335 г

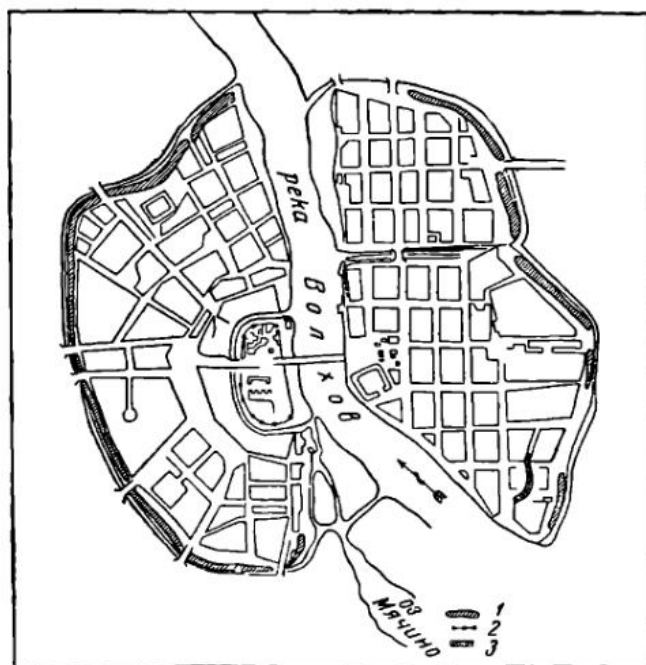

Рис 12б План Новгорода с нанесением на него стены 1335 г. в пределах раскопов

1 — остатки городского вала 2 — кремлевская стена, 3 — стена 1335 г.

лись, поскольку траншея не расширялась, и сохранность их плохая.

Разведочный раскоп на Воскресенском переулке тоже обнаружил валунное основание стены, простиралось оно от 36 до 29 квадрата, ширина его и здесь 3 с небольшим метра, но здесь оно обрывалось, и в конце грудой лежали заготовленные для фундамента валуны; постройка была в этом месте прекращена (рис. 11в). Прослеженную (хотя и с прорывом) линию стены можно нанести на план, длина ее 196 м (рис. 12а и б). На север дальше названной груды валунов она едва ли шла, но на юг она могла продолжаться. Неизвестно, доходила ли она в этом направлении до Волхова. Стена не была достроена, да и летопись упоминает только о ее закладке.

Под валунами на Воскресенском переулке был обнаружен четырехугольник хорошо сохранившегося сруба. Для его исследования часть валунов пришлось разобрать. Это оказался врытый в землю подвал, площадью в 6×6 м; от него сохранилось 9 венцов. К сожалению, ни один музей не взял бы его целиком. Поэтому был отрублен угол, т. е. половины двух стенок и их скрепление в обло. Они доставлены в Исторический музей (по 9 венцов с обеих сторон). Высота его 0,95 м. Бревна торчат из угла наружу до 0,29, а в среднем на 0,22 м. На двух бревнах зарубки плотников на пятом снизу 6 вертикальных черточек и на шестом — 7. Пола подвал не

имел. При засыпке в 1335 г. сруб был еще свеж, и поэтому может быть датирован XIII—XIV в. (рис. 11г).

Раскопанный у церкви Ильи ремесленный район XII—XIII вв. должен был в XIV в. стать районом военным, но не стал, стена не была достроена. Трудно сказать, почему постройка была прекращена. Возможно, что ответ на этот вопрос дадут когда-нибудь исследования укреплений городского вала, с которыми стена должна была согласоваться, а, может быть, и пыталась их заменить. Она, очевидно, не была доведена до боеспособного состояния. Вскоре она потеряла значение настолько, что в XV в. часть ее разрушили для устройства кладбища при церкви Ильи.

6

Кладбище это замечательно по возможностям его датировки. Дело в том, что в некоторые могилы положены монеты XV в. Обычай класть монеты до сих пор не был для русских городских кладбищ известен.

Погребения занимали северную и северо-восточную части основного раскопа, лежавшего к югу от церкви Ильи. В северной части (к северу от срубов) их было 26, в северо-восточной (на развалинах стены) — 38, а всего 64. Можно было иногда проследить, как более ранние погребения были потревожены более поздними. Все покойники лежали вытянуто, на спине, головами на запад. Руки в большинстве случаев согнуты на груди. Монеты заслуживают особого рассмотрения, а других вещей при погребении нет, если не считать железных гвоздей от гробов. Особо можно отметить, что кладбище дало датированный XV в. антропологический материал, он передан в Московский Антропологический музей.

Монеты встречались здесь часто, но большинство из них непосредственной связи с погребениями не имели. Некоторые из них могли быть связаны с потревоженными погребениями, другие могли быть брошены в могилы при зарывании.

Случайными эти находки считать нельзя, потому что в культурном слое вне территории кладбища монеты XV—XVI вв. отсутствовали (там попала лишь одна серебряная новгородка XV в.), хотя слой этот был неизмеримо богаче находками, чем кладбище. А оно дало монет XV в. 29, да еще 3 монеты XVI в. и 5 нечитаемых монет, повидимому тех же веков. Особо надо отметить, что это почти все медные монеты, пулы, хотя серебряные деньги были в древней Руси, как известно, более распространены. Вероятно, обычай требовал класть с покойниками медную монету. Все монеты определил М. В. Сузин.

Дневниковые описания сделаны для всех 64 погребений, приводить их здесь не буду. Только 4 погребения были непосредственно

связаны с монетами. Все эти 4 покойника лежали на валунах разобранной стены XIV в. (рис. 13).

1. Нечитаемая монета (НЦ-6) найдена в погребении № 4 в зажатом кулаке покойника Медь.

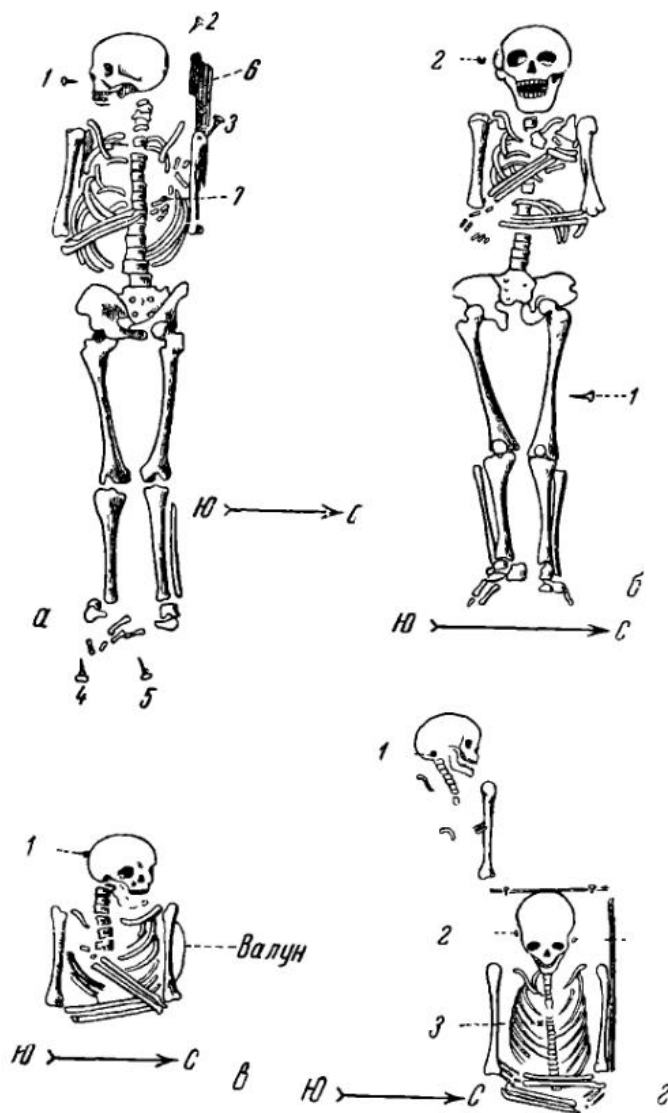

Рис. 13. Погребения

а — погребение № 4, 1—5 — гвозди, 6 — дерево, 7 — монета в руке (нечитаемая) б — погребение № 9, 1 — гвозди, 2 — монета пуло московское XV в., в — погребение № 13, 1 — монета пуло тверское XV в., 2 — сверху погребение № 23 1 — монета пуло новгородское 1478 г., с изображением львиной головы внизу погребение № 25 1—3 — гвозди, 4 — доски гроба.

2. Пуло московское (НЦ-7), Василия II или Ивана III, лежало у черепа погребения № 9. На лицевой стороне изображение птицы влево. Надпись: *поул... мос... Медь*.

3. Пуло тверское (ОЧ-7) лежало у черепа погребения № 13. На лицевой стороне изображение птицы влево с приподнятыми крыльями. На оборотной стороне надпись: *..ул... тве... Медь*.

4. Пуло новгородское (ОШ-7) лежало на черепахе погребения № 23. На лицевой стороне изображение львиной головы. Такая монета, изданная И. И. Толстым,³⁰ встречается очень редко. На оборотной стороне надпись: пуло новагорода. Монета чеканена до 1478 г. Медь.

Перейду теперь к описанию остальных монет, датирующих кладбище. Они и сами по себе представляют нумизматический интерес.

5. Пуло псковское (ОЦ-4) с изображением двуглавого орла, чеканено до 1510 г. Медь.

6. Пуло московское (НЦ-5), изображение не ясно (сирена или двуглавый орел). Медь.

7. Пуло тверское (НЧ-6) с изображением птицы влево с приподнятыми крыльями. Медь.

8. Пуло московское (ОЦ-8) Василия II или Ивана III, с изображением двуглавого орла. Медь.

9. Пуло новгородское с изображением птицы вправо с распушенными крыльями. Надпись: князя великого. Чеканено после 1478 г. Найдено не при раскопках, а местными жителями при рытье ямы на той же территории. Дар В. В. Павловой. Медь.

10. Полушка московская (НЦ-6) Ивана III с изображением птицы влево с приподнятыми крыльями. Серебро.

11. Пуло новгородское (СК-5) с изображением двуглавого орла.³¹ Медь.

12. Такое же пуло (СМ-5). Медь.

13. Пуло новгородское (ТЛ-5) с изображением предмета, различно толкуемого нумизматами (голова в венце или сосуд).³² Медь.

14. Такое же пуло (ТМ-5). Медь.

15. Пуло новгородское (СМ-6) с изображением львиной головы. Монеты этого редкого типа (о них уже была речь выше) найдены при раскопках на Славне таким образом дважды. Медь.

16. Пуло новгородское (ТМ-6) с изображением птицы вправо с распушенными крыльями. По словам определявшего все монеты М. В. Сузина, такое пуло неизвестно и нигде не издано. Медь.

17. Пуло тверское (ТМ-5) с изображением птицы вправо с распушенными крыльями. Медь.

18. Такое же пуло (СК-6). Медь.

19. Такое же пуло (ТМ-5). Медь.

20. Пуло тверское (СМ-6) с изображением грифона вправо. Медь.

21. Пуло тверское (СЛ-6) Михаила Борисовича с изображением дракона влево и с арабской надписью: Михай-ла-тевир-джи. Медь.

22—25. Четыре пула, плохой сохранности,

XV в., ближе не определимые (ТМ-5, СМ-6, УМ-5, ТЛ-6). Медь.

26 и 27. Две полуденьги Ивана IV (обе НЦ-6), с изображением всадника с саблей, чеканенные до 1547 г. (без слова царь). Серебро.

28. Полуденьга Ивана IV (НЦ-6) с тем же изображением, чеканенная после 1547 г. (со словом царь). Серебро.

До раскопок кладбища экспедицией приобретены еще шесть новгородских пул и три тверских, происходящие из того же района.

Почти все погребения несомненно относятся к XV в., немногие может быть к XVI в., но и это сомнительно: все три монеты XVI в. найдены вместе и могут относиться к одной поздней яме.

7

Все найденные при раскопках на Славне предметы привезены в Москву за исключением, конечно, многих находок из первого слоя. Коллекции эти огромны, особенно много, как всюду, керамики; затем следуют тоже, как всюду, кости животных. Но и отдельные находки чрезвычайно обильны.

Обломков керамики со Славна привезено 67 693 (по годам раскопок они распределяются так: 1932 г.— 6130, 1934 г.— 20 643, 1936 г.— 18 608, 1937 г.— 22 312). Все они в Историческом музее описаны и зашифрованы, так что для каждого из них можно определить место находки (квадрат, слой и пласт). Экспедиция считала нежелательным всякий отбор керамики, поскольку он может исказить количественные отношения разных сортов. Все черепки взяты и доступны для статистического изучения. По этим материалам можно составить хронологическую шкалу для изучения новгородской глиняной посуды. Но это еще не выполнено, так как требует работы нескольких человек в течение нескольких лет. Данная тема неизменно отодвигалась другими более срочными темами, но со временем она встанет перед наукой, материал для нее собран.

Краткая характеристика керамики дана выше при описании слоев. Коснусь здесь только вопроса о гончарных клеймах. Эти клейма на днищах сосудов, столь распространенные в ряде других древнерусских городов (например в Рязани), в Новгороде чрезвычайно редки. Но на Славне они все-таки встречены в числе трех экземпляров, которые интересны по существующему между ними родству. Б. А. Рыбаков, на основе изучения ряда курганных гончарных клейм, выдвинул гипотезу о постепенном их усложнении при передаче ремесла по наследству. Для таких вариантов клейм существует этнографическое название «отпятныши». Все три славенских клейма отлично укладываются в эту схему. Одно из них (Воскресенский раскоп, кв. 29, пл. 8) наиболее просто: овал, пересеченный прямой

³⁰ И. И. Толстой. Русская допетровская нумизматика, вып. 1. Монеты Великого Новгорода. II. 1884, табл. V, рис. 387.

³¹ Там же, табл. V, рис. 389.

³² Там же, табл. V, рис. 386.

линией (рис. 14а). Другое (СГ-6) состоит из двух овалов, таким же образом пересекаемых прямой линией, получается нечто вроде двух соединенных мачтами букв Ф (рис. 14б). Наконец, в третьем клейме (УЗ-8) к той же фигуре приделан еще круг на конце (рис. 14в). Можно предположить, что все это изделия од-

Собранные на Славне и привезенные в Москву кости животных изучил В. И. Громов. Общее число их 27 612. По слоям они распределяются так — первый слой 5 904, второй слой 14 329, третий слой 7 379. Многие мелкие кости оказались, конечно, неопределимы. Первого слоя здесь не касаюсь.

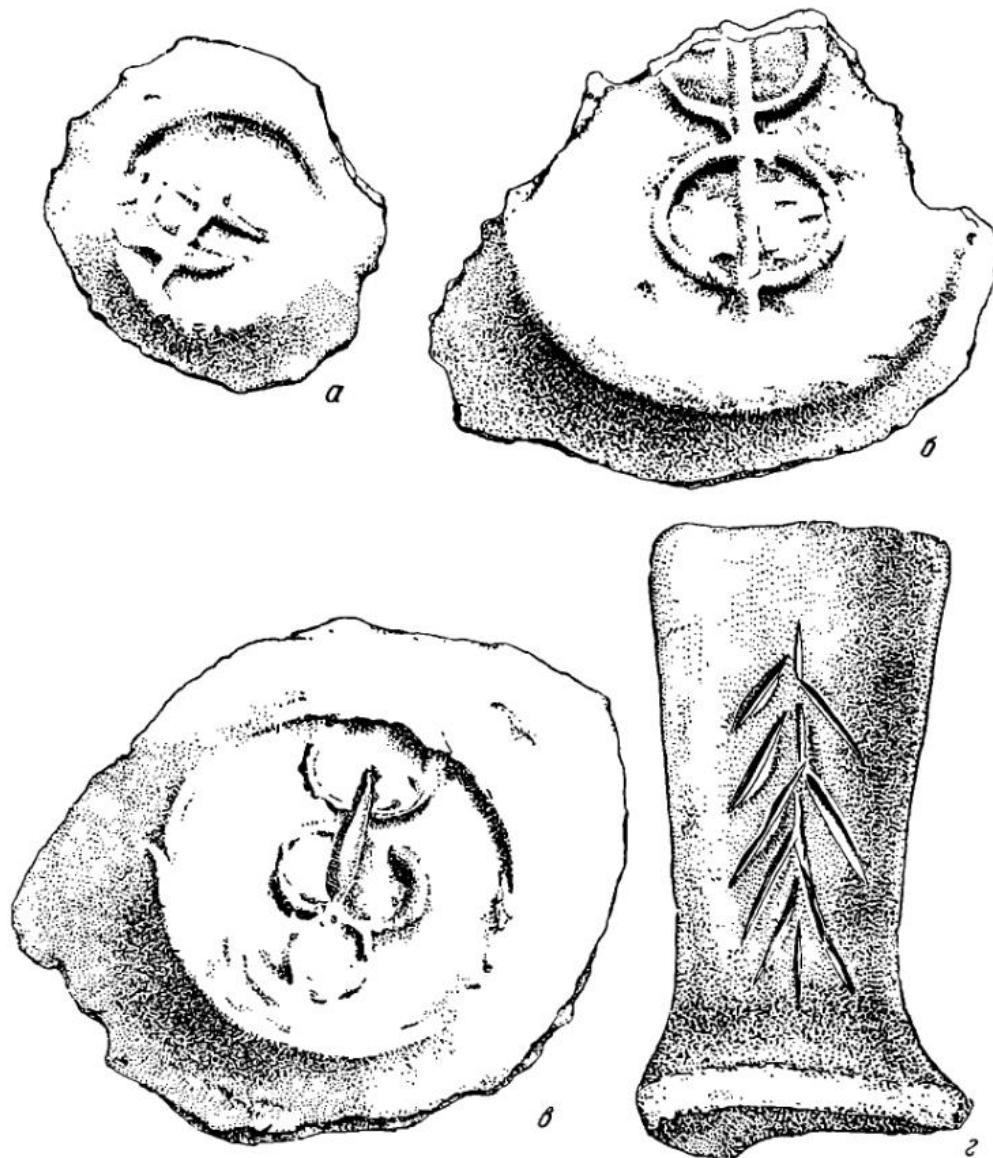

Рис. 14. Глиняные изделия.
а, б, в — гончарные клейма, г — глиняная втулка.

ной местной мастерской, постепенно усложнявшейся (с каждой новой переменной владельца) свое клеймо. Техника нанесения таких рисунков хорошо изучена: они вырезались на кружке для формовки днища, надевавшейся на самый гончарный круг (малый диск лежал таким образом на большом). Кружок этот присыпался песком, следы песка на данных днищах видны. Все три клейма найдены в третьем слое.

Во втором слое число определенных особей было: бык 78, свинья 47, баран или козел 33, лошадь 8, собака 8, кошка 2, волк 2, лось 1, медведь 1, дикий кабан 1, бобр 1, лисица 1. Подсчет обломков костей дал следующие процентные отношения: бык 43%, свинья 27%, баран или козел 18%, лошадь 4%, собака 4%, кошка 2%, дикие животные 2%.

В третьем слое число определенных особей было: бык 43, свинья 30, баран или козел 8,

лошадь 6, собака 6, кошка 3, лось 2, дикий кабан 2, лисица 2, медведь 1. Подсчет обломков костей дал следующие процентные отношения: бык 42%, свинья 29%, баран или козел 7%, лошадь 5%, собака 5%, кошка 3%, дикие животные 9%.

Кости быка и свиньи преимущественно принадлежали молодым животным и были, как правило, разбиты при употреблении мяса в пищу.

Кости лошади, наоборот, принадлежали преимущественно старым животным, и следов раскола на них не было. Оба признака говорят, что лошадь в пищу не употреблялась. То же можно сказать о собаке и кошке. Тем не менее кости этих животных довольно обычны; значит, их было в Новгороде очень много. Кости барана от костей козла далеко не всегда отличаются, но, по наблюдению В. И. Громова, козел преобладал и разводился не на мясо (быть может, для кожевенного производства). Большинство костей быка принадлежали мелкой породе, но В. И. Громов выделил во втором и третьем слое несколько очень крупных экземпляров. Он говорит: «Невольно напрашивается вопрос, не имеем ли мы здесь указания на следы еще сохранившихся в это время диких туров». Но вообще изучение пород еще должно быть произведено специалистами. Довольно показательно, что процент диких животных во втором слое меньше, чем в третьем. Значение охоты постепенно падало. Впрочем, судя по той же статистике, оно и в раннем Новгороде не было велико. Наличие во втором слое бобра не удивительно, ведь еще в XVI в. в Новгороде среди ремесленников было много бобровников.³³ Птичьих костей найдено очень мало, меньше 0.5% от общего количества костей животных; это объясняется, вероятно, их плохой сохранностью. Среди них определены домашние куры и гуси (те и другие и во втором слое, и в третьем). Изучение рыбьих костей и рыбьей чешуи ихтиологами еще предстоит.

Массовым материалом является также кожа, по крайней мере в избе сапожника. Попадались заготовки и куски кожи с вырезами, соответствующими частям обуви. Есть задники, головки и ряд подошв. Л. И. Якунина издала специальную работу об этих находках,³⁴ выводов ее повторять не буду. Преобладающей формой обуви были туфли-поршни, чаще остроносые, чем тупоносые. Неоднократно встречены ремни; некоторые из них прошиты. Одна головка найдена целой. Подошвы не сплошные, а слоистые, они состоят из двух-трех сшитых по краям слоев кожи. Это мож-

но объяснить отсутствием в Новгороде волов, из толстой кожи которых делаются сплошные подошвы. Л. И. Якунина возражала против такого мнения (высказанного в предварительном сообщении о раскопках), но при этом она спутала волов и быков.³⁵ Есть подошва, подбитая тремя массивными железными шипами, вероятно для хождения по льду (ФЕ-8).

8

Описание отдельных находок буду вести по материалу изделий.

Из глиняных вещей наиболее замечательны игрушки — птички, они выше уже описаны в связи с избой игрушечника. Загадочно назначение двух массивных подставок, напоминающих ноги животного или сильно схематизированные ноги человека (ТГ-6 и ТГ-7, высота по 0.1 м, длина ступни по 0.04 м). Одна из них найдена во втором слое, другая в третьем. Полый глиняный цилиндрический стакановидный предмет снаружи имеет узор, довольно точно изображающий ветку сли; предмет этот был, судя по следам отлома, частью сосуда и служил, очевидно, глиняной втулкой для деревянной рукояти (ТВ-6, высота 0.1 м), найден он во втором слое (рис. 14г). Встречена во втором слое схематическая глиняная фигурка, вероятно, недоделанная игрушка (ХЛ-5, длина 0.04 м). Имеются два глиняных шарика правильной формы (ШБА-6, диаметр 0.02 м, ФЛ-6, диаметр 0.018 м), один во втором слое, другой в третьем. Глиняных рыболовных грузил найдено 12; все они имеют секторовидную форму с круглым отверстием в верхней части; цвет их обычно белый, длина от 0.09 до 0.14 м.

Довольно много глиняных пряслиц, их 41, почти все они зонной формы, диаметр их от 0.02 до 0.03 м, три из них имеют пунктирный орнамент. Распределение их по слоям см. ниже в связи с вопросом о шиферных пряслицах.

Среди стеклянных вещей подавляющее большинство составляют обломки стеклянных браслетов (рис. 15). Выше уже была речь о их огромном стратиграфическом значении. По цвету они распределяются так: 297 черных, 236 зеленых, 200 желтых, 89 коричневых, 52 синих, 32 голубых, 15 фиолетовых, 7 белых, 3 красных, 7 черных с желтой нитью, 6 коричневых с желтой нитью, 4 синих с желтой нитью, 3 коричневых с золотой нитью, 2 черных с золотой нитью, 2 зеленых с золотой нитью, 2 белых с золотой нитью, 2 голубых с желтой нитью, 2 зеленых с желтой нитью, 1 голубой с золотой нитью, 370 неопределенных (неопределенность только от плохой сохранности), итого 1332. Хорошо сохранившиеся обломки стеклянных браслетов отличаются чистыми и яркими красками. Большинство стеклянных браслетов гладкие, их 1058, витых 273, ребристый 1.

³⁵ Там же, стр. 39.

³³ А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. Новгородский исторический сборник, вып. 6. Новгород, 1939, стр. 10.

³⁴ Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв. КС ИИМК, XVII, 1947.

Во всех древнерусских городах стеклянные браслеты, так же как в Новгороде, одинаково характерны для слоев XI—XIII вв. (Киев, Владимир, Суздаль, Ростов, Рязань, Пронск, Муром, Дмитров, Коломна, Ладога, Чернигов, Галич, Тмутаракань, Белая Вежа и ряд малых городов). Новгородская славенская стратиграфия

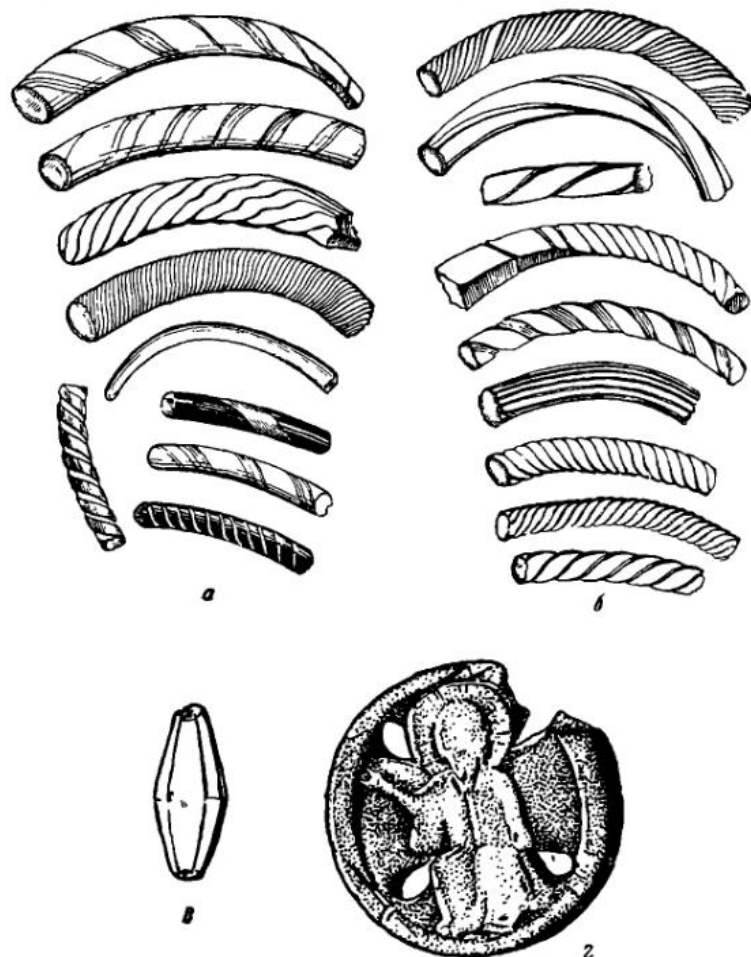

Рис. 15.

а, б — обломки стеклянных браслетов; в — сердоликовая бипирамидальная бусина; з — каменная иконка.

дает одно из убедительнейших доказательств даты. Обилие таких браслетов в городах и отсутствие в деревнях свидетельствует, что носили их горожанки; в деревнях браслеты медные.³⁶ Ношение браслетов было в древней Руси общим правилом, что свидетельствует о коротких рукавах женских одежд.³⁷

Обломков стеклянных перстней найдено 10, все они гладкие, 8 из них голубые, 1 зеленый и 1 желтый. Есть стеклянный зеленый четырехконечный равносторонний крестик (ХК-7, дли-

на 0.016 м) в третьем слое. Стеклянных бус — 186. Надо отметить полное отсутствие позолоченных стеклянных бус, столь типичных в XI—XIII вв. для курганов кривичей; в курганах новгородских славян их почти нет, а в городском слое Новгорода пока совсем не найдено. Вообще попытки многих ученых объединить новгородских славян и кривичей в одно племя нельзя признать основательными: против этого одинаково восстают летописные тексты и типология вещей, в частности бус. Возвращаясь к стеклянным бусам из Славна, надо сказать, что почти все они зонные, т. е. простейшей формы, бесполезной для хронологических и иных выводов. По цвету преобладают зеленые, желтые и голубые. Можно упомянуть две груды бус, представляющие собой как бы целиком найденные ожерелья. В одной такой груде 58 зеленых бисеринок (РВ-8, длина их по 0.003 м), в другой — 16 красных бус (ПД-7, длина их по 0.009 м).

Каменные изделия весьма разнообразны. Наиболее многочисленны среди них шиферные пряслица, их 46. Цвет их обычно розовый, иногда серый, форма биконическая, диаметр от 0.015 до 0.03 м. Эти веретенные грузики встречаются во всех древнерусских городах, в одних слоях со стеклянными браслетами, производились они в Овруче на Волыни, специальное исследование им посвятил Б. А. Рыбаков.³⁸ На Славне они связаны с третьим слоем, хотя и не так четко, как стеклянные браслеты. В первом слое найдено одно шиферное пряслице (очевидно из перекопа), во втором — 13, в третьем — 32.

Интересно сопоставить с этим распределение по слоям глиняных пряслиц, о которых речь шла выше. Тех в первом слое 6, во втором — 27, в третьем — 8. Здесь можно видеть закономерность. Б. А. Рыбаков пишет: «В послемонгольскую эпоху выделка шиферных пряслиц и торговля ими совершенно прекратились, и русские женщины вновь вернулись к глиняным».³⁹ Этот вывод, основанный на археологических материалах всех русских областей, подтверждается и новгородской стратиграфией на Славне. Наличие некоторого количества шиферных пряслиц во втором слое объясняется, вероятно, длительным бытованием этих прочных вещей, но там решительно преобладают глиняные, в третьем слое редкие. Овручские мастерские были, очевидно, разрушены монголами, это отразилось и на быте

³⁶ А. В. Арциховский. Русская одежда X—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета, 3. М., 1945, стр. 5.

³⁷ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА СССР, № 7, М., 1947, стр. 17.

³⁸ Б. А. Рыбаков. Овручские пряслица. Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета, 4, 1946.

³⁹ Там же, стр. 26.

городов, не затронутых нашествием, в том числе Новгорода.

Один раз встречена сердоликовая бипирамидальная бусина; о распространении этих бус, надежного археологического признака восточных славян, мне уже случалось писать.⁴⁰ Славенская находка не отличается от обычных курганных бус (Воскресенский раскоп, кв. 15, пл. 6, длина 0.022 м). Залегала она в третьем слое (рис. 15). Янтарных бус было 6: 3 зонные, 1 миндалевидная, 1 цилиндрическая и 1 рыбовидная. Найден во втором слое один яркожелтый янтарный крестик, четырехконечный, равносторонний, гладкий, один конец его обломан (ШВА-6, длина 0.03 м).

Встречено два обломка массивных песчаных крестов обычного новгородского типа (круг с четырьмя дуговыми вырезами); подобные кресты вделаны в стены многих новгородских церквей. Они располагаются в стенах без всякого порядка, но не густо, и являются, повидному, обетными вкладками отдельных граждан или городских корпораций. Их называют закладными или поклонными крестами. Большинство новгородских церквей имеет такие вставки, и они принадлежат чаще всего к этому типу.

Найденная у восточной стены избы сапожника (у двери) каменная иконка (ФЕ-8, диаметр 0.04 м) относится, по определению Ф. Я. Мишукова, к XIII в. Форма креста близка к только что упомянутым новгородским. Иконка представляет собой круг, которому четыре миндалевидных прорези придают форму креста. В середине сидящая фигура Христа в крещатом нимбе с благословляющей правой рукой. Цвет коричневый, материал, по определению Г. Г. Леммлейна, хлоритовый сланец. Этот предмет найден в третьем слое, в избе сапожника (рис. 15).

Встреченные неоднократно куски слюды (они находились как бы пачками) заставляют предположить, что в древнем Новгороде применялись слюдяные окна (ФЕ-7, РЕ-7, РЕ-6, УЗ-6). Все эти находки сделаны в третьем слое.

⁴⁰ А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. Труды Отделения археологии, I, 1926.

Точильные бруски по материалу делятся на две группы: сланцевых найдено 4 и песчаных тоже 4.

Семь раз найдены обломки жерновов, обычных ручных вращаемых. Но целых их образцов на Славне не встречено. Зато при тех же раскопках экспедиция приобрела полную пару жерновов, найденную в Новгороде в 1937 г.

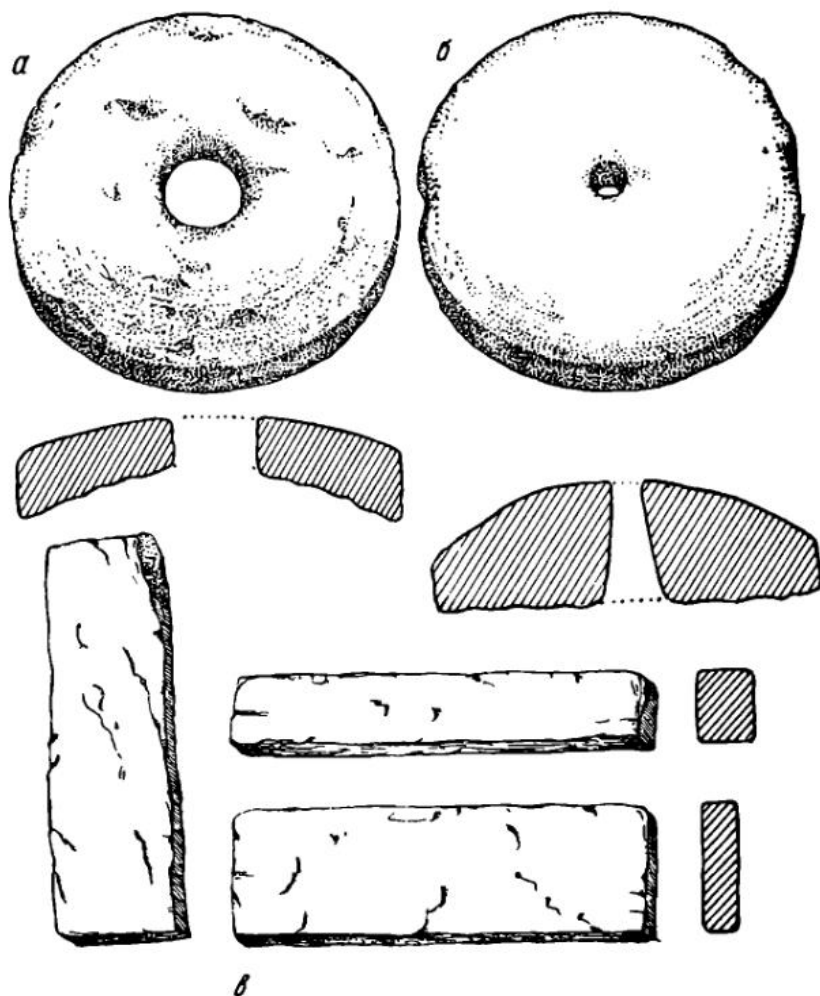

Рис 16.

а, б — жернова, в₁ — в₂ — каменные плитки пола.

при земляных работах (точное место находки не установлено). Ценность их в том, что они отлично подходят друг к другу и работали несомненно вместе (рис. 16а, б). Верхний жернов, как полагается, вогнутый, диаметр его 0.38, диаметр отверстия 0.08 м. Нижний жернов, тоже, как полагается, выпуклый, диаметр его 0.39, диаметр отверстия 0.03 м. Сделаны жернова из песчаника, что довольно обычно. Подобные жернова издал Б. А. Рыбаков, проследивший во Вщиже технику мукомольного дела.⁴¹

⁴¹ Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища КС ИИМК, XI, М., 1945.

Надо упомянуть еще одно подобное приобретение. В 1937 г. в Новгороде на углу улиц Славной и Либкнехта при водопроводных работах на глубине 2.25 м был обнаружен сплошной настил, состоявший из каменных плиток. Плитки эти управление водопровода передало экспедиции. Число их 22, все они представляют собой вытянутые прямоугольные четырехугольники, средняя длина 0.18, средняя ширина 0.05, средняя толщина 0.015, все они плоски. Возможно предполагать пол богатой постройки. Материал — песчаник (рис. 16в).

Костяные изделия сравнительно немногочисленны, зато некоторые из них интересны своим узором. Такова, например, резная морда, служившая, вероятно, орнаментальной накладкой на какую-то вещь (ХЛ-6, длина 0.035 м). Она отдаленно похожа на маски владими́ро-суздальских рельефов, но больше сходства имеет с причудливыми мордочками, торчащими на многих новгородских книжных инициалах. Точные аналогии мне неизвестны. Гротескность изображения усилена всемерно: над глазами узор из заштрихованных треугольников, нос в виде полосы с ромбом внизу, по бокам заштрихованные полосы в виде бакенбард, рта совсем нет. Найдена эта морда в избе игрушечника, непосредственно под слоем засыпки 1335 г. (рис. 17а).

Нарядно украшен маленький предмет, явно предназначенный для чистки ногтей (Воскресенский раскоп, кв. 17, пл. 9, длина 0.085 м). Он заканчивается кривым тонким желобком и заострением. Для ухвертки он слишком остер, для шила, проколки и т. д. слишком тонок и узок. Судя по этой находке, древние новгородцы заботились о чистоте ногтей. Верхняя часть предмета сделана в виде петушиного гребешка. Совершенно такие же петушиные гребешки украшают, как правило, новгородские книжные инициалы. В альбоме книжных орнаментов В. В. Стасова точные аналогии имеются почти на каждой новгородской странице.⁴² Под гребешком у ногтечистки круглое отверстие, предназначенное для ее подвешивания. Ниже идет круглый валик, затем продолговатый цилиндр, покрытый тонкой шахматной резьбой, затем снова круглый валик и, наконец, рабочая часть. Ногтечистка найдена в третьем слое (рис. 17б).

Костяная шпилька от прялки (Посольский раскоп, кв. 3, пл. 2, длина 0.14 м) совпадает почти целиком с такой же шпилькой, найденной в Москве при археологических работах М. Г. Рабиновича у устья Яузы.⁴³ Она имеет наверху в виде петушка, голова которого отломана (на московской шпильке отломан хвост). Под наверху четыре крестообразно

расположенных круглых отверстия (у московской шпильки одно отверстие, и это единственное между ними различие). Стержень шпильки сверху орнаментирован спиральной нарезкой (у московской шпильки даже орнамент такой же). Назначением этого предмета было вытягивание нити, идущей на веретено. Найден он в перекопе, слой там неясен (рис. 17в).

Костяная привеска — уточка (УГ-4, длина 0.035 м) имеет ряд точных аналогий в средневековых древностях Прикамья, там такие уточки распространены от Волжско-Камского края до Урала.⁴⁴ Но они встречены также на огромном расстоянии отсюда, в курганах радимичей.⁴⁵ Все эти птички имеют выгнутую шею, плоское основание и вертикальное сквозное отверстие. Новгородская находка залегает во втором слое (рис. 17г).

Среди костяных гребней преобладают двусторонние трапецевидные. Во всех древнерусских городах этот тип обычен, встречается он изредка и в курганах. Гребни, находимые при раскопках, имеют почти всегда поломанные зубья. На Славне найдены три костяных двусторонних трапецевидных гребня, поддающиеся полной реконструкции, самый большой из них (ЛВ-10, длина 0.095 м) имеет 6 редких зубьев и 54 частых; орнамента на нем нет, найден он в третьем слое (рис. 17д). Второй гребень (Воскресенский раскоп, кв. 37, пл. 5, длина 0.075 м), имеет 11 редких зубьев и 49 частых, найден он во втором слое. Средняя его часть покрыта циркульным узором; основу этого узора составляют три больших обода из двух concentрических кругов каждый; все они окаймлены маленькими кружочками; в целом получается мотив солнца и лучей; для нанесения этого узора сделано циркулем 22 оборота при минимальном растворе, 3 при среднем и 3 при большом (рис. 17е). Третий гребень (ХИ-6, длина 0.07 м) имеет 13 редких зубьев и 29 частых. Найден он в избе игрушечника, непосредственно под засыпкой 1335 г. Он тоже покрыт циркульным узором, основу которого тоже составляют три таких же обода; маленькие кружочки стоят у них по краям; для нанесения этого узора сделано циркулем 14 оборотов при минимальном растворе, 3 при среднем и 3 при большом (рис. 17ж). От двух гребней того же типа сохранились небольшие обломки (УЖ-8, ФЖ-6). Наконец встречены, тоже в обломках, два гребня другого типа, тоже костяные и двусторонние, но длинные, с костяными накладками, прибитыми медными гвоздиками (оба СД-9).

Циркулярный орнамент для древнерусских

⁴² В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887.

⁴³ М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. Материалы и исследования по археологии СССР, № 7. М., 1947, стр. 75.

⁴⁴ А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26. СПб., 1902, стр. 30, табл. XXII, рис. 19.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Радимичи. Труды Археологической Камисии, т. 3. Минск, 1932, стр. 93, табл. VI, рис. 9.

гребней типичен, да и вообще изделия, украшенные этим узором, обычны во всех древнерусских городах, свидетельствуя о широком распространении циркуля, что уже отметил историк математики Б. В. Гнеденко.⁴⁶ На

конической формы (УЖ-5, длина 0.028 м, он отломан от палки) и кусок рукоятки ножа (ТМ-3, длина 0.03 м). Во всех трех случаях кружки нанесены одним раствором циркуля, и этот орнамент сочетается с линейным. Есть

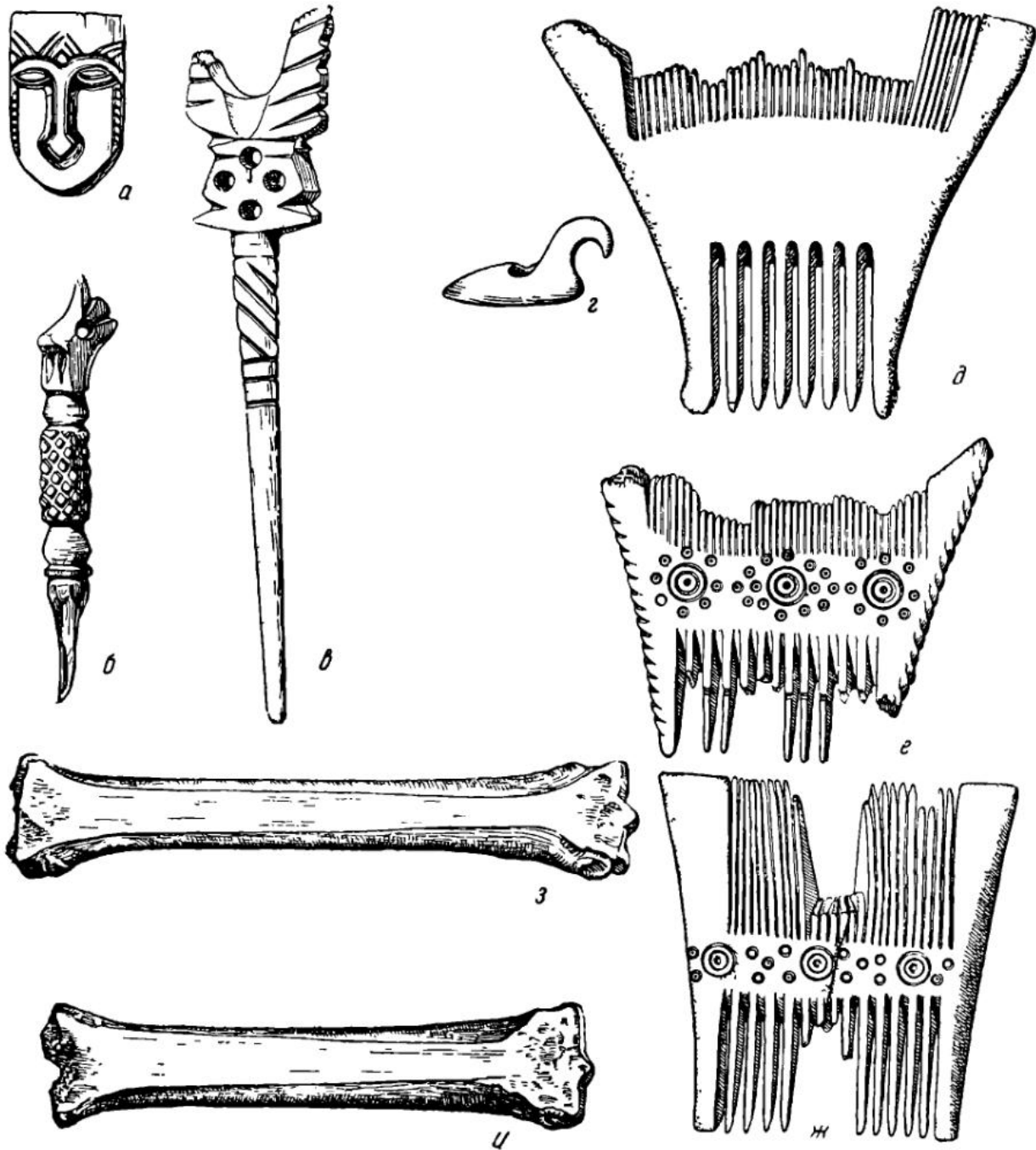

Рис 17. Костяные изделия.

Славне, кроме описанных гребней, встречены еще три костяные предмета с тем же орнаментом: четырехугольная пряжка с вырезами (ХК-6, длина 0.037 м), набалдашник сферо-

еще костяная рукоять ножа только с линейным орнаментом (Воскресенский раскоп, кв. 18, пл. 8, длина 0.02 м).

Найденный в третьем слое рог лося (обломок с двумя ветвями, Воскресенский раскоп, кв. 32, пл. 7) имеет следы распила и явно побывал в костерезной мастерской.

⁴⁶ Б. В. Гнеденко. Очерки по истории математики в России. М., 1946, стр. 13.

Имеются еще костяные крюк (плоский круглым отверстием для прикрепления), булавка, пряслице, свисток и пуговица.

В. И. Громов, разбирая кости животных, обнаружил ряд незамеченных при раскопках коньков. Он пишет: «коньки найдены во всех слоях по несколько штук. Они готовились из метатарсальных, метатарсальных или лу-

можно и для коньков. На огромных водных зеркалах Новгородской земли охотники зимой могли бегать по льду, не везде покрытому снегом; были, как известно, на льду и битвы, одна из которых столь знаменита. Но, конечно, лыжи были гораздо важнее для охоты и для войны, и, вероятно, найденные на Славне коньки употреблялись преимущественно деть-

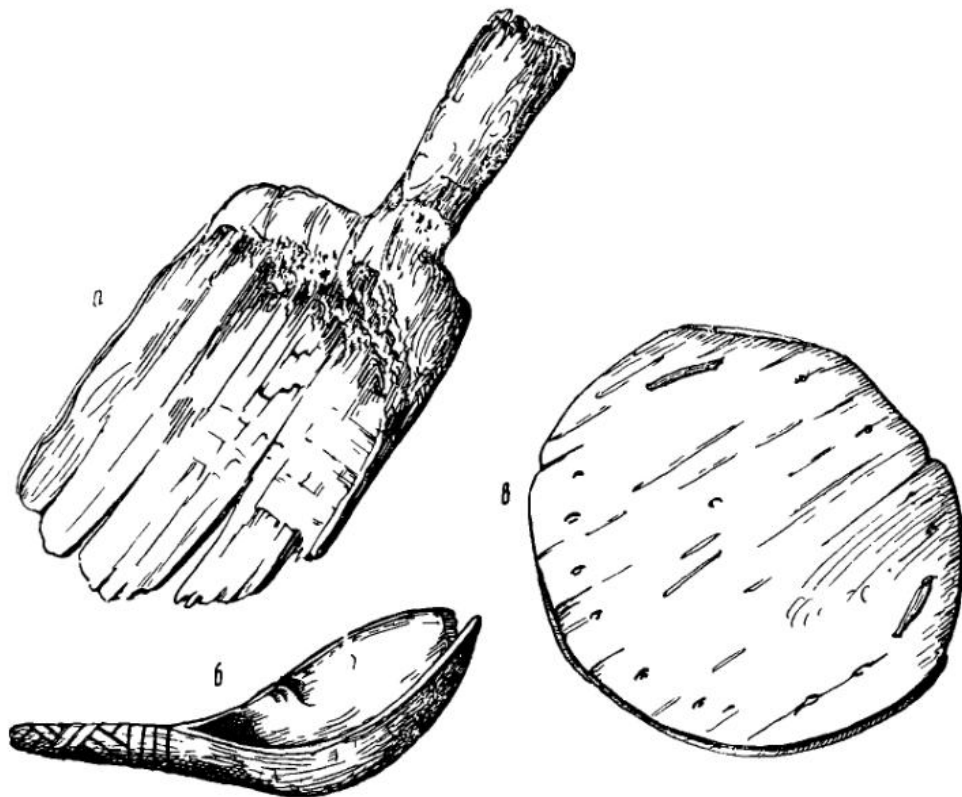

Рис 18 Деревянные изделия.

чевых костей исключительно лошадей. В первом случае подшлифовывалась передняя поверхность метаподия и несколько обивались дистальные части спереди. Во втором срезалась локтевая кость, а передняя часть обрабатывалась, как у метаподий. Отверстий для подвязывания к ноге не наблюдалось ни в одном случае».

Следы обработки на этих предметах иногда едва заметны, и тогда трудно отличить конек от простого обломка кости, таким образом даже число их определить затруднительно. Но некоторые заглажены довольно тщательно. Письменных известий о древнерусских коньках нет, хотя о лыжах они имеются. Лыжи применялись на Руси охотниками и усовершенствованы воинами,⁴⁷ подобное развитие воз-

ми (рис. 17з, и). Длина издаваемых экземпляров 0.21 и 0.24 м.

Дерево на Славне сохранялось в разных местах в разной степени. Бревна срубов в третьем слое более или менее сохранились на всей территории раскопа, но деревянные изделия дошли до нас почти исключительно в северной его части, т. е. там, где стояли жомы, целостность которых тоже объясняется, очевидно, особо благоприятными почвенными условиями. Так было положено начало изучению деревянной бытовой обстановки древней Руси. Все эти изделия залегали в третьем слое.

Деревянный совок с деревянной рукояткой (ПЕ-8, длина 0.335 м), большой, массивный и широкий, с тщательно выдолбленным лотком, предназначался, вероятно, для черпания зерна из мешка (рис. 18а). Деревянная ложка (РГ-10, длина 0.12 м) отделана очень

⁴⁷ А. В. Арциховский. Лыжи на Руси Труды Института этнографии, I, М., 1947.

тщательно, и ручка ее покрыта тонким резным узором из переплетения спиральных лент (рис. 18б). Два берестяные днища туесов (целое — ПГ-9, диаметр 0.14 м, неполное — РГ-12, диаметр 0.2 м) имеют по периферии много мелких дырочек для скрепления со стенками (рис. 18в). От ковша (ПЕ-9) найдены мелкие обломки. Два деревянных гребня при-

Среди железных изделий представлены все основные категории. Выше уже упоминался кузнечный молоток, найденный вместе с крицами и стратиграфически датированный 1335 г. (РГ-7, длина 0.14 м). Боек у него прямой и плоский, обух раздвоен и слегка загнут вниз, рукоять у него железная, т. е., точнее говоря, железный штырь, на который надевалась де-

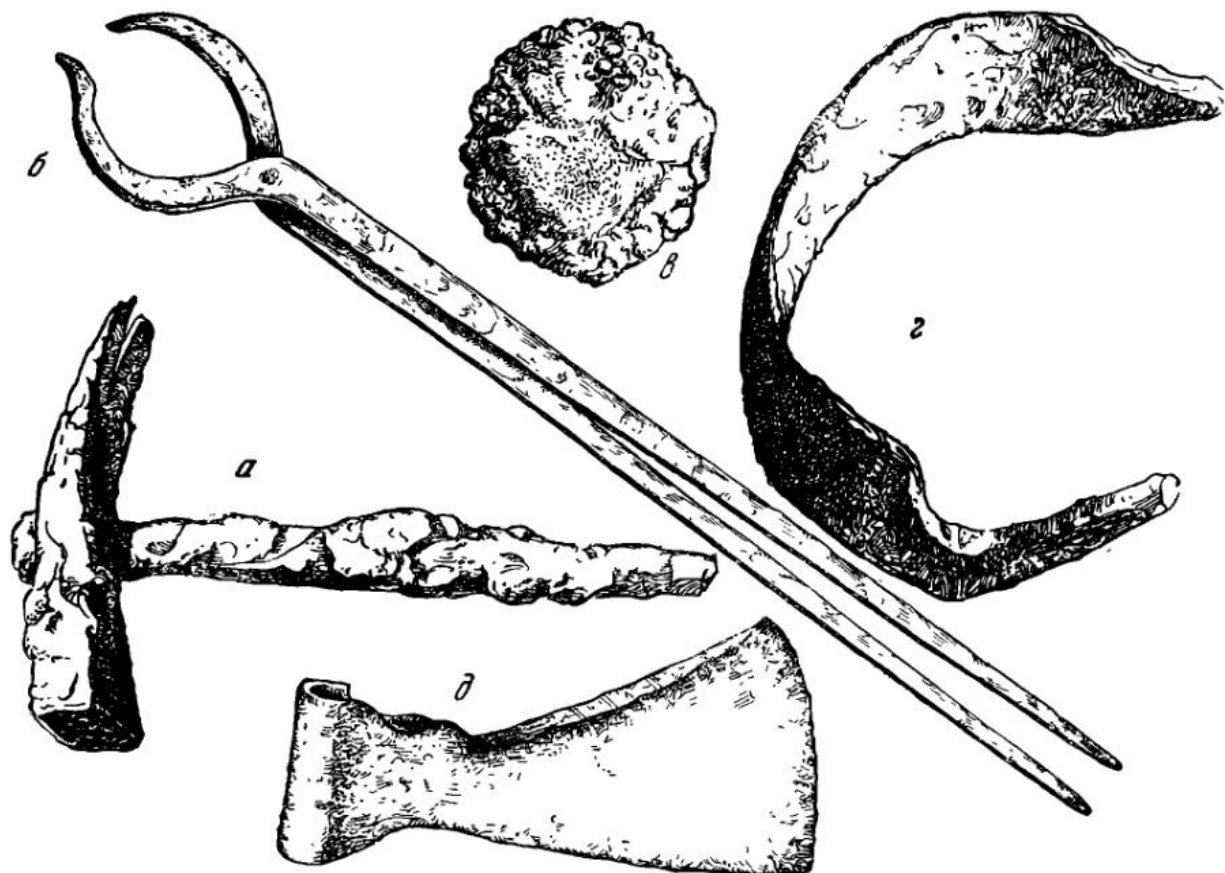

Рис. 19. Железные изделия.

надлежат к тому же типу, который господствует и среди костяных гребней, они трапецевидны и двусторонни (ТВ-7, длина 0.075 м, Воскресенский раскоп, кв. 12, пл. 11, обломан). Деревянная мутовка, палка с загнутыми назад под острым углом зубцами, служила, вероятно, для сбивания масла; из нескольких зубцов сохранились только два (ПЖ-11, длина 0.13 м). Можно назвать еще обломок деревянной лопаты (Воскресенский раскоп, кв. 32, пл. 7, длина 0.24 м), два деревянных кольцевидных предмета плохой сохранности и неясного назначения (ПЖ-11, диаметр 0.07 м, ХК-8, диаметр 0.07 м), двенадцать палочек толщиной не больше пальца, найденные вместе (РД-11, длина от 0.03 до 0.15 м), куски лыкового решета (РГ-8), остатки пеньковых сетей (РЕ-8) и обрывки пеньковых веревок (УЗ-8 и ХЗ-8).

ревянная рукоять. Молотки в археологических материалах редки, мне в свое время пришлось дать перечень находок и типологическую характеристику,⁴⁸ это избавляет меня от сопоставлений здесь, тем более, что точных аналогий нет. Раздвоенный обух у нас до описываемой находки не встречался (рис. 19а).

Кузнечные клещи во время раскопок 1937 г. найдены при водопроводных работах на Нутной улице, против дома № 23, на глубине 2 м и переданы экспедиции. Их значительная длина (0.77 м), а также плавная кривизна и вытянутость губ (одна из которых немного обломана) свидетельствуют о высокой технике кузнечного дела (рис. 19б).

⁴⁸ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 81—82.

Выше описаны крицы (рис. 19в).

Скобель (СИ-7, ширина 0.1 м), т. е. орудие для сдирания коры с бревен и для строгания, уже описан мною в связи с находкой такого же скобеля при моих раскопках в кургане XIII—XIV вв. в Царицыне под Москвой, там мною приведен ряд данных по истории этого орудия.⁴⁹ Его широкая и тонкая остролезвийная пластинка имеет дугообразную и сводчатую форму, две ручки в плане перпендикулярны этой пластинке, у описываемого

Ножей встречено много больше, чем всех других орудий труда, а именно 130. Все они обычного древнерусского типа⁵¹, с прямой спинкой и слегка изогнутым лезвием, однолезвийные. Длина их (с черенком) колеблется от 0.05 до 0.25 м, а у большинства от 0.12 до 0.15 м.

Кресала, т. е. орудия для высекания огня, в древней Руси встречаются двух типов: ободковые и калачевидные. Оба типа много раз изданы. На Славне решительно преобладали ободковые, их найдено одиннадцать, а калаче-

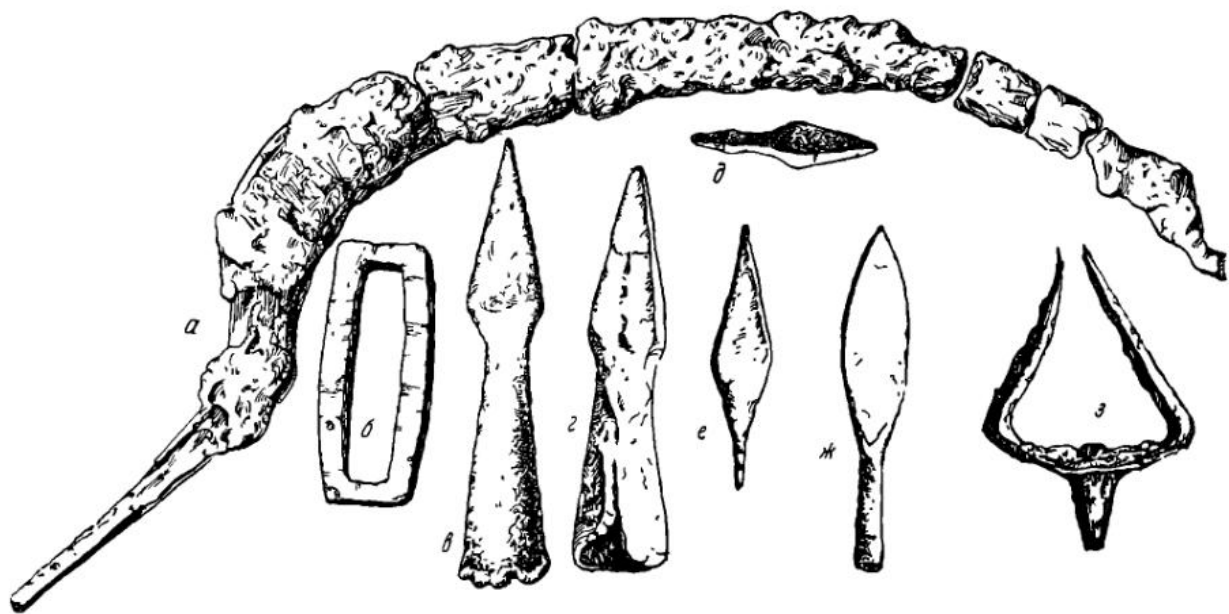

Рис. 20. Железные изделия.

экземпляра обе они обломаны. Он найден в третьем слое (рис. 19г). Царицынский скобель совершенно подобен новгородскому, но он немного меньше и сохранил целиком одну из своих ручек. Найден на Славне и второй скобель (ШМ-6, длина 0.14 м), но от него сохранилась лишь одна сторона, зато с ручкой.

Топор (УЕ-5, длина 0.19 м) похож на многие курганные и городищенские топоры. Он найден во втором слое (рис. 19д). Наиболее полная аналогия ему встречена в кургане у Капшейлы близ города Олонца. Найден на Славне и второй топор (ФЛ-8), но обломанный.

Серп (ФМ-8, длина 0.52 м) встречен в третьем слое (рис. 20а). Он ближе всего подходит к серпу, найденному в кургане XI—XII вв. у Большой Бремболы близ Переяславля-Залесского при раскопках Уварова (изданные рисунки не совсем точны), для которого мною вычислено уравнение.⁵⁰ Найден на Славне и второй серп (ЛГ-4), но от него сохранились лишь обломки, равно как и от косы (РГ-6).

видное только одно (обломанное). Ободок снаружи, как обычно, четырехугольный (с немного выгнутыми боками), внутри, как обычно, близок к овалу (рис. 20б; длина изображенного здесь экземпляра 0.06 м).

Из орудий труда можно еще назвать две стамески (тонкие, плоские и прямые, ШК-6, длина 0.09 м, ОД-10, длина 0.14 м), три кочедыга (ЦГ-7, длина 0.08 м, ФВ-9, длина 0.23 м, ОД-10, длина 0.07 м), 13 шильев (из них 5 найдено в квадрате ФВ рядом с зольником). Ножницы выше описаны (см. зольник).

Оружие представлено двумя копьями и тремя стрелами.

Одно копьё (ШЕ-2, длина 0.19 м), треугольное, имеет много приблизительных аналогий в археологических материалах нашей страны; этот простой тип держался в течение всего средневековья. Найдено оно в первом слое, куда, вероятно, попало из перекопа (рис. 20в).

Другое копьё (ЧБА-5, длина 0.08 м) пикивидное и четырехгранное; с XV до XVII в. это наиболее распространенные копьё. Наш новгородский экземпляр своеобразен, он массив-

⁴⁹ А. В. Арциховский. Царицынские курганы МИА СССР, № 7, М., 1947, стр. 79—80.

⁵⁰ А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. Труды Секции археологии, IV, М., 1928, стр. 40.

⁵¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 95.

нее и короче, чем другие копыя этого типа. Найден он во втором слое, что соответствует приведенной дате (рис. 20г).

Первая стрела (УД-9) имеет очертания четырехгранной пирамидки с шейкой и упором на черешке. В коллекциях Исторического музея имеется ряд аналогий: в домонгольских городищах Остерский Городец (на Черниговщине) и Старая Рязань, во владимирских курганах того же времени⁵² и т. д. Найдена она в третьем слое (рис. 20д). Длина 0.037 м.

Вторая стрела (Воскресенский раскоп. кв. 37, пл. 6) вытянутая, ромбовидная, почти ромбическая, с тонким черешком имеет в Историческом музее тоже аналогии из Старой Рязани и владимирских курганов, но найдена она во втором слое (рис. 20е). Длина 0.053 м.

Третья стрела (НЧ-6), лавролистная и втульчатая, принадлежит к типу, который у нас встречается только в Прибалтике. В Историческом музее он представлен в материалах могильников Латвии (Шлоттенгоф, раскопки Богоявленского, и др.). В Новгород он проник таким образом от ближайших западных соседей. Найдена эта стрела в кладбищенском слое XV в. (рис. 20ж). Длина 0.065 м.

Итак, стрелы в Новгороде встречаются гораздо реже, чем в других русских городах. Объясняется это, я думаю, тем, что Новгород почти не подвергался осадам. Вспомним многочисленные летописные рассказы о стрелах, летевших во время осад «как дождь» в другие города. От этих осад и остались стрелы, изобилующие в культурном слое многих среднерусских городов.⁵³

Тринадцать раз встречены так называемые шипы гнездовского типа, состоящие из острия, сваренного со скобой. Шесть из них залежали во втором слое и семь в третьем. Они вполне подобны шипам, часто находимым в гнездовских курганах X в.⁵⁴ и прикреплявшимся к обуви, вероятно, для хождения по льду. Судя по стратиграфии, они применялись гораздо дольше, чем до сих пор считали (рис. 20з; длина изображенного здесь экземпляра 0.06 м).

Шпора (РГ-13, длина 0.14 м) имеет коническое острие и изогнутые под тупым углом концы скобы. На них ушки для привязывания. По классификации Деммэна, шпоры с подобными коническими длинными остриями распространены во всей Европе IX—XIII вв.⁵⁵ С XIV в. повсеместно господствуют шпоры со звездчатыми колесиками, встречаемые и у нас, в том числе найденные в Новгородской земле при курганных раскопках Л. К. Ивановского

(Исторический музей). Наша новгородская шпора лежала на очаге под настилом, в самой древней части третьего слоя.

Из железных изделий найдены еще 2 сковородные рукояти, 20 скоб, 8 дверных пробоев, 40 крюков, 8 дверных накладок, 11 ключей, 37 колец, 18 обувных подковок и 1 лошадиная подкова. Больше всего, конечно, железных гвоздей: их 563, шляпочные гвозди преобладают над костьюлями (во всех слоях и пластах).

Из свинцовых изделий наиболее интересны две хорошо читаемые печати. Это обычные вислые печати древнерусских документов. Форма их круглая.

Одна из них (ФК-6, диаметр 0.025 м) имеет на лицевой стороне изображение святого с текстом под титлами «Двд», на оборотной стороне надпись в четыре строки, «печь новоторж скогона местни». Последние две буквы «ка» не поместились. Между второй и третьей строчками крест, над ним точка (рис. 21а). Новый Торг, ныне Торжок, был известным новгородским пригородом. Данного наместника, судя по изображению тезоименитого святого, звали Давидом. Совершенно такая же печать найдена в 1879 г. в самом Торжке на острове, и, судя по рисунку, изданному А. К. Жизневским, оба экземпляра сделаны с одной матрицы.⁵⁶ А. В. Орешников сближает находку 1879 г. с печатью, найденной в 1843 г. в Московском Кремле, в кладе XVI в., поскольку на той совершенно такое же изображение св. Давида, хотя на обороте не надпись, а крест.⁵⁷ Остробородый святой изображен погрудно на толстом и невысоком столбе или дереве, он опделен А. В. Орешниковым, указавшим на описание св. Давида Солунского в иконописном подлиннике: «сидит на дереве, древо велико, от земли низко». Печати новоторжских наместников известны и с другими именами. С именем Алексея их целый ряд: одна из них найдена в том же московском кремлевском кладе XIV в., некоторые сохранились в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов, другие найдены в бывшей Тверской губернии.⁵⁸ Есть печать с именем Ивана (происхождение неизвестно).⁵⁹ С именем Василия две печати найдены в бывшей Тверской губернии⁶⁰ и одна в Крыму, в Херсонесе.⁶¹ Связи этого города с Новгородской землей бесспорны; Миниз отмечает в этой связи найденный в Херсонесе клад новгород-

⁵² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 136, рис. 99.

⁵³ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета, 4. М., 1946, стр. 13.

⁵⁴ В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28. СПб., 1902, табл. IX, рис. 20—23.

⁵⁵ A. Demmin. Guide des amateurs d'armes. Paris, 1879, стр. 364, рис. 5—13.

⁵⁶ А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. Археологический отдел, М., 1880, стр. 186.

⁵⁷ А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Труды Московского нумизматического общества, т. III, вып. 1, М., 1903, стр. 145.

⁵⁸ Там же, стр. 146—147.

⁵⁹ Там же, стр. 147.

⁶⁰ Там же, стр. 147—148.

⁶¹ А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. Вестник древней истории, 1939, № 1, стр. 129.

ских гривен; городская жизнь в названном древнем городе длилась до XV в.⁶² Надпись на оборотной стороне всех перечисленных печатей одинакова по тексту, но различается по орфографии. Находки их группируются преимущественно вокруг самого Торжка, раскопки дали теперь одну и в Новгороде, пригородом которого был Торжок. А. В. Орешников по упомянутому московскому кремлевскому кладу датирует печати новоторжских наместников преимущественно XIV в., что подтверждается и формой букв. Новгородская стратиграфия этому соответствует, печать

нам: вместо «Савина», там читается «Иванова», «Федорова», «Ондреева». Найденная при раскопках печать датируется стратиграфически тем же временем, что и печать наместника, причем форма букв этому не противоречит. Она найдена тоже в избе игрушечника непосредственно под засыпкой 1335 г.

Две подобные свинцовые вислые печати найдены в кладбищенском слое XV в., но они, к сожалению, не поддаются расшифровке. На одной из них (СК-6, диаметр 0.02 м) неясная человеческая фигура, а надписи не видно. На другой (СМ-6, диаметр 0.03 м) рука (пять

Рис. 21. Свинцовые и медные вещи.

найдена в избе игрушечника непосредственно под засыпкой 1335 г.

Вторая печать (ХК-7, диаметр тоже 0.025 м) на лицевой стороне имеет надпись в три строки «Са вина печат» (имя, таким образом, дано не фигурой тезоименитого святого, а непосредственно), на оборотной стороне надпись в четыре строки «тию наноу гродск го» (рис. 21б). Эта находка напоминает о том, что раскопки могут давать новые сведения и по политической истории Новгорода: ведь должность тиуна новгородского в летописях и актах неизвестна (упоминаются тиуны владичные, княжеские, боярские и т. д.). Такие же неизданные и даже неописанные печати обнаружены мною в обширных сфрагистических собраниях Новгородского музея, это случайные городские находки. Одна из них принадлежит тому же тиуну Савве и имеет такой же текст. Другие отличаются по име-

растопыренных пальцев, может быть, перчатка) и жезл; это возбудило интерес, поскольку посадничий жезл составил, вместе со степенью, основу новгородского герба;⁶³ к сожалению, несмотря на консультацию ряда специалистов, не удалось прочесть неясные буквы этой печати; не выяснено даже, русские они или латинские.

Кроме печатей, из свинца сделаны две небольшие пломбы (ТД-4 и Посольский раскоп, кв. 3, пл. 5, длина обеих по 0.02 м). Обе они плоские, форма их почти квадратная, на обеих вытиснен один и тот же знак, состоящий из трех колец (рис. 21в). Я в предварительном сообщении ошибался, видя здесь сходство со знаками на рязанских монетах,⁶⁴ сходство скорее с самаркандской тамгой Тимура, хотя прямые сближения преждевременны. Обе пломбы найдены во втором слое.

⁶² E. H. Minns. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, стр. 538.

⁶³ А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. Ученые записки Московского университета, 93, М., 1946, стр. 51.

⁶⁴ СА, III, стр. 191.

Изделия из меди и ее сплавов лучше не разделять: есть ряд постепенных переходов от меди к бронзе и от бронзы к так называемому белому металлу.

Печатаей, предназначенных для оттискивания изображений на воске и подобных материалах, найдено две. Одна из них представляет собой плоский щиток и имеет на обратной стороне маленький вертикальный полуовальный ободок, за который надо было держаться при оттискивании. Этот ободок служил и для подвешивания печати (ее могли носить на поясе). Изображение выпуклое, оттиск получался вдавленный. Представлен мохнатый зверь с когтистыми лапами и поднятым пушистым хвостом (*ЧЛ-5*, ширина 0.025 м). Такая же печать найдена в Прикамье, в селе Ильинском, на реке Обве, к северу от Молотова; А. А. Спицын датирует ее XIII—XIV вв., но неуверенно.⁶⁵ Звери очень похожи, даже в деталях, хотя отлиты в разных формах, размеры тоже совпали, совпала и общая фигура предмета — щиток и ободок. Различие только в том, что камский щиток круглый, а новгородский миндалевидный; впрочем, рабочая часть и у него круглая; зверь на обеих печатаях находится в кольцевидной выпуклой рамке. Старинные тесные связи Новгорода и Верхнего Прикамья общеизвестны. Описываемый щиток найден во втором слое (рис. 21г).

Вторая подобная печать включена в перстень. Это круглый щиток с вдавленным изображением, оттиск получался выпуклый. Представлен зверь вроде коня, но вместо ног у него какие-то клешни; хвост поднят; вокруг зигзаговый ободок (*СЛ-5*, ширина 0.02 м). Сходство с печатными перстнями XVI—XVII вв. имеется, но точные аналогии мне не известны. Фигурки, стоящие на клешнях, довольно обычны в новгородских книжных инициалах XIV в., но сходство и здесь довольно отдаленное. Печатный перстень найден в кладбищенском слое XV в. (рис. 21д).

Дважды найдены нательные кресты — энколпионы или, точнее говоря, их отдельные створки. Первый (*ФВ-5*, длина 0.07 м) имеет усложненную ломаными очертаниями форму, мало похожую уже на крест. Изображено «распятие с предстоящими», по бокам ангелы, вверху лики солнца и луны. Крест распятия восьмиконечный. Это лицевая створка. Совершенно такой же энколпион, совпадающий во всех деталях, издан Б. И. Ханенко и датирован XIII в.⁶⁶ Наш новгородский экземпляр найден во втором слое, что может объясняться длительностью бытования (рис. 22а).

Второй нательный крест (*СК-7*, длина 0.1 м) имеет круглые расширения концов. Совершенно такой же, совпадающий во всех деталях,

⁶⁵ А. А. Спицын. Древности камской чуди, табл. XVIII, рис. 24.

⁶⁶ Б. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, табл. VIII, № 98.

издан В. Н. Перетцом и датирован XV в. или первой половиной XVI в.⁶⁷ Это оборотная створка. Центральная фигура, по определению В. Н. Перетца, — Иоанн Предтеча, а восемь святых, изображенные попарно в четырех круглых клеймах на концах креста, едва ли могут быть определены, названный исследователь воздержался от их истолкования. Надписи на обоих сравниваемых крестах стерты. Описываемый новгородский экземпляр найден в кладбищенском слое XV в., что вполне соответствует приведенной дате (рис. 22б).

Медный грузик (*УВ-8*, длина 0.05 м) грушевидный и сплюснутый, вверху имеет петлю. Обе стороны орнаментированы: по краям растительный узор, в центре лицевой стороны в овале изображение птицы. Предметы совершенно такой же формы найдены в Киеве и изданы Б. И. Ханенко, который считает их боевыми гириями, т. е. гириями от кистеней.⁶⁸ Грузик найден в третьем слое (рис. 22в).

Своеобразен медный нож. Форма его листовидная, лезвие тупое. В плоской рукояти прорезаны четыре круглых отверстия. Рукоять, составляющая с лезвием один кусок меди, покрыта орнаментом в виде звериных голов (*ЧВ-4*, длина 0.095 м). Нож мог служить для линования пергамена. Других предположений пока нет. Найден он во втором слое (рис. 21ж).

Медная пластинчатая фигурная пластинка является, судя по ее форме, застежкой от книжного переплета (*ЦМ-3*, длина 0.045 м). Найдена она в первом слое, но попала туда, вероятно, из перекопа: слишком типичны для древней Руси покрывающие ее циркульный и городчатый орнаменты (рис. 21е).

Медная прорезная пластинка, служившая, вероятно, накладкой на шкатулку или переплет, любопытна по своему узору, представляющему узлы ленты, образующей петли на фоне кольца (*РГ-11*, длина 0.034 м). Это плетенка, хорошо представленная в новгородских книжных орнаментах. Аналогии данному ее варианту имеются в Цветной Триоди Ладожского Малышевского монастыря 1311 г.⁶⁹ и в одной новгородской псалтыри XIV в.⁷⁰ Пластинка найдена в третьем слое (рис. 22г).

Из пряжек особо должны быть отмечены столь типичные для курганов Новгородской земли круглые нагрудные пряжки (с поперечной иглой), их две. Целиком сохранилась одна, она рубчатая, и на концах ее шишечки (*ХК-7*, диаметр 0.03 м), курганные ей аналогии А. А. Спицын датирует XIV в.,⁷¹ найдена она

⁶⁷ В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Известия ГАИМК, вып. 73, Л., 1933, стр. 45, рис. 9.

⁶⁸ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднестровья, вып. 5. Эпоха славянская, 1902, стр. 30, табл. IV, рис. 203—204.

⁶⁹ Стасов. Ук. соч., табл. LXV, рис. 8.

⁷⁰ Там же, табл. LXX, рис. 8.

⁷¹ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903, стр. 29, табл. XXIV, рис. 12.

в избе игрушечника, непосредственно под засыпкой 1335 г. От второй пряжки сохранился обломок, она трехгранная с загнутыми концами (ЦВ-11), курганные ей аналогии А. А. Спицын датирует XI—XII вв.,⁷² найдена она в нижнем горизонте, ниже избы сапожника. Есть еще четыре мелкие пряжки простых очертаний.

называет их полыми уточками, различить коней от птиц в подобных стилизованных изображениях трудно, но морды скорее конские. Первая привеска (рис. 22*д*) имеет одну острую морду с прорезными ушами и конской гривой в виде рубчатой полоски. Снизу ее окаймляет рельефный зигзаг, ниже идут че-

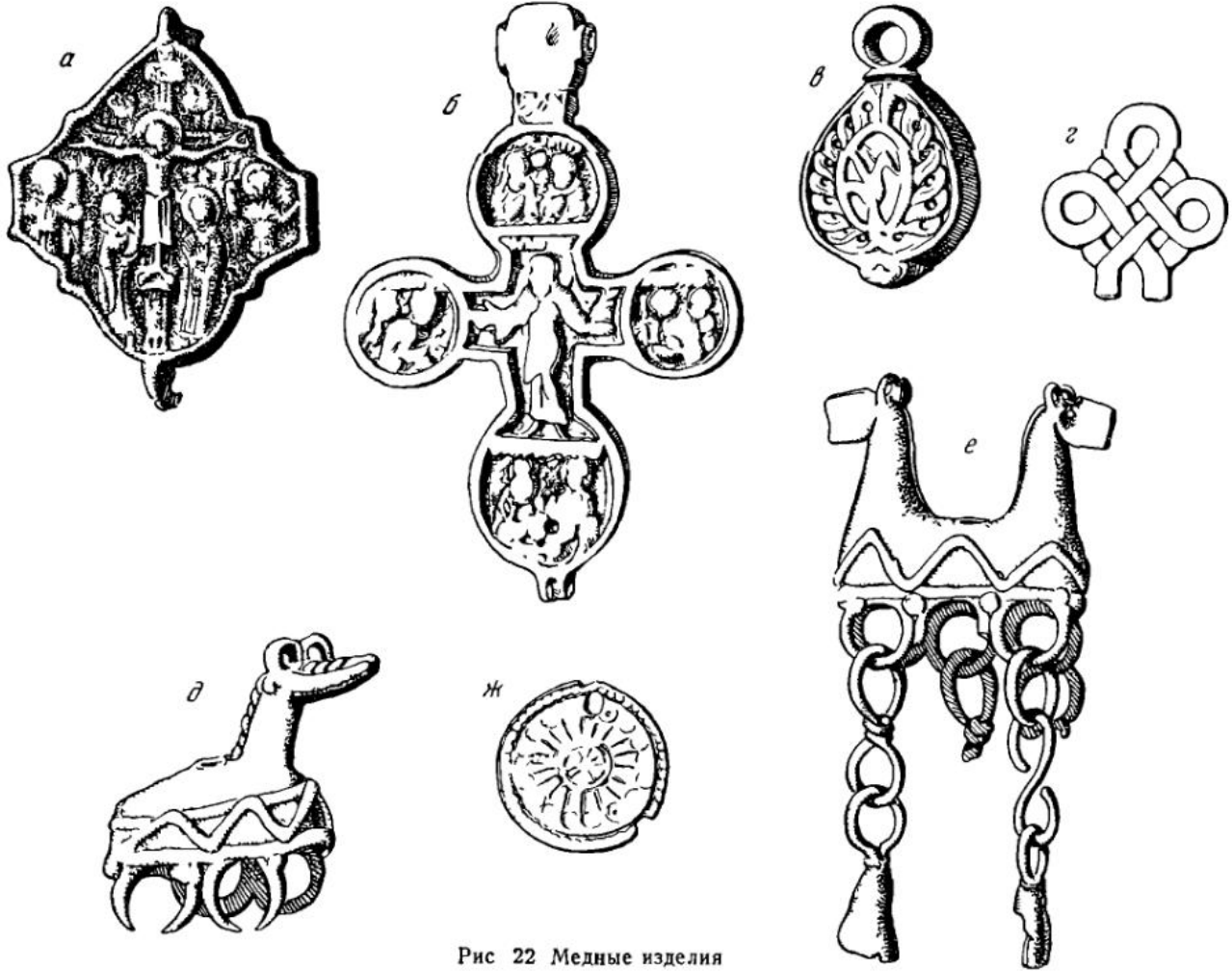

Рис 22 Медные изделия

Лировидных пряжек, столь распространенных в древней Руси, пока не найдено.

Медных пуговиц встречено 6, все они сферические.

Можно отметить медную булавку с зубчатой головкой (УМ-8, длина 0.08 м).

Среди найденных женских украшений курганных типов выделяются две шумящие привески в виде коньков. Шумящие привески сначала считались в археологии принадлежностью финского наряда, но давно уже доказано, что они широко распространены также у новгородских славян и у восточных кривичей. Можно даже говорить о специфически славянских типах данных привесок, и с одним из них мы здесь имеем дело. Это полые коньки; А. А. Спицын

тыре круглые кольца для подвешивания цепочек, которые здесь не сохранились (ХЛ-7, длина 0.04 м). Вторая привеска (рис. 22*е*) парная, у нее две морды, обе они широкие, одна смотрит налево, другая направо (в таких двуглавых конях многие исследователи видят олицетворение вечерней и утренней зари). Уши и здесь прорезные, внизу тот же рельефный зигзаг, ниже на шести круглых кольцах висят цепочки, из шести цепочек две сохранились целиком и две частично. Звенья их восьмерковидны, внизу висят раздвоенные грузики (ФЛ-7 длина 0.07 м). Такие полые коньки, двуглавые и одноглавые, обычно только в курганах Новгородской земли, притом не у води, а у новгородских славян; совпадают все детали: полость, формы морд (то острые, то широкие), прорезные уши, гривы, рельефный

⁷² А. А. Спицын Ук соч., стр. 29, табл. XXII, рис. 3.

зигзаг в основании фигурки, звенья и грузики цепочек.⁷³ Это тип славянский: у камской чуди, у окской мордвы и т. д. шумящих привесок хотя и много, но они совершенно другие. В Эстонии описанные коньки встречаются редко и считаются привозными с востока.⁷⁴ Вне Новгородской земли только в костромских славянских курганах их довольно много, но и там они не очень типичны.⁷⁵ В виде редчайших исключений они доходят до Киевской земли,⁷⁶ до Владимирской земли⁷⁷ и до Камы.⁷⁸ Итак, описанные фигурки надо признать характерными для искусства новгородской деревни. Коньки, близкие к нашим, А. А. Спицын датирует XIII в.⁷⁹ Обе эти привески лежали в избе игрушечника, под слоем засыпки 1335 г. Связывать их нахождение со специальностью хозяина избы нельзя, он делал совершенно иные вещи, а эти коньки носились, вероятно, в его семье в качестве женских украшений.

В той же избе оказались еще две цепочки с грузиками от таких же привесок (ХЛ-7, длина 0.035 м, ФК-7, длина 0.04 м) и два таких раздвоенных грузика отдельно (ФК-7, длина 0.02 м, ХК-7, длина 0.015 м). Вне данного сруба эти деревенские украшения не встречены.

Круглая монетовидная привеска (ХИ-6, диаметр 0.03 м) покрыта тисненым узором в виде розетки из 18 лепестков, в конце каждого лепестка помещен циркульный кружок. Очень похожие привески с такой же розеткой и такими же циркульными кружками на концах лепестков найдены в одном из владимирских курганов⁸⁰ и в городе Сураже, Брянской области⁸¹ (ни условия находки, ни дата в обоих случаях не известны). Описываемый предмет найден все в той же избе игрушечника, столь богатой находками, под засыпкой 1335 г. (рис. 22ж).

Можно отметить еще одну привеску, в форме ореха, со штриховым орнаментом (ФЕ-4, длина 0.03 м).

Трехбусинное височное кольцо (СЗ-13, диа-

метр 0.03 м) поломано. Бусы гладкие и шарообразные, они отлиты вместе с кольцом. Литейную форму для производства таких украшений я нашел в курганном погребении XIII—XIV вв. в Митяеве в Московской области.⁸² Описываемое кольцо найдено на очень большой глубине, но возле жомов, оно могло попасть туда в XIV в. при их засыпке.

Медных проволочных простых колец найдено 22.

Кусок медной проволоки завит в две пряди и является, повидимому, заготовкой для производства браслетов (СГ-12, длина 0.08 м).

Медные витые браслеты с петлями на концах, столь типичные для поздних русских деревенских курганов, встречены трижды, все в обломках. Один из них (ХК-6) тройной (из проволоки, сложенной вдвое), другой (СД-13) четверной, третий (ФЕ-5) витой 2×3. Первые два типа появились в XIII в., третий в XIV в.⁸³ Условия находки новгородских славянских браслетов этому не противоречат. Тройной браслет найден в избе игрушечника, непосредственно под слоем засыпки 1335 г. Четверной браслет, хотя и оказался на большой глубине, но возле жомов, и попал туда, вероятно, при их засыпке в том же году. Наконец, браслет 2×3 лежал во втором слое.

Все вещи, найденные при раскопках в Новгороде на Славне, хранятся в Историческом музее в Москве. На них составлены описи. Вещи 1932 г. включены в инвентарь под № 75131, вещи 1934 г. под № 77623, вещи 1936 г. под № 78439, вещи 1937 г. под № 78681.

Раскопки на Славне заложили основы археологии Новгорода. Счастливые установления дневного уровня 1335 г. позволило точно датировать ряд сооружений и вещей и наметить хронологическую шкалу для новгородских городских слоев. Находки вещей, возраст которых известен, все уложились в эту шкалу. Каменная стена 1335 г. меняет представления о древнерусской фортификации. Вскрытые ремесленные мастерские XII—XIII вв. характеризуют облик ремесленного города и дают ценные материалы по истории техники. Материальная культура Новгорода веховой эпохи изучена на Славне впервые и всесторонне, найдены первоклассные образцы орудий труда и произведения прикладного искусства. Есть оружие, печати с надписями и многое другое. Сохранность дерева позволила изучить деревянное строительство. Городские погребения с монетами XV в. тоже являются новой научной темой. От раскопок на Славне экспедиция перешла к раскопкам на Ярославовом Дворище, где еще яснее стала высота культуры древнего Новгорода.

⁷³ А. А. Спицын. Курганы С. Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20. СПб, 1896, стр. 21, табл. VIII, рис. 18 и 19; см. также А. А. Спицын. Гдовские курганы, табл. XXIV, рис. 21.

⁷⁴ Н. Моога. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, Abb. 53, 4.

⁷⁵ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, М., 1899, табл. 3.

⁷⁶ Б. И. и В. И. Хаенко. Уж. соч., табл. XVI, рис. 380.

⁷⁷ А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 457.

⁷⁸ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, М., 1899, табл. 12, рис. 7.

⁷⁹ А. А. Спицын. Гдовские курганы, стр. 26.

⁸⁰ А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 194.

⁸¹ Б. И. и В. И. Хаенко. Уж. соч., табл. XVII, рис. 368.

⁸² А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы. Труды Секции археологии, V, М., 1930.

⁸³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей М., 1930, стр. 10—12, 136—150, рис. 1, 2 и 3.

А. В. Арциховский

РАСКОПКИ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ДВОРИЩА
В НОВГОРОДЕ

1

Ярославово Дворище является интереснейшей частью Новгорода, но археологическое его исследование затруднено современной застройкой и неясностью летописных топографических указаний. Однако историческое значение этой местности так велико, что работы там имеют первоочередное значение. По завершении раскопок на Славне они были перенесены на Дворище. Экспедиция посвятила ему две полевые кампании подряд, в 1938 и 1939 гг., исследовав доступную для раскопок территорию, примыкающую к церкви Николая на Дворище. Затем работы были прерваны и возобновлены лишь через 8 лет, в 1947 г., в другой части Дворища. Эти новые раскопки еще не завершены и должны быть изданы особо.

Поздняя летопись объясняет происхождение названия местности, говоря под 1030 г. об Ярославе Мудром: «и жил великий князь Ярослав на Торговой стране, близ реки Волхова, где ныне церковь каменная Николая чудотворца, яже и донныне словет Ярославле дворище». ¹ Княжеский дворец помещался здесь и в XII в., летопись сообщает под 1113 г. о построении упомянутой церкви: «заложил [Мстислав Владимирович] церковь святого Николая на княжи дворе». ² Это здание стоит донныне, оно хорошо сохранилось; с XVII в. оно называется собором. ³ Но князю данная территория принадлежала недолго. Б. Д. Греков убедительными аргументами связывает с известным новгородским переворотом 1136 г. и установлением вечевого строя «переселение князя из Ярославова двора на два поприща от Великого Новгорода, в Городище». С тех пор летопись неизменно помещает княжеский двор не на Ярославовом Дворе, а в Городище.

Уже в 1149 г. новгородцы идут «ко князю [Изяславу Мстиславичу] на обед на Городище». ⁴ Подобные топографические указания встречаются до 1270 г., когда должность новгородского князя была упразднена. ⁵ Ярослав Двор получил новое назначение, он стал вечевою площадью, что произошло, вероятно, в 1136 г.; прямые известия о вече на этом дворе встречаются с 1148 г. ⁶ Они обильны для XIII, XIV и XV вв., летопись говорит много раз: «Новгородци сташа вече на Ярославле дворе» ⁷ или «сзвониша вече на Ярославле дворе» ⁸ или «поставиша вече на Ярославле дворе» ⁹ или «сдумавше Новгородци на вече на Ярославле дворе» ¹⁰ и т. п. Превращение княжеского двора в вечевую знаменательно: этим был демонстративно подчеркнут переход от суверенитета князя к суверенитету веча. Термин «княжь двор» продолжал и в эти века иногда применяться, но он превратился в собственное имя, утратив прямой смысл; например, в 1308 г. «Якимовая Столбовича постави церковь каму на княжи дворе Святых Отец 318, иже в Никии». ¹¹ Частное лицо, боярыня, не могла бы строить эту церковь, если бы князья сохраняли еще какие-нибудь права на данную территорию. Во всех дошедших до нас вечевых грамотах упоминается эта местность; вот характерная формула: «Се покончаша посадники Ноугородские, и тысяцкие Ноугородские, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концов, весь государь Велики Новгород, на вече на Ярославле дворе». ¹² Наличие вечевого

⁴ ЛСРЛ, VII, 45.

⁵ А. В. Арциховский. К истории Новгорода «Исторические записки», 2. М., 1938, стр. 126—129.

⁶ ПСРЛ, II, 40.

⁷ Новгородская летопись по Синодальному Харьтинскому списку. СПб., 1888, стр. 364

⁸ Там же, стр. 292.

⁹ Там же, стр. 371.

¹⁰ Там же, стр. 411.

¹¹ Там же, стр. 310.

¹² Акты Археологической экспедиции, т. I, СПб., 1836, стр. 69.

¹ Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 180.

² ПСРЛ, IV, 2-е изд., 1 вып. СПб., 1915, стр. 142.

³ Новгородские летописи, 1879, стр. 171.

⁴ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII веке. Ученые записки Института истории, том 4, М., 1929, стр. 21.

делопроизводства не подлежит сомнению, летописные известия об этом скудны, но оно велось там же. Под 1384 г. летопись так говорит о переговорах с служебным князем Патрикием Наримановичем, сидевшим в новгородских пригородах: «и грамоту списаша с князем и запечаташа на вечи на Ярославли дворе». ¹⁴ Руководил этим делопроизводством, очевидно, «вечный дьяк», упоминания о котором имеются в летописях ¹⁵ и в грамотах. ¹⁶ Иван III после своей Шелонской победы 1471 г. не сразу заявил претензии на Ярославов двор, еще в 1476 г. он останавливался только на Городище. Но в 1477 г. его послы на вече потребовали: «и Ярославле вам дворище великим князем очистить». ¹⁷ Новгородцы тогда еще отвечали: «ни дворища вам Ярославля не даем», ¹⁸ однако сопротивляться они уже не могли. В 1478 г. снова «князь велики велел боярам своим говорити владыце, и посадником, и житым, и черным о Ярославле дворе, чтобы тот двор ему очистили», новгородцы пытались предложить в обмен двор в Околотке, но вынуждены были уступить. ¹⁹ Термин «Дворище» с 1494 г. ²⁰ в летописи обычен, он этимологически и семантически соответствует терминам «городище», «селище», «церковище», «монастырище» и т. п. Иван IV предполагал создать на месте древнего княжеского двора царский двор, значительно больший по территории. Летопись под 1570 г. говорит: «после государева розгрому, в Великом Новгороде, на Торговой стороне, от Волхова, все дворы очистили, нарядили площадию, а ставити на том месте двор государев... да того же лета мастера учели нарежати место новое государское и место владычня, резали 2 лета». ²¹ Грандиозность задуманной постройки видна по писцовым книгам, дающим длинные перечни дворов, подошедших «под государеву меру Болшого двора на Дворищах» на улицах Железной, Михайловой, Витковой, Нутной, Варяжской и Павловой. ²² Писцовые книги четко противопоставляют «государские дворы, Большой двор и что на Никитине улице». ²³ Под 1572 г. летопись сообщает: «заложил государь избы ставити на своем дворе, на Дворищи». ²⁴ О завершении этих построек упоминаний нет и, очевидно, они сгорели недостроенными в 1580 г., под каковым годом летопись говорит: «Погореша в Великом Новегра-

де три теремы и двор государев на Ярославле дворище, в первое воскресенье Петрова поста, загорелося от молнии». ²⁵ С тех пор никаких известий о правительственном строительстве на этом месте нет, почти сразу после пожара там стали строиться частные лица, и уже писцовая книга 1585 г. говорит: «Васка с сыном ставит двор на Нутной улице на Дворище, где был государев двор». ²⁶

Ни летописи, ни писцовые книги, ни иные источники не позволяют сколько-нибудь точно очертить территорию Дворища. На западе оно примыкало к Волхову, это сообщает летопись в вышеприведенном рассказе об Ярославе Мудром. На востоке оно доходило до церкви Николы, о чем свидетельствует не только тот же рассказ, но и иные летописные упоминания. Церкви и здесь, как всюду, помогают немало выяснить топографию. Летописцы знают словосочетание «святой Никола на Ярославле дворе», ²⁷ они и прямо говорят о вечах близ этой церкви. Так, в 1270 г. при изгнании князя Ярослава Ярославича «сзвониша вече на Ярославли дворе, и убиша Иванка, а нини вбегоша в Николу святой». ²⁸ Церковь послужила здесь политическим убежищем. В 1337 г. ее использовали иначе: «Наваженнем диаволим, сташа простая чадь на анхимандрита Есифа, и створиша вече, запроша Есифа в церкви святого Николы; и седоша около церкви ночь и день коромолници, стрегуще егъ». ²⁹ В этом известии не назван Ярославов Двор, обычно связываемый летописцами с вечем. Территория его определена именем церкви. Имеются и иные подобные упоминания, например: «И рекоша меншии у святого Николы на вечи». ³⁰ В московское время несколько раз упомянут «Никола на Дворище», как в летописях, ³¹ так и в писцовых книгах. ³²

Кроме Николы, летописцы помещают на Дворище еще несколько церквей. Можно не касаться здесь тех, которые до нас не дошли (Святые Отцы и т. д.). Но дошедшие дают новые топографические указания. К юго-западу от Николы, между ним и Волховом, стоит церковь Жен Мироносиц. Летопись связывает ее с Дворищем неоднократно, начиная с 1445 г., когда она стала каменной. ³³ К югу от Николы стоит церковь Прокопия, о ней под 1359 г. летопись говорит: «постави владыка Моиси святого Прокопья церковь каму на

¹⁴ ПСРЛ, IV, 2-е изд., 2 вып., Л., 1925, стр. 341.

¹⁵ ПСРЛ, VI, 18, 205, 211.

¹⁶ Акты Археографической экспедиции, т. I, стр. 45.

¹⁷ ПСРЛ, IV, 255.

¹⁸ ПСРЛ, IV, 256.

¹⁹ ПСРЛ, VI, 217.

²⁰ ПСРЛ, IV, 2-е изд., 2 вып., стр. 459.

²¹ Новгородские летописи, 1879, стр. 100.

²² В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, стр. 221, 234, 236, 238, 245, 254, 267, 273.

²³ Там же, стр. 222.

²⁴ Новгородские летописи, 1879, стр. 110.

²⁵ Там же, стр. 347.

²⁶ Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912, стр. 13.

²⁷ Новгородская летопись, 1888, стр. 393. Новгородские летописи, 1879, стр. 45.

²⁸ Новгородская летопись, 1888, стр. 292.

²⁹ Там же, стр. 333.

³⁰ Там же, стр. 275.

³¹ Новгородские летописи, 1879, стр. 70, 104, 245, ПСРЛ, IV, 2-е изд., 3 вып., Л., 1929, стр. 547.

³² В. В. Майков. Ук. соч., стр. 218, 235, 236, 257.

³³ Новгородские летописи, 1879, стр. 118, 273, 320, 326, ПСРЛ, VI, 299.

княжи дворе». ³⁴ Под 1529 г. эта церковь снова упомянута летописцем и помещена «на Ярославле дворе». ³⁵ К северу от Николы стоит церковь Параскевы Пятницы, летописные известия о ней противоречивы. До XVI в. она связывается не с Ярославовым Двором, а с Торгом. Уже под 1156 и 1191 гг. упоминается «церковь святыя Пятнице на торговищи». ³⁶ Торг занимал вообще местность к северу от Ярославова Двора, летопись с ним связывает донные стоящие церкви Успенья на Козьей Бородке, Георгия и Ивана на Опоках. Церковь Пятницы находилась, очевидно, близ южной границы Новгородского Торга, и в XVI в. она стала называться церковью Пятницы на Дворище; этот термин встречается в летописях ³⁷ и в лавочных книгах. ³⁸

2

Довоенные археологические работы на Дворище сосредоточены были вокруг Николы. Начал их Новгородский музей под руководством А. А. Строкова в 1937 г. (когда московская экспедиция вела еще работы на Славне). Отчет о раскопках новгородских археологов был опубликован очень быстро, ³⁹ но он слишком краток. Раскопок было два: № 1, к востоку от церкви Прокопия, и № 2, между церквями Николы и Пятницы. В раскопе № 1 найден был сруб подвального типа, от которого сохранилось 10 венцов (высота его не указана). Руководители раскопок датируют эту постройку почему-то XVI в., хотя среди находок в срубе упоминают «много обломков разноцветных стеклянных браслетов». ⁴⁰ Браслеты эти позже XIII в. не заходят, что для Новгорода доказано стратиграфической статистикой их находок на Славне. Хронологическая аргументация в отчете отсутствует. Раскоп № 2 открыл впервые сплошной настил из коровьих челюстей, ниже были деревянные настилы уличных мостовых; о всех этих настилах будет речь ниже.

В 1938 г. новгородские археологи перенесли свои раскопки с Дворища в Летинец, а московские археологи — со Славна на Дворище (рис. 1а).

Экспедиция была в 1938 и 1939 гг. организована Московским гос. университетом, Московским отделением Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Гос. Историческим музеем (Москва). Начальником экспедиции оба года был А. В. Арци-

ховский, научными сотрудниками в 1938 г. С. А. Тараканова, Е. И. Горюнова и Т. В. Наздарская. В 1938 г. в раскопках участвовали 34 студента Московского гос. университета и 10 студентов Московского гос. педагогического института, в 1939 г. — 39 студентв МГУ и 4 студента МГПИ. Из студентов МГУ активными участниками экспедиции оба года были: И. Х. Байтеянец, А. И. Виноградов, М. А. Гинзбург, А. М. Гуревич, К. И. Забродин, А. Л. Монгайт, А. В. Никитин, Н. Н. Овчинников, М. Г. Рабинович, И. Д. Розенберг, И. В. Савков, И. А. Таубин и Г. Б. Федоров; в 1938 г. еще А. Я. Аврех, Н. Н. Вактурская, Л. Б. Валев, Л. В. Венкстерн, Я. С. Драбкин, И. Г. Еремин, И. В. Лазарев, И. З. Птицын и Г. И. Соколов; в 1939 г. еще Л. В. Артишевская, Г. Э. Бауэр, Д. Р. Виноградова, Л. П. Зяблин, Ю. В. Масленников, Г. Я. Минский, И. П. Можайская, А. М. Некрич, М. Ю. Полляк, Т. В. Равдина, И. Г. Ржанов и Р. Д. Розенберг; из студентов МГПИ оба года Х. А. Рубштейн и Е. Н. Старорусская; в 1938 г. еще Г. И. Бойцова, А. Д. Буровцев и П. И. Засурцев. Фотографом экспедиции был в 1938 г. А. И. Смирнов, в 1939 г. Л. П. Панков.

Поскольку до нас на данном участке были заложены два вышеупомянутых раскопа Новгородского Музея, нумерация раскопов была начата с № 3. В 1938 г. вскрыты №№ 3, 4, 5 и 6, в 1939 г. №№ 7, 8, 9 и 10, а также маленькая траншея у апсид Николы. Все раскопы делились на квадраты, нумерованные не буквами, как на Славне, а цифрами. Площадь квадрата была и здесь 4 м². При обозначении находок за номером раскопа и квадрата ставился номер пласта, означавший глубину; пластами и здесь назывались срезы, по 0,2 м каждый (например, раскоп 3, квадрат 6, пласт 9 обозначается здесь 3—6—9). Описание стратиграфии и вскрытых сооружений ведется здесь (в отличие от Славна) для каждого раскопа отдельно, так как они не всегда смыкались, и не было той общей стратиграфической основы, которую на Славне дала строительная планировка посадника Федора. Изложение буду вести не по порядку номеров раскопов, а по порядку их расположения, чередуя, таким образом, описание работ 1938 и 1939 гг. Разрывы между раскопами считаю теперь своей методической ошибкой; сплошной раскоп, заложенный на Славне, был целесообразнее. Но эти раскопки Дворища носили отчасти разведочный характер, а позднее мною заложен в другой части Дворища огромный сплошной раскоп.

При нивелировке всех раскопов за нулевую точку принят правый верхний угол южной двери церкви Николы на Дворище. Все цифры получались отрицательные.

Раскоп № 3 был заложен между церквями Николы и Пятницы. На западе он вплотную

³⁴ Новгородская летопись, 1888, стр. 353

³⁵ ПСРЛ, VI, 287.

³⁶ Новгородская летопись, 1888, стр. 141, 164.

³⁷ Новгородские летописи, 1879, стр. 89, 106.

³⁸ С. В. Бахрушин. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., М., 1930, стр. 33, 35, 61.

³⁹ А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель. Раскопки на Ярославом дворище. Новгородский исторический сборник, вып. III—IV, Новгород, 1938.

⁴⁰ Там же, стр. 190.

примыкал к раскопу № 2 (Новгородского музея). Длина его, с севера на юг, 12 м, ширина, с запада на восток, 8 м, он разбит на

филь, дающий хронологические указания (рис. 16 и 2а). Дело в том, что там видны, помимо трех слоев, три строительных про-

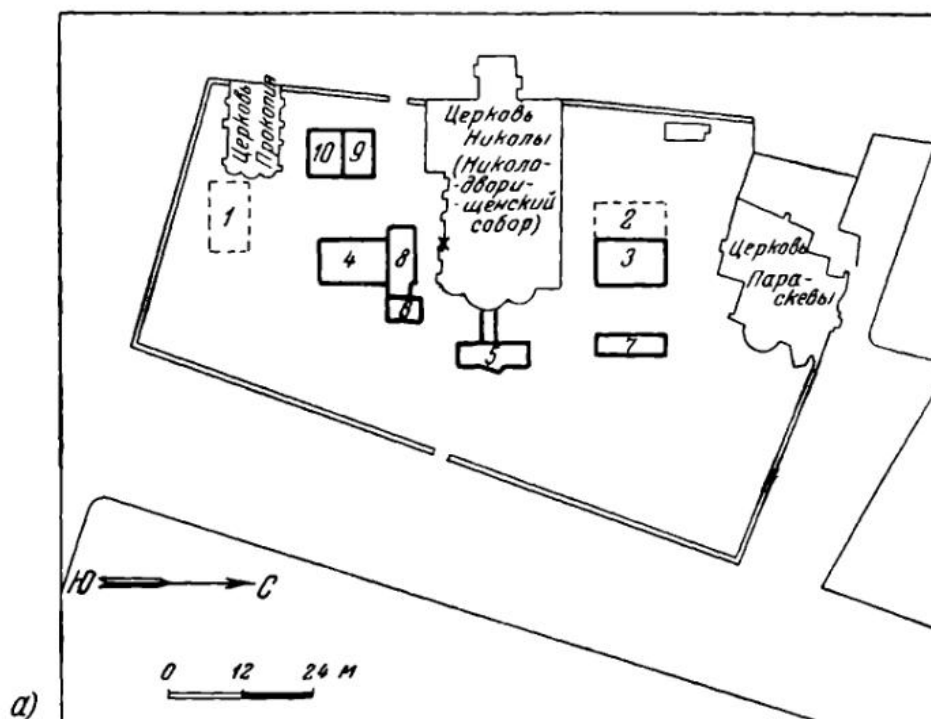

Рис. 1а. Генеральный план раскопок у Николы на Дворище
границы раскопов Новгородского музея 1937 г.; X—отправная точка нивелировки—верхний левый угол двери собора.

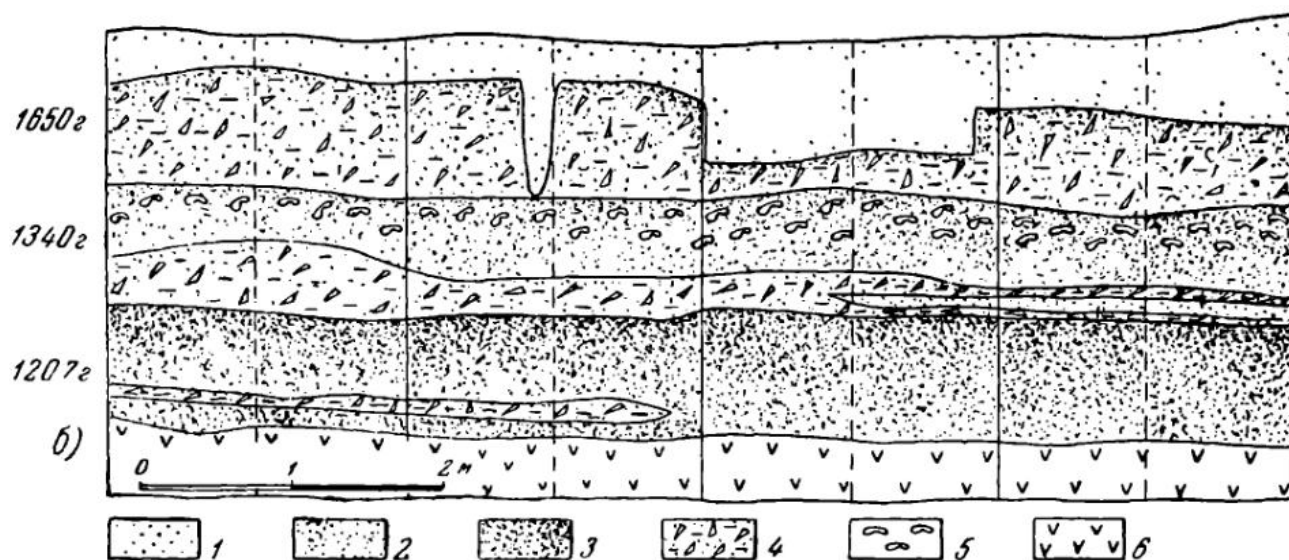
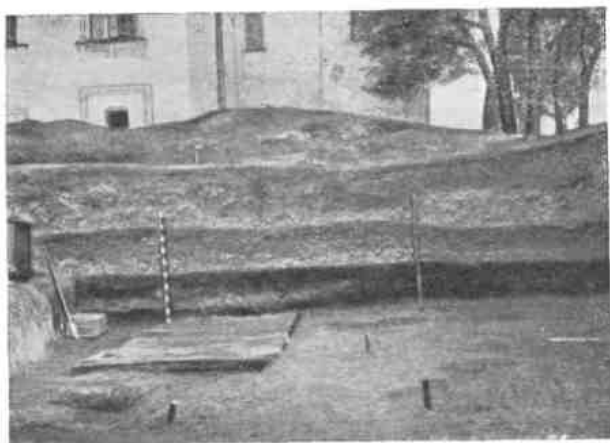

Рис. 16. Северный профиль раскопа № 3
1—слой I; 2—слой II; 3—слой III; 4—строительные прослойки; 5—челюсти коровьи; 6—материковый песок.

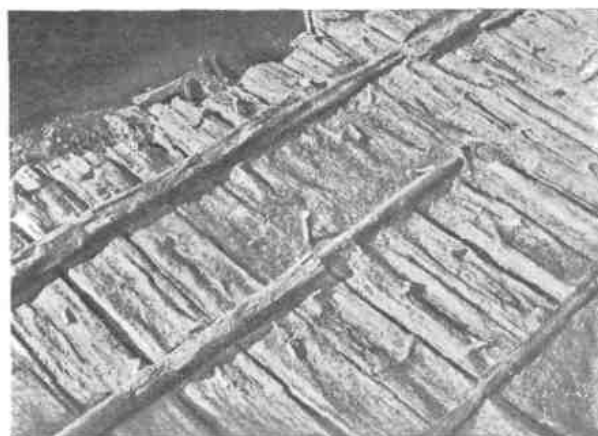
24 квадрата, счет которых идет с юго-восточного угла на север. Цифры нивелировки от —1.64 до —1.93 м. Во всех профилях этого раскопа одинаково прослеживаются три слоя, но особо стоит разобрать лишь северный про-

филь, связанные с церковью Пятницы. От северной стенки раскопа до этой церкви расстояние 10 м.

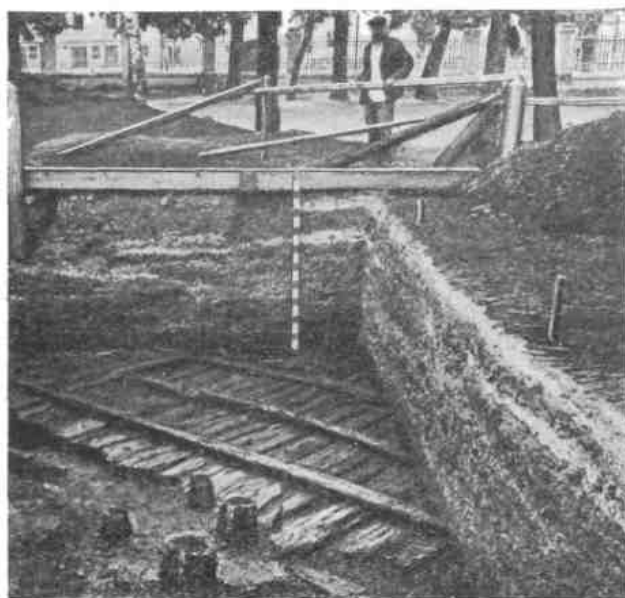
Первый слой, толщиной от 1 до 1.2 м, резко делился на два горизонта. Верхний горизонт,

а

б

в

Рис. 2.

а — северный профиль раскопа № 3; б — второй ярус второй мостовой в раскопе № 3; в — третий ярус второй мостовой в раскопе № 3; г — деталь третьего яруса второй мостовой.

толщиной от 0.3 до 0.7 м, состоял из культурного слоя, серого и сыпучего, с поздней керамикой, с бутылочным стеклом и с монетами XVIII и XIX вв. Нижний горизонт представлял собой необыкновенно мощную строительную прослойку, толщина ее в северном профиле достигает 0.6—0.8 м; чем южнее, тем эта прослойка тоньше и до южной стенки она не доходит. Объясняется такая толщина тем, что здесь мы имеем дело не просто со следами строительства, а еще с остатками значительного разрушения. В 1650 г. церковь Пятницы, по словам хронографа, рухнула.⁴¹ Описываемая прослойка образовалась главным образом именно в этот день, при последующем возобновлении церкви она была, конечно, выровнена. Состоит она не только из щебня и извести, но еще из крупного плитняка. Таким образом, нижней хронологической гранью первого слоя является 1650 г.

Второй слой, толщиной от 0.6 до 0.8 м, черный и рыхлый, характеризуется прежде всего сплошными настилами из коровьих челюстей, занимающими значительную его часть. Под ними начинаются деревянные настилы. Все это описано ниже. Керамика этого слоя характеризуется теми же признаками, что и керамика второго слоя на Славне. В основании его находится на глубине 1.5 м строительная прослойка, похожая на вышеописанную, но тоньше. Толщина ее местами доходит до 0.4 м, но в большинстве мест, даже на севере раскопа, не превышает 0.1—0.2 м. К югу она тоже уменьшается и исчезает. Дата и здесь устанавливается легко. Церковь Пятницы, как это неоднократно отмечали современные реставраторы, является самой непрочной из новгородских церквей, поэтому она дважды рушилась; о втором случае сказано выше, а первый раз это произошло в 1340 г.⁴² в 1345 г.

⁴¹ М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII в. Новгородский исторический сборник, вып. 7, Новгород, 1940, стр. 77.

⁴² Новгородская летопись, 1888, стр. 338.

она была восстановлена. Итак, нижней датой второго слоя является 1340 г.

Третий слой, черный и влажный, толщиной от 0.7 до 1 м, содержал деревянные сооружения. Керамика его была аналогична керамике третьего слоя на Славне. Ниже середины этого слоя, в северо-западной его части, прослежена на глубине 2.3 м строительная прослойка, толщиной в 0.1—0.2 м.

Образовалась она при постройке церкви Пятницы; естественно, что она тоньше, чем прослойки, возникшие при разрушении. Летопись трижды сообщает о постройке этой церкви. В 1156 г. ее построили заморские купцы,⁴⁴ но тогда, вероятно, из дерева, хотя поздний летописец уже тогда считает ее каменной;⁴⁵ дело в том, что в 1191 г. ту же самую церковь «срубиша» Константин с братом;⁴⁶ т. е. она и тогда была деревянной. Наконец, в 1207 г. ее снова построили заморские купцы,⁴⁷ на этот раз очевидно, из камня. Итак, описанная прослойка датируется 1207 г. Она не является границей слоя, третий слой над ней и под ней одинаков. От нее до материка всего 0.2—0.3 м, но по толщине культурных отложений нигде нельзя судить о их возрасте; здесь тонкое напластование откладывалось, повидимому, более двух веков, поскольку началось это, вероятно, в X в., о чем ниже (при строительной планировке 1207 г. верхняя часть слоя могла быть, впрочем снесена). Материк состоял из влажного желтого песка и залегал на глубине от 2.6 до 3 м.

В восточном и южном профилях раскопа № 3 прослеживаются те же слои, а западного профиля этот раскоп не имел, примыкая к раскопу № 2. Прослойки 1650 и 1340 гг. видны в северной части восточного профиля. В южном профиле имеется только одна строительная прослойка, в верхней части первого слоя, толщиной от 0.1 до 0.4 м. Она прослеживается в южной части раскопа, видна в южной части восточного профиля и датируется 1820 г., когда к церкви Николы с севера было пристроено ампирное «крыльцо с колоннами».⁴⁸ Строительный слой Николы 1113 г. до раскопа № 3 (в отличие от некоторых других раскопов) не доходит; от южной стенки раскопа до упомянутого крыльца расстояние всего 7 м.

Когда началось вскрытие второго слоя, прежде всего открылся вызвавший большое недоумение настил, состоявший из коровьих челюстей. Он прослежен по всему раскопу. Толщина его на юге (где он толще) достигает иногда 0.7 м, нигде он не тоньше 0.3 м. Все челюсти лежали плашмя. Прослойки челюстей

чередовались с тонкими прослойками черной земли и остатками истлевшего дерева. Число челюстей на этом раскопе превышало 15 тысяч. В подавляющем большинстве они принадлежали коровам, но встречались еще лошадиные, овечьи, свиные и медвежьи. Попадались там же иногда и плоские части берцовых костей, но трубчатые части всегда были при этом отбиты. Виден был подбор плоских костей для вымостки, а челюсти подходят для этого лучше всего. Таких мостовых нет нигде в мире, да они и менее удобны, чем деревянные. Даже из камня в Новгороде их было строить проще и, вероятно, дешевле, так как волховского плитняка вокруг сколько угодно. Длина настила из челюстей более 50 м, судя по наблюдениям при водопроводных и иных работах; ширина около 20 м; цифры эти наибольшие раскопками могут быть только увеличены. Для такого сооружения требовалось убить несколько сот тысяч коров. Эта цифра становится впрочем не столь удивительной, если учесть, что настил состоит из нескольких прослоек, которые сооружались не одновременно, судя по прослойкам земли между ними. Во всяком случае это сооружение говорит, что в Новгороде были огромные стада крупного рогатого скота. Назначение челюстей на раскопе № 3 установить не удалось (попытку их объяснения см. ниже). Датируются они, судя по вышеописанной стратиграфии, XV—XVII вв., что подтверждено и нумизматически. Среди челюстей встречены две медные монеты, одна из них (3—10—6) XV в. с надписью «пуло новагорода», изображение стерто, другая (3—9—6) не читается, но, судя по форме, не моложе XVII в.

Под настилами из челюстей открылись более древние настилы из дерева. Это были обычные мостовые новгородского типа (рис. 2б, в, г, 3а). Их широкая распространенность в Новгороде была известна и до раскопок, судя по многочисленным находкам при водопроводных и иных работах. Устройство таких мостовых всегда одно и то же: поперечные плахи — тесины лежат на продольных лагах-жердях. Залегают они обыкновенно в несколько ярусов: когда мостовая приходила в негодность, поверх нее клали новую. В раскопе № 3 мостовых открыто две, они пересекаются почти под прямым углом. Одна из них шла с северо-запада на юго-восток, являясь прямым продолжением мостовой, открытой в раскопе № 2 новгородскими археологами.⁴⁹ Другая шла, наоборот, с северо-востока на юго-запад. Пересечение находилось в юго-западной части раскопа. Это смыкание заставило предположить, что мостовые вели с разных концов торгового пути к церкви Николы. Ширина плах во всех ярусах от 0.2 до 0.4 м, диаметр лаг от 0.1 до 0.15 м. Ширина мостовых в среднем

⁴⁴ Там же, стр. 345

⁴⁵ Там же, стр. 141.

⁴⁶ Новгородские летописи, 1879, стр. 191

⁴⁷ Новгородская летопись, 1888, стр. 164.

⁴⁸ Там же, стр. 189

⁴⁹ Новгородские летописи, 1879, стр. 488.

⁴⁹ А. А. Строков. Ук соч., стр. 196 и 203.

около 4 м, но в немногих местах удавалось их измерить, в большинстве мест они уходили под стенки раскопа. Во всех ярусах плахи лежали на трех взаимно параллельных лагах, двух боковых и одной центральной, одинаковой ширины. Обе мостовые состояли из трех ярусов, первый залегал еще во втором слое,

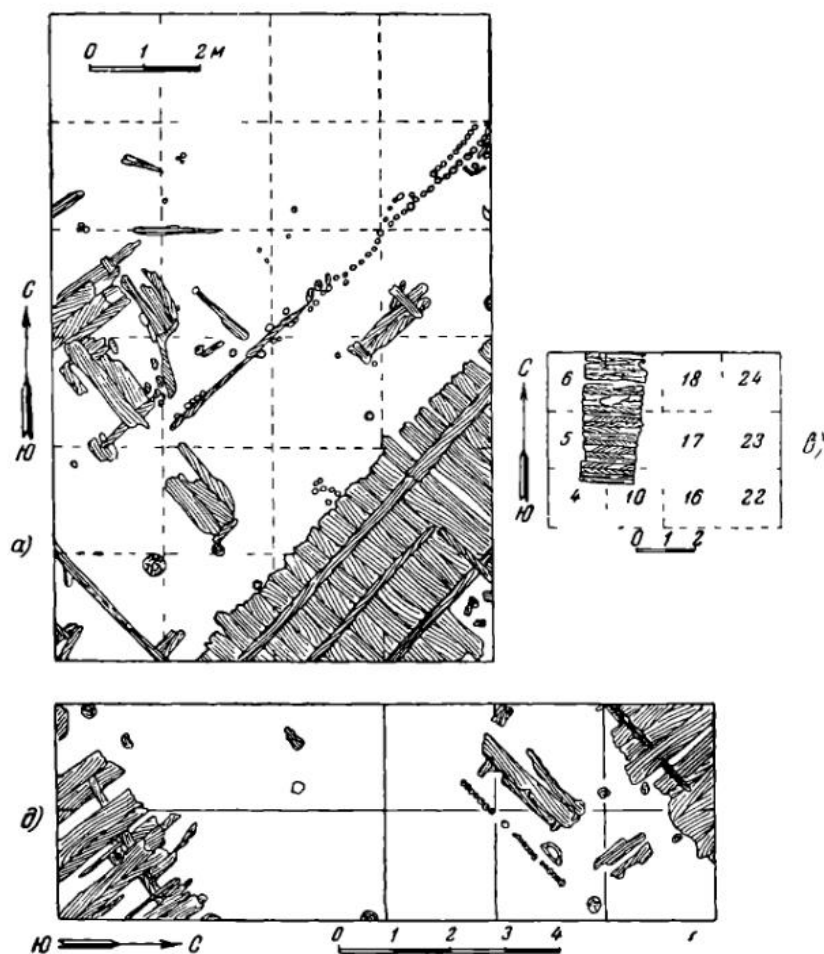

Рис. 3.

а — план раскопа № 3 на глубине 2,2 м б — план раскопа № 7 на глубине 1,8 м; в — настил на дне раскопа № 3.

непосредственно над прослойкой 1340 г., и датировался XIV в., остальные два залегали в третьем слое, оба выше прослойки 1207 г., второй ярус можно датировать XIII или XIV в., третий — XIII в. Сохранность мостовых неважная, бревна полуистлели, а в ряде мест были выломаны, хорошо сохранился лишь третий ярус второй мостовой. Там было видно, что плахи снизу подрубались, в трех местах каждая, так, чтобы при их соединении получились три жолоба, куда вставлялись лаги. Подогнанные таким образом плахи и лаги представляли прочное сооружение, не нуждавшееся в дополнительных скреплениях. Культурного слоя между ярусами не было, это позволяет утверждать, что мостовые подметались и сохранились в чистоте. Смена их происходила

лишь вследствие естественного истлевания дерева.

Параллельно второй мостовой, на расстоянии 1,5 м от нее к северо-западу, шел, тоже с северо-востока на юго-запад, частокол. Он несомненно не раз возобновлялся и хронологически был одновременен всем трем ярусам мостовой. Столбы в разных пластах сохранились различно и всюду не все, сосчитать их поэтому невозможно, но сохранилось их в пределах раскопа до 50 (больше всего на уровне второго яруса мостовой) на протяжении 8 м, стояли они почти вплотную, средний их диаметр 0,1 м. Нижние концы кольев затесаны топором в виде клиньев, острых и тупых. Концы их обычно слегка обуглены, чтобы предохранить от гниения. Частокол отгораживал узкое пространство вдоль мостовой, на котором открыты следы других более толстых столбов в разных пластах, числом до 20, расположенных без особого порядка и разновременных, диаметр их в среднем 0,2 м, максимально 0,4 м. Вероятно, это столбы лавочных прилавков новгородского торгового ряда. Можно напомнить, что летопись помещает церковь Пятницы на торгу да указанные столбы иначе и объяснить трудно. Срубов в раскопе № 3 не было.

Вокруг мостовых (кое-где и на них) во всех трех ярусах в необычайном изобилии встречалась скорлупа орехов, местами она составляла почти сплошной настил. Нигде больше в Новгороде такого ее изобилия не встречалось, новгородцы любили, очевидно, грызть орехи, а на торгу скопилось особенно много народа.

Орехи обычные лесные, но довольно крупные.

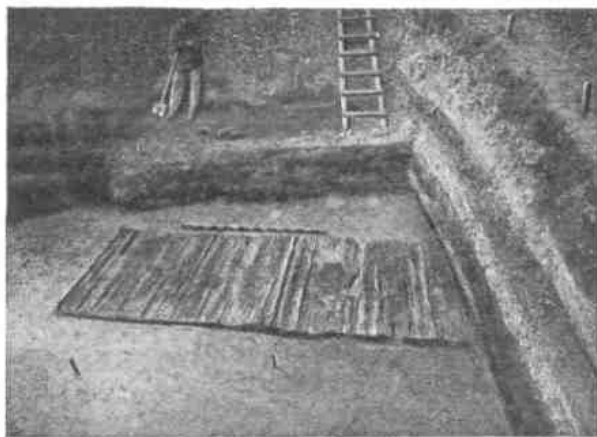
В основании культурного слоя, на самом материке в раскопе № 3 открыт любопытный настил, несомненно связанный с теми зольными пятнами, которые открыли новгородские археологи в смежном раскопе № 2. Пятен там было пять, они заходили из культурного слоя в материк, и производители раскопок считают их остатками языческих славянских трупосожжений X в., отмечая найденные в них остатки обожженных человеческих и лошадиных костей.⁵⁰ В раскопе № 3 подобных пятен не было.

Но стратиграфически им одновременен настил в северной части раскопа (рис. 3в и 4а).

⁵⁰ А. А. Строков. Ук. соч., стр. 199, 202 и 207.

Он состоит из тонких плах, хорошо выровненных, лежащих вплотную друг к другу и никак между собой не скрепленных.

Все они хорошо подогнаны, длина их всех одинакова, 2 м, все они ровно обрезаны с двух сторон, никаких лаг под ними нет. Число плах в раскопе 23, средняя их ширина 0.2 м, длина настила в пределах раскопа 4.5 м. На юге он резко обрывается, и дальше несомненно не шел: он четко лежит на чистом материковом песке, и всякое разрушение было бы заметно. На севере он уходит в стенку раскопа, и длину его выяснить невозможно: расширять раскоп на север нельзя, может пострадать непрочная церковь Пятницы. Настил

а

время здесь была футбольная площадка: цифры нивелировки от -1.2 до -1.36 м.

На стратиграфии этого раскопа можно подробно не останавливаться, поскольку в нем открыты те же три слоя, о которых выше была речь, и состав их тот же. Архитектурные прослойки 1820, 1650 и 1340 гг. доходят и сюда, 1207 г. не доходит. Толщина первого слоя здесь от 0.95 до 1.1 м, второго слоя от 1 до 1.1 м, третьего слоя от 1 до 1.2 м. Общая толщина культурного слоя до 3.3 м, материк — тот же песок.

Настилы из коровьих челюстей встречены и в этом раскопе (рис. 4б), но они были несколько тоньше, чем в предыдущем, не отли-

б

Рис 4.

а — настил на дне раскопа № 3, б — деталь скопления коровьих челюстей в раскопе № 7.

не мог служить для повседневной ходьбы и совершенно не годился для езды, будучи при всем том отделан очень тщательно. Он был устроен еще до заселения данного района, на специально выровненном чистом материковом песке. Надо предположить его культурное назначение и связь с близлежащим языческим могильником. На север настил мог вести к жертвенному месту, на юг не вел никуда.

Нижний пласт раскопа № 3 можно таким образом датировать X в. Особо надо отметить, что вся керамика здесь сделана уже на кругу, как и в древнейших пластах других районов города. В X в. в Новгороде гончарный круг применялся всюду, т. е. гончарное ремесло уже появилось.

Раскоп № 7 был параллелен раскопу № 3 и расположен с ним на одной линии. Расстояние между ними 8 м. От раскопа № 5 (см. ниже) раскоп № 7 отстоял на 12 м, от ближайшего угла церкви Николы на 10 м. Длина его, с севера на юг, 12 м, ширина, с запада на восток, 4 м, он разбит на 12 квадратов, счет которых идет с юго-западного угла на север. Поверхность ровная, так как в наше

время от тех по составу и характеру; общее число челюстей здесь около 5 тысяч (напоминаю, что раскоп № 7 вдвое меньше, чем № 3). Назначение этих настилов, на предыдущем раскопе загадочное, здесь до некоторой степени выяснилось, но об этом надо сказать в связи с описанием деревянных мостовых.

Этих мостовых здесь открыто тоже две, они были взаимно параллельны, одна имела три яруса, другая только один ярус, одновременный верхнему ярусу первой (рис. 3б).

Обе мостовые открылись и здесь в нижней части второго слоя, первая находилась в юго-восточном углу раскопа, вторая в северо-западном, обе в раскоп вошли лишь частично, так что ширина не могла быть измерена. От первого яруса первой мостовой в раскоп вошли 14 массивных рубленых прямоугольных плах и 3 скрепляющие лаги. Средняя ширина плах 0.25, средняя толщина 0.1, средний диаметр лаг 0.12 м. Лаги здесь все три лежали вплотную, близ края мостовой; в центре их не было, а у другого края (за пределами раскопа) их можно предположить тоже три; расположение их во всяком случае отличается от вышеописанного.

От второй мостовой в раскоп вошли 10 таких же плах. Средняя их ширина 0.33, средняя толщина 0.12. Лаг под ними в раскоп вошло три, расположены они так же, как только что было описано, средний их диаметр 0.15 м.

Расстояние между мостовыми всего 7 м, и они строго параллельны друг другу. Такое их расположение является новым доказательством того, что мы здесь имеем дело не с улицами, а с торговыми рядами.

Под обеими мостовыми оказались сплошные прокладки из коровьих челюстей, толщиной от 0.05 до 0.1 м. В других местах на этом уровне они не встречались. Можно было сделать вывод, что на влажной земле торгова кости использовались в качестве подкладки под мостовые для большей их устойчивости и, главное, для предохранения дерева от гниения. Подбор для этой цели плоских костей понятен. Находки только челюстей в раскопе № 3 и в предыдущих пластах раскопа № 7 объясняются тем, что дерево в тех пластах не сохранялось. Напомню, что еще в раскопе № 3 было сделано наблюдение о чередовании прослоек челюстей с прослойками черной земли и остатками истлевшего дерева. Это были, очевидно, следы сгнивших мостовых. Сплошное покрытие всей территории в слоях XV—XVII вв. челюстями объясняется, вероятно, тем, что в эти века площадка между церквями Николая и Пятницы была замощена не отдельными рядами, а сплошь; напомню, что летописцы московского времени уже не помещают Пятницу на торгу. Приведенное истолкование челюстей, сначала столь загадочных, является пока единственным и как будто их объясняет. Будущие исследования позволят его проверить.

Параллельно мостовым и здесь шли частоколы, один на расстоянии всего 1 м от первой мостовой, другой на расстоянии всего 2 м от второй. Они явно отгораживали два торговых помещения с прилавками; промежуток между этими частоколами, т. е. между задними стечками прилавков, равнялся 4 м. От первого частоккола сохранились лишь отпечатки некоторых столбиков в окружавшей их деревянной трухе. Средний диаметр этих столбиков 0.08. От второго частоккола сохранилось 19 столбиков (стояли они вплотную, но с прорывами, часть их в свое время изъята). Средний диаметр их тот же.

В очерченных таким образом торговых помещениях встретились и толстые столбы прилавков, диаметром в среднем по 0.25 м, их было в этом ярусе 6, по 3 на каждой стороне. Возле второй мостовой встречен самый прилавок. Это был узкий стол, длиной в 2.2, шириной в 0.8, толщиной в 0.06 м, он состоял из трех тесин, шириной от 0.25 до 0.3 м, соединенных двумя поперечными перекладинами шириной по 0.1 м. Под прилавком остатки двух сгоревших столбов, по 0.25 м диаметром.

Он рухнул, когда они сгорели, и сам при этом пожаре обгорел, равно как и столбики прилегающего частоккола.

В самом основании второго слоя, на уровне прослойки 1340 г. (до этого места не доходившей, но разграничивающей слой) лежал в юго-восточном углу раскопа второй ярус мостовой, под первым. Его можно датировать серединой XIV в. (а вышеописанный первый ярус примерно XV в.). Сохранность его гораздо лучше, чем первого. От него сохранилось 8 плах и 3 лаги. Некоторые плахи лежат вплотную друг к другу, между другими большие промежутки, нуждающиеся в объяснении. Предположить, что плахи, бывшие в промежутках, совершенно сгнили, не оставив следа, невозможно, слишком хороша сохранность остальных. Выгореть они тоже не могли, ведь на этой мостовой (в отличие от предыдущей) совсем нет следов огня. Повидимому, когда мостовой перестали пользоваться, наиболее прочные плахи были вынуты для использования в новом строительстве. В разрезе плахи не прямоугольны, как в первом ярусе, а плоски сверху, закруглены снизу, это горбыли. Средняя их ширина 0.25, средняя толщина 0.1 м. Лаги (округлые жерди) в отличие от первого яруса размещены не группами по краям, а по одной, на расстоянии около 0.5 м друг от друга. Диаметр их в среднем 0.1 м. Этот настил, 7 плах и 3 лаги, был привезен в Москву, в Исторический музей, там просушен и консервирован. Под данной мостовой, как и под первой, оказалась подстилка из коровьих челюстей. Возле настила лежала большая прямоугольная известняковая плита, характерный новгородский строительный материал XIV в. (0.5 × 0.3 × 0.1 м).

Под вторым ярусом мостовой оказался третий ярус, залегающий уже в третьем слое. Между ярусами и здесь не было культурного слоя, что позволяет заключить о содержании мостовых в чистоте. Здесь сохранилось лишь 2 целые плахи, 3 обломка плах и 2 обломка лаг. Сохранность их отличная и разрушения мостовой надо объяснять так же, как и для второго яруса. Плахами и здесь служили горбыли, ширина плах 0.25 и 0.5 м, толщина по 0.08 м, диаметр лаг 0.06 м. Под мостовой челюстей нет вовсе. Однако для предохранения плах от гниения внутренние стороны их нарочно обожжены. Возможность обжига плах из-за пожара исключается, так как ни сверху, ни с боков плахи совершенно не затронуты огнем, и ровный обжиг снизу явно сделан нарочно, с целью предохранить плахи от гниения. Предположение о назначении коровьих челюстей получает таким образом новое обоснование: в защиту от гниения плахи или подстилались челюстями или обжигались снизу, второй способ здесь древнее. На раскопе № 3 худшая сохранность дерева не позволила сделать подобные наблюдения.

Отсутствие на мостовой следов пожара нуждается в объяснении. Мы знаем из летописей, что торг часто горел, огромный пожар был в 1340 г., т. е., судя по стратиграфии, после сооружения третьего яруса мостовой и непосредственно перед сооружением второго. Надо предположить, что сгоревшая мостовая была тогда вынута целиком (следы пожаров вокруг имеются) и на ее месте положили новую (второй ярус), на уровне произведенной при этом планировки. Остатки рухнувших при пожаре стен церкви Пятницы до данного места не доходят. Эти соображения позволяют датировать третий ярус мостовой не началом XIV в., а XIII в.

Столбы и столбики прилавков на уровне этого яруса особенно обильны. Число их здесь не менее 30, а, вероятно, много более, некоторые сохранились хорошо, а от других лишь легкий тлен. Диаметр их от 0.04 до 0.4 м. Порядка в их расположении установить не удалось. Четыре столба, диаметром по 0.18 м, стояли вплотную. Попадались кое-где и остатки тесин, толщиной в среднем по 0.05 м; возможно, что они тоже принадлежали прилавкам, но осталось от них слишком мало.

На этом уровне обнаружены, наконец, и самые товары торго. Лавки в этом ряду были, вероятно, продовольственные. Возле мостовой на расстоянии от 0.02 до 0.22 м от нее в большом количестве лежали зерна ржи и семена малины. Подробнее об этой находке см. ниже. Она тесно связана с третьим ярусом мостовой и вместе с ним датируется XIII в.

Ореховая скорлупа изобиловала во всех пластах и квадратах торго в этом раскопе, как и в предыдущем.

Из отдельных предметов, о которых вообще речь будет ниже, здесь можно отметить один. Среди зерен и семян, ниже уровня третьего яруса мостовой, лежала игральная кость (описание ее см. ниже). Азартные игры были, вероятно, характерной бытовой чертой торго.

От основания третьего яруса мостовой до материка не менее 1 м. Но мостовых здесь уже не было. Деревя в нижних пластах немного, и сохранность его, вопреки обычной новгородской закономерности, книзу снова становится хуже, настилы могли и не сохраниться.

Раскопы №№ 3 и 7, давшие новые материалы по новгородским мостовым, положили начало археологическому изучению новгородского торго. Затронут он был лишь разведочно, со временем ему будут посвящены, вероятно, особые экспедиции, но задачей описываемых работ было изучение Дворища.

3

Раскоп № 5 расположен на восток от церкви Николы, на расстоянии 5.5 м от апсид, и отступив на 2 м к северу от линии продолжения южной стороны церкви. Он находится на

равномерном расстоянии от раскопов №№ 3 и 4, к югу от № 3 и к северу от № 4 по 12 м, к востоку от обоих по 10 м. Длина раскопа, с севера на юг, 12 м, ширина, с запада на восток, 4 м; он разбит на 12 квадратов, счет которых идет с юго-западного угла. Западная часть раскопа имеет нечетные номера квадратов, а восточная — четные. Поверхность ровная — здесь была проезжая дорога, цифры нивелировки от —1.61 до —1.73 м.

В раскопе № 5 оказались те же три слоя, что и в двух вышеописанных раскопах (рис. 5а). По характеру и составу они здесь были такие же и датироваться должны так же. Из вышеописанных строительных прослоек сюда не доходила ни одна, зато здесь оказалась на глубине 2.4 м строительная прослойка в третьем слое, связанная с сооружением Николы и датируемая 1113 г. Состав ее — щебень и глина, толщина от 0.1 до 0.2 м. Ее дата была позднее подтверждена нижеописанной маленькой траншеей у апсид церкви. Первый слой здесь имеет среднюю толщину 1 м, второй слой 1.2 м, толщина третьего слоя в северном профиле 0.8 м, в южном профиле 1.1 м. Материк состоял из глины, он залегал на глубине от 3 до 3.3 м, но под водопроводными трубами и под срубом (см. ниже) оказался значительно глубже, под срубом на глубине 4.7 м там вскрылся и подстилающий здесь глину песок. Стратиграфия отличалась четкостью, особенно в южной половине восточного профиля.

Во втором слое и здесь были коровьи челюсти, но лишь в северной части раскопа, число их здесь сравнительно невелико, около двух тысяч, и в их расположении не замечалось особого порядка, многие из них лежали наклонно и даже вертикально. Это объясняется лишь тем, что настилы были повреждены ямами оказавшихся под ними погребений. Здесь открыто кладбище, располагавшееся у самых апсид Николы.

Все погребения залегали на одном и том же уровне, от 1.8 до 2.1 м глубины, почти достигая основания второго слоя. Они занимали всю площадь раскопа (рис. 6а). Их 25, некоторые из них были разрушены (более ранние — более поздними), но большинство оказались целы. Все костяки лежали в колодах, кроме одного, завернутого в бересту. Из колод 5 хорошо сохранились, они долбленые, с крышками. Все погребения вытянутые, на спине, головой на запад. Руки, поскольку это удавалось установить, не вытянуты, а сложены на груди или на животе. Никаких вещей при покойниках не было, только в одном погребении возле головы лежал четырехгранный точильный брусок с отверстием на конце. Костяки хорошей сохранности переданы в Московский Антропологический музей.

Дата погребений, несмотря на отсутствие вещей, поддается выяснению. Они всецело

относятся ко второму слою, верхняя граница которого нигде не пересекалась погребальными ямами. Глубина ям не более 1.1 м, а в некоторых случаях даже немного менее 1 м. Нормальная глубина захоронения, как известно, 1.5 м, но исключения из этого правила всюду часты; возможно и некоторое выравнивание местности у апсид, временно понизившее уровень поверхности вскоре после по-

роко применялись наряду с ними еще в московскую эпоху, однако в городах не дольше. Нельзя датировать описанное кладбище и XV в, второй слой не мог достигнуть тогда толщины, достаточной для захоронения; надо учесть и то, что в этом веке, судя по раскопкам на Славне, в новгородских могилах изобиловали монеты. В XVI—XVII вв. обычная класть их в могилы не было.

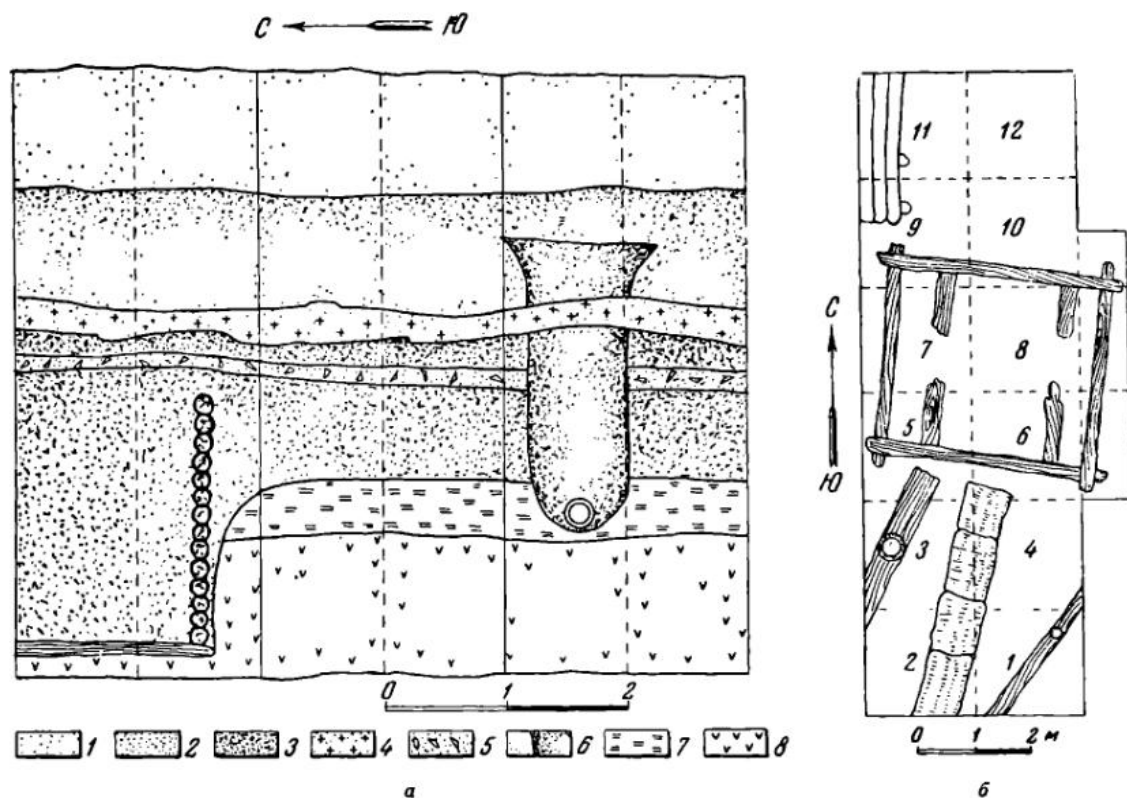

Рис 5

а — южная половина восточного профиля раскопа № 5 б — план деревянных сооружений в раскопе № 5 1 — слой I 2 — слой II, 3 — слой III 4 — уровень погребений (погребения у ЮВ угла не доходят до стенки), 5 — строительная прослойка 1113 г., 6 — канава водопроводной трубы, 7 — материковая глина, 8 — материковый песок.

гребений. Как бы то ни было, могильный перекоп был виден в профилях, захватывая почти весь второй слой и нигде не заходя в горизонтальные и изобиловавшие поздним щелком пласти первого слоя. Итак, погребения были произведены тогда, когда формирование второго слоя еще продолжалось, но уже подходило к концу: слой тогда уже достиг или почти достиг своей полной толщины. Это могло происходить лишь в XVI в. или в начале XVII в. Эта дата подтверждается и отсутствием в стольких могилах находок. В погребениях XVIII в. довольно часты металлические пуговицы и кресты, а в перекопах этого времени обычны монеты, поэтому поздняя дата здесь невозможна, даже помимо стратиграфических соображений. Надо отметить и гробы — колоды. Гробы, сколоченные гвоздями, правда, появляются на Руси уже в домонгольское время, но колоды ши-

Под погребениями оказался нетронутый третий слой с обильными остатками дерева. На глубине 2.6 м открылся верхний венец деревянного сруба, оказавшегося наиболее высоким из найденных в Новгороде срубов. Он залегал под сплошными погребениями на 0.5 м ниже их.

Дата сруба определялась легко, верхний его венец был на 0.2 м ниже не потревоженной здесь строительной прослойки 1113 г. Таким образом сруб надо датировать XI в.

Раскопки вскрыли его полностью, хотя вскрытие нижних венцов представлялось почти невозможным. Они расположены значительно ниже нижней границы окружающего культурного слоя, и подпочвенные воды, обеспечившие изумительную сохранность сруба, заполняли его непрерывно, хотя во время раскопок здесь работали три насоса-лягушки. Землекопам приходилось стоять в холодной

воде по колена и выше, время от времени удавалось добиться полного осушения, но всегда ненадолго. К этой трудности прибавилась другая. С глубины более 3,5 м кидать землю вверх без перекидки уже было нельзя, а здесь дошли до 4,7 м. Чтобы не проламывать для перекидки стены сруба, пришлось

строить для сдерживания воды деревянные заборы в основании стенок.

Сруб занимал большие части квадратов 5, 6 и 7, целиком квадрат 8 и немного заходил в квадраты 9 и 10. Западная его стенка целиком вошла в раскоп, северная и южная почти целиком, а восточная оказалась за его

а

б

в

Рис. 6.

а — погребения над срубом в раскопе № 5; б, в — сруб в раскопе № 5; г — восстановление первоначального положения перекладки сруба в раскопе № 5.

сделать на нем помост, на котором стояли землекопы. Под него подведены были стойки, а концы досок помоста лежали на самом срубе, не причинив ему никакого вреда, что характеризует его прочность.

Несмотря на все эти трудности, руководивший раскопом № 5 П. И. Засурцев полностью закончил вскрытие сруба, проявив большую энергию и изобретательность. Удалось даже расчистить деревянный пол этого сооружения и настолько его осушить, что он был сфотографирован (рис. 6б, в).

Помимо обычных для глубокого раскопа деревянных креплений верхней части пришлось

пределами. Поэтому раскоп на восток немного дополнили. Дополнение было длиной в 5 м (вдоль квадратов 6, 8 и южной половины 10), шириной в 1 м, оно позволило охватить сруб со всех сторон.

Внутри сруба оказался черный культурный слой, совершенно однородный сверху до низу и позволяющий заключить, что засыпка произведена одновременно. Из находок здесь надо отметить кусок кольчуги (см. ниже).

Верхние три венца сруба обгорели, они были, вероятно, в свое время над поверхностью земли и затронуты каким-то пожаром.

В срубе, на уровне шестого сверху венца,

оказались поперечные перекладины, идущие параллельно западной и восточной стенам (рис. 6г). Их две, это бревна, такие же, как в венцах, затесанные топором к концам четырехугольно и входящие в углубления, пробитые в стенах. Они отстоят от внутренних углов

требление. Бревна нижних венцов и тесины нижнего пола были на вид совершенно свежи, а о прочности всего сооружения сказано уже выше.

Всего в срубе оказалось 14 венцов. Высота его по северной стороне — 1.95 м, по восточ-

а

б

в

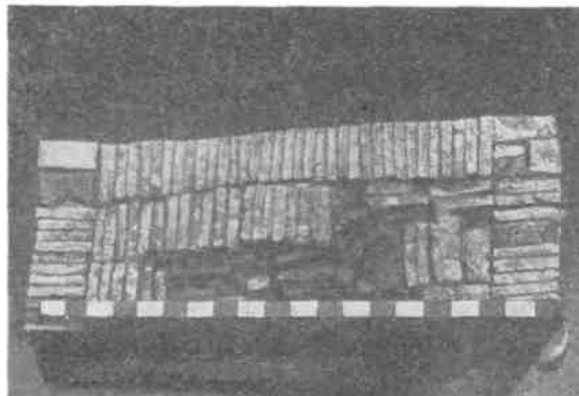

Рис. 7.

а — пол сруба в раскопе № 5; б — водопровод и водоотвод, перерубленные при сооружении сруба, вид с северо-востока, раскоп № 5; в — то же, вид с юга; г — нижний слой кирпичей в нише на раскопе № 8.

сруба по 0.6 м в обе стороны. Обе перекладины переломлены посередине, обрушившись, очевидно, при засыпке. На них в свое время лежал, повидимому, второй, если считать снизу, пол погребца, вынутый до засыпки сруба. Можно предположить на этих перекладинах и закрома, т. е. неподвижные лари, помещенные на половине глубины погребца слева и справа.

Длина сруба 4.4 м, ширина 4.2 м, форма прямоугольная, рубка в обло, внутренняя длина 3.6 м, внутренняя ширина 3.4 м. Короткие стены ориентированы примерно с юга на север, отклоняясь довольно заметно на северо-восток.

Сохранность сруба была такова, что он, без всяких преувеличений, годился снова в упо-

ной — 2.1 м. Бревна торчат из угла наружу до 0.18, а в среднем на 0.12 м.

Пол состоял из толстых, по 0.06—0.07 м, тесин, очень гладко обтесанных, — не хуже современных досок. Направлены они с юга на север, число их 22, средняя ширина 0.17 м (рис. 7а).

Пол совершенно гладкий, и это, равно как и чистота стен, позволяет утверждать, что сруб недолго был в употреблении.

Половицы настолько плотно пригнаны, что только в одном месте между ними просачивается вода, льющаяся сюда сверху, сквозь бревна нижних венцов, в изобилии. Пол лежал на двух бревнах, врытых в материковую глину, на которой покоились и сами половицы. Удалось проследить, что пол настлан

таким образом, что находящиеся над ним венцы прижимали концы досок. Это должно было предотвращать поднятие пола под напором грунтовых вод.

На внешней стороне северной стены сруба обнаружены плотничьи пометки из параллельных вертикальных зарубок. Они строго соответствовали порядку венцов. На первом венце была одна зарубка, на втором две и т. д., на десятом десять, на одиннадцатом

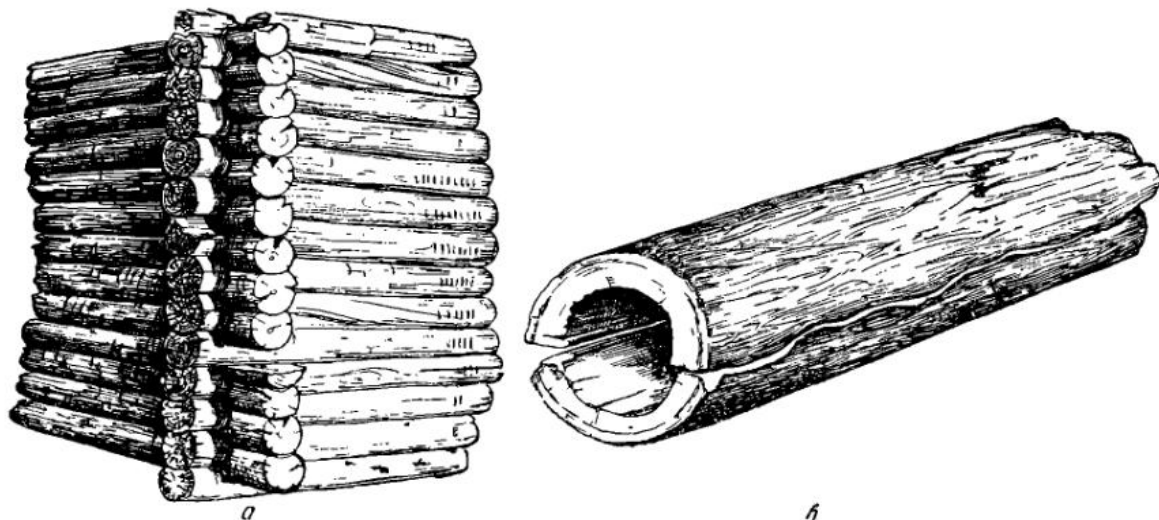

Рис 8. а — сруб из раскопа № 5, б — водопроводная труба из раскопа № 5.

снова одна и т. д., на четырнадцатом четыре (рис. 8а).

На полу и над ним найдены валуны и обломки жерновов. Эти камни напоминают собой грузы, используемые в погребях для придавливания крышек на кадках.

Назначение сруба сомнений не вызывает, это погреб. В землю он был в свое время углублен примерно на 1.9 м. Лежавший, вероятно, на перекладинах верхний подземный пол должен был иметь отверстие для лестницы. Он типичен для ледника и, вероятно, это и есть ледник. Его можно связать с княжеским двором XI в.

Это прекрасно сохранившееся сооружение жалко было ломать, тем не менее пришлось на это пойти в музейных интересах. Но ни один музей не взял бы сруба целиком. Был отрублен северо-восточный угол, т. е. половины северной и восточной стен и их скрепление в обло. Он доставлен в Исторический музей вместе с образцами половиц.

Еще более важную научную тему составляют найденные в том же раскопе два водопровода и два водоотвода.

Водопроводы состояли из деревянных цилиндрических труб, по которым струилась вода. Водоотводы представляли собой бревенчатые четырехгранные сооружения значительно большего поперечника, обычно без дна. Различия в конструкции соответствуют здесь

различиям в назначении, что подтвердил своей авторитетной экспертизой крупнейший советский специалист по водопроводному делу и его истории Н. И. Фальковский. Он вкратце коснулся новгородских находок и в печати.⁵¹

Водопроводы доставляли чистую питьевую воду из расположенных в более высокой части города ключей (такие ключи в районе Славной улицы известны доныне, вода в них

очень чистая). Они тщательно изолировались, каждая труба состояла из двух половин, верхней и нижней, линия соединения которых специально делалась зигзаговой, так что зубцы верхней половины входили плотно в зубцы нижней. Способ изоляции колена трубы изучен в раскопе № 6.

Водоотводы предназначались просто для осушки сырой местности и отвода воды в Волхсв. Системы их различны, но все они состоят из продолговатых бревенчатых ящиков, заботы об изоляции проявлялись здесь в меньшей мере, забота о чистоте воды не было, зато пропускная способность этих сооружений значительно больше.

Для хронологии новгородского городского благоустройства чрезвычайно важно следующее обстоятельство. Один водопровод и два водоотвода были перерублены при сооружении сруба (рис. 7б, в). Поскольку сруб, перекрытый прослойкой 1113 г. и немного заросший к тому времени культурным слоем, датируется XI в., перерубленные сооружения надо признать за более древние. Сруб, существовавший, как уже говорилось, недолго, надо отнести к концу XI в., а эти водопровод и водоотводы к началу XI в.: едва ли их стали бы перерубать вскоре после по-

⁵¹ Н. И. Фальковский Из истории водоснабжения и канализации Руси. Водоснабжение и санитарная техника, 1939, № 6, стр. 90—91.

стройки. Старше их датировать трудно, никаких признаков X в. возле них не найдено, хотя упомянутая водопроводная труба прослежена еще в ряде раскопов.

В раскопе № 5 она открыта на глубине 2.9 м, направлялась с северо-востока на юго-запад и уходила в западную стенку раскопа. Диаметр ее 0.43 м, толщина стенки 0.8 м, внутренний диаметр 0.25 м. Северо-восточный ее конец находился на расстоянии 0.4 м от сруба, при постройке которого она была перерублена. Это позволило экспедиции со спокойной совестью перерубить трубу у стенки раскопа и доставить этот ее отрезок в Москву, в Исторический музей. Длина его 1.45 м (рис. 8б). В других местах рубить древние водопроводы было бы жаль, а здесь он все равно не был цел, что не помешало его прекрасной сохранности. В профиле было видно, что эта труба в свое время была зарыта в землю очень неглубоко, всего на 0.2 м.

Глубже на 0.6 м залегал другой такой же водопровод, значительно более поздний. Эта труба, минуя сруб, пересекала юго-восточный угол раскопа с северо-востока на юго-запад и залегала на глубине 3.5 м. В профиле отчетливо прослежена вырытая для нее глубокая канава, пересекающая половину второго слоя, весь третий и заходящая в материк. От поверхности трубы до дневного уровня ее закладки расстояние по вертикали 2.1 м. Датировать ее можно XV в., поскольку канава спускается с уровня несколько более низкого, чем могильные ямы, и во всяком случае древнее их. Труба эта тоже цилиндрическая, той же системы, но тоньше, ее диаметр всего 0.2 м. Судя по направлению, оба водопровода шли к Ярославову Двору. Труба XI в. снабжала водой княжеский дворец, труба XV в. — вечерные сооружения (рис. 5б).

На глубине 2.9 м обнаружен водоотвод, перерубленный на расстоянии 0.45 м к югу от сруба и уходящий в южную стенку раскопа. Все три описанных сооружения находились в южной части раскопа. В северной части оказался на глубине 3 м другой водоотвод, выходящий из северной стенки и вплотную примыкающий к западной. Он тоже перерублен на расстоянии 0.4 м к северу от сруба. Направление его не совпадает с направлением первого, и они никак не связаны. Оба водоотвода состояли из продолговатых бревенчатых ящиков. В обоих случаях в раскоп вошли только небольшие отрезки таких ящиков. Поперечник первого был 0.7, высота тоже 0.7 м, боковые стенки состояли каждая из трех бревен. Крышка состояла из двух тесин, покрытых сверху берестой в три слоя. Второй водоотвод имел те же размеры и такие же боковые стенки, только крышку составляли здесь не тесины, а тоже бревна, три в ряд. Дна водоотводы не имели. В профиле было

отчетливо видно, что они были при сооружении закопаны только частично, и их крышки лежали тогда на поверхности земли.

Летопись упоминает в Новгороде 1385 г. какую-то Княсчеву трубу.⁵² Термин «труба» больше подходит к водопроводам, чем к водоотводам.

Особо должна быть описана маленькая траншея у апсид церкви Николы. Выяснить кладку этой церкви сначала пытался подобной траншеей Новгородский музей, но не вполне удачно, помешала вода. В отчете об этих раскопках сказано: «проследить кладку фундамента до его основания не представлялось возможным; подземная часть стен была исследована до глубины 3.02 м».⁵³ Наша экспедиция использовала опыт работы с насосами-лягушками для разрешения этой историко-архитектурной задачи, соприкоснувшись тем самым впервые с изучением церковного зодчества.

Траншея имела в длину 5.5 м, в ширину 2 м и представляла собой перпендикуляр к раскопу № 5, вплотную примыкая к его квадрату 5. Никаких находок в ней не было. Руководивший этой работой Г. Э. Бауэр сумел, несмотря на тесноту и обилие воды, тщательно расчистить и обмерить кладку стены и фундамента. Работы велись до глубины 4 м, что позволило полностью решить поставленную задачу (рис. 9а).

Сначала исследовалась стена, покрывшаяся культурным слоем. Он здесь вырос с 1113 г. до 1939 г. на 1.9 м. От этого уровня шла в профиле траншеи, с некоторым наклоном вниз, упоминавшаяся в раскопе № 5 строительная прослойка 1113 г.

Стена сложена из перемежающихся довольно правильно рядов белого камня и кирпича. Высота каменных плит колеблется от 0.15 до 0.3 м, длина от 0.2 до 0.6 м. Кирпич всюду тонкий, плинфовый.

Вверху справа обнаружена декоративная ниша. Высота ее 1.8 м, ширина 0.45 м, глубина 0.09 м. Арочка ниши выложена из кирпича, тимпан арки тоже.

Церковь была побелена не в момент ее постройки, а позже. Следы древней побелки доходят только до глубины 1,6 м от современной поверхности.

Фундамент сложен в верхней части из белого камня, в нижней части из валунов. Высота белокаменной его части 0.7 м, сверху она состоит из мелких камней неправильных форм, высотой от 0.1 до 0.15, длиной от 0.1 до 0.2 м, внизу лежат плоские длинные плиты, высотой по 0.1, длиной по 0.4 м, в два ряда. Под ними начинаются валуны, но в одном месте здесь встретились кирпичи в один ряд. Высота валунной части фундамента 1.2 м. Форма валунов неправильная, размеры

⁵² ПСРЛ, IV, 2-е изд., 2 вып., стр. 342.

⁵³ А. А. Строков, Уж. соч., стр. 205.

чрезвычайно разнообразны, до 0.6 м, но встречаются здесь и мелкие их обломки. Эта часть фундамента выдается вперед на 0.45 м, повторяя дугообразные очертания апсиды.

Общая высота фундамента 1.9 м, общая высота подземной части здания теперь 3.8 м. Верхние пласты материка состояли здесь из

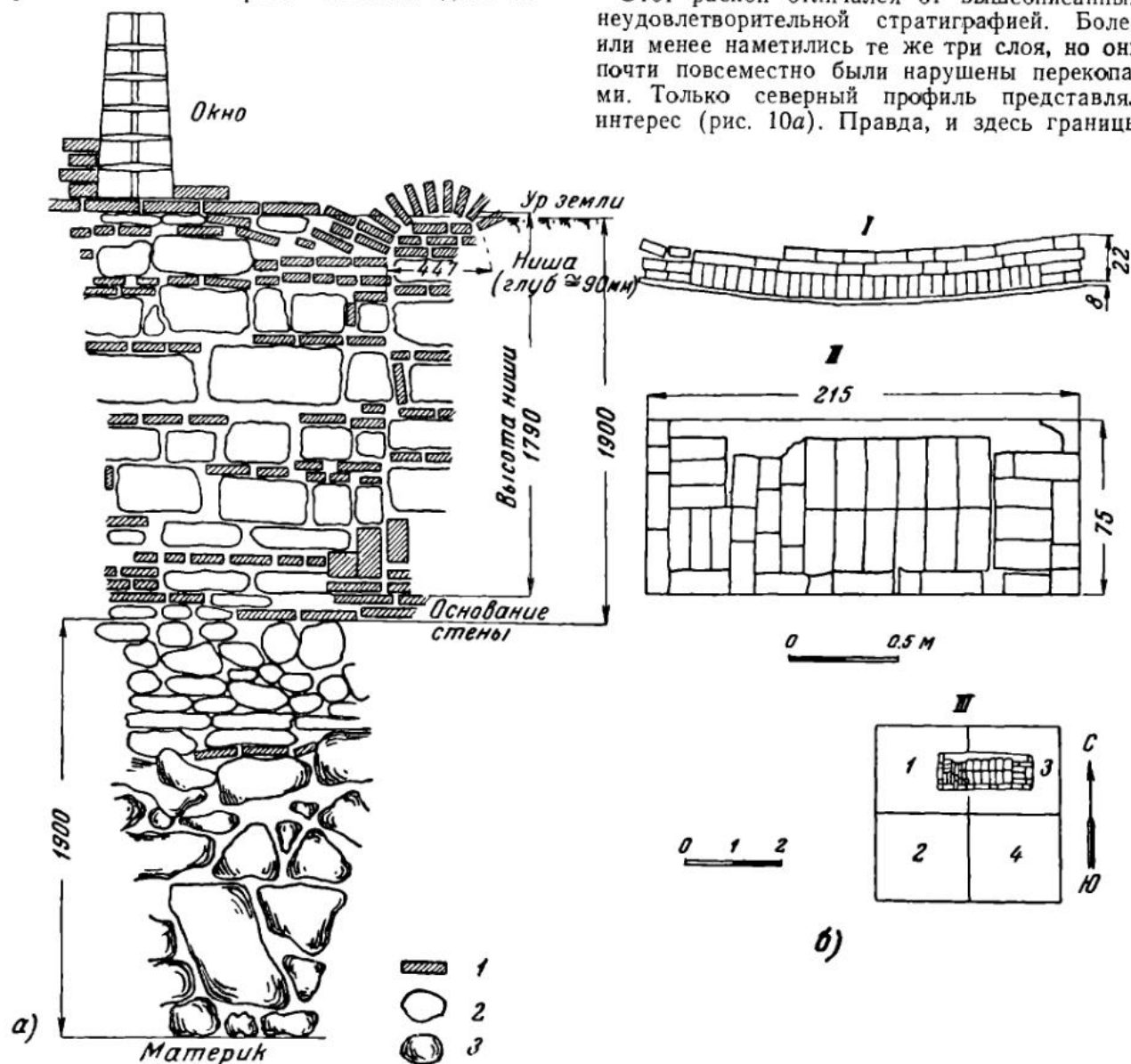

Рис 9 а—Раскоп у апсиды церкви Николая на Дворище, кладка стены и фундамента б—Кирпичная кладка в раскопе № 8.

1—кирпич, 2—белый камень, 3—валуны. I—вид сбоку, II—вид сверху, III—положение кладки.

глины, но фундамент прорезал не только культурный слой, но и глину, заходя в подстилающий ее песок.

Раскопы №№ 4, 6 и 8 примыкали друг к другу вплотную; описание буду вести в порядке номеров, соответствующем порядку заложения.

Раскоп № 4 заложен был в 9.5 м к югу от южной стены церкви Николая. Меридиональ-

ное его положение совпадает с меридиональным положением раскопа № 3. Длина его, с севера на юг, 12 м, ширина, с запада на восток, 8 м, он разбит на 24 квадрата, счет которых идет с северо-западного угла на юг. Цифры нивелировки от -2.01 до -2.39 м.

Этот раскоп отличался от вышеописанных неудовлетворительной стратиграфией. Более или менее наместились те же три слоя, но они почти повсеместно были нарушены перекопками. Только северный профиль представлял интерес (рис. 10а). Правда, и здесь границы

всех трех слоев были частично стертые, но строительная прослойка 1113 г. была видна четко. Она залегала здесь на глубине 1.9 м, т. е. примерно на том же уровне, что в раскопе № 5, если учесть разность в цифрах нивелировки. Состав прослойки и здесь глина и щебень. Она видна и в профилях западном и восточном, но лишь в северных их частях, в обоих случаях меньше, чем на 1 м, а дальше

обрывается поздними перекопами. Дальше ее нигде нет, до южного профиля она могла и не доходить. Толщина культурного слоя в раскопе № 4 от 3 до 3.4 м, если не считать водоотвода (см. ниже). Материк — песок.

Коровьих челюстей в этом раскопе не было, равно как и во всех других раскопах, расположенных к югу от церкви Николы.

почти столько же, сколько в раскопе № 5. Этот уровень на 0.4 м ниже строительной прослойки 1113 г., которая в северном профиле над трубой не потревожена. Все это соответствует установленной вышке для этой трубы дате, — XI в.

Водоотводов открыто здесь два, по устройству они отличались друг от друга. Первый

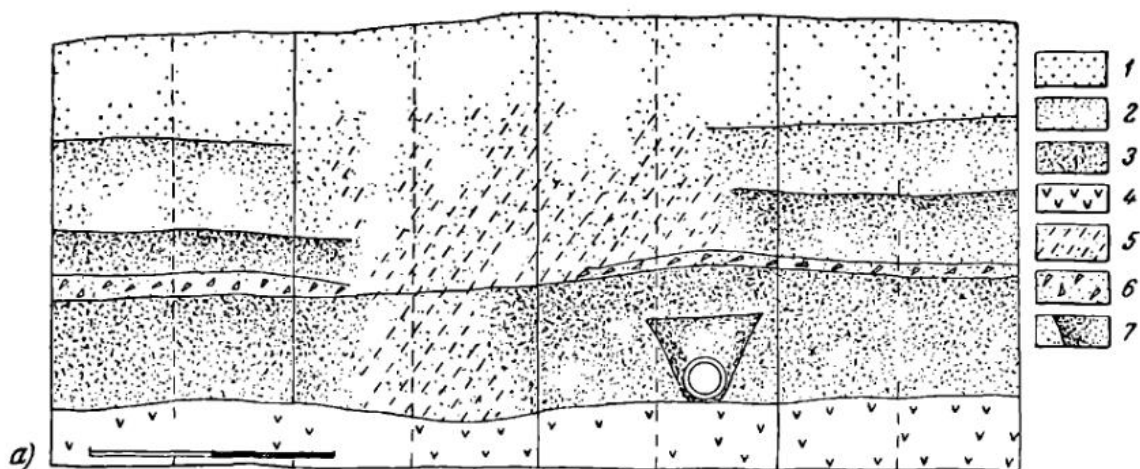

Рис. 10а. Северный профиль раскопа № 4.

1 — слой I; 2 — слой II; 3 — слой III; 4 — материковый песок; 5 — смешанные слои; 6 — строительная прослойка 1113 г.; 7 — канава водопроводной трубы.

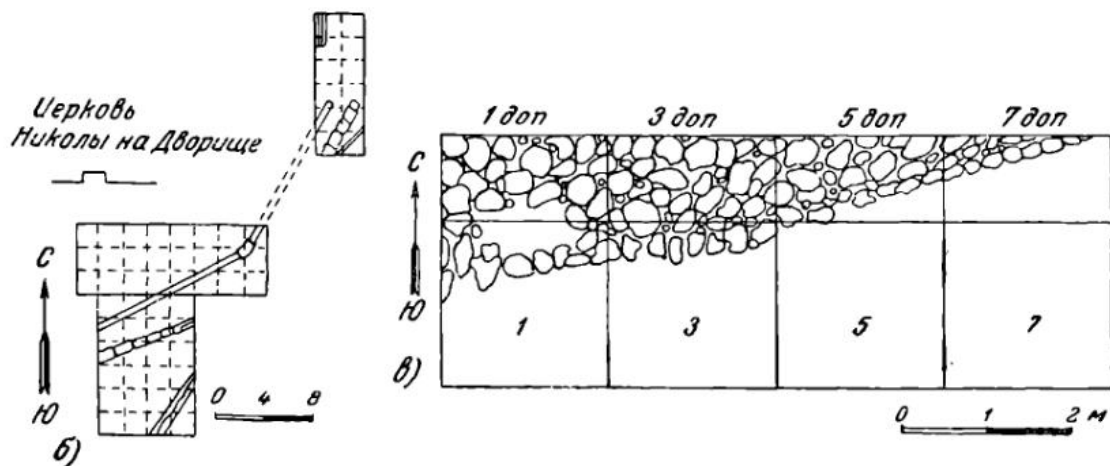

Рис. 10б. и в б — схема гидросооружений; в — валунная кладка в раскопе № 8.

Никаких сооружений раскоп № 4 не имел, кроме одного водопровода и двух водоотводов на дне.

Водопроводная труба была, как впоследствии оказалось (см. ниже раскоп № 6), продолжением трубы, открытой в раскопе № 5. Диаметр ее тот же (рис. 10б), соединительные швы так же извилисты. Она выходит из северной стенки и входит в западную, длина ее в пределах раскопа 7 м. Она залегала на глубине от 2.8 м (северная стенка) до 2.9 м (западная стенка). В профиле ясно была видна вырытая в свое время для этой трубы неглубокая канава: от поверхности трубы до дневного уровня ее закладки всего 0.3 м, т. е.

представлял собой (на изученном отрезке) продолговатый ящик, боковые стенки которого состояли каждая из двух тесин, крышка состояла из одной тесины; было здесь (в отличие от других водоотводов) и дно, тоже из одной тесины. На крышке лежали два горбыля, сверху было три слоя бересты. Сооружение это выходит из восточной стенки и входит в западную, длина его, в пределах раскопа, 8.5 м. Высота его 0.53 м, ширина 0.47 м, толщина крыши 0.21 м. Оно залегало на глубине от 3.35 (восточная стенка) до 3.47 м (западная стенка). Раскопки доведены здесь поэтому до 4.1 м. В восточном профиле была видна канава, вырытая в свое время

для этого водоотвода, перерубавшая, недалеко от северо-восточного угла раскопа, строительную прослойку 1113 г. От поверхности сооружения до дневного уровня его закладки 1.53 м. Этот уровень всего на 0.08 м выше прослойки 1113 г. Возможно, что водоотвод относится к XII—XIII вв., но твердых оснований для даты здесь нет.

Второй водоотвод раскопа № 4 очень похож на первый водоотвод раскопа № 5. Разница только в том, что стенки состоят здесь не из трех бревен каждая, а из четырех. Они так же крыты двумя тесинами и тремя слоями бересты, дна и тут нет. В профиле и здесь видно, что крышка водоотвода находилась на уровне современного ему почвенного слоя. Он выходит из восточной стенки раскопа и входит в южную; длина его, в пределах раскопа, 6 м. Поперечник его 0.55 м, высота 0.8 м. Он залегал на глубине от 2.65 м (восточная стенка), до 2.76 м (южная стенка). Водоотвод врыт в землю вскоре после того, как культурный слой начал здесь отлагаться, его дневной уровень всего на 0.4 м выше материка, и наполовину это сооружение лежит в песке. Поэтому условно его можно отнести, как и подобный водоотвод раскопа № 5, к XI в., но с меньшей уверенностью.

Раскоп № 6 был заложен со специальной целью проследить направление водопроводных труб, открытых в раскопах №№ 4 и 5.

Южная граница раскопа № 6 являлась продолжением северной границы раскопа № 4, юго-западный его угол был на расстоянии 2 м к востоку от северо-восточного угла того же раскопа (сомкнуть их при таком расположении было нельзя, произошел бы обвал). Длина раскопа, с севера на юг, 6 м, ширина, с запада на восток, 4 м. Раскоп разбит на 6 квадратов, счет которых идет с юго-западного угла, западная сторона раскопа имеет нечетные номера, а восточная — четные. Цифры нивелировки были от —1.94 до —2.06 м.

Стратиграфия этого раскопа была почти так же перепутана, как и предыдущего, границы трех слоев в большинстве мест были стерты. Но прослойка 1113 г. в северном и западном профилях сохранилась хорошо, перекопы здесь до нее не дошли. Она залегала на глубине 2 м. В южном и восточном профилях она нарушена. Толщина культурного слоя здесь до 3.3 м. Материк — песок.

Раскоп достиг своей цели, удалось открыть прямое продолжение трубы раскопа № 4 и прямое продолжение трубы раскопа № 5. Мало того, оказалось, что трубы эти сомкнулись под углом. Так открылось колено водопровода. Залегало оно на глубине 2.7 м, на расстоянии 2 м к югу от центра северной стенки раскопа. К месту соединения труба, шедшая сверху (с северо-востока), несколько сужалась, диаметр ее 0.38 м, а труба, идущая

вниз (на юго-запад), расширялась, диаметр ее 0.48 м. Первая, очевидно, вставлена во вторую, но подробнее изучить это скрепление не удалось, экспедиция не решилась ломать трубу. Это колено было обмотано многослойной берестяной оберткой, заходящей по обе стороны колена до 0.7 м. Число слоев бересты доходит здесь до 10. Водопровод выходит из северной стенки раскопа и входит в западную. Угол соединения труб 140°. Над описанным коленом лежит nepотревоженная прослойка 1113 г. Никаких других сооружений раскоп № 6 не дал.

Раскоп № 8 был расположен близ южной стены церкви Николы, отстоя от нее на западе на 4 м, а на востоке на 3 м (эта разница обусловлена отклонением церкви от ориентировки по странам света). Южная стенка примыкает вплотную к северной стенке раскопа № 4, а восточная — к западной стенке раскопа № 6. Длина раскопа, с запада на восток, 12 м, ширина, с севера на юг, 4 м. Он разбит на 12 квадратов, счет которых идет с северо-западного угла, северная сторона имеет нечетные номера, а южная — четные. Цифры нивелировки были (не считая границ с прежними раскопами) от —1.38 до —1.54.

Этот раскоп имел только два профиля, западный и северный; южный и восточный в больших своих частях совпадали с профилями предыдущих раскопов. Западный был весь испорчен глубокими перекопами, заходившими из первого слоя в материк, зато северный, идущий вдоль церкви Николы, сохранил спокойные наслоения. Здесь обнаружены три вышеописанные слоя, по составу и характеру не отличавшиеся от других раскопов. Толщина первого слоя от 0.7 до 0.9 м, второго слоя от 0.8 до 1.1 м, третьего слоя от 1.2 до 1.5 м, общая толщина от 2.8 до 3.2 м. Материк — песок. О строительной прослойке 1113 г. речь будет ниже в связи с обнаруженной валунной кладкой.

Водопроводная труба, прослеженная в раскопах №№ 5, 6 и 4, закономерно пересекла юго-восточный угол раскопа № 8, выйдя из № 6 и войдя в № 4. Ничего нового для ее изучения этот коротенький отрезок не дал.

Данный раскоп открыл два интересных сооружения, связанные, повидимому, с церковью Николы, к которой он примыкал. Одно из них, более позднее, залегало во втором слое, другое, раннее, в третьем.

На глубине 1.6 м, во втором слое, в северо-западной части раскопа, на квадратах 1 и 3, обнаружена кирпичная кладка (рис. 7г и 9б). Она представляла собой параллелепипед, длиной в 2.15 м, шириной в 0.75 м, высотой в 0.22 м, и состояла из трех слоев кирпичей; два нижних сохранились хорошо, верхний был разрушен. Размер большинства кирпичей 0.25 × 0.11 × 0.055 м. В верхних двух слоях кирпичи лежали плашмя, в ниж-

нем слое стояли на ребрах. Только в углах этого слоя кирпичи были положены плашмя в два яруса, чтобы удерживать остальные. Кладка скреплена известью. Она несколько прогнулась в центре под тяжестью покрывшей ее земли.

Сооружение это совершенно замкнутое, форма его правильная, и оно никуда не продолжается. Оно находится прямо против южной двери церкви Николы, на расстоянии всего 4.5 м от нее. Папертью она не может быть: паперть должна вплотную подходить к церкви. Возможно, что на этой подставке останавливались церковнослужители во время крестных ходов вокруг церкви. Могли здесь стоять и какие-нибудь глашатаи. Кладка по кирпичу и по стратиграфии датируется примерно XVI в., но точно датировать ее не удалось.

На глубине 2.5 м в третьем слое обнаружена валунная кладка (рис. 10а). Она захвачена раскопом в ничтожной части, пересекая северо-западный его угол. В северном профиле она тянется на 4 м, в западном всего на 1 м. После ее открытия произошел ночью единственный за все время раскопок обвал. Чтобы устранить его последствия и восстановить профиль, к раскопу было сделано дополнение на север, длиной в 10 м (от северо-западного угла раскопа), шириной в 1 м. Это помогло дальнейшему выяснению кладки, в новом северном профиле она тянулась уже на 8 м, а в западном на 2 м. Несомненно, она доходила до церковной стены, от которой прослеженная часть сооружения отстоит всего на 2 м. Средняя толщина кладки 0.2 м, средний поперечник валунов 0.25 м, максимальный 0.35 м. Все они положены вплотную друг к другу, образуя сплошное замощение. Пустоты, оставшиеся при стыке валунов, заполнялись малыми камнями. Сверху обнаружен мелкий камень и гравий. Удалось проследить, что валуны были сверху засыпаны этими материалами. В результате такого замощения образовалась ровная и прочная дорога. Кладка сплошная, только в одном месте не хватает нескольких валунов, вынутых из середины, после того, вероятно, как сооружение покрылось культурным слоем.

К этим валунам, на середине их уровня, вплотную подходит строительная прослойка 1113 г., прослеженная в раскопах № 4, 5 и 6. Описанное сооружение надо датировать тоже временем постройки церкви. С валунным фундаментом эти валуны не имеют ничего общего, они залегают гораздо выше, уложены иначе и выходили в свое время несомненно на поверхность земли. Граница этого сооружения прямолинейна. Повидимому, это парадная каменная дорога, выходившая в XI в. из южной двери церкви. Она была широка и, повидимому, шире этой двери. Направлялась она на запад, с заметным отклонением к югу. Естественно предположить,

что она шла к княжескому дворцу. Известно, что дворец этот был западнее Николы. Направление дороги позволяет помещать его на юго-западе.

Раскоп № 9 заложен на расстоянии 8 м к западу и 2 м к югу от юго-западного угла раскопа № 8. Длина его, с запада на восток, 8 м, ширина, с севера на юг, 6 м. Он разбит на 12 квадратов, счет которых идет с северо-западного угла на восток. К нему с юга примыкал раскоп № 10, совершенно ему равный, итого оба они вместе имеют с севера на юг длину 12 м. От северной стенки раскопа № 9 до церкви Николы 8 м, от южной стенки раскопа № 10 до церкви Прокопия 4 м. Цифры нивелировки от —1.62 до —2.15 м.

Раскопы №№ 9 и 10 описываются здесь вместе. В профилях были видны те же три слоя обычного состава и характера. Они были в ряде мест, особенно на севере, повреждены перекопами, но вообще могли быть измерены. Толщина первого слоя от 0.6 до 0.8 м, второго слоя от 0.8 до 1 м, третьего слоя от 0.8 до 1.1 м, общая толщина от 2.2 до 2.9 м. Материк — песок. Строительных прослоек встречено две, обе они идут к церкви Прокопия и связаны с ней, обе залегают во втором слое и состоят из щебня, извести и песка. Первая, на глубине в среднем 1.1 м, толщиной в среднем 0.1 м, относится к перестройке 1529 г., вторая, на глубине в среднем 1.4 м, толщиной в среднем 0.2 м, относится к постройке 1359 г.; она является нижней границей второго слоя, подтверждая по-новому его дату.

Ни настилов, ни колонок, ни срубов, ни труб раскопы №№ 9 и 10 не дали. Заслуживает описания только яма, оказавшаяся в юго-западной части раскопа № 9. Длина ее, с запада на восток, не менее 5 м, и она уходит в западную стенку раскопа, ширина ее, с севера на юг, около 4 м. Глубина ее 1.1 м, она доходит до материка, а верхней ее границей является строительная прослойка 1359 г., которая над ней не потревожена. Таким образом можно утверждать, что в 1359 г., когда на месте деревянной церкви Прокопия строили каменную, эта яма была засыпана. Итак, она датируется XIV в. На дне ямы найдены в огромном количестве зерна ржи, пшеницы и овса. Возможно, что здесь был подвал, бревна которого были вынуты из земли при его разрушении, а яма осталась. Он предназначался для хранения зерна.

В восточной стенке раскопа № 10 открылась стена колодца, связанного со вторым слоем. Он не исследовался, так как в раскоп вообще не вошел.

4

Все найденные при раскопках предметы привезены в Москву, за исключением, конечно, многих находок из первого слоя.

Обломков керамики привезено 47 752, в том числе в 1938 г. 20 984 и в 1939 г. 26 768. Все они в Историческом музее описаны и зашифрованы, так что для каждого из них можно определить место находки (квадрат, слой и пласт). Они подготовлены для статистического изучения, которое потребует много времени, рук и средств

послевоенных раскопках в другой части Дворища.

Выше уже шла речь о стратиграфической дате двух ценных для истории сельского хозяйства находок. Зерна и семена из раскопа № 7 относятся к XIII в., зерна из раскопа № 9 — к XIV в. Определение их организовал И. И. Никишин с привлечением ряда специа-

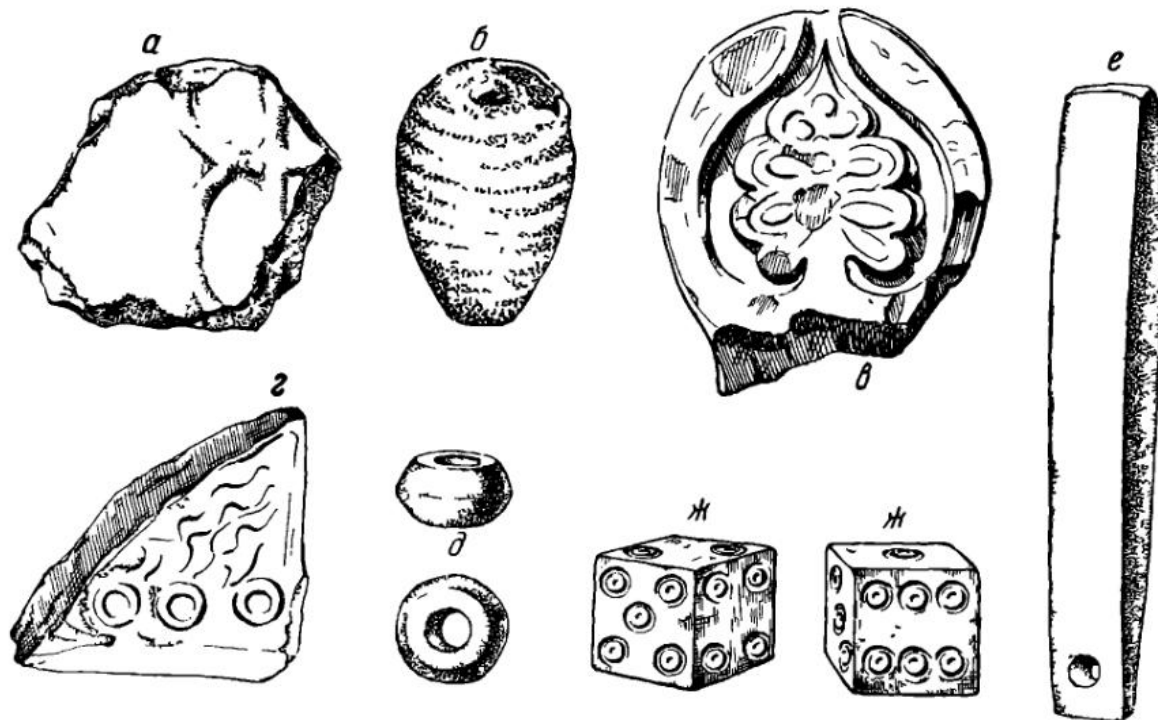

Рис 11 Изделия из глины, камня и кости

Краткая характеристика керамики по слоям дана для раскопок на Славне, она подходит и к этим раскопкам

Коснусь здесь только вопроса о гончарных клеймах, столь редких в Новгороде, по сравнению с другими древнерусскими городами. При этих раскопках найдено только одно клеймо, но оно важно, поскольку совпадает, по видимому, с одним из клейм, найденных на Славне. Последнее в своем месте описано, оно состояло из двух овалов, пересеченных прямой линией, получалось нечто вроде двух соединенных мачтами букв Ф. На этот раз встретился лишь обломок дна, но на нем, надо полагать, тот же самый рисунок видны части обоих овалов и прямой линии. Во всяком случае это клеймо родственно всем трем славенским клеймам. Найдено оно (7—8—15) на самом дне третьего слоя, на материковом песке (рис 11а).

Костей животных привезено 7538, в том числе в 1938 г. — 4260 и в 1939 г. — 3278. Зоологическое их изучение Институт истории материальной культуры предполагает произвести вместе с костями, найденными при

листов из Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Даю подсчеты определенных зерен и семян. Раскоп № 7. Зерна злаков рожь 837. Семена сорняков гречишка развесистая 3, щирца 2, гречишка выюнкковая 1, гречишка птичья 1. Семена садовых и огородных растений малина 136, чечевица 7, яблоня 4, огурец 1.

Раскоп № 9. Зерна злаков рожь 8343, пшеница 887, овес 360. Семена сорняков тысячеголов 5, пикульник 3, подмаренник 2, марь 1, гречишка развесистая 1.

Описание отдельных находок буду вести по материалу изделий.

Из глиняных вещей прежде всего надо отметить яйцо. Длина его 0,04 м, оно покрыто полосатой поливкой, желтые и коричневые концентрические полосы чередуются. Совершенно такие же яйца часто встречаются в Киевской земле, два экземпляра найдены в Швеции, в Готланде. Т. Арне по поводу шведских находок говорит: «Эти яйца несомненно изготовлялись в Киеве или в его окрестностях. Я знаю их десяток из Киевской гу-

бернии, большинство из самого города, три экземпляра из Черниговской губернии, один из Волынской губернии и один из Натухайской станицы, близ Черного моря, на Кавказе». ⁵⁴ Чередование желтых и коричневых полос для этих находок типично. В Новгороде такое яйцо встречено впервые, оно привезено, очевидно, из Киева. Найдено оно (4—10—10) в третьем слое, что соответствует дате этих домонгольских изделий (рис. 11б).

Новы для Новгорода куски черепицы, в других районах города не встречавшиеся. Их найдено более двадцати, точное число определить трудно, некоторые обломки были мелкие. Во всех раскопах они залегали преимущественно в третьем слое. Цвет их от сильного обжига красный. Сначала они были приняты за обломки глиняных водопроводных труб, столь распространенных в средние века в Крыму, на Волге и в Средней Азии, таких же красных и толстостенных. Но у одного большого обломка ясно прослежен плоский борт, что для водопроводной трубы маловероятно. Толщина этих обломков от 0.02 до 0.03 м, сечение всегда полусферическое. От реконструкции их облика надо воздержаться до находок более крупных обломков или целых экземпляров. Встреченные обломки не более 0.1 м в поперечнике.

Можно упомянуть глиняный шарик правильной формы, диаметром 0.02 м (4—6—15). Глиняное пряслице только одно, во втором слое (8—7—7).

Найдено семь кусков зеленых изразцов, все они во втором слое. По оттенку и фактуре они имеют аналогии только в Пскове и его окрестностях, дата этих аналогий XV—XVI вв. ⁵⁵ Оказывается, такие изделия применялись тогда и в Новгороде, впрочем, реже, чем в Пскове. Из найденных кусков пять мелкие, два заслуживают особого описания. Один из них овальной формы, был, повидимому, печным зубом (рис. 11а); орнамент представляет семилепестную пальметку в ободке, длина 0.05 м (8—1—7). Другой, в виде прямоугольного треугольника, является, вероятно, не обломком, а деталью изразцового зеленого узора на белой стене (рис. 11а); орнамент состоит из трех колец вдоль одного из катетов и волнистой ряби вдоль гипотенузы, длина 0.055 м (8—2—10); глубина залегания объясняется наличием здесь ямы.

Переходя к стеклянным изделиям, надо отметить обломки стеклянных браслетов. Почему-то их в этом районе оказалось во много раз меньше, чем на Славне, всего 12, из них 1 во втором слое и 11 в третьем, что соответствует их принятой дате. Зеленых 3, черных 2, желтый 1, голубой 1, фиолетовый 1,

коричневый 1, неопределенных (от плохой сохранности) 3; гладких 10, витых 2.

Есть один стеклянный перстень, целый, гладкий, голубой, диаметр 0.02 м, из второго слоя (7—2—6).

Каменных предметов здесь оказалось мало. Даже шиферное пряслице только одно (рис. 11д). Оно розовое, биконическое, найдено в третьем слое, поперечник 0.017 м (8—11—15); есть еще один обломок в том же слое (8—9—11). Выше упоминалось глиняное пряслице, тоже единственное. Довольно закономерно, что эти веретенные грузики, изобилующие в жилых районах, редки в общественных местах.

Много раз найдены мелкие куски слюды, преимущественно в третьем слое. Это позволяет заключать о применении слюдяных окон.

Точильный брусок, если не считать обломков, встречен только один, в виде правильного, длинного и узкого четырехугольника, с круглым отверстием для ношения на поясе, материал — песчаник, длина 0.095 м (рис. 11е), найден он в третьем слое (8—5—14).

Обломки жерновов попадались довольно часто, они невелики.

Встречена целая друза аметиста, вся из мелких кристаллов, в третьем слое (4—24—10) и близ нее еще ряд обломков аметиста. Это, очевидно, материалы для работы камнереза.

Из костяных изделий интересна игральная кость, найденная в третьем слое (7—8—12) и выше уже упоминавшаяся. Это очень правильный кубик, ребро его 0.01 м. Отделан он тщательно. Очки нанесены циркулем. Цифры составлены так же, как на современных игровых костях: 1 — кружок в центре, 2 — кружки по диагонали, 3 — то же, 4 — по углам, 5 — конвертом, 6 — в два столбика. Каждый кружок состоит из двух concentрических кругов и выполнен в два раствора циркуля. Расположены очки так: если положить кость на единицу, то двойка окажется наверху, а тройка, четверка, пятерка и шестерка в последовательном порядке (рис. 11ж) по бокам. Древнерусские игральные кости известны были и до этой находки, например, из Киева, ⁵⁶ из Черной Могилы в Чернигове, ⁵⁷ из Гнездовских курганов в Смоленске, ⁵⁸ но то были продолговатые параллелепипеды, теперь найден кубик.

Встречен костяной шарик правильной формы, диаметр 0.01 м, во втором слое (7—7—6). Костяных гребней два: один односторонний, сегментовидный, с 29 частыми зубьями, длина 0.048, из второго слоя (4—15—6), другой дву-

⁵⁶ В. Е. Гезе. Заметки о некоторых киевских древностях. ЗОРСА, т. VII, в. 1, стр. 146, рис. 96.

⁵⁷ Д. Я. Самохвасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 33 и 35, рис. 3424 и 3425.

⁵⁸ В. И. Сязов. Гнездовский могильник. СПб., 1902. МАР, № 28, стр. 58 и 97, табл. VI, рис. 14 и табл. XIII, рис. 12.

⁵⁴ Т. Арне. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, стр. 216.

⁵⁵ А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, табл. 6—13.

сторонний, трапецевидный, с 24 частыми зубьями и 7 редкими, длина 0.046 м, из третьего слоя (4—12—14), оба без орнамента.

Кожаной обуви и ее обрывков найдено довольно много, но специально описывать ее

Новгороде при всех раскопках и земляных работах кожаная обувь попадает часто. Это неизменно туфли-поршни. Сапог пока не найдено вовсе; они, вероятно, употреблялись, но редко. Любопытно полное отсутствие в нов-

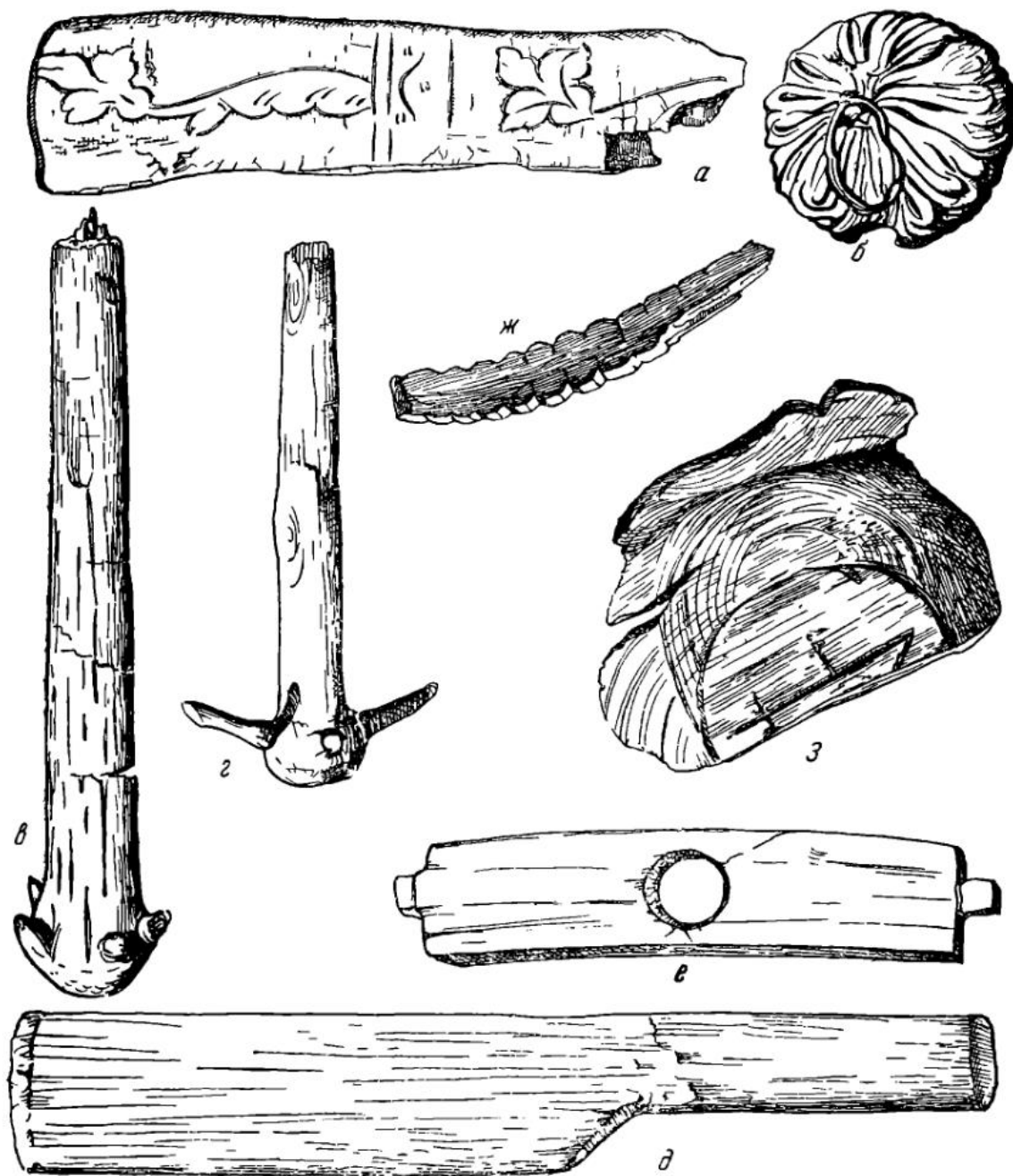

Рис. 12 Изделия из кожи и дерева

не буду, так как этим находкам уже посвящена статья Л. И. Якуниной.⁵⁹ Надо особо отметить, что здесь обувь найдена не в сапожной мастерской, как на Славне, а рассеяна в разных местах культурного слоя. Вообще в

⁵⁹ Л. И. Якунина Новгородская обувь XII—XIV вв. КС ИИМК, XVII, 1947.

городских археологических материалах лаптей (а лыко вообще сохраняется в новгородских слоях хорошо, и куски его встречаются часто) очевидно, лапотников в Новгороде не было, даже среди бедняков.

Кожаные ножны для обыкновенного ножа (рис. 12а) покрыты тисненым узором в виде

двух кринов (лилий) на стебельках; цветки вытянуты вдоль один за другим; длина ножен 0.13 м, найдены они в третьем слое (3—11—13).

Кожаный кошелек (рис. 12б) кругл и состоит из твердого круглого основания и стянутой сборками при помощи кожаного ремешка вершины; в стянутом положении он плотно закрыт, но можно его распустить и открыть; диаметр 0.07 м, найден он в третьем слое (3—4—12).

Дерево сохранялось в большинстве раскопов хорошо, особенно в раскопе № 5. Много встречено деревянных стержней разных размеров и форм, иногда тщательно застроганных. Некоторые предметы имеют очень определенные формы. Все они найдены в третьем слое (выше дерево сохранялось, но хуже). Мутовки, палки с загнутыми назад под острым углом зубцами, служили, вероятно, для сбивания масла или размешивания теста. Их найдено три, все целые: одна с шестью короткими зубцами (рис. 12в), длина ее 0.22 м (5—3—14), другая с четырьмя длинными (рис. 12г), длина ее 0.14 м (5—2—15), третья — с четырьмя короткими, длина ее 0.16 м (3—4—12). Деревянный большой нож, длиной в 0.27, шириной в 0.05 м, имеет широкую прямолинейную спинку и тонкое лезвие, параллельное спинке (рис. 12д); назначение его мне неизвестно (5—8—16). Деревянная тонкая четырехугольная пластинка с круглым отверстием посредине и двумя маленькими ручками является деталью какого-то рабочего приспособления (рис. 12е), длина ее 0.16 м (4—3—12). Деревянная балясинка, окаймленная рядами закругленных зубчиков, была, вероятно, частью резного узора (рис. 12ж), длина ее 0.08 м, при просушке она изогнулась (4—20—12). Деревянный гребень воспроизводит обычную форму костяных трапецевидных двусторонних гребней, он обломан (4—18—15). От деревянной чашечки сохранился обломок с половиной днища, на котором вырезан знак там, где у глиняных сосудов помещаются клейма (рис. 12з); сохранившаяся часть знака состоит из прямой линии, пересеченной под прямым и острым углами (8—12—14).

Из железных вещей наиболее интересен кусок кольчуги, найденный в засыпке сруба и датируемый поэтому началом XII в. (рис. 13а и б). Кольчуги известны на Руси в курганах с X в. и распространились у нас на два века раньше, чем на западе.⁶⁰ О русском производе этого доспеха сообщает французская героическая поэма XII в., «Рено де Монтобан».⁶¹ Все встреченные в курганах и

случайных находках русские кольчуги настолько проржавели, что древний облик их изучить невозможно. От XVI—XVII вв. до нас дошло много русских кольчуг хорошей сохранности, но судить по ним о древнейших нельзя. Найденный теперь кусок кольчуги свободен от ржавчины, прочен, гибок и упруг, длина его 0.18 м (5—8—18). В нижних пластах раскопа № 5 не только дерево сохраняло свежесть, но и металл не ржавел. Диаметр всех колец по 0.01 м, каждое кольцо продето в четыре соседних, что придавало доспеху большую прочность. Все кольца скреплены на гвоздь (термин, принятый у историков оружия), они замкнуты как бы микроскопическими гвоздиками, такое крепление типично и для кольчуг Московской Руси.⁶² Не более половины колец этого куска железные, остальные медные, составляющие кайму кольчуги, шириной в четыре кольца. Значение каймы, очевидно, орнаментальное. В дошедшем до нас собрании личного оружия бояр Шереметевых среди кольчуг XVI—XVII вв. некоторые имеют подобные медные окаймления.⁶³

Оружие представлено одной железной стрелой (рис. 13в). Форма ее неопределенная, переходная от треугольной к листовидной, приблизительные ей аналогии можно найти в материалах разных эпох. Длина ее 0.08 м, найдена она во втором слое (4—8—8).

Железный молоток имеет плоский четырехугольный боек и раздвоенный обух (рис. 13г). Он похож тем самым на молоток, найденный на Славне; разница в том, что у того для рукояти железный стержень, а у этого вся рукоять была, очевидно, деревянная, и для нее проделано овальное отверстие. Длина молотка 0.09 м, найден он во втором слое (8—2—5).

Железных криц найдено 63, что свидетельствует о наличии неподалеку кузницы. Они встречались во всех раскопах. Форма целых экземпляров округленная, уплощенная, диаметр обычно от 0.1 до 0.15 м. Приводимый для образца экземпляр найден в третьем слое (4—14—10), диаметр его 0.11 м (рис. 13д).

Железная оковка лопаты является типичным для древней Руси предметом, судя по многочисленным изображениям в миниатюрах,⁶⁴ теперь такая оковка встречена в подлиннике (рис. 13е). Поперечник ее 0.17 м, найдена она во втором слое (4—14—8).

Железных шипов гнездовского типа встречено два, один во втором слое и один в третьем. Надо отметить еще железный заградочный предмет в виде вытянутой латинской буквы S, очень массивный и чрезвычайно правильной формы, длина его 0.17 м, найден он в третьем слое (5—8—16). Неоднократно

⁶⁰ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв., стр. 8.

⁶¹ G. Lozinsky. La Russie dans la littérature française du Moyen Age. Revue des études slaves. T. IX, Paris, 1929, стр. 264.

⁶² Э. Ленц. Описание собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб., 1895, стр. 6—15.

⁶³ Там же, №№ 9, 20, 25, 29, 36, 39.

⁶⁴ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 23, 83, 188.

встречены куски железных креплений каменной кладки Железных гвоздей найдено 297, скоб 16, дверных пробоев 8, крюков 3, ключей 6, колец 9, обувных подковок 9, ножей

сохранились окончания: от первой строчки одна буква *О*, от второй две буквы *СН*, от третьей три буквы *ЕГО* (буква *О* здесь не вполне доказуема), от четвертой две неясные

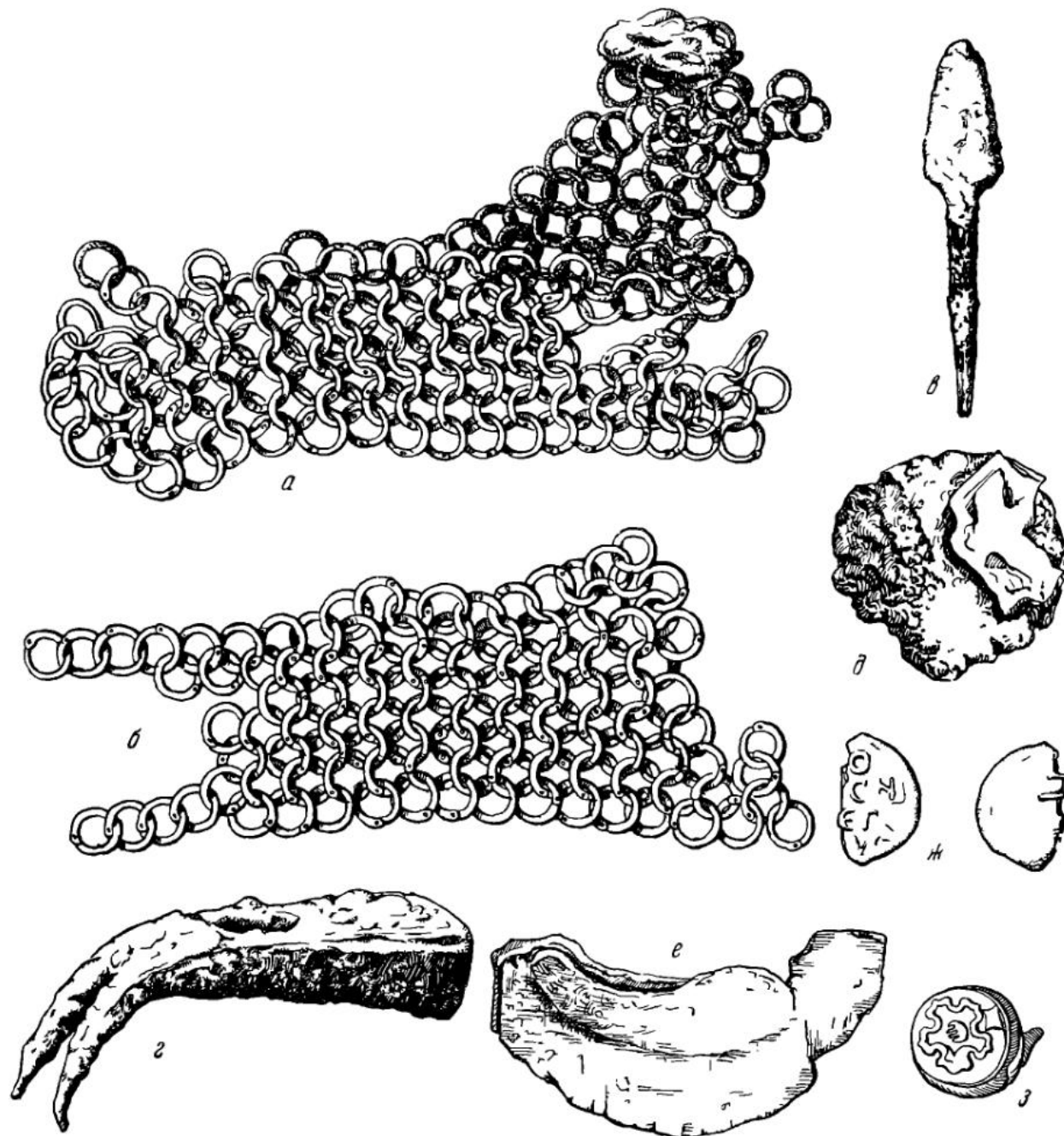

Рис. 13 Изделия из железа и свинца

только 15 Гвозди почти все шляпочные, ко-
сгyleй среди них очень мало

Свинцовых вислых печатей обычного дре-
нерусского типа встречено три, все в третьем
слое От одной из них сохранилась только по-
ловинка На лицевой стороне помещался
восьмиконечный крест На оборотной стороне
надпись в четыре строки, от которых частично

буквы (рис 13ж) Дополнить надпись не
представляется пока возможным, диаметр пе-
чати 0 03 м (7—1—12) Вторая печать на ли-
цевой стороне имеет неясное изображение
святой в пунктирном нимбе, без надписи, на
оборотной — шестиконечный крест в пунктир-
ном ободке, диаметр ее 0 02 м (7—6—15)
Третья печать на лицевой стороне имеет изо-

бражение богородицы типа Оранты, на оборотной стороне восьмиконечный крест с шариками, диаметр ее 0,03 м (10—5—10).

Свинцовая круглая пломба с рельефным изображением пятилепестного цветка, диаметром 0,015 м, найдена на торгу, что для пломбы естественно (рис. 13з); залегала она в третьем слое (3—1—13). Среди многочисленных изданных древнерусских пломб подобные мне не известны.

Медных изделий почему-то на этот раз не было.

Все вещи, найденные при раскопках в Новгороде у Николы на Дворище, хранятся в Историческом музее в Москве. На них составлены описи. Вещи 1938 г. включены в инвентарь под № 79783, 1939 г. под № 80317.

Раскопки вокруг церкви Николы были лишь подготовкой к большим раскопкам Ярославова Дворища, но они и сами по себе дали много нового для науки. Строительные прослойки 1820, 1650, 1529, 1359, 1340, 1207 и 1113 гг. помогли точно датировать ряд сооружений и вещей. Благодаря обилию этих прослоек удалось и здесь разобраться в хронологии, хотя слои здесь более нарушены перекопами, чем на Славне. Хронологическая шкала для новгородских археологических находок, намеченная на Славне, подтверждена на Дворище; это было особенно четко, поскольку слоев тоже оказалось три, что, конечно, случайно, и для других районов Новгорода не обязательно; датируются они так же. Находки вещей, возраст которых известен, все опять уложились в эту шкалу. Особо ценна прослойка 1113 г., позволившая датировать важные сооружения. Наиболее важны, пожалуй, водопроводы. Они свидетельствуют о высоте новгородской культуры, восходя к XI в. и являясь древнейшими в Северной и Средней Европе. В Англии, Германии и других странах водопроводы появились лишь в XV в., если не считать древнеримских, в средние

века заброшенных. От водопроводов в Новгороде резко отличались современные им водопроводы. Раскопанный сруб является самым большим и лучшим по сохранности из дошедших до нас новгородских срубов. Для истории каменного зодчества интересно произведенное впервые изучение кладки фундамента церкви Николы. Технические приемы устройства новгородских мостовых впервые изучены подробно. Мостовые эти тоже свидетельствуют о высоте новгородской культуры; ведь, судя по наблюдениям при современных строительных работах, город в XI—XV вв. был сплошь замощен. Для сравнения можно указать, что первые мостовые во Франции, если не считать древнеримских, появились в Париже в XII в., в Германии, в Нюрнберге, в XIV в., в Англии, в Лондоне, в XV в. Много недоумения возбудили скопления коровьих челюстей, но удалось наметить разрешение и этой загадки. Установлена южная граница новгородского торгового ряда Грань между Ярославовым Двором и торгом проходила, оказывается, вдоль церкви Николы, к которой торг, подходил почти вплотную, но все же не доходил до нее. Вообще для топографии Дворища установлен ряд веков. Указания будущим работам в частности дают каменные сооружения близ южной двери церкви Николы. Среди добытых при раскопках вещей имеются изделия, позволяющие лучше понять высоту культуры древнего Новгорода. Для истории сельского хозяйства важно впервые произведенное изучение новгородских зерен и семян.

В 1947 г. раскопки были возобновлены, и размеры их были значительно больше довоенных. Они захватили теперь центральную часть Дворища, до того недоступную. Добыты ценнейшие материалы, но работы продолжаются, и итоги им подводить еще рано. Они будут подведены со временем в особой обширной публикации.

Н. Н. Воронин

РАСКОПКИ В ЯРОСЛАВЛЕ

1

Ярославль — богатейший древнерусский город в Верхнем Поволжье, центр широких торговых связей XVI—XVII вв., колыбель всемирно известных памятников архитектуры и живописи XVII в., вошедших в историю национального русского искусства с именем «ярославских». Если эта пора расцвета города давно привлекла внимание историков и особенно историков искусства, то история возникновения и древнейшие судьбы Ярославля остаются по сей день во многом неясными. Первое упоминание летописи о Ярославле в 1071 г. озарено горячим отблеском крупнейшего поволжского восстания смердов, прокатившегося на далекий север вплоть до Белозера.¹ Имя города и участие Ярослава Мудрого в подавлении предшествующего восстания смердов 1024 г. в Суздальской земле позволило историкам уже давно высказать мысль об основании в это время Ярославом города на устьи Которосли.² В этом их поддерживало прочно жившее в местном населении предание о начале Ярославля, якобы ставшего на месте мятежного языческого селения поклонников медвежьего культа — «Медвежьего угла», покоренного Ярославом. Наше исследование литературной истории этой легенды и связанной с ней проблемы медвежьего культа у русских смердов Верхнего Поволжья позволило осветить эту тему.³ Однако вопрос о древнейшем дофеодальном поселении на месте Ярославля и рождении феодального города оставался далеко не ясным; не ясной была и связь этого первоначального

Ярославля с лежащими по соседству с ним, но в отдалении Михайловским и Тимеревским курганными могильниками IX—X вв.⁴ Пролить свет на все эти вопросы могли археологические разведки на древнейшей территории города — высокоом кремлевском мысу в устье Которосли — «Стрелке».

Здесь же в ярославском кремле в начале XIII в. располагался княжеский двор с первым каменным храмом — Успенским собором, построенным князем Константином ростовским в 1215 г. Этот памятник исчез с лица земли, сменившись новыми соборами 1504 г. и 1646 г., может быть ставшими на его месте и сохранявшими древнейшие части. Вопрос о древнейшем соборе 1215 г. также мог быть разрешен лишь археологическим путем.

Приблизиться к решению этих вопросов позволили раскопочные работы, организованные в 1940 г. Ярославским областным краеведческим музеем в связи с предполагавшейся застройкой на территории Стрелки Дома Советов.⁵ Было необходимо обследовать ее путем шурфовки и раскопок с целью определения стратиграфии, сохранности древнейших культурных отложений и решить вопрос о научном значении памятника и о целесообразности постановки перед застройкой больших раскопочных работ.

2

Древняя территория Ярославля (рис. 1) слгагается из двух разновременных неравных частей.

Южная древнейшая часть «Рубленный город» занимает самую Стрелку, приподнятую

¹ Лаврент. лет под 1071 г.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского (изд. Эйнерлинга), т. II, стр. 54, Д. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 212, Исторические исследования о начале и основании Ярославля Яросл. губ. вед. 1842, № 10, Н. Устрялов Русская история. Ч. I. СПб., 1849, стр. 67; И. Тихомиров. О некоторых Ярославских гербах; Труды III областного археологического съезда во Владимире. Владимир, 1909, стр. 36 и прим. 3, и мн др., а также ряд путеводителей и исторических очерков Ярославля.

³ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА СССР, № 6, М.—Л., 141.

⁴ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. Там же.

⁵ Раскопки производились с 25/VIII по 26/IX 1940 г., по инициативе Ярославского областного краеведческого музея и на его средства. Состав участников экспедиции: руководитель работ — старший научный сотрудник ИИМК АН СССР Н. Н. Воронин; его заместитель — старший научный сотрудник ЯОКМ С. Н. Райпольский; сотрудники: лаборант ИИМК Л. Н. Лебедев, научн. технич. сотр. ИИМК Т. Г. Головлева, аспирант ИИМК П. А. Раппопорт, сотрудник ЯОКМ К. К. Бондарев. Отчет, дневники и чертежи раскопок — в рукописном архиве ИИМК АН СССР, 1940 г., № 2.

над уровнем реки до 20—21 м и спускающуюся к Волге и Которосли довольно крутыми склонами. Плато Стрелки образует почти равносторонний треугольник, обращенный острием на юго-восток вниз по течению Волги и

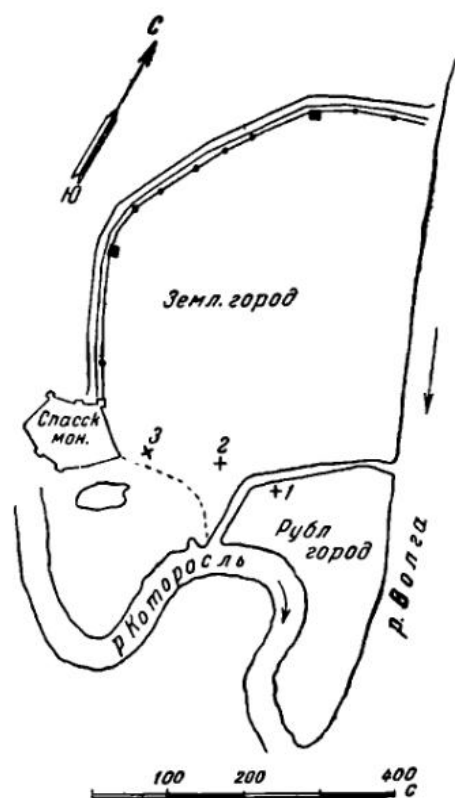

Рис. 1. Схема древнейшей части Ярославля (по плану 1778 г)

1 — церковь Николая Рубленного города, 2 — церковь Спаса на Городу; 3 — церковь Михаила архангела.

ограниченный с северо-запада когда-то глубоким оврагом «Медведицей», ныне засыпанным в своей средней части и открывающимся конечными ложбинами на восток — к Волге и на юго-запад — к церкви Спаса на Городу и далее к Которосли. По внутреннему краю оврага шли деревянные стены первоначального города. Позднейшая, ставшая на краю оврага церковь Николая носит характерное прозвище «Никола Рубленный город».

Менее чем в четверти километра от оврага выше по течению Которосли стал в 1216 г. княжеский Спасский монастырь, несомненно укрепленный и образовавший как бы второй маленький городок. К нему с северо-востока примкнула большая дуга укреплений Земляного города, упирившихся на северо-востоке в Волгу и прикрывших разросшийся ярославский посад. Весьма вероятно, что это развитие, а может быть и укрепление города произошло в домонгольское время, когда в начале XIII в. оживился Волжский путь, и Ярославль приобрел важное политическое значение в процессе дробления Владимирского кня-

жества.⁶ Пространство по берегу Которосли между монастырем и стенами Рубленного города было также вероятно закрыто укрепленной линией, о которой напоминают названия двух храмов XVII в. Спаса «на Городу» и Михаила архангела — покровителя воинов и княжеской власти.

Как можно полагать, мыс Стрелки на протяжении столетий разрушался и размывался, а первоначальное городище простиралось значительно дальше к югу. Являясь вплоть до XIX в. административным и церковным центром города, территория Стрелки была местом постоянного энергичного строительства. Здесь располагалась обширная усадьба архиерейского двора, дважды, в 1504 и 1646 гг., перестраивался большой Успенский собор, а в 1803 г. был выстроен огромный корпус Демидовского лицея, пересекший поперек самую оконечность Стрелки. Собор и Лицей, как и ряд других зданий, ныне не существуют. Сама Стрелка была значительно изменена при планировочных работах губернатора Полтавского в 1831 г., когда были упорядочены откосы мыса Стрелки, иногда срезанные, иногда, наоборот, выровненные путем подсыпки. Для ориентировки в бывшей застройке Стрелки XVIII—XIX вв. землемер С. И. Плотниковым был составлен на основании планов, собранных в ЯОКМ, сводный генеральный план с показанием исчезнувших построек, в том числе собора и Демидовского лицея (рис. 2); их основные точки были вынесены на местность, что облегчило расположение разведочных шурфов.

В качестве предварительных данных мы располагаем материалами разведок П. Н. Третьякова и М. К. Каргера 1938 г. Из результатов разведок наибольший интерес представляет траншея, примыкавшая к апсидам собора, обнаружившая участок с хорошо сохранившейся стратиграфией и значительным культурным слоем XI—XIV вв.⁷

Шурфы распались на две основных группы: на оконечности Стрелки к югу от Лицея (шурфы I, IX—XIII) и к северу от собора (шурфы IV—VIII), один был сделан на западном краю Стрелки (шурф XIV) и один на краю оврага Медведицы (шурф II). Размер шурфов 2 × 2 м (рис. 2). Все шурфы обнаружили полное нарушение древней стратиграфии строительством XVII—XIX вв.

А. Разведка окопечности стрелки

Шурф I. Весь слой представляет насыпь, связанную с планировкой Стрелки в 1831 г. В перерывной земле единичные обломки кера-

⁶ Церковно-археологическое описание г. Ярославля Ярославль, 1860, стр. 26—30. Точных указаний на время сооружения линии Земляного города нет, часто его относят к XVI в., когда после пожара 1536 г. восстанавливались укрепления города Ярославль в его прошлом и настоящем Ярославль, 1913, стр. 18.

⁷ Архив ИИМК АН СССР.

мики XII—XIII вв. при подавляющем количестве черной лощеной; найдена монета Павла I. Уровень материка 1.80 м.

Шурф IX. Сплошная засыпь щебня (от разборки Лицея) вплоть до материка (уровень его 2.30 м).

Шурф X. Сплошной завал булыжного камня и обломков известняка, идущий от 1.45 до 2.50 м, т. е. ниже уровня материка.

2.0 м перерытый перегной, под ним погребение этого времени, опущенное до материка. Уровень материка 2.55 м.

Шурф V. От 0.50 м мощный слой строительных остатков: крупный валун, кирпич, — идущий до уровня материка (2.80 м), ему до дна сопутствует черная лощеная керамика.

Шурф VI. До 1.40 м рыхлая насыпная земля с керамикой и изразцами XVII—XVIII вв.;

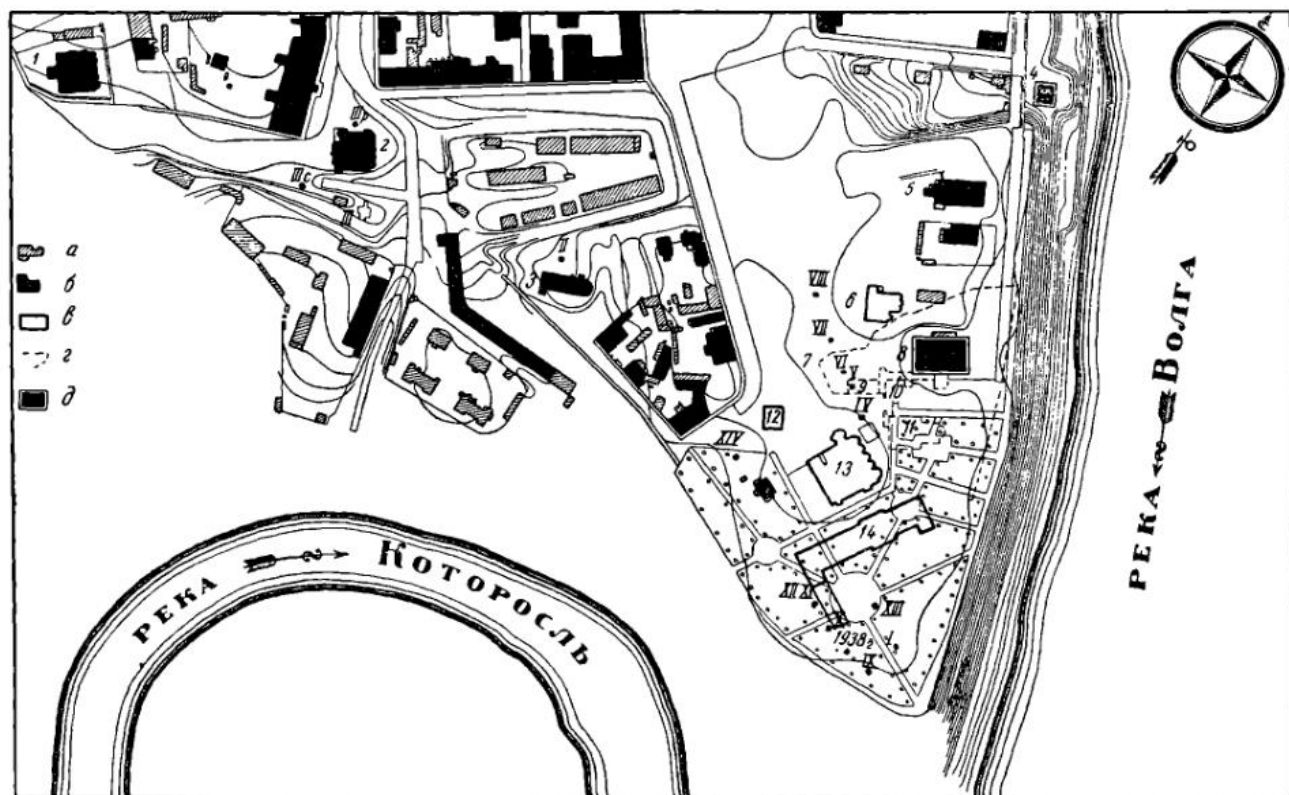

Рис. 2.

а — здание деревянное, *б* — здание каменное, *в* — здание не существует; *г* — снесено до 1812 г., *д* — реставрировано в 1920 г.; 1 — церковь Михаила архангела, 2 — церковь Спаса на Городу; 3 — церковь Николы Рубленый город, 4 — башня, 5 — церковь Тихона чудотворца, 6 — церковь Иоанна Златоуста; 7 — каменная ограда, 8 — архиерейский дом, 9—10 — пристройки (возходы), 11 — церковь Леонтия Ярославского, 12—13 — колокольня и собор, 14 — лицей. Римскими цифрами обозначены номера шурфов.

Шурфы XI—XII. На стыке квадратов незначительные участки нетронутого слоя; здесь на уровне 1.10 м в слое песка найдено шиферное пряслице (№ 1399)⁸ и несколько обломков курганной и лепной керамики (№ 1401—1402). На остальной площади щебневая засыпь (ур. мат. 2.70 м).

Шурф XIII. Также щебневая засыпь. В ней на уровне 1.10—1.20 в юго-восточном углу обломок шиферного пряслице (№ 1403). Уровень материка 2.75 м.

Б. Разведка площади к северу от собора

Шурф IV. Слои почти не нарушены, до уровня 1.50 м керамика XVII—XVIII вв.; до

⁸ Номера в скобках здесь и далее обозначают номера описи коллекции раскопок, хранящейся в Ярославском областном краеведческом музее.

в уровне 1.40 м перегнивший деревянный настил из плах, под ним жирный перегной с углем. Нижний горизонт слоя над материком (уровень 2.50 м), повидимому, нарушен: в нем рядом с клейменным штофом (осколок) стеклянная посеребренная реберчатая бусина XII—XIII вв. (№ 1389).

Шурфы V и VI связаны с усадьбой архиерейского двора.

Шурф VII. Дает примерно аналогичную картину, здесь только нет настила. Лощеная керамика идет почти до материка (уровень 2.20 м). В перегное в уровне 2.00 м выходит угол сруба; бревна совершенно истлевшие. Уровень материка 2.90 м.

Шурф VIII. До 1.50 чернозем с известью, глиной и большим количеством слюды. В уровне 1.50 м и ниже часть бревенчатого

сруба, заполненного мусором с массой слюды (часть ее обрезков правильной ромбической формы), бересты, обрезков кожи, встречены кожаные поршни, лощеная керамика. Сруб запущен непосредственно в материк, его вну-

шебневым поверхностным слоем — засыпь щепы, бересты, кожаных обрезков с керамикой XVIII в.; под ней часть настила из досок и части сгнивших бревен. Под ними (уровень 2.00 м) идет зловонный жирный перегной с

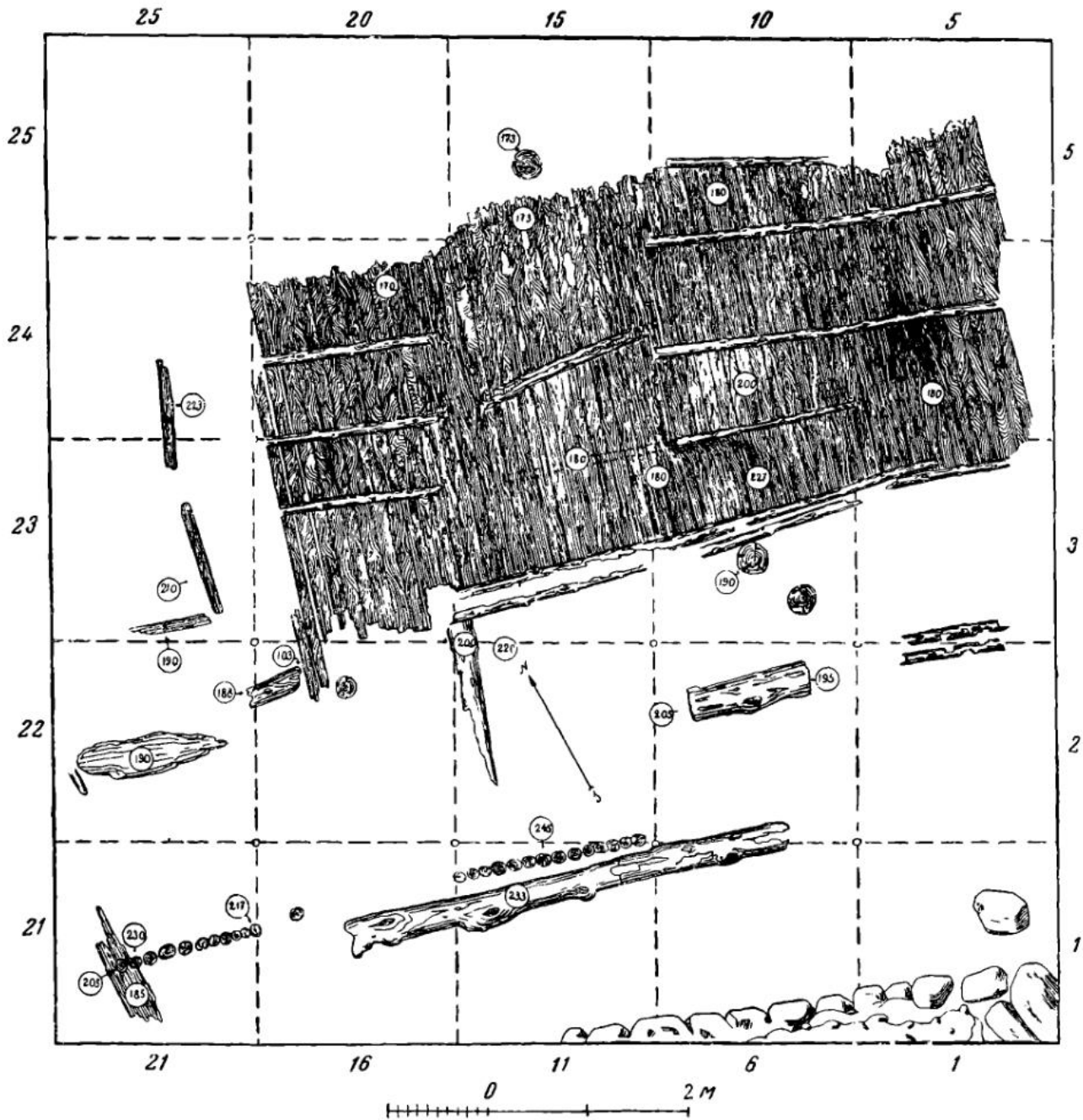

Рис. 3. План основного раскопа (уровень уличного настила).

треннее пространство выстлано белой глиной, она прослеживается и в обрезах квадрата. Возможно, что сруб имел какое-либо производственное назначение, а затем был превращен в мусорную яму.

Шурф XIV (на западном краю Стрелки между жилыми кварталами). Под дерново-

теми же мусорными включениями, под ним слой белой глины (как в шурфе VIII). На материке (уровень 2.80 м) угол хорошо сохранившегося сруба.

Шурф II на краю оврага Медведицы около церкви «Никола Рубленый город», заложенный с целью выяснения укреплений, обнаружил

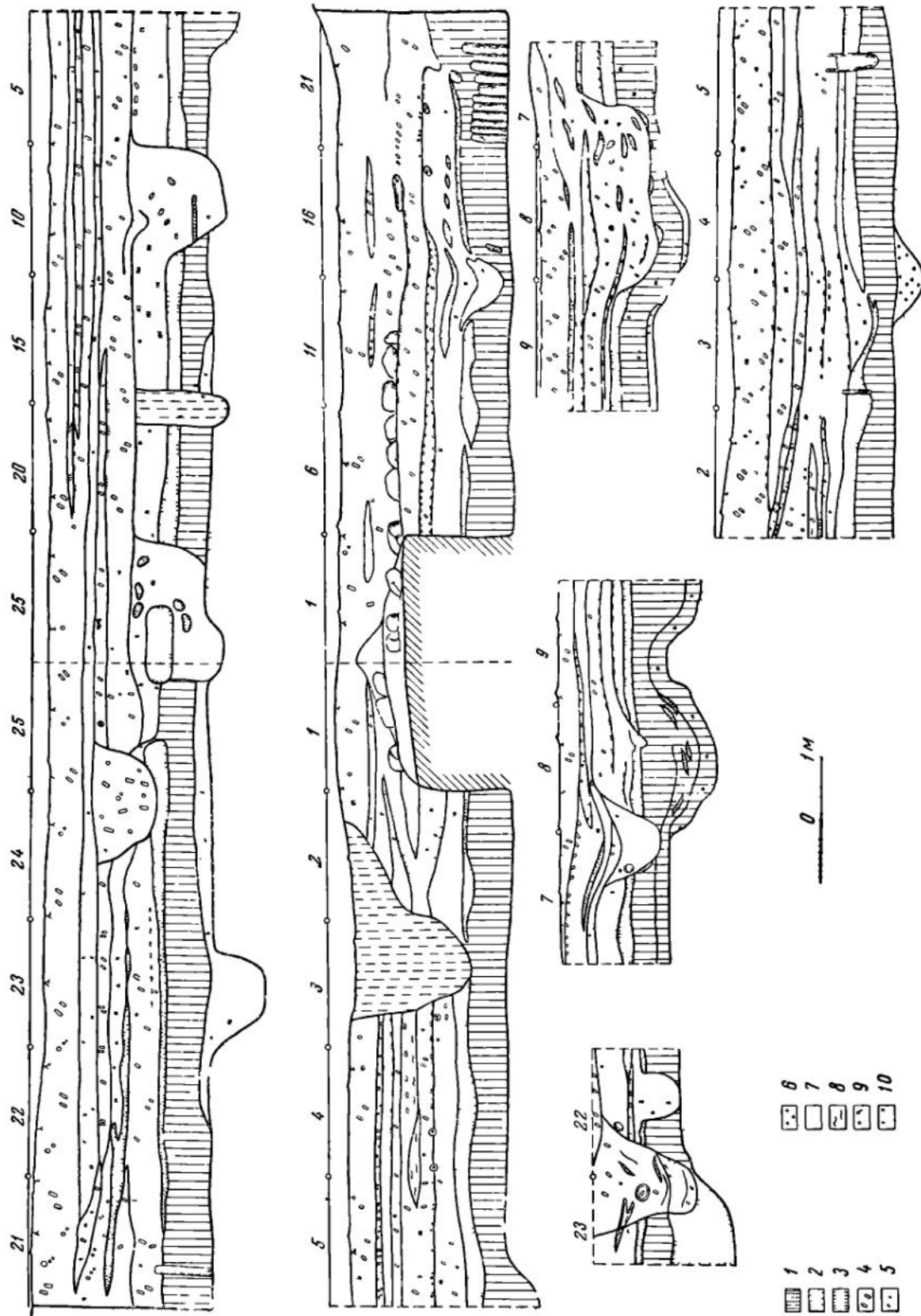

Рис 4 Профили основного раскопа.

1 — черный культурный слой, 2 — песок, 3 — перерытый слой 4 — кирпичный щебень 5 — уголь 6 — зола, 7 — древесный тлен, 8 — глина, 9 — известковый щебень, 10 — земля смешанная

идущую вскоре под дерновым покровом плотную красную глину — возможно след вала в основании стен Рубленного города.

Таким образом, разведка Стрелки показала, что при всех нарушениях стратиграфии большее количество находок раннего времени вплоть до следов дофеодалного поселка, оставившего лепную керамику, сосредоточено на самом мысу Стрелки. Территория к северу от собора была сильно застроена в XVI—XVII вв., и слой домонгольского времени здесь уничтожен почти начисто.

в

В связи с этими выводами разведок на территории Стрелки основной раскоп 10 × 10 м

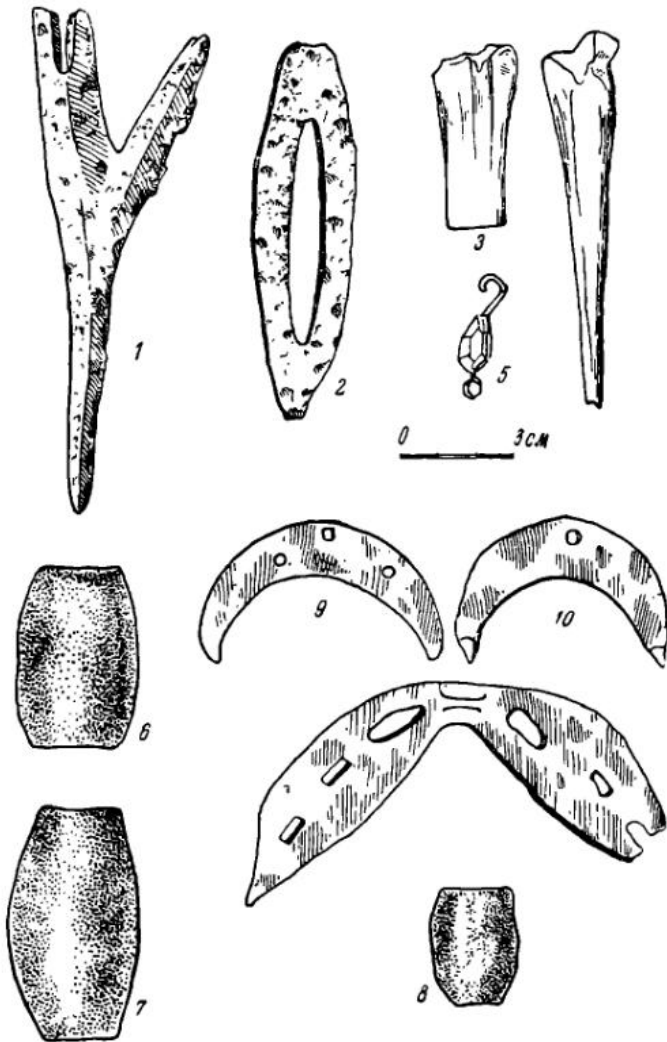

Рис. 5. Вещи из верхнего слоя.

был расположен к северу от разведочной траншеи 1938 г. за апсидами собора, примыкая вплотную к ее северному обрезу (рис. 3).

Общий характер стратиграфии здесь следующий (рис. 4). Верхняя свита слоев, лежа-

щих почти горизонтально, представляет отложения строительного щебня. С этим напластованием связан лежащий под щебнем слой гумуса, заканчивающийся снизу прослеженным по всей площадке раскопа настилом из плах. Темный культурный слой под настилом, ограниченный снизу засыпью песка, содержит мало находок. Слой песка совершенно стерилен. Под ним — пласт черного культурного слоя, идущий до материка; в его верхней зоне, непосредственно под песком, — следы сильного пожара — уголь, треснувший от огня камень, шлаки. Ниже слой идет ровно без ясных членений. Материк изрыт неглубокими ямами совершенно неправильной формы, может быть естественного происхождения; его верхний светлоглинистый слой содержит вкрапления мелких кусочков угля, под ним нетронутый материк — плотный красный глинистый песок (уровень 3.63 м).

Слой чистого песка, перекрывающий, повидимому, значительную площадь Стрелки (так как он обнаружен и под собором XVII в. см. ниже), представляет искусственную насыпь. Ее можно пока условно датировать началом XVI в., связав с большим пожаром Ярославля 1501 г. и последовавшей за ним постройкой, взамен рухнувшего Успенского собора, нового собора 1504 г., когда пожарище было засыпано песком. Таким образом, весь нижний пласт черного культурного слоя будет иметь верхней датой конец XV в.

Верхняя свита слоев в свою очередь делится на две неравные части упомянутым настилом (рис. 3) из совершенно истлевших сосновых плах на толстых продольных лагах; настил прижат сверху также продольными плахами. Со стороны собора настил ограничивался тыном из нетолстых бревен, часть тына сохранилась в юго-западном углу площадки. В западной части настил носил следы пожара. Настил можно датировать серединой XVII в. и связывать с постройкой в 1646 г. нового Успенского собора, существовавшего до наших дней. В 1658 г. был новый пожар, когда обгорел и собор, отремонтированный потом в 1674 г. Ионой Сыроевичем. Таким образом, слой меж настилом и песчаной засыпью будет предварительно определяться от начала XVI до середины XVII в., а слой над настилом — от середины XVII в. и позднее.

Эти определения подтверждаются всем составом инвентаря этих поздних слоев.

Верхние слои щебня относятся к XVIII—XIX вв. (монеты 1737 и 1769 гг., штофы с клеймами 1803 и 1819 гг.), нижние — к началу XVIII в., а слой земли под ними — к XVII в. (рельефные поливные изразцы, городчатая зеленая черепица, слюда, широкошляпочные фресковые гвозди). Не менее характерно, что черная лощеная керамика появляется лишь над насыпным песком (особенно часты большие корчаги с крышкой), а над настилом встречены заготовки для пряслиц из лощен-

ки, носики чернолощенных подвесных рукоянок, глиняная игрушка (конек-свистулька).

Из других предметов, найденных в слое XVI—XVII вв., но может быть связанных с более ранними, назовем два светца (№ 179, 987; рис. 5, 1), кресало овальной формы (№ 288; рис. 5, 2), подкову (типа Сарского городища, № 73; рис. 5, 11), глиняные рыболовные грузила (№ 8, 74, 109, 167, 382, 454, 728; рис. 5, 6—8). Обращает на себя внимание значительное количество костяных проколов и костяных полуфабрикатов (№ 67, 111,

Поверхность материка, как сказано, очень неровна, углубления заполнены гарью, колотым камнем. Нижний горизонт культурного слоя (в среднем 260—280 м до материка) содержит лепную и гончарную керамику (о керамике ниже), здесь найдены: 1) костяные проколки (№ 21, 349, 1160; рис. 6, 1, 4), костяная подвеска (№ 256; рис. 6, 3), обломок костяного гребня (№ 1145) и полуфабрикаты из кости и рога (№ 1145, 1159, 1235; рис. 6, 2); 2) шиферные пряслица (№ 20 — покрыто процарапанными крестиками; 276, 672 и 817;

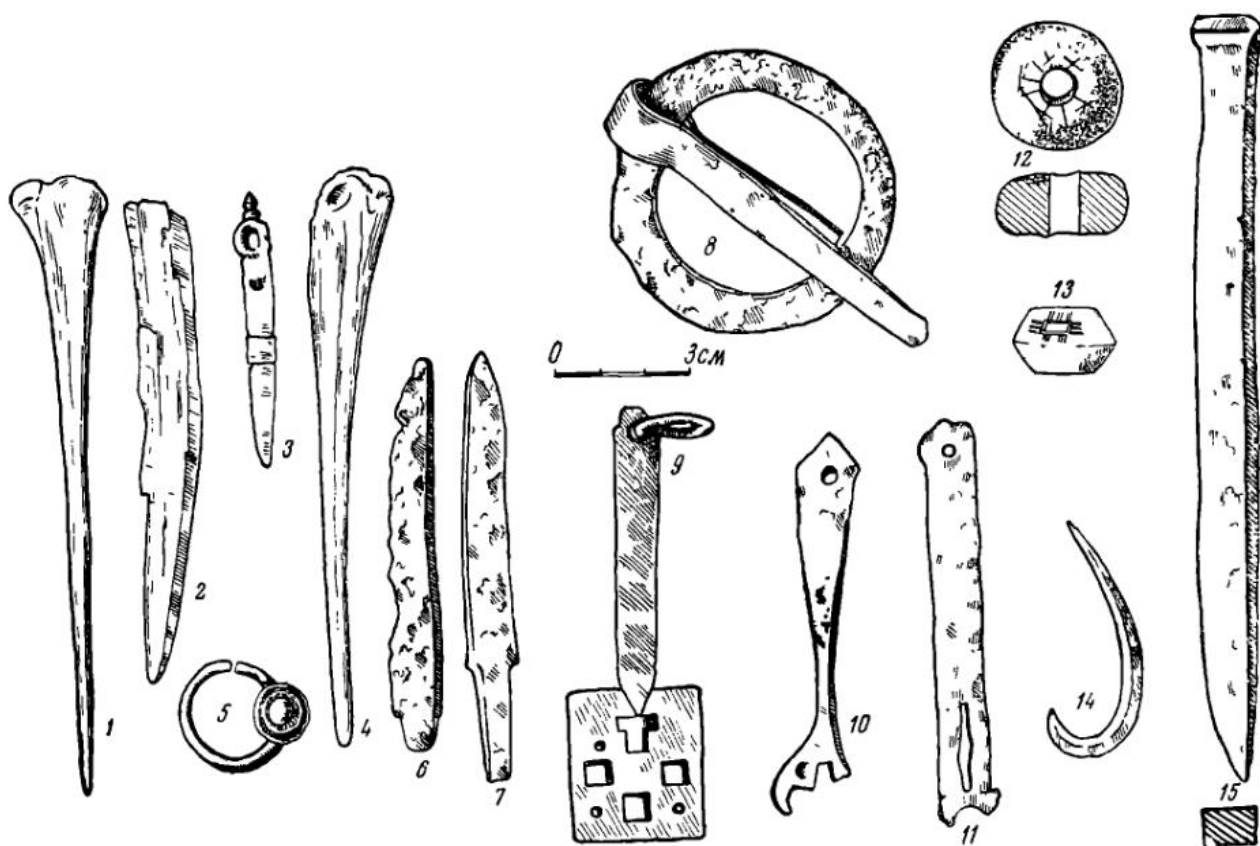

Рис. 6 Вещи из нижнего слоя.

184, 821, 188, 243, 286, 289, 381, 456, 1363; рис. 5, 3—4); любопытно, что чаще всего для поделок употребляли трубчатую кость пястья коровы. Из украшений встречены дешевые стеклянные бусы и серьга синего стекла (№ 246, рис. 5, 5). Настил был, видимо, мостовой площади, а не полом какого-либо сарая (на что может указывать его более или менее правильная форма): с ним связано большинство из найденных сапожных подколок (№ 112, 824, 1150а, 1168, 245, 726; рис. 5, 9—10), конская подкова (№ 247) и удила (№ 387—389).

Определив верхнюю дату культурного слоя под засыпью песка (начало XVI — конец XV в.), рассмотрение его мы начнем снизу от материка; ввиду однородности слоя, горизонты очень условны.

рис. 6, 12); 3) железное шило (№ 367), железный ключ лопаточкой (№ 378а; рис. 6, 9; подобный на Сарском городище), железная пряжка или кольцо (№ 1052; рис. 6, 8), ножи курганного типа (№ 353, 1380; рис. 6, 6—7), ладейная заклепка (№ 1344), рыболовное грузило (№ 1158), кованые гвозди, сапожная подковка, железный шлак; 4) обломок стеклянного браслета, небольшой серебряный бусень (№ 722, 452; рис. 6, 5), шиферная бусина (№ 409). Среди костных остатков определены клыки молодого медведя (№ 720—721), кости лошади, коровы, свиньи, собаки и лося.⁹ Таков бедный состав инвентаря раннего культурного слоя на Стрелке. Судя по

⁹ Определения костных остатков сделаны сотрудником ЯОКМ Н. В. Кузнецовым.

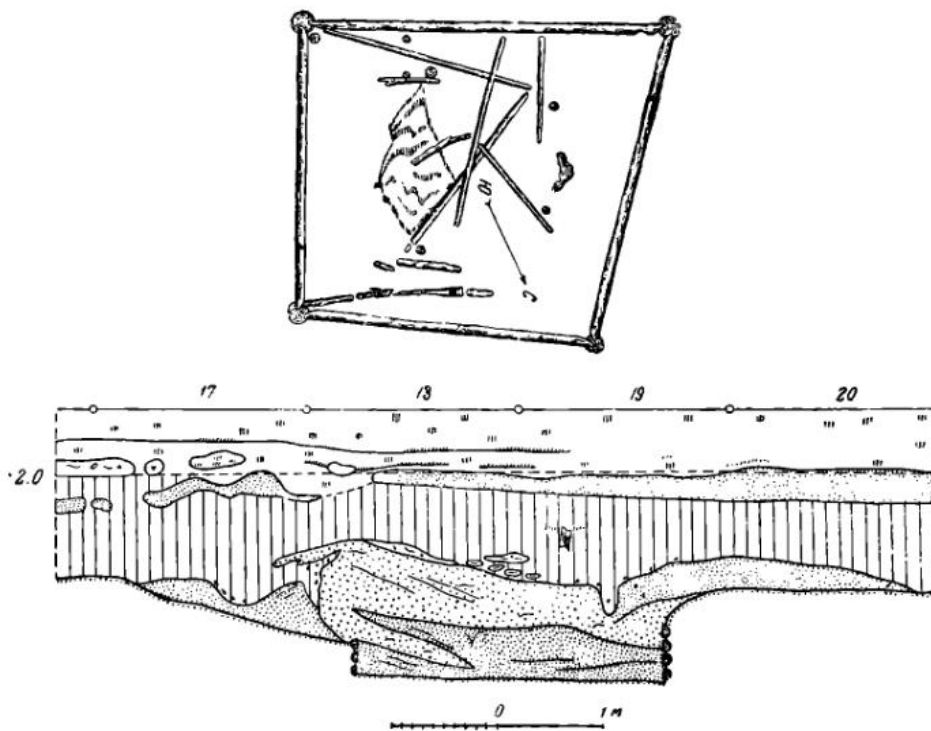

Рис. 7 Полуземлянка (обозначения см. при рис. 4).

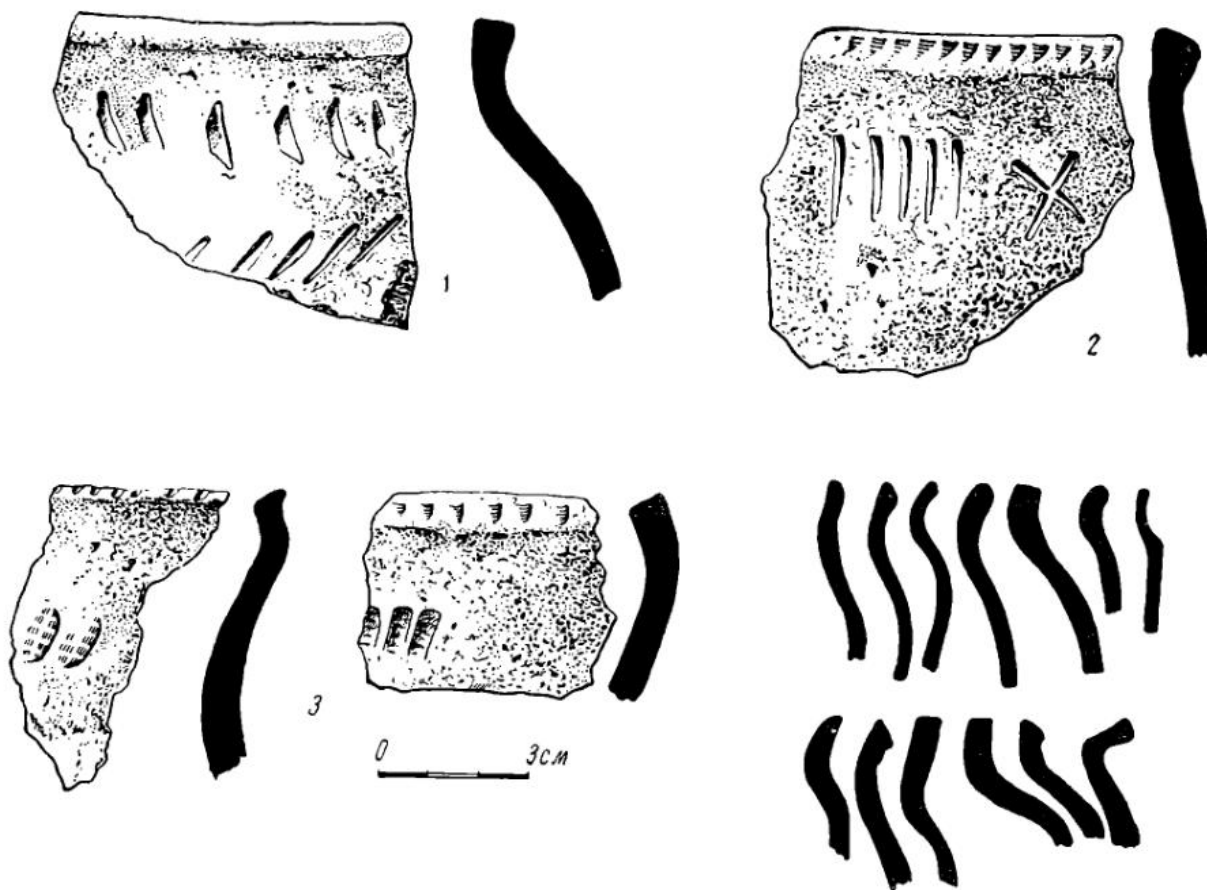

Рис. 8. Лепная керамика.

характеру лепной керамики (рис. 8), он может датироваться IX—X вв., определяя возникновение поселка временем задолго до княжения Ярослава Мудрого.

Верхняя дата этого слоя должна быть отнесена к началу XIII в.: здесь найдены обломки тесаного камня и поливной плитки от собора 1215 г. Можно датировать слой в целом IX — началом XIII вв.

С этим же слоем связаны остатки полуземляночного сооружения, вероятнее всего хозяйственного назначения (рис. 7). Это неправильной формы четырехугольная яма с отлогими краями, выбранная в плотном глинистом материке. В углы врыты бревна с вырубленными пазами, в которые положены колотые еловые плахи горбылем наружу; оставшиеся пустоты между плахами и краями ямы подсыпаны тем же вынутым грунтом. Часть плах стенок носит следы вторичного их применения: на их оборотной стороне имеются вырубленные чашек. Стенки из плах почти не поднимались над уровнем ямы или их верхние части были забраны более тонким, не сохранившимся материалом. Вся внутренность постройки была заполнена плотной массой красной глины с древесной щепой, лубом и еловой корой, возвышавшейся над ямой конусом. По расчистке на полу помещения обнаружен ряд тонких еловых жердей и места четырех неправильно расположенных по отношению к углам тонких стоек; одна из жердей имела на конце вилку, может быть это была одна из стоек, на которую опирались легкие стропильные жерди покрытия, которое могло быть как двух-, так и четырехскатным. На полу под жердями сохранились остатки еловой коры. Никаких признаков очага или печи нет. Ясно, что это не жилье. Может быть, однако, что это подполье какого-то наземного жилья, снесенного при одной из ранних расчисток территории Стрелки, а потому и заполненное почти чистым грунтом. Решить окончательно вопрос, что это, трудно ввиду почти полного отсутствия каких-либо находок: в глиняной засыпи найдены два горшка XII—XIII вв. (в осколках), прослежен тлен от небольшой деревянной мисочки; сюда же относятся золоченая боченкообразная бусина (№ 548), плавниковая кость осетра (№ 589), нож курганного типа (№ 636), железный шлак, ключ железный (№ 521; рис. 6, 10); мелкие обломки костей.

Следующий горизонт черного культурного слоя (глубина 2.40—2.60 м) по своему характеру очень близок к только что описанному: здесь найдены кирпичи от собора 1215 г. (№ 407—408), костяные проколки, пять шиферных пряслиц (№ 1232 — с меткой; рис. 6, 13), гвозди, долото или клин (№ 1298; рис. 6, 15), рыболовный крюк (№ 1115в; рис. 6, 14), ключ железный (№ 569; рис. 6, 11), обломок стеклянного браслета (№ 992а). Сре-

ди фрагментов керамики курганного типа интересен обломок горшка с процарапанным на его стенке до обжига знаком в виде трезубца, напоминающего знаки на грузиле из Владимирского детинца и на кирпиче построенной Юрием Долгоруким церкви в Остерском городце (рис. 9, 9). Наряду с местной керамикой встречаются обломки ручек и стенок больших амфоровидных сосудов-корчаг (№ 94, 667, 853, 991). Вероятно, своей большей частью этот слой принадлежит XIII в. и, может быть, лишь частично относится к XIV в.

На долю XIV—XV вв. остается верхний наиболее бедный горизонт черного культурного слоя; в это время выходят из употребления шиферные прясла и появляются прясла из черепков посуды (№ 688). Костные остатки принадлежат кабану, свинье, лошади, лосю, овце. Здесь также встречен плиткообразный кирпич старого собора, происходящий уже, по видимому, от его разрушения в 1501 г. Этот слой непосредственно перекрывается упомянутым выше насыпным песком.

4

Отчетливая стратиграфия основного раскопа позволила сделать попытку внести большую ясность в хронологическую характеристику керамического материала, которая находит свое подтверждение в материале наших раскопок других городов северо-востока: Муром, Владимира, Переславля-Залесского, Суздаля.

Основные зоны слоев раскопа у апсид собора сводятся, по изложенному выше, к следующим датам:

1) Верхняя зона, связанная со строительными остатками (кирпич, изразец XVII в.), вместе с верхней частью черного культурного слоя (до настила мостовой) имеют нижней датой середину XVII в., т. е. постройку собора в 1646 г., с которым и связано замощение площади.

2) Тонкий черный слой между настилом и песчаной засыпью датируется временем от середины XVII в. и до начала XVI в. — городского пожара, после которого территория Стрелки была засыпана и выровнена песком в связи с постройкой собора 1504 г. Присутствие сразу же под песком обильных следов большого пожара подтверждает правильность этой даты.

3) Мощный пласт черного культурного слоя ниже песчаной засыпи имеет, таким образом, верхнюю дату — конец XV в., и нижнюю — время возникновения поселения на Стрелке, т. е. приблизительно IX—X вв.

Ввиду однородности этого слоя, мы его расчленили условно на три пласта:

- а) 2.10—2.40 XIV—XV вв.
- б) 2.40—2.60 XIII—XIV вв.
- в) 2.80 — материк IX — нач. XIII в.

По этим группам, начиная снизу, мы и опишем характерные черты керамического материала.¹⁰

I. Черный культурный слой под засыпью песка (IX—конец XV в.)

1. Нижний пласт (IX—нач. XIII вв.)

А. Лепная керамика. Горшки по преимуществу со слабо выраженным венчиком, приближающиеся к баночной форме (рис. 8, 4). Типичен большой диаметр от 0.24 до 0.30 и выше. Тесто с примесью мелкой дресвы и песка, поверхность бугристая, иногда

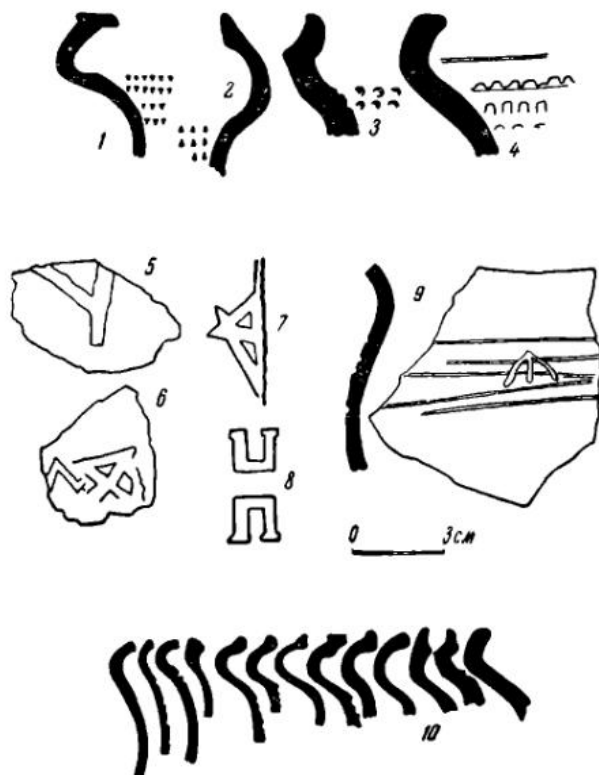

Рис. 9. Гончарная керамика XI—XIII вв.

слегка сглаженная. Тон темнокоричневый. По срезу венчика часто идут насечки или вдавления. Орнаментация штампом (№ 164, 411—413, 1372—74; рис. 8, 1—3). Здесь же найден штампик из кости для нанесения орнамента (№ 681а). Лепная керамика продолжала выделяться и после появления гончарной; ряд фрагментов подражает орнаментике гончарной посуды — волнистому узору (№ 435, 167, 936).

Б. Гончарная керамика (курганного типа). Горшки от слабо профилированного до развитого венчика, сравнительно небольшой выступ плечей (рис. 9, 10). Типичен средний диаметр от 0.16 до 0.23. Тесто с примесью песка или мелкой дресвы, поверхность матовая, охристо-розовая. Обжиг средний. Волни-

¹⁰ Подготовительная проработка керамики проделана сотрудником экспедиции Т. Г. Головлевой.

стый и параллельный орнамент. Характерна связь с лепной: применение для орнамента штампа и насечки (№ 430, 28, 1332, 1336, 79; рис. 10, 1—4). Клейма редки (рис. 10, 5—8)

2. Средний горизонт (XIII—XIV вв.)

А. Лепная. Встречены единичные фрагменты. Исключительно баночной формы. Явное доживание последних экземпляров (рис. 10, В).

Б. Гончарная (курганного типа). Характер теста, обжига, цветность — те же. Профиль венчика сильно усложняется, крутой изгиб шейки. Наряду с этим идет упрощение формы, венчик прижимается к телу сосуда и приобре-

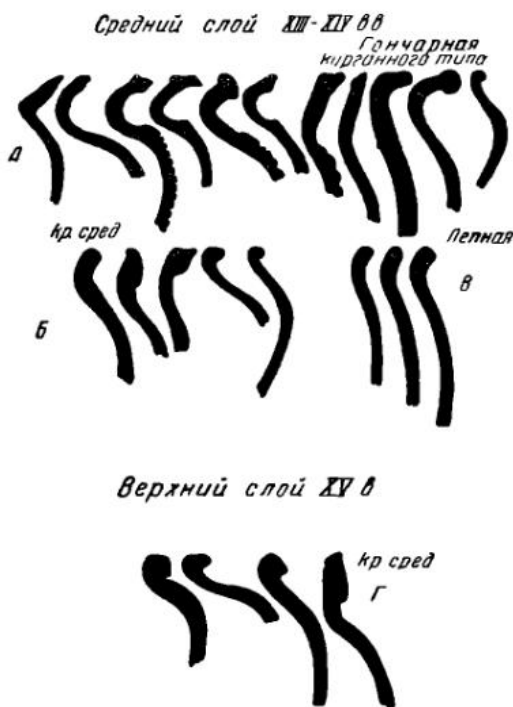

Рис. 10. Профили гончарной керамики XIII—XV вв.

тает форму простого валика по краю горла (рис. 10, А). Фактура этих последних образцов сближается с «средней красной» (см. след. группу).

В. Гончарная («красная средняя»). Наряду с последней группой керамики курганного типа появляется отличная по фактуре керамика с более тонким тестом, сравнительно высоким обжигом и коричневой, слегка залощенной поверхностью. Характерно упрощение формы венчика по пути к превращению его в простой валик (рис. 10, Б).

3. Верхний горизонт (XIV—XV вв.)

Б. Гончарная (курганного типа). Единичные обломки, близкие к последней группе В слоя XIII—XIV вв.,

В. Гончарная («красная средняя»). Фактура прежняя. Венчик еще более упрощается (рис. 10, Г).

II. Слой над песком (с начала XVI в.)

Слой под настилом (1501—1648 гг.). Господствует «красная средняя» керамика (В). Как правило, венчик упрощается, становится валиком у края сосуда. Наиболее яркий признак — темнокоричневая расцветка и глянецовитая, сглаженная поверхность. Рядом со «средней красной» керамикой появляются:

Г Поздняя красная. Профили похожи на «среднюю красную»; отличие: высокий обжиг, яркокрасная поверхность сосуда, звонкий черепок с сплошным красным телом.

Д. Черная лощеная. Преимущественно большие корчаги.

Группы Г и Д характерны и для верхних слоев середины XVII и XVIII вв.

ный столб сложен на основании из крупной булыги, его цокольная часть сложена из белого камня. Характерно, что слой между стеной и столбом представляет полную аналогию культурным напластованиям основного раскопа: здесь также две зоны черного слоя, расчлененные песчаной засыпью. Следовательно, слой под полом собора представлял собой нетронутый строительством участок, на котором и был поставлен в 1646 г. новый кирпичный собор. Как видно по профилю, котлован для пилона вынимался в этом слое вновь, пространство до стены сохранило слой совершенно целым. Никаких следов полов и т. п. от построек 1215 и 1504 гг., таким образом, нет, равно как в щебне стен нет ни одного обломка белого камня. Вывод, что собор 1646 г. стал на новом месте, подтверждается положением цокольной части столба, она находится как раз в уровне отложений XVII в. основного раскопа.

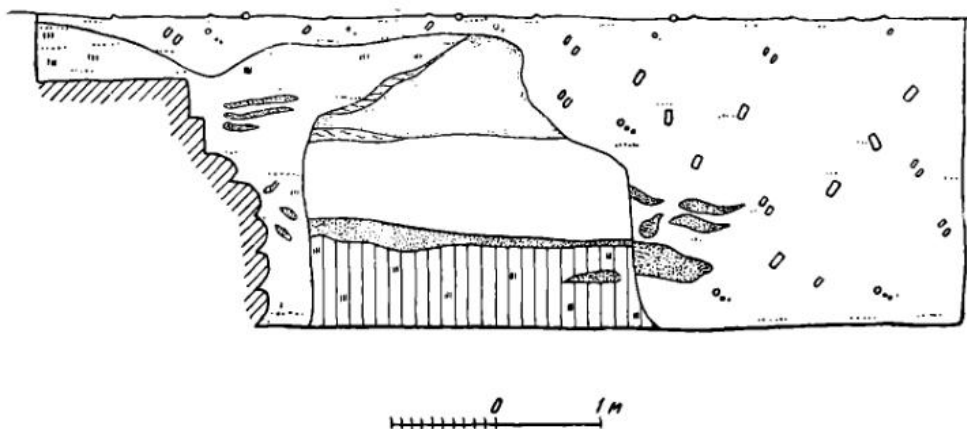

Рис. 11. Профиль раскопа на месте собора (обозначения см. при рис. 4).

Б

Разведка на площадке ныне не существующего собора 1646 г. (шурф XV) имела задачей установить место древнего Успенского собора 1215 г. и отношение его к зданиям 1504 г. и 1646 г. Собор 1215 г. был не городским большим собором, но дворцовым храмом на княжеском дворе. Летопись отмечает, что князь Константин ростовский «заложи церковь камню на Ярославли на дворе своем». ¹¹ Из расчета, что собор 1215 г., как дворцовый храм, был меньшего масштаба, чем последующие постройки, ¹² был заложен шурф шириной 3.0 м между северо-западным столбом собора и северной стеной (рис. 11). Стена собора оказалась начисто выбранной, ее ров был завален щебнем крупного кирпича совершенно единообразного размера. Северо-запад-

Культурные остатки обеих зон черного культурного слоя исключительно отчетливы: над песком поздняя керамика до лощеной включительно, под песчаной засыпью в верхних горизонтах — керамика XIV—XV вв. («красная средняя»), в нижних — почти исключительно курганная в больших обломках, единичные фрагменты лепной, маленький осколок стеклянного сосудика, часть черепа лося.

Таким образом несомненно, что Успенский собор 1646 г. никак не связан ни с собором 1504 г., ни с собором 1215 г.

Однако в слоях основного раскопа были встречены остатки собора 1215 г., достаточно хорошо определяющие его связь с владимиро-суздальским зодчеством XIII в. Обломки плиткообразного кирпича (19×17×5 см) желто-красного тона, раковистые в изломе (№ 40, 875, 988) почти тождественны кирпичу Успенского собора «Княгинина» монастыря во Владимире (1200—1202 гг.); ¹³ об-

¹¹ Лаврент. лет. под 1215 г.

¹² Существовавший до 1937 г. Успенский собор 1646 г. имел размеры 29×23 м; дворцовая церковь в Кидекше 1152 г.—18.5×14.75 м.

¹³ Наши разведки 1938 г.

ломок лекального полукруглого кирпича (диам. 17,5 см, толщиной 5,5 см) также аналогичен лекальному кирпичу «Княгинина» собора и применялся очевидно для выкладки полуколонн пилястр (№ 407). Обломок плитки пола, покрытой желтой поливой, в форме ромба, со скошенными книзу кромками (№ 1157) — характерная деталь убранства храмов XII—XIII вв.

В ЯОКМ хранятся несколько фрагментов резного камня. Один из них принадлежит, вне сомнения, собору 1215 г. Это плоская морда,

Таким образом, собор 1215 г. сочетал кирпичную кладку с белокаменными деталями, как это было раньше в архитектуре Чернигова¹⁷ и Старой Рязани,¹⁸ и имел майоликовые полы.

6

В рельефе треугольника, образуемого слиянием Которосли и Волги, обращает на себя внимание высокий мыс при выходе к Которосли оврага Медведицы. В настоящее время он

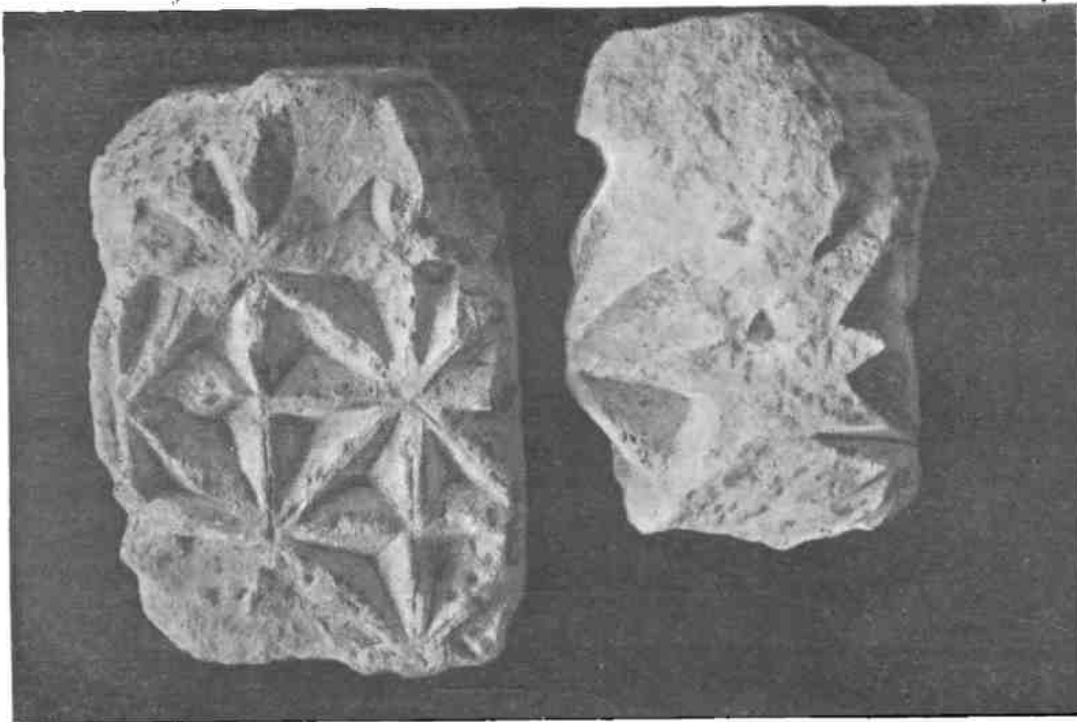

Рис. 12. Фрагменты резного камня.

полузвериная — получеловеческая, представляющая, по видимому, часть целой фигуры.¹⁴ Рельеф найден к северо-западу от собора 1646 г. на месте б. соборной колокольни XVII в. Два других фрагмента ЯОКМ (рис. 12) с меньшей уверенностью могут быть отнесены к собору 1215 г. Это два обломка небольшого (18 × 12 см) прямоугольного камня, украшенные по своим вертикальным сторонам геометрическим орнаментом из треугольных врезов, образующих вписанные в квадрат многолучевые звезды.¹⁵ Характер резьбы, ближайшим образом напоминающий резьбу по дереву, находит аналогии в резьбе колончатого пояса Дмитриевского собора во Владимире.¹⁶

¹⁴ Колл.: № 1133, размеры: 15 × 13 см. Рельеф издан в нашей работе «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв.». М., 1945, рис. 33.

¹⁵ Колл. № 1134.

¹⁶ Белокаменная капитель упрощенного коринфского ордера (колл. № IX, 685; высота — 0,16, поперечник — 0,20 м) относится скорее всего к собору XVI или XVII вв.

сильно застроен: его северный участок занимает церковь Спаса, далее к югу его пререзает спуск дороги; на оставшейся площадке с востока стоит старая сторожевая будка. Разведочным шурфом (III) было установлено наличие на этом участке культурного слоя с текстильной керамикой, в связи с чем раскоп был расширен до площади 60 м², охватив весь участок мыса (рис. 13).

Общая толщина культурного слоя равна в среднем 1,0—1,10 м. Площадка была занята кладбищем при церкви; отдельные погребения опущены до материка, большая часть его не достигает; эта часть погребений находилась непосредственно под дерном, так как значительный пласт земли с этой площадки был в недавнее время снят для производства плани-

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Чернигове. КС ИИМК, вып. XXI. М., 1947, стр. 41.

¹⁸ Г. Ф. Корзухина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII вв. Сборник I аспирантов ГАИМК. Л., 1929.

ровочных и строительных работ. Все погребения не старше конца XVII в., т. е. после постройки церкви Спаса (1672 г.), при трех из них найдены характерные медные гельные кресты XVIII в. (№ 144, 392, 423);¹⁹ костяки в досчатых гробах; верхний ярус могил разрушен съемкой земли, нижний — совершенно истлевшие, благодаря сухому грунту, остатки. Кроме

Единичные фрагменты той же керамики встречаются в верхнем слое площадки в уровне первого яруса погребений XVII—XVIII вв.; наряду с ними найдена костяная проколка, два обломка стеклянного браслета (№ 311, 383), шиферное пряслице (№ 463). Таким образом, до размещения здесь кладбища, участок имел напластование XII—XIII вв. Следовательно, по-

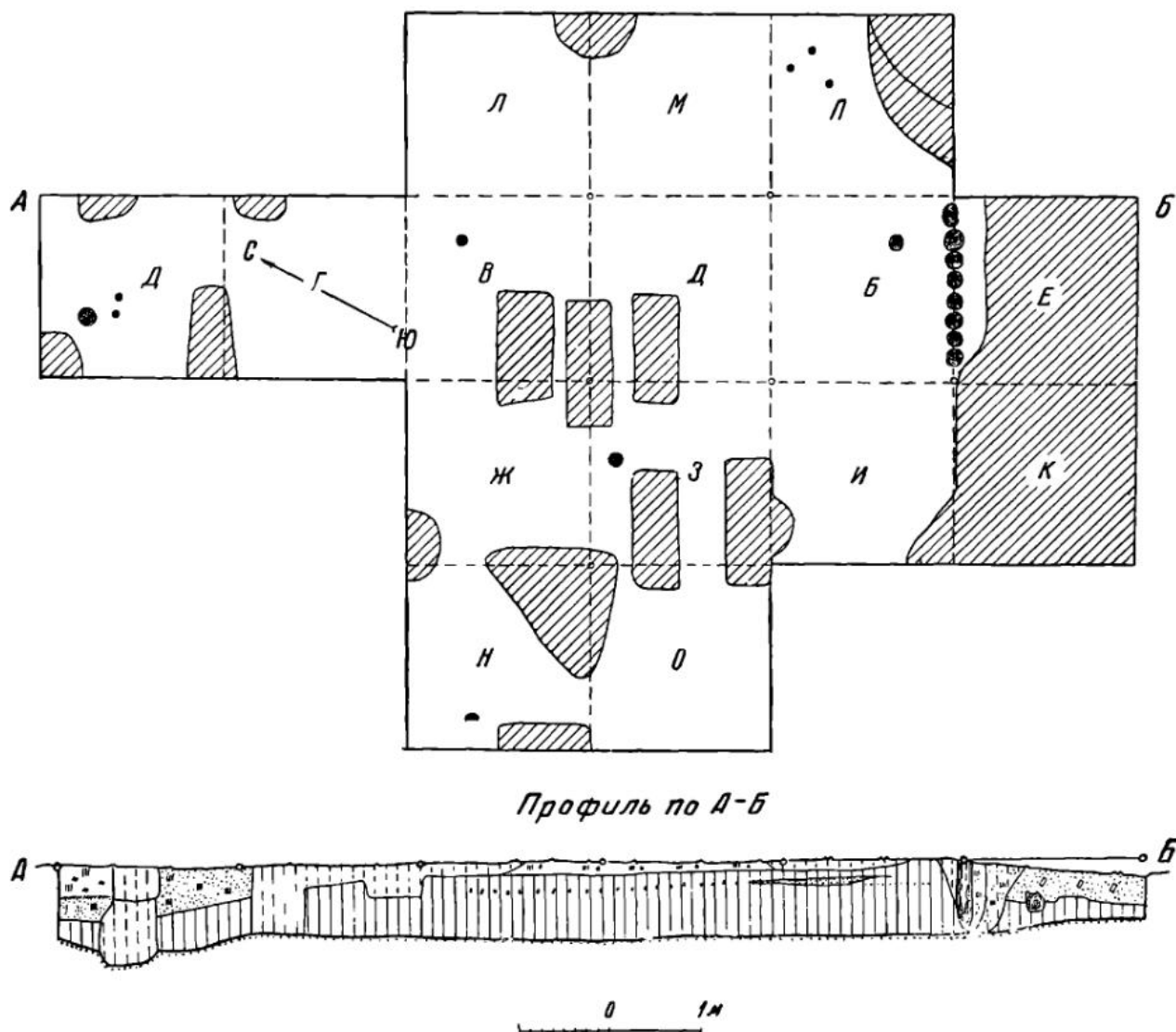

Рис. 13. План и профиль раскопа у ц. Спаса на Городу (обозначения см. при рис. 4).

этих нарушений культурного слоя, в восточной части он прорван несколькими мусорными ямами, а с южной стороны ямами с кирпичным щебнем. Здесь, параллельно склону мыса, уцелел участок тынового ограждения: нижние концы бревен, поставленные в неглубокий ровик и утрамбованные песком. В песке несколько фрагментов керамики XII—XIII вв.

¹⁹ Номера в скобках соответствуют нумерации коллекции ЯОКМ по особой описи находок из раскопа у церкви Спаса на Городу.

селение уже выходило в это время за черту Рубленного города. Остатки тына, может быть, являются следом защитной ограды этого поселения, соединявшей Рубленный город со Спасским монастырем, о чем говорилось выше.

Культурный слой площадки состоит из двух пластов: верхнего — сухого песчано-гумусного и второго, — лежащего на материке, плотного гумуса пепельно-серой окраски с значительным количеством обгорелого и колотого булыжного камня и обожженного гранита. По местам в этом нижнем слое прослеживаются

тонкие линзы угля и золы, иногда сопутствующие также тонкими белыми пятнами истлевших до состояния порошка костей, вероятнее всего рыбьих (в одном случае сохранилась мелкая чешуя); единичные находки костей крупных животных принадлежат: лошади, свинье, бобру, лосю; из мелкой дичи определены кости зайца и птицы (?).

В нижнем слое находки представлены почти исключительно текстильной керамикой

При зачистке плотной поверхности материка никаких следов жилищ не обнаружено, прослежено лишь несколько пятен от деревянных стоек или шестов, которые могли служить подпорками навесов или шалашей (рис. 13).

Попытки проследить наличие описанного культурного слоя на территории к северу от места раскопа (шурф III-Р между панелью и мостовой на набережной) и к юго-западу от церкви Спаса (шурф III-С) дали отрицатель-

Рис. 14. Керамика из раскопа у ц. Спаса на Городу.

(рис. 14). Это обломки плоскодонных сосудов. Массивные днища с карнизиком часто также имеют отпечаток ткани. Венчик прямой или слегка отогнутый, иногда украшен насечкой. Орнаментация шейки сосудов сделана при помощи штампов, в том числе ямочного и гребенчатого. Несколько фрагментов со шнуровым орнаментом (№ 77, 280, 163), особо тонок по технике № 401; в квадрате *H* найден маленький горшочек с насечкой по венчику (№ 402), очевидно применявшийся для культовых надобностей. Характерно присутствие одного фрагмента с архаической ямочно-гребенчатой орнаментацией неолитоидного типа (№ 349); наряду с этим встречены единичные куски кремня со следами сколов (№ 328) и кремневый нуклеус (№ 111). Отдельные предметы говорят о знакомстве с металлом: медные шлаки, обломки двух бронзовых колечек (№ 432—433) и бронзового стерженька (№ 109), два маленьких обломка оселка (№ 249, 317). Найден также обломок маленького верхнего камня от зернотерки (№ 352).

ные результаты. Шурф III-Р, доведенный до глубины 4.0 м, обнаружил такие же, как и на площади у собора, поздние культурные напластования, идущие вплоть до материка (уровень 2.70). Шурф III-С дал также поздние отложения: под слоем перегноя со щебнем, костями животных, обрезками кожи выступают два бревна очень свежие; в слое — лощеная керамика, монеты XIX в. Под бревнами сырой ровный перегной, находки те же. Уровень материка 2.65—3.00. Очевидно, культурный слой сохранился лишь на самом конце Медведицкого мыса.

Керамика Медведицкого поселения исключительно близка к керамике древнейших городищ Верхнего Поволжья: у с. Городок около станции Волга, второго Скнятинского и у села Городища под Калязиным, — датируемых П. Н. Третьяковым серединой I тысячелетия до н. э.,²⁰ совпадает и состав костных остатков.

²⁰ П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, IX. М.—Л., 1947, стр. 74—75.

Медведицкое поселение является четвертым в группе этих городищ.

7

Подведем коротко итоги.

Медведицкое городище середины I тысячелетия до н. э. является памятником древнейшего поселения на территории современного Ярославля. Никаких следов поселений позднейшего времени, связывающих эту эпоху с началом собственно Ярославля, пока не обнаружено. Полтора тысячелетия отделяют этот древний поселок от возникновения поселения на самой Стрелке.

Материал нижнего горизонта культурного слоя Стрелки дает основание датировать возникновение поселения здесь IX—X вв. Лепная керамика очень близка к лепной керамике нижнего слоя Муром, ²¹ Суздаля, ²² древнего Белозерского городища, ²³ наконец, керамике Ярославских могильников — Михайловского и Тимеревского. ²⁴ Ярославское городище принадлежит тому же русскому населению, которое оставило эти верхневолжские некрополи. Оно основалось на Стрелке по меньшей мере за два столетия до 1024 г. и вмешательства Ярослава Мудрого в жизнь мятежного северо-востока.

Новейшие исследования курганов Михайловского и Тимеревского могильников установили новые факты, свидетельствующие о наличии пережитков в среде этого населения медвежьего культа. ²⁵ Напомним, что среди единичных костных остатков в нижнем слое Стрелки определены два клыка молодого медведя. Это проливает свет и на легенду о прото-ярославском поселке Медвежий угол, с сопротивлением которого столкнулся Ярослав, якобы убивший здесь священного зверя — медведя и заложивший Рубленый город — древнейшее ядро феодального Ярославля. Легенда приобретает еще большую историческую вероятность. Видимо и здесь старое русское языческое население, осваивавшее Волгу уже в течение двух столетий, яростно сопротивлялось проникновению в эти удаленные окраины Киевской державы княжеских дружин и данщиков. ²⁶

²¹ Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. КС ИИМК, вып. XXI, М.—Л., 1947.

²² Н. Н. Воронин. Краткий отчет о раскопках 1936 г. в Суздале. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 94; А. Д. Варганов. Из ранней истории Суздаля. КС ИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946.

²³ П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в южном Белозерье. МИА СССР, № 6, М.—Л., 1941, стр. 91.

²⁴ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. Там же, стр. 70—72.

²⁵ Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 66—70.

²⁶ Ср. Н. Н. Воронин. Медвежий культ. Стр. 176.

Повидимому, определение летописи, что восстание смердов 1024 г. произошло «в Суждали», следует понимать не как указание на город Суздаль, но как «Суздальскую землю», включая и Поволжье, с чем вполне согласуется и пояснение летописи, что мятеж и голод разлились «по всей той стране» и все люди «идоша по Волзе... в Болгары, и привезоша жито и тако ожиша». ²⁷ От Суздаля до Волги весьма далеко. Естественно думать, что как в 1071 г., так и в 1024 г. восстание вспыхнуло не только в сердцевине земли — черноземном суздальском «опольи», но охватило и поволжский край. Слой древнейшего поселения на Стрелке (кажется, теперь можно назвать его собственным именем: Медвежий угол) очень беден, как бедны начальные слои, лежащие в основе отложений феодального Муром и Суздаля. Население, видимо, очень немногочисленно, его материальная культура довольно примитивна.

Слой XI—XIII вв. по составу находок дает картину, в общем довольно типичную для древнерусского города домонгольской поры. Если можно делать какие-либо выводы на основе собранного по существу разведочного материала, то стоит отметить некоторые черты быта древнего Ярославля: значительное развитие рыболовства, о чем говорят многочисленные грузила от сетей, наличие ладей с набоями на железной клепке; слабость связей с югом и даже Владимиром, отражена почти полным отсутствием стеклянных браслетов (найдено всего три). Остатки весьма примитивной постройки, вероятно хозяйственного назначения, связанной с этим нижним слоем, очень невыразительны, а реконструкция ее проблематична; ее полужемляночный характер напоминает подобные полужемляночные жилища в Суздале (но с иной деревянной конструкцией). ²⁸

Где-то на территории Рубленного города стал в XIII в. княжеский двор с красно-белым дворцовым храмом. Представление об ансамбле этого двора дает позднейшее житие Федора Ярославича. Когда умирающего князя понесли в Спасский монастырь для пострижения, то «ударюша во все колокола на дворе у святые богородицы и стечеса весь град на княж двор... и понесоша с сеной князя всквозе весь град в монастырь святого Спаса и бысть плач неутешим овии убивахуся о землю, инии — о мост градный...» ²⁹ Перед нами, несомненно, огражденный вымощенный деревом княжеский двор; у храма «на дворе» — звонница с колоколами. Хоромы дворца двухэтажны и имеют лестничную башню или вход — «сени», с которых «сносят» умирающего князя. Словом, — картина

²⁷ Лаврент. лет. под 1024 г.

²⁸ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля. КС ИИМК, вып. XI, М.—Л., 1945.

²⁹ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, М., 1915, приложения, стр. 91.

типичная как для далекого юго-запада (дворец князя Владимира галицкого), так и для северо-востока (Боголюбовский дворец).

Город уже в XII—XIII вв. выходил за черту укреплений старого Рубленного города, как об этом свидетельствует слой этого времени на Медведицком мысу. По краю высокого берега Которосли к Спасскому монастырю шла сравнительно легкая тыновая ограда. Возможно, что и линия укреплений Земляного города зародилась в это раннее время; отсутствие летописных упоминаний об этом не должно смущать: точно так же летописец обошел молчанием, например, сооружение большого вала, окружившего посад Суздаля. Археологические

разведки и наблюдения за строительством в черте Земляного города позволят дать окончательный ответ на этот вопрос.

Слой монгольской поры XIII—XV вв. на вскрытом участке около собора очень беден и не дает сколько-нибудь выразительной картины жизни города в это время.

Из материалов позднейшего времени интерес представляют остатки деревянного настила середины XVII в.

Подчеркнем, что все эти выводы построены на материале разведочных по своему масштабу раскопочных работ и могут быть изменены или уточнены последующими более крупными и длительными исследованиями.

И. Н. Воронин

РАСКОПКИ В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

1

В 1152 г. князь Юрий Долгорукий «Переяславль град перевод от Клещениа и заложил велик, и церковь камену в нем доспе святаго Спаса и исполни ю книгами и мощми святых дивно». ¹ Тогда же Юрий поставил город Юрьев-Польский и заложил в нем собор Георгия. Это было строительство укрепленных центров княжеской власти в наиболее густо населенных районах Суздальщины. Оба города стали на узлах водных артерий края: Переяславль — в низине на устье р. Трубежа, Юрьев — поблизости от слияния Гзы с р. Колокшей. Предшественник Переяславля город Клещин, упоминаемый еще в позднейшем списке «русских градов» конца XIV в. ² и возникший, повидимому, в XI—XII вв. лежал в 3—4 км на восток от Переяславля также на берегу озера; его земляные валы сохранились до сих пор у с. Городище. ³ Однако мелководье озера около городка вскоре заставило покинуть его в пользу более удобного места, где течение медленного Трубежа прокладывало в водах озера глубокий фарватер. Мощные земляные валы Переяславля, прекрасно сохранившиеся донныне, общим протяжением до 2,5 км и вышиной до 10 м, были одним из крупнейших военно-инженерных сооружений северо-восточной Руси XII в., уступая лишь укреплениям Владимира. ⁴

Ядро населения этих юрьевых крепостей составляли, вероятно, княжеские гарнизоны, сюда же князь привлекал и постоянных переселенцев. В. Н. Татищев сообщает, что в этих городах, «приходя, множество болгар, мордвы, венгров [угров], кроме русских, сели-

лись и пределы яко многими тысячи людей наполняли»; этому пришлому населению своих городов Юрий «не малую ссуду давал, и в строениях и другими подаяниями помогал». ⁵ Приозерный район Переяславля сохранил большое количество городищ и курганных могильников и XI—XII вв., и более раннего времени. Однако оставалось неясным, было ли такое более раннее поселение на месте крепости 1152 г.

Второй вопрос связывался с древнейшим памятником владими́ро-суздальского зодчества, сохранившимся в Переяславле, — Спасо-Преображенским собором 1152 г., начатым Юрием и достроенным Андреем Боголюбским. Заложенный вход на хоры собора в его северной, обращенной к валу стене (рис. 1) уже давно возбуждал вопрос о размещавшемся на этом участке княжеском дворе и переходах, связывавших его здание с хорами. Этот вопрос и должны были осветить раскопки. ⁶

2

В старой литературе упорно держалась версия о расположенных к северу от собора «теремах» и «деревянных всходах», или «крыльцах», подводивших к загадочной двери на хоры. Так, И. М. Снегирев писал: «в северной стене на палатах видна закладенная дверь к коей извне приделан был прежде крытый деревянный всход», и далее: «На северной стороне — ямы и остатки фундамента в земле показывают следы зданий и близ этого собора. Местное предание свидетельствует, что здесь некогда была церковь во

⁵ В. Н. Татищев. История Российская, кн. III, М., 1774, стр. 76.

⁶ Раскопки были организованы и финансированы Переяславль-Залесским краеведческим музеем совместно с ИИМК; руководящий состав: И. Н. Воронин и помощник руков. Н. А. Левитский, в процессе работ постоянно участвовали сотрудники музея. Необходимо отметить большую помощь и интерес к работе со стороны директора музея К. И. Иванова и сотрудника музея Г. С. Тимофеева.

¹ ПСРЛ, XXIV, стр. 77.

² ПСРЛ, VII, стр. 241.

³ П. Н. Третьяков. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939, стр. 68.

⁴ Можно предполагать, что валы дополнялись обводненными рвами. П. П. Плишкин. Историческое описание г. Переяславля-Залесского. М., 1802, стр. 9—10.

имя св. Екатерины и княжеские терема».⁷ В другом варианте того же издания Снегирев писал: «[дверь] как полагают, вела в княжеские терема, некогда стоявшие близ собора на погосте, или примыкала к колокольнице, какие нередко приделывались к северной стене в древних церквях».⁸ Рукописная «пояснительная записка» к проекту реставрации собора Рождественского монастыря во Влади-

Рис. 1. Спасо-Преображенский собор.
Вид с северо-востока.

мире, составленная при участии К. Н. Тихонравова, указывает, что близ северной стены Переславского собора есть «фундамент, как говорит предание, княжеского терема».⁹

В 1853 г. сотрудник А. С. Уварова П. С. Савельев впервые произвел раскопки в Переславле-Залесском. Исследованию была подвергнута территория около Спасо-Преображенского собора. Савельев искал древний княжеский дворец и погребения переславских князей.¹⁰ Собор был опоясан рядом кривых траншей, давших весьма любопытный

материал; однако полное отсутствие точной научной фиксации раскопок и затем исчезновение самих вещей не позволяют сделать никаких выводов из раскопок Савельева. Публикуемый план траншей («План разрытий вокруг Преображенского собора в г. Переславле-Залесском»; рис. 2), вместе с данными очень краткого «дневника»,¹¹ позволяют сделать лишь общую сводку полученных материалов.¹² В траншее А (около апсид) был вскрыт ряд поздних погребений с надгробиями XVII—XVIII вв.; В — насыпная земля; а — кирпичный склеп XVII—XVIII вв.; б — скелеты с медными крестами и серьгами; с — надгробия XVI—XVIII вв.; С — мусор со следами жилых построек; D — несколько также поздних погребений; E — в восточной части — строительный щебень, гнилые бревна, следы ограды; здесь же найдено основание столба, на котором было поставлено когда-то изображение Спаса (d);¹³ G — ничего, кроме кирпичного щебня, не отмечено; F — в восточной части щебень, строительные остатки, бревна (e), сруб колодца (f), бревна, керамика, рыболовные грузила, молоток (g); H — ничего кроме кирпичного щебня не отмечено; I—K — бревна, кирпич, остатки печей и построек, изразцы, слюда, ножи, пробои, крюки, гвозди, пряжки, кубышка с серебряными монетами Ивана IV, медный перстень, наконечник стрелы; L — следов построек нет; M — несколько погребений, в том числе с плитами XVI в. (l—k), и около юго-западного угла собора «три белокаменные ступени» (h); в траншее N — только щебень и насыпная земля.

Таким образом, раскопки Савельева, прорезавшие рядом траншей территорию около собора, нарушив ее целостность, не могли, в силу их варварской «методики», дать какой-либо ясной исторической картины. На основе приведенного обзора можно лишь заключить, что участок около собора был чрезвычайно насыщен поздними погребениями и также поздними (XV—XVIII вв.) строительными остатками. Вопрос же о «княжьем дворе» около собора так и остался совершенно невыясненным. Из данных раскопок Савельева ясно, что никаких остатков белокаменных строений обнаружено не было, что, следовательно, и при новых раскопках можно было рассчитывать в лучшем случае лишь на остатки каких-либо деревянных зданий около собора.

¹¹ Материалы П. С. Савельева в архиве ИИМК АН СССР. Фонд № 8, дело № 4.

¹² На рис. 2 сохранены обозначения Савельева.

¹³ По словам Савельева, изображение считалось «исцеляющим» лихорадку и было основательно обкусано больными. Не был ли этот Спас резным камнем подобно тому, как в Боголюбове пользовалась популярностью «целебной» знаменитая четырехликая капитель, изгрызанная страдавшими зубной болью верующими?

⁷ А. Мартынов. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Ф. М., 1851, тетрадь 1, стр. 2.

⁸ То же издание, малый формат. М., 1848, вып. 1, стр. 11.

⁹ Из бумаг К. Н. Тихонравова в собрании автора.

¹⁰ ЖМНП, ч. 84, отд. 7, стр. 26.

Площадь, охваченная раскопками 1939 г., составила 184 м². Как показывает рис. 2, она в значительной части включает и траншеи 1853 г. Однако при самом тщательном наблюдении точно установить, где кончаются раскопы Савельева и где начинается нетронутый им культурный слой, не удалось: площадь квадратов 1—25 характеризуется общей нарушенностью стратиграфии многочисленными погребениями, кирпичной и деревянной

что погребения не выходят за пределы этой ограды и ориентируются соответственно с ней (см., например, погребения № 5, 7—11); эта связь позволяет установить общую позднюю дату как ограды, так и погребений (XVI—XVII вв.). Кирпич ограды (разм. 28 × 12 × 8 см) характерен для указанного времени, среди щебня встречены также кусочки слюды. В слое были найдены обломки надгробных плит с надписями XVII в.

Погребения все в досчатых, почти совершенно истлевших гробах или колодах, без

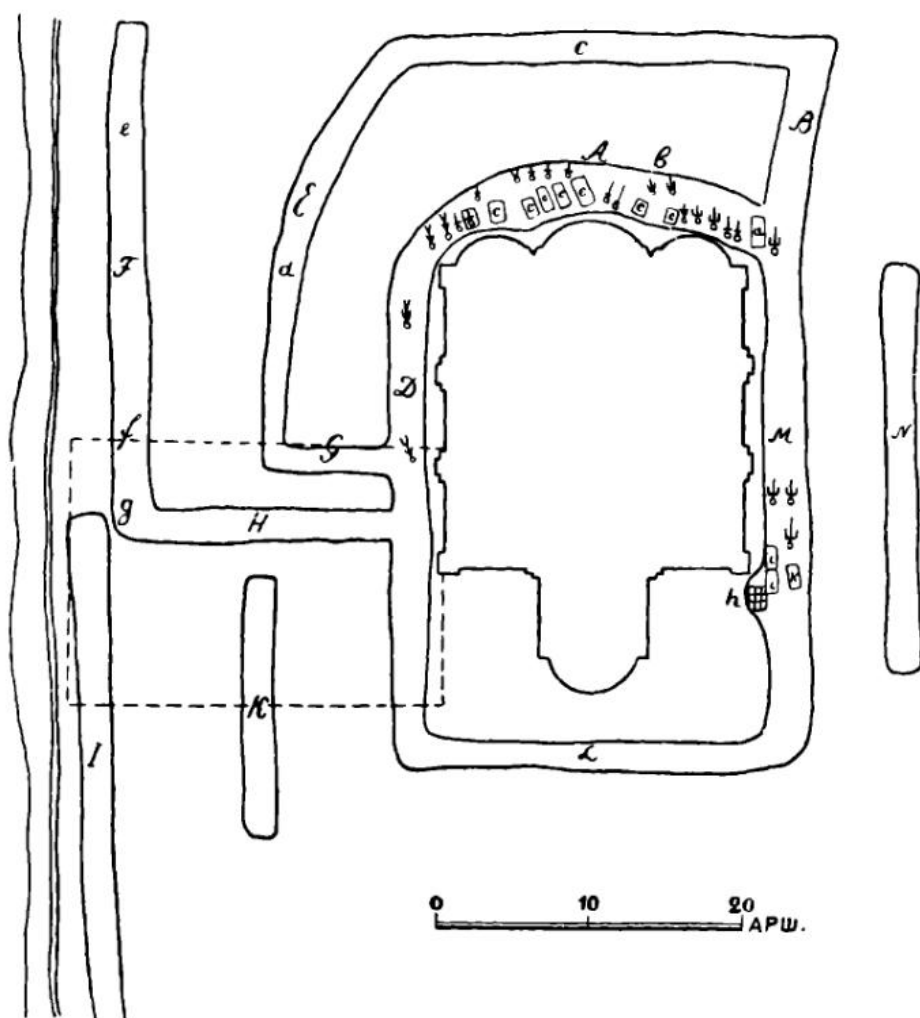

Рис 2 „План разрытий вокруг Преображенского собора“ 1853 г. (архив ИИМК) Пунктиром показан раскоп 1939 г

стройкой позднего времени (рис. 3). На всем участке почти полностью нарушен характерный тонкий слой известкового щебня, лежащий непосредственно на материке и относящийся, как увидим ниже, ко времени строительства собора. Этот слой сохранился лишь незначительными пятнами в западных квадратах (9, 10, 14, 15, 20—25). Наиболее значительным остатком позднего строительства является кирпичная забутка (видимо ограды) в квадратах 10, 12—15. Весьма характерно,

вещей; положение — головой на запад; руки сложены на груди или животе. Лучше других сохранились костные остатки в погребениях № 1 и 2 (в колодах) около самой стены собора, их не удалось опустить до песчаного материка и они были положены на выступ фундамента собора (о нем ниже). Остальные погребения опущены в сухой песчаный грунт и почти полностью истлели; хорошо сохранилось лишь погребение № 3 (в колоде), находившееся в сыром песке под водостоками со-

бора. Погребения № 4 и 5 принадлежали взрослым, положенным в гробах, шитых коваными гвоздями с крупными шляпками. Того же характера погребения в квадратах 11—12 (из них 9 и 11 — детские, 8 и 10 — подростков, 6 и 7 — взрослых). Уровень погребений¹⁴ определялся выходом материкового грунта, глубже остальных опущено погребение № 3 (2.11 м), глубина № 4—11 колеблется от 1.30 до 1.65 м. Кроме бута ограды и погребений на этом участке были две мусорные ямы (квадраты 15 и 21).

ную серовато-пепельную окраску от перегноя береговой растительности. Под известковым слоем — немногочисленные находки керамики и предметов XII—XIII вв. Представляется совершенно несомненным решение первого вопроса, что постройка собора, а вместе с ним и основание города Переславля, «перенесенного» сюда в 1152 г. Юрием Долгоруким «от Клещина», происходили на совершенно пустынном и необитаемом берегу озера. Таким образом, и весь вещевой материал имеет нижнюю дату — середину XII в.

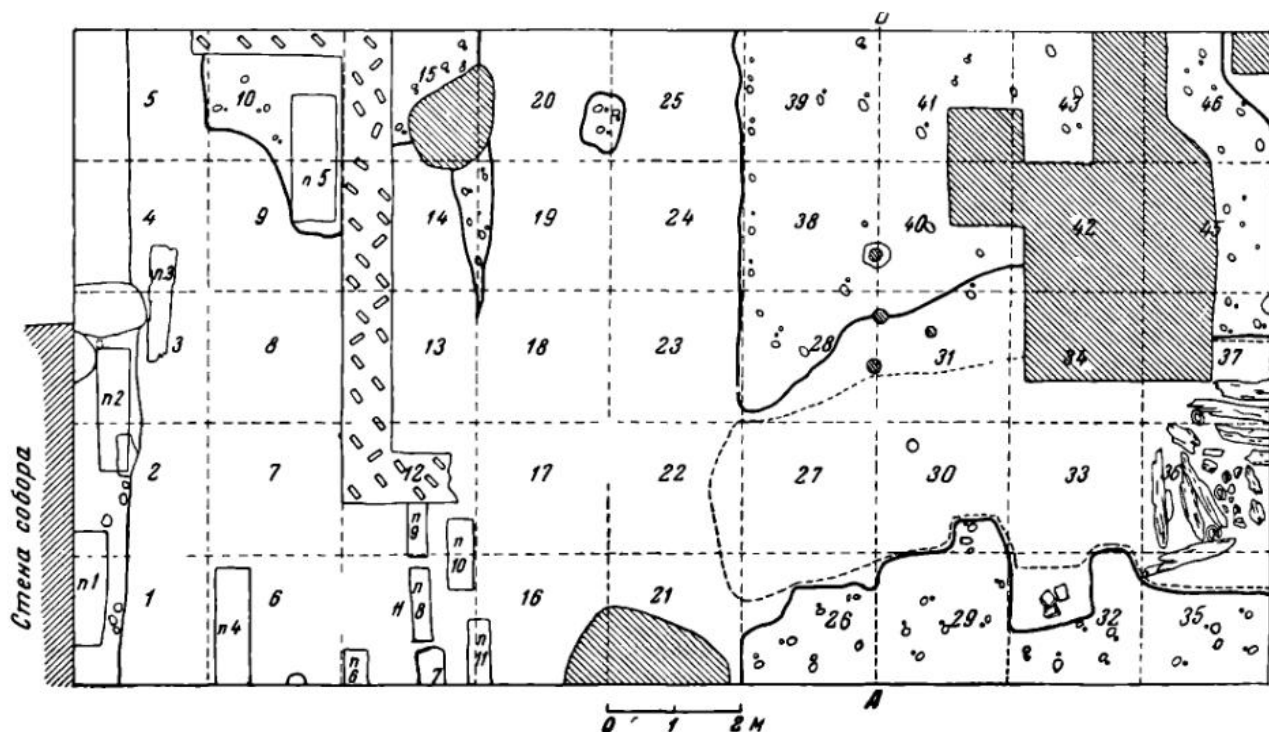

Рис. 3. План раскопок 1939 г. (обозначения см. при рис. 4).

В связи с указанными нарушениями стратиграфии на участке квадратов 1—25, усиленными еще траншеями Савельева, вещевой материал крайне обесценен: вообще он беден и относится преимущественно к позднему времени; наиболее существенное будет отмечено в общей характеристике инвентаря.

Участок квадратов 26—46 (рис. 3) менее испорчен, здесь нет погребений и сюда не дошли рабочие Савельева, однако и тут есть участок, разрушенный ямой от поздней постройки в квадратах 34, 37, 40—46, датируемой по черной лощеной керамике XVII—XVIII вв.

Здесь же сохранился на значительной площади почти нетронутым известковый слой XII в., прикрывающий материк; он лежит непосредственно на чистом береговом озерном песке, верхний слой которого имеет характер-

Однако раскрытие и этого участка не принесло отчетливых данных для суждения о постройках княжеского двора XII—XIV вв. В песчаном сухом грунте совершенно исчезают, не оставляя видимого следа, органические остатки, в том числе дерево; в тех местах, где были бревна или стойки, грунт имеет лишь более рыхлое строение, ощутимое только в процессе раскопа. Прямо против угла собора в 10 м к северу от него сохранилась оплывшая выемка в песчаном материке очень неправильной формы, заполненная сложной свитой культурных напластований (рис. 4). Выемка прорывает известковый слой, — следовательно сделана после или во время постройки собора; это подтверждается и составом вещей XII—XIII вв. из нижних слоев, заполняющих выемку. Одновременно с этой выемкой были вбиты к западу от нее 4 стойка, они не превышают уровня известкового слоя и увлекли с собой вниз кусочки известня. В северной части выемки сохранились явные

¹⁴ В дальнейшем все высотные определения даны от 0, за который принят верхний край цокольного отлива собора.

следы пожара — горелые бревна и плахи пола деревянной постройки с ошлачившейся керамикой XII—XIII вв.; углем насыщены и заполняющие выемку слой. Очевидно, эта выемка является следом каких-то деревянных строений. Само расположение выемки против северо-западного угла собора с дверью для входа на хоры приводит к мысли, что здесь располагались постройки деревянных переходов и хором, с которыми связывались хоры, но описанные слишком бесформенные и бедные остатки не дают возможности судить о характере этих деревянных частей ансамбля княжеского двора.

При раскопках были находимы следы строительства и ремонтов собора — обломки половых глазурованных плиток XII в.

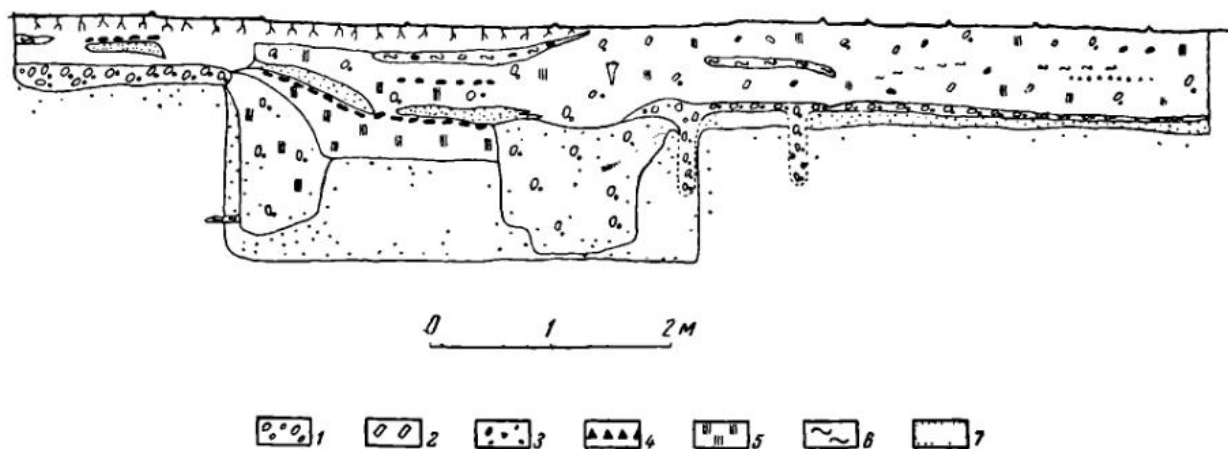

Рис. 4. Разрез слоев по А — Б.

1 — известняк, 2 — кирпич, 3 — уголь, 4 — зола, 5 — перерытая земля, 6 — глина, 7 — песок.

(55 желтых, 15 зеленых, 1 коричневая, 1 орнаментированная — рис. 5, 16) и 15 неполивных тонких; мелкие обломки фресок и листов медной; единичные обломки тонкого плиткообразного кирпича (разм. $13 \times ? \times 3.5$ см); обломок цокольного белого камня с профилем и несколько туфовых плит (разм. $20 \times 20 \times 5$ см). Последние найдены около вала (кв. 45), где раскоп оканчивался, так как дальше между раскопом и краем вала шла дорога.

Контрольный шурф (кв. 44) к северу от раскопа, имевший задачей проследить наличие строительных остатков в поле вала, вскрыл также лежащий на материке слой известкового щебня и раствора, включающего мелкие кусочки угля.

Остается неясным, была ли здесь какая-либо постройка, или это тот же строительный слой XII в., который уходит под вал, насыпанный, таким образом, позднее начала постройки собора.

Было высказано предположение, что собор связывался переходом прямо с насыпью вала

и крепостной стеной. В Боголюбовском замке южное крыло переходов выводило с хора собора на стенную башню, однако там собор являлся центром дворцового комплекса, и его хоры с противоположной стороны соединялись с дворцом.¹⁶ Здесь же хоры имели только один выход — на север к валу. Не было ли здесь на валу башни (каменной или деревянной), которая была одновременно и крепостной и жилой, подобно западноевропейским донжонам? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

4

При охарактеризованной выше нарушенности и нечеткости стратиграфии участка лишь

на нескольких квадратах удалось проследить реальное взаимоотношение предметов, найденных при раскопках; в остальном — вещи археологически депаспортизованы и определяются по аналогии с материалом раскопок Владимира и Суздаля. Общий состав инвентаря исключительно беден и невыразителен.

Конечно, наиболее многочисленны обломки керамики. Над известковым слоем строительства собора, а частично и в нем, а также в нижних слоях заполнения выемки, о которой сказано выше, керамика имеет характерный состав теста с довольно крупной дресвой¹⁷ и розовато-охристый тон обжига; профили с плавным изгибом — типичны для XII—XIII вв. (№ 380, 383, 384, 389).¹⁸ Интересны горшки

¹⁵ М. И. Смирнов. Переславль-Залесский. Переславль-Зал., 1928, стр. 28.

¹⁶ Н. Н. Воронин. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца. КС ИИМК, вып. XI. М.—Л., 1945.

¹⁷ Найдены кусочки обожженного гранита для примеси в тесто.

¹⁸ В скобках даны номера коллекций, хранящейся в Переславском краеведческом музее.

из белой глины, украшенные параллельным линейным орнаментом. Вырабатывалась и полевая посуда с желтой (как на плитках полов) глазурью, той же поливой покрыты два пряслица (рис. 5, 5 и 6); найдены обломки коричневой и зеленой полевой посуды. В отношении орнаментации интересна

8—9), несколько черенковых ножей курганного типа.

Рыболовство отразилось в инвентаре двумя глиняными грузилами дынеобразной формы из теста, сходного с керамикой XII—XIII вв. (одно из них украшено штампованным орнаментом, № 564; рис. 5, 1 и 2) и глиняными

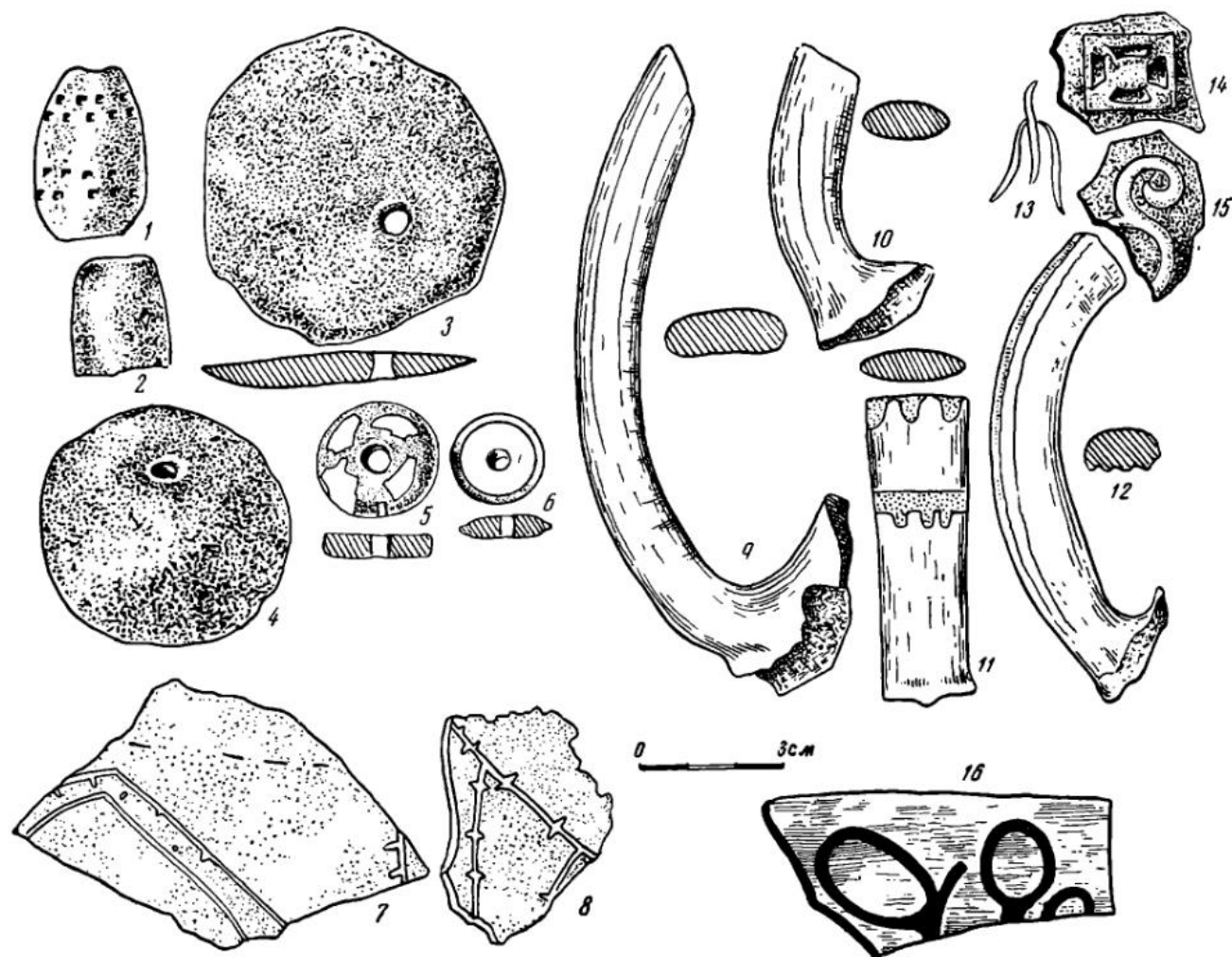

Рис 5 Керамика

крышка сосуда из очень грубого теста (№ 635, 640, 637; рис. 5, 7—8). Найдено несколько фрагментов столовой посуды — мисок и блюд с поддоном (№ 401, 264—265, 374). Среди многочисленных обломков днищ всего два с клеймами (№ 4, 269; рис. 5, 14—15).

К домонгольскому времени должны быть отнесены несколько костяных поделок и полуфабрикатов из рога (кочедыг и др., № 586, 518, 248, 729; рис. 6, 10—13), обломок бронзового браслета и пряжки (№ 519, 587; рис. 6, 6 и 7), пара железных ключей (№ 43, 540; рис. 6, 1—2), наконечник стрелы (№ 692; рис. 6, 3), обломки железных предметов (рис. 6,

же дисковидными грузилами, вполне сходными с современными грузилами сетей переславских рыбаков (№ 348, 245; рис. 5, 3 и 4);¹⁹ грузила происходят из поздних и перерытых слоев и датировке не поддаются, однако один образец по тесту и обжигу сходен с керамикой XIII—XV вв.

Весь состав вещевых находок принадлежит русскому населению «Переславля Нового» и

¹⁹ На берегах Переславского озера можно видеть большие рыбацкие челны из долбленного дерева с набойными бортами, живо напоминающие «однодеревки», описанные Константином Багрянородным, и «набойные ладьи» источников XI—XII вв.

не дает оснований для подтверждения сообщения В. Н. Татищева о присутствии здесь какого-то инородного населения. Правда, раскоп слишком невелик, и число находок незначительно для окончательного ответа на этот вопрос.

Из собранных костных остатков, связанных с слоями XII—XIII вв., 23 принадлежат косуле, 1 лосю, 7 домашнему быку и 16 домашней свинье.

Основная масса вещей относится уже к монгольскому периоду, когда оборвались свя-

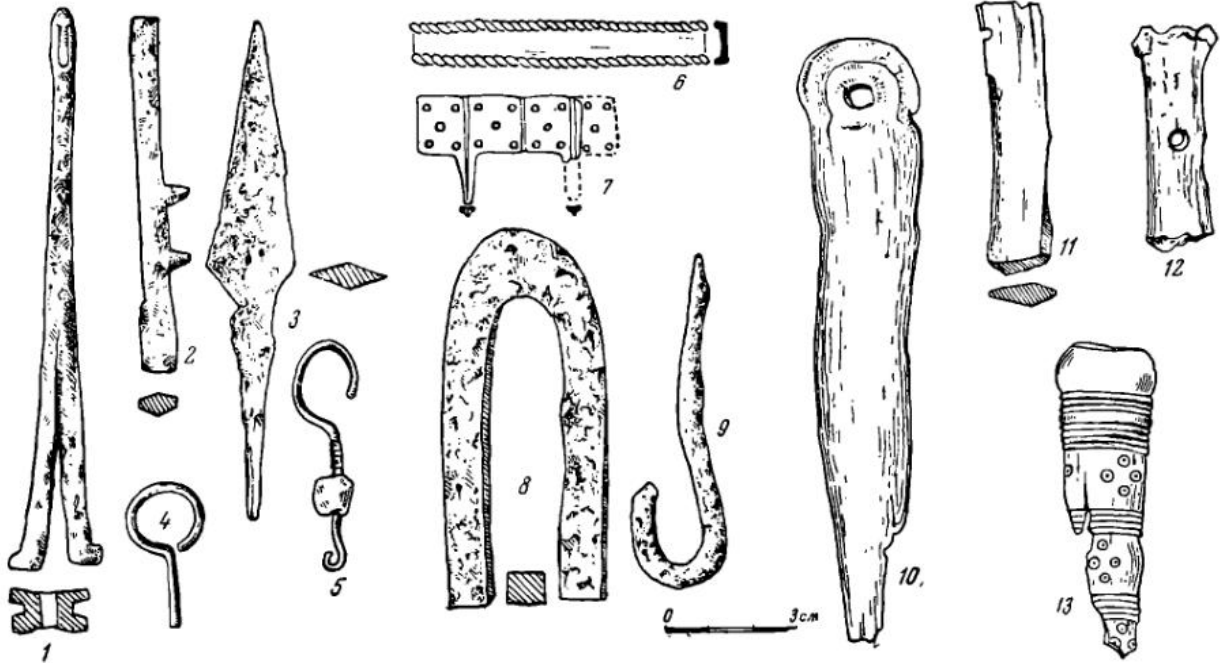

Рис. 6. Кость и металл.

зи с югом. О них еще напоминают ручки привозных сосудов амфорообразного типа («корчаг» № 75, 272—273, 352, 550, 527; рис. 5, 9—12), одна из них с ангобированным орнаментом. Характерно отсутствие шиферных пряслиц — все найденные глиняные или известняковые (№ 441, 451, 490, 525, 675). Ничтожно мало стеклянных браслетов. Керамика XIII—XV вв. характеризуется более тонким тестом без крупных примесей и звонким обжигом; профили, сохраняя параллельный орнамент, приобретают более резкие и крутые очертания (№ 185, 186—190); интересна кринка (или рукомойник) с ушками.

Керамика XVII—XVIII вв. преимущественно черная лощеная; характерны горла и ручки рукомойников в виде бараньей головы (№ 433, 434, 510) и обломки детских свистулек (№ 304, 424, 510). Отметим наряду с поздними вещами пару обломанных серег XVI—XVII вв. из медной проволоки с напущенной бусиной (№ 244, 286; рис. 6, 4 и 5), медный перстенок (№ 172), подковки и серебряную денгю Ивана III.

Вторым объектом работ 1939 г. было вскрытие гробниц переславских князей — сына Александра Невского Дмитрия Александровича, умершего в 1294 г., и его сына Ивана Дмитриевича, погребенного здесь в 1302 г.

До реставрации 1891—1894 гг. вдоль южной стены собора стояли три кирпичных надгробия, одно — в диаконике и два — в западной части под хорами (одно из них — детское). Предполагалось, что в диаконике

был погребен князь Дмитрий Александрович, а под хорами — князь Иван Дмитриевич; детское погребение оставалось спорным. При реставрации старые надгробия были сломаны, надгробие в диаконике не было восстановлено, а под хорами были поставлены два кирпичных надгробных памятника, облицованных мраморными плитами;²⁰ большой памятник в углу имел надпись о погребении кн. Ивана Дмитриевича, к востоку от него было малое надгробие с надписью о погребении кн. Дмитрия Александровича.²¹ Под последним надгробием погребения не оказалось. Под большим — раскрыта стоявшая вплотную к стене большая белокаменная гробница в виде прямоугольного ящика, покрытого обломками поздних могильных плит XVI—XVII вв. на цементе (рис. 7); изнутри эти обломки были подперты кирпичом. Цемент проник внутрь гробницы, заполненной строительным щебнем и мусором; среди мусора обломки скелета

²⁰ П. В. Ильинский. Гробницы в Переяславском соборе. ТВУАК, т. X. Владимир, 1908.

²¹ ИАК, вып. 26, стр. 62 и след.

взрослого человека и ребенка, совершенно истлевшие обрывки ткани и кожи, скорлупа лесных орехов. Если доверять надписи на новом надгробии — это погребение князя Ивана Дмитриевича. Погребение несомненно пострадало при сломке бывших над могилами кирпичных надгробий XV в. во время реставрации В. В. Суслова.

Рядом с этой гробницей в грунте под полом собора было раскрыто также разрушенное погребение в колоде, обернутой берестой; колода истлела и разбита камнями, набрасывавшимися при реставрации перед настилкой пола, костяк в беспорядке, — челюсть в обла-

стене собора. Возможно, к этому погребению относится медный крест с круглым отверстием посредине и остатками грубой льняной ткани, прикрепленной к нему; крест грубо вырублен зубилом из толстого листа меди.

6

В процессе раскопок внутри и снаружи собора было выяснено несколько новых фактов для его архитектурной характеристики.

Фундамент собора представляет собой забученый дикарем и обломками белого камня ров, значительно более широкий (на 0.70—1.0 м), чем стена; ров сужается к дну. Этот прием широкого фундамента известен в постройках Галича и может служить лишним доводом в пользу галичского происхождения мастеров князя Юрия. На этой широкой основе фундамента выложены стены здания, причем цокольный отлив, теперь едва выступающий над поверхностью земли, первоначально возвышался над нею на высоту двух рядов белокаменной кладки. Таким образом, пропорции здания были несколько менее грузными, чем теперь. Любопытно, что цокольная кладка сохранила следы штукатурки и фресковой окраски; время ее не поддается определению.

Дверь на хоры заложена во время реставрации 90-х годов белым камнем на цементе (определено зондажами внутри).

Как известно, Спасский собор, начатый Юрием, заканчивался уже при Андрее Боголюбском.²³

Несомненно к андреевскому времени относится роспись и декоративная отделка храма: при раскопках гробниц были найдены многочисленные поливные плитки от полов собора, они тождественны по форме, размерам и расцветке (желтый и зеленый) с плитками дворцовых построек в Боголюбове; внутри собора найдено 46 желтых и 17 зеленых поливных плиток; они квадратной формы со скошенными краями и бортиком на тыльной стороне. Размер 15×15×3.5 см. Наряду с ними встречены тонкие

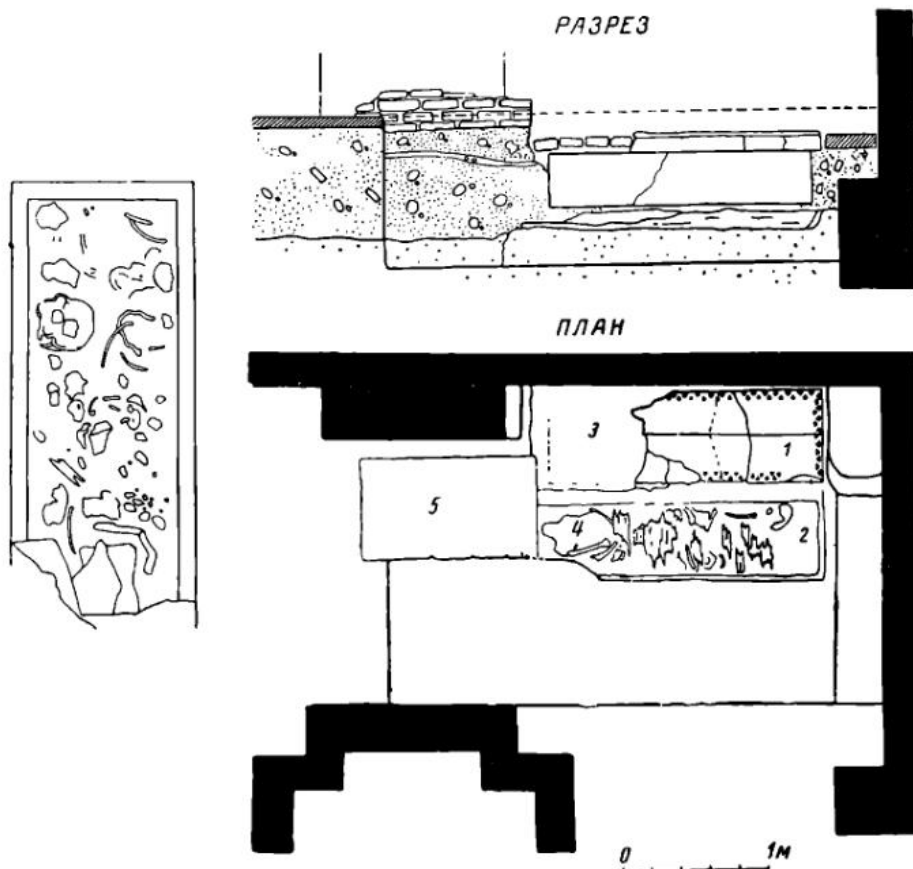

Рис. 7 План и разрез раскопа в юго-западном углу собора.

1 — гробница князя Ивана Дмитриевича, 2 — гроб князя Дмитрия Александровича, 3 — кирпич с цементом, 4 — лоскутки кожи; 5 — кирпичное надгробие XIX в. Слева — заполнение гробницы князя Ивана Дмитриевича.

сти таза, здесь же обломки костей рук и ребер. При разборке костяка извлечены лоскутки шелковой коричневатой ткани с простым растительным орнаментом в виде отдельных листочков, расположенных рядами;²² в области ног сохранились обрывки кожи сапог. Очевидно это погребение и принадлежит сыну Александра Невского, князю Дмитрию Александровичу, новое надгробие которого при реставрации было отодвинуто в южной

²² Первоначальный тон ткани золотисто-желтый (куркума) или розово-оранжевый. Определение ткани В. Н. Кононова.

²³ Отметим попутно укоренившееся в нашей литературе по истории летописания недоразумение, связанное с текстом о достройке Переславского собора

глиняные плитки того же теста, но лишенные поливы; на тыльной стороне одной из них был процарапан знак (рис. 5, 13), несколько напоминающий знак княжеских мастеров на пьедестале Боголюбовского кивория и на камне Золотых ворот во Владимире. Среди этих неполивных плиток встречены в раскопках

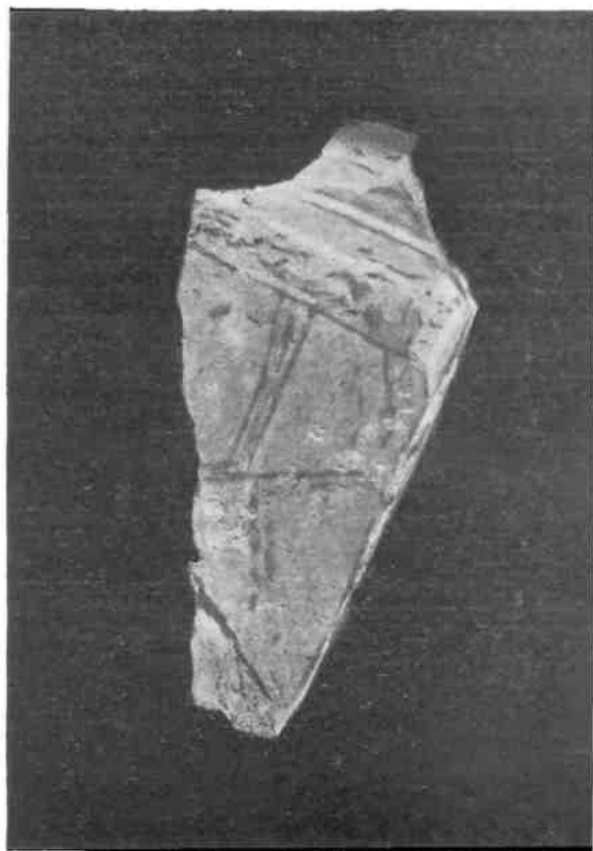

Рис. 8. Обломок базы столба с фресковой росписью.

снаружи собора несколько образцов треугольной формы.²⁴ Следовательно, часть пола собора была выстлана цветной плиткой, а часть красной разных геометрических очертаний.

Андреем Боголюбским. Как известно, к тексту Лаврентьевского списка летописи о том, что Андрей «церковь сконча, юже бе заложил прежде отець его, святого Спаса камени» в Радзивилловском списке и «Летописце Переяслава Суздальского» добавлено: «в Переяславе в Новем». У историков летописания утвердилось мнение, что в действительности церковь Спаса была в Ростове, а переславская обработка летописи внесла «поправку», что это было в «Переяславе Новем». В действительности, в Ростове никакой церкви Спаса ни Юрий, ни Андрей не строили, а единственная строенная ими церковь Спаса была в Переяславе. Общеизвестность тогда этого факта позволила летописцу не определять место постройки, переславская же редакция лишь подчеркнула этот факт. См. А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. СПб. 1902; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 59.

²⁴ Красные неполивные плитки встречены в обломках, их размер 23 × 2 × 2 см (№№ 195, 226, 256).

Плитки изготовлялись, несомненно, на месте — их тесто тождественно с тестом керамики XII—XIII вв., на некоторых образцах ясно видны следы деревянной формы.²⁵

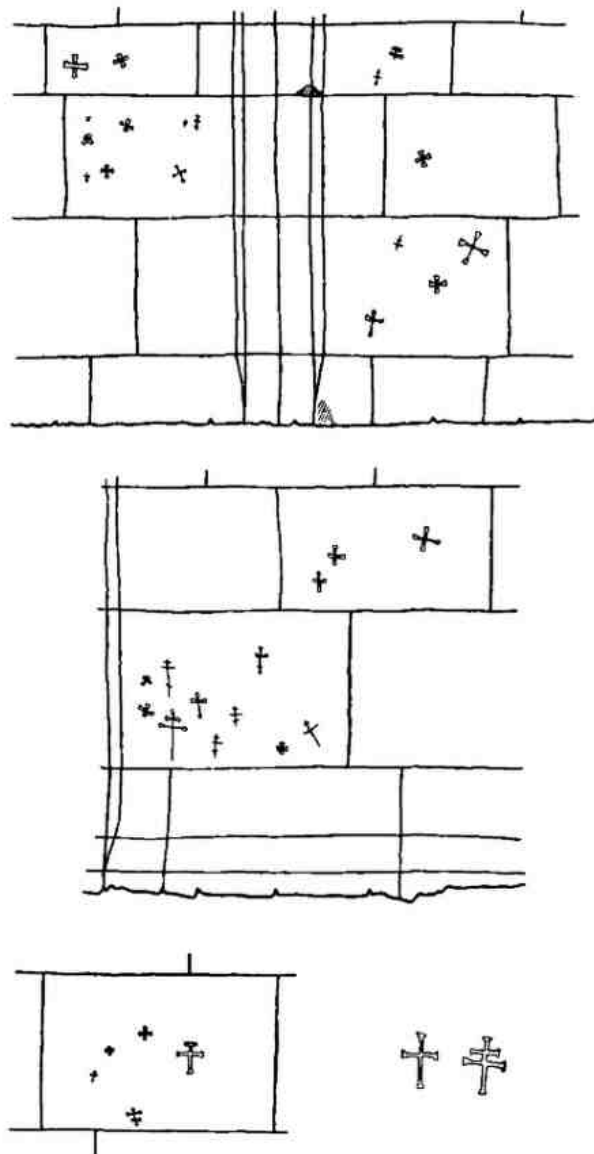

Рис. 9. Граффити на апсидах собора

Кроме плиток был найден обломок белого камня от низа столба со следами фресковой орнаментальной росписи (рис. 8). Оказывается, утолщение нижней части столбов, сделан-

²⁵ Древний первоначальный пол собора был вероятно нарушен при ремонтах здания в 1442 и 1626 гг., когда были настланы новые полы. Отчет о реставрации собора в 1891—1894 гг. сообщает, что «под существующим ныне (плитчатым) полом обнаружился кирпичный пол. Затем в некоторых местах на глубине 10 вершков оказались плиты из белого камня [может быть, над захоронениями.—Н. В.] и частью древний кирпичный пол. Под верхними двумя полами до древнего кирпичного пола шел сплошной слой песку». Дело Арх. комиссии, 1889, № 68. Архив ИИМК АН СССР.

ное при реставрации, в известной мере отвечало первоначальной их форме; как стены собора имели цоколь, законченный отливом, так и столбы имели широкую цокольную часть, переходившую плавным изгибом в крестчатую форму столба. Цоколь столбов расписан «под мрамор» фрескою синего, желтого и красного тона. В связи с этим может быть объяснен и перелом пилястр на уровне отлива, отвечающий своеобразному облику собора.

Отметим в заключение еще одну незамеченную исследователями любопытную подробность. Несмотря на значительное выветривание поверхности стен собора и неоднократные побелки, на ряде камней в нижних частях апсид сохранились многочисленные графитти. Это мелкие процарапанные или вырезанные на камне изображения крестов разнообразных форм (рис. 9): четырехконечные геральдические с расширенными лопастями (тип «уширенного»), шести- и восьмиконечные. Уширенные кресты в большинстве случаев *вырезаны* тонким режущим инструментом, каждая лопасть представляет точное трехгранное углубление, повторяя в миниатюре технику резьбы орнаментов на памятниках строительства Андрея Боголюбского; так же исполнены треугольные расширения на концах ветвей просто прочерченных крестов. Графитти расположены в беспорядке группами до 10 и более, но все в углах меж апсид. Форма

крестов ранняя, близкая, в частности, к крестам на антиминсе 1148 г. Суздальского собора и на щитах воинов в рельефах собора в Юрьеве-Польском 1234 г.;²⁶ под крестами нет характерных для позднего времени «Голгоф». Таким образом, эти графитти нельзя отнести к поздним погребениям за алтарем собора или ко времени ремонтов здания в 1403, 1442, 1626 гг. Вероятно, таким образом, их принадлежность к XII в., они сходны с подобными графитти, открытыми нами в Борисоглебской церкви в Кидекше и на древних апсидах дворцового собора Боголюбовского замка. По точности резьбы этих крестов можно предположить, что они сделаны мастерами-строителями собора и являются знаками votивного характера. Современник зодчих — живописец, украшавший собор фресками, начертил по сырой штукатурке изображение человека в молитвенной позе перед крестом и надписал рядом: «господи помози рабу своему... (имя стерто)».²⁷ Таким образом усвоение и графитти на апсидах собора мастерам-строителям вполне правдоподобно.

²⁶ Ф. М. Морозов. Антиминс 1149 г. ЗОРСА, т. IX, 'А. Бобринский. Резной камень в России, табл. 37, рис. 3.

²⁷ Н. А. Артлебен. Древние фрески, открытые в Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском ТВГСК. Вып. 1, Владимир, 1864, стр. 82.

Н. Н. Воронин

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВЛАДИМИРА XII в.

Значение Владимира в истории русского народа и его культуры едва ли можно переоценить. Преемник высокого киевского наследства и крупнейший центр культуры и искусства на великорусском северо-востоке XII—XIII вв., Владимир во многом определил пути последующего возвышения Москвы и ее великую национальную роль. Политические традиции «владимирских самовластцев», борющихся с феодальным дроблением Руси, драгоценное наследие гениальных владимирских зодчих и живописцев были восприняты и развиты Москвой. Однако как сама история Владимирской земли, так и прошлое ее столицы — Владимира не привлекали должного внимания дореволюционных ученых; красивый город, сохранивший шедевры русского зодчества XII в. — Успенский и Дмитриевский соборы, ни разу не стал объектом археологических исследований, хотя его земля трижды в XIX в. подарила науке клады своеобразных произведений владимирских ювелиров. Сама топография города XII—XIII вв., сохранившая поныне свои гигантские контуры в остатках земляных валов, не была как следует изучена и возбуждала много вопросов и сомнений. В нашей работе «Социальная топография Владимира XI—XII вв. и «чертеж» 1715 г.»¹ мы сделали попытку осветить историческое развитие северной столицы Руси. В другой работе «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв.»² мы изложили в конспективной форме результаты наших многолетних археологических и архитектурных исследований; в этой книжке в нескольких строках охарактеризованы и замечательные военно-инженерные сооружения Владимира: Золотые ворота и Владимирский детинец.³ В настоящем исследовании эти выдающиеся памятники владимирской древности получают более полное научное освещение.

I. ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

1

Несмотря на то, что Золотые ворота во Владимире являются редчайшим памятником древнерусского военно-инженерного искусства XII в., они до сих пор не привлекли серьезного внимания исследователей. Более того, они не дождались удовлетворительного издания: чертежи владимирского епархиального архитектора Н. А. Артлебена, сделанные в 70-х годах XIX в. и помещенные им в альбоме чертежей к «Трудам I археологического съезда»,⁴ оставались до сих пор единственным обмером здания, хотя они заведомо неточны, грубо схематичны и неправильно передают ряд особенностей памятника. Второй крупный знаток владимиро-суздальского зодчества, владимирский городской архитектор И. А. Карабутов, в конце прошлого века серьезно и долго занимался исследованием памятника и изготовил его детальные чертежи, однако они пропали и никаких их следов нам найти не удалось. Так памятник и остался без точного обмера и исследования.

Однако вопрос о его реставрации ставился не раз. Еще в 1822 г. был начат сбор средств на восстановление первоначального облика памятника, и дело рассматривалось в Строительном комитете Министерства внутренних дел,⁵ но дальше этого дело не пошло. Вторично вопрос о реставрации был поднят в 70-х годах в связи с готовившимся празднованием 700-летия со дня смерти создателя Золотых ворот князя Андрея Боголюбского; в это время и были исполнены упомянутые чертежи Н. А. Артлебена.⁶ Дело снова восходило на рассмотрение Министерства,⁷ но опять не было осуществлено за недостатком средств, и поднималось вновь в 1909—

¹ СА, VIII, М.—Л., 1946 г.

² Научно-популярная серия АН СССР. М.—Л., 1945. Книжка представляет краткое изложение нашей монографии «Владимиро-Суздальское зодчество XI—XIII вв.».

³ Там же, стр. 22—24 и 58—60.

⁴ Табл. XXIV, текст, стр. 296, прим. 1

⁵ Владимирское архивное бюро. 1822, № 75.

⁶ «Правительственный вестник», 1872, № 60; 1873, № 68.

⁷ ВГВ, 1874, № 2.

1910 г.⁸ Наряду с этими попытками подойти к исследованию и реставрации Золотых ворот, были гораздо более «реальные» проекты, угрожавшие новыми искажениями и разрушениями. Так, например, в 1864 г., на совещании «собственников и домовладельцев» города обсуждался вопрос об устройстве водопровода, и городской голова купец А. А. Никитин выдвинул встреченный одобрением проект превращения Золотых ворот... в водонапорную башню!⁹

Из написанного о Золотых воротах наиболее ценен своим фактическим материалом очерк С. Я. Никольского о реставрационных работах 1870-х годов, выявивших ряд существенных данных о древних и новых частях здания.¹⁰ Обычно же писавшие о Золотых воротах были заняты вопросом о системе городских укреплений и историей военных событий, связанных с памятником, причем постоянно путали даты и мало интересовались самим памятником.¹¹ Иного характера статьи П. В. Ильинского, посвященные вопросу о первоначальном виде Золотых ворот и попыткам их реставрации.¹² Все же, памятник был далек от правильного освещения и вызывал постоянно недоразумения; так, например, Н. П. Кондаков высказывал мысль, что по сторонам главного проезда могли быть две боковые арки;¹³ в местной литературе утверждалось фантастическое мнение, что в связи с опорой ворот на примыкавшие валы они были построены «без фундамента»;¹⁴ а Е. Голубинский вообще полагал, что древние Золотые ворота вовсе не сохранились...¹⁵

2

Никоновская летопись, сообщая о расширении оборонительного пояса Владимира Андреем Боголюбским, подчеркивает, что князь «град Владимир заложи велик зело попремно»

⁸ «Московские ведомости», 1909, № 264; 1910, № 299.

⁹ «Этот дельный (!) проект, уменьшающий значительно издержки на возведение новой башни, принадлежит почетному голове, почетному гражданину А. А. Никитину и делает ему большую честь, давая возможность употребить ныне бесполезное здание на необходимое общественное дело!» ВГВ, 1864, № 11, стр. 41; № 17, стр. 81.

¹⁰ Золотые ворота, памятник гражданского зодчества во Владимире. ЕВГСК, вып. X, 1871—1872 г.

¹¹ Из этих статей наиболее интересна статья К. Н. Тихонравова, Город Владимир в начале XVIII ст. (в том же выпуске ЕВГСК).

¹² П. В. Ильинский. К реставрации Золотых ворот. Ниши южной стены. ТВУАК, т. XIII; О реставрации Золотых ворот в г. Владимире. Там же, т. X; Какой был первоначальный верх Золотых ворот. Там же, т. XV.

¹³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, в. VI. СПб., 1899, стр. 16.

¹⁴ Путеводители Н. Ушакова и В. Т. Георгиевского; ВГВ, 1901, № 26 и др.

¹⁵ Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I, ч. 2. М., 1882, стр. 319, прим. 3.

гу болши первого [т. е. Мономахова среднего города].¹⁶ В Ипатьевской летописи указываются и крайние точки выросшего города: «Князь же Андрей бе город Володимерь силу устроил, к нему же ворота золотая доспе, а другая серебром учини».¹⁷ Золотые ворота расположены в крайней западной точке княжеской части города (рис. 1); место Серебряных рядом показанных источников определяется на противоположном восточном конце города, в самой вершине его треугольника: около Серебряных ворот в 1174 г. происходила встреча гроба с телом князя Андрея, убитого в Боголюбове; эти ворота, еще сохранившиеся в XVI в., называются в источниках «Андреевскими».¹⁸ На всем этом громадном протяжении город опоясали насыпные земляные валы с шедшей по их гребню рубленой деревянной стеной. От Серебряных ворот они шли на запад, смыкаясь с поперечным рвом и валом Мономахова города, в который вводили с этой стороны Ивановские ворота. Остаток северной линии валов восточной трети города уцелел до наших дней под именем Зачатьевского вала. Далее на запад, от западного поперечного рва и вала старой крепости, новые валы прерывались рядом ворот. В самом северо-восточном углу Нового города располагались Медные ворота; от них вал шел по краю обрыва городского холма вдоль по Лыбеди, загибаясь к югу по границе, очерченной глубоким оврагом (Никитский спуск); в верхнем конце оврага вал прорезали Иринины ворота. Они были одновременно важной боевой башней на западной линии обороны города, которая здесь выходила на равнинный участок. В его центре и стояли Золотые ворота. Здесь перед валом был глубокий ров, соединявший овраг с начинавшимся к югу от Золотых ворот встречным оврагом, идущим к Клязьме. Вдоль рва и оврага снова шел вал (Козлов вал), прикрывавший с запада большую амфитеатрообразную впадину в городских высотах. Со стороны Клязьмы этот участок был, видимо, прикрыт только рубленой стеной с башнями, спускавшейся вниз к устью оврага (Муромского спуска) как с угла Мономахова города на запад, так с юго-западного угла Нового города — на восток; стены смыкались у деревянной башни Волжских ворот, стоявшей в устье оврага почти на берегу Клязьмы.

Так сложилась оборонительная система Владимира в итоге андреевского строительства 1158—1164 гг.

Этими годами определяется и дата Золотых ворот, так как точного указания о их закладке источники не дают. Мы знаем лишь об

¹⁶ ПСРЛ, IX, стр. 211.

¹⁷ ПСРЛ, II, стр. 582.

¹⁸ ПСРЛ, XIII-2, стр. 431; XIII-1, стр. 110—111; II, стр. 593.

освящении в 1164 г. церкви Положения риз наверху Золотых ворот.¹⁹

Повидимому, к этому году относится и известный рассказ источников о катастрофе, постигшей только что законченное здание. В позднем житии князя Андрея говорится: «Тамо же созда великий князь Андрей и Златыя врата граду каменные и на них церковь построил Положения риз Пресвятыя богородицы: и тогда народу многу сшедшуся зрети их

димирской богоматери», составленное в первые годы княжения Андрея,²² ясно говорит о падении лишь самих воротных полотнищ: «бе бо еще не суха известъ во вратех, абие же внезапно истергшися от стен врата и падоша на люди... и взяша врата, и видеша сущих под враты живых и здоровых». ²³ Это и было приписано «чуду» Владимирской иконы. На основании этого текста В. О. Ключевский полагал, что катастрофа и состояла всего лишь в паде-

Рис. 1. План Владимира XII—XIII вв.

1—Мономахов город. II—Посад. III—Новый город. VI—Детинец. 1—Церковь Спаса. 2—Церковь Георгия. 3—Успенский собор. 4—Серебряные ворота. 5—Золотые ворота. 6—Волжские ворота. 7—8—Иринины и Медные ворота. 9—Вознесенский монастырь. 10—Димитриевский собор. 11—Рождественский монастырь. 12—Успенский княгинин монастырь. 13—Церковь Воздвиженья на торгу. 14—Торговые ворота. 15—Ивановские ворота. 16—Ворота детища с церковью Иоакима и Анны.

красоты, известъ же мокра суши и врата падошася, и под ними дванадесать человек камнем засыпа». ²⁰ Согласно этому тексту и также поздним изображениям этого сюжета в Лицевом летописном своде XVI в. и в росписи 1764 г. «палат» Андрея Боголюбского в Боголюбове, ²¹ где представлено полное или частичное разрушение свода Золотых ворот (рис. 7а и б) можно было бы думать, что были рано сняты кружала, что и вызвало обвал части неокрепшей кладки. Однако более достоверный источник «Сказание о чудесах иконы Вла-

нии воротных створ. ²⁴ Эта неполадка не помешала освящению надвратной церкви в 1164 г.

Название ворот Золотыми объяснялось различно. Высказывалось предположение, что их имя напоминало о Золотых воротах «матери городов русских» Киева, с красотой и значением которого конкурировала столица Боголюбского. Другие полагали, что «на фасадах» ворот были какие-либо позолоченные украшения; наконец, что золоченой медью были

¹⁹ ПСРЛ, I (изд. I), 150; VII, 77; в Никон. лет. под 6671—1163 г. ПСРЛ, IX, 231.

²⁰ Житие цитировано у Никольского. Ук. соч., стр. 95.

²¹ О них ниже.

²² «Сказание» издано с предисловием В. О. Ключевского, Об-вом любителей древней письменности, вып. XXX, СПб., 1878.

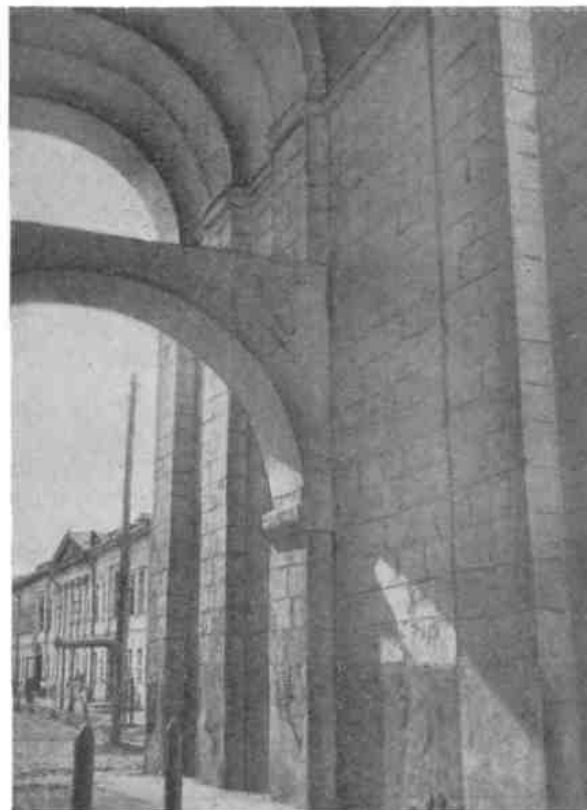
²³ Там же, стр. 42—43.

²⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, стр. 402.

окованы самые полотнища ворот или верх здания. Все эти предположения вполне правдоподобны и не исключают одно другого. Идея самого сочетания проездной крепостной башни с торжественной «триумфальной аркой» главных ворот, равно как и самое их название, несомненно навеяна киевскими Золотыми воротами. Золоченая медь, обильно применявшаяся в декоративной отделке храмов андреевского

а

б

Рис. 2. Золотые ворота: а—общий вид; б—внутренняя арка.

времени и создававшая в глазах современников обманчивый эффект убранства зданий «золотом», была, несомненно, применена в обработке главных ворот Владимира. Ею мог быть покрыт и верх надвратного храма, а в то же время толстыми листами золоченой меди могли быть покрыты тяжелые дубовые створы, замыкавшие проезд.²⁵ К последнему склоняет также и текст «Сказания о чудесах», где говорится, что народ сошелся любоваться красотою ворот, и тут-то и вырвались их петли; это ясно свидетельствует о богатой отделке полотнищ, может быть, не просто гладкими листами позолоченной меди, но и о какой-то художественной обработке этих листов.

²⁵ Ср. указание Ипат. лет., что Ярослав, создавший «врата граду [Киеву] каменные, в них же двери злата постави». ПСРЛ, II, 266.

Золотые ворота дошли до нас далеко не в первоначальном виде.

Они, несомненно, сыграли свою боевую роль в бурных военных событиях XII в., но мы не знаем, как отразились последние на состоянии памятника. Точно так же неизвестно, в какой мере они пострадали при осаде Владимира татарами зимой 1238 г. Известно лишь, что с

этой равнинной стороны был направлен главный удар татарского штурма. Отсюда по городским стенам били тяжелыми камнями татарские «пороки»; отсюда же, завалив хвостом ров, враги ворвались «по примету» в город сквозь пролом в деревянной стене против церкви Спаса. Из летописных текстов не видно, чтобы татары тратили силы на осаду каменной твердыни Золотых ворот; видимо, не на них направлялся и обстрел пороков.²⁶ Но несомненно, что, захватив город, татары ободрали драгоценный «тяжкий товар» — золоченую медь с сорванных створ ворот, а может быть и с верха надвратной церкви.

Во всяком случае уже в XV столетии Золотые ворота потребовали капитального ремон-

²⁶ ПСРЛ, VII, 141.

та. В литературе о Золотых воротах прошло незамеченным сообщение Ермолинской летописи, что в 1469 г. «во Владимире обновили две церкви камены, Воздвижение в торгу, а другую на Золотых воротах, а предстательством Василя Дмитриева сына Ермолина». ²⁷ Это была одна из первых «реставрационных» работ, предпринятых московским правительством по «обновлению» памятников Владимира, представлявших для идущей к своей победе Москвы огромный художественный и политический интерес.

События начала XVII в. снова вовлекли Владимир в полосу военных тревог, ²⁸ и Золотые ворота вновь потребовали ремонта: в 1641 г. известный московский зодчий Антипа Константинов составлял смету на их починку, ²⁹ но работы фактически были произведены лишь между 1687—1695 гг. ³⁰ Объем этих работ нам также неизвестен.

В екатерининское время, в связи с перепланировкой Владимира, Золотые ворота понесли особенно сильный урон. В целях расширения главной улицы города валы, примыкавшие к зданию, были отняты и оно лишилось своей старой опоры по сторонам. Видимо, это губительно отозвалось на его состоянии, так как сразу же пришлось подвести по углам ворот белокаменные контрфорсы. Однако до работ архитектора Чистякова (1795 г.) ворота еще сохраняли в неприкосновенности свой старый верх.

Составленный Чистяковым «Прожект, учиненной в плане и фасаде для укрепления и возобновления древнего здания» предлагал «церковь над вратами и те своды с перемычками, на коих она основана имеет, поелику ветхи, то следовательно разобрать», а «потом вышеупомянутую церковь соорудить, в знак достопамятности, по прежнему ее расположению». ³¹ Эти работы и были осуществлены: была разобрана надвратная церковь, а большой свод ворот переложен вновь из старого белого камня с добавкой кирпича; на новом своде была поставлена церковь измененного, по сравнению с проектом, характера; наконец, угловые контрфорсы были прикрыты круглыми башнями, между которыми были встроены с юга — помещение новой лестницы в церковь, а с севера — жилые помещения. В этом виде памятник и дошел до нас (рис. 2), сохранив от XII в. лишь свой древний низ и оставив нам вопрос о характере своего первоначального верха.

²⁷ ПСРЛ, XXIII, 159.

²⁸ Акты исторические, II, стр. 226; грамота 1635 г., в ТВУАК, т. II.

²⁹ А. Н. Сперанский. Приказ каменных дел. М., 1930, стр. 212.

³⁰ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1893, вып. 1, стр. 105.

³¹ См. ук. работу Ильинского (ТВУАК, XV).

4

В своей древней части Золотые ворота представляют две параллельные белокаменные стены с лопатками на внутренней стороне, переходившими в арочные перемычки большого свода (возможно, что первоначальный старый свод имел трехцентровое очертание с пониженной стрелой подъема); старые карнизы

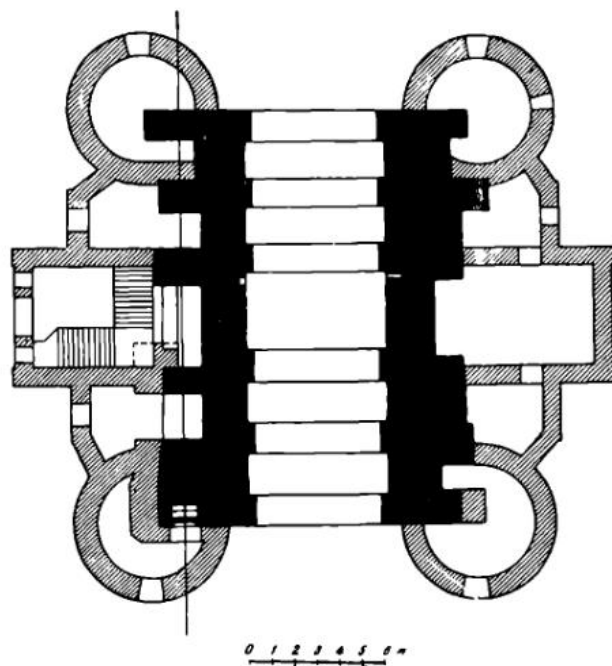

Рис. 3. Золотые ворота. План.

архаичной формы (четвертной вал с полочкой, как и в постройках Юрия Долгорукого) завершают лопатки (рис. 2—4). ³²

В пролете ворот, ближе к стороне, обращенной наружу, выведена малая арочная перемычка для упора воротных полотнищ. По сторонам арки сохранились массивные кованые петли ворот и паз для толстого засова. Здание вросло в землю примерно на 1,5 м; на этой глубине были обнаружены в 1865 г. настилы бревенчатой мостовой. ³³ В местной литературе высказывалось без всяких к тому оснований утверждение, что, кроме сохранившейся арочной перемычки, была еще вторая. ³⁴ К этому мнению, видимо, склонялся и Н. А. Артлебен, пометивший на своем чертеже пунктиром вторую арку. ³⁵ Однако следов ее совершенно не сохранилось; она является, видимо, домыслом исследователей прошлого века. Существующая арка также переложена, хотя и сохранила в пятах характерные карни-

³² Издаваемые чертежи исполнены по обмерам Г. Ф. Корзухиной (рис. 3—5).

³³ ВГВ, 1865, № 29, стр. 156.

³⁴ Статья Г. Чинова в ВЕВ, 1868, № 14, стр. 703—704.

³⁵ См. атлас к ТАС-I.

зы, аналогичные карнизам арок большого свода.

На лопатках в уровне арочной перемычки сделан ряд неглубоких квадратных гнезд, куда первоначально были введены, одновременно с постройкой ворот, массивные деревянные брусья, служившие балками для настила боевой площадки, разделявшей, таким об-

сохранились древние граффити преимущественно в виде крестов, процарапанных, повидимому, выходящими на площадку воинами (рис. 6а). В стене противоположной двери имеется кирпичная закладка в форме арки; возможно, здесь была вторая дверь, через которую выходили с лестницы и настила на вал, однако так ли это было в действительности, сказать трудно, так как дверь при этом выходила бы в толщу насыпи вала, гребень которой был несколько выше ее. Что здесь, на средней площадке лестницы, все же скрещи-

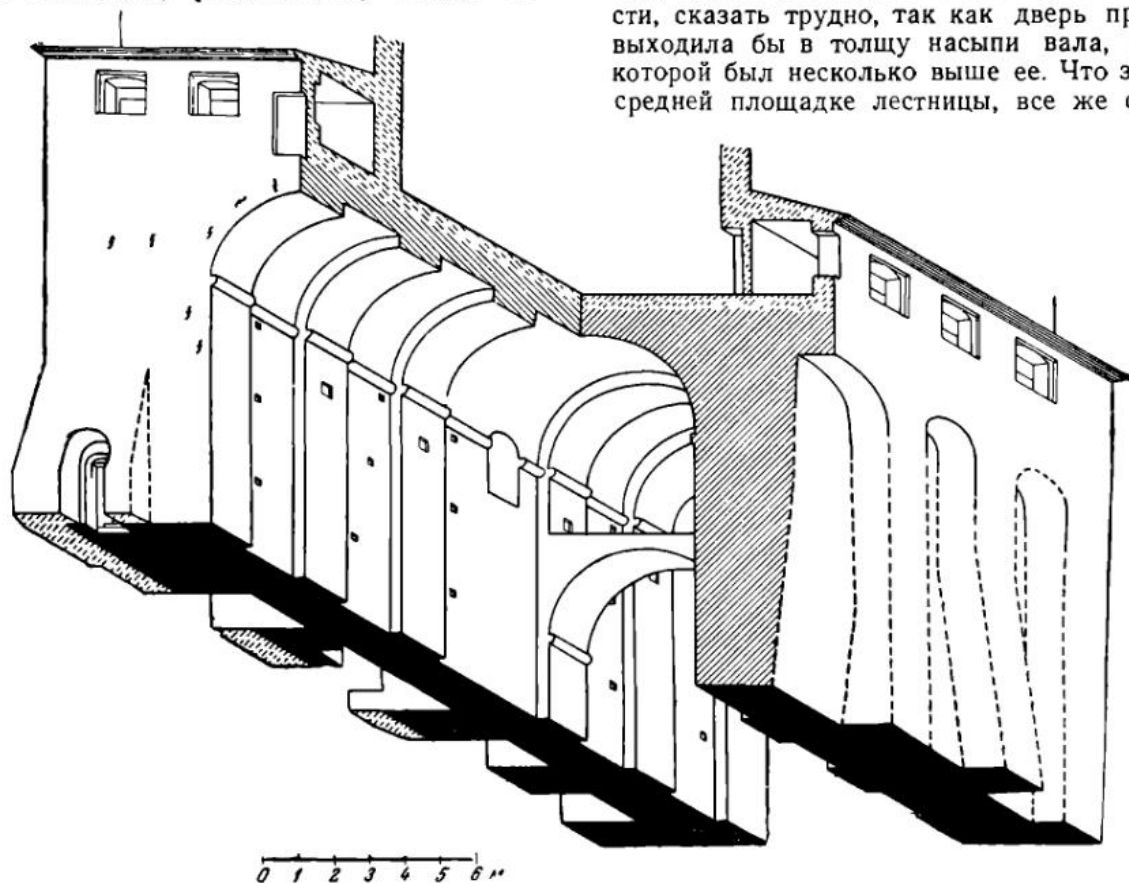

Рис. 4. Золотые ворота. Аксонометрия

разом, пролет ворот как бы на два этажа. При реставрации здания в гнездах для балок была обнаружена копоть.³⁶ Малые квадратные гнезда на стенах ворот являются следами самого строительного процесса — в них закреплялись пальцы лесов.

На боевую площадку выводила небольшая дверь с арочным верхом в южной стене ворот, прорезанной на всю высоту внутренней каменной лестницей, поднимавшейся изнутри города (рис. 5).³⁷ На западном косяке этой двери

³⁶ Никольский. Ук. соч., стр. 104.

³⁷ Лестница южной стены была открыта при реставрации 70-х годов. Повод к ее расчистке дала дверь, выводившая на боевую настил в проезде и заложена кирпичной стенкой. Нижний марш лестницы был завален щебнем. В начале верхнего марша также была кирпичная стена, за которой шел пролитой известью щебень, затем новая стенка из двух рядов белого камня на извести, и снова завал щебня. Поворот верхнего марша, при выходе на надвратную площадку, был совершенно разрушен и не имел ступеней. Лестница

вались два людских потока, свидетельствует значительный растроб белокаменных стен, выровненный теперь кирпичом

Деревянная лестница вела далее на верхнюю боевую площадку ворот, в центре которой была надвратная церковь. Реальная оборонительная роль верхней боевой площадки выясняется рассказом летописи об осаде Владимира татарами. Когда татары во время переговоров с осажденными привели к воротам захваченного в плен московского князя Владимира Юрьевича, то осажденные были наверху ворот: «володимирци пустиша по стреле на татар и татары тако же пустиша по стреле на Золотые ворота» (вариант: «на город и на Золотые ворота»); и дальше: «Всеволод же и

была заложена, очевидно, во время работ Чистякова, когда с устройством новой деревянной лестницы надобность в старом ходе пропала. Никольский, ук. соч., также статья К. Н. Тихонравова в ВГВ, 1871, № 20.

Мстислав стояста на Золотых воротах и познаста брата своего Володимера». ³⁸ Очень вероятно, что лестница освещалась небольшим узким окном, помещенным в ее верхнем марше и выходившем на западный фасад ворот: как увидим ниже (рис. 7а), на миниатюре Лицевого летописного свода XVI в. изображено окно, но с другой (северной) стороны арки, где оно явно не могло быть, так как северный пилон ворот монолитен.

В целях наилучшего сцепления с примыкавшими по сторонам ворот насыпями валов их

ней части аналогична двум предыдущим, пятая имеет полуциркульное завершение, но переложенное из кирпича; возможно, что над 4-й и 5-й нишами в уровень с другими были выложены на фасаде неглубокие полуциркульные впадины в целях соблюдения симметрии незакрытых валом частей фасада.

Ниши южной стены обнаруживают рациональную систему кладок из разного материала. Так, например, в юго-восточной нише видно, что основной массив стены даже в частях, закрытых землей, сложен из прекрасно теса-

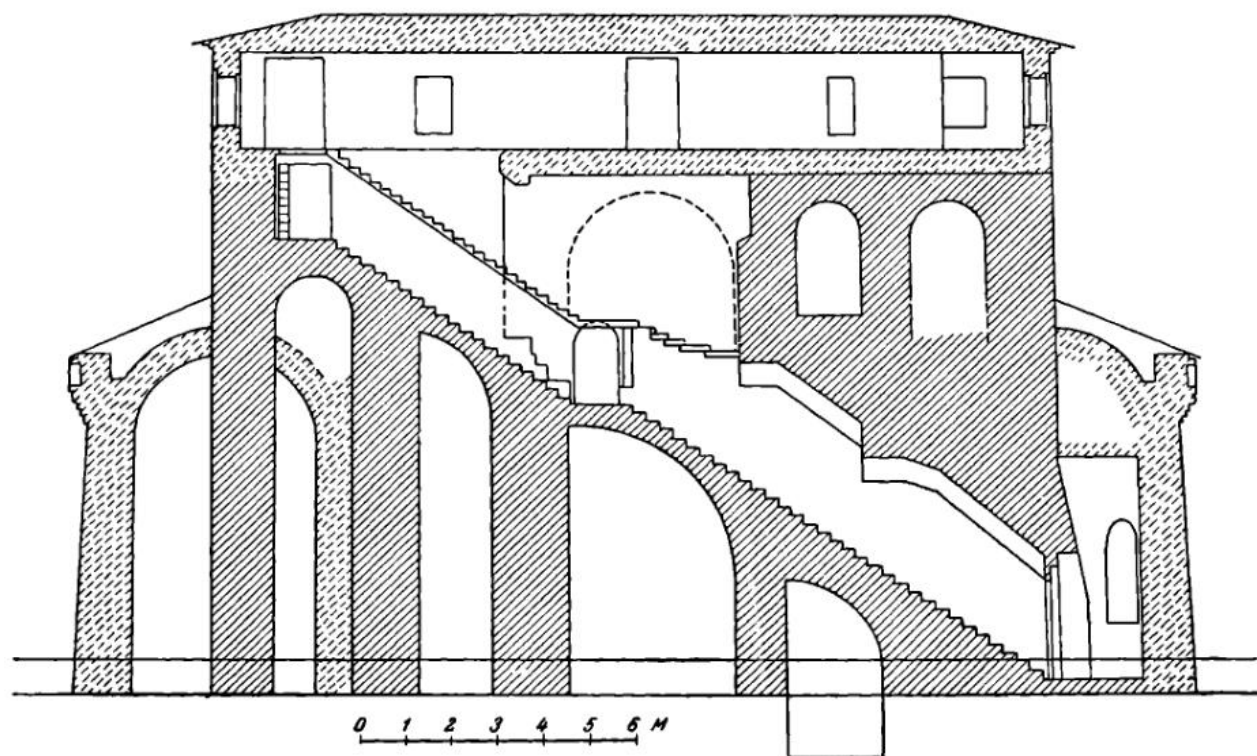

Рис. 5. Золотые ворота. Разрез южной стены.

боковые стенки, пирамидально расширяющиеся книзу, прорезаны глубокими нишами с полуциркульным верхом. На северном фасаде их пять, идущих сверху до низу, не прерываясь; их очертания очень неправильны, линии простенков не вертикальны, — только в верхней части, не прикрытой валами, они получают более или менее правильную форму (может быть, вследствие капитальной починки). Благодаря устройству внутренней лестницы, ниши южной стены имеют иной характер: лестница их прерывает. Рассматривая ниши, начиная от восточного угла (рис. 5), мы видим, что первая не доходит до низа и была «декоративной»; вторая обрывается еще выше, но продолжается под лестницей; аналогична второй третья ниша, разрушенная в верхней части при работах конца XVIII в.; четвертая ниша в своей ниж-

них квадров плотного камня, свод ниш сложен из легкого пористого грубо обработанного туфа, лоб арки снова сложен из блоков белого камня. Как и в арке проезда, в нишах сохранились квадратные углубления от пальцев лесов.

б

Вопрос о характере верха Золотых ворот может решаться лишь гипотетически, на основе косвенных и далеко не бесспорных материалов, так как переложенный в XVIII в. верх памятника не сохранил ни одного участка старой кладки. Видная снаружи по углам южного и северного фасадов белокаменная кладка позволяла надеяться на сохранение старых частей, которые дали бы возможность определить хотя бы высоту зубцов парапета. Однако зондажи стен, сделанные нами внутри современной галереи, показали полную пере-

³⁸ ПСРЛ, I, 196—197.

кладку верха из кирпича XVIII в. с добавлением белого камня в наружных частях.³⁹

Обращаясь к изобразительным источникам, мы должны подчеркнуть условность выводов, которые из них проистекают, но при отсутствии других путей мы обязаны всемерно использовать и этот материал.

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. иллюстрирующая сюжет падения Золотых ворот и «чудо» Владимирской иконы, изображает памятник достаточно ясно (рис. 7а) — это большая воротная башня, за-

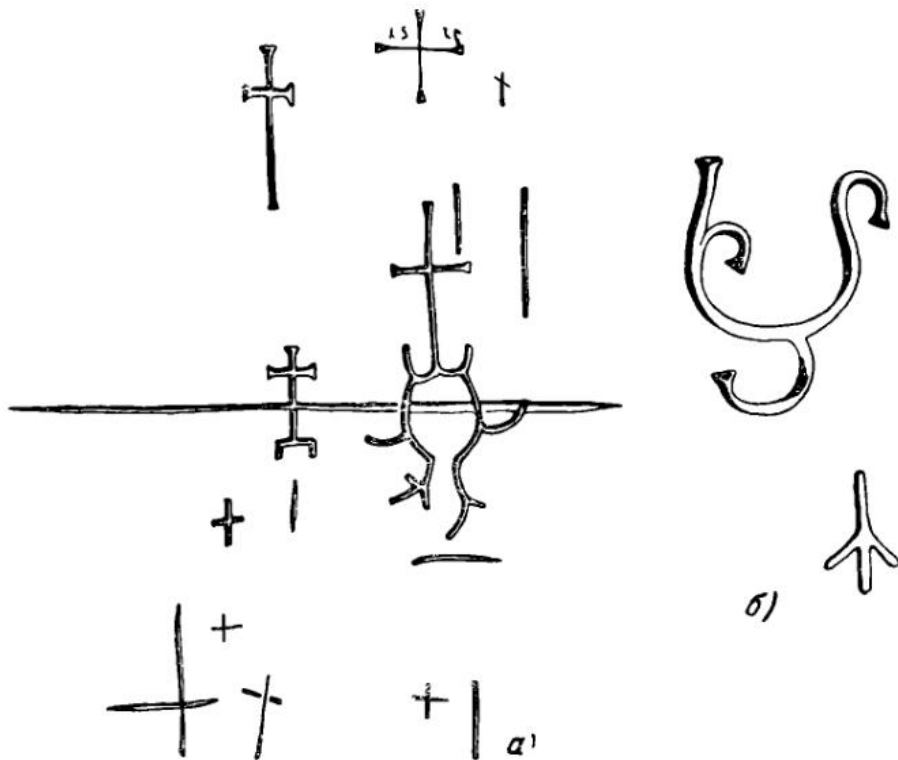

Рис. 6. Золотые ворота.

а — графитти, б — знаки кияжеских мастеров

вершаемая нависающим зубчатым парапетом с машикули, из-за которого видна надвратная церковь, покрытая, очевидно, четырехгранным шатром; его основание передано в виде второго яруса парапета с круглыми «бойницами». Иллюстраторы Лицевого летописного свода в изображении городских ворот придерживались довольно однообразной шаблонной схемы. Так, например, Золотые ворота Киева также изображены с зубчатым парапетом и зубчатой шатровой башенкой церкви над ними; несколько иначе показаны городские ворота Белгорода, но основной чертой схемы ворот является их шатровый верх,⁴⁰ который в данном памятнике живописи естественнее всего отнести

³⁹ Описание кладок, правда не всегда точное, дает Никольский. Ук. соч., стр. 100—101.

⁴⁰ Лаптевский том, л. 37, 21, 145; Голицынский том, л. 433 и об. Ср. Шумиловский том (ворота Москвы), л. 68, 71, 74, 77, 96 и об. и мн. др.

за счет любви людей XVI в. к этой форме национального зодчества.

Проверить данные миниатюры XVI в. позволяет вполне документальное изображение Золотых ворот на плане Владимира 1715 г., отстоящем от Лицевого свода на 150 лет.⁴¹ Здесь (рис. 7б) ворота стоят еще в черте земляного вала, который примыкает к ним с севера и юга. Основной массив здания завершается двумя нависающими горизонтальными выступами; зубцов и машикули нет. Сзади видна кубическая надвратная церковь с тремя закомарами по фасаду, выровненными под прямой карниз; на нем стоят трехгранные кокошники, за которыми поднимается, видимо четырехгранный, довольно приземистый шатер, завершенный главкой. В сохранении шатрового верха ворот убеждает указание, что «до пожара, бывшего в 1778 г. 28 июля, они [ворота] были выше, и помнят даже, что шпич их украшался огромным шаром».⁴²

Изображение Золотых ворот в росписи перехода на хоры собора Боголюбовского дворца, сделанной в 1764 г., т. е. до пожара 1778 г. (рис. 7в), дает, наряду с зубчатым верхом основной площадки ворот (но без машикули), небольшую надвратную церковь с плоским граненым шатром.

От этих поздних изображений можно обратиться к изображениям Золотых ворот в Радзивилловской летописи конца XV в., где они представлены не раз. В сцене возвращения Всеволода III во Владимир во время борьбы с Глебом рязанским в 1177 г. (л. 224, рис. 7г) Золотые ворота представлены в виде квадратной башни с прямоугольным проездом; боевая площадка ограждена зубчатым нависающим над стенами парапетом, квадратные «окошечки» под парапетом могут представлять машикули. На площадке помещена надвратная церковь в ви-

⁴¹ «Чертеж» хранится в Картографическом отделе Библиотеки АН СССР № 3092. Хронологическое определение и анализ всех исторических и историко-архитектурных данных см. Н. Воронин. Социальная топография Владимира XII—XIII вв.

⁴² П. Свиньин. Златые врата во Владимире на Клязьме. Отечественные записки, 1824, № 51, июль, стр. 4.

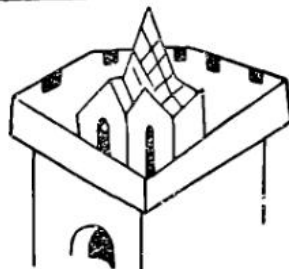
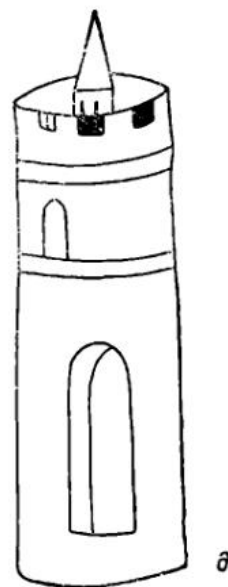
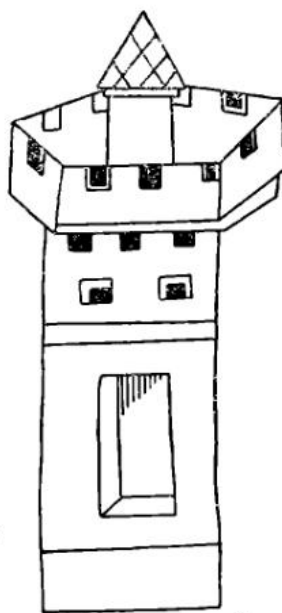
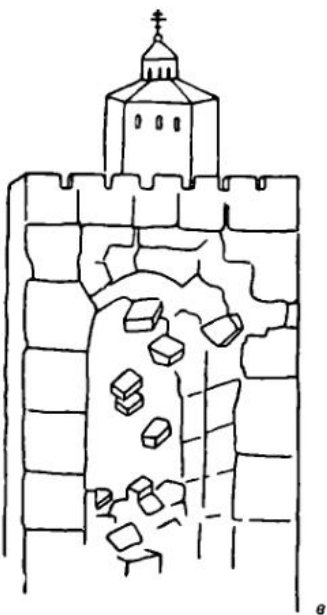
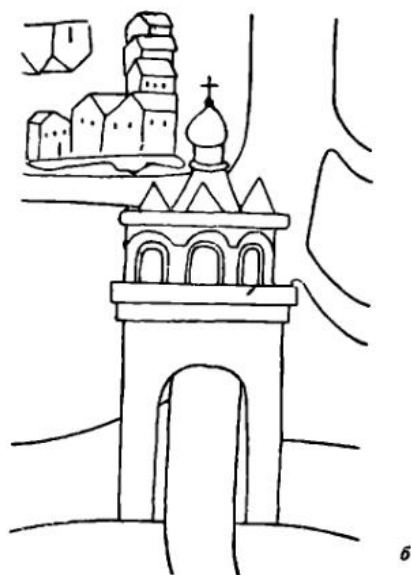

Рис. 7 Золотые ворота в изображениях.

a — миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.; *б* — «чертеж» 1715 г.; *в* — роспись 1764 г. лестничной башни Боголюбовского дворца; *г*, *д*, *е* — миниатюры Радзивилловской летописи.

де башенки, крытой остроконечным шатриком. На л. 228 (рис. 7*д*), в сцене возвращения Всеволода после похода 1181 г. на р. Влену, представлена круглая башня также с зубчатым парапетом и островерхой башенкой надвратного храма. На том же листе в сцене торжественного возвращения Всеволода с полком из похода на Торжок 1182 г. (рис. 7*е*) видим снова квадратную башню с зубчатым бруствером и граненым или квадратным в плане столпообразным храмом, крытым шатром. На двух других изображениях ворота представлены без церкви. Один раз (л. 204 об.) в сцене перестройки Андреем церкви Спаса (1164), когда надвратная церковь могла быть еще недостроенной. Второй раз (л. 217 об.), в сцене прихода под Владимир полков князей, враждебных Михалке (1175), ворота представлены также в виде башни с нависающим зубчатым бруствером, из-за которого видны фигуры трех владимирцев, стреляющих из лука и бросающих камни; изображение здания с людьми заняло поле, оставленное для рисунка, на всю высоту, и надвратная церковь была опущена иллюстратором. Миниатюры Радзивилловской летописи, воспроизводящие весьма точно состав и содержание миниатюр великокняжеского владимирского летописного свода 1212 г.,⁴³ пользуются для изображения башен и ворот вообще несколькими приемами: квадратная башня с четырьмя зубцами по углам, башня с зубчатым бруствером, ворота с фланкирующей их шатровой башней. Золотые ворота Владимира изображаются по иной индивидуальной схеме, передающей, повидимому, конкретные признаки памятника — зубчатый бруствер верхней боевой площадки и крытую шатром небольшую надвратную церковь.

Эти черты изображений XIII—XV вв. едва ли случайно совпадают с изображением ворот в боголюбовской росписи, где также представлена очень простая схема ворот с зубчатым парапетом и маленькой церковью, крытой приземистой шатровой кровлей (рис. 7*в*). Есть основания предполагать, что роспись боголюбовской лестничной башни и перехода на хоры сменила предшествовавшую ей более древнюю роспись, в которой могли быть изображены и «чудеса» Владимирской иконы. К архаизмам этих изображений, кроме описанного вида Золотых ворот, относится, например, любопытная подробность перевоза иконы летом на санях, не отмеченная «Сказанием», но известная по источникам для подобных торжественных случаев (от перевоза мощей Бориса в Вышгороде в XI в. и вплоть до XVII в.).

Таким образом, представляется несомненным, что верхняя боевая площадка Золотых ворот была прикрыта зубчатым бруствером;

зубцы не имели машикулей, появившихся в русской военно-инженерной практике, повидимому, лишь после работ XV—XVI вв. По середине площадки помешалась надвратная церковь.

Вопрос о ее характере является наиболее сложным. Если доверять чертежу Чистякова, указывавшего, что его «проект» восстановления церкви повторяет ее «прежнее расположение» (рис. 8), то перед нами весьма типичный план маленького трехапсидного четырехстолпного храма, в миниатюре повторяющий выработанную в XII в. схему. Однако можно сомневаться в том, что этот план — не вольное сочинение архитектора, перенесшего на ворота схему плана Дмитриевского собора. Любопытно, что исполнение разошлось с «проектом»: кирпичная церковь, освященная в 1810 г., не имеет столбов. Действительно, трудно представить, чтобы при своих небольших масштабах надвратная церковь столь точно повторяла схему четырехстолпного крестовокупольного храма. В отличие от надвратной четырехстолпной церкви 1106 г. в Киево-Печорской лавре, стены которой опирались на нижележащие стены ворот, основная нагрузка (столбы, купол) подобного храма на Золотых воротах приходилась бы почти на самый свод ворот. Вероятнее предположить, что масштаб церкви позволял обойтись без столбов, разрешив перекрытие так, как это было, например, в Остерской божнице, где, при глухих сводах, «верх» был «нарублен деревом».⁴⁴ Это соображение также ведет нас к признанию вероятности, что шатровый стропильный верх храма, а тем самым и башни не был нововведением В. Д. Ермолина, но был изначальной особенностью Золотых ворот. Из текста летописи видно, что Ермолин не перестраивал церковь, но лишь «обновил» ее, т. е. ограничился ремонтом, после которого она еще сохраняла свой первоначальный облик.

Какие-то ремонтные работы проводились по Золотым воротам во время возобновления городских укреплений после пожара 1536 г.⁴⁵ Характер работ XVII в., производившихся по указу митрополита Андриана, после которых надвратная церковь была освящена в 1695 г., в точности неизвестен. Во всяком случае нет никаких оснований полагать, что церковь в это время была выстроена заново из кирпича «хотя и на прежнем своем фундаменте», но «далеко от первоначального стиля»,⁴⁶ или что в это время и верх ворот «почти с самого свода арки» был переложен из кирпича.⁴⁷ Сопостав-

⁴³ Н. Н. Воронин. Рецензия на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры». ВАН, 1945, № 9.

⁴⁴ Константинович. Развалины Юрьевой божницы в Старгородке. «Киевская старина», 1896. X.

⁴⁵ ПСРЛ, IV, 159.

⁴⁶ Ильинский. О реставрации Золотых ворот, стр. 4.

⁴⁷ Ильинский. Ук. статья; отчасти Никольский, ук. соч.

ление миниатюр Радзивилловской летописи с изображением ворот на «чертеже» 1715 г. позволяет предполагать, что надвратная церковь была подвергнута лишь внешнему «обновлению» — были устроены, например, декоративные треугольные кокошники и может быть отремонтирован старый шатер. Таким образом, можно думать, что подобно башням Успенского собора и Боголюбского дворца Золотые ворота имели и в XII в. пирамидальный шат-

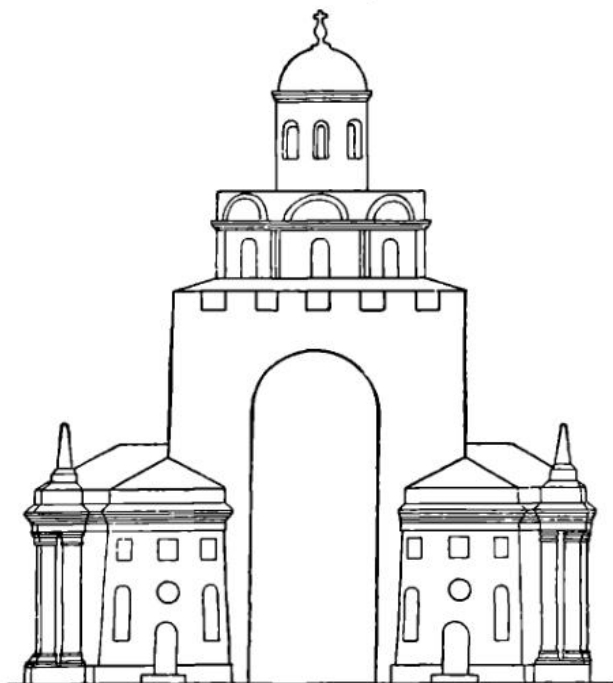

Рис. 8 Золотые ворота „Прожект“ архитектора Чистякова.

ровый верх, возможно крытый листами золоченой меди.

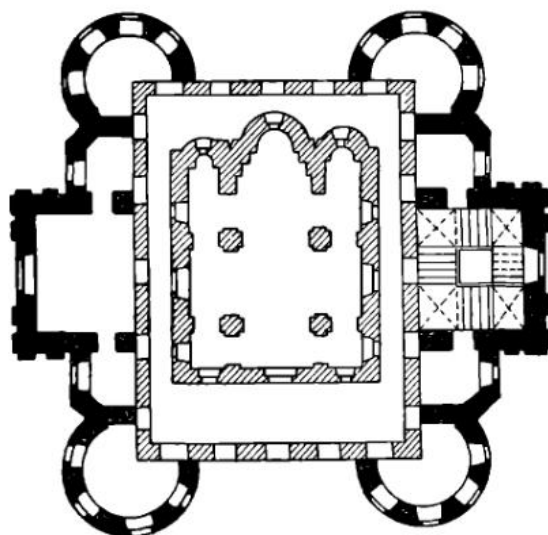
Что касается зубчатого парапета в основании шатра, изображенного на миниатюре Лицевого свода, то вероятнее полагать, что это чисто декоративный вымысел иллюстратора. Правда, Никольский полагал, что надвратная церковь «по исключительности своего местоположения, имела и свою особую, единичную в своем роде, форму, совершенно отличную от всех других современных храмов». ⁴⁸ В западноевропейском средневековом зодчестве были примеры храмов, приспособленных специально для обороны или имевших приподнятые до масштаба брустверов желоба по краям кровли; такова, например, церковь Марии в Комаргю (1144 г.). ⁴⁹ Однако из числа построек Андрея Золотые ворота имеют наименьшее основание для сопоставления с романским зодчеством.

⁴⁸ Ук. соч., 99.

⁴⁹ G. Gromort. L'architecture romane. Paris, 1928, I, стр. 30, табл. 51; О. Шуази. История архитектуры (изд. 1-е), т. II, стр. 158, 179 и др.

6

Золотые ворота в оборонительной системе города были по существу стеной башней; ее продолговатый в плане массив выдвигался вперед за линию валов и, господствуя над ними, позволял держать под фланговым обстрелом с верхней площадки значительные участки стен по бокам. Соединение в одном здании задач военно-инженерных и чисто архитектур-

ного замысла высокой триумфальной арки города привело к устройству деревянной нижней боевой площадки, доходившей до наружного края проездной арки и обеспечивавшей защиту собственно воротных полотнищ. Настил, несомненно, имел вырезы, через которые можно было бросать камни, лить кипяток или смолу, стрелять по врагам, просочившимся к воротам. Снаружи перед воротами шел глубокий ров с постоянным, а не подъемным деревянным мостом, который, в случае опасности, мог просто сжигаться; никаких следов устройства подъемных механизмов моста Золотые ворота не имеют, равно как в самой арке ворот не было дополнительной падающей решетки (герс). Всеми этими чертами памятник очень сближается с киевскими Золотыми воротами, насколько можно судить об этом по их развалинам и главным образом по сохранившимся рисункам. ⁵⁰ Но эти же черты, обнару-

⁵⁰ Я. И. Смирнов. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. ТАС-XIII, т. II, табл. IV; Н. Самойлов. Златые врата Ярославовы в Киеве. М., 1834; В. А. Обремьский. Золотые ворота в Киеве. Киев, 1915.

живающие своеобразность русского архитектурного решения проездной башни города, резко отличают его от устройства подобных башен в средневековых замках и бургах Западной Европы и Византии. Там они никогда не имеют такого огромного арочного проема, свод проезда всегда низок, подъемный мост и падающая решетка усиливают оборонительные качества башни. Оборона ворот ведется не только сверху, но и с боков, с выступающих башен, часто фланкирующих башню ворот.⁵¹ Золотые ворота Константинополя, которые обычно считались памятником, давшим идею Золотых ворот Киева, а за ними и владимирских, также резко отличались от русских сооружений. Это была трехпролетная триумфальная арка с большим средним проездом, назначавшимся для прохода торжественных императорских процессий; отсюда начиналась большая триумфальная улица, ведущая к Августею.⁵² Таким образом, русские Золотые ворота давали отличное от западного и византийского решение, сочетая идею величественной триумфальной арки с функциями боевой башни.

Все это дает новые основания считать Золотые ворота во Владимире несомненно самостоятельной работой владимирских зодчих. Золотые ворота завершают ряд построек 1158—1164 гг. Несмотря на свою «молодость», строители Золотых ворот были вполне зрелыми мастерами, как об этом говорит один летописный текст.

В описании Ипатьевской летописью трагических событий 1174 г. и убийства князя Андрея мы читаем о перенесении тела Андрея из Боголюбова во Владимир: «... и почла народ молвити уже ли Киеву поеха, господине [князь Андрей.— Н. В.], в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послал бяше той церкви на величье дворе на Ярославле, а река: хочю создати церковь таку же ака же ворота си Золота да будеть память всему отечеству моему».⁵³

Текст этот неоднократно привлекал внимание историков и достаточно разнообразно объяснялся ими. Так, например, Н. М. Карамзин полагал, что Андрей незадолго перед смертью дал обещание построить в Киеве на Ярославовом дворе церковь «такую же», как в Боголюбове (? — Н. В.), послал уже туда зодчих, которые строили Золотые ворота во Владимире, но смерть не позволила осуществить этот обет.⁵⁴ Так же рассуждал и В. Плаксин.⁵⁵ Мнение С. М. Соловьева отражено в переводе

текста: «Уже не в Киев ли поехал ты, господин наш, в ту церковь у Золотых ворот, которую послал ты строить на великом дворе Ярославовом; говорил ты: хочу построить церковь такую же, как эти ворота Золотые,— да будет память всему отечеству моему».⁵⁶ Д. И. Иловайский также полагал, что в своих причитаниях народ припоминал последнее намерение князя ехать в Киев, что бы построить новую церковь на Ярославовом дворе.⁵⁷ Иначе понимает текст П. Лашкарев, давая ему совершенно превратное толкование, что речь идет о церкви над Золотыми воротами в Киеве, аналогичной Троицкой надвратной в Печерской лавре, что по образцу этих храмов Андрей «строил церковь во Владимире».⁵⁸ В. Касаткин писал, что Андрей предполагал строить в Киеве «храм, подобный владимирскому соборному», для чего и были отправлены туда из Владимира мастера.⁵⁹ В. Т. Георгиевский излагал текст таким образом: «Уж не в Киев ли собрался ты, княже, через эти Золотые ворота, какие ты послал было делать вместе с церковью на большом Ярославовом дворе. Хочю, говорил ты, создать церковь, такую же златоглавую, как на Золотых воротах, в память всему моему отечеству».⁶⁰ Н. В. Султанов полагал, что «Андрей Боголюбский хотел построить в Киеве на дворе Ярослава церковь, подобную Боголюбской [Покрова на Нерли], и для этого уже отправил туда зодчих, строивших Золотые ворота, но не успел исполнить своего набожного обета».⁶¹

Не приводя других осмыслений, более или менее аналогичных изложенным, мы должны подчеркнуть самое существенное, в чем согласны почти все авторы, что для постройки церкви в Киеве Андрей смог отправить из Владимира мастеров, которые, следовательно, имелись в его распоряжении. Что касается вопроса, о каких Золотых воротах идет речь в тексте, то здесь, нам думается, более всего близок к истине Карамзин, считая их владимирскими.

Думаем, что данный текст в его наличном виде несколько искажен и потерял первоначальный смысл: говорится с одной стороны, что Андрей задумал построить «церковь» [одну] на Ярославовом дворе, а «их же делать послал бяше», свидетельствует о двух постройках, т. е.

отправил в Киев зодчих «строивших Владимирские Златые врата»

⁵⁶ С. М. Соловьев. История России, ч. I, стр. 515.

⁵⁷ История России, М., 1880, ч. II, стр. 218.

⁵⁸ ТАС I, стр. CV. Эта точка зрения стоит в связи с теорией Лашкарева о происхождении типа владимиро-суздальских церквей.

⁵⁹ В. Касаткин. Очерк истории г. Владимира. Владимир, 1881, стр. 21 и прим. См. также В. Пасек, Княжеская и до-княжеская Русь. ЧОИДР, 1870, III, стр. 20—21.

⁶⁰ В. Т. Георгиевский. Князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894, стр. 94—95.

⁶¹ Н. В. Султанов. Русское зодчество в западной оценке. «Зодчий», 1880, № 1, стр. 5.

⁵¹ К. Гартман. История архитектуры. Т. I. М., 1936, стр. 196 и сл.

⁵² Д. Эссад. Константинополь. М., 1919, стр. 93—94.

⁵³ ПСРЛ, II, 598.

⁵⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, стр. 21, изд. Эйнерлинга.

⁵⁵ В. Плаксин. Опыт истории изящных искусств в России (Цит. по перепечатке ВГВ за 1847 г., стр. 130). Та же мысль проводится в анонимной статье «Андрей Боголюбский» в ВГВ за 1848 г., стр. 110—113; Андрей

церкви и Золотых воротах, что явно абсурдно. Но в Киев из Владимира действительно уезжали через Золотые ворота. Считаю, что в протографе Ипатьевского списка имела место описка: в слове *делать* — писец пропустил конечный слог *ел* после *т*; при этой поправке, первоначальный текст должен выглядеть так: «Ужели Киеву поеха господине в ту церковь теми Золотыми вороты их же делат[ел]ь послал бяше [к] той церкви на величьем дворе на Ярославле, а река: хочю создати церковь таку же ака же ворота си Золота да будет память всему отечеству моему». В таком чтении текст становится вполне ясным. Андрей действительно послал в Киев зодчих, строивших Золотые ворота во Владимире, желая построить на Ярославовом дворе церковь — такую же «Золотую», как эти ворота. Согласно нашему предположению, это были местные зодчие: характерно, что к ним применен и русский термин «делатели», тогда как западные строители определялись иностранным термином «мастер» от «*maître*» — «*magister*».

Наконец, последним аргументом в пользу владимирского происхождения зодчих Золотых ворот является примечательное граффити на блоке белого камня в пятой (с востока) нише южной стены ворот. Здесь (рис. 6б) вверху изображен трезубец, представляющий упрощенную модификацию родового княжеского знака Рюриковичей,⁶² встреченную нами дважды: в материале раскопок Владимирского детинца и Ярославского кремля; в первом случае трезубец был на глиняном грузиле от сетей, во втором на стенке глиняного горшка; оба предмета — из слоя XII в. Второй знак, вырезанный на камне ворот, вполне тождественен знаку на ступени пьедестала Боголюбовского кивория, относимого нами к концу строительства замка — 1165 г., т. е. времени, совпадающему с последней постройкой андреевских зодчих во Владимире — Золотыми воротами (1164). Как первый, так и второй знаки могут быть определены как знаки княжеских мастеров, метивших свои работы знаком князя, которому они служили своим искусством.

II. ВЛАДИМИРСКИЙ ДЕТИНЕЦ

1

В Лаврентьевской летописи под 6702—1194 г. мы читаем: «Того же лета заложи благоверный князь Всеволод Юрьевич детинец, в граде Володимери, месяца июня в 4 день на память святого Митрофана патриарха Костянтинаграда».⁶³ Это строительное ме-

роприятие Всеволода стоит в ряду других осуществленных им крепостных сооружений этого времени: в 1192 г. закладываются и заканчиваются рубленные стены Суздальского кремля;⁶⁴ в 1195 г., одновременно со строительством Владимирского детинца, Всеволод посылает тиуна своего возобновлять укрепления далекого Остерского городца⁶⁵ и закладывает деревянный «город» по гребню валов Переславля-Залесского, законченный в том же году.⁶⁶ Все эти крепостные сооружения времени «великого Всеволода», как называл его летописец, оставались неизученными, а по вопросу о Владимирском детинце спорили даже о его месте.

Несмотря на наличие совершенно убедительных литературных и исторических свидетельств о местоположении детинца и его границах, вопрос этот в литературе специального освещения не получил и был основательно запутан. Так, А. И. Бунин, автор серьезной работы по топографии города,⁶⁷ считал, что стена детинца тождественна с восточной линией земляных валов Среднего города, что, следовательно, Всеволод выделил из состава Мономахова города (каковым Бунин считал «ветчаной» — восточный и Средний город) среднюю часть, которая и образовала детинец.⁶⁸ Так же думал Н. А. Артлебен, считавший, что «Всеволод возобновил старую крепость», что сведения о закладке детинца говорят о «возобновлении Кремля после бывших пожаров».⁶⁹

Истинное место и назначение стены детинца вскрывается последующими сообщениями летописей. Двумя годами позже закладки детинца, в 1196 г., епископ Иоанн ставит каменную церковь Иоакима и Анны «у детинца на воротех»,⁷⁰ которая вскоре и освящается;⁷¹ Лаврентьевская и Воскресенская летописи дают иную версию, сообщая, что эта церковь была поставлена «на воротех святое Богородици»,⁷² т. е. на воротях Успенского собора. По позднейшему житию владимирского князя Георгия Всеволодовича, епископ Иоанн заложил эту церковь «на своем дворе».⁷³

⁶⁴ Там же, стр. 172.

⁶⁵ Там же, стр. 173.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ А. И. Бунин. К исторической топографии г. Владимира на Клязьме. ТВУАК, т. II.

⁶⁸ Критику работы Бунина и пересмотр основных вопросов топографии Владимира см. Н. Воронин, Социальная топография Владимира XII—XIII вв.

⁶⁹ Н. А. Артлебен. Владимирский Кремль-город по описной книге 1626 г. ВГВ, № 6. См. также Краткие исторические сведения о г. Владимире. ВГВ, 1901, № 26, стр. 3. С. Строганов считал детинец «дворцом» для детей Всеволода. Дмитриевский собор. М., 1849, стр. 5.

⁷⁰ ПСРЛ, X, стр. 23; XX, 140; XXIII, 56.

⁷¹ ПСРЛ, X, стр. 29—30.

⁷² ПСРЛ, I, стр. 174; VII, 106 и др.

⁷³ В. Доброгогов. Памятники древности во Владимире Кляземском. М. 1849, стр. 103, прим. 28; стр. 105, прим. 29.

⁶² Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, 1940, VI, стр. 247—248.

⁶³ ПСРЛ, I (изд. I), стр. 173.

Таким образом выясняется, что ворота детинца с надвратной церковью Иоакима и Анны были в то же время воротами, ведущими к епископскому собору, а, следовательно, стояли где-то поблизости от него на склоне площади от собора к городу.

Здесь до начала XIX в. стояла старая шатровая колокольня собора, разобранная после повреждения молнией в 1806 г.;⁷⁴ в ней находилась под ярусом звона церковь Иоакима и

вения этой колокольни за древние ворота и к древности же относили и надвратную церковь. Так, Доброхотов прямо пишет: «В 30 саженьях от собора, в западной стороне его, находились обширные квадратные ворота из белого камня с пространною в середине аркою [она еще видна на рисунке 1715 г.— Н. В.], над которой находилась церковь во имя св. Иоакима и Анны, заложенная 1 мая 1196 года... Впоследствии времени заложен был третий этаж для коло-

Рис. 9. Успенский собор во Владимире и его колокольня (по рис. 1801 г.).

Анны, упраздненная в 1783 г.⁷⁵ Изображение этой колокольни дают план города 1715 г.⁷⁶ и панорама города 1801 г. (рис. 9).

Авторы первой половины прошлого века согласно признавали белокаменный куб осно-

ков, оканчивавшийся конусом».⁷⁷ «...Подле этого здания еще до устройства на нем церкви, находился детинец...»⁷⁸ Тот же автор сообщает и об обстоятельствах гибели этого памятника, разобранный в начале XIX в. на материал для постройки существующей соборной колокольни: «все здание было разобрано до

⁷⁴ Доброхотов. Ук. соч., стр. 104—105.

⁷⁵ Н. В. Малцкий. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. II, Владимир, 1907, стр. 17—18.

⁷⁶ Воронин. Социальная топография Владимира. Рис. 3 и 4 (№ 65) и стр. 168—169.

⁷⁷ Доброхотов. Ук. соч., стр. 103.

⁷⁸ Там же, стр. 105.

основания, которое в некоторых местах видно и доныне. Не мало времени и трудов употреблено на разборку этого необыкновенно прочного, священного памятника древности, который пощажен был монголами и временем». ⁷⁹ Действительно, на панораме города (рис. 9) мы видим и описанную Доброхотовым колокольню, и справа от нее еще какие-то следы постройки в виде блоков белого камня, поросших травой,— может быть стены детинца.

Приведенные сведения с бесспорностью утверждают, что ворота детинца находились против городского собора и что стена детинца ограждала собор и южную часть среднего города и отделяла этот участок от остальной территории города. Детинец несомненно прикрывал и княжий двор у Дмитриевского собора, следовательно ограждал княжеско-епископское поселение. ⁸⁰

Точное место ворот детинца указывалось разнообразно — на северо-запад от новой существующей колокольни в 30 саж. (Доброхотов), или в 7 саж., или в 55 шагах. ⁸¹

2

В 1936 г., согласно изложенным предварительным данным, было определено место ворот детинца, и их массив открыт раскопками с северной и западной сторон, раскрыта также примыкающая с востока к воротам стена детинца: дополнительной поперечной траншеей обследована степень сохранности основного массива ворот. В 1937 г. была полностью завершена раскопка ворот, раскрыты западное крыло стены детинца и прилегающий к нему с юга участок двора детинца. Площадь, раскрытая в 1937 г., составляет 252 м², что вместе с площадью, вскрытой в 1936 г., дает 400 м² (рис. 10). ⁸²

Площадь, исследованная в 1936—1937 гг., судя по панораме 1801 г., в начале XIX в. представляла весьма холмистую поверхность; теперь она совершенно ровная, слегка покатая к северу. Это результат нивелировки южной части площади в 1847 г., когда был снят и вывезен слой земли «более аршина». По све-

⁷⁹ Там же, стр. 104—105; И. Ф. Дмитриевский О начале Владимира, что на Клязьме, СПб, 1802, стр. 297.

⁸⁰ Е. Голубинский считал владимирский детинец просто «соборной оградой», причем ошибочно относил его ко времени Андрея Боголюбского. История русской церкви. Т. I, ч. 2, стр. 158, прим. 1.

⁸¹ А. Виноградов. История Успенского собора во Владимире. Владимир, 1905, стр. 69; ЖМВД, 1839, № 9, стр. 437.

⁸² Раскопки 1936—1937 гг. велись на средства Всероссийской Академии художеств (1936 г.), Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и Владимирского музея (1937 г.). В раскопках участвовали: Н. Н. Вороинин (начальник экспедиции), Н. А. Левитский (помощник начальника), научный сотрудник ГАИМК В. Н. Полторацкая, сотрудник Владимирского музея Б. И. Григорьев. Коллекции хранятся во Владимирском областном музее.

дениям, проникшим в местную печать, в снятой почве находили много кирпичей и полусгнивших бревен; в одном месте в песке была выкопана верхняя часть креста из белого камня с высеченными инициалами IC—XC; в другом месте было найдено 60 серебряных монет времени царя Михаила Федоровича. ⁸³ Надо полагать, что эта нивелировка сняла слой, связанный с застройкой площади XVII—XVIII вв., показанный на плане 1715 г., а может быть захватила и более ранний слой.

Этим можно объяснить тот факт, что в частности стены детинца обнаружены почти непосредственно под дерновым покровом, равно как также лишь дерн прикрывал наилучше сохранившуюся западную стену ворот.

Площадь перед Успенским собором ограничена с востока и запада городским садом (б. Липки и Пушкинский бульвар — ныне городской Парк Культуры), разбитым в XIX в. ⁸⁴ При его разбивке уровень этих участков по сторонам площади значительно понижен: земля была снята и вывезена. Таким образом, рассчитывать на сохранение здесь остатков стен детинца и старого культурного слоя не приходится. Интересно отметить, что при планировке Пушкинского бульвара были найдены остатки каких-то каменных сооружений и сделан ряд монетных находок. ⁸⁵

Кладка самих ворот оказалась действительно выбранной почти до основания; ворота лежали под землей в виде оплывших масс бута, ограниченных внизу кладкой белокаменной корочки стены; только внешняя поверхность западной стены ворот сохранила четыре ряда камня, в остальном мы имеем лишь нижние логовые камни, выстилающие забутку рвов фундамента и лежащие от современного уровня дневной поверхности на глубине от 1.5 до 2 м.

В связи с выборкой камня, производившейся путем широких канав вдоль разбивавшихся стен, стратиграфия на всей площадке ворот совершенно нарушена; эти канавы были ясно видны в обресе раскопа (рис. 11). Не тронутым остался лишь массив земли в самом пролете ворот и около хорошо сохранившейся их западной стены. Основная же верхняя толща культурного слоя представляет совершенно безотрадную перерытую массу земли, пронизанную известковым и кирпичным щебнем, а иногда и чистого щебня.

Раскопка западной стены ворот до деталей подтвердила предварительные данные источников о памятнике. У юго-западного угла нижнего куба колокольни на панораме 1801 г. обозначена какая-то покрытая особой кровелькой выступающая часть (рис. 9); угол ворот в

⁸³ ВГВ, 1847, № 26; 1854, № 20

⁸⁴ Пушкинский бульвар был разбит в 1815 г. (ВГВ, 1865, № 29, стр. 156).

⁸⁵ ВГВ, 1853, № 36, стр. 200.

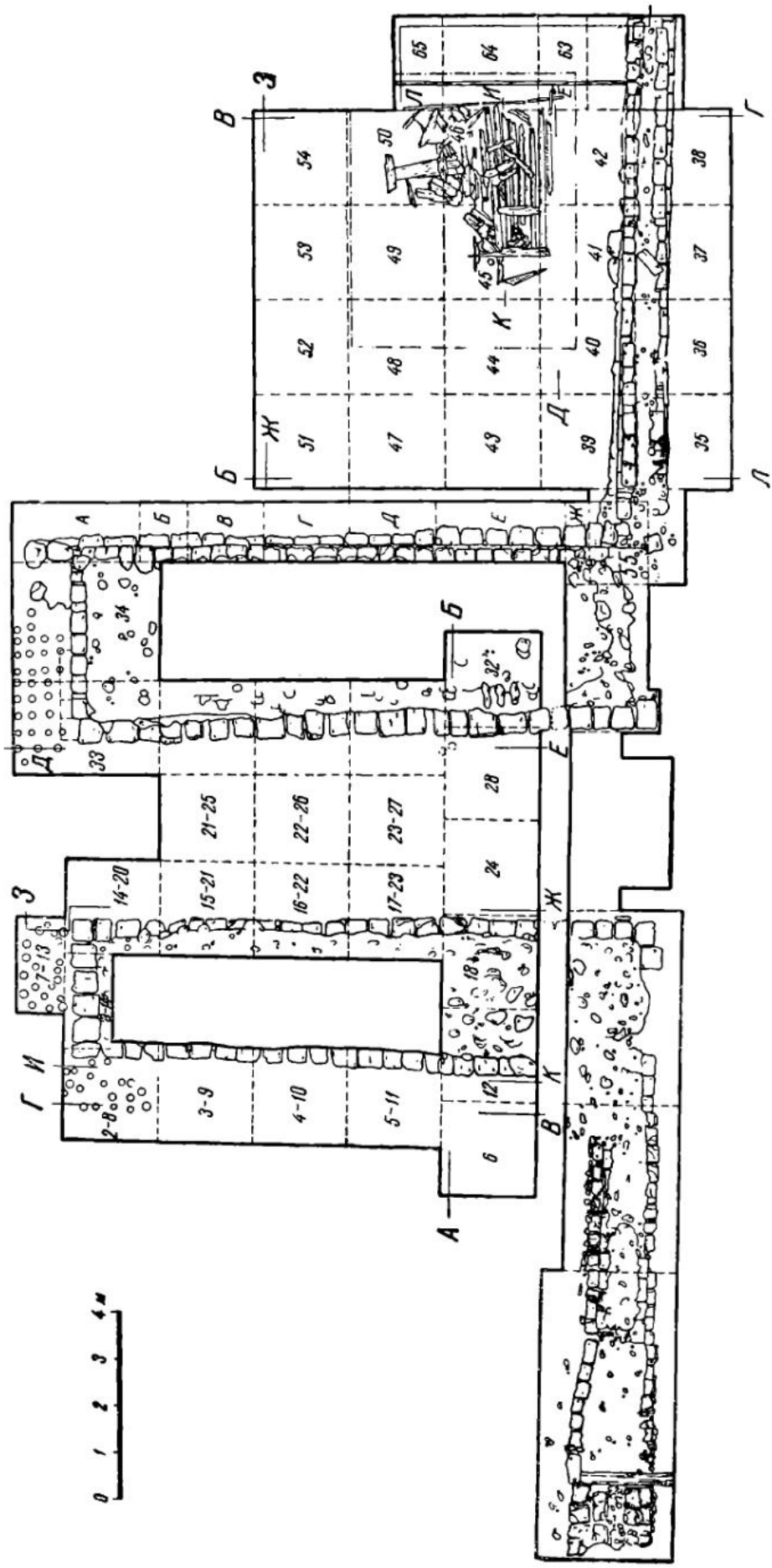

Рис. 10. План раскопок укрепленной дегница.

этом месте деформирован и обколот. Раскопка обнаружила, что именно этот угол особенно сильно разрушался, камни покрыты сетью трещин, отколов и пр.; он был подперт кирпичным контрфорсом, от которого сохранился сложенный из крупной булыги фундамент, на известковом растворе с кирпичным щебнем. Вследствие сильного разрушения камней этой части стены она и не подверглась раз-

ворот, в котором, кроме того, примешан древесный уголь. Бут фундамента заполняет рвы целиком; глубина заложения фундамента равняется 3.60 м от современной поверхности и 1.90 м от низа цоколя.

В остальных частях ворота сохранили лишь логовые камни фундамента (рис. 13б), что лишает нас возможности с определенностью судить о деталях конструкции здания.

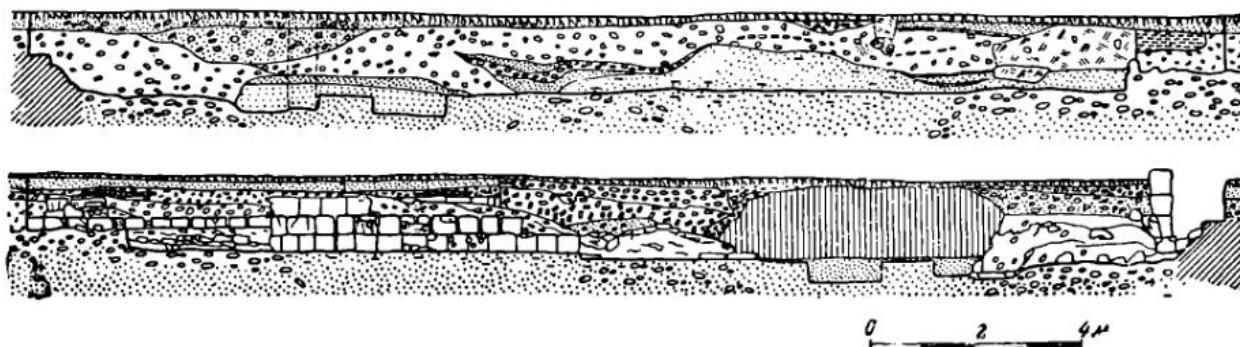

Рис. 11. Южный профиль раскопа восточного крыла стены и ворот детинца (обозначения см. при рис. 15).

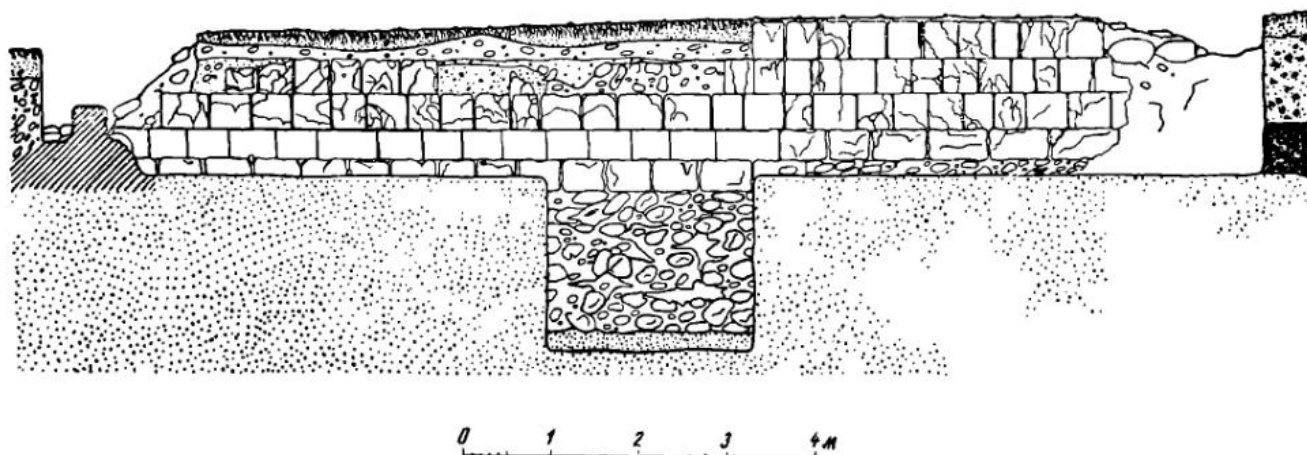

Рис. 12. Западный пилон ворот. Фасад (обозначения см. при рис. 15).

борке на материал для новой колокольни собора, сохранив, как сказано, четыре ряда кладки (рис. 12). Блоки камня разномерны, кладка не всегда в перевязь, часто вертикальные швы совпадают друг с другом; нижний цокольный ряд камня выложен из идеально тесаных продолговатых блоков и образует небольшой выступ (рис. 13а). Сразу под ним идет последний ряд камня собственно фундамента, значительно выступающий в стороны; он лежит уже на уровне материка и представляет собой кладку из грубо обработанных камней, положенных непосредственно на забутку рвов; последняя состоит из известнякового и булыжного бута на известковой со значительной примесью песка. Заливке, отличной от цементирующего раствора бута стен

В плане (рис. 10) ворота почти квадратны (12.5×12 м) и представляют, подобно владимирским Золотым воротам, два параллельных продолговатых пилона, перекрытых, очевидно, коробовым сводом. Пролет ворот ориентирован с юга на север. Ввиду исчезновения стеновых камней пролета нельзя утверждать, что на его стенах были лопатки и, следовательно, что свод ворот имел подпружные арки, как это имеет место в Золотых воротах; также неизвестно, была ли здесь малая арочная перемышка для воротных полотнищ, которую можно предполагать, учитывая высоту арки ворот (судя по рисунку 1801 г., она равнялась примерно 10 м) и аналогию Золотых ворот. В отличие от последних боковые — восточный и западный — фасады ворот не имеют ниш,

здесь ненужных, так как их задачей в Золотых воротах является сцепление куба ворот с насыпью примыкающих непосредственно земляных валов, здесь же к воротам примыкали стены. Западный пилон ворот толще восточного (западный — 4 м, восточный — 3 м) — в нем, несомненно, помещалась каменная лестница, перекрытая ступенчатым или ползучим

обожен — по сути дела это короткие колья, а не сваи. Как удалось установить, эти колья забивались уже после закладки фундаментов и выкладки первых рядов камня, — свая прорезает выдавленную из рва известковую корку, до которой только и доходят концы свай. С других сторон свай нет. Вероятно они служили укреплением пластичного грунта с юж-

а

б

Рис. 13.

а — западный пилон ворот, цоколь; б — логовые камни фундамента восточного пилон ворот.

сводом и выводившая на верх ворот и в епископскую надвратную церковь; лестница не сохранилась. По своей основной архитектурной идее ворота детинца представляют уменьшенную и упрощенную реплику городских Золотых ворот.

Интересной, но не вполне понятной технической особенностью постройки является крепление глинистого грунта с южной стороны ворот рядами коротких свай, от них сохранились лишь пустоты, заполненные древесным тленом⁸⁶ (рис. 14). Длина свай 0.75 — 1.00 м, толщина 10—15 см, конец заострен, иногда

⁸⁶ Вследствие полной разрушенности свай породу дерева не удалось определить.

ной стороны, сменяющегося к северу плотным красным песком. Общее представление о положении свай и сохранившихся кладках пилонов ворот дают разрезы раскопа на рис. 15.

К северным углам ворот с востока и запада примыкает стена детинца (рис. 10). При полном молчании источников о ее характере было большой неожиданностью, что стена оказалась сложенной из камня.⁸⁷ Кладка восточного крыла по горизонтали (рис. 11) отвечает рядам кладки самих ворот; однако перевязи,

⁸⁷ Не знаем, какие данные позволили П. Полевому считать владимирский детинец каменным. Очерки русской истории в памятниках быта. СПб., 1880, ч. II, стр. 156.

видимо, не было; западное же крыло приложено впритык; однако и здесь и там начало кладки стены лежит на одном уровне. Это обстоятельство, а равно и стратиграфические условия позволяют считать несомненной одновременность ворот и стены. По характеру камня, технике кладки и масштабу стены выполнены гораздо грубее и проще, чем ворота.

лого камня (диам. 0.49, длиной 0.49 м) в основании западного крыла (рис. 18).

Если доверять миниатюре XVI в. (рис. 19), то стены завершались зубчатым бруствером, что вполне вероятно. Детинец имел вполне боевой характер.

Оба крыла стены обследованы на всем их протяжении. Восточное крыло обрывается на

а

Рис. 14.

а — сваи у юго-западного угла ворот; б — сваи у юго-восточного угла ворот.

Стена не ровна, сравнительно тонка (от 1.00 до 1.70 м). Восточное крыло (рис. 11 и 16а) сложено из постелистых блоков сероватого слоистого известняка. Западное крыло (рис. 16б и 17) характеризуется нерегулярной кладкой из туфовой плиты; здесь и там проще известковый раствор — он не имеет угольной примеси и близок по составу заливке фундамента ворот;⁸⁸ в буге преобладает мелкий булыжник. Легкость стены позволила строителям отнестись почти небрежно к фундаменту, он скуп пролит известью, но сильно пересыпан песком; вместе с бутовым камнем сюда запущены отдельные бракованные детали, таковы два камня от круглых колонн, тесаных из бе-

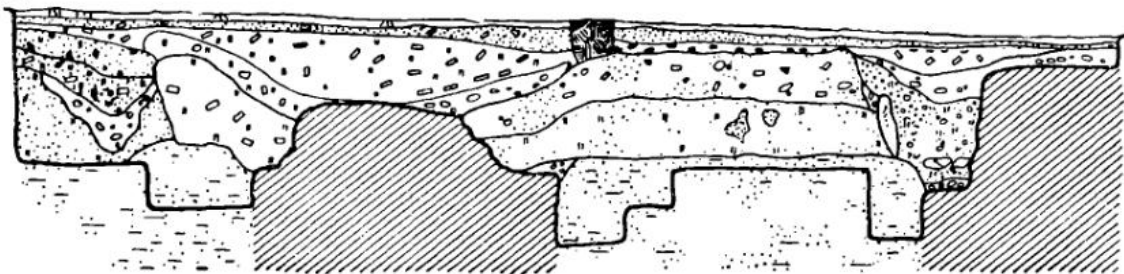
расстоянии 11 м от северо-восточного угла ворот; дополнительные в восточном направлении разведочные раскопы подтвердили, что на остальном участке площади перед собором стена разобрана начисто. В восточной части стена повреждена позднейшей встройкой небольшой бревенчатой клетки, от которой сохранилось одно бревно; по характеру культурных остатков эта встройка синхронна всему пласту строительного мусора, прикрывающего стену (XVII—XVIII вв.).

Западное крыло стены заполняло пролет между воротами и западным валом и обрывом Среднего города. Как показали разведочные раскопы, в западном направлении стена обрывается на склоне от соборной площади к Пушкинскому бульвару, уровень которого был значительно понижен при нивелировке садовых дорожек в 1853 г.⁸⁹

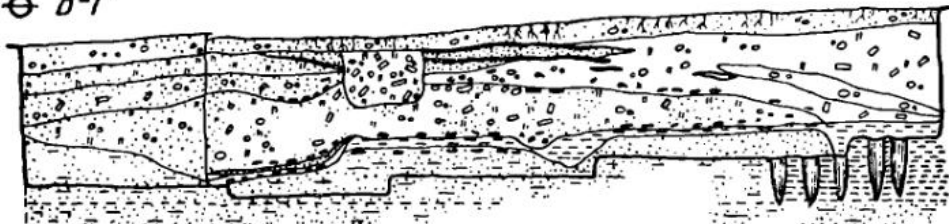
⁸⁸ По характеру раствор этот близок раствору фундамента южной лестничной башни Дмитриевского собора. См. Н. Н. Воронин. К архитектурной истории Дмитриевского собора. КС ИИМК, вып. XVII. М., 1947.

⁸⁹ ВГВ, 1853, № 36, стр. 200.

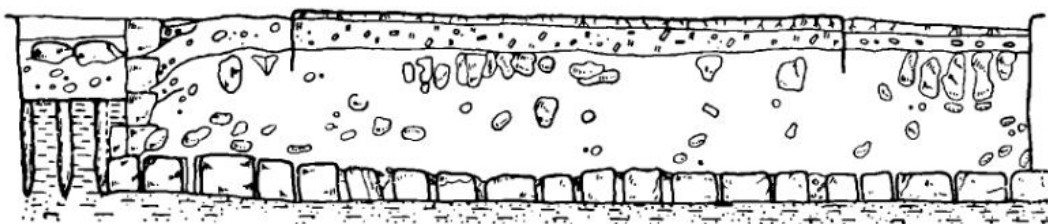
⊖ А-Б

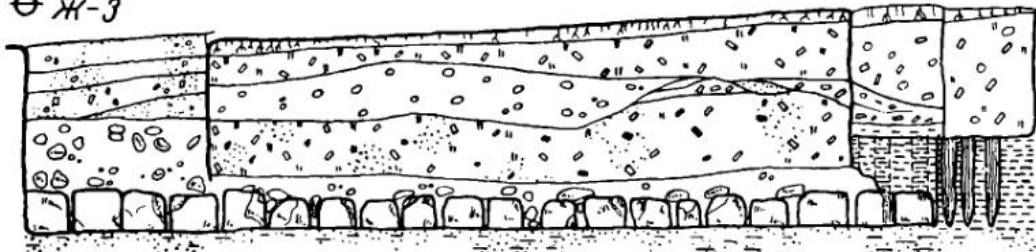
⊖ В-Г

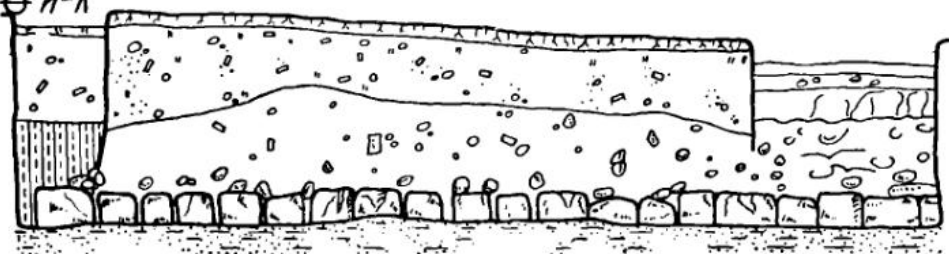
⊖ Д-Е

⊖ Ж-З

⊖ И-К

0 1 2 3 4 м

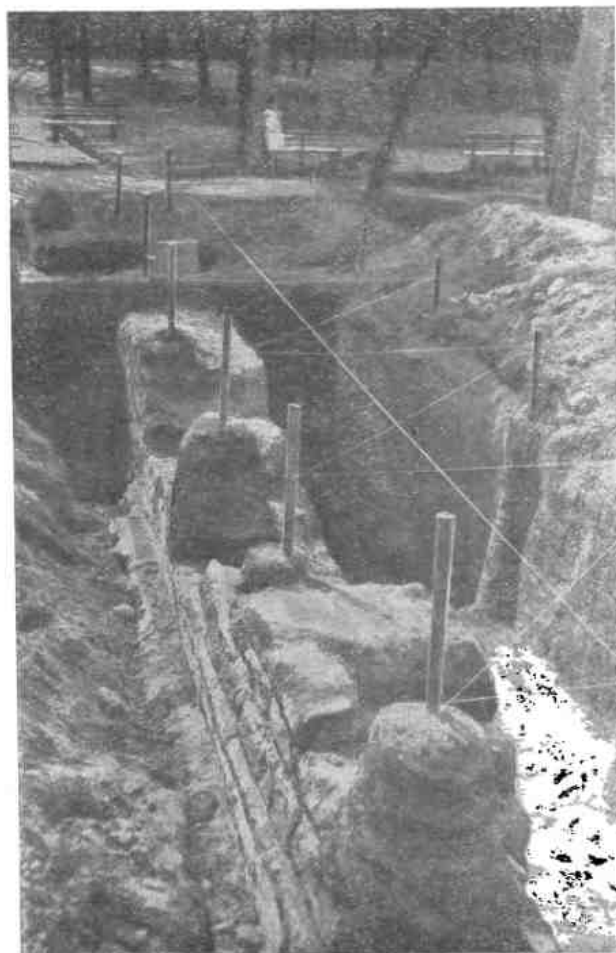
Рис. 15. Профили раскопа ворот детинца.
 1 — слэй в пролете ворот; 2 — черный культурный слой двора; 3 — ямы, перекопы; 4 — песок; 5 — глина; 6 — земля;
 7 — известь и белокаменный щебень; 8 — кирпич и кирпичный щебень; 9 — уголь.

Таковы остатки Всеволодовой цитадели, опоясавшей камнем епископский и княжеский дворы во Владимире. Повторим, что вряд ли можно сомневаться, что стены княжеского детинца не ограничивались территорией епископского двора (как предполагал Голубинский и как это изображено на миниатюре

учинися» — все эти факты говорят о тревожной атмосфере в столице. Трещина в «союзе горожан и королевской власти» углублялась. Но Всеволод мог, опираясь на свое установившееся могущество, не считаться со своими союзниками. Каменный панцырь детинца стал между княжеско-епископским двором и горо-

а

б

Рис. 16.

а — деталь восточного крыла стены детинца; б — западное крыло стены детинца в процессе раскопа.

XVI в.); следует думать, что она шла далее на восток, охватывала княжеский двор с Дмитриевским собором и, наконец, смыкалась со стеной придворного Рождественского монастыря, занимавшего юго-восточный угол Среднего города. Монументальный боевой характер укреплений детинца свидетельствует об остроте и напряженности классовой борьбы в городе, не потухшей после восстания 1174 г. и убийства Андрея Боголюбского. «Мятеж» 1177 г., с которым столкнулся и Всеволод, какое-то городское волнение, связанное со страшным пожаром Владимира 1185 г., когда «на крестьянском роде страх, колебание и беда упространися», наконец пожар 1193 г., когда сгорела половина укреплений города, а двор Всеволода едва отстояли, но «много зла

дом, он гарантировал безопасность владимирских владык от неожиданных осложнений и прикрывал их хоромы и храмы от опасного соседства горячего деревянного города.⁹⁰

в

Раскопки дали материал и для суждения о характере и формах исчезнувшей епископской надвратной церкви Иоакима и Анны 1196 г.

Миниатюра XVI в. (рис. 19) ничего не дает для суждения о внешнем виде надвратной церкви: она ее фактически не изображает, завершая условные ворота непосредственно четырехгранным покрытием.

⁹⁰ Подробнее см. в нашей работе «Социальная топография Владимира», стр. 159—161.

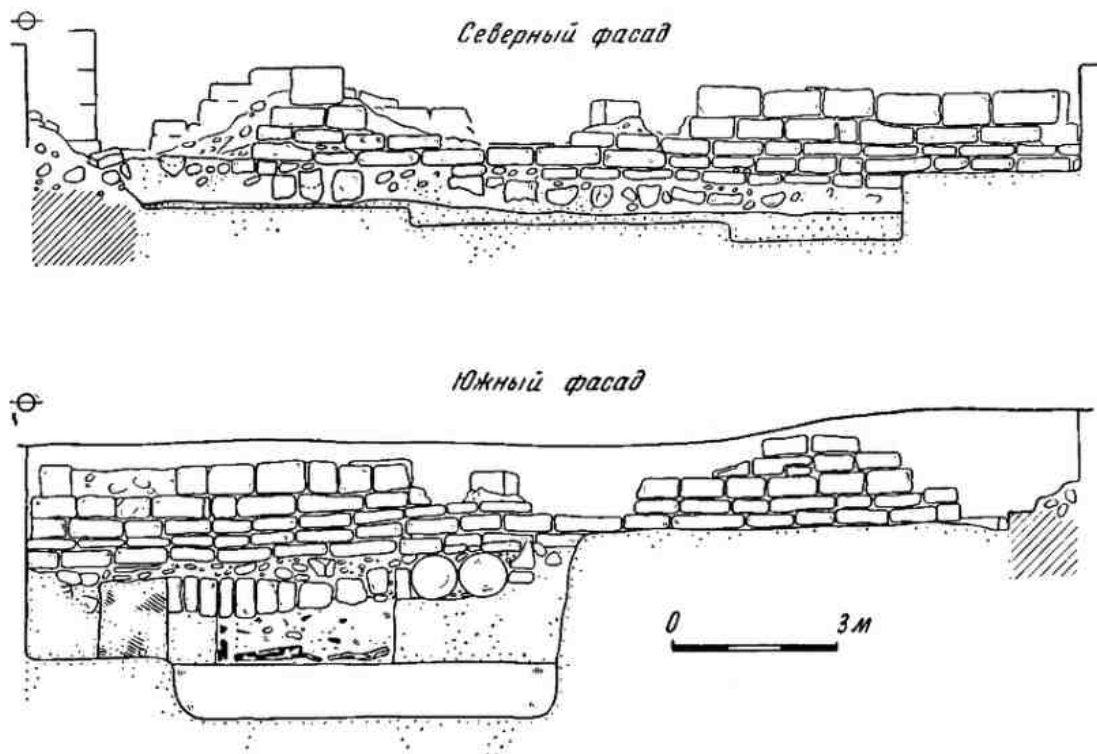

Рис 17. Западное крыло стены детинца. Фасады (обозначения см. при рис. 15)

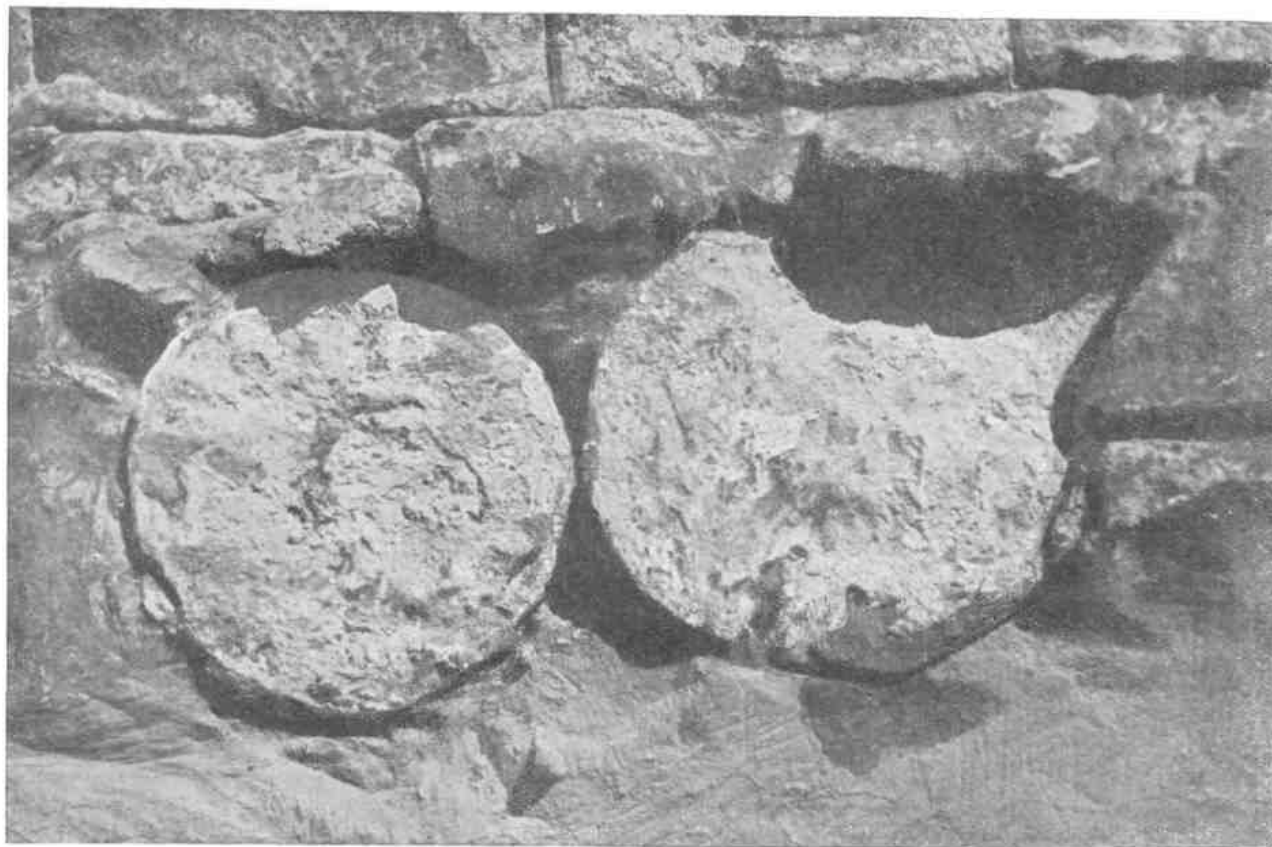

Рис. 18. Части колонн в кладке западного крыла стены детинца.

На изображении соборной колокольни — ворот детинца на панораме 1801 г. на верхней площадке нижнего куба возвышается «четверик» под «восьмериком» звона и шатра. Внутри четверика до 1783 г. помещалась ц. Иоакима и Анны. Возникает вопрос: передает ли

Рис. 19. Детинец по миниатюре Лицевого летописного свода XVI в.

рисунок фасады старой (1196 г.) церкви или же перед нами сменившая ее постройка XVII в.? Фасады четверика членятся на 4 части узкими лопатками: несомненно это членение вполне декоративно. Исходя из размера ворот, помещавшаяся на них церковь могла иметь размеры не более 8—9 м по стороне: вокруг нее должен был оставаться обход верхней боевой площадки. При этих миниатюрных масштабах церковь не могла иметь столбов, которым отвечали бы лопатки фасадов. Скорее всего она была бесстолпной церковью, подобной с.-в. капелле — усыпальнице черниговского Спасского собора, также имевшей настенные лопатки.⁹¹ Можно, однако, предполагать, что заложённые в основание западного крыла детинца бракованные обломки белокаменных сравнительно легких колонн могли иметь отношение к конструкции надвратной церкви. Не имела ли она круглых колонн, поддерживавших своды? Все это, как и вопрос о

⁹¹ М. Макаренко. Чернігівський Спас, Київ, 1929. табл. ІІа.

верхе надвратной церкви, остается в области догадок.

Раскопки принесли лишь ряд фрагментов, относящихся к внешнему и внутреннему убранству епископской церкви.

Наиболее крупный резной камень найден в обвале около западной стены ворот, — плоский белый камень с одним полукруглым ребром, на котором вырезана пальметка в удлинненном овале. Аналогичный камень есть в коллекциях ГИМ.⁹² Это камень косяка портала, часть его полуколонки (плита ставилась вертикально, рис. 20). Можно предполагать, что маленькая епископская церковь имела лишь один портал с западной стороны; таких камней с других сторон не найдено. Обломок камня с аналогичным орнаментом (пальметка в овале) найден у юго-восточного угла ворот (рис. 21, а).

Церковь имела аркатурно-колончатый фриз. Найдены: обломки фустов колонок без резьбы (один с гнездами для металлических штырей), деформированный фрагмент консоли с углублением для фуста и обломок клинчатой консоли; фриз следовал старой системе, когда колонки выступают из плоскости стены, а не «врезаны» в нее; капители фриза были повидимому тождественны капителям фриза Дмитриевского собора (рис. 21, б), но наряду с ни-

Рис. 20. Резной камень от портала надвратной церкви (слева) и камень из коллекции ГИМ (справа).

ми встречены фрагменты капителей с простыми пальметками (рис. 21, ж), что свидетельствует о разнородности и невыдержанности фриза. Характерно, что на этих обломках капители заметны следы окраски (красный тон).

Все другие найденные обломки резного камня представляют растительную орнаментацию или профилированные детали. Только один маленький фрагмент (рис. 25, а) позволяет предположить наличие изображений животных — осколок рельефа представляет, возможно, бедро ноги зверя с характерной спиральной штриховкой. Возможно, что к резному

⁹² Коллекция рельефов Успенского собора, № 125.

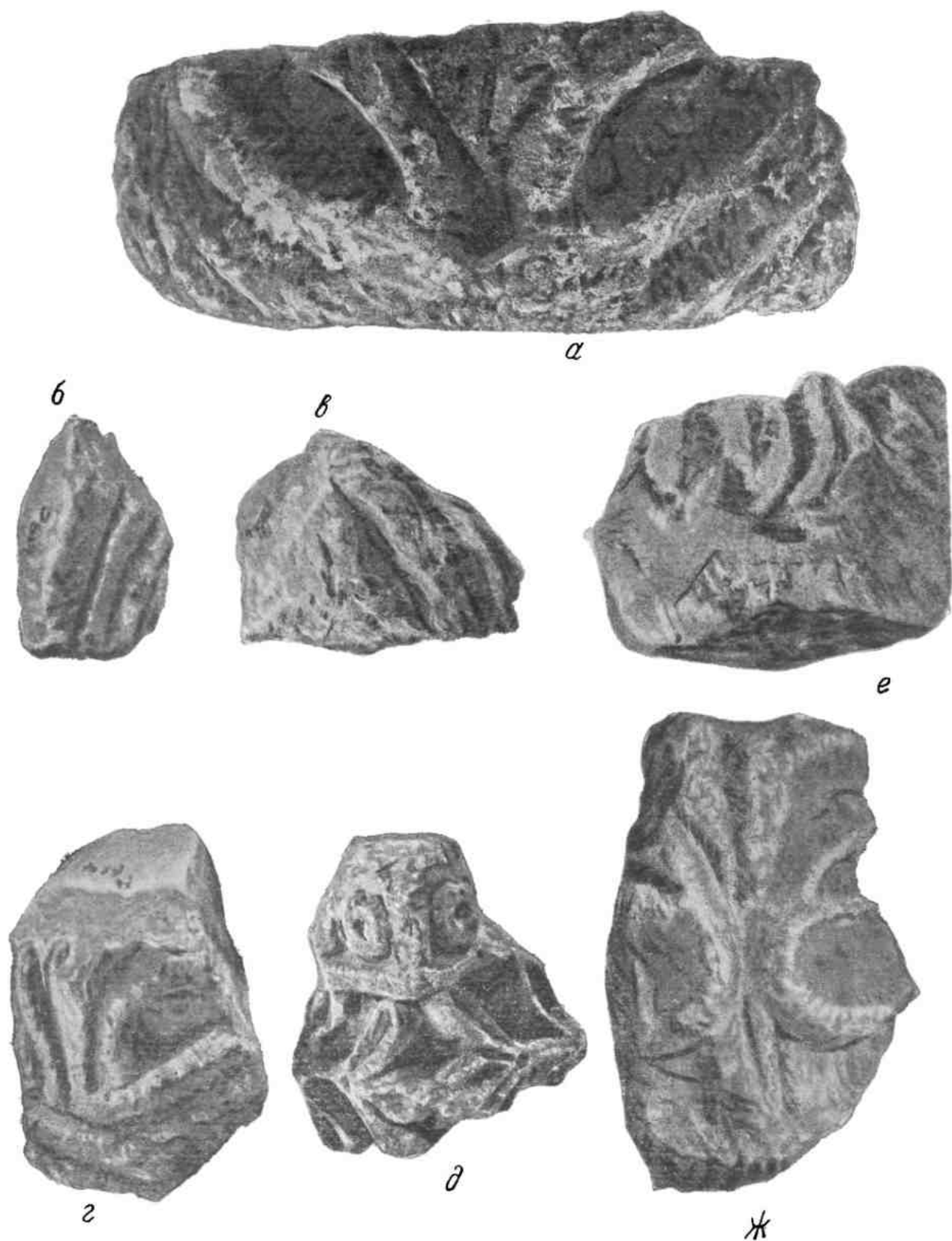

Рис. 21. Фрагменты резных камней.

убранству надвратной церкви относится и найденный здесь в 1847 г. резной из белого камня крест, что естественно для епископской домово-вой церкви.⁹³ Как мы отмечали в другой работе, епископ Иван украсил отремонтированный им в 1194 г. Суздальский собор вставкой в его фасад большого белокаменного закладного креста с высеченной надписью «похвалой кресту».⁹⁴

Большое количество мелких обломков листовой меди, иногда сохранившей позолоту, найденных по периферии ворот говорят об известной еще из построек Боголюбского отделке фасадных деталей вызолоченным металлом.

Несколько мелких кусочков штукатурки с фреской и большое количество широкошляпочных левкасных гвоздей указывают на роспись надвратной церкви (найлены фрагменты зеленого, коричневого, желтого цвета).

К внутреннему же убранству церкви относятся мелкие поливные цветные фасонные плиточки (рис. 22) и крупные плитки пола. Первые очень тонки (0,75 см) и вряд ли использовались для полов, материал хрупок — белая глина, тон преимущественно желтый, одна плиточка — зеленая; и по величине, и по облику они похожи на фарфоровые чашечки с акварелью. Эти пластинки сажались в известковый раствор, их края скошены, из них набирали возможно и узорные стеновые панели. По их формам можно судить и о характере орнамента. Это: прямоугольники со слегка вогнутыми короткими — и слабо выгнутыми длинными сторонами; квадраты с вогнутыми сторонами. Они могут представлять и остатки узорного звездчатого пола, подобного полу в апсиде Успенского собора.⁹⁵ Епископская церковь имела такую же богатую отделку как и епископский Успенский собор.

Крупные поливные плитки из раскопок 1937 г. изучены В. А. Александровским, и их характеристика дается ниже в особой статье. Плитки, найденные в 1936 г., несколько отличны и заслуживают самостоятельного упоминания. Плитки прямоугольные и покрыты узорчатой или одноцветной глазурью (рис. 23), их размер 17 × 17 см при средней толщине 3 см и колебанием от 2,8 см до 4,0 см (с одноцветной поливкой) и 13 × 13 при толщине 2 см (с разноцветной поливкой); края скошены для посадки в цементирующий раствор, особого бортика на дне нет. По расцветке плитки разнообразны: 1) гладкая молочно-желтая, 2) желто-зеленая с белыми крапинками, 3) с белыми жилками по коричневому полю, 4) с зеленовато-желтыми жилками по темно-

зеленому полю, 5) с черными кружками по молочно-желтому полю. Орнамент на плитках слегка выпуклый, натечный, глазурь имеет полупрозрачную или матовую поверхность. Плитки формовались двумя способами: в формах и без них.

Если принять среднюю площадь, подлежащую вымостке, в 100 м², потребность в плитке выразится в количестве 3460 штук. Данный

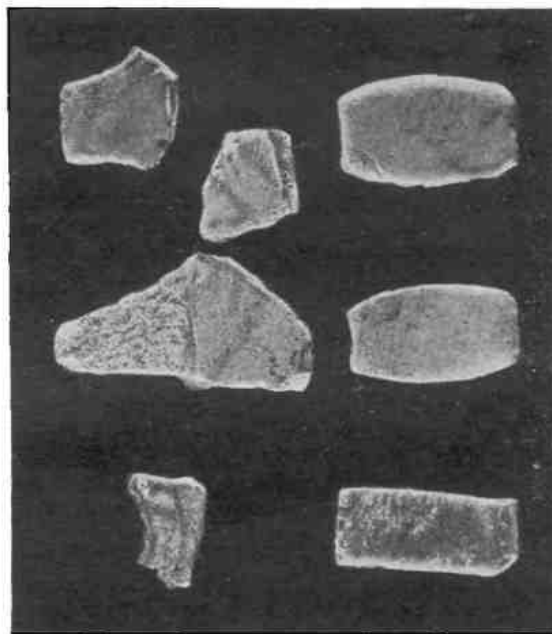

Рис. 22. Поливные „мозаичные“ плитки.

заказ, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, исполнялся в пяти мастерских.⁹⁶

Наборные из поливных плиток полы впервые появились в архитектуре Киевской Руси, а в XII в. получили широкое распространение в зодчестве русских княжеств. Они известны в Софийском соборе в Киеве,⁹⁷ Зарубском монастыре,⁹⁸ храме и гражданских постройках Белгорода,⁹⁹ Переславле Южном,¹⁰⁰ киевских храмах так называемого «Симеона на Кудрявце»¹⁰¹ и Никиты,¹⁰² Зверинецких пещерах под Киевом,¹⁰³ далее во Владимире

⁹⁶ Подробнее см. ниже статью Александровского.

⁹⁷ Д. Милеев. Древние полы в Киевском соборе св. Софии. СПб., 1911 (оттиск из сборника в честь А. Бобринского).

⁹⁸ Шероцкий. Киев. Киев, 1917, стр. 345.

⁹⁹ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко. 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. М., 1917, табл. III—V; В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 92—94; Прибавл. к 34 вып. ИАК, стр. 182—185.

¹⁰⁰ П. Лашкарев. Церковно-археологические очерки. Киев, 1898, стр. 22.

¹⁰¹ Там же, стр. 167—168.

¹⁰² Археологические известия и заметки. 1897 г., стр. 221.

¹⁰³ И. Каманин. Зверинецкие пещеры в Киеве, стр. 31.

⁹³ ВГВ, 1854, № 20.

⁹⁴ Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в., СА, VI, Л. 1940, стр. 311—313.

⁹⁵ В. К. Трутовский. Отчет о реставрации Успенского собора во Владимире. «Древности» МАО, вып. XVI, табл. I. Более массивная крестообразная желтая плитка найдена нами при раскопках 1936 г. в Суздальском кремле.

Волинском,¹⁰⁴ Галиче,¹⁰⁵ Дрогичине и Гродно.¹⁰⁶ На севере они известны в Смоленске,¹⁰⁷ Старой Рязани¹⁰⁸ и в Нередицкой церкви под Новгородом.¹⁰⁹

Но едва ли не наиболее широко этот прием был развит в архитектурных памятниках Владимирской земли. Наиболее ранние поливные плитки встречены нами при раскопках в

Есть указания, что подобные же плитки находились при раскопках К. Н. Тихонравова под Владимиром — на Федоровском холме,¹¹³ с которым связывается предание о постройке здесь князем Андреем церкви Федора Стратилата.¹¹⁴ Следовательно, в строительстве Боголюбского мы имеем первый опыт производства и применения этого отделочного матери-

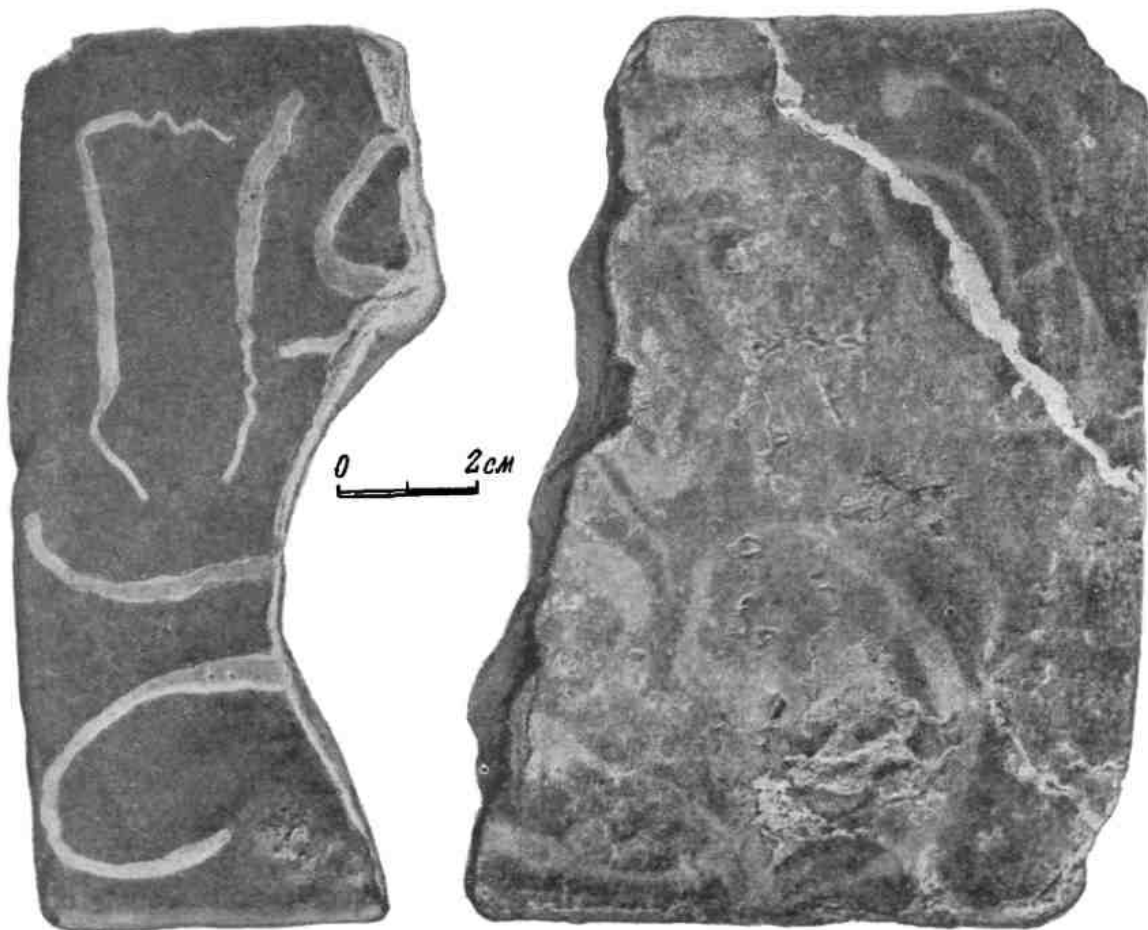

Рис. 23. Поливные плитки пола.

Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском,¹¹⁰ далее в Боголюбском дворце¹¹¹ в церкви Спаса во Владимире 1164 г.¹¹²

¹⁰⁴ Отчет Гос. Исторического музея за 1907 г., стр. 11.
¹⁰⁵ Д. Н. Березков. О храмах владими́ро-суздальского княжества. Владимир, 1902, стр. 127; Я. Пастернак. Старый Галич. Краков, 1944.

¹⁰⁶ Гродненский музей.

¹⁰⁷ Древности МАО (Труды комиссии по сохранению древних памятников), т. IV, М., 1912, стр. 295.

¹⁰⁸ Рязанский музей, П — I, № 446 и 447; рязанские плитки наиболее близки по технике и стилю Белгородским.

¹⁰⁹ П. П. Покрышкин. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви. МАР, № 30. СПб., 1906, стр. 6.

¹¹⁰ См. выше наш отчет о раскопках в Переславле-Залесском.

¹¹¹ Н. Н. Воронин. Замок Андрея Боголюбского. Архитектура СССР, 1939, № 11.

¹¹² Наши разведки 1938 г.

ала. При Всеволоде и позже этот род убранства получает дальнейшее развитие. Подобные плитки были найдены в соборе владимирского Рождественского монастыря, построенного почти одновременно с детинцем (1192—1195 гг.),¹¹⁵ в соборе «Княгинина» монастыря во Владимире (1200—1202 гг.)¹¹⁶ и, наконец, в Суздальском соборе (1222—1225 гг.).¹¹⁷ Плитки надвратной церкви детинца ближе всего к плиткам «Княгинина» собора, на их

¹¹³ К. Н. Тихонравов. Археологические изыскания во Владимирской губернии. ТВГСК, вып. II, Владимир, 1864, стр. 127.

¹¹⁴ В. Доброхотов. Древний Боголюбов город. М., 1852, стр. 98.

¹¹⁵ Тихонравов. Ук. соч., стр. 127.

¹¹⁶ Наши разведки 1938 г.

¹¹⁷ А. Д. Варганов. К архитектурной истории Суздальского собора. КС ИИМК, вып. XI. М.—Л., 1945.

тыльной стороне есть выпуклая рамка, а в центре также выпуклый кружок или квадрат.

Владимирские плитки по сравнению с белгородскими отличаются большей грубостью техники и рисунка; белые известковые глины юга, дающие плотный прочный черепок, допускали минимальную толщину плитки (1—1,5 см), владимирские плитки из красной грубо обработанной глины толсты (до 3 см) и велики, цветной рисунок не достигает сложности и изящества южных прототипов.¹¹⁸

Таким образом, белокаменные ворота детинца завершались епископской церковью Иоакима и Анны; в отношении убранства фасадов она очевидно стоит ближе к обработке собора

ду от ворот, но и в слое XIV в. Может быть время разрушений и заброшенного состояния церкви следует вести от татарского налета на Владимир в 1293 г., когда было выдрано «медяное дно» из Успенского собора и когда владимирский епископ в своем послании князю жаловался на плохое состояние епископских храмов.¹¹⁹

Интересны найденные при раскопках отдельные декоративные детали шатровой колокольни XVII в.; она была богато украшена красными и поливными изразцами; возможно, в ширинках галлерей были вставлены большие зеленые поливные тарелки (диам. 45 см); найден один обломок такого блюда со следами из-

Рис. 24.

а — изразец с маской; б — анколпий.

Рождественского монастыря и Всеволодовых обстроек Успенского собора, нежели к Дмитриевскому собору — применение резного камня было видимо ограниченным. Расписанная внутри фреской, с полами из цветных плиток и наборных узоров, она была, однако, не менее пышной постройкой, чем княжеский придворный собор.

Надвратная церковь 1196 г. разрушалась, очевидно, давно или же долго находилась в заброшенном состоянии после 1238 г.; во всяком случае описанные резные фрагменты были не только в подсыпном слое песка к запа-

весткового теста на обороте. В покрытиях была применена зеленая городчатая черепица.¹²⁰

Характерно, что среди поздних красных изразцов, печных и архитектурных, встречаются явные пережитки владимиросуздальской пластики.¹²¹ Таков, например, четвертной карнизный вал, по которому идут человеческие маски, сопровождаемые растительным орнаментом (рис. 24, а).

4

Переходим к характеристике культурного слоя, перекрывавшего описанные архитектурные памятники, и основных категорий находок.

Как мы отмечали выше, основной верхний массив слоя перерыв при разборке камня ворот

¹¹⁸ Все данные по майоликовым полам, полученные в итоге моих раскопок и детально изложенные в моей неопубликованной диссертации «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв.», хранящейся в архиве ИИМК в Ленинграде, были перепечатаны в статье М. К. Каргера «К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода» в «Трудах Всероссийской Академии художеств», т. I. Л., 1947, стр. 45—50.

¹¹⁹ ПСРЛ, X, стр. 169; Макарий. История русской церкви, т. V, СПб., 1886, стр. 400—401.

¹²⁰ Ранее найденные изразцы изданы А. И. Ивановым, «Забывтое производство». Владимир, 1930, стр. 14.

¹²¹ Там же, стр. 6, 10, 50.

и представляет собой напластования строительного щебня и мусора, перемешанного с землей. Лишь к северу от восточного крыла стены и около восточного пилона ворот сохранились

XII—XIII вв. относится ряд предметов. Крышка медного энколпного креста (рис. 24, б) с изображением распятия, выполненного в выемчатой технике зеленой, черной и желтой

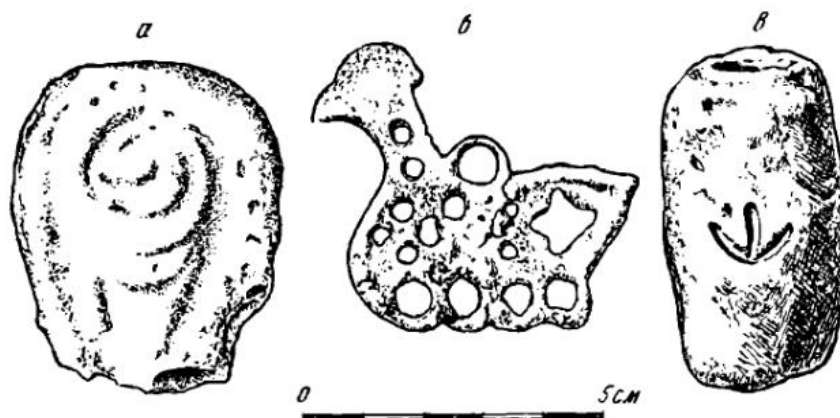

Рис. 25.

а — резной камень; б — подвеска; в — грузило с тамгой.

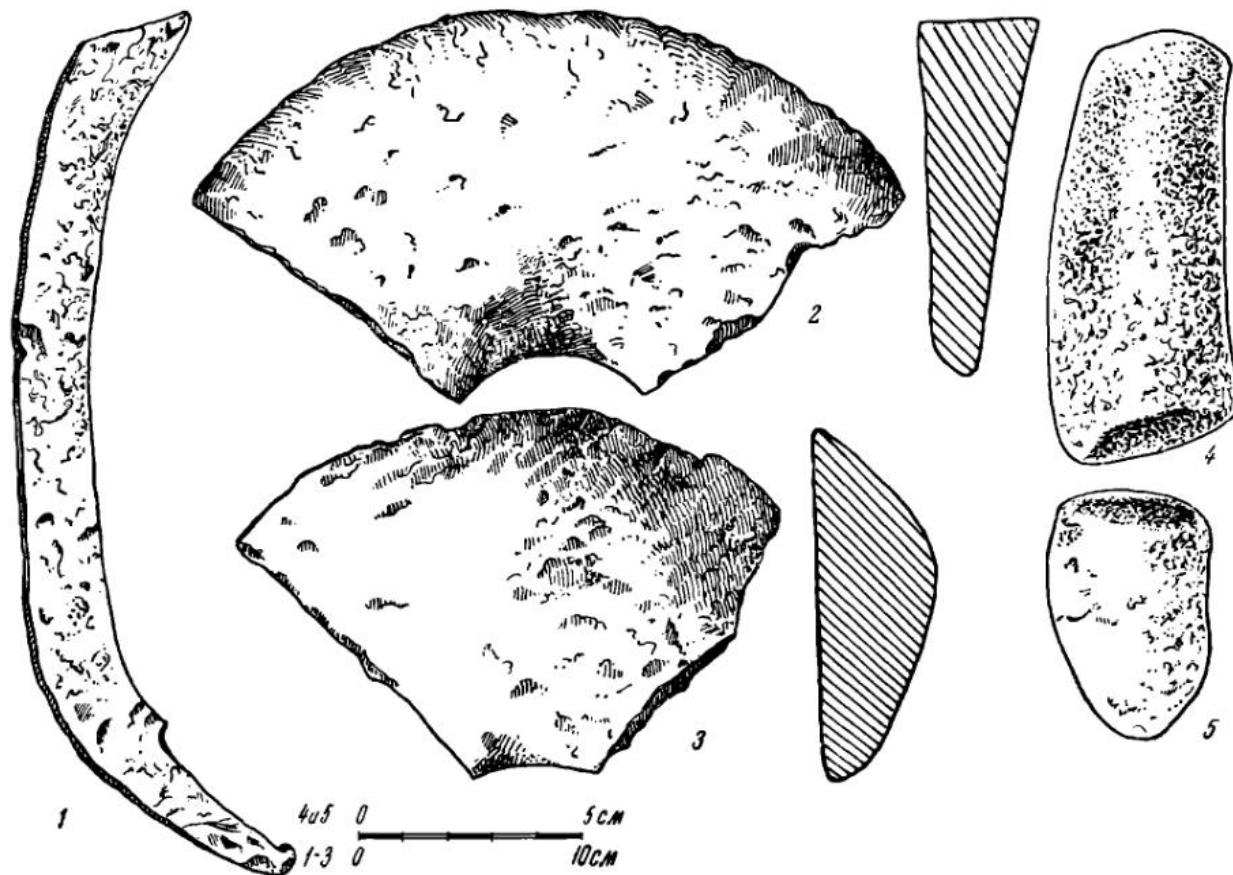

Рис. 26. Горбуша, жернова, пестики

нетронутые участки культурного слоя XII в.; с запада к воротам примыкает мощный слой XII—XIV вв., и эту часть мы рассмотрим вместе с изучением материалов двора детинца.

К нетронутым участкам культурного слоя

эмалью; над распятием фигура ангела и надпись: ИС ХС., по бокам две поясных фигуры предстоящих, в подножии адамова голова; под перекрестьем весьма грубая надпись: НИКА — (И)ВНЪА. По типу и палеографии энколпий

принадлежит XII—XIII вв. (ближайшая аналогия в собр. Ханенко).¹²² Бронзовая прорезная шумящая подвеска в виде курицы (рис. 25, б), находящая аналогю в подвеске

двойная).¹²⁵ Около самой стены детинца найдена коса-горбуша примитивной формы (рис. 26, 1); любопытно, что этот тип косы не употребляется в сельском хозяйстве владимирско-

Рис. 27. Костяные поделки.

из наших раскопок Суздальского кремля,¹²³ в Костромских курганах¹²⁴ и курганах XII в. в Горках близ Подольска (здесь подвеска

го края очень давно, но подобные косы изготовлялись еще в XIX в. местными деревенскими ремесленниками для сбыта в Костромскую губернию,¹²⁶ где горбуша известна и из курганных находок.¹²⁷ К тем же участкам совре-

¹²² Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1889, табл. VII, рис. 85—86; крест из детинца хранится в ГРМ в Ленинграде.

¹²³ Н. Н. Воронин. Краткий отчет о раскопках 1936 г. в Суздале. Археол. иссл. в РСФСР 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 98, рис. 9.

¹²⁴ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ. М., 1899, табл. IV, рис. 8.

¹²⁵ Колл. ГИМ.

¹²⁶ О промыслах Владимирской губернии. ВГВ, 1859, № 17.

¹²⁷ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7, Л., 1931, стр. 35.

менного детинцу слоя относятся: костяная недоделанная рукоятка (рис. 27, 4), массивный полированный кочедык или проколка из кости (рис. 27, 22), глиняное прясло, оселок, подков-

ка (рис. 27, 23), рыболовное биконическое грузило.

Из керамических находок, кроме обычных по профилю и орнаментации фрагментов курган-

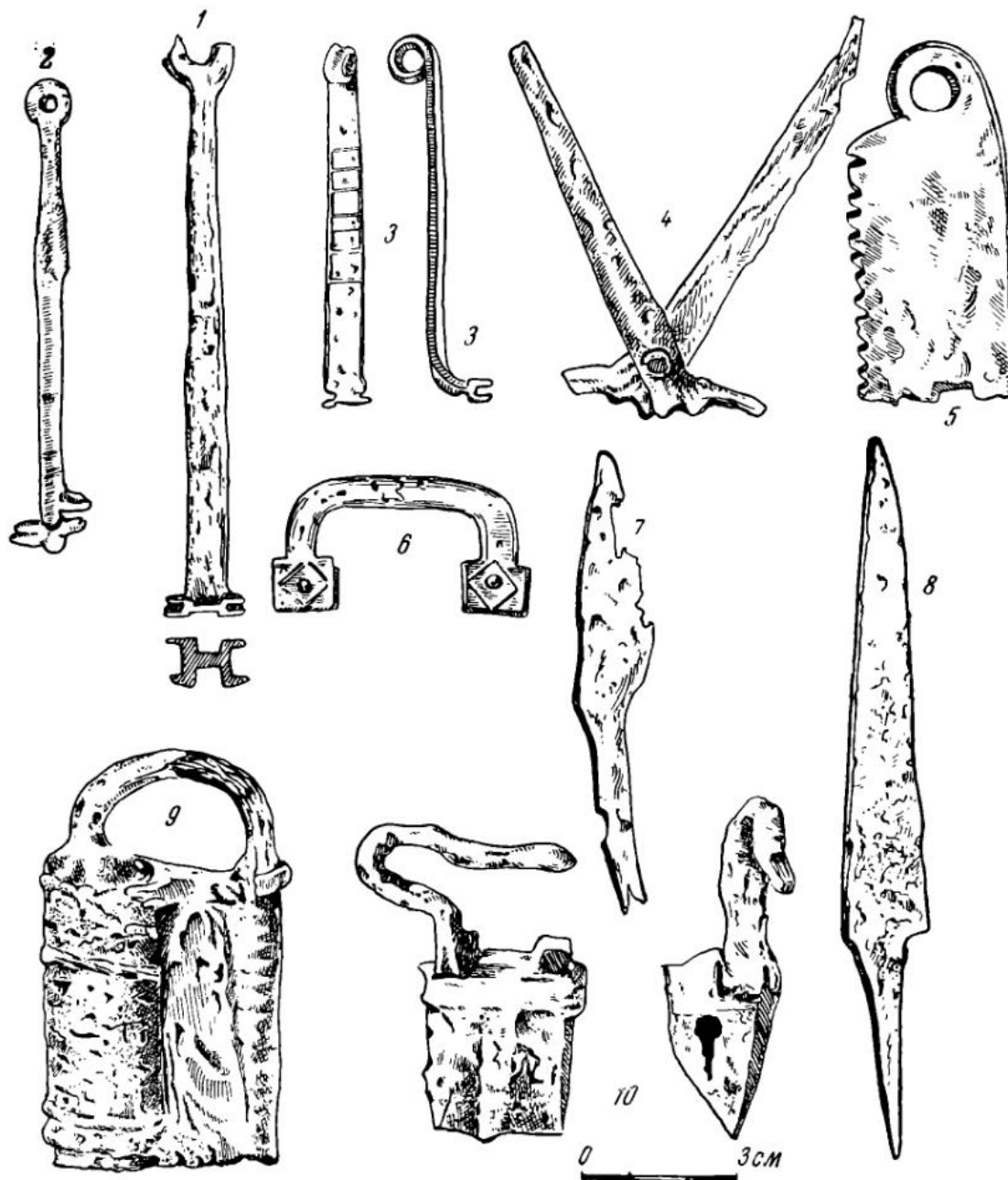

Рис. 28. Железные изделия.

ка, несколько черенковых ножей, ключи (рис. 28, 1), железная ручка ларца (рис. 28, 6).

К перерытым участкам и слоям строительного щедня относятся — обломок кованой пилы (или пилообразного огнива?), в ушке было продето кольцо совершенно проржавевшее (рис. 28, 5); замок (рис. 28, 10); шило, черенковые ножи, костяная проколка (рис. 27, 5), костяная орнаментированная насечкой наклад-

ных горшков, отметим сосуды с поддоном¹²⁸ (рис. 30, 12 и 13), днища с клеймами (рис. 29, 5, 8, 10—13, 17, 18), полые ручки глиняных сковород-латок или противней (типа рис. 30, 11). Посуда вся сделана на кругу, лепной керамики нет, если не считать одного крайне грубого черепка крупнозернистого теста. Не-

¹²⁸ Аналогичные новгородским (раскопки А. В. Арциховского) и вышгородским (раскопки Б. А. Рыбакова),

обходимо также отметить наличие явно привозной керамики — фрагменты больших амфоровидных сосудов с ручками («корчаг») прекрасного ровного обжига, иногда украшенных линейным параллельным орнаментом (рис. 30, 15—17, 20); одна массивная ручка покрыта белым ангобом (рис. 30, 14); судя по процарапаным на ручках крестам, эти сосуды были в

рост гумуса образовался в XIII—XIV вв. находки здесь крайне редки: фрагмент аспидного крестика, обломок стеклянного перстня бирюзового цвета, несколько черенковых и с пластинчатой ручкой ножей (рис. 28, 8), два ключа — один из них с винтовыми лопастями, наваренными из меди (рис. 28, 2), дужка замка также с медными напаями, фрагмент сосуда с поддном-

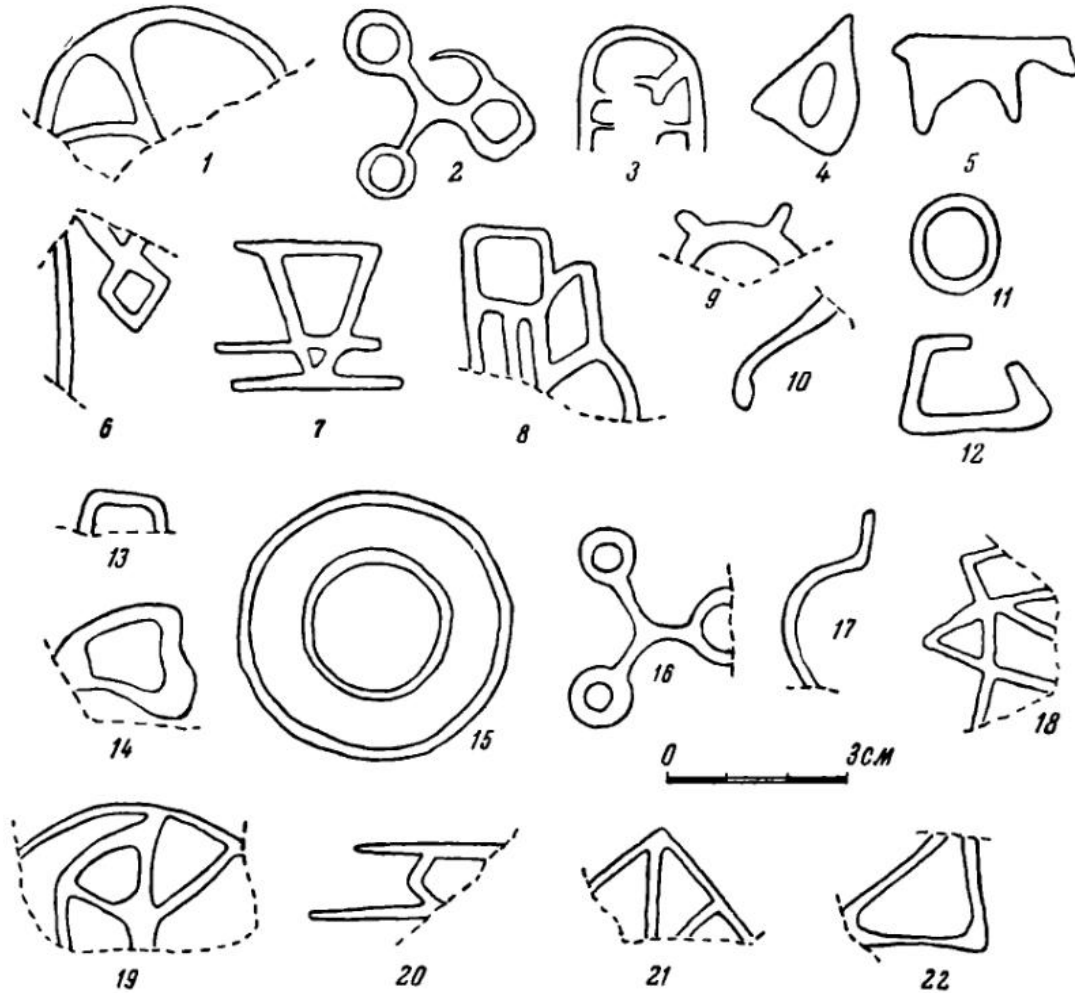

Рис. 29. Гончарные клейма.

церковном обиходе: может быть в них хранилось церковное виноградное вино.

Массив культурного слоя в пролете ворот (рис. 11) представляет ровную сероватого цвета песчано-гумусную слоистую массу. Прямо над ней следуют остатки кирпичного и деревянного настила, сделанного при закладке воротной арки и обращения ее в нижний четверик соборной колокольни. Никаких следов деревянных или каменных мостовых в пролете ворот не обнаружено. Можно думать, что мы имеем здесь дело с постепенно нарастающим слоем почвы, начинающимся непосредственно от нижних камней ворот. Судя по серебряной джучидской монете 1346—47 гг. (Джанибек, 747 г.), найденной в пролете ворот, этот на-

ножкой, клейменое днище горшка (рис. 29, 21), обломок сосуда с ручкой (30, 3), рукоятка глиняного сосуда (рис. 30, 10), фрагмент керамики со штампованным орнаментом (рис. 30, 18).

б

Переходим к характеристике участка двора детинца в углу между западной стеной ворот и западным крылом стены.

При нивелировке бульвара в 1853 г. «на половине пути от Успенского собора к павильону, близ дорожки, открыты были на глубине 1.5 арш. основания какого-то древнего строения из диких камней, залитых цементом... Камни употребляются на устройство торговой площади. Почти на всем пространстве поверх-

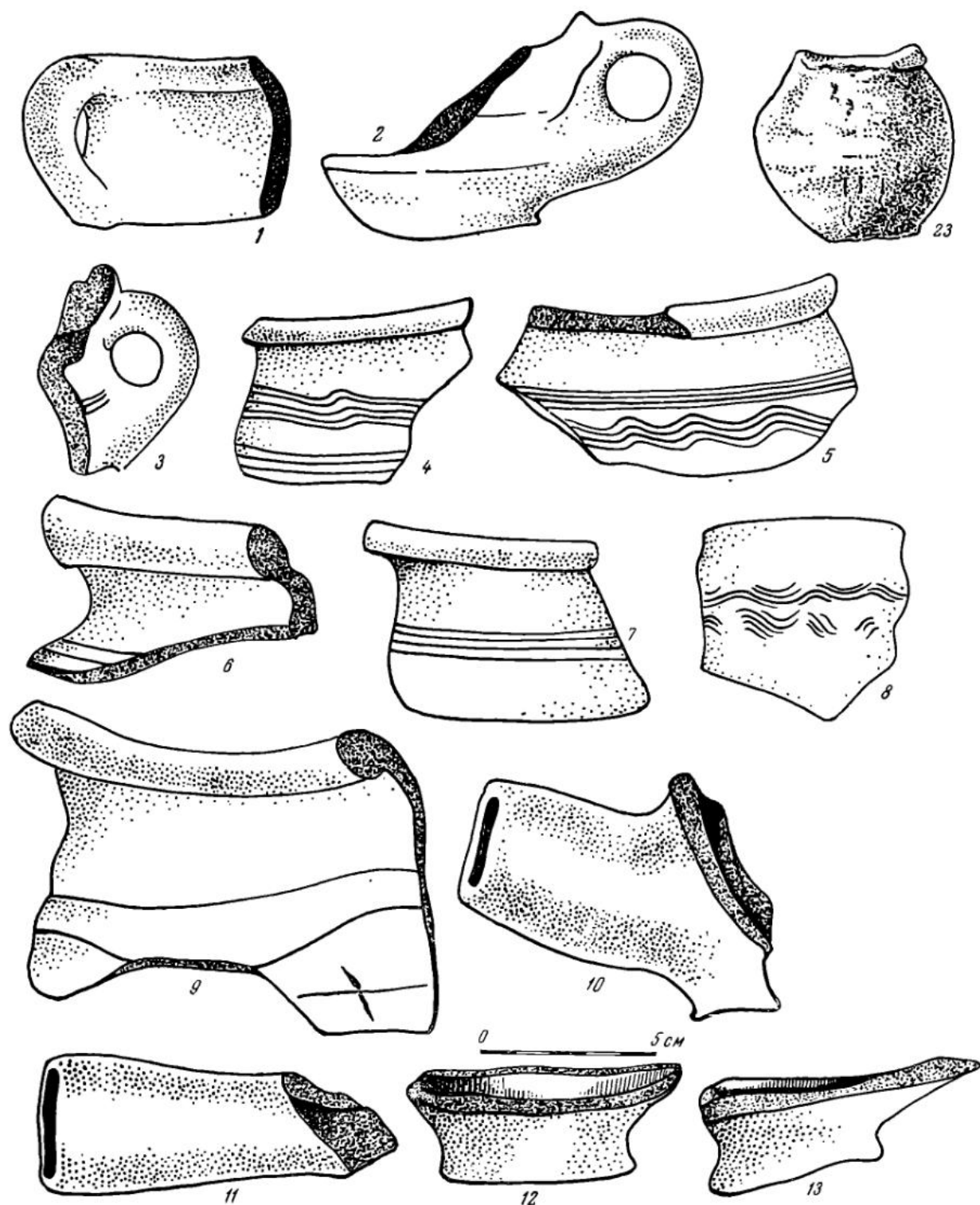

Рис. 30а. Керамика.

ностных здесь разрытий находимы были в значительном количестве белые и дикие камни, крепкий цемент, кирпич, часто булыжник и редко кафли». ¹²⁹ Монетные находки, сделан-

¹²⁹ ВГВ. 1853, № 36, стр. 200. Эти остатки построек приписывали или епископскому двору или «великокняжескому терему». В. Добронравов и В. Бере-

ные при этом, относятся к XIV и XVI вв. ¹³⁰

Эти сведения ставят перед нами вопрос о времени исчезновения западного вала Сред-

зин. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1893, вып. I, стр. II, прим.

¹³⁰ ВГВ, там же.

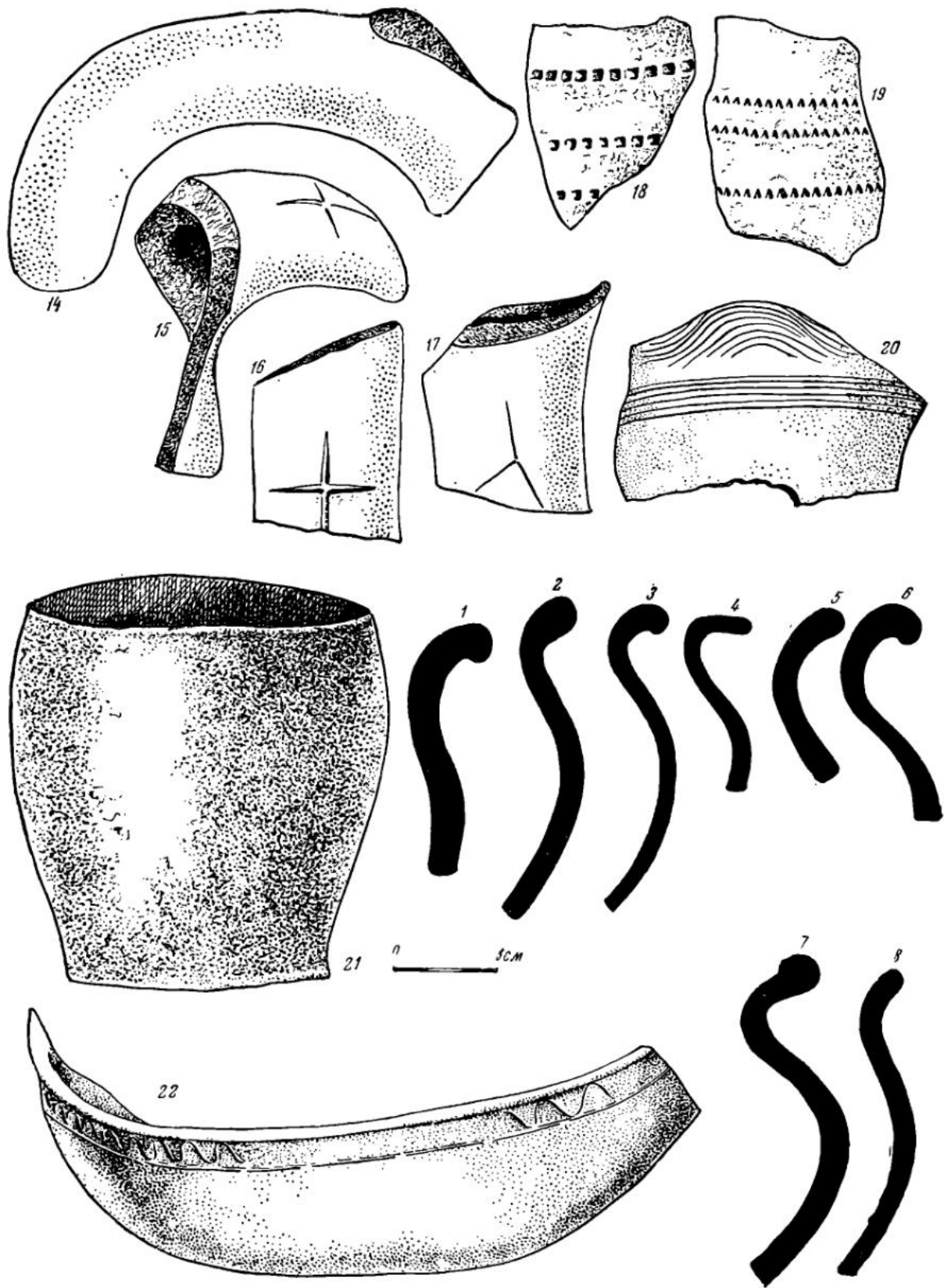

Рис. 306. Керамика.

него города. Его отрезок в северной части площади сохранился еще в конце XIX в.;¹³¹ вряд ли можно сомневаться, что стены деревянного города XVI—XVII вв., изображенные на плане 1715 г., шли по валу; какие-то остатки валов около собора срывались в начале XIX в.¹³² Нельзя не связать этого вопроса с одной особенностью стратиграфии к югу и северу от западного крыла стены: здесь ранний культурный слой интенсивно черного цвета прикрыт значительной толщей почти стерильного насыпного желтого песка, достигающей 2 м; этот, несомненно привозный, песок заполнил рытвины и буераки площади. Естественно предположить, что это песок срытого вала, частью употребленный для nivelировки площади.

Разрешение этого вопроса дает состав находок в песчаной засыпи, распределяющейся по пластам следующим образом:

- 1.00 Медная двухкопеечная монета 1854 г., медная пуговица, фабричные гвозди, изразцы и тут же обломок обработанной кости и заготовка костяной ручки (рис. 27, 13 и 16), глиняная подвеска, штамп медный с изображением «рождества» для тиснения парамандов (XIV в.), ангобированная ручка амфорообразного сосуда (рис. 30, 14); черепки керамики XII в. (интересен сосуд с параллельным орнаментом со стенкой толщиной в 1,5 см).
- 1.20 Железный пробой; два днища с клеймами (рис. 29, 4 и 16), сосуд с ручкой (рис. 30, 2).
- 1.40 Глиняная курительная трубка XVIII в.; кирпич (16×4×3), клейменое днище горшка (рис. 29, 6); сосуд с ручкой (рис. 30, 1); мелкие обломки стеклянного браслета.
- 1.60 Слюда, гвозди кованые.
- 1.80 Слюда; обломки и слиток меди; днище с клеймом (рис. 29, 3), железный ключ (рис. 28, 3).

Совершенно очевидно, что песок навезен, причем взят из древнего вала, о чем говорит совмещение разнородных вещей и керамики XII в. с предметами XVII—XIX вв. Следует заключить, что после выравнивания площади в 1847 г. она была дополнительно подсыпана песком из западного вала Среднего города в 1853 г., — верхний дерновый слой засыпи содержит монету 1854 г.

¹³¹ В 1896 г. при срытии этой части вала найден известный владимирский клад. В. Т. Георгиевский. Важная археологическая находка в г. Владимире. ВГВ, 1896, № 39.

¹³² Влад. Архивное бюро. Фонд канцелярии Владимирского губернатора. 1806, дело № 51. Развозка этого вала заняла 60 человеко-дней при 100 подеодах. К. Н. Тихонравов сообщает, что при устройстве бульвара «земляной вал был срыт и бывший при нем ров засыпан». Исторические заметки о Владимире Кляземском. ВГВ, 1862, № 33.

Необходимо учесть и еще одно более глубокое нарушение стратиграфии участка. В квадрате 63—65 на уровне материка проложена водопроводная труба, прошедшая закрытой проходкой под стеной детинца и узкой открытой траншеей вдоль этих квадратов (рис. 10 и 17); естественно здесь стратиграфия нарушена почти полностью.¹³³

Верхний горизонт жирного черного слоя, идущий ниже до материка, также датируется второй джучидской монетой 1312—1340 гг. (Узбек, Хорезм).¹³⁴ Следовательно, XIV в. его поздняя дата, т. е. мы имеем дело в основном со слоем XIII в. и раньше. Этот слой лежит не ровной поверхностью, но котлованом, углубляющимся с юго-востока на северо-запад, при этом довольно резко, так что создается впечатление опускания или провала его. Как выяснилось в процессе раскопа, в квадрате 40—50 имеется значительное искусственное углубление в материке (глубиной от 1.0 до 0.50 м), представляющее собой погреб или скорее подполье избы (рис. 10). Оно по уровню ниже фундамента западного крыла стены детинца, который своим краем слегка перекрывает слой, связанный с этим подпольем (рис. 17). Изба сгорела и завалилась незадолго до постройки детинца, возможно, это один из пожаров XII в., вероятнее 1185 или 1193 г. Для характеристики обстоятельств гибели этой постройки существенно, что в квадрате 42 среди угля и костей домашних животных и мелкого рогатого скота (преимущественно коровы) найден скелет взрослого мужчины со следами ударов рубящим оружием на бедренной кости.¹³⁵ События предположить, что убитый во время пожара человек или грабил клеть на княжем дворе или защищал ее от ограбления; напомним, что во время пожара 1185 г. на двор были вытащены все сокровища Успенского собора, а в 1193 г. во время пожара «много зла учинися» (та же формула, что и в характеристике восстания 1174 г.).

Однако подполье избы провалилось значительно позднее пожара, когда над ним образовался уже новый слой, также в связи с этим осевший. Эта картина особенно ясно прослеживается в квадрате 45—46, где прослежена проломившаяся, перегнившая, обгорелая переводина, опустившаяся наклонно вниз и увлекшая за собой вниз верхние слои.

¹³³ Эта прокладка трубы, очевидно, относится к первым годам существования водопровода во Владимире. См. ВГВ, 1866, № 37. «Открытие водопровода в г. Владимире, 30/VIII 1866 г.».

¹³⁴ Следует отметить, что случайные находки татарских монет во Владимире дают (зарегистрированные преимущественно в XIX в.) джучидские серебряные монеты. См. статьи К. Н. Тихонравова «Татарские монеты, найденные во Владимире». ВГВ, 1857, № 7; «Джучидская монета, найденная во Владимире». Там же, 1856, № 14.

¹³⁵ Определения сделаны Г. И. Петровым.

Этим объясняются и странные находки на глубоких горизонтах единичных поздних (XIV—XV вв.) вещей и керамических осколков при полном их противоречии остальному основному комплексу находок XII в. По внешнему же виду весь массив черного культурного слоя очень однообразен — это жирный черный перегной, обильно насыщенный

былями.¹³⁶ В соседних квадратах дерево не сохранилось, там встречен сплошной слой угля (кв. 44, 48, 49).

Для рассмотрения вещевого материала из раскопок двора детинца естественно разделить его на два комплекса: 1) связанный с подпольем и сгоревшей избой XII в. и 2) перекрывающие слои конца XII — начала XIV вв.

а

б

Рис. 31.

а — общий вид подполья; б — выстилка пола берестой.

углем, глиной и обугленной древесиной; по мере приближения к материке — слой вязок и влажен.

Подполье (рис. 31, а), как сказано, помещается в яме, вырытой в материке, размером 4.52 × 5.75 м. Оно было выложено деревом; однако сохранилась лишь часть настила пола и следы перегнивших тесин, положенных горизонтально по стенкам ямы. Пол выстлан из толстых бревен с плохо обрубленными сучками прямо на материке; в целях предохранения помещения от почвенной влаги настил перекрыт берестой, сохранившейся в ряде мест (рис. 31, б), и отчасти лубом; береста и настил прижаты поперечными гор-

хозяйственное назначение подполья удостоверяется найденным здесь вещевым инвентарем и остатками продуктов. В квадрате 45 найдена гряда обгоревшего проса, в квадратах 45—46 кожаные обрезки, подошвы¹³⁷ и ремни, скорлупа лесных орехов, кусочки воска, рыба чешуя, смола. Состав этих продук-

¹³⁶ Выстилка берестой как предохранение от сырости — прием древний; известны курганные погребения в бересте. Любопытно, что связи ц. Покрова на Нерли, как это установлено архитектором П. С. Касаткиным, были обернуты берестой. В более позднее время сшитые вдвое полотнища бересты носили название «березовой скалы».

¹³⁷ Шов аналогичен остаткам обуви из новгородских и вышгородских материалов.

тов живо напоминает летописную формулу «обилия» смердов XI в. — «жито, скоря, мед, рыба». ¹³⁸ В квадрате 46 найдено дубовое днище кадки или пресс, клавшийся в бочку; обрывки грубой мешковины (льняной) и войлока (кв. 42).

Отметим вещевые находки в горизонтах, связанных с подпольем и пожаром избы (кв. 41, 42, 44—46, 49—50, 63—65). В квадратах 44—45 найдены два каменных пестика (рис. 26, 4—5), находившиеся в соседстве с обгоревшим просом.

Из предметов металлических отметим железные — шило, кованые гвозди, ножи черенковые и с пластинчатым черенком; в порядке пережитка интересен нож архаической формы с горбатым обушком (рис. 28, 7), ключ от трубчатого замка, замок цилиндрический с медными напаями (рис. 28, 9), костыли (30 и 15 см длиной), кольцо.

Интересно наличие большого количества бронзовых обломков и шлака, а также кусочков свинца. ¹³⁹ Возможно, что это отбросы строительства епископской церкви.

Анализ железных шлаков показал, что исходной рудой является, повидимому, красный железняк; большое содержание в шлаках закиси железа указывает на то, что большая часть руды не восстанавливалась до металла и вышла из горна в виде шлака; в некоторых шлаках имеется примесь древесного угля и несгоревшего дерева.

Керамика — обычных форм и орнаментов (рис. 30, 4—9); профиля показаны на рис. 30 (3, 4, 8, — XIII—XIV вв.); отметим ручку глиняного противня (типа рис. 30, 11), братинообразную чашу белой глины (аналогичной глине мозаичных кубиков) с волнистым орнаментом по краю (рис. 30, 22), горшок черного обжига баночной формы (рис. 30, 21). Встречено несколько мелких фрагментов поливной посуды. Характерно, что как и у половых плиток полива желтого и зеленого цвета, но нанесена более тонким и небрежным слоем. Отдельные фрагменты керамики с нанесением глазури парами соли, как и названная поливная керамика, несомненно, местного производства. В комплексе подполья и избы найдено значительное количество черепков привозной южной посуды (амфоровидные кувшины типа рис. 30, 15—17, 20) и ангобированных белым кувшинов. Керамика местного производства (горшки) богата клеймами (рис. 29, 7, 9, 14, 15, 20); клеймо типа рис. 29, 15 встречено дважды, типа рис. 29, 16 — трижды.

В мелких осколках встречено стекло.

Пряслы найдены пять, из них четыре глиняных и одно шиферное; типичными для более раннего времени являются глиняные прясла;

второе шиферное прясло встречено в слое XIII в., равно как коническое известняковое.

Из принадлежностей рыболовства найдены берестяные поплавки и два глиняных грузила для сетей; на одном прочерчен знак, похожий на упрощенный родовой трезубец Рюриковичей, в частности Юрия Долгорукого (рис. 25, в).

Лучшие из найденных образцы обработанной кости, орнаментированной параллельным, кружковым и сетчатым орнаментом, относятся также к слоям подполья (рис. 27, 14, 17, 20, 25, 26); здесь же встречен наконечник неопределенного назначения из крупной трубчатой кости (рис. 27, 1) и проколки (рис. 27, 9).

Браслеты, найденные в особенно большом количестве в раскопках 1937 г. участка двора детинца, почти не встречаются вне описанного выше пласта черного культурного слоя; особенно характерно, что количество находок браслетов увеличивается на площади избы (из 67 на площадке двора в слоях избы найдено 37, т. е. более половины).

Как в нижних, так и в верхних горизонтах мы встречаем более или менее одинаковые типы браслетов. Поэтому мы ограничимся здесь общей характеристикой их:

1. Круглые стеклянные браслеты из непрозрачной массы преимущественно темно-синего и темнозеленого тонов. Преобладают в верхних горизонтах.

2. Витые стеклянные браслеты такой же массы и расцветки преобладают в нижних горизонтах. Угол витка разнообразен — от очень пологого до почти перпендикулярного линии браслета. На одном браслете пластинчатый конец имитирует змеиную голову (?).

3. Единичны браслеты с окраской поверх основного темного (зеленого или синего) тона желтой полосой следующей течению витка (найдено 3 экз.).

4. Круглый браслет с параллельной штриховкой.

5. Круглые гладкие браслеты из совершенно прозрачного стекла. Расцветка: фиолетовая, темнозеленая, бирюзовая, лимонно-желтая. Встречаются равномерно во всех горизонтах.

6. Витые браслеты того же материала и расцветок.

7. Один пластинчатый браслет синего прозрачного стекла.

Замечательны стеклянные перстни из той же цветной массы, что и браслеты; найдено их 5, из них 3 на участке избы, что опять-таки свидетельствует о распространении их только в XII в.; их расцветка: черная с белыми жилками и голубым щитком, черная гладкая, ¹⁴⁰ с белыми жилками по темносерому фону и желтым щитком. Той же массы стеклянные бусы.

¹³⁸ ПСРД, 1, 75.

¹³⁹ Определения металлов произведены сотрудником Сектора археологической технологии ИИМК А. М. Михайловым.

¹⁴⁰ Подобный из Владимирских курганов. Атлас к ТАС-I, табл. XXXV, рис. 7, 8 (Гиездиловские курганы).

Из числа украшений XII в. отметим еще медный четырехгранный в сечении браслет и обломок подобного браслета, но большей величины, а также почти полностью разрушенные медные эмалевые накладки желтой, белой и зеленой расцветки (подобно энколпию), одна круглая, вторая ромбическая с отверстиями для гвоздиков по углам; орнамент установить трудно.

Из предметов культа найден лишь один маленький тельник серого мрамора, находящий себе аналогию в киевских древностях.

Из вещей, не связанных с комплексом избы-подполья, но происходящих из горизонтов черного культурного слоя XII в., отметим два обломка ручных небольших жерновов (кв. 39 и Ж; рис. 26, 2—3), замок цилиндрический, пробой и светец, ключи от цилиндрического замка, черенковые ножи, костяные поделки (рис. 27, 8, 18 и 21); оселки; подметки; керамика со штампованным орнаментом и клеймами (рис. 30, 19; 29, 2); погребальный лепной горшочек (рис. 30, 23); глиняное рыболовное грузило; стеклянные браслеты.

Костные остатки животных из горизонтов XII в. и комплекса подполья дают следующую картину:¹⁴¹

Корова	69
Свинья	39
Мелкий рогатый скот	29
Лошадь	5
Собака	2

Костные остатки коровы характеризуют мелкопородность скота.

Верхние горизонты черного культурного слоя, датируемые XIII—XIV вв., в отношении состава инвентаря мало чем отличаются от

слоя XII в., но в общем его состав беднее и малочисленнее. В керамике появляются тонкостенные горшки хорошего обжига с своеобразным венчиком (рис. 30, профиля 3, 4, 8), бытуют сосуды с поддоном-ножкой, желтая и зеленая поливная посуда, сосуды с ручкой (рис. 30, 2); характерно, однако, что гончарных клейм меньше (рис. 29, 1, 19, 22), но продолжают клейма, встречавшиеся ранее (рис. 29, 15). В верхних горизонтах слоя встречается в мелких обломках среднеазиатская кашинная керамика XIII—XIV вв. Еще довольно много стеклянных браслетов, ножей старых типов и гвоздей; остальные предметы единичны: ключ от цилиндрического замка, железное кольцо и пробой, оселок, обломочек синего стеклянного перстня, шиферное прясло, глиняное рыболовное грузило.

Костные остатки животных малочисленны (всего 24) — то же преобладание коровы и свиньи; кости диких животных: лось (1), заяц (1).

Костяных поделок много, но весьма значительно изменяется их состав — это по преимуществу проколки, шилья (рис. 27, 3, 6, 7, 10, 11 и 15), нарядные орнаментированные поделки почти исчезают (рис. 27, 19, 24, 27). Интересна находка чугунной круглой вогнутой пластины 14 см в диаметре (сковородка, крышка?), находящая аналогию в находке чугунного же котла (в слоях XIV в.) при раскопках А. П. Смирнова 1947 г. в Великих Болгарах.

Очевидно, что перед нами факты определенного упадка материальной культуры Владимира, связанного с монгольским завоеванием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. А. Александровский

ПОЛИВНЫЕ ПОЛОВЫЕ ПЛИТКИ ИЗ РАСКОПОК ДЕТИНЦА ВО ВЛАДИМИРЕ

1

Для характеристики свойств половых плиток, найденных при раскопках Н. Н. Ворониным в 1937 г. ворот детинца в г. Владимире, относящихся к концу XII в., было представлено 22 образца. При просмотре этих образцов видно, что половые плитки были заформованы из пластичного теста и имеют прямоугольную форму за исключением образца № 1446. Все образцы представляют собой осколки, часто весьма малой величины. Только образец № 945 является почти полной плиткой, собранной из совпадающих кусков (размер: 170 × 170 × 32 мм). Остальные образцы представляют собой боковые или угловые части

плиток. Боковые грани образцов имеют скос под разным углом и бортики для крепления нижней постели в известковом растворе, на котором производилась кладка. Наружная плоскость плиток гладкая и покрыта цветной глазурью.

Половые плитки для их долговечности должны были удовлетворять следующим свойствам: 1 — иметь правильную заданную форму, одинаковую толщину, отсутствие искривления боковых стенок и особенно внешней лицевой плоскости, трещин и т. д.; и 2 — однородную плотную структуру массы, обеспечивающую ей надлежащую прочность. При несоблюдении этих качеств плитки быстро разрушаются и выпадают из кладки.

В настоящее время половые плитки изготавливаются с отделанной различными способа-

¹⁴¹ Определения коллекции костных остатков сделаны В. В. Карачаровским.

ми лицевой поверхностью, но покрытие глазурью не применяется. На глазурованной плитке глазурь быстро стирается и, кроме того, она дает скользкую поверхность для движения. Таким образом, качество половой плитки как строительного материала зависит как от внешнего вида плитки, так и структуры черепка.

Свойства исследуемых образцов в отношении этих условий весьма различны и с этой точки зрения они могут быть объединены в группы следующим образом:

Группа	№ образцов
А	1496, 822, 569
Б	855, 639
В	1446, 1311, 1282, 915, 893, 613
Г	1411, 981, 907, 814, 806, 643, 681
Д	1280, 1254, 1253, 941

Распределение образцов по группам произведено так, что все образцы, находящиеся в одной группе, имеют одинаковую структуру черепка. По наружной форме образцы объединить в группы нельзя, так как их черепки имеют в ряде случаев очень маленький размер. С другой стороны, судя по образцам, можно установить, что когда масса для формования подготовлена лучше, то наружная форма плитки приобретает более правильные очертания по плоскостям. Чтобы можно было судить о качестве плиток, необходимо указать такие их особенности, которые в совокупности определяют внешние и внутренние свойства образца. Для этой цели определения, исчерпывающе характеризующие образец, должны иметь связную последовательность. Для характеристики образцов наиболее целесообразна последовательность техники изготовления изделий в следующем порядке:

- 1) по структуре черепка,
- 2) по оформлению плитки,
- 3) по обжигу плитки,
- 4) по внешней отделке плитки.

Объединенные по этим признакам исследуемые образцы и составляют пять названных групп А, Б, В, Г и Д. Эти группы существенным образом между собой отличаются, причем отличия обуславливают качество плиток. Поэтому произведенная группировка образцов обозначает понижение их качества как изделий от А к Д. Описание свойств всех образцов приведено в характеристике каждой группы.

Группа А (образцы № 1496, 822, 569)

1. Черепок в изломе имеет однородную мелкозернистую структуру. Глиняное тесто хорошо подготовлено. Крупных обломочных включений различных горных пород нет. Масса черепка плотная, пустот и слоистости нет. Для понижения пластичности глина отощена

крупнозернистым кварцевым песком с размерами зерен до 1.5—2 мм.

2. Все плитки различаются своей формой и размерами следующим образом:

№ 1496 — толщина 30 мм, боковые грани имеют небольшой угол скоса, нижняя плоскость имеет бортик для крепления.

№ 822 — толщина 28 мм, боковые грани имеют угол скоса немного больше.

№ 569 — толщина 43 мм, боковые грани имеют большой угол скоса.

У всех плиток лицевая поверхность имеет ровную поверхность, нижняя плоскость — неровной отделки.

3. Конечная температура и условия обжига для всех образцов разные.

№ 1496 — окраска черепка в изломе неоднородная, красного и серого цвета.¹

№ 569 — окраска черепка в изломе обугленного серого и в небольшой мере красного цвета.

№ 822 — окраска черепка в изломе однородного углистого черного цвета.

4. Поверхность плиток покрыта одноцветной глазурью.

№ 1496 — желтая матовая закристаллизовавшаяся глазурь.

№ 569 — зеленая матовая закристаллизовавшаяся глазурь.

№ 822 — зеленая полупрозрачная менее закристаллизовавшаяся глазурь.

На плитке 822 нанесен выпуклый натечный рисунок из глазури того же состава.

Группа Б (образцы № 855, 639).

1. Черепок плиток в изломе имеет однородную мелкозернистую структуру. Для изготовления плиток глиняное тесто имеет хорошую подготовку массы. Масса черепка плотная, слегка слоистая, крупных включений и пустот нет.

2. Оформление плитки:

№ 855 — (кусочек средней части плитки без боковых граней) толщина 25 мм; верхняя плоскость гладкая, нижняя — неровной отделки.

№ 639 — (маленький боковой кусочек плитки) толщина 20 мм, угол скоса граней небольшой.

¹ Серый цвет черепка зависит от условий обжига и получается при недостаточном доступе воздуха к обжигаемым изделиям. В этих условиях всегда присутствующие в глине органические вещества не могут полностью выгореть и остаются в теле черепка тонкораспределенным углем. В зависимости от условий обжига и количества присутствующих в глине органических веществ окраска черепка может получиться различных темных оттенков от серого до черного цвета.

3. Условия обжига образцов разные:

№ 855 — в изломе окраска черепка красного и серого цвета. Обуглероженный слой занимает почти всю толщину плитки.

№ 639 — в изломе окраска черепка однородного красного цвета.

4 Полива:

№ 855 — поверхность плитки красного цвета, глазури нет.

№ 639 — зеленая прозрачная глазурь.

Группа В (образцы № 1446, 1311, 1282, 945, 893, 613)

1. Черепок плиток в изломе имеет неоднородную структуру. Масса приготовлена из дробленой глины. Отощающего песка и крупных включений нет. Масса недостаточно промята, так как имеются небольшие внутренние трещинки, но пустот нет.

2. Качество всех образцов одинаковое, различаются внешней формой.

№ 1446 — толщина 27 мм, угол скоса одной боковой грани большой, другой — маленький.

№ 1311 — толщина 22 мм, угол скоса боковой грани прямой.

№ 1282, 945, 893 — толщина 21, 32, 26 мм, угол скоса боковой грани небольшой. Нижняя плоскость имеет бортик.

№ 613 — толщина 27 мм, угол скоса боковой грани большой. Нижняя плоскость имеет бортик.

3. Условия обжига плиток одинаковые. Окраска черепков в изломе равномерная, красновато-коричневого цвета. У № 893 и 613 окраска черепков в изломе серого, коричневого и красного цветов.

4.

№ 1446 — зеленовато-желтая матовая закристаллизовавшаяся глазурь с выпукло-натечными крупными темнозелеными пятнами.

№ 1311 и 613 — зеленовато-желтая матовая закристаллизовавшаяся глазурь с цеком.²

№ 945 и 893 — желтая матовая закристаллизовавшаяся глазурь.

Группа Г (образцы № 1411, 981, 907, 814, 806, 681, 643)

1. Черепок плиток в изломе имеет неоднородную структуру. Масса грубо подготовлена, плохо промята, имеет слоистость, внутренние трещины и пустоты. № 981, 907, 643 — состоят

² Цек — сетка мелких трещин на поверхности глазури.

из чистой глины. В № 1411, 814, 806, 681 присутствует небольшая добавка крупнозернистого кварцевого песка.

2.

№ 1411 — (маленький осколок) характерен глубоким боковым бортиком на тыльной стороне.

№ 981, 907, 814, 681 — толщина 28, 28, 23, 28 мм, боковые грани имеют большой угол скоса, нижняя плоскость имеет бортики.

№ 806, 643 (маленькие осколки) угол скоса боковых граней небольшой. Толщину плиток измерить нельзя.

3. Условия обжига плиток одинаковые. Окраска черепков в изломе равномерная, красновато-коричневого цвета. В № 1411, 681 имеется немного обуглероженный внутренний слой.

4.

№ 806 — желтая матовая закристаллизовавшаяся глазурь.

№ 981, 643 — желтовато-зеленая матовая закристаллизовавшаяся глазурь.

№ 907, 681 — зеленая матовая закристаллизовавшаяся глазурь.

№ 1411 — зеленая матовая глазурь другого оттенка.

№ 814 — без глазури.

Качество глазурей хорошее. На № 907 — глазурь отслаивается от черепка.

Группа Д (образцы № 1280, 1254, 1253, 941)

1. Черепок в изломе имеет неоднородную структуру. Масса грубо подготовлена из дробленой глины, плохо промята, имеет слоистость, внутренние трещины и пустоты; содержит землистую отощающую примесь и песок в небольшом количестве. Песок в массе образцов распределен неравномерно и в № 1253 отсутствует.

2.

№ 1253 — толщина 30 мм, угол скоса грани прямой.

№ 1280, 1254, 941 — толщина 28, 34, 40 мм, боковые грани имеют ровный, но небольшой угол скоса.

3. Окраска черепков в изломе неоднородная коричневатого-серого цвета. Черепки имеют горелый вид, так как в них, по видимому, добавлена земля

4.

№ 1254, 941 — покрыты были темной глазурью, которая вскипела и ошлаковалась.

№ 1280 — желтая матовая вскипевшая глазурь.

№ 1253 — без глазури.

По приведенным описаниям образцов, распределенных в группы, видно, что по внешним размерам и форме все образцы различаются по толщине, углу скоса боковой грани и наличию или отсутствию нижнего бортика. Более подробного описания внешней формы сделать нельзя, так как образцы в ряде случаев имеют весьма малый размер, а грубая техника плиток не позволяет надежно выявить сущность их различия. Поэтому группировка образцов произведена по структуре их черепка. Вот их сводная таблица:

рамике они почти не отмечены и являются забытым, но очень важным для практики, рецептом.

По внешней форме образцы почти все между собой различаются, а по структуре могут быть объединены в пять типовых групп. Эти вышеописанные группы характеризуют последовательное ухудшение качества плиток. Лучшее качество имеют плитки группы А и Б, среднее — В и низкое Г и Д. Тщательность подготовки массы для формования соответствует качеству плиток.

Группа	Подготовка массы	Отощение песком	Структура черепка	Плотность массы	Путоты	Внутренн. трещины	Слоистость	Условия обжига
А	удовл.	есть	однородн мелкозернистая	плотная	нет	нет	нет	разные
Б	удовл.	есть	однородн. мелкозернистая	плотная	нет	нет	незнач	разные
В	неудовлетвор	нет	неоднородная дробленая глина	плотная	нет	есть	нет	одинаковые
Г	грубая	есть	однородная мелкозернистая	нет	есть	есть	есть	одинаковые
Д	грубая	песок и глина	неоднородная дробленая глина	нет	есть	есть	есть	одинаковые

■

В результате проделанного анализа образцов половых плиток из раскопок детинца XII в. во Владимире можно сделать следующие выводы.

Плитки имеют гладкую наружную плоскость без и с одноцветной глазурью желтого, зеленовато-желтого и зеленого цвета. На некоторых из них нанесен рельефный натечный рисунок из зеленой (или белой в образцах 1936 г.) глазури. Качество глазури хорошее: они прочно держатся на черепке, имеют хороший разлив и нет цека (исключение составляют образцы № 1282 и 907). Состав глазури без красителя неодинаковый, так они могут быть матовыми, т. е. полностью закристаллизовавшимися и полупрозрачными. Высокая кристаллизационная способность глазури является в данном случае весьма положительным свойством, так как они сохраняют свой цвет на основном красном черепке. Кроме того, такие глазури являются более стойкими к динамическому воздействию, например для живой силы удара падающего тела.

Химический состав глазури требует их анализа. Понятно, глазури представляют собой легко кристаллизующийся, известковистый, эвтектического состава легкоплавкий алюмосиликат. Такого состава глазури представляют собой большую ценность для простой глины; в современной литературе по ке-

Различные углы скоса граней на образце № 1446, следы обработки граней ножом (№ 822, 639, 189) и расплывчатая неровная бугристая поверхность граней (№ 1496, 1282 и 814) заставляют предполагать, что эти плитки изготовлялись без применения формы. Это предположение нельзя обобщать на все образцы: часть плиток могла быть изготовлена в формах, но, по видимому, формовка была различной как с применением формы, так и без нее.

Конечная температура и условия обжига плиток также неодинаковы, они различны как для образцов в пределах одной группы, так и разных групп.

По структуре черепка можно утверждать, что плитки группы А, Б, В и Г изготовлялись из пластичного теста глины одного месторождения. Используемая для изготовления плиток глина имеет высокую пластичность. Об этом можно судить по образцам, содержащим наибольшее количество отощающего песка, так как они имеют заметные искривления, разрывы и прочие дефекты формы, что свойственно для обожженной высокопластичной глины. В некоторых образцах отчетливо видны крупные зерна кварцевого песка, неравномерно распределенные в массе, что заставляет считать отощение глиняной массы искусственным. Для образцов группы В наличие отощения глины песком внешне незаметно, и понижение пластичных свойств

глины достигнуто ее грубым дроблением в сухом состоянии. В результате этого приема в массе черепка видны крупные комочки глины.

Образцы группы Д своей ошлакованной верхней плоскостью и землистой грубой структурой черепка сильно отличаются от всех других образцов. Этот характер плиток — результат отощения глины землей, хотя в тех же образцах присутствует (повидимому в небольшом количестве) и песок. Процесс изготовления плиток группы Д можно предположить в следующем виде. Для понижения пластичных свойств глины отощение ее песком было произведено недостаточно и было компенсировано введением в глину жирной земли. Приготовление глиняной массы, повидимому, производилось следующим образом: свежесдобытая глина раздроблялась на мелкие куски и перемешивалась с песком и землей. В дальнейшем из промятой увлажненной массы формовались плитки и после сушки на них наносился слой глазури. При обжиге, присутствующая в тесте земля начала выгорать с обильным выделением солей и газобразных продуктов разложения. Следствием этих процессов в обожженных плитках структура черепка получилась землистого вида, неплотная, с пустотами и трещинами, а глазурь вспеклась и ошлаковалась.

8

В итоге можно представить себе следующую картину условий изготовления половых плиток владимирскими мастерами XII в. Согласно сообщению Н. Н. Воронина, площадь пола надвратной церкви и галереи вокруг нее, покрытая плитками, равна приблизительно 100 м². На такую площадь, принимая размер плитки — 17 × 17 см, судя по одному имеющемуся целому образцу, их надо 3460 штук.

Если бы ко времени постройки в городе существовала гончарная мастерская с маленьким горном емкостью 2—3 м³, то изготовление в ней 3460 плиток при четырех рабочих могло быть выполнено в 1,5 месяца. В этом случае все изготовленные плитки обязательно имели бы одинаковые размеры, формы и структуру массы черепка.

Однако различная форма, структура и условия обжига плиток показывают, что они

изготавливались разными лицами и не в одном месте. По качеству изготовления плиток видно, что не все эти лица в равной мере владели квалификацией профессионального гончара. Но это ремесло было всем знакомо, и они пользовались им для своих, быть может домашних, надобностей, например для изготовления горшков. Этим можно объяснить, например, тот факт, что среди изученных образцов имеются плитки, которые почти в полтора и даже два раза толще других. Профессионал-гончар за счет плохой подготовки массы для плиток никогда не стал бы формовать плитку толщины гораздо больше той, какая нужна, чтобы плитка выдержала пробу на удар, если на это нет особой необходимости.

Совершенно ясно, что при этих условиях выполнения работы ее продолжительность и количество затраченного труда будет больше. С другой стороны, нельзя объяснить изготовление толстых плиток плохим знанием ремесла, так как они покрыты достаточно хорошей глазурью. Выше было отмечено, что в ряде случаев плитки изготавливались, повидимому, без формы. Профессионал-гончар не стал бы работать без формы: на ее изготовление он затратит один час, и тем значительно повысит свою производительность, а также улучшит качество работы. Отсутствие формы показывает, что изготовление плиток для некоторых мастеров имело случайный и временный характер.

Ввиду малого количества изученных образцов нельзя даже предположительно определить число людей, принимавших участие в изготовлении плиток, но и по изученным образцам можно утверждать, что их во всяком случае было больше пяти (по количеству определенных групп). Трудно допустить мысль, что при работе в одном месте одной группы мастеров качество и условия работы были столь различны. Поскольку изготовление плиток производилось разными лицами и при разных условиях, то, повидимому, оно происходило в домашней обстановке, в семье, а обжиг плиток производился в русской печи. Различное качество плиток показывает, что каждая семья к выполнению работы отнеслась по-своему: некоторые семьи дали весьма недоброкачественную продукцию, внешне искусно прикрытую гладкой лицевой поверхностью плитки с хорошим разливом глазури (образцы группы Г). Таковы выводы, которые позволяют сделать изученный нами материал.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАН — Вестник Академии Наук СССР
ВГВ — Владимирские губерские ведомости
ВЕВ — Владимирские епархиальные ведомости
ГВГСК — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета.
ESA — *Eurasia septentrionalis antiqua*
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ИАК — Известия археологической комиссии
КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
МАР — Материалы по археологии России
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТАС-I — Труды I археологического съезда
ГВГСК — Труды Владимирского губернского статистического комитета
ГВУАК — Труды Владимирской ученой архивной комиссии
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова	7
I. Введение	7
II. Топография Чернигова	9
III. Черниговский некрополь	14
1. Общие сведения 14. 2. Курганы с погребениями в ямах без срубов 17. 3. Курганы со срубными гробницами 20. 4. Курганы с трупосожжением 22. 5. Курганы „Гульбище“, „Черная Могила“ и „Безымянный“ 24. 6. Выводы 51	
IV. Клады и случайные находки	53
V. Раскопки в Черниговском детище в 1946—1947 гг.	60
1. Общие данные 60. 2. Раскопки Благовещенского собора XII в. в 1878—1909 гг. 68. 3. Раскопки Благовещенского собора в 1946—1947 гг. 69. 4. Реконструкция восточной части Благовещенского собора 79. 5. Архитектурные формы и убранство 82. 6. Историко-культурные сопоставления 87	
<i>Приложения:</i>	
1. Князь Святослав Всеволодич	93
2. М. М. Герасимов. Реконструкция лица по черепу из гробницы № 4	99
Л. А. Голубева. Киевский некрополь	103
1. Вводные замечания 103. 2. Погребения с трупосожжением 105. 3. Погребения IX—X вв. в грунтовых могилах 106. 4. Погребения в срубных гробницах IX—X вв. 112. 5. Погребения конца X—XI вв. 115. 6. Погребения XI—начала XIII вв. 116. 7. Выводы 117	
А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде	119
1. Исторические данные о Славне 119. 2. Площадь раскопок 120. 3. Стратиграфия 122. 4. Сооружения 125. 5. Стена 1335 г. 132. 6. Погребения 136. 7. Массовый материал 137. 8. Отдельные находки: изделия из глины 139, изделия из стекла 139, изделия из камня 140, изделия из кости 142, изделия из дерева 144, изделия из железа 145, изделия из свинца 147, изделия из меди 149. Выводы 151	
А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде	152
1. Исторические данные о Ярославовом Дворище 152. 2. Площадь раскопок 154, раскоп № 3 154, раскоп № 7 159. 3. Раскоп № 5 161, раскопы №№ 4, 6, 8, 9, 10 167. 4. Находки: массовый материал 170, изделия из глины 171, изделия из стекла 172, изделия из камня 172, изделия из кости 172, изделия из кожи 173, изделия из дерева 174, изделия из железа 174, изделия из свинца 175. Выводы 176	
Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле	177
1. Исторические сведения 177. 2. Разведка Стрелки 177. 3. Основной раскоп на Стрелке 182. 4. Хронология керамики 185. 5. Разведка собора 1215 г. 187. 6. Поселение на устье оврага „Медведица“ 188. 7. Выводы 191	

Н Н Ворони	Раскопки в Переславле Залесском .	193
	1. Исторические сведения 193. 2. Раскопки П С Савельева 1853 г. 193. 3. Раскопки у Спасского собора 195. 4. Находки 197. 5. Погребения в Спасском соборе 199. 6. К архитектурной характеристике Спасского собора 200	
Н Н Воронин	Оборонительные сооружения Владимира XII в	203
	Вводные замечания	203
I	Золотые ворота	203
	1. Золотые ворота в науке XIX в. 203. 2. Исторические данные 204. 3. Архитектурная история памятника 206. 4. Описание памятника 207. 5. Вопрос о верхе Золотых ворот 209. 6. Выводы 213	
II	Владимирский детинец	215
	1. Местоположение детинца по данным источников 215. 2. Раскопки детинца в 1936—1937 гг. 217. 3. Надвратная церковь 223. 4. Находки 229. 5. Участок двора детинца 233	
	<i>Приложение:</i>	
Б А Александровский	Поливные половые плитки из раскопок детинца во Владимире	239
	Список сокращений	244